НА СУШЕ И НА МОРЕ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

1975 *

ПОВЕСТИ
*
РАССКАЗЫ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ *ФАНТАСТИКА

ОЧЕРКИ
*
СТАТЬИ

НА СУШЕ И НА МОРЕ*

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1975

Р 2
Н 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художников Г. А. КЛОДТА и Е. Г. КЛОДТА

Н $\frac{20901-038}{004(01)-75}$ 179-75

ПУТЕШЕСТВИЯ *
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЮРИЙ СКВОРЦОВ

БУДНИ САЯНСКОЙ СТРОЙКИ

Очерк

Не везло, не удавалось увидеть мне самое начало...

Когда впервые приехал я на Братскую ГЭС, то застал там уже укладку бетона. Уже перегорожена была Ангара толстой монолитной стеной — зубчатой, как крепостное ограждение. Краны ростом чуть не с Эйфелеву башню подавали металлическими руками бетон на гребень этой стены, и она, поднимаясь, быстро выравнивалась, но всего на час, на два. А потом снова на плотине где-нибудь появлялся тупой бетонный уступ. То, что увидел я в Братске, можно было назвать уже буднями стройки — с налаженным ритмом, четкой очередностью дел, торопливой внешне, но в действительности спокойной, размеренной работой.

На Красноярскую ГЭС попал я в день перекрытия реки. Колонны грузовиков неслись к прорану, как в бой, и, дрожа от натуги железными кузовами, «выстреливали» в воду многотонными октаэдрами. Бомбами плюхались они в Енисей, поднимая гигантские фонтаны. К полудню несколько бетонных треугольников уже торчали из воды на середине реки, а с берегов неслось тысячеголосое «Ура!». Люди обнимали друг друга, смеялись, кричали, аплодировали. Это был финиш многолетней работы, самого трудного этапа стройки — от «нуля» до перекрытия реки.

И уже стал подумывать я, что так, наверное, и не доведется мне увидеть, как же начинаются ГЭС, с чего, с какого дела? И какие люди начинают такие вот гигантские стройки, которые без преувеличения называют великими? Ибо нет пока на земле более грандиозных сооружений, чем плотины на главных сибирских реках.

И все-таки повезло, посчастливилось мне увидеть самое начало. Увидеть первые муки и первые радости рождения гигантской гидростройки. Когда через несколько лет самая мощная в мире Саянская ГЭС будет построена и бетонная арка высотой в двести

с лишним метров перегородит Енисей и когда там, в центре Саян, тревожные дни и бессонные ночи, неистовая усталость рук и отчаянная дерзость надежды, улыбки и слезы, рев моторов и песни, когда все это уже окажется позади, я буду истинно счастлив, что видел, как все это начиналось...

Ох как трудно было десять лет назад добираться к месту будущей стройки!

От города Абакана до поселка Майна — сто километров по буро-желтой, выжженной солнцем, пустынной, никогда не паханной степи — шла заброшенная грунтовая дорога, разбитая вдрызг, вытряхивающая душу каждой своей твердой как камень колдобиной.

Шофер газика сначала крепился, сурово стиснув зубы, молчал, дабы показать, что ему, местному, эти испытания привычны. Но километров через сорок и он зачертыхался, а немного погодя вдруг размечтался:

— Ничего, товарищи, отмучаемся скоро! Через год здесь главная трасса стройки пройдет, асфальт будет. Полтора часа — и на месте! Здорово будет, верно ведь, а?

Но у нас, пассажиров, хватило сил лишь промычать что-то утвердительное в ответ. Радужная перспектива на следующий год не очень-то помогала терпеть сиюминутные муки.

Наконец на горизонте проступила синяя гряда гор. И это означало, что скоро мы все же доберемся до берега Енисея, в Майну — штаб будущей стройки.

Майна оказалась обычным сибирским поселком: рубленые дома, глухие заборы, высокие поленницы дров. Едва приехали, выяснилось, что никакого штаба стройки еще нет, а есть лишь база геологов. И они пока единственные, кто связан здесь с будущей ГЭС. Но и геологи живут не в Майне, а в деревне Карлово. И до нее, до настоящего места будущей стройки, нужно еще двадцать километров плыть вверх по Енисею.

Десять лет прошло, а не могу я забыть ту поездку на катере вверх по великой сибирской реке от крошечного поселка Майна. Не видел я никогда больше такого величия гор, таких невероятных изгибов большой реки, не испытал потом ни разу такого душевного волнения, трепета, восторга от земной красоты.

Енисей, сжатый здесь с двух сторон угрюмыми, грозными горами, неистово петлял между ними, и с катера все время казалось, что нет реке впереди прохода. И течет она нам навстречу, выныривая из-под основания гор, из пробитых в них неизвестным, волшебным образом тоннелей. Катер стремительно несся прямо на какую-нибудь скалу, только в трех-четырех метрах от нее делал резкий поворот, а впереди открывался еще один коротенький отрезок реки. И снова высоченная скала закрывала нам дорогу.

Горы вели над нашими головами медленный хоровод, и казалось, что мы попали в гигантский лабиринт, из которого нет дороги ни вперед, ни назад. И утесы только из-за величественности своей и строгости не смеются над нами своими громоподобными басами, а молча наблюдают, как мечемся мы у их подножий, крошечные, суетливые, наивно полагающие, что все же найдем выход.

Но вот, протиснувшись в который раз в узкий проход между скалами, катер вырвался на относительный простор — горы отступили на сорок — пятьдесят метров от берегов, и на песчаной отмели слева показался десяток изб и цепочка огоньков у самой воды, у бревенчатого причала.

— Карлово! — сказал моторист.— Вон там, за последними домами и встанет плотина.

Я посмотрел в том направлении и увидел узкое пространство между двух гор, которые, сжав реку, тянулись друг к другу своими могучими боками.

Но только следующим утром, когда солнце поднялось высоко и разогнало темноту ущелья, разглядел я как следует эти горы, между которыми должна встать плотина.

Гора слева оказалась с довольно пологим склоном, сплошь покрытым тайгой, еще не тронутой людьми. Потребовалось усилие воображения, чтобы представить эту гору уже в «рабочем состоянии» — изрезанной дорогами, очищенной от верхнего слоя земли до голого камня. Плотина (я уже знал к тому времени об этом, побывав на нескольких гидростройках) должна всей своей тяжестью опереться на скалу и схватиться, слиться с ней намертво, на века. Но почти у самой вершины горы я все же разглядел первый след пребывания здесь людей, первую их метку — белый столб, показывающий, что именно на ту высоту и поднимется стена плотины, что там, почти у облаков, пройдет ее гребень.

Гора на другом берегу была совсем иной. Не полого, а обрывисто спускалась она к Енисею, даже нависала над ним своим шершавым каменным боком. Складки гранита, его трещины, его гладкие обнаженные плоскости создавали впечатление неприступного грозного бастиона, к которому и приблизиться-то боязно. Но даже издали было видно, что штурм его уже начался: скалу облепили белые деревянные лестницы, какие-то трубы и провода тянулись снизу вверх и у самой вершины пропадали в ветвях крошечных сосенок и берез. Оттуда, с вершины, доносилось глухое тарахтение моторов, а иногда и отрывистые голоса. И хотя людей не было видно с этого берега реки, белые лестницы, тарахтение моторов и голоса — все свидетельствовало о том, что сооружение ГЭС фактически началось...

— Вы не из Гидропроекта?

Я обернулся. Рядом стоял паренек в потертой брезентовой робе. Я не слышал, как он подошел: вязкий прибрежный песок скрадывал звуки шагов.

Я сказал, что приехал писать о стройке. И паренек сразу же, не дожидаясь моей просьбы, заметив, вероятно, что я уже давно разглядываю противоположный берег, стал объяснять, что там сейчас делается.

Оказывается, и лестницы, и провода, и трубы — «всю эту цивилизацию сотворили рабочие». Они пробивают в горе штольни метров на тридцать — сорок вглубь, чтобы узнать, нет ли в горе пустот или значительных трещин, ибо гора в этом случае может не выдержать тяжести плотины. Еще он объяснил мне, что кроме рабочих «вкалывают» там, на горе, они, геологи. Составляют подробное внешнее описание всех выступов и впадин. И делают они это, «целыми днями ползая на брюхе», для инженеров из Гидропроекта, которые затем начнут прикидывать, где и как лучше проложить по горе дороги и где установить электроопоры. И еще он сообщил, как бы между прочим, но не без тайной гордости, что они, геологи, тут уже второй «сезон», когда пришли сюда, рабочих еще и в помине не было, и стройку, само собой разумеется, начали они. Как, впрочем, и всюду. Такая уж у них, геологов, специальность — все начинать!

Я слушал паренька и думал о том, что он, не подозревая об этом, подсказывает мне, с чего и с кого начинать очерк об этой стройке и ее людях. Конечно, с геологов!

У причала затарахтел лодочный мотор. Прогревали двигатель.

— Ну, мне пора лезть в гору! — сказал паренек и стал прощаться.

— Может быть, возьмете меня с собой? — спросил я.

— Поехали! Вон и напарник спешит, сейчас тронемся!

К пристани подбежал парень в такой же брезентовой робе, бородатый, в руке он держал огромный альбом, какие обычно носят художники.

Знакомиться мы стали уже в лодке, когда отошла она от пристани и двинулась наискось против течения. Подвесной мотор пискливо завыл от натуги, в борт лодки тяжело, будто кулаками, забарабанили сильные речные струи.

Первого паренька, с которым разговорились мы на берегу, звали Лев Козловский, второго (я сразу же окрестил его для себя «художником») — Геннадий Комиссаров. Оба с кафедры геологии Московского университета. Окончили геологический факультет и остались в университете для «деятельности на научном поприще».

Разговорчивыми оказались мои спутники. Через пять минут я уже знал, что Гена Комиссаров только благодаря гимнастике по методу йогов «сейчас в силе», хотя еще три года назад считался на факультете тщедушным. Это сообщил мне Лев, лукаво поглядывая на друга. А потом они поменялись ролями, и я узнал от Геннадия, что Лев, конечно, геолог неплохой, но, увы, невезучий. Не так давно, лазая по окрестным горам, сломал ногу, и пришлось, чтобы хоть как-то утешить его, назвать эту гору «пи-

ком Козловского». Но в официальные карты это название, увы, не войдет: в честь «инвалидов» горы не называют.

Вот так и подтрунивали друг над другом оба геолога, пока мы переправлялись на левый берег Енисея. Чем ближе подходили мы к горе, тем все грознее нависали над нами ее темно-коричневые глыбы, тем все более неприступной и мрачной становилась она. Вода совсем потемнела у ее подножия, и холодом пахну́ло на нас, словно приблизились мы к входу в подземелье.

Мы причалили к белой дощатой лестнице. Лодочник ухватился за нее рукой и помог нам взобраться на нижние широкие ступеньки.

— Когда встречать вас? — спросил он.

Лев немного подумал:

— Часа в четыре. Как солнце зайдет!

Оттолкнув ногой лодку, он первым полез по ступеням вверх.

Широкая, с перилами лестница быстро кончилась. Выше вела уже почти вертикальная, без всяких перил. Пришлось обеими руками крепко держаться за нее, как можно ближе прижимаясь к ней грудью.

Геннадий привязал к альбому шнурок, повесил его себе на шею и, забросив альбом, словно рюкзак, за спину, бодро перебирал руками и ногами впереди меня. Лев, страхуя новичка, лез сзади.

Гена давал мне на ходу необходимые инструкции, как вести себя, когда сойдем с лестницы:

— Ногу надо ставить на скалу плавно,— говорил он, не оборачиваясь.— И опираться на нее не сразу, медленно: вдруг камень пошатнется. Убирать ногу тоже надо плавно: можете камень сдвинуть, он покатится вниз, тогда Лев получит такой удар, что со страху сломает себе ногу еще раз!

— Эй, там, наверху, полегче на поворотах! — раздался голос Льва.

— Это я к примеру, Левушка, ты не сердись! — хмыкнул Геннадий.— Так вот, продолжаю. Это, кстати, очень серьезно. Если, не дай бог, сорветесь, старайтесь из любого положения вывернуться на спину и чуть согнуться, пусть мягкое место страдает, зато голова будет цела. Метод проверенный, тысячи раз испытанный. Ноги при этом ставьте шире: авось зацепитесь за какой-нибудь куст...

Честно говоря, советы Геннадия резко поубавили мой энтузиазм. Я с опаской посмотрел вниз... Голая вертикальная скала, а на самом дне обрыва, прямо подо мной,— поросший мхом острый валун.

— Вниз смотреть не надо! — слышу голос Геннадия.— В горах нужно смотреть все время вверх и опасность ждать главным образом оттуда. Наконец, последнее — самое основное...

Узнай об этом «основном» не на лестнице, уже высоко над землей, а еще там, на берегу, я вряд ли пустился бы в это путе-

шествие. Оказывается, на горе камнепады происходят чуть ли не каждый час. Рабочие вынуждены сбрасывать вниз из штолен гранитную породу, иначе она закроет им все входы в штольни. Правда, перед сбросом рабочие включают предупредительную сирену. Через минуту начинается камнепад.

— Услышите сирену,— говорит Геннадий,— бросайтесь к первому же толстому дереву и прижимайтесь к нему. Пока все камни не пролетят, не шевелиться. Ну вот и все инструкции. Выходим на «участок».

И он, оттолкнувшись от лестницы, сделал большой прыжок вправо и уцепился за выступ в камнях. Повисел несколько секунд на одних руках, нащупал какие-то углубления для ног, встал, обернулся ко мне:

— Смелее, тут много трещин, есть за что ухватиться!

Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру. Потребовалось время (наверное, с минуту), чтобы я перевел дух и обрел способность смотреть по сторонам. Лев куда-то исчез. Его голос раздался далеко в стороне:

— Геннадий! Бросай рулетку!

— Ты на том же месте, где остановились вчера?

— Ну да! Пятый квадрат!

— Лови!

Блестящий металлический диск рулетки полетел вправо, в заросли кустов. В воздухе змейкой сверкнула разматывающаяся лента.

— Тринадцать метров триста! — снова раздался голос Льва.

— Теперь возьми чуть выше!

Наконец я увидел Льва. Он появился из кустов, сжимая в левой руке рулетку, а правой нащупывая, за что ухватиться. Нашел, подтянулся, встал. Затем сделал еще шаг вверх, еще... Рулетка медленно разматывалась, серебристая ленточка ползла по камням и тихонько позванивала, цеплялась за выступы.

— Семнадцать метров семьсот!

— Хорошо, запомнил! — громко сказал Геннадий.— Записать пока не могу: тут надо держаться двумя руками. Давай, поднимайся еще! И мы тоже!

«Теперь я окажусь замыкающим»,— с тревогой подумал я. Но не угадал. Лев подождал, пока я поднимусь к нему, затем передвинусь повыше. Он снова страховал меня. И не только страховал — вел!

— Правее вас корень, видите? Беритесь за него, должен выдержать. Так! Теперь левее — беритесь за низ куста. Верно! Сейчас передохнем...

Голая скала кончилась, мы выбрались на небольшую, но довольно пологую площадку. Две или три березы росли здесь, неизвестно за что уцепившись корнями.

Сели покурить. Геннадий положил на колени альбом, раскрыл, стал что-то записывать в него. Вокруг была удивительная тиши-

на — тугая, звенящая, какая бывает только на большой высоте. Цепи гор, тянувшиеся до горизонта, белые перья облаков, синевато-серебряный блеск реки — все виделось отсюда резко, четко, словно не было вокруг воздуха, его густоты, его дрожащей, переливающейся дымки.

...Какой-то шелест — тихий, ласковый — послышался за нашими спинами.

— Камни! — закричал Геннадий и резко дернул меня за рукав. Я молниеносно вскочил.

— Вон за то дерево, быстро!

Он сильно толкнул меня к толстому стволу березы.

— Вот черт, проворонили сирену!

Шелест превратился в рев. Кусты в нескольких метрах от нас заворочались, закачались, словно от сильного порыва ветра, и оттуда прямо на нас брызнул поток мелких камней.

Я прижался грудью к стволу березы.

Словно дробью выстрелили в нее: десятки мелких камней ударились о ствол и, отскочив, понеслись дальше. И вот уже зацокали, забарабанили где-то глубоко внизу.

Наступила тишина.

Я обернулся к Геннадию. Он стоял неподалеку, как и я, прижавшись к дереву. Еще чуть дальше, за большим валуном, лежал Лев. Он помахал мне рукой. Я ответил тем же.

— Не шевелитесь! — закричал Геннадий.— Сейчас...

Но последних его слов я уже не смог разобрать.

С грохотом, с треском ломаемых веток на нас неслись сверху гранитные валуны. Я инстинктивно закрыл глаза и почувствовал, как тяжелый камень с огромной силой ударил в ствол березы. Она вздрогнула, на меня посыпались сверху сухие ветки и листья. Но береза выдержала. Камень уперся в нее и, не переломив, замер.

Внизу гремел настоящий гром, слышались тяжелые всплески воды.

И снова стало тихо.

— Отбой! — скомандовал Геннадий и шагнул ко мне.— Целы? Царапин, ушибов нет?

— Нет вроде. Только звенит в ушах.

— Это сейчас пройдет.

Подошел Лев, протянул сигарету.

— С боевым крещением вас! Мы-то привыкли, по пять раз на дню эти бомбежки переживаем.

Минут через десять, покурив и придя в себя, мы снова двинулись «обмерять» гору.

В четыре часа, валясь от усталости, плюхнулись мы наконец в уже поджидавший нас катер.

— Укатали мы вас за день,— смеется Лев.— Но вы сами напросились!

— Ничего, будет о чем писать!

— О героизме геологов?

— Ну, о героизме — это, наверное, слишком. А вот о том, что работа у вас трудная,— это точно.

— Мы привыкли! Второй сезон здесь. Все знакомо.

— Сегодня было трудно?

— Да, пожалуй!

Катерок разворачивается и берет курс на деревню Карлово.

Вечером после ужина сидим в натопленной избе, пьем плиточный чай, слушаем репортаж о футбольном матче. Лев учит меня сворачивать «козью ножку». Я впервые в жизни пробую курить махорку, кашляю, задыхаюсь, но чувствую и какую-то радость, может быть, оттого, что интересно прожил этот день, что сам стал хоть чуточку геологом, приобщился к тем, кто дает начало стройке.

— А вы когда-нибудь смотрели на Луну в теодолит? — вдруг спрашивает Лев.— Хотите посмотреть? Это интересно!

Мы выходим из избы. Тихая, звездная ночь. Урчит, перекатываясь где-то по камням, Енисей. В распадке гор, тех самых, что должна соединить плотина,— оранжевый круг Луны.

Лев устанавливает на деревянной треноге теодолит, нацеливает его на оранжевый диск.

— Смотрите!

Прикладываюсь глазом к холодному окуляру. Но вероятно, я задел ногой за треногу и чуть сместил «подзорную трубу». В окуляре не Луна, а тот самый столб, что установили на вершине горы, в том месте, где будет гребень плотины.

Столб этот, увеличенный линзами во много раз, сейчас огромен, как стела.

Стела в честь теперешних и будущих строителей ГЭС.

Сколько раз впоследствии приезжал я сюда! От прежней деревеньки Карлово всего один дом остался, да и тот перестроили, переоборудовали под рабочую столовую.

От поселка Майна до места стройки уже давно никто не добирается водой на катере. По берегу проложили, обтесав горы, извилистое, но широкое бетонированное шоссе, а параллельно ему еще и железнодорожную ветку. Через Енисей перекинулся мост — солидный, красивый. Чем-то он напоминает Крымский в Москве. Вероятно, ажурными фермами, легкостью и четкостью металлических конструкций.

Геологов я больше не встречал на стройке. Где сейчас Геннадий и Лев, не знаю. Но наверное, тут же, в Сибири, «дают старт» новой ГЭС. Столб тот на вершине горы по-прежнему существует, показывая всем, где пройдет гребень Саянской плотины. Он стал своеобразной достопримечательностью стройки, его демонстрируют всем новичкам и экскурсантам.

Да-да, на стройку уже приезжают экскурсанты. Их водят по котловану, и они восторженно смотрят на огромную бетонную

стену, которая вырастает из центра котлована, прямо из бывшего енисейского дна. Но это еще не плотина, это всего лишь водоразборная перемычка.

Осматривают экскурсанты и новый город — Черемушки, который сейчас возводится в трех километрах от котлована, в небольшой долине на левом берегу Енисея. Возводится он из блоков и панелей, вырастают дома с полным городским сервисом.

Показывают экскурсантам и поселок Майну. Он хоть и деревянный в основном, но ничего общего со старой Майной не имеет: прямые улицы, вереницы двухэтажных общежитий (каждое окрашено в яркий цвет), большой клуб, новая гостиница с зимним садиком в вестибюле, современные магазины со стеклянными витринами во всю стену.

Майна так разрослась, что пришлось ей обзавестись собственным автобусным сообщением: из конца в конец пешком уже идти долго.

И Черемушки и Майна — их еще официально не называют городами — стали сейчас самыми крупными поселками в Красноярском крае.

Но все это сейчас, сегодня...

А мне хочется вновь перенести читателя на несколько лет назад ...

Штурм Енисея на Саянской ГЭС официально начался 12 сентября 1968 года. В тот день в реку была сброшена первая бетонная глыба, на которой кто-то размашисто написал краской: «Идем на вы, Енисей!» Глыбу сбросили с «четвертака» — двадцатипятитонного самосвала. Управлял машиной Илья Кожура.

Когда шофер подвел свой «четвертак» к самой воде, люди, что стояли вдоль берега, растянувшись почти на целый километр, торжественно замерли. Было слышно только жужжание кинокамер. Кузов самосвала повис над Енисеем и стал медленно подниматься. Бетонная глыба в кузове дрогнула, тяжело заворочалась и покатилась вниз. Самосвал подбросило, словно орудие после залпа. Громкий всплеск перекрыли восторженные людские голоса. Это было первое торжество на стройке, первый ее праздник.

С того дня шофер Илья Кожура стал на Саянской ГЭС самым популярным человеком.

Шоферы на гидростройках всегда в особом почете. Кто, как не они, отсыпает долгими месяцами высокие земляные перемычки котлована, непрерывно, круглые сутки подвозит к кранам теплый, вязкий бетон? Кто, как не они, кидает свои машины в настоящий бой, когда нужно за несколько часов единым штурмом перекрыть, остановить реку? Шоферская слава и популярность на гидростройках заслужены долгим и нелегким трудом.

Но по традиции каждую гидростройку официально открывает один шофер, самый лучший. Саянскую ГЭС «открыл» Илья Ко-

жура. Даже внешне соответствовал он своему званию героя, кумира стройки. Природа наделила его почти двухметровым ростом и богатырским сложением. Коренной сибиряк, Кожура вобрал в себя черты истинно сибирской натуры: почти величественную неторопливость, этакое показное тугодумие, плавный, певучий говор с традиционными «однако» и «ну».

Разговаривать с Кожурой — великое испытание. Однажды я битый час засыпал его вопросами и в ответ слышал только «ну», «нет», «нормально», «хорошо». Застенчивости в нем оказалось тоже сверх меры.

— Живу, однако, хорошо,— говорил он,— жалоб не имею.

А жил тогда плохо, снимал угол, квартиру в новом доме получил позже, через год.

— Машина у меня тоже, однако, хорошая.

Я потом справлялся в гараже: оказалось, «четвертак» его ломался чаще других. Кожура сам выбрал себе машину похуже, чтобы другие, кто послабее, не мучались с бесконечными ремонтами. У такой махины, как «четвертак», одно колесо снять — надо, как мне сказали, полдня потом отдыхать.

Поскольку давать интервью Кожура был не мастак, я решил, что действовать надо как-то иначе. Мы разговаривали с ним однажды в обеденный перерыв у столовой. Выяснилось, что он сейчас возит камень из карьера. Я уговорил его взять меня с собой.

В кабину самосвала пришлось залезать по вертикальной лесенке, как на паровоз. Кабина огромная, но залез в нее Кожура — и стало тесновато.

Поехали.

Карьер оказался на крутом склоне горы. Как туда умудрился добраться экскаватор, неизвестно. Наверное, цеплялся ковшом за скалы и подтягивал сам себя. Площадочка около его гусениц — я разглядел еще снизу — с детскую песочницу. И сразу — глубокий обрыв.

— Это нам туда, к экскаватору лезть?

— А как же. Залезем!

Машину трясло как в лихорадке. Руль в руках Кожуры бился почти в истерике — вправо, влево. Наконец мы уткнулись мотором в гусеницы экскаватора.

— Теперь разворачиваться будем,— сказал Кожура.

Он взялся за дело, и настроение у него сразу поднялось, разговаривать веселее стал.

Начали разворачиваться. Метр вперед — метр назад. Наконец повисли прямо над пропастью. Внизу ели, как пики, ощетинились своими острыми верхушками.

Кожура выключил мотор.

— Ну вот и все.

— Застряли?

— Зачем застряли? Загружаться будем.

Он высунулся из кабины, махнул рукой экскаваторщику и захлопнул дверцу.

— Не пугайтесь: сейчас грохнет сильно. Первый ковш пойдет.

Действительно, как молотом по крыше ударило. Машину подбросило и грузно закачало на рессорах.

Потом снова ударило сверху молотом. И еще раз. Я прямо собственной спиной почувствовал: невероятная тяжесть легла к нам в кузов. Тяжесть гранита.

Кожура все не включал мотор, чего-то ждал. Наконец высунулся из кабины, крикнул экскаваторщику:

— Эй, еще ковш давай! Забыл? — И уже мне пояснил: — Я по четыре ковша вожу. Другие ребята — по три. Вот он по привычке и мне три кидает. Новенький экскаваторщик, второй день работает.

Насыпали нам еще ковш. Кожура завел мотор. И начали мы пятиться назад, от обрыва. Опять руль до отказа влево, потом до отказа вправо. Метр вперед — метр назад. Эквилибристика какая-то, цирковой номер. Только из тех, что не под музыку, а под барабанную дробь исполняются, особой сложности.

Кожура взмок весь. Скинул ватник, бросил под сиденье. Наконец из-под мотора дорога нырнула вниз. Мы оба вздохнули с облегчением.

— Ну и работа у вас!

Смеется, хитровато поблескивая глазами:

— А что? Однако, нормальная работа. Знаете, чем только плоха? Штанов не напасешься. Поелозишь вот так по сиденью дня три-четыре — и готово, дыры. Неси жене на починку. Этим, конечно, плохо. А так чего же, нормальная работа.

Я ездил с ним до конца смены. Девять раз вверх и столько же вниз, к Енисею, где уже начали отсыпать продольную перемычку котлована.

Кое-что Кожура все же рассказал о себе.

Удивительным он оказался человеком. Вот есть, к примеру, любители острых ощущений, им постоянная опасность нужна, риск. Илья Кожура в своей жизни не опасностей искал — трудностей.

Был он колхозным шофером. Но вот узнал, что начали прокладывать через тайгу и горы железную дорогу Абакан — Тайшет, что требуются там сильные парни, и отправился туда. Водил машину по самым непроходимым местам. Все знали: если «засел» трактор, это еще не значит, что тут не пройдет машина Кожуры. На особо опасных участках только ему и доверяли перевозить людей. Ушел со стройки, когда по новой трассе пошли железнодорожные составы.

Казалось бы, мог теперь отдохнуть, хоть на время найти работу полегче, поспокойнее. Илья Кожура одним из первых приехал на Саянскую ГЭС. К самому началу, к самой тяжелой работе.

Между прочим, двадцатипятитонный самосвал он до этого никогда не водил. Не было у него такой возможности на трассе. Здесь еле дождался сесть за руль, по такой машине давно «чесались руки».

Люди, которым чем труднее, тем веселее на душе, не только самые счастливые, но и самые полезные всюду. Вот почему и в Майне оказался Илья Кожура на виду. И именно ему доверили официально открыть стройку.

После этого торжественного дня Кожура вместе с другими шоферами занялся отсыпкой перемычек котлована. Возил от карьеров к Енисею гальку, гранит, землю, то есть делал самую главную на стройке работу. Весной вода в реке поднялась выше предполагаемого уровня и стала просачиваться сквозь каменную насыпь в котлован. Это была неприятность, но все же не беда. В котлован притащили насосы, началась откачка.

Но однажды ночью объявили тревогу. Уровень воды в Енисее внезапно поднялся еще выше, и вода хлынула в котлован через каменную гряду. Надо было немедленно наращивать насыпь, хотя бы на метр.

Развернулась настоящая битва. Шоферы, не жалея машин, выжимали из них все возможное. Над стройкой повис рев моторов, тучи пыли закрыли даже верхушки гор. Двое суток непрерывной бешеной работы выдержали многие, трое суток — один Кожура.

После этой битвы партком ГЭС — всем на память, а новичкам в назидание — выпустил специальную листовку с рассказом о том, как отстояли котлован. Упомянут в рассказе и Кожура. Оказывается, ему предлагали сдать машину сменщику, уговаривали поспать хоть пару часов, ему наконец приказывали это сделать — он продолжал работать.

...После девятой «ездки» Илья подвел свой «четвертак» к гаражу: его рабочий день кончился. Я стал прощаться.

— Погодите, однако. Сейчас сдам машину, вместе поедем в Майну.

Через минуту он вернулся.

— Поезжайте. Мне надо остаться.

— Случилось что-нибудь?

— Сменщик на работу не вышел. Болеет все. Надо за него поработать.

— Еще целую смену?

Он кивнул головой.

— И давно вы так — по две смены?

— Да нет. Сменщик всего неделю болеет, может, дней десять. Ну, до свидания, счастливо!

И пошел назад, к своему самосвалу.

Впоследствии я узнал и еще одну историю, случившуюся с героем моего рассказа.

...Когда Кожура собрался уезжать из своей деревни на строительство дороги Абакан — Тайшет, вышел у него с односельчанами весьма крутой разговор. Не хотели его отпускать из колхоза: прекрасный, золотой работник — и вдруг увольняется! Пробовали уговаривать, убеждать — не помогало. И тогда в сердцах кто-то ему прямо в лицо и бросил:

— За длинным рублем, Илюша, подаешься! Но не будет тебе счастья. Вернешься, попросишься назад! Думаешь, «Волгу» в бегах наживешь? Не получится! С пустыми руками к нам вернешься!

Как Илья кулаки свои в карманах удержал, он и сам не знает. Но кулаки он тогда хоть и не пустил в ход, а слов ответных удержать не смог. И при всем народе поклялся: либо в деревню через несколько лет на собственной «Волге» въедет, либо никогда больше его здесь не увидят.

С тем и укатил.

Думаю, что обидчик его давно забыл о том случае, сам, возможно, куда-нибудь уехал. Но Илья все эти годы про свою клятву, данную сгоряча, помнил. Крепко помнил. Порой сам над собой смеялся: глупость сотворил, мальчишество настоящее. Но чаще думал с досадой, с решимостью: все равно сдержит слово. Он знал себя: самолюбие не даст покоя, если не выполнит он клятвы.

Мне он рассказал эту историю лишь потому, что случайно сам задел ее. Стал вдруг меня спрашивать: где легче купить машину — здесь или в Москве? Какие в столице очереди, сколько надо ждать?

— Копите деньги на «Волгу»? — поинтересовался я.

Он смутился:

— Да уже есть грóши — лежат, душу жгут! Победить в одном споре надо!

И рассказал про зарок, что дал когда-то в родной деревне.

Через два года, приехав снова на Саянскую ГЭС, я с Кожурой не встретился, не довелось, но про него расспрашивал. Сказали: работает, как прежде,— за троих. С начальством ругается, если оно, начальство, кого-нибудь из шоферов обидит. Купил ли себе машину? Купил «Волгу». Гараж около дома выстроил. Ездил ли на ней в отпуск в деревню? Нет, не ездил. На стройке как раз горячо было, так Илья отпуск прервал и раньше срока на работу вышел. Не догулял человек, не отдохнул по-настоящему...

Вот, собственно, и вся история. Незатейливая. Житейская. Но мне думается, еще одну грань натуры Ильи Кожуры она проявила. Кожура выиграл в споре, но не поддался до конца ни мелким страстям, ни мелким целям. Дело — вот что поставил он для себя главным.

Между прочим, на буфере его «четвертака» красуется крупная надпись: «Слава труду!» Надпись сделали к тому, первому празд-

нику, когда Илья Кожура сбрасывал в Енисей бетонную глыбу. Так надпись и осталась на его машине.

По заслугам.

Ну вот и сделал я небольшой экскурс в историю стройки, рассказал о том, кто ее начинал. Попытался нарисовать портрет одного из пяти тысяч человек, возводящих в центре Саян самую мощную в мире гидростанцию.

Пора перейти к проблемам этой стройки, не техническим, разумеется. Технические проблемы — дело инженеров. Меня же интересуют проблемы социально-нравственные.

Там, на Саянской стройке, я встречал главным образом людей горячих, одержимых делом. Людей, для которых работа — это их жизнь. Они не делят время на производственное и личное, не копят силу и энергию «для дома» и вообще мало говорят о себе, а о работе могут рассказывать бесконечно.

Повторяю: на Саянской стройке я встречал главным образом энтузиастов. И понятно почему.

Здесь работают добровольцы. Те, кто сами, по собственному желанию оставили где-то далеко свой дом, привычную работу, друзей, налаженный быт и приехали в «медвежий угол» создавать здесь новое чудо, претворять в жизнь то, что вошло в планы пятилетки одной из главных задач.

Саянская ГЭС возводится не для того, чтобы мощностью и масштабами своими удивить мир. Ее гигантская энергия нужна для освоения колоссального района Сибири, для превращения его в индустриальный, высокоразвитый.

Юг Красноярского края — это сейчас бескрайние холмистые степи, по которым гуляет «хакас» — ветер, несущий тучи пыли. Машины вынуждены останавливаться, если они захвачены этим ветром: в черной пурге невозможно различить дороги.

Юг Красноярского края — это горы, не тронутые еще человеком, хранящие огромные запасы мрамора. Рельеф долины Енисея — это по существу готовые площадки для возведения заводских корпусов и жилых кварталов городов.

И они в ближайшее время появятся тут — и заводы, и города: принято решение о создании Саянского промышленного комплекса.

На окраине Абакана уже вовсю развернулось строительство самого крупного в стране вагоностроительного завода. Металлические фермы его будущих цехов протянулись буквально на километры. Да и сам город Абакан шагнул навстречу этому объекту новым огромным районом, где будут жить вагоностроители.

Минусинск — древний, тихий городок — стал столицей изыскателей и проектировщиков: на пустынных полях вокруг города скоро начнется сооружение целого комплекса электротехнических предприятий.

В поселке Означенное уже дает продукцию мраморный завод.

Все эти и еще многие другие предприятия, новые города, поселки — все то, что в сумме и составит Саянский промышленный комплекс, будет питаться энергией Саянской ГЭС.

Она — основа будущего развития этого края.

Вот почему строители ГЭС работают с таким энтузиазмом, не жалеют собственных сил, нервов, времени. Они знают: Саянская ГЭС несет этому краю жизнь!

Я хочу рассказать о делах и проблемах еще одного гидростроителя — Владимира Тимофеевича Денисова. Довольно много времени я провел вместе с ним. Видел, как он работает и за что болеет душой. Я не возьму на себя смелость утверждать, что его проблемы самые главные, основные на стройке. Но мне кажется типичным то, как он эти проблемы решает, как он оценивает их, какой мерой.

На Саянской ГЭС Владимир Тимофеевич Денисов — человек известный. Он начальник огромного строительно-монтажного управления. У него просторный кабинет с длинным столом для заседаний. Но по-моему, он этот кабинет не любит. Может быть, потому, что редко бывает в нем. Если Денисов кому-нибудь нужен, его разыскивают не в управлении, а на самой стройке. Или на перекрестке дорог у моста. В течение дня его «газик», мотаясь с одного объекта на другой, раз двадцать через этот перекресток проскочит. И тогда поднимай руку — Денисов обязательно остановит машину.

Но познакомился я с Владимиром Тимофеевичем у него в кабинете — случайно застал. Попросил его рассказать, хотя бы очень коротко, чем занимается его управление, что строит. Он вышел из-за стола и повел меня в угол кабинета. Там оказался макет Черемушек — будущего города. Аккуратные коробочки домов стройными рядами поднимались от реки вверх, в горы. Там они нарушали свою стройность — образовывали то полукруг, то треугольник, то просто лепились к крутым лесистым склонам. И были в этом городе просторная площадь, стадион, бассейн, городской сад. Городок на макете — изящный, весь какой-то легкий, уютный, милый — показался мне в тот момент далекой, почти фантастической мечтой. За окнами ревели бульдозеры, пылила дорога, дальше виднелись низкие дощатые сараи, склады, вагончики-теплушки. А за ними — тайга, все еще угрюмая, глухая. Знал я уже, что почва в том самом месте, где должен встать город, болотистая. Копни на два метра вглубь — и лужицей проступит бурая, гнилая вода.

— На макете красиво! — сказал я Денисову.— А в жизни? Вы верите, что построите именно такой вот белый, легкий и изящный город?

— А зачем же мы тогда здесь? — спокойно, не обидевшись на мои слова, ответил Денисов.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на макет города. Легкая мечтательная улыбка появилась на его губах.

Он верил в этот город, в то, что он, Денисов, этот город построит. Начальник СМУ не слышал сейчас рева бульдозеров за окнами, не видел нагромождения сараев, складов, времянок. Он видел свой Белый Город.

Я потом не единожды в разные годы ездил вместе с ним по стройке. Денисов чаще всего был чем-то озабочен. Что-то у него не клеилось, он объяснял, ругался, давал нагоняи, но едва выпадала тихая минутка, вдруг замирал и вот так же, как тогда в кабинете, мечтательно смотрел на поднимающиеся уже дома города. И я еще не раз слышал от него знакомое: «А зачем же мы тогда здесь?»

Он жил мечтой. И только этой мечтой мерил все вокруг: и дела, и людей, и огорчения, и радости.

Наверное, без веры в большую мечту и не могут люди делать на земле большие дела.

Эти слова могут показаться банальными, но в них наша реальная жизнь.

...Той весной, когда познакомился я с Денисовым, он возводил в котловане ряжи. Из котлована тогда только-только откачали воду, но люди работали в резиновых сапогах, по колено в холодной — из снега и льда — жиже. Енисей не хотел отдавать людям без боя свою территорию, не хотел мириться с тем, что отняли у него почти половину его ширины и зажали в узкий коридор под скалой. И он постоянно просачивался в котлован через только что насыпанную, еще не спрессовавшуюся каменную перемычку.

Но это было лишь преддверием настоящей битвы. И люди знали это. Знали, что через месяц-два, когда начнется ледоход, Енисей даст генеральное сражение. Огромные льдины начнут днем и ночью таранить насыпь, и она может не выдержать: глыбы гранита развалятся, вода хлынет в котлован. Отстоять его смогут только ряжи — сооружения высотой в многоэтажный дом из толстых деревянных брусьев. Их надо возвести, обшить стальными листами, и тогда ряжи начнут крошить льдины, не давая им скапливаться около котлована.

И люди в котловане срочно возводили ряжи.

Денисов в те дни забыл про отдых. Заботы накладывались одна на другую: не хватало рабочих, техники. Каждое утро он первым делом ехал на котлован: что с ряжами? Он поднимался на эти ряжи и подолгу ходил вдоль брусчатой стены, осматривая, ощупывая ее руками. Затем тихонько постукивал по дереву носком сапога и снова прикладывал ладони к белой, пахнувшей смолой

стене. Денисов каждое утро совершал свое странное священнодействие, и я никак не мог понять его смысл.

Наконец, не выдержав, спросил. Ответ поразил меня. Денисов не шутил, он был совершенно серьезен:

— Зачем ощупываю ряжи? Прикидываю, сколько мне за них всыплют строгих выговоров и по какой статье уволят со стройки.

Оказалось, что проектировщики дали совершенно точные указания, какого сечения должны быть брусья для ряжей, какой длины, из какого дерева. И Денисов заказал именно такие брусья, какие требовались. Но на стройку пришли иные — тоньше, короче, из древесины другого сорта. К тому же и эта уменьшенная толщина брусьев оказалась не всегда выдержанной. Иные брусья еще больше утончались к середине или к концам.

Разумеется, можно было отказаться от присланной древесины, вернуть ее. Но это означало задержать укладку ряжей в котловане, поставить под угрозу всю стройку. Укладку ряжей нельзя было отложить ни на день, ни на час! Уже палило вовсю почти летнее солнце, и енисейский лед мог вскрыться в любую минуту.

Проектировщики заявили, что они снимают с себя всю ответственность за судьбу котлована, если ряжи будут построены из некондиционной древесины. Они составили соответствующий документ и дали его Денисову подписать.

Он подписал.

И отдал распоряжение укладывать ряжи, приняв всю ответственность на себя.

Это не было безумной, безотчетной смелостью. Владимир Тимофеевич несколько ночей просидел с логарифмической линейкой и определил, что ряжи даже из такой древесины должны выдержать.

Через несколько дней ему снова пришлось принять на себя немалую ответственность. Землечерпалки, которые чистили дно реки под ряжи, дошли до мерзлого грунта. Проектом это было предусмотрено, там говорилось, что лед должны убрать мощные экскаваторы. Денисов распорядился притащить в котлован эти машины. Их притащили к вечеру, и всю ночь они своими ковшами царапали многометровую толщу льда, но он не поддавался.

Денисов узнал об этом ранним утром, как всегда, первым делом приехав на котлован. Я видел, как он молча ходил вокруг экскаваторов, уже не работающих, бессильно, виновато опустивших свои ковши. Затем Денисов направился в прорабскую.

— Надо взрывать! — решительно сказал он прорабу.

Это был единственный выход из сложившегося положения. Мерзлые, ледяные глыбы могла разрушить только взрывчатка. Но она же могла разрушить и ряжи. Разнести их в щепки. Смести с лица земли. Что тогда делать? Начинать все сначала? Для этого тоже не было ни времени, ни людей, ни материалов.

— Надо взрывать! — решительно сказал Денисов прорабу.— Под мою ответственность!

Он уехал из котлована и не появлялся все то время, что бурили в котловане скважины для тола, прокладывали от лунки к лунке провода, уводили из котлована людей. Денисов не хотел в эти минуты волновать взрывников своим присутствием: они ведь и без него, Денисова, знали, что решился он на опаснейшее дело и что рассчитать взрыв до миллиметра невозможно, хотя и надо.

Но едва прозвучал в котловане взрыв, вздыбив к небу черное облако и громким эхом прокатившись по ущелью, едва улеглись, замерли на огромном пространстве снега и льда комья земли, увидел я «газик» Денисова. Обгоняя людей, первым промчался он в котлован. И когда все мы тоже прибежали туда, Владимир Тимофеевич уже ходил по белым брусьям ряжей, на которых не осела даже земля, так ювелирно был произведен взрыв. Счастливая улыбка светилась на его осунувшемся лице.

Через три недели Енисей вскрылся. Ряжи выдержали неистовый напор льда. Котлован устоял...

— Ну, что, провезти вас по городу?

— Конечно! Традиция есть традиция. Не будем ее нарушать!

— Хорошо, не будем!

Денисов рывком бросает свой «газик» с места и сразу же за складами и мастерскими сворачивает влево — к Черемушкам. Каждый раз, когда я приезжаю на стройку и встречаюсь с Денисовым, он везет меня показывать свой город, все то новое, что появилось в нем.

Узкая лесная дорога — будущая главная магистраль города — выводит на строительную площадку. Кучи развороченной земли, траншеи, огромные «катушки» кабеля. Но за ними — четыре белых пятиэтажных дома. В широких, городских (а здесь, в тайге, кажущихся просто удивительно, дерзко широких) окнах — яркие занавески, птичьи клетки, горшки с цветами. Во двориках — бегающая, горланящая детвора.

— Уже заселили?

Денисов довольно попыхивает папиросой.

— А чего ждать? Подвели горячую и холодную воду, включили отопление. Можно жить! Но не это главное, смотрите правее, вон магазин, видите?

Вижу каменный теремок. Довольно большой, но изящный, аккуратненький, какой-то лукавый даже. Хитро поблескивают оконца. Повстречай я его где-нибудь возле Сочи, подумал бы, что ресторан.

— Это магазин?

— Ну да! А облицовку узнаете? Мраморная крошка. С дороги собирали. Чуть не горстями носили, в ладонях!

Я вспомнил: когда прокладывали из Майны к котловану дорогу, в одном месте натолкнулись на мраморную жилу. Немного задели ее. Потом шоферы шутили: «По мраморной дороге ездим».

Значит, эту крошку Денисов и пустил в дело, нашел ей достойное применение.

Кстати сказать, «мраморная» дорога дала в свое время повод не только для шуток. Руководители строительства потом чуть не год писали во все инстанции оправдательные записки о том, что прокладка дороги ущерб запасам мрамора не нанесла, ничего страшного не произошло.

Тревогу из-за мрамора подняли сами строители: нельзя, мол, созидая одно богатство, одновременно транжирить другое. Дорогу можно было бы пустить и в обход мраморной жилы.

История с мрамором обсуждалась на производственных совещаниях и летучках, о мраморе шли жаркие споры в автобусах и магазинах, на страницах местной печати.

И хотя люди вскоре убедились, что серьезной ошибки управление строительством не совершило (ценным запасам мрамора ничего не угрожает), все равно отраден сам факт общественного внимания к проблемам сохранения окружающей среды.

На стройке установился неписаный, но строгий закон: если ты, роя котлован или прокладывая траншею, можешь не тронуть хоть одно дерево, сохрани его!

Мне рассказывали: одна бригада вдруг потребовала, чтобы от них убрали новичка. Этот парень сливал из бочек остатки мазута под сосны, что росли у склада.

Многочисленным экскурсантам, приезжающим на строительство ГЭС, наверняка бросается в глаза удивительно бережное отношение людей к природе. Вокруг гаражей и теплушек, вдоль дорог — нетронутая тайга.

Между прочим, заслуга здесь — и немалая — Владимира Тимофеевича Денисова. Но об этом чуть позже. А пока вернемся к «теремку».

— Кто же это разрешил вам такие «излишества» — теремок, да еще в мраморе? — спрашиваю я Денисова.

Владимир Тимофеевич хитровато поглядывает на меня:

— А мы ни у кого и не спрашивали разрешения. Исходили из другого. Почему люди в тайге должны жить по-таежному? Сейчас не двадцатые годы. Время брезентовых палаток давно кончилось, а вот «палаточная психология» кое у кого из начальства еще существует. Я строю город современный, точнее, город будущего. Деньги на жилье дают. Пожалуйста, строй! А остальное пусть подождет. А как, скажите, будут жить тут люди? Детского сада нет, ателье нет, прачечной нет, магазинов нет. Вы знаете, почему сейчас, к примеру, в Майну большой приток квалифицированных строителей с других строек? Да потому, что там детскую музыкальную школу открыли. Другие люди стали. Совсем другие!

И будь моя воля, я бы сначала здесь не дома, а кинотеатр построил, а потом уже дома. Или одновременно и театр и дома. А так, знаете, на какие хитрости приходится пускаться! Теремок — еще что. Поехали, промбазу посмотрим!

И «газик» снова сворачивает на таежную дорогу. Снова со всех сторон обступают нас деревья. Машина петляет между ними, ныряя под их широкие мохнатые ладони. По брезентовому верху «газика» скребут ветки. На ветровое стекло прилепился десяток мокрых листьев.

Денисов останавливает машину, выходит, чтобы очистить стекло. Я выхожу тоже.

— Мы едем по будущим улицам, Владимир Тимофеевич?

— По проспекту едем. По главной магистрали города!

— Сохранить бы ее вот такой!

— Попробуем. Поборемся за это!

Ох, как не хочется опять лезть в машину! И мы оба стоим, прислонившись спинами к дверцам «газика», молчим, наслаждаемся ласковым шепотом ветра в кронах, вдыхаем густой, настоенный на травах воздух, слушаем тишину.

Сквозь верхушки сосен видны горы. Они обступили нас со всех сторон — высокие, гордые. Прозрачные облачка нанизались на их пики и замерли, застыли на ярком зелено-голубом фоне.

Счастливые, истинно счастливые будут люди в этом городе. Что может быть лучше, естественнее, чем жить среди нетронутой, первозданной красоты? И не в избах жить, а в высоких белых домах с огромными окнами, сквозь которые видны небо, горы, большая река.

— К сожалению, нам пора,— тихо говорит Денисов.— Дела ждут. Поехали!

Снова садимся в машину — и через пять минут подъезжаем к промбазе.

Длинные корпуса — ангары. Вот гаражи — с мойками, ремонтными ямами, сложными механизмами для подъема двигателей, для снятия колес. Но Денисов ведет меня не в главный корпус, а в соседний, поменьше. Входим, и я останавливаюсь пораженный. Внутри ангара — кинотеатр. Широкий экран, ряды красных кресел. Металлические фермы под потолком затянуты материей. У кинотеатра очень, очень привлекательный вид.

— Думаете, держал бой с шоферами за это здание? — говорит Денисов.— Ничего подобного. Сами отдали. Потеснимся, мол, зато по вечерам будем фильмы смотреть. Тут другая трудность была — найти экран, проекционную аппаратуру, киномеханика.

— А сами-то вы ходите сюда фильмы смотреть? — спрашиваю я.

— На открытии был. А больше не получается.

Мы возвращаемся в управление. Через десять минут к Денисову должна прийти бригада электриков. Они хоть и не подчинены Денисову, но работают со строителями бок о бок, ведут по городу линию электропередач.

...Они вошли в кабинет всей бригадой, степенно расселись вдоль длинного стола для совещаний, ушанки положили на сво-

бодные стулья. Переглянулись: кому начинать? Начал бригадир — белокурый парень, пожалуй, самый молодой в бригаде. Заговорил медленно, с расстановкой, солидно:

— Обсудили мы вашу просьбу, Владимир Тимофеевич...— бригадир сделал паузу.

— Ну и что? — насторожился Денисов.

— Не можем мы ее уважить. Не выходит. Ответственность большая. Грубое нарушение проекта получится. А у нас свои контролеры есть, проверят — холку намылят, премии лишат.

— Т-а-а-к!

Денисов в сердцах бросил на стол авторучку.

— Испугались, значит? Побоялись ответственности? Ясно!

Он встал, подошел к макету города. Электрики все, как один, повернулись к нему, но остались сидеть за столом.

— Вы в этом городе жить не будете.— Денисов показал на макет.— Сделаете свое дело и уедете. Я тоже здесь жить не буду. Построим ГЭС — на новую стройку подадимся. Но о тех, кто здесь останется, думать нам всем надо. Ну, прорубите вы сейчас свою просеку — десять метров шириной — посередине города, по зеленой зоне. Поставите свои электроопоры — корявые, допотопные. Вы же изуродуете город! Эта ваша просека, как плешина, тридцать лет тут торчать будет. И не зарастет. Вы это-то хоть понимаете?

— Понимаем, Владимир Тимофеевич,— тихо, почти виновато сказал бригадир электриков и бессильно развел руками.— Но ведь проект!

— Я что вам идти на преступление предложил? Поломать все нормы? Делайте свою просеку, пожалуйста! Но ведите ее в обход города, по краю, где ее и видно-то не будет!

— Да ведь работы лишней сколько, Владимир Тимофеевич? — в голосе бригадира была почти мольба.— А нас только десять человек. Опять же, если вести в обход, значит, лишний кабель. А нам его впритык дали, по норме...

Денисов облегченно выдохнул.

— Так чего же темните? Проект, проект. Сразу не могли сказать? Поможем вам просеку прорубить. Дам людей. И кабель достану.

— Так это другое дело! — Бригадир электриков повеселел, переглянулся со своими ребятами. Те удовлетворенно закивали головами.— Другое дело, Владимир Тимофеевич! Мы завтра начинаем. Людей дадите, человек пять?

— Через неделю дам. Приступайте!

Электрики ушли. Денисов, чтобы не забыть, записал на календаре: «Пять человек, кабель» — и, довольный, закурил.

Я смотрел на Денисова и думал о том, что Саянской ГЭС, городу ее, людям очень и очень повезло, что работает тут такой вот человек. Хотя почему повезло? Что в этом сегодня редкого, удивительного? Денисов прав: «На то мы здесь и поставлены!»

Осенью тысяча девятьсот семьдесят пятого года на строительстве Саянской ГЭС произойдет событие, которое станет вехой в ее биографии. А может быть, и в биографии страны. Осенью семьдесят пятого года строители Саянской ГЭС должны будут перекрывать Енисей.

Газеты расскажут об этом событии на первых полосах. И поместят большие фотографии. И в заголовках будут такие слова, как «самоотверженность», «энтузиазм», «трудовой подвиг».

Но трудовые подвиги люди, как правило, не совершают в один день. Они, эти подвиги, растворены в долгих, порой изнурительных повседневных буднях.

О трудовых буднях строителей Саянской ГЭС я и хотел рассказать.

ОБ АВТОРЕ

Скворцов Юрий Иосифович. Родился в 1938 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов СССР. Работает заведующим отделом литературы и искусства газеты «Труд». В качестве корреспондента газеты побывал во многих районах нашей страны. Автор многих статей и очерков в периодической печати. В 1973 году вышел в свет сборник его очерков о наших современниках «Пламя души» (Политиздат). В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над книгой о строителях Саянской ГЭС.

ВЛАДИМИР ТОЛМАСОВ

ОСТРОВА ЛЕГЕНДАРНЫХ СОКРОВИЩ

Очерк

Тупоносая судовая шлюпка, подгоняемая волной, вынеслась на узкий песчаный пляж. Под ее килем взвизгнул мельчайший коралловый песок, хрустнули пустые раковины моллюсков. Шлюпка замерла, тяжело накренившись; от нее неторопливо отползала гигантская черепаха.

Солнце отвесно падало за горизонт, слышался шелест стреловидных листьев кокосовых пальм, за которыми лежала густая тень джунглей, где раздавались резкие тревожные крики попугаев.

Из шлюпки выбралось с полдюжины мужчин. Обросшие, потные, в потрепанной цветастой одежде, они выглядели нелепо на фоне гармоничных тонов девственной природы острова. Молча выгрузили они из шлюпки огромный окованный медными полосами сундук, взялись за его ручки и, тяжело ступая, направились к лесу. Один из прибывших, темнолицый человек средних лет, длинноносый и жилистый, с маленькими воспаленными глазками, поминутно ощупывая рукоятку пистолета, зорко следил за каждым движением своих компаньонов.

Имя, точнее кличка, и род занятий этого человека были широко известны по всему Индийскому океану, от Индонезийских островов до Мадагаскара. Его желтый флаг с тремя черными черепами под гафелем юркого брига наводил панический ужас на мирных мореплавателей...

Стоп! Разумеется, очень заманчиво начать с пиратов, но беда в том, что визиты морских разбойников на Сейшельские острова, о которых в дальнейшем пойдет речь, до сих пор никем и ничем не подтверждены. Что касается черепах, попугаев, девственного леса, то тут автор не погрешил против истины. Что же касается пиратов... Предполагают, что ветер странствий заносил джентльменов удачи из Атлантического океана в Индийский и что они

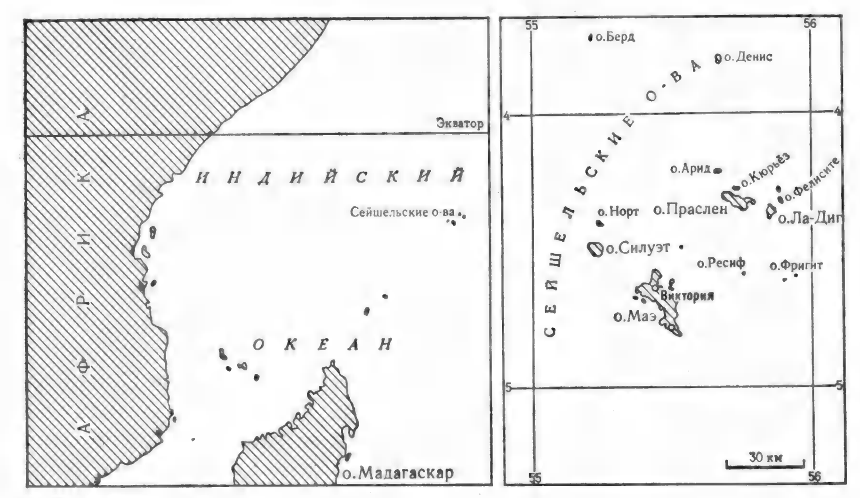
побывали здесь на необитаемых островах, в том числе и на Сейшельских, и даже указывают приближенные даты в начале XVIII века. Но одна дата не вызывает сомнений историков — 1730 год. Именно тогда состоялось принудительное плавание последнего пирата Индийского океана. Лет тридцать спустя стали заселяться Сейшельские острова, а еще через сотню лет среди их обитателей вдруг обнаружились потомки тех самых морских разбойников, которых когда-то власти вешали на рее в портовых городах при огромном стечении народа. Впрочем, на Сейшельских островах мало найдется желающих перебирать ветви чужого генеалогического древа: причудливое кровосмешение так перепутало в этом краю человеческие расы, что ничего не стоит тамошним жителям объявить себя родственником кого угодно, хотя бы Наполеона Бонапарта. Другое дело — клады с пиратскими сокровищами. Они до сих пор не дают покоя отдельным обитателям Сейшел. Тут уж говорить о родственных связях с отчаянными головорезами нет нужды. Хочет человек найти клад — и ищет себе. Вольному воля. Однако пока не зарегистрировано ни одной мало-мальски сенсационной находки. Вот ведь как зло подшутили над доверчивыми потомками безответственные предки. А может, они умели надежно прятать награбленную добычу? Кто знает...

Что мы знаем из школьных учебников об этой затерянной в Индийском океане россыпи больших и малых островов? Лично мне о них было известно не больше, чем древним арабским мореплавателям, скажем Абу Гассану Али или Аль-Массади, которые на пути в Мадагаскар наблюдали в океанской дымке сиреневые очертания безымянных клочков земли.

Любое место на земном шаре чем-то знаменито, хотя бы даже тем, что ничего примечательного собой не представляет. О Сейшельских же островах этого не скажешь, конечно, они заслуживают внимания.

То, что арабы издавна посещали эти места, стало достоверно известно, когда на острове Силуэт, который входит в архипелаг Сейшел, в 1910 году было обнаружено около тридцати древнейших арабских захоронений. До тех пор приоритет в открытии приписывался португальцам Хуану да Нова и Васко да Гама. А первой картой архипелага считалась составленная в 1501 году Альберто Катино; на ней группа островов значилась под названием Семь Сестер.

Сейшелам «везло» на открытия. Два с половиной столетия спустя их открывали дважды: сначала — англичане, затем — французы. Свое нынешнее название они получили от французского капитана Морфи, который в ноябре 1756 года собственноручно водрузил на острове Маэ штандарт Бурбонов. Так безвестный дотоле Сешелл, министр финансов Людовика XV, нежданно-негаданно вошел в историю географических открытий. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: карта мира по сей день пестрит подобными именами, которыми верноподданные и галантные ка-

Сейшельские острова

питаны щедро нарекали открытые земли. Например, остров Маэ в том же Сейшельском архипелаге назван в честь супруги тогдашнего губернатора острова Маврикий.

Сейшелы расположены между 4 и 5 градусами южной широты и 55 и 56 градусами восточной долготы. В этом районе находятся гранитные острова и два маленьких коралловых. Что касается первых, то существуют по меньшей мере три заслуживающие внимания гипотезы об их происхождении. По одной из них гранитные острова Сейшел не что иное, как остатки континентального моста, который некогда соединял Африку с Азией. Другая опирается на известную теорию Вегенера о дрейфе континентов и утверждает, что эти острова — осколки Африканского материка, которые откололись, когда Азиатский подался к востоку. Третья отстаивает ту точку зрения, что острова — остатки некогда существовавшего континента. Геоморфологи сходятся в одном: на этом месте до третичного периода существовало обширное земельное пространство.

Вот, видимо, в том уголке легендарной Лемурии, где происходило «очеловечивание» обезьяны, а ныне простирается тихая гладь рейда единственного города и порта на Сейшелах — Виктории, и отдал якорь наш «Дмитрий Менделеев».

Этот город, приютившийся на побережье острова Маэ, стал называться так с 1841 года, когда августейшая особа — английская королева Виктория соизволила сочетаться браком с принцем Альбертом. До этого он носил французское имя — Л'Етаблиссман дю Руа.

Рейд порта довольно обширен. Все тот же капитан Морфи, крестный отец Сейшел, нашел, что в гавани могут разместиться одновременно около двухсот судов (разумеется, по масштабам

того времени). На рейде кроме нас отдыхал после долгого плавания грузный английский транспорт, а вдалеке, под самым берегом, белели корпуса двух маленьких парусных шхун, словно две уставшие чайки. Французский миноносец, прибывший с дружеским визитом, приткнулся кормой к причалу. На миноносце, очевидно, был объявлен день открытых дверей, потому что его разукрасили флагами и транспарантами, приглашающими сейшельцев посетить военный корабль. Нельзя сказать, чтобы люди валом валили на миноносец, но все же шли: завтра корабль уходил в океан, а им суждено было оставаться на острове с его наскучившими развлечениями. Позади корабля тянулся серый причал с серыми коробками складов, дальше виднелись белые домики порта, и над всем этим высились горы, затканные зеленым бархатом растительности. Лишь один край вершины Сешеллуа высотой в 900 метров с лишним резко обрывался розоватым гранитным срезом. Нет, здешние горы не поражали недоступностью и величественностью, как на острове Сокотра; они были просто приятны глазу, и всем сразу захотелось на берег, чтобы после двадцатидневной работы в океане заглянуть в тропические джунгли, посидеть на травке и попробовать знаменитого холодного английского пива.

Берег казался близким, но наш мотобот бежал к причалу довольно долго, и мне пришлось убедиться в правоте капитана Морфи: рейд действительно был велик, хотя глубины и не позволяли современным океанским судам подходить близко к береговой черте. Кроме того, в гавани якорная стоянка вполне безопасна, так как она со всех сторон окружена зелеными островками.

От причала к городу ведет длинная дамба, по обе стороны которой притихли на якорях и швартовых белоснежные яхты, обшарпанные рыбачьи лодки и «ферри» — миниатюрные пассажирские паромчики, на которых сейшельцы ездят на соседние острова по делам, в гости или просто так, для развлечения.

Порт понемногу разрастается. Искусственные насыпи наступают на мелководье, но масштабы наступления под стать микромиру Сейшел; снуют взад и вперед лишь два или три трактора попугаечной расцветки — час работают, два стоят.

Сейшельцы вообще неторопливы. Им некуда спешить, у них все под рукой. Они приветливы, и, очевидно, это результат влияния чудесного климата островов. Здесь не наблюдалось ни одного случая малярии или желтой лихорадки, столь распространенных в тропических странах. Сильных ветров с бурями здесь тоже не бывает: острова лежат в стороне от проторенных путей опустошительных тропических циклонов. Если верить статистике, лишь однажды сейшельцы испытали разрушительную силу урагана. Это произошло в 1862 году, более ста лет назад, а нынешнее поколение жителей островов не испытывало этого бедствия.

У встречного сейшельца мы расспросили о достопримечательностях города. Мы не задали ему вопроса о пиратах и кладоиска-

К очерку Юрия Скворцова «БУДНИ САЯНСКОЙ СТРОЙКИ»

От поселка Майна до котлована будущей ГЭС проложено двадцатикилометровое бетонное шоссе

Вот тут вскоре встанет двухсотсорокаметровой высоты плотина Саянской гидростанции ▶

Летом Енисей величествен и спокоен ▶

Первые дома в новом городе Черемушки. Здесь живут гидростроители ▶

Поселок Майна. Сюда приезжали первые строители Саянской ГЭС. Отсюда начинали они прокладку шоссе и железной дороги через горы, к тому месту, где должна встать плотина ▶

Енисей зимой — это непроходимые торосы, которые зачастую выше человеческого роста ▶

К очерку Марка Беленького «ПОСЛЕДНЕЕ ОБЛАКО ЖАНА СЕРВЬЕ»

На снимке отчетливо видно устройство современного монгольфьера: газовая горелка, укрепленная над головой пилота. Горелка соединена гибким шлангом с пропановым баллоном. В руках аэронавта — трос от выпускного клапана. Что касается самой корзины, то она не претерпела изменений за два столетия

Громадная оболочка стремительно возносит гондолу ввысь

Этот снимок сделан во время 1-го Мирового чемпионата монгольфьеров, проходившего в американском городе Альбукерке. Не так-то просто справиться с рвущимся в небо шаром. На первом плане — «Лиза» Жана Сервье

Заключительным номером чемпионата был одновременный старт всех 123 участников. Под звуки марша «Вверх, вверх и с глаз долой» шары, словно бабочки, отрывались от земли

К очерку
Александра Яблокова
«СНЕГА ТЯНЬ-ШАНЯ»

Снеголавинная станция Итагар

Расчистка лавинного завала бульдозером ▶

Измерение плотности снега в шурфе ▶

Взрыв помогает расчищать снежный завал ▶

Путь свободен! ▶

К очерку Сергея Напалкова «ЧТО ТАКОЕ СИВЕЙ?»

В закрытой гавани Торонто — в городе на Онтарио

Его предки встречали капитана Жака Картье. Пышен и величествен наряд индейского вождя, но сегодня это только для фотосъемки. Вождь должен заработать на пропитание!

Эти пушки Квебека никому теперь не угрожают ►

Квебек. Отель «Людовик XIV» — есть еще и такие «суперотели» ►

На морском пути Сивей. В «краю тысячи островов» попутный маячок ►

Это — Ниагара (американская часть водопада). Именно в обход таких водных преград и создали канадцы шлюзы Сивея. Справа видно падение воды с ответвления «Вуаль невесты» ►

T.J.MOORE
HOTEL Louis XIV

К очерку Игоря Дуэля
«ИЗВЕРЖЕНИЕ ТЯТИ»

Суровые берега острова Кунашир

Впереди три дня восхождения на вулкан ▶

Мертвый лес — свидетель извержения ▶

Лагерь ученых у старого лавового потока ▶

Снова в поход ▶

Чем ближе к кратеру, тем жарче ▶

тельстве, но, пройдя немного, увидели... черный пиратский флаг с черепом и скрещенными костями. Он лениво плескался над ультрасовременным зданием. Сразу вспомнились «Королевские пираты», «Остров страданий» и прочая голливудская кинопродукция, демонстрировавшаяся у нас в первые послевоенные годы. Я, очевидно как и многие, смотревшие эти фильмы, ничего не имею против замечательного актера Эрли Флинна, исполнявшего главные роли, но пресловутый штамп всегда был бичом заморских боевиков: благородный разбойник — и его многочисленные враги... А еще я подумал, глядя на развевающийся пиратский флаг, что вот будет здорово, если из этого ультрасовременного здания выскочат с ножами в зубах отчаянные «люди Флинта» и потребуют: «Кошелек или жизнь?» Ночи здесь темные, после восьми вечера можно устраивать подобные действа для любителей острых ощущений, особенно для туристов, которых, кстати, немало приезжает на Сейшелы.

Нынче в Индийском океане не грабят толстобокие купеческие корабли, не срывают собственноручно с прелестных шей и изящных пальчиков именитых дам бриллиантовые ожерелья и золотые кольца, не оглушают мужчин ударом дубинки по темени. Нынче обеспечивают падкому до экзотики туристу полный сервис. Гостиница «Пиратский герб» выстроена на бойком месте: здесь, собственно, и начинается город, и ни один прибывающий на остров с моря не может ее миновать. Вблизи мы рассмотрели, что с черного флага вместо черепа ухмыляется стилизованная маска, а под ней скрестились не берцовые обглоданные кости, а столовые нож и вилка, напоминающие одуревшему от морской болезни путешественнику, что не мешало бы и закусить.

За отелем торговый ряд — несколько грубо сколоченных прилавков, заваленных всякой всячиной добытой в океане. Здесь можно увидеть небрежно обработанные кораллы, всевозможных видов раковины. Среди потускневших и поблекших раковин попадаются превосходные лямбисы и каури, но и цены на них тоже превосходные. Мой взгляд равнодушно скользит по ним (Экая невидаль! Доставали и не такие с морского дна!), и вдруг — что это? Батюшки-светы! — да ведь это же орех двойной кокосовой пальмы. Вот и начинаются чудеса... Передо мной на пыльных досках прилавка — отполированная до блеска шкатулка, выточенная из скорлупы этого ореха. Смотрю на нее во все глаза, а сам прикидываю, где бы можно было достать сейшельский орех в натуральном виде. Поделки из него мне не нужны, меня интересует маленькая частичка природы Сейшельских островов, настоящий коко-де-мер!

...Давным-давно, когда, кроме арабских мореплавателей, о существовании Сейшельских островов никто и не подозревал, океанские волны изредка выбрасывали на берега Мальдивских островов, Индии и Индонезии плоды странной формы, напоминавшие два сросшихся боба гигантских размеров. Родилась легенда, в ко-

торой говорилось, что двойные кокосовые орехи произрастают в чудесных подводных садах (отсюда и название — морской кокос). Найти такой плод считалось великим счастьем. Та же легенда наделила диковинные орехи чудодейственными свойствами: ядра — сильно действующее любовное снадобье, а скорлупа — незаменимое противоядие от всех известных видов отравы. Вполне естественно, что в мрачный период средневековья, когда яд использовали как средство политической борьбы, европейские монархи и восточные владыки платили за коко-де-мер баснословные суммы. Придворные летописцы умалчивают о результатах использования удивительного противоядия, видимо, потому, что они не были действенными. Тем не менее спрос на странные орехи не уменьшался. Но вот в сентябре 1769 года некий Дюшемон привез на индийский рынок груды коко-де-мер с Сейшельских островов. Миф о таинственном происхождении необычного плода был развеян, это оказались земные кокосовые орехи, правда, со своеобразным генезисом и необыкновенной «пропиской». Пальмы коко-де-мер произрастают на единственном во всем мире клочке земли — острове Праслен. Французы, а затем и англичане объявили остров заповедником...

На перекрестке трех улиц: Лонг Пер, Альберт-стрит, скрывающейся за домами справа, и Виктория-стрит, убегающей влево и незаметно переходящей в набережную,— высятся башенные часы с четырьмя циферблатами. Это уменьшенная копия башенных часов лондонской железнодорожной станции Виктория Стейшн. Часы здесь не напрасно: более чем столетнее британское владычество на островах, город носит название английской королевы Виктории — отсюда и символика.

Итак, мы начинаем знакомиться со здешними достопримечательностями. На малом совете, в состав которого кроме меня входили две рассудительные морячки Наташа Трофимова и Нина Бобылева, без колебаний было принято решение для начала пройтись по улицам, а затем уже осматривать окрестности города. Пройдя немного по Альберт-стрит, мы свернули налево и через сотни три шагов внезапно почувствовали, что город кончается. Впереди змеился серый дорожный асфальт, ведущий к темно-зеленым склонам гор. Мы свернули на узенькую улочку с низкими заборами, над которыми вспенивалась буйная сочная зелень и радужная кипень цветов.

Улица Кэнси. Ну конечно, она названа именем того самого хитроумного шевалье Кео де Кэнси, который двести лет тому назад... Впрочем, все по порядку.

Шевалье Жан-Батист Кео де Кэнси был последним французским комендантом острова Маэ. Он получил это назначение в начале 1794 года, а через некоторое время произошло событие, которое внесло коррективы в его представление об обязанностях начальника гарнизона на заброшенном острове. В мае 1794 года в бухту вошли и встали на якорь пять кораблей под французскими

флагами. Де Кэнси по такому случаю распорядился было насчет обеда для господ капитанов, но, глянув в подзорную трубу, поспешил отменить свое опрометчивое приказание: на его глазах французские флаги были опущены и над кораблями всплеснули британские. Потом, как и полагается в подобных случаях, произошла пальба, высадился английский десант и последовали всякого рода требования и притязания уверенного в своих силах противника. Где уж было коменданту де Кэнси с крохотным гарнизоном противостоять тысячному отряду англичан, поддерживаемому огнем полутораста орудий. И тогда де Кэнси решил изменить тактику. На следующее утро коммодору английской эскадры он вручил составленную им капитуляцию, по которой ни жители с их имуществом, ни гарнизон с его вооружением не должны были понести никакого ущерба, а взамен он, Кео де Кэнси, обязался поднять на Маэ британский флаг. Сыны Альбиона удовлетворились церемониалом поднятия флага, вписали в корабельные журналы дату завоевания Сейшельских островов британской короной и отбыли по своим военно-морским делам. Едва эскадра скрылась из виду, бравый комендант, нисколько не смутившись, спустил с флагштока британский флаг и (боже, покарай Англию!) снова поднял трехцветное полотнище Французской Республики.

Через десять лет история с капитуляцией повторилась. Такая в общем-то неблаговидная политика де Кэнси позволила уберечь население и все хозяйство острова от гибели и разрушения. Но в любой игре чей-то проигрыш неизбежен. С появлением первого британского коменданта, посланного на Сейшелы потерявшим терпение английским правительством, французскому владычеству пришел конец. Однако до сих пор подавляющее большинство названий на островах, как и самих островов, французские: Бельомбр, Анс-Буало, Анс-а-ля-Муш, Анс-а-Пуль-Бле, Бэ-Лазар, Пуэнт-Ларю, Анс-Бугенвиль, Иль-де-Лабурдоннэ, Иль-д'Абонданс...

Узкая, шумная, пестрая Маркет-стрит. Она получила название от расположенного на ней небольшого городского рынка. Рынок как рынок: как и всюду, тут торгуются из-за каждой копейки (то бишь пенни), божатся, расхваливая свой товар, ругаются... На прилавках под навесами фрукты, овощи, всякая зелень. И рыба. Она переливается угасающими красками, тускло светится чешуя. Что это за рыбины, никто из наших моряков так и не определил. Рыбу продают не только на рынке. Нам довелось видеть позднее, как двое темнокожих рыбаков, вытащив узкую лодку на пляж Королевской бухты, торговали своей добычей тут же, у моря. Они вытаскивали из лодки длинных рыб, напоминавших наших щук, отсекали им головы с зубастыми пастями и отдавали деревенским жителям буквально за гроши.

По Маркет-стрит снуют автомашины, чудом не сцепляясь бамперами и не проваливаясь в сточные бетонированные канавы. Глубина канав около метра, и когда в дождливый сезон на Сей-

шелы обрушиваются потоки дождя, эти канавы заполняются бурлящими потоками, с бешеной скоростью устремляющимися в океан.

Снова Альберт-стрит. На маленькой площадке — стоянка автобусов, напоминающих допотопные фургоны времен заселения Америки, но если вглядеться пристальнее, это не что иное, как обычные грузовички с тентами над деревянными скамейками, размещенными в кузовах. Возле автобусов толпятся туристы; мельтешат яркие рубашки и шорты, чопорно покачиваются седые букли почтенных леди.

На углу — католический кафедральный собор с огромными цветными витражами. Напротив — маленький памятник все тому же хитроумному де Кэнси и китайский магазин с книгами, большей частью духовного содержания. Преобладают издания на французском языке. Несмотря на то что Сейшелы были прибраны англичанами к рукам более ста лет назад, основной язык здесь французский. Правда, подавляющее большинство населения разговаривает на так называемом домашнем французском. А вообще в этом краю удивительная смесь понятий и значений. Например, метрическая система французская, но с английской терминологией. Тонна на Сейшелах — это обычная метрическая тонна, равная тысяче килограммов, тогда как в английской 1016 килограммов. А вот дорожная миля уже не французская, а английская. Есть и сугубо местные единицы измерения, например арпент — единица площади, равная 1,043 акра.

За собором уже нет городских строений, и мы начинаем восхождение в горы. Дороги на Маэ отменные, чистые и аккуратные. Ле Лазаре, по которой мы идем, ведет через весь остров на западное его побережье. Серый серпантин дороги вьется среди густых зарослей. С высотой пропадает духота, становится прохладно, дышится легко и свободно. По обе стороны дороги к крутым склонам прилепились особнячки, виллы и просто хижины.

Маленькие деревушки гнездятся в основном по берегам многочисленных заливчиков. Там жилища строятся из ящичной фанеры, кусков жести, тростника. Единственное более или менее капитальное строение в деревушке — местная лавка. Ассортимент товаров в ней разнообразный — от стереофотографий икон до голландского консервированного пива. В помещении душновато, стоит какой-то кислый запах. Продавец, он же владелец этого своеобразного микроунивермага, зевает от скуки и очень оживляется, увидев нас.

Неподалеку от лавки журчит ручей. Совершенно голый карапуз, положив палец в рот, таращит на нас глазенки, потом чему-то смеется и убегает к маме. Полноватая добродушная мама занята стиркой у ручья, что не мешает ей, однако, перекликаться с товарками.

Когда-то, лет двести назад, к ручьям на острове Маэ было не подойти. От подножия гор почти до самых истоков они кишели

крокодилами, длина которых достигала трех-четырех метров. Исследователи находили в них сходство с нильскими, но объяснить их появление на Маэ не могли. Однако моряки встречали сейшельских крокодилов даже в море, между островами. Миграции этих гигантских рептилий часто сопровождались их жестокими битвами с акулами, и шум от кровавых сражений был слышен за милю в тихую погоду. С появлением на острове человека крокодилам пришлось худо. Их уничтожали систематически и планомерно. Были истреблены ни за что ни про что и некоторые виды птиц, в том числе длиннохвостые попугаи. Ныне эти птички считаются редкостью, и увидеть их можно лишь в домашних садках. Зато теперь женщины берут из ручья воду и полощут в нем белье, не боясь, что их цапнет крокодил, а квакающие клаксоны автомашин заменяют пронзительные крики лесных попугаев.

С высотой растительность становится все реже, неуловимо меняются ее виды. Начиналась полоса промежуточного леса. Он-то, по-видимому, остался таким же, каким был тысячу лет назад. А прибрежной лесной полосе, поднимающейся от уровня моря метров на триста, не повезло. В давние времена там росли величественные деревья, достигающие в высоту более тридцати и в обхвате пяти метров. Тот лес давно вырубили для постройки жилищ и блокгаузов, а значительная часть его пошла на экспорт. Его заменили корица, кокосовая и банановая пальмы, которые раньше росли узкими полосками на самом побережье острова. Очень редко можно встретить каменное дерево, панданус.

Нынче сейшельцы кроме заготовки копры снимают урожаи корицы, начинают культивировать чай. На острове разбита опытная чайная плантация, и на нее возлагаются надежды местного министерства внутренних ресурсов. Сейшелы всегда были отрезаны от крупных рыбных рынков, поэтому рыбу добывали только для внутренних нужд. Сейчас этот вопрос пересматривается, но отсутствие транспорта и специальных судов препятствует развитию рыбного промысла...

День клонился к вечеру, пора уже возвращаться на судно. Сверху, с гор, хорошо просматривался рейд, далекие острова. Горизонта не было: океан сливался с небом в голубоватой жемчужной дымке. Кончался март, и северо-западный муссон, приносящий с собой теплую и дождливую погоду, скоро должен был смениться холодным и сухим юго-восточным.

В лавчонке, где продавались сейшельские коко-де-мер, мы увидели громадные черепаховые панцири. Да, гигантские тортилы — это еще одна достопримечательность Сейшел, которая ныне, увы, отошла в область преданий.

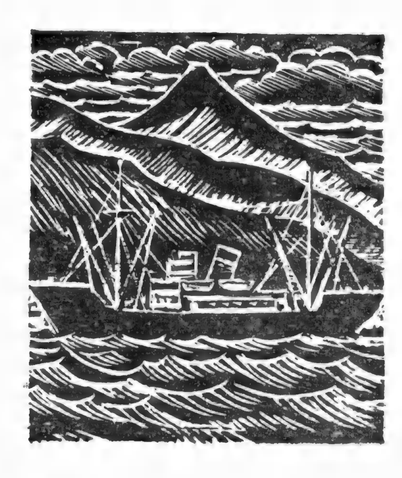
Черепахи неприхотливы и могут многие сутки обходиться без пищи. Поэтому моряки парусных судов сотнями грузили их на палубы кораблей, обеспечивая себя на долгий период свежим мясом. Но не одни моряки повинны в исчезновении черепах...

В третичный период гигантские черепахи занимали обширные области в Америке, Европе, Азии. Затем они внезапно исчезли, и на памяти человечества населяли уже только две области в узкой полосе между экватором и тропиком Козерога: в Тихом океане — Галапагосские острова, в Индийском — Маскаренские, Коморские, Альдабра и Сейшелы. Примечательно, что эти два местожительства двухсоткилограммовых тортил отстоят друг от друга по долготе почти на 180°. Двести лет назад гигантские черепахи изобиловали в упомянутых местах. Теперь их осталось считанное количество на Галапагосах и Альдабре... Нужны какие-то действенные меры для защиты этих жительниц океана, и не только их, но и китов, гренландских тюленей, многих видов рыб. Все это невольно приходило в голову, когда мы выходили из лавчонки...

Близился вечер. В лучах заходящего солнца матово засветился «мяч для игры в гольф», как называют сейшельцы купол американской станции слежения за спутниками, расположившейся на одной из вершин острова Маэ. Над низкой лагуной, примыкающей к порту Виктория, мелькают зеленые и красные огни воздушных лайнеров. Там раскинулся международный аэропорт. На притихшем рейде замерли, сложив крылья парусов, белоснежные шхуны. Сейшелы быстро погружаются в ночь, влажную и липкую, как желе, и над головой, отсчитывая вечность и воссоединяя различные времена, медленно поворачивается звездный циферблат небосвода.

ОБ АВТОРЕ

Толмасов Владимир Александрович. Родился в 1932 году в Архангельске. Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище, капитан дальнего плавания. В качестве штурмана и капитана ходил на различных судах в Атлантике, Индийском и Северном Ледовитом океанах. Работал в отделе морских экспедиций Академии наук СССР. Сейчас — старший помощник капитана учебного парусного судна «Крузенштерн» Министерства рыбного хозяйства СССР. Автор нескольких научно-художественных книг, научных и научно-популярных статей, а также морских рассказов и повестей. В нашем ежегоднике выступает четвертый раз. В настоящее время работает над новой книгой.

ЮРИЙ ИВАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Повесть

Ночь отступает неохотно.

Густая, вязкая темнота будто приклеилась к скалам побережья, неясные очертания которого смутно проглядывают из предрассветной сумеречности. На серебристо-зеленом поле экрана локатора берег и вход в бухту видятся волнистой, разорванной посредине, желтоватой линией.

— Ну и дыра,— ворчит капитан, прижимаясь лицом к резиновому раструбу.— У́же, чем горловина Босфора при входе с Черного моря... Бутылочное горлышко. Что скажешь, помощник?

«Что скажешь» — это мне. Такая уж привычка у Фаддея Фаддеевича, по-судовому просто Фаддея, так мы зовем капитана между собой; если нахожусь в ходовой рубке, он обязательно требует, чтобы я что-нибудь сказал. За пять месяцев плавания я уже привык к капитану и в зависимости от настроения делаю вид, что не расслышал вопроса, либо, если хочется поговорить, что-нибудь отвечаю.

— Течения тут сильные,— говорю я,— с подсосом.

— С каким еще подсосом?

— Вода промыла под берегом пещеры, вкатывается в них и тянет за собой суда, как бы подсасывая их к скалам.

— Еще чего не хватало. Бывал тут?

— Работал на парусно-моторной шхуне «Актиния»,— говорю я.— Может, слышал про капитана Мартынова?

— Малый ход! — штурман передвигает ручку машинного телеграфа, а Фаддей, не отрываясь от локатора, ворчит:

— Мартынов? Нет. Не знаю такого...

— Это был один из лучших парусных капитанов Дальнего Востока,— говорю я.— А шхуна! Хороша была посудина! По

четырнадцать узлов бегала. Между прочим, в бухту мы входили под всеми парусами.

— Кончились времена парусного флота,— ворчит капитан сердито. — Не знаю, как вы там со своей шхуной, а у меня траулер не велосипед. Штурман, самый малый! Ну, что же ты замолчал?.. Рассказывай.

— Мартыныч был самым первым моим капитаном, а шхуна — самым первым в моей жизни кораблем,— говорю я, потому что так действительно и было. Неужели с той поры уже прошло пятнадцать лет? — Много тут было шхун, но все они быстро вышли из строя: одни потонули, на других сгнили мачты и паруса, с третьими еще что-то случилось. Лишь «Актиния» все ходила и ходила в рейсы. Года до шестьдесят пятого она тут плавала. Что сейчас со шхуной, где Мартыныч — не знаю.

— Разыщи старика,— говорит Фаддей.— Захвати коньячку, закусончика хорошего. Где живет-то он, помнишь?

— Помню. И разыщу обязательно. Подарок ему везу с острова Маврикий.

— Траулер, следующий в порт! — врывается в рубку веселый и властный голос.— Сообщите, откуда идете?

— Следуем из порта Николаев,— отвечаю я, подняв трубку радиотелефона.

— «Мыс Африка», «Мыс Африка»! — тут же врезается в эфир другой, женский голос.— Встанете в бухте на якорь возле теплохода «Балхаш». Как поняли? Возле «Балхаша» встаньте. Прием!

— Понял вас хорошо. Какие мы на очереди?

— Третьи вы на очереди, третьи,— отзывается берег.

— Ч-черт бы их побрал,— ворчит Фаддей и, оторвавшись от локатора, достает из кармана куртки сигареты.— До вечера прождем властей. Что скажешь, помощник?

Что тут скажешь? Так хочется побыстрее оказаться на берегу и ощутить незыблемую твердь суши: все позади! Позади семнадцать тысяч миль, волнения и тревоги утомительного рейса, жарища тропиков, ураганные дни и ночи у мыса Игольного, когда двигатель скис и нас тащило к скалистому берегу Южной Африки. Мечталось: пройдет каких-то несколько часов, и можно будет ринуться на главпочтамт за письмами, а потом — в ресторан «Вулкан» или «Гейзер», пожевать что-нибудь вкусное, не судовое, и... вот тебе!

Выхожу на крыло мостика. Вспыхивает и гаснет, будто задуваемый порывами знобкого ветра, маяк. Крупная зыбь вкатывается с океана в бухту, и белая пена шевелится у подножий скал. Ударяется о камни вода, гудит, будто мчит через железнодорожный мост тяжеловесный состав. Дождь моросит. «Бусом» он называется в этих краях. Вроде бы и не видно его, так, пыльца водяная,

а пробивается эта пыльца сквозь одежду быстрее, чем ливневые струи.

Здравствуй, Авачинская бухта! Здравствуй! Пятнадцать лет назад уходил я отсюда в свой самый первый рейс, уходил совсем мальчишкой; помню, как мне хотелось петь, когда шхуна, подняв паруса, накренилась и ходко пошла к выходу из бухты. У трех скал, известных всем морякам Камчатки как «Три брата», пенился прибой, кричали увязавшиеся за шхуной чайки, гудела парусина и поскрипывали туго натянутые снасти бегучего такелажа... И вот я возвращаюсь. Плещет вода. Светает. Из предрассветного сумрака с правого борта траулера проступают контуры «Трех братьев». Стоят. Как будто и не прошло столько лет. Да и что камням сто, тысяча лет!.. Чайки, сидящие на их вершинах, срываются и с криками летят к нам. Голоса у них сонные, сварливые. Вглядываюсь в знакомый пейзаж, прячу лицо в воротник куртки. Не поется мне. И на душе грустно, наверное, оттого, что возвращаешься в те места, где прошла твоя юность...

Часам к десяти «бус» иссякает, а тучи, такие низкие с утра, как бы всплывают над водой и сушей, тощают, и в их серой плоти появляются ярко-синие продушины. Солнце потоками изливается через дыры, и все окрашивается в яркие, сочные тона. Когда-то этой бухтой восхищались и знаменитый мореплаватель Лаперуз, и моряки из экспедиции Кука, и матросы кораблей «Св. Павел» и «Св. Петр». Их привел сюда тучный обрусевший датчанин, командор Российского флота Витус Беринг; по названию двух его кораблей и прозвали маленький поселок, возникший на берегу бухты, Петропавловском.

Все выше поднимаются тучи, и глазам открываются обрывистые горы, по откосам которых вьются улицы, бурые скалы «Сопки любви», так тут называется покрытый искривленными березами полуостров, врезающийся в бухту, а дальше, над городом и всем этим прекрасным ярким миром, величественно и спокойно возвышается серебристо-голубой конус Авачинского вулкана и покрытая снегом и льдом ребристая вершина Корякской сопки. Конус Авачинского вулкана слегка дымит, похожий на гигантскую трубу неведомого теплохода, плывущего за сопками прямо по суше...

Шарю биноклем по улицам. Они ярусами опоясали подступившие к воде горы.

Самая нижняя — асфальтированный Ленинский проспект, чуть выше — улица, мощенная камнем. Самая верхняя, растянувшаяся узенькой цепочкой деревянных домишек улочка — «моя». Вон в том покосившемся домишке я некоторое время жил. Накренился он, как корабль во время сильного шторма, того и гляди рухнет вниз, покатится по горе, прыгая через дома и улицы, и плюхнется в бухту.

Из того дома было хорошо видно все: и дальний противоположный берег бухты, и выход из нее в Тихий океан, и суда, швартующиеся у пирсов или покидающие порт. В один из дней я увидел «Актинию». Шхуна будто впорхнула в бухту; так легко и стремительно она шла к берегу под парусами. Выбежав из дому, я разглядывал шхуну, и сердце колотилось так, словно шхуна пришла за мной, да-да, я очень долго ждал ее, и вот она уже в бухте!..

А может, так оно и было? В ту пору я еще точно не знал, кем стану, в чем мое призвание, что должен делать в жизни имённо я и никто другой. Я любил сушу, любил лес и горы, зверье и птиц, но меня все сильнее и сильнее тянуло к железным махинам, стоящим на рейде, к морякам, казавшимся мне совершенно другими людьми, совсем не такими, как я, как мои товарищи, топчущие асфальт и земную твердь. Чувство было безотчетным, необъяснимым, но таким сильным, что сопротивляться ему становилось все труднее. Может, это и есть то, что называется зовом моря?

Хожу по каюте. Размышляю. Вспоминаю о не таких-то уж и далеких днях, резко изменивших мою жизнь...

Ранним утром, когда солнце едва окрасило вершину Авачинского вулкана в алый цвет, а моряки, отпросившиеся на ночь, бледные и усталые, торопливо шли к порту, я на маленькой верткой шлюпчонке подплывал к шхуне, стоявшей на якоре.

— Строгий там капитан. Зверь! — рассказывал мне гребец — замусоленный, пропахший селедкой мужичок в зимней шапке, одно ухо ее торчало вверх, как у насторожившегося зайца, второе было оторвано. Им была заткнута порядочная дыра в днище шлюпки, и мужичок время от времени ударял по кляпу пяткой сапога.— Чуть какой парнишка из ево команды, стал быть, возвернется с суши под газком, он его р-рыз!.. И за борт, как ту княжну, кидает. Очень хара́ктерный капитан. Так что гляди!

Я, хоть и был совершенно трезв, поежился, а мужичок сплюнул в воду, оскалился и, гребанув еще несколько раз скрипучими веслами, подогнал шлюпку к борту шхуны.

— Трояк с тебя,— сказал он мне, а потом, когда я уже начал неумело карабкаться по штормтрапу, крикнул: — Так что гляди! Бережись!

Далеко уже не молодой капитан был жилист и сухощав, как хорошо провяленная юкола. В одной тельняшке с засученными рукавами и трубкой в зубах он сидел в тесной каютенке и, барабаня пальцами по крышке стола, разглядывал меня. Я уже коечто рассказал о себе: и что родился в Ленинграде, на улице Гребецкой, где когда-то жили одни гребцы, и что с детства мечтал стать моряком и совершить хоть один рейс на настоящем парусном корабле...

Капитан курил, молчал и щурил цепкие глаза.

Ну, что же он? Погонит, наверно. Да и то: какой я матрос? Даже толком не помню: «майна» — вверх или наоборот?.. Замолкнув, я мельком осмотрел каюту. Была тут койка с серым и лохматым, будто вздыбившим шерсть, одеялом, диванчик, промятый до пружин, стол, привинченный под иллюминатором, и полка с толстенными книгами. «Лоция северо-восточной части Тихого океана от ...» — прочитал я на корешке одной из книг, и мне еще отчаяннее захотелось уйти на этом корабле в плавание... А на переборке, над койкой, висел рострум от меч-рыбы. «Мартынычу в день рождения. Атлантический океан. П/х «Гурзуф»»— белыми, четкими буквами было написано на метровом костяном мече. Я зажмурился и представил себе яркую синь тропиков, острова вдали и узкие пиро́ги островитян... Еще совершенно не зная человека, я уже с особым уважением поглядел в его грубое, с выпирающими скулами лицо. Где он только не побывал, чего только не повидал!

— Что вы знаете о море и кораблях? — спросил капитан и качнул бронзовую керосиновую лампу, укрепленную в кардане. Как бы судно ни кренилось, лампа всегда будет оставаться в одном вертикальном положении. Тогда я этого еще не знал. Позже я возненавидел и лампу, и сияющий кардан: капитан очень любил, чтобы все, что может блестеть, блестело, и я драил, драил медяшку и эту лампу шлифовал до солнечной яркости.— Ну что же вы!.. Жду.

Вздохнув, я поведал капитану почти все, что было написано в одной из самых любимых моих книг — «Соленый ветер» Лухманова. Капитан молчал, щурился от дыма.

— «Майна» — это значит «тянуть вверх»! — сказал я.

Капитан вздрогнул, лицо его передернулось гримасой отвращения, и он с такой силой стиснул зубами чубук трубки, что мне показалось, сейчас он его перекусит.

— Опускать вниз, черт возьми. Опускать!..— шумно вздохнув, сказал он.— Ну хорошо. Деться мне некуда: команда на треть не укомплектована. Вчера в управлении двух женщин предлагали. Матросами! — капитан хлопнул ладонью по крышке стола и помрачнел. Потом вскинул на меня глаза, сердито сказал: — Ну хорошо. Мне нужны сильные парни; чтобы поднять паруса, требуется иметь кое-какое мясо на костях. Как вы? Ну-ка, подсаживайтесь к столу. Ставьте руку на локоть. Вот та-ак...

Его пальцы вцепились в мои, и я почувствовал их железную хватку. Сухая и костлявая, как петушиная лапа, рука капитана оказалась очень сильной. Стиснув зубы, шумно дыша, мы несколько минут ломали друг другу предплечья, потом его рука дрогнула, и я дожал ее к столу. В те годы я был довольно крепким парнем.

— Кажется, ты сдвинул локоть,— тем не менее проворчал капитан шхуны, переходя на «ты».— Ну ладно. Дуй в отдел кадров Камчатрыбфлота. Беру на рейс, а там видно будет. Возникнут

трудности по работе — тотчас ко мне. Но не вздумай хоть раз еще бухнуть, что «майна» — «тянуть вверх»!

Трудности? Мне хотелось петь, орать от восторга, когда шхуна подняла якорь и, мерно лопоча двигателем, развернулась бушпритом в сторону открытого океана. Кое-чему меня уже подучили, и я стоял на своем штатном месте возле фок-мачты, стоял, сжимая вспотевшими ладонями жесткий трос, дожидался команды...

— Поднять тряпки! — рявкнул Мартыныч с ходового мостика.

— Рванули! — прикрикнул на меня напарник, судовой боцман, Сашка Филинов, парень сухощавый, но широкоплечий, крепкий.— И — р-ра-аз!

Заскрипели блоки. Медленно, рывками гик пополз вверх и потянул за собой сырой, остро пахнущий солью парус под названием «фок». Еще рывок, еще! Свежий ветер толкнулся в расправляющийся парус, и я почувствовал толчок ветра руками... Ого, ишь давит! Еще рывок, еще... Перестукиваясь, сегерсы уползали все выше, а тянуть было все труднее: ветер не хотел ждать, когда мы поставим парус, он уже жал в него со всевозрастающей силой.

— Крепим! — сказал Сашка.— Давай сюда фок-дирик-фал. Шевелись! Ну что таращишься?

— Эту веревку?

— Ха, веревку! Фок-дирик-фал! Понял? Вот так он крепится. На этой штуке, которая называется нагель. Запомнил?

Шхуна накренилась. Двигатель смолк, и я услышал «голос шхуны». Жестко шуршала парусина, и ветер быстро разглаживал складки на ткани парусов, скрипели и постанывали тросы бегучего такелажа, похрустывали гики, и тонко звенела трущаяся о борта шхуны вода. Летели за шхуной чайки, все было удивительно хорошо, так хорошо, как, пожалуй, никогда ранее в моей жизни не бывало.

Вцепившись горящими ладонями в планшир фальшборта, я глядел на удаляющийся берег, отступающие сопки и жучки автомашин, ползающие по улицам. Мне было жаль всех тех, кто оставался на берегу: передо мной открывался необыкновенный мир, я вступал в новую жизнь, приобщался к особому племени, клану людей, именуемых моряками; тех, кто оставался на суше, ожидали все те же пыльные улицы, тесные автобусы и душные конторы с комнатушками-кабинетами.

Трудности? Ха-ха! Какие могут быть трудности? Паруса уже были поставлены, шхуна все с большей скоростью шла к выходу из бухты, капитан бродил по ходовому мостику и, задирая голову, разглядывал гудящую материю. На руле стоял матрос Борька Шувалов — длинный угловатый парень в толстом свитере, а рядом со мной — Филинов.

Я жаждал деятельности. Мне очень хотелось что-то нужное и важное делать на этом прекрасном корабле.

— Чем мне заняться, Филин? — спросил я.

— Скати палубу,— сказал Сашка и пошел.— Пойду, рухну в ящик: спать хочется.

— Иди-иди, я все сделаю!

Смешно: трудности! Было тепло. Засучив брюки, я скатывал палубу из ведра, а судовой пес Шкипер с веселым лаем носился вокруг меня и, шутя, пытался куснуть за голые ноги. Я плескал в него водой, и нам обоим было чертовски хорошо.

Трудности начались в океане. Случилось неожиданное: оказалось, я не переносил качку. Кое-как домыв палубу и почистив картошку на ужин, я повис на планшире над кормой. Морская болезнь буквально вывернула меня наизнанку: тело стало пустым и легким. Мне казалось, что от меня сохранилась одна оболочка, лишь кожа, натянутая на костях, будто вместе с пищей я вытравил в океан и все свои несчастные истерзанные внутренности...

Нахальными, злыми голосами орали чайки. Обнаружив на корме скрюченную фигуру, птицы подлетали совсем близко, чтобы взглянуть в мой разинутый рот и выпученные глаза... О-о-о, какая мука!.. Выплевывая желтую горькую пену, я страдающим взором ловил полоску отступающего берега, и мне хотелось оказаться там, на пыльных улочках города, в тесном, воняющем отработанными газами автобусе, среди обыкновенных сухопутных людей, да-да, людей суши, а не воды! Боже, какие они умные, какие они мудрые, а я-то... о-о-о, как гнусно орут чайки, какие у них отвратительные, мерзкие голоса... Я рычал, плевался, кажется, я плакал злыми, яростными слезами, благо никто не видел моих страданий и не слышал моих отчаянных проклятий воде, небу и всему этому проклятому дереву и тряпкам, именуемому «шхуной»...

Меня не щадили. Я умирал, а надо мной издевались, гнали из кубрика и из кают-компании, где я, слабый и робкий, как нашкодивший, наказанный и наплакавшийся ребенок, пытался пристроиться на узком диванчике. Сашка Филинов выталкивал меня из помещения и орал, требуя, чтобы я еще раз как следует прошвабрил сырую от закатывающихся волн палубу, а потом помыл кастрюли на камбузе, а потом... а потом... на руль, черт побери, на руль!.. С ненавистью глядел я в веселые лица матросов: «Хлебни соленой воды, чудик!», «Пожуй сизалевый трос!», «Захлопни пасть, зажми пальцами нос, надуйся и не дыши три минуты. Болезнь как рукой сымет!» — давали они мне советы, когда я во время обеда сунулся в кают-компанию. Они шумно хлебали из мисок щи, лопали с хрупаньем дикий чеснок, черемшу, схватывали зубами кусища соленой горбуши и хохотали, видя, как меня всего передергивало. «А ну, ставь локоть на стол, давай лапу,— тре-

бовал капитан,— да не распускай слюни, как девчонка, держись!..»

Как я ненавидел всех этих хохочущих довольных парней! Шхуна валилась с борта на борт, а насытившиеся моряки начали играть в домино. Они лупили костяшками по столу, а мне казалось, что удары сыплются на мою гудящую голову... Пес Шкипер лез ко мне, звал на палубу играть, а мне хотелось лечь вот тут же, под стол в кают-компании и тихо, спокойно расстаться с этим жестоким миром...

Нет, мне не дали умереть. И я снова драил палубу и все то, что было способно блестеть, и мыл кастрюли, и чистил картошку, сдирал железякой, именуемой «шкрябка», ржавчину с железных деталей, а потом, раскачиваясь на ватных ногах, брел к штурвалу.

— Шире ноги ставь, шире! — дыша чесноком, сипел мне в ухо Сашка.— Крепче держи лапами штурвал. Куда валишься, салага? На картушку компаса гляди — вот твой курс, понял? Ну, давай! Та-а-к... да не на левый борт, на правый борт крути колесо!

Чертов штурвал рвался из рук. Шхуна не хотела слушаться меня: ветер и волны сваливали ее под ветер, а нам нужно было идти курсом галф-винд левого борта, перерезая воздушный поток, наискосок ему...

— Крути на правый борт. Быстрее, быстрее! Не давай шхуне рыскать, не позволяй ей самовольничать,— командовал Сашка.— Учуй ее характер, понял?

— Крути штурвал не только руками, но и спиной, пузом...— советовал подошедший капитан.— Ну что хрюкаешь?

Все и всё были против меня, в том числе и шхуна. Я чувствовал, как будто распухали и становились нестерпимо тяжелыми руки, болела спина, мышцы шеи... вправо, влево, вправо... Это же варварский, каторжный труд — стоять на штурвале! Хрипло дыша сквозь стиснутые зубы, я ловил взглядом картушку компаса и, наваливаясь всем телом на штурвал, поворачивал его то влево, то вправо. Нет, не удержать мне шхуну на курсе, не удержать! «Актиния» бросалась из стороны в сторону, как мечется собака в поисках нужного ей столба.

Время от времени Сашка помогал мне, и Мартыныч давал какие-то указания, а потом занимался своей трубкой.

Прошел час. Я взмок. Ветер все так же хулиганил, пытаясь столкнуть шхуну с курса, но, кажется, он несколько поутих: вращать штурвал стало полегче. Или я просто обалдел? Что, шоковое состояние? Да нет же, ветер нисколько не ослабел, просто я уже что-то «учуял», и шхуна рыскала теперь не так стремительно и норовисто, как час назад. И вдруг что-то со мной произошло: она слушается меня, подумал я с удивлением и заорал:

— Шхуна слушается меня!

— Он вполне здоров,— сказал капитан, уминая в трубку табак желтым пальцем.— Вот же, вполне прилично стоит на руле.

— Прикидывался, чудак,— захохотал Сашка.— Пофилонить захотел. Не выйдет!

— Честное слово слушается,— повторил я.

На третьи сутки плавания болезнь отступила совсем. И, будто родившийся вновь, я увидел то, чего не замечал во время своих страданий. И далекие, прикрытые тучами пустынные и дикие берега, и черных морских птиц, поднимающихся с воды из-под самого форштевня шхуны, и китов, неторопливо плывущих параллельно курсу шхуны. А вон и дельфины! Выпрыгивая из воды, они мчались к шхуне, чтобы взглянуть на лающего, поднявшегося передними лапами на планшир Шкипера и на мою желтую, будто вылепленную из пластелина, физиономию.

— Эй, матрос! Прошвабрить палубу! — орет мне Сашка.

— Эй, сухопутный! Хиляй сюды, что я за тебя картоху чистить буду?..— зовет кок, высовывая из двери камбуза толстое и лоснящееся, будто помазанное маслом, лицо.

— Хэллоу, флибустьер. А ну, подмени у штурвала,— слышу я голос Борьки Шувалова.

Лает Шкипер. Капитан, заложив руки за спину и раскачиваясь с пяток на носки, задрав голову, разглядывает паруса. Выпрыгивая из воды, похрюкивают дельфины. Засунув руки в карманы, громко стуча громадными с раструбами сапожищами, я поднимаюсь на ходовой мостик и берусь за ручки штурвала. Борька подмигивает мне и хлопает тяжелой ладонью по спине. Кок жестикулирует у ведра с картошкой: ничего, сам почистишь. «Картоха»! Ишь, брюхо нарастил... Все хорошо. Так хорошо, как давно не было... И с чего это я взял, что у Сашки, Бориса и других парней злые лица, что они издевались надо мной? Просто им было весело. Ну разве не смешно видеть, как здоровенный парень пытается во время обеда забиться под стол и прикорнуть рядом с грызущим кость псом?.. Да, это отличные, настоящие парни, моряки, не лишенные юмора, и с ними я готов совершить хоть кругосветное плавание!

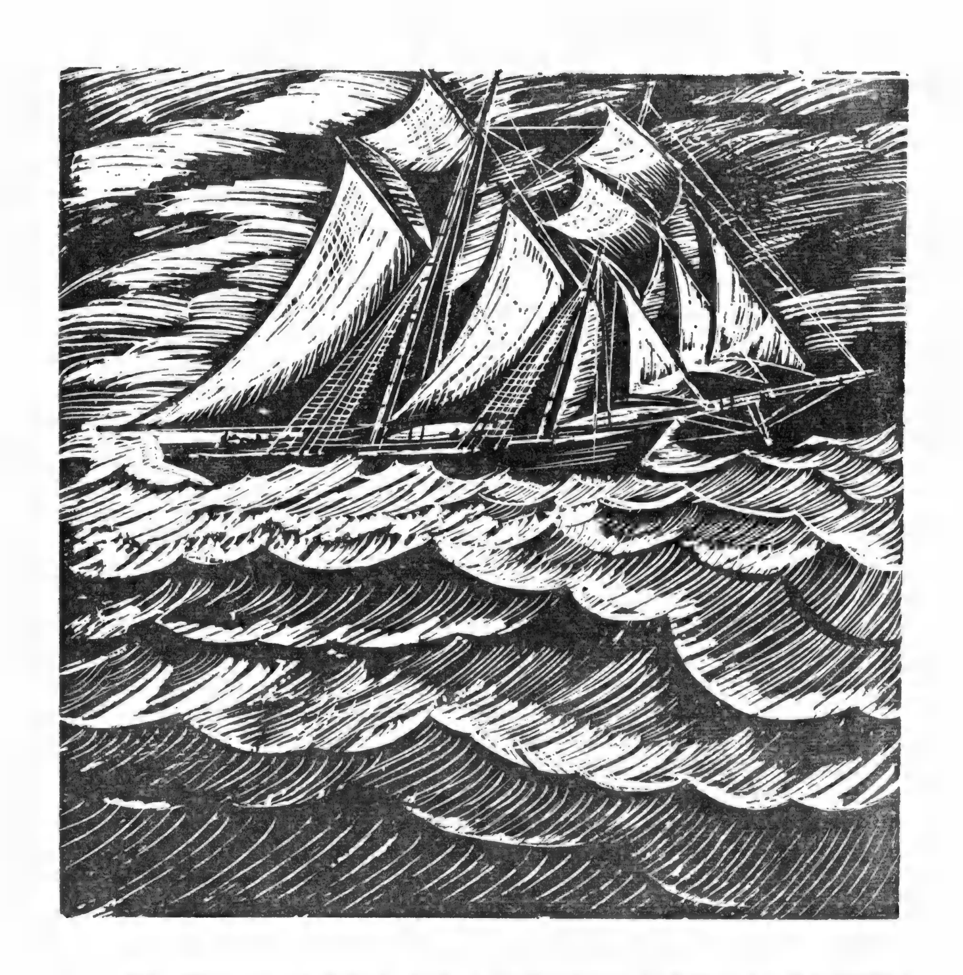
Приходит Мартыныч. Глядит на картушку компаса. Шхуна норовит уйти с курса в сторону берега, но я сдерживаю ее. Ишь, разбаловалась.

— Однако, а у тебя действительно уже неплохо получается,— говорит капитан.— Ну что ж... гм... держись возле меня, Джим, и я сделаю из тебя настоящего моряка!

— Спасибо, мой капитан! — в тон ему отвечаю я. «Джим»? С чего бы это? Может, потому, что с собой на шхуну я принес несколько книг, в том числе книжку о приключениях юнги Джима? Джим? Пусть будет так.

— Вернется Борис, заходи ко мне в каюту. Посоревнуемся.

— Вечерком, капитан,— говорю я.— Картошку нужно почистить, а потом стармеху в машине помочь.

...Все дальше на север, вдоль восточного побережья Камчатки уходила шхуна. В своих трюмах мы везли клепку и соль для рыбокомбината Кихчик; оттуда нам предстояло забрать груз сельди для Командорского рыбкоопа.

Летели дни, ночи, мелькали одна за другой вахты. Погода баловала (стояла теплая, солнечная с ровными, зюйдовых и зюйдвестовых румбов, ветрами), и просто не хотелось уходить с палубы. Да Сашка и не отпускал нас по кубрикам: мы чинили прохудившиеся паруса, плели из жесткого, остро пахнущего чем-то далеким и волнующим сизалевого троса маты-коврики и кранцы, латали и красили спасательные шлюпки, смазывали густым, вязким солидолом тросы и блоки.

Мы — это малочисленная, чуть ли не в половину штатного расписания палубная команда: я, уже немного приобщившийся к морской жизни и окрещенный судовым именем «Джим», мой сосед по койке в кубрике, страстный любитель всякого зверья,

хозяин Шкипера Борька Шувалов, парень очень серьезный и начитанный, и еще двое: «хозяин» палубы Сашка Филинов, которого мы звали просто «Филин», и Герка Воропаев, угрюмый, вечно простуженный малый. В детстве Герка много пережил: во время войны десятилетним мальчишкой он оказался заживо погребенным под развалинами дома в бомбоубежище. Целую неделю пробыл Герка среди убитых и умирающих и чуть не сошел с ума. Откопали мальчишку, но с той поры он стал молчаливым. А когда начинал говорить, то слушателям следовало запастись солидным терпением: каждое слово, произнесенное Геркой, медленно и мучительно продиралось через рот.

Нас было слишком мало, а потому палубными делами занимались и остальные парни из экипажа: и толстый ворчливый кок с оттопыренной нижней губой и отвислым подбородком; и страшно суетливый, нервный «маркони» Федя Рубцов; и старпом — единственный штурман на шхуне Вова Петелькин. Только что окончивший мореходку Петелькин был стеснительным и вежливым, как девочка. Он густо краснел от каждого бранного слова, а такие словечки толклись над палубой «Актинии», как комары над сырыми полянами в теплый вечер, потому лицо его было почти постоянно бурым, словно хорошо созревший помидор. Вова страдал от своей стеснительности и отсутствия зримых признаков мужества. Петелькину, как я вскоре догадался, во всем хотелось походить на грубого, хриплоголосого, будто состоящего из железных мышц, Сашку Филинова. И, копируя его, Вова Петелькин пытался говорить басом, но голос его постоянно срывался на писк. Как и Филин, Вова то и дело слюнявил бумагу пухлыми, еще детскими губами, свивал «козью ножку» и затягивался во всю глубину легких. Тут же побелев от лютой крепости махры, Вова, шатаясь, заходился в кашле, а Сашка, видя такое, отбирал у него самокрутку и демонстрировал нам мощь своих необъятных легких, выкуривая ее тремя вдохами...

Устроившись на шкафуте, мы возились с парусами или расплетали трос на пряди. Шкипер валялся тут же, сонно жмурил глаза на солнце, просвечивающее через паруса, а Сашка, ловко орудуя короткими, твердыми, как свайки, пальцами, рассказывал о своих сухопутных похождениях. Послушаешь его, так не было, пожалуй, на Дальнем Востоке порта, где бы не маячила на пустынном пирсе дьявольски красивая девчонка с пышной грудью и заплаканными глазами, которыми она всматривалась в океан. Тут и Петелькин встревал в разговор и, густо покраснев, начинал трепаться про своих знакомых девчонок, которые, как одна, с первого же взгляда влюблялись в него. Врал все Вова. Позже я узнал, что за свою восемнадцатилетнюю жизнь он один-единственный раз поцеловался с девушкой; Вова врал, но мы щадили его старпомовское самолюбие и мужественно терпели скучное, без ярких и волнующих подробностей (да и откуда они могли быть у Вовы?) вранье.

Все дальше и дальше на север.

Крутится в пене кильватерной струи бронзовая вертушка лага, лаглинь то выскакивает из воды, то звонко шлепает по ней, разбрасывая брызги. Глупые чайки время от времени бросаются на вертушку, думая, что это бьется в волнах большая рыбина, а потом, поняв свою ошибку, с расстроенными криками отлетают в сторону.

Стою на руле. Шкипер примостился у ног. Спит и во сне вздрагивает. Шуршит за моей спиной картами Вова Петелькин и время от времени многозначительно произносит: «Однако, тут надо смотреть и смотреть...» Чувствую, что ждет, когда я спрошу: «Эй, старпом! Что там у вас?..» Мучаю Вову. Молчу. Что-то пробормотав, Петелькин снимает с полки потрепанную лоцию, шмякает ее на стол, на карты, и начинает торопливо листать. Опять говорит: «М-да... однако, тут только и поглядывай...» Затихает. Ждет. Я молчу, выглядываю из открытого иллюминатора: какой день! Яркий, прозрачный, теплый.

Сашка скребет «шкрябкой» тамбур над трапом, ведущим в носовые кубрики, сдирает старую серую краску. Герка помогает ему и медленно шевелит губами: пытается что-то рассказать. Кок, брезгливо морщась, чистит картошку и поглядывает в мою сторону, ждет, когда я сменюсь с вахты. Мартыныч бродит по шхуне и подолгу, заложив руки за спину, глядит на паруса. Вот подошел к грот-мачте, прижался к ней ухом, как к телеграфному столбу, слушает. Строгость и озабоченность слетают с его лица. Мартыныч улыбается, как мальчишка, которому показалось, что из древесины столба доносятся звуки какой-то далекой, волнующей музыки, но это длится мгновение. Отстранившись от мачты, Мартыныч поправляет помятую, с треснутым и сшитым нитками козырьком фуражку, и лицо его опять становится строгим.

— М-да... однако, тут только и поглядывай...— совсем громко говорит Вова, захлопывая лоцию.— Тут уж гляди в оба!

— Что-то произошло, старпом? — спрашиваю я.

— В морях всегда что-то происходит,— радостно басит Вова.

— Подводные скалы у побережья, вот что! И ежели шхуна собьется с курса, то...

— Шхуна не собьется с курса, Вова,— успокаиваю я его.

— Отставить разговоры на вахте! И не Вова — Владимир Сергеевич! — сердито говорит Петелькин, и голос его срывается: — Глядеть в оба!

— Есть глядеть в оба! — рявкаю я, чтобы доставить удовольствие нашему юному старпому.— Шкипер, а ты что дрыхнешь? Глядеть в оба!

Шкипер вскакивает и, ударив лапами в дверь, выбегает на палубу. С громким лаем он мчит на полубак.

Поет ветер в парусах. Похрустывает дерево рей. Плещется вода у борта шхуны. Чайки, ловя крыльями ветер, дующий с кормы, разворачиваются к нему, чтобы не поддувало под перья, и так вот

летят хвостами вперед, летят, то опускаясь к воде, то взмывая к клотикам.

Федя Рубцов вылезает из своей тесной рубчонки, тащит громоздкий и, видимо, тяжеленный ящик рации. Ставит его на разостланный брезент, бросается перед ним на колени и начинает суетливо рыться в чреве сложного и капризного механизма: рация постоянно барахлит. Она почему-то выуживает из эфира лишь американские джазы и японские напевы, но не желает принимать сообщения из Петропавловска. Оттого наш Федя такой нервный. Закусив губу, Федя вырывает из рации одну из ламп, проверяет ее прибором и, торжественно закричав, вскакивает: ну конечно же, опять перегорела! Швырнув лампу на брезент, «маркони» топчет ее, а потом сгребает стекло и железки в ладонь и бросает в воду. Так он поступает с каждой перегоревшей лампой.

Из трубы судовой баньки, пристроенной в носовой части шхуны, на правом ее борту, вьется синий дымок. Дверь ее распахивается, и показывается судовой механик Василий Никанорович Глухарев. Кособокий, хромой, он странной подпрыгивающей походкой идет к кубрику. За веником отправился. Прошедший всю войну, неисчислимое количество раз продырявленный пулями и осколками, колотый штыком и битый прикладом, опаленный огнем и контуженный, Василий Никанорович все же дошел до Берлина и получил там свое последнее очень тяжелое ранение.

Мартыныч появляется. Заложив руки за спину, бродит по надстройке, как всегда, осматривая паруса. Останавливается возле открытого окна рубки, протягивает руку, и я подаю ему бинокль. Капитан разглядывает берег, возвращает бинокль. Спрашивает:

— Эй, Джим! Знаешь ли ты, что нужно, для того чтобы стать настоящим моряком?

— Уметь стоять на руле, знать все палубные работы... И ни черта не бояться, мой капитан!

— Знать астрономию! — выпаливает из-за моей спины Вова.— Чтобы всегда суметь точно определиться, в какой точке океана ты находишься. И еще нужно знать следующее...— передохнув, Вова начинает перечислять все дисциплины, по которым он сдавал экзамены и зачеты в мореходке.

Мартыныч усмехается. Лезет в карман за трубкой. Вова смолкает.

— Все верно, друзья мои,— говорит Мартыныч.— Чтобы стать настоящим моряком, нужно многое знать, многое уметь. И вот что еще: надо обрести веру...

— Веру?..— переспрашиваю я.— Веру во что?

— Веру в своих товарищей, моряков, которые не подведут тебя в тяжелую минуту. А такие минуты бывают в жизни любого моряка. Веру в свой корабль, который, конечно же, прекраснейший на свете!.. Веру в то, что все э т о: океан, небо над ним, ве-

тер, крики морских чаек и плеск воды — все это действительно нужно тебе, что без этого тебе ну просто невозможно жить.

— В общем определиться в жизни,— опять выкрикивает Петелькин.— Определить свое отношение к океану, правда, Мартыныч? Так вот я верую!

— Верую! — говорю и я.— Верю, что все это — навсегда. Что и я буду, как Вова...

— Владимир Сергеевич! — поправляет Петелькин.

— ...как Вова... Владимир Сергеевич Петелькин, буду штурманом, а может быть, капитаном.

— Африка,— говорит Мартыныч, ткнув в сторону берега пальцем.

— Африка?! — несколько оторопело произношу я и гляжу на обрывистый мыс: скалы сине-зеленые, будто дым от костра, в котором горят сырые дрова, кедрачи. Пустынность.— Шутите?

— Так называется этот мыс,— поясняет Петелькин.

Мог ли я в тот день предполагать, что пройдут годы, но я не расстанусь с океаном, не отступлюсь от него и помощником капитана вернусь на Камчатку на траулере, носящем название этого мыса?

Не знаю, почему, но мне нравились ночные вахты. В ночных вахтах было что-то таинственное, неизъяснимо волнующее. Все спит: небо, океан, рыба в его глубинах, птицы, отставшие от шхуны и опустившиеся на воду... Спит, покачиваясь в скрипучих койках, команда; спит, уронив голову на карту, Вова Петелькин, спит сладко и беспробудно. «Толкни меня, если Мартыныч появится»,— обычно просит он, и я толкаю Вову, если слышу, как хлопает дверь в каюте капитана.

Все спит. Только мы бодрствуем: я и шхуна. Мчится шхуна в ночи, мчится, пропарывая тьму острым и длинным бушпритом. Мне кажется, что я слышу, как шуршит вспоротая бушпритом и мачтами черная плоть ночи, шуршит, как бы раздвигаясь перед шхуной, а потом стягиваясь и вновь срастаясь за кормой в плотную непроницаемую для глаз массу.

Хлопает дверь. Скрипят ступени. Шкипер поднимает голову и громко зевает. Я толкаю Вову, и он, всхрапнув, как лошадь в ночном, вскакивает и растирает лицо ладонями.

— Иди, Вова, подремли,— говорит Мартыныч.— Побуду в рубке.

— Уйти с вахты?! Ни в коем случае! — восклицает Петелькин.

— Бессонница мучает,— говорит Мартыныч.— Иди, дружок.

— Ну хорошо,— соглашается Вова.— Вахтенный, глядеть в оба!..

Шкипер вновь бухается на палубу возле моих ног. Мартыныч курит, опершись локтями на край окна. Глядит вверх, где желтой мухой ерзает по небу и звездам топовый огонь. Иногда шхуна

некоторое время идет, не кренясь и не раскачиваясь, и топовый огонь будто пропадает, смешиваясь со звездами.

Сколько их! Вон летит Дракон, раскинув свои крылья, охотится за Лебедем. Клонится Лебедь к горизонту, а там подстерегает его созвездие Орел. Светится в нем яростным блеском звезда Альтаир, сияет, будто глаз орлиный: смутно мерцает Северная корона, топает по клотикам мачт Большая Медведица, оглядывается, поджидает Малую Медведицу. Какой океан звезд!

— А ну-ка, скажи, для чего нужны звезды? — спрашивает Мартыныч.

— Чтобы по ним определять место корабля в океане,— отвечаю я.

— Правильно. А ну-ка, откуда столько звезд на небе, а?

Молчу. Стонет во сне Шкипер: видно, приснилось, что схватился с диким портовым котом... Мартыныч попыхивает трубкой, несколько красных искр вылетают из нее.

— Звезды — это замерзшие искры из трубок моряков, стоящих на ночных вахтах,— говорит Мартыныч.— Видишь, как много на планете моряков, ишь, сколько искр позамерзало.

— Дуньте в трубку,— прошу я.— Пускай звезд будет еще больше.

Усмехнувшись, капитан дует. Сноп искр устремляется к небу. «Строгущий там капитан,— вспоминаются мне слова мужичка из лодчонки-корыта.— Бережись!..» Может, Мартыныч и швырял кого-то в воду, но он не злой, нет! Мартыныч добрый, влюбленный в шхуну и океан человек, сам кажущийся частичкой судна и океана, плещущегося за кормой...

Мартыныч выходит из рубки и спускается на палубу. Глядит вверх. Раскачивается, заложив руки за спину. Разговаривает с парусами.

— Ну что же ты, Фока? — спрашивает он у самого большого паруса шхуны.— Мы тебя штопаем, латаем, а ты все трещишь и трещишь. Как же так? Ведь ты не такой уж и старый. Не филонь, брат, тяни шхунешку, ведь ты главный тут...

Мартыныч оглядывается и, видимо, догадавшись, что мне слышны его слова, замолкает. Он бродит по сырой от ночной свежести палубе и шлепает «Актинию» по фальшборту, гладит ее, как любимого коня. Ворчит. Может, хвалит шхуну, может, ласково поругивает. Он трогает туго натянутые тросы такелажа; так, наверно, трогает струны контрабаса или скрипки музыкант, любовно и придирчиво.

Да, хорошее то было время! Один рейс, второй, третий... Новые походы, новые знакомства, новые заливы и проливы: бухта Сомнения, мыс Крещеный Огнем, бухта Ложных Вестей, отмель Минеола...

На песчаных пляжах Олюторского залива мы ходили вдоль воды и собирали в ведра блестящие обкатанные куски каменного угля. После каждого шторма океан выбрасывает уголь на берег,

и жители небольшого поселка Тиличики спешат к океану за топливом. На острове Карагинском, в одной из бухточек которого судно бросило якорь, чтобы пополнить запасы питьевой воды из чистой и прозрачной речушки, мы с Борисом отправились на охоту. Повезло: убили северного оленя. Разделав его, потащили мясо, завернутое в шкуру, к бухте, как вдруг из кедрачей выскочил медведь. Дурной какой-то медведь! А может быть, голодный? Смешно всхрюкивая, показывая клыки, медведь катился к нам, как громадный бурый шар. Несколько мгновений мы глядели на зверя, а потом, оставив добычу, припустили к бухте: с патронами было туго, Мартыныч выдал нам всего три, и мы их израсходовали на оленя. Мы очень здорово пробежались с Борькой! Наверно, больше никогда в жизни я не развивал такой бешеной скорости.

В том же рейсе мы побывали в устье реки Алтонгек. Шхуна «обросла», на ее днище образовался целый лес лохматых зеленых водорослей и колонии ракушек. Шхуна потеряла скорость. «Почиститься надо,— решил Мартыныч.— Владимир Сергеевич, прокладывай курс в устье этой речушки...» Мартыныч был опытным моряком, он знал, что живность, поселившаяся на корпусе шхуны, может обитать лишь в соленой воде, пресная же быстро погубит рачков. Так оно и случилось. Спустив шлюпки, вооружившись шкрябками, укрепленными на длинных шестах, мы скребли обшивку, сдирая с нее побуревшие лохмотья водорослей, а Мартыныч, свесившись через планшир, взбадривал нас: «Скребите «Актинию», скребите родимую! Чувствуете, как она ежится? Слушайте, она даже кряхтит и постанывает от удовольствия!..»

Оказывается, не только Мартыныч знал способ спасения от паразитов. В полдень мимо шхуны проплыли пять кашалотов. Высунув из воды лоснящиеся спины, животные улеглись рядышком в самом устье речушки и начали тереться о каменистое дно, поворачиваясь то одним, то другим боком. Они тоже очищали свои шкуры!.. Звери фырчали и пыхтели. Порой они все вдруг замирали как мертвые и закрывали глаза от наслаждения.

Да, хорошее это было время! Мы возили продукты, кинофильмы, соль и клепку на рыболовные комбинаты, рассыпанные вдоль побережий Камчатки, а там забирали рыбу.

В один из рейсов мы пришли на Командоры. Какие это острова! Когда шхуна подходила к острову Медный и я глядел на угрюмые, черные, обрывающиеся в океан скалы, на тучи, будто зацепившиеся за их вершины, мне казалось, что в этих угрюмых и диких местах не может обитать не только человек, но даже животные и птицы.

Я ошибся. Остров был населен миллионами чаек, кайр, топорков и уток-каменушек. С пронзительными воплями, стремительными табунами птицы носились над мачтами шхуны, плюхались возле ее бортов в воду или одна за другой, хлопая крыльями, плы-

ли перед шхуной, а потом, еле-еле оторвавшись от воды (такие они были жирные), летели к своим скалам.

Ухал в камни прибой. Водяные столбы медленно взлетали в воздух и опадали с водопадным шумом. Будто черный столб пепла, поднятый ветром, кружили над скалами птицы. Возле самого берега, при входе в бухту, нас встретили морские львы. Заваливаясь на спину, показывая свои влажные, блестящие животы, львы осматривали шхуну желтыми, как алыча, глазами и протяжно ревели...

Суровый, богатый край! Он был полон жизни, этот далекий остров, а его люди, смуглые, черноволосые, похожие на полинезийцев, добры и гостеприимны. Они угощали нас маринованными осьминогами, икрой морских ежей и разной рыбой. Бросив якорь в зеленую воду бухты Преображенки, мы долго пробыли на острове — ремонтировались. Там я познакомился с Ленкой, симпатичной девушкой из древнего племени морских охотников унангунов, когда-то в далекие времена завезенных на необитаемый остров с другого острова, с Атту.

В свободное время мы отправлялись с ней путешествовать. Мы уходили далеко-далеко от поселка и купались в обжигающей воде маленькой, окруженной скалами бухточки Буссоль. Потом разжигали костер, варили в котелке крабов, и Ленка просилась: «Возьми меня с собой. Ну, уговори Мартыныча! Ведь сейчас у вас нет кока. Неужели шхуна уйдет, а я останусь?..»

Повара у нас в ту пору действительно не было: сбежал наш кок. Трудненько было нам!.. Готовили пищу все по очереди. Сашка вечно пересаливал и первое и второе; Вова засыпал в камбузе, сморенный теплом печки, и суп у него выкипал, а картошка превращалась в черные уголья. Глухарь, тот умел готовить лишь странное блюдо под названием «шукрат»: сваливал в кастрюлю кислую капусту, картошку, морковь и свеклу. Он тушил овощи до кашеобразного состояния и перчил так, что, проглотив двe-три ложки «шукрата», мы разевали рты и загнанно дышали...

И все же женщина — на шхуне?! «Я лучше повешусь на краспице грот-мачты, чем разрешу женщине подняться на шхуну»,— заявил Мартыныч, лишь только услышал про Ленку. А шхуна уже готовилась к выходу в океан. Ранним утром мы поднимем якорь и отправимся в Петропавловск, а потом на Чукотку. Но мне не хотелось оставлять Ленку!.. На своей ночной вахте я ждал ее сигнала с берега... А может, она передумала?.. Ночь тихая, лунная. Гаснут огни в домах поселка, сгрудившегося своими домишками на самом берегу бухты; лениво, сонно лают там собаки, и Шкипер время от времени так же лениво отвечает им. Ворчит прибой. Вскрикнула на скалистом уступе морская птица. Вскрикнула дико, страшно. Может, оступилась во сне да и свалилась с уступа? Или схватил ее подкравшийся песец?..

Хожу по шхуне, жду. Приказав мне «глядеть в оба», Вова Петелькин дремлет в ходовой рубке, положив пухлую щеку на

лоцию островов Тихого океана... Неужели передумала? Мелькает на берегу огонек. Вспыхивает и тухнет. Зажигаю спичку: «Жду тебя!» Минут через двадцать я слышу тихий плеск и склоняюсь над водой: толкая перед собой цинковое корыто с вещами, плывет Ленка. Сбрасываю штормтрап, и Ленка взбирается на шхуну. Встав на планшир, девушка спрыгивает на палубу, и я хватаю ее, трепещущую от холода и страха.

— Что тут происходит? — раздается вдруг голос Мартыныча.— Что-о?! Женщина?! Немедленно на берег! Петелькин! Эй, Петелькин, ты опять дрыхнешь, соня ты этакий!.. Женщина на шхуне!

— Не женщина, а... а девушка! — с отчаянием говорит вдруг Ленка.— И я... я очень замерзла.

Мартыныч угрюмо смотрит на меня, потом на Ленку. Поднимает взгляд на грот-каспицу. Достает трубку и коробку с табаком. Хмурясь, вталкивает в трубку табак. Усмехается.

— Ну что ж. Это меняет дело,— говорит он, а потом, прислушавшись, слюнявит палец и поднимает над головой: — «Береговичок» уже просыпается. Петелькин! Поднимай команду, через час снимаемся с якоря.

Оживает шхуна. Протяжно зевая, бродит от борта к борту Василий Никанорович: приспосабливается, где бы разжечь паяльную лампу. Без нее не заведешь двигатель. Уж так он устроен, наш малосильный «двигун» марки «Болиндер»: чтобы он заработал, необходимо раскалить медные головки на крышке цилиндров. «Не спали шхуну! — как всегда орет Сашка.— Эй, дядя Глухарь, кому говорю?..» Лает Шкипер. «По местам стоять, с якоря сниматься!» — урчит в медный рупор-мегафон Вова Петелькин. Приседает и размахивает руками на корме Борька. Просыпаются и лают на берегу собаки. Из кубрика поднимается Ленка, одетая, как мальчишка, в свитер и брюки. Моряки замирают, как в знаменитой финальной сцене знаменитой пьесы. «Твое штатное место вот тут,— говорю я.— Будем поднимать парус вместе...» Заводится двигатель, и шхуна разворачивается бушпритом в сторону океана. Сейчас мы выйдем из бухты и начнем поднимать паруса.

— Будешь тянуть фок-дирик-фал,— говорю я Ленке.

— Вот эту веревку?

— Веревку?! Фок-дирик-фал, поняла? А вот это нагель. Сюда будешь крепить. Поняла?

Стихает двигатель. Шхуна проходит мимо обрывистых скал, и утренний бриз начинает свои песни в голых еще мачтах и снастях. Ждем. Мартыныч оглядывает палубу и рявкает: «Поднять тр-ряпки! А ну, р-р-а-аз!..» Тянем фок-дирик-фал. Смуглое девичье лицо пылает румянцем. Прикусив нижнюю губу, Ленка нетерпеливо откидывает резким движением головы прядки волос, падающие на лоб, и глядит, как, постукивая сегерсами, поднимается вверх по мачте грота-гик. Она счастлива.

— Держись возле меня, Джим, и я сделаю из тебя настоящего моряка! — говорю я ей.— А ну еще, рр-а-аз!

Ветер ударяется в парусину, расправляет ее, и шхуна все быстрее и быстрее начинает уходить от берега. Ну вот и все! Закрепляем фал, глядим на остров. Кошусь на девушку: неужели всего несколько недель назад этот каменистый кусочек земли, затерянный в океане, казался мне лишенным всякой жизни?..

С появлением на шхуне Ленки я еще больше полюбил ночные вахты. Как Мартыныч хотел из меня сделать настоящего моряка, так и я — из Ленки. Она прилежно зубрила названия рангоута, стоячего и бегучего такелажа, быстро научилась плести коврики и, конечно же, лучше всех нас орудовала иглой, починяя паруса. Она была для нас, как сестренка, а для Мартыныча и Глухаря — дочкой. «Сестренка» стирала наши тряпки, чинила рубахи и брюки, штопала свитеры и жарила по субботам пирожки с рыбой. А по ночам Ленка прибегала в рубку. Она становилась передо мной у штурвала и, сосредоточенно глядя на подсвеченную кар-

тушку компаса, вращала рулевое колесо. Вначале мы вращали его вдвоем, потом я стал снимать руки со штурвала, лишь время от времени помогая девушке удержать шхуну на курсе. Хорошо было нам! Кричали ночные птицы, раскачивалось между парусами небо, и я показывал девушке созвездия и рассказывал про искры из трубок моряков, про искры, превращающиеся в звезды...

Сколько было таких ночей? Вначале Вова Петелькин ворчал: мол, нечего делать в рубке посторонним, но потом привык к ночным визитам Ленки и делал вид, что не замечает, как девушка появляется возле штурвала.

— Ну давай... Рассказывай,— просила она меня. — Слушаю.

— Кажется, я тебе рассказал уже все-все...— и я сжал своими ладонями ее руки, держащие штурвал.— Осталось сказать совсем немногое. Всего несколько слов.

— Говори же их, эти твои слова.

Я покосился на Петелькина. Вова, научившийся спать сидя, с раскрытой лоцией в руках, будто он читает ее, уже видел, наверное, третий сон и посвистывал носом, как чайник, в котором закипает вода. Я молчал: просто я пошутил и не знал, что теперь сказать девушке. Ленка ждала. Потом, повернув голову, взглянула на меня снизу вверх (я был на голову выше ее), отпустила штурвал и, повернувшись к нему спиной, положила руки на мои плечи. Шхуна, попав на крутую волну, резко рыскнула, и Вова, не выпуская из рук книгу, рухнул с вращающегося стульчика. Тотчас в капитанской каюте хлопнула дверь, залаял вскочивший пес. Я схватил штурвал и вернул шхуну на курс. Засмеявшись, Ленка выскользнула из рубки и будто растворилась в темноте. И вовремя. В другую дверь уже вваливался встревоженный Мартыныч.

— Что-то случилось? — спросил он меня.

— В океане всегда что-то случается,— ответил я.

— Рулевой! Глядеть в оба! — хрипло, со сна, рявкнул над моим ухом очнувшийся Петелькин.

Усмехнувшись, Мартыныч распалил трубку, высунулся в окно рубки, и несколько искр ринулись в темноту, к звездам. Мы проследили их путь.

Мартыныч долго глядел на небо, потом следил, как я держу шхуну на курсе. Я старался. Шхуна шла, как по рельсам.

— Помнишь? По ночам мы говорили с тобой о звездах...— сказал Мартыныч немного погодя.

— Глядите, во-он Лев вышел на охоту. Волопас гонит куда-то свое стадо...— кивнул я в сторону горизонта, по правому борту шхуны.— А вон там — не созвездие ли Дева?

— Она самая,— подтвердил Мартыныч.— Самая крайняя звезда — Виндемиатрикс.

— Вы мне говорили: у девчонки, бегущей по небу, длинные-длинные волосы. Чуть ли не до пят. Так вот, волосы у Девы дейст-

вительно длинные, но только не русые, а черные, как палубный вар.

— Скажи Ленке, чтобы не теряла шпильки,— буркнул Мартыныч и, наклонившись, поднял две.— Ишь, расшвыряла железо возле компаса! Того и гляди прибор врать начнет.

Прошло лето, минула штормливая осень, а с ней и плавание на «Актинии». Кончилась навигация, и шхуну поставили на прикол. Я подал рапорт о списании. Имело ли смысл торчать всю длинную зиму на ней?..

— Все живое вышло из океана,— сказал мне на прощание Мартыныч.— И океан как бы обитает в каждом из нас. В тебе, во мне, в Сашке... Ленке. Понимаешь? Потому-то кровь и соленая... Капелька океанской воды гуляет и в твоих жилах. Она будет постоянно звать в океан. Настанет пора, и ты откликнешься на зов... Ну, Джим, до встречи.

— Уже зовет! — убежденно говорю я и стукаю себя по груди: — Бурлит что-то внутри. Спасибо вам за все. Клянусь Южным Крестом, созвездием всех морских бродяг, что, когда буду на Маскаренских островах, я привезу вам оттуда трубку из твердого, как железо, эбенового дерева. На память и как подтверждение, что я...

— Буду ждать,— говорит Мартыныч.— Проверю, не бросаешь ли слов на ветер. А сейчас... ну-ка, ставь лапу на локоть!

Не знаю, почему я ляпнул про Маскаренские острова. Может, потому, что находились они очень далеко, в таинственном и теплом Индийском океане, а мне так хотелось уйти на корабле куда-нибудь очень-очень далеко.

Так мы расстались с капитаном шхуны «Актиния» Вадимом Вадимовичем Мартыновым. Но не с океаном! Через месяц я ушел в рейс на рыбацком траулере. А потом, распрощавшись с Камчаткой, перебрался на Балтику. Так и проработал там все эти годы. Сколько штурманских карт прошелестело в рубках многих судов, на которых мне довелось работать!.. В один из дней на ярко-синей поверхности Индийского океана появился фиолетовый зубчик. Это был остров Реюньон, самый южный из группы Маскаренских островов. Да, где только не довелось побывать! Порой кажется, что теперь в моих жилах гуляет не капля, а целые литры соленой океанской воды...

Власти приезжают на борт траулера после обеда: пограничники, таможня, портовый врач. Через час все формальности окончены, судну разрешена «свободная практика», и боцман с матросами уже топочут ногами на шлюпочной палубе, спуская на воду шлюпку.

Капитан приглашает представителей власти в свою каюту на рюмку виски «Белая лошадь». Сидим, тесно сдвинувшись на диване, обмениваемся морскими и земными новостями.

— А что со шхунами? — спрашиваю портового врача. Из его рассказа я узнал, что он проработал тут более двадцати лет.— Помните? «Краб», «Кальмар», «Морская звезда»... «Актиния».

— Как же, помню. На дрова их попилили. Отличные, знаете, были дрова. Особенно из мачт: смолистые, трескучие, жаркие...— отвечает врач, выгребая из глубокой миски креветок.— Прочитал я в газете объявление (мол, дрова из шхун продаются) и тотчас ринулся в порт. Знаете, с дровами в ту пору было трудновато.

— И «Актинию»... тоже на дрова?

— Тоже. Правда, «Актиния» еще долго ходила. Капитан там такой был, Мартынов, воевал он за свою калошу. Разругался я с ним как-то. Приезжаем на «Актинию», говорю я ему: «Распиливать будешь, дай мне весть, Мартыныч». А он, знаете, будто взбесился. Чуть меня в воду не сбросил. Потом все ж поставили и «Актинию» на прикол. Ушли все с нее, один капитан остался. С собакой...

— Со Шкипером?

— Я же говорю: один, с собакой. Два года жили они на шхуне. Мартыныч все хотел, чтобы «Актинию» отдали пионерам, мол, она еще крепкая, ну, плавать на ней нельзя, так мальчишек и девчонок обучать морскому делу можно... Что-то не получилось у него с этим делом. Распилили шхуну. Плакал дед, а пес выл, как по покойнику. Машину я тогда дров привез. Ха-арошие были дровишки. Знаете, разжечь их было трудненько, а уж запылают — печь красная.

Мы переглядываемся с капитаном. Его вспаханное рытвинами, как луна кратерами, лицо сурово. Взглянув на часы, поднимаются из-за стола таможенник и пограничник. Врач дожевывает креветку. На шлюпочной палубе гремит лебедка. Капитан выразительно кашляет, и портовый врач, поняв намек, прощается с нами.

— Возьми и от меня небольшой подарочек Мартынычу,— говорит капитан, когда посторонние покидаютего каюту, и подает мне тяжелый пакет.— Винишко, кофе, апельсины. Пригласи в гости. Посидим, отогреем душу старику.

Он меня узнает сразу. Маленький, сгорбленный старичок поднимается из-за стола и восклицает:

— Черт побери! Это ты, Джим? — голос Мартыныча слаб и тускл, как звук надтреснутого судового колокола. Я чувствую пожатие холодных бугорчатых пальцев, бывший капитан пытается стиснуть мою ладонь с прежней мощью, но это ему не удается.— Не забыл? Проходи, голубчик, вот сюда, к окну. Взгляни, вся бухта как на ладони.

Мы садимся у стола друг против друга. Я гляжу в блеклое, измятое временем, как старый, вылинявший, отслуживший свой срок парус, лицо моего самого первого капитана, в его тусклые глаза. Сколько же ему сейчас? Да уже за семьдесят, пожалуй. Ах, время-времечко, как ты стремительно летишь-катишься!.. Неужели настанет пора и я стану таким же?.. Мартыныч глядит в мое лицо, потом вздыхает и опускает заблестевшие глаза. Наверно, и я изменился порядком, да ведь так оно и есть.

— Ну, как ты?..— спрашивает Мартыныч, доставая из ящика стола жестянку из-под монпансье. Вздрагивающими пальцами он набивает табаком коротенькую, без чубука, прогоревшую до угольной черноты трубчонку, и, не дожидаясь, когда начну говорить я, сам рассказывает:

— Петелькина помнишь? Все засыпал на вахте, и ругал я его страшно, так вот, капитанствует. Рыбачит. Орден за рыбку получил... А Сашка ушел с морей. Жаль. Хороший был моряк.

— Что с Ленкой?—спрашиваю я.— Слышали что-нибудь о ней?

— Нет, голубчик, ничего не слышал. Где? Да, наверно, на своем острове Медном. Где ж ей еще быть? Там она, на Командорах. А, ч-черт... Чубук иструхлявился, а хороших трубок, понимаешь, в продаже нет. Мучаюсь, палю себе нос.

— Держи, Мартыныч,— говорю я, пододвигая ему коробку с трубкой.— Были мы на Маскаренах. Не изготовляют там трубок, Мартыныч, а тем более из эбенового дерева, но я купил тебе привозную, английскую. Говорят, настоящий «Данхил».

В комнате небольшого деревянного дома, в котором живет Мартыныч, тесно, как в каюте. Полки уставлены лоциями, на одной из стен висит штурвал с «Актинии» и две бронзовые керосиновые лампы. Фиолетовый вечер втекает в окна, и Мартыныч зажигает лампы. Попыхивая новой трубкой, Мартыныч ходит взад и вперед по комнате и говорит о том, что рано мы списали парусные корабли, что лишь на паруснике молодой человек, желающий стать моряком, может получить настоящую закалку, что нужно строить новые баркентины, шхуны и барки, нет, не для транспортных, а для учебных целей. Эх, если бы такой учебный корабль появился в Петропавловске! Мартыныч бы тряхнул стариной, он бы еще мог кое-чему научить мальчишек. А пока он ведет кружок «морских волчат» в Доме пионеров. Там есть славные ребятки; пройдет не так уж много времени, и они покинут сушу, чтобы служить на океане.

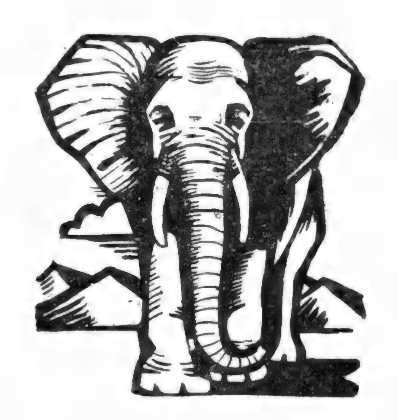
— Завтра мы встанем к пирсу под разгрузку. Приводи-ка их на траулер,— предлагаю я.— И вот что еще: на судне есть несколько свободных кают. Может, поживешь на траулере денька три? Побудешь среди моряков. Ну как?

Заложив руки за спину, Мартыныч останавливается. Он поднимает голову, как будто разглядывает не низкий, потрескавшийся в облупившейся краске потолок, а вонзившиеся в синее небо, несущие на себе реи и паруса мачты...

Перед тем как отправиться на траулер, заглядываю в справочную морского вокзала: надо узнать расписание движения судов, заходящих на Командорские острова. В тот далекий ветреный день, когда мы распрощались с Леной, я пообещал, что если доведется мне работать в жарких тропических широтах, то привезу ей ожерелье из зубов акулы...

ОБ АВТОРЕ

Иванов Юрий Николаевич. Родился в 1928 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский институт физической культуры имени Лесгафта. Работал в управлении Мортрансфлота в Калининграде. Член Союза писателей СССР. Свыше 15 лет плавал по многим морям на различных судах: промысловых, транспортных, экспедиционных. Автор 10 книг о своих путешествиях в разные страны. В нашем ежегоднике публикуется второй раз. Сейчас работает над сборником морских рассказов.

СЕРГЕЙ КУЛИК

В «ДЕБРЯХ» ЗАПОВЕДНОГО БУША

Очерк

Еще совсем недавно громоздкое и во многом рискованное путешествие в африканские дебри стало в наше время делом несложным. Благодаря развитию транспорта, связи, сервиса европейцы, например, к своему удивлению, обнаружили, что Африка почти вдвое ближе к ним, чем Северная Америка, и поездки туда сделались для них привычными. Динамичные же американцы, объездив всю Европу и удовлетворив тем присущую им «тоску по древностям», начали испытывать влечение к не тронутой человеком природе. К «уайлдлайф» — «дикой жизни», как любят говорить янки.

Так в Африке за последнее десятилетие возник туристский бум, вызванный наплывом европейских и американских посетителей. Только в одной Кении — наиболее посещаемой стране континента — поток туристов за последнее десятилетие вырос почти в восемь раз и превысил в 1973 г. полмиллиона человек. В итоге туризм превратился в одну из важных отраслей экономики этой восточноафриканской республики.

Огромные выгоды, получаемые от туризма, породили интерес к туризму. С ним считаются, его вкусы изучают. Поэтому доподлинно известно, что туристы едут в Кению, да и вообще в Африку, не для того, чтобы познакомиться с ее городами или покупаться в Индийском океане, голубизна воды которого мало чем отличается от средиземноморской. Девяносто процентов туристов приезжает для того, чтобы побывать в знаменитых африканских заповедниках. Показательно, что туристский бум затронул лишь те африканские страны, где в девственной неприкосновенности сохранились большие пространства нераспаханных земель — последний приют гигантов африканской фауны. К этим странам относятся Кения, Уганда, Танзания, Замбия, Малави, Заир, Мозамбик. Западную Африку, куда более интересную и яркую этнически, но почти лишившуюся животных, туристы не жалуют.

Чтобы привлечь туристов и их деньги, многие западноафриканские страны приступили к созданию заповедников и у себя. Но заселять их им приходится львами и слонами, импортируемыми из... европейских зоопарков.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЗАПОВЕДНИК В АФРИКЕ?

Вопрос этот отнюдь не праздный. За шесть лет жизни в Восточной Африке, объездив все знаменитые и малоизвестные заповедники, я пришел к твердому убеждению: проблемы их организации и деятельности здесь весьма специфичны.

В Кении, например, существует два вида заповедников, хотя в обиходе, да и в популярной литературе, различия между ними подчеркиваются редко. Это национальные парки (national parks) и резерваты животных (wildlife reserves). И там и здесь охота на любых зверей строжайше запрещена законом. Однако если в кенийских национальных парках Найроби, Цаво, Меру, гора Кения и Абердар, озеро Накуру, морских парках Ватаму и Малинди запрещена также и любая другая хозяйственная деятельность человека, то в резерватах Самбуру, Марсабит, Масаи-Мара, Масаи-Амбосели, Шимба подобная деятельность допускается. А это означает, что если в парке Меру, например, не может жить никто, кроме 20—30 человек обслуживающего персонала, то в резервате Самбуру местное население имеет право свободно гонять скот и распахивать землю.

Как правило, африканцы селятся на периферии резерватов, где меньше зверей и больше проезжих дорог. Огромные доходы от туризма зачастую заставляют власти больше заботиться о животных, чем об интересах людей, и поэтому территории резерватов — это территории постоянного молчаливого конфликта между администрацией заповедника и местными племенами. Далекий от экономической политики скотовод-африканец не в силах понять, почему он должен уступать свои земли пришлым белым туристам, которые лишь изредка наведываются в удаленные уголки парка — прежние пастбища — лишь для того, чтобы восхититься при виде пасущегося вместе с коровами кафрского буйвола или сфотографировать обезьян, сидящих на дереве. А буйволы и обезьяны настолько не в диковину африканцам племени самбуру, что их искренне удивляет, зачем надо вазунгу (белым) ради этих тривиальных животных ехать за тридевять земель.

Возникают бесконечные тяжбы администрации и общинников по поводу браконьерства. Самбуру пригвоздил копьем к земле леопарда. Администрация считает его нарушителем закона. Племя же заявляет, что пастух всего лишь оборонялся от хищника, пытавшегося утащить теленка. Подобные тяжбы разбираются

К очерку Владимира Толмасова

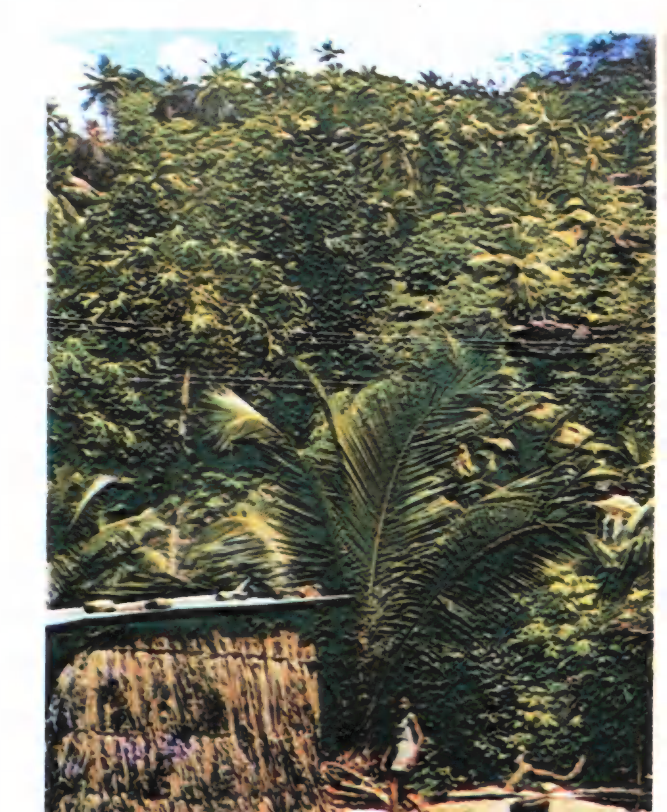
«ОСТРОВА ЛЕГЕНДАРНЫХ СОКРОВИЩ»

Столица Сейшел — город Виктория

Сейшельские острова. Вид с моря

Все, чем богата земля островов

В густых тропических зарослях затерялась деревушка

К очерку Сергея Кулика

«В „ДЕБРЯХ" ЗАПОВЕДНОГО БУША»

Антилопы — первые обитатели Самбуру, с которыми уже у въезда в парк встречаются его посетители

Время от времени, особенно в пору засухи, скотоводы-самбуру со своими стадами все же вторгаются в пределы парка ▶

Слоны уже настолько привыкли к посетителям, что, по-моему, даже научились позировать ▶

Вся жизнь львов в парке проходит в обществе туристов, наблюдающих за ними из автомобилей ▶

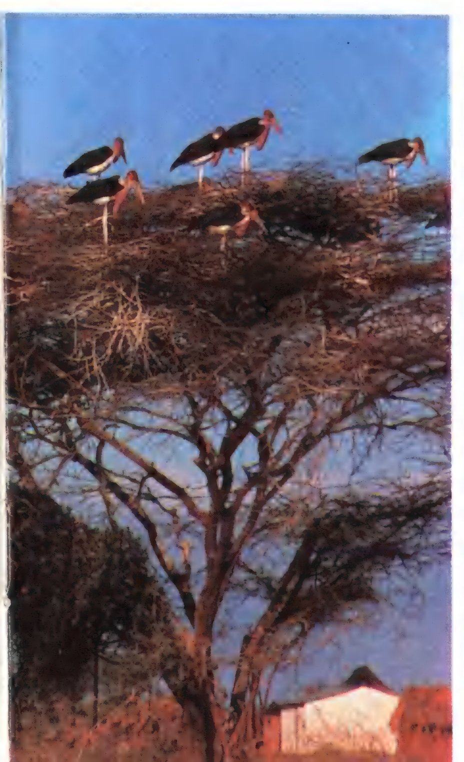
Большая колония пернатых «философов» — марабу — облюбовала себе акацию рядом с правлением парка ▶

Зебр в Самбуру настолько много, что, пробыв в парке день, туристы перестают обращать на них внимание ▶

РЕПРОДУКЦИИ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ ИЗ ПЕЩЕРЫ ЛЯСКО́
(Дордонь, Франция)
к одноименному очерку Збигнева Херберта

Бизон, поверженный человек и птица на шесте

Изображения быков

АВТОГРАД НА КАМЕ

Иллюстрированный очерк художника Игоря Пчелко

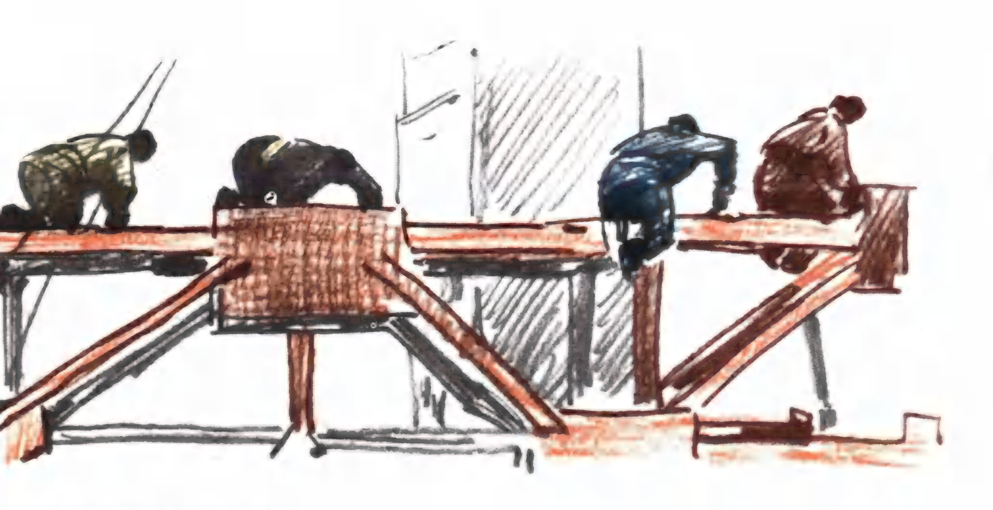
Идет монтаж цеха

Пристань Красный Ключ на Каме ▲

Строительство причалов речного порта

Идут по Каме караваны на стройку

Монтажники треста «Спецстальконструкция»

Возводится новый микрорайон Набережных Челнов

▲

Строится
прессово-рамный завод

Передовые люди КамАЗа — строители-монтажники, отделочница

К очерку Владимира Бардина

«НА БЕРЕГУ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА»

Модные прически девушек Берега Слоновой Кости

На улицах Абиджана обычны яркие наряды женщин

Пытливые глаза молодого поколения

В джунглях национального парка Банко

Пестрые краски африканского базара

А белье сушится прямо на траве

К статье Федора Талызина

«ДОБРОДУШНЫЕ ГОЛИАФЫ И КОВАРНЫЕ КАРЛИКИ КОКОА»

Словно драгоценный камень, лягушка кокоа (Филобатес латиназус) поражает своей красотой. Но кожная слизь ее содержит ядовитый батрахотоксин

Лягушка голиаф, пойманная на спиннинг возле водопада Рио-Муни (Камерун)

Кожная слизь карлика кокоа содержит яд, поражающий животных, раненных стрелой с нанесенным на ее острие ядом

годами, причем судебные власти порой умышленно затягивают дело. Обвинить пастуха в браконьерстве — значит испортить отношения со всем племенем, восстановить его против заповедников и присутствия в них туристов. А оправдать охотника на леопарда — значит создать опасный прецедент, поощрить других к истреблению зверей в резервате. Впрочем, по этому пути идут многие жители районов, прилегающих к резерватам. Зверей здесь убивают при любом удобном случае и всякий раз оправдывают это необходимостью обороны. Конечно, леопарды и буйволы еще не разучились нападать на человека. Но наверное, в девяноста девяти случаях из ста зверь предпочел бы разойтись с человеком мирно.

Однако все эти «околозаповедные» конфликты остаются вне поля зрения туриста. Для него заповедник начинается со стрельчатых ворот, сбоку от которых на двух деревянных столбах укреплен внушительных размеров металлический силуэт носорога — символ кенийских парков. Надпись гласит: «Резерват животных Самбуру». Тут же будочка, где одетый в униформу аскари продает билеты на право въезда в заповедник. Обычно иностранные туристы, путешествующие по Кении с помощью компаний по организации сафари, приезжают в заповедник на небольшом раскрашенном под зебру или жирафа автобусе, рассчитанном на четыре — шесть человек. Пока шофер покупает билеты (3 доллара за каждого туриста и 1,5 доллара за автобус), посетители в предчувствии острых ощущений и романтических встреч с «дикими хозяевами буша» фотографируются возле силуэта носорога и знакомятся с правилами поведения людей в заповеднике, где «хозяин — зверь». К своему великому разочарованию, они узнают, что в резервате нельзя кричать и громко восторгаться увиденным, нельзя выходить из машины, приманивать зверей бананами, бисквитами, конфетами и прочей снедью, которой посетители уже набили сумки, нельзя приближаться к зверям на расстояние менее 30 метров, но зато, находясь за рулем, необходимо уступать дорогу зверям, особенно слонам, придерживаться скорости не более 20 км в час и возвращаться в гостиницу или к воротам парка не позднее наступления сумерек, то есть в половине седьмого вечера. Все эти ограничения, предоставляющие множество преимуществ животным и никаких — людям, обычно несколько обижают туристов, но отнюдь не убивают в них интереса к заповеднику.

Наконец шофер положил в карман билеты, аскари открыл шлагбаум, и зеброподобный автобусик покатил по красной дороге парка. Ворота позади.

Эти ворота, как ни странно, магически действуют на большинство туристов. «Есть ворота, значит, есть и забор»,— решают они.

— Какому же чудаку взбредет в голову ставить отличные ворота, да еще и шлагбаум, если нет изгороди? — с чувством глубокой убежденности доказывали мне десятки туристов, когда речь заходила о заповедниках.— Конечно, все парки в Кении огорожены!

И тут турист впадает в свою первую ошибку. Слово «парк» рождает в его голове впечатление какого-то ухоженного, окультуренного клочка земли, а если турист из Европы, то возникают прямые ассоциации с европейскими парками-заповедниками, где на учет поставлено каждое дерево и где егерь доподлинно знает, на каком из пронумерованных деревьев живет белка. Турист и не подозревает, что в сегодняшней Кении парки и резерваты занимают около 40 тысяч квадратных километров, почти десять процентов территории страны. Обнести забором, например, огромный Цаво-парк и прилегающие к нему резерваты равносильно тому, чтобы построить изгородь вдоль границ какой-нибудь европейской страны, скажем Бельгии.

Парки и резерваты огромны; красные ниточки дорог, по которым бегают туристские автобусики, проложены лишь между наиболее интересными районами заповедников с красивым ландшафтом, водопоями или тенистыми зарослями деревьев, привлекающими зверей. Между этими дорогами лежат обширные (шириной в тридцать — пятьдесят километров) пространства девственного африканского буша. Животные могут делать в парках что хотят: пересекать никак не обозначенные их границы, навсегда уходить из парка или навеки селиться в нем. В основу идеи создания парков и была положена мысль о том, чтобы зверь чувствовал себя совершенно свободным.

Единственный заповедник, окруженный (правда, всего лишь с двух сторон) забором,— это Национальный парк Найроби. Прямо к его территории подходят кварталы современного города с полумиллионным населением, восточную границу парка образует оживленное шоссе, связывающее кенийскую столицу с главным восточноафриканским портом Момбасой. Тут, конечно, забор необходим и для людей, и для зверей. До тех пор пока его не построили, найробийские газеты имели возможность почти еженедельно печатать «экзотические» фотографии — автомашины, разбившиеся при столкновении с зебрами и гну.

Но зачем же тогда ворота? Для людей и от людей. Созданный для охраны животных в их естественной среде обитания, парк в условиях Восточной Африки очень скоро приобрел и новую функцию. По мере развития туризма парк все больше превращался в коммерческое предприятие. Въезжающему в него туристу порой невдомек, что ворота, под которыми он фотографируется, построены исключительно для того, чтобы взять с него мзду. Турист никогда не задумывается о том, что, даже если парк и огородить пятью или шестью рядами колючей проволоки, ни слона, ни жирафа такой барьер не остановит. В то же время турист в заповеднике, как и везде в Африке,— пленник дороги. У него нет возможности миновать ворота, потому что в противном случае его автобусик, не проехав и сотни метров, застрянет на обломке лавы. Таким образом, не заборы, а бездорожье охраняет зверей в кенийских парках.

Есть, конечно, и другой тип посетителей заповедников. Это люди побогаче, которые могут позволить себе поездку не в коллективном автобусе, а в индивидуальном лендровере, или живущие в самой Кении европейцы, имеющие машины повышенной проходимости. Конечно, они могут оторваться от дороги, миновать ворота и въехать в парк, где им заблагорассудится. Но тут уже, как правило, вступает в силу инстинкт самосохранения. В отличие от туриста, сидящего в автобусе и не ведающего об опасностях парков, эти «вольностранствующие» знают, что такое африканский буш. Если вы сталкиваетесь лицом к лицу с раздраженным слоном на дороге, у вас есть немало шансов удрать от него на своей машине. Но если такая встреча произойдет среди нагромождений туфа или в зарослях акаций, где лендровер ползет со скоростью пять километров в час, ваша судьба зависит исключительно от доброй воли слона.

Администрация парков не запрещает людям, предпочитающим смотреть на Африку не с обочины дороги, уединяться от ненавистных им туристских автобусиков и оставаться наедине с животными посреди буша. Но для таких посетителей парка в будке у ворот есть специальная книга, где они помимо общих для всех сведений указывают еще и дополнительные: «Дата выезда из парка», «Ворота, через которые будет покинут парк». В заповедниках с особо плохими дорогами и «опасной звериной ситуацией», например в горном парке Кения или в огромном кишащем зверями Меру, аскари обязаны особенно внимательно следить за датами выезда. Если через тридцать шесть часов после объявленного времени ваша машина не проследовала ни через одни ворота, на ее поиски посылаются служители парка. Вот почему все (за исключением злостных браконьеров) выбирают дорогу, ведущую через ворота.

МИЛЛИОНЕРЫ ПРЕДПОЧИТАЮТ ПАЛАТКИ

Миновав ворота резервата Самбуру, посетители едут по красной, лишенной асфальтового покрытия дороге. От множества машин, поднимающих пыль, придорожная растительность покрыта густым красным налетом. Первые километры не радуют обилием зверей, особенно если въехать в парк днем, когда почти все его обитатели, прячась от солнца, забираются в заросли в поисках тени. Найти ее, правда, нелегко, потому что зонтичные акации и канделябровидные молочаи, преобладающие на равнине Самбуру, образуют светлый полог, почти не защищающий от полуденного зноя. Лишь около шести вечера, за час до наступления темноты, у дороги показываются табунки зебр, грациозные антилопы геренуки перебегают дорогу под самым носом машины да любопытные сетчатые жирафы, задрав головы над зонтиками деревьев,

приветливо помахивают хвостами туристам, спешащим в гостиницу до наступления темноты.

Предупредительные портье-африканцы уже поджидают посетителей. Вынув из машины багаж, они провожают их в номер.

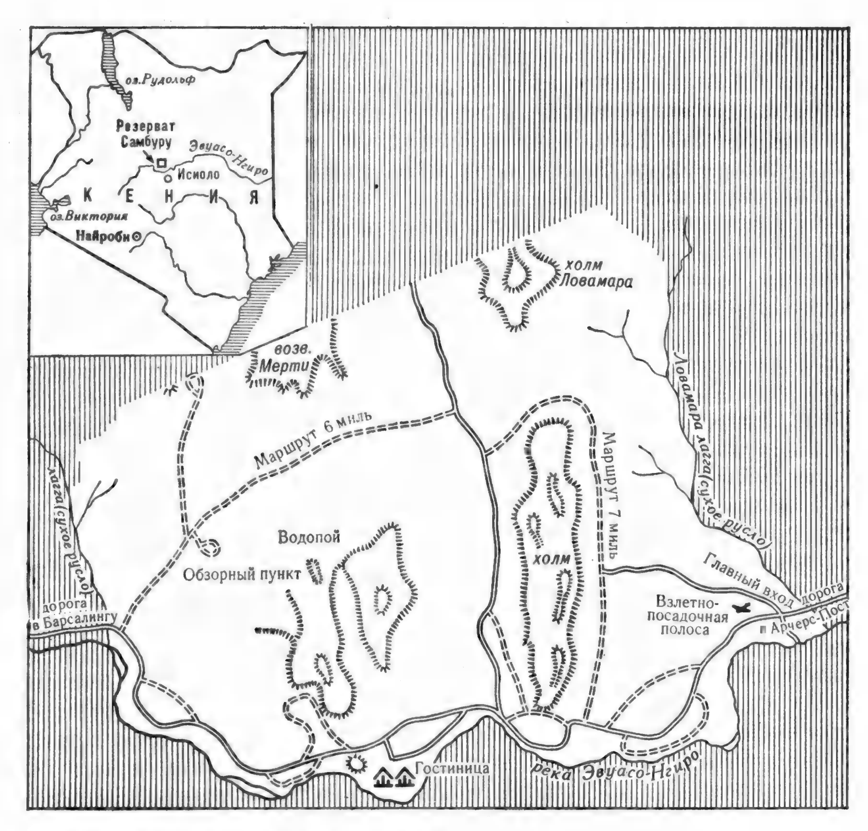
Вместе с портье рядом с туристом важно шествует служитель парка в зеленой форме с допотопным шомпольным ружьем на плече. Никто не помнит, когда в последний раз применялось это ружье, однако вооруженный аскари создает колорит, который так нравится туристу.

Войдя в номер, портье обязательно спустит над кроватью противомоскитную сетку (хотя в аридных районах Кении нет комаров) и опрыснет комнату инсектицидом, призванным предохранить туриста от прочих вредных африканских тварей. Все это также производит соответствующее впечатление на жаждущего «настоящей Африки» посетителя.

Все гостиницы в восточноафриканских заповедниках называются лоджами (lodge). В английском языке это слово означает сторожку, охотничий домик, временное жилье. Туристу, покупающему где-нибудь в Лондоне или Чикаго тур по Кении, это название как бы обещает, что он будет жить в Африке чуть ли не в таких же условиях, как и первопроходцы: маленькая хлипкая хижина посреди буша, кишащего носорогами и львами. В действительности же лоджи в кенийских парках — это солидные сооружения со всеми удобствами, причем самые современные, построенные в семидесятых годах гостиницы, например «Нгулиа лодж» в Цаво, представляют собой строения, которые сделали бы честь любому городу.

Но вот лодж в Самбуру больше всего соответствует подлинному смыслу этого слова. Туристов поселяют здесь в небольших деревянных коттеджах под соломенной крышей. В коттедже две изолированные комнаты, каждая на двух человек. Внешне эти строения неказисты, внутреннее же их убранство сочетает в себе продуманный утилитаризм с подчеркнуто «дорогой» простотой. Отличительная черта всех кенийских лоджей — удивительно умелое использование местных материалов, приспособление предметов традиционного африканского быта к потребностям современного интерьера. Стенки обшиты порой необструганными досками, но доски эти — тиковые или палисандровые. На стенах — картины-аппликации из банановых листьев или шкур антилоп, на полу — цветастые циновки из пальмы рафии, на потолке — лампа с абажуром из калебаса (полой тыквы), на тумбочке — ночник, украшенный бисерными орнаментами самбуру.

Коттеджи находятся в 20—30 метрах друг от друга, они цепочкой выстроились на берегу реки Эвуасо-Нгиро, скрытой зарослями галерейных лесов. Примерно десять коттеджей с одной стороны, десять — с другой, посредине — ресторан и общий холл, в котором уже начинают собираться принявшие душ и смывшие с себя красную дорожную пыль туристы.

Национальный парк Самбуру. Кения

Холл этот, как и вообще лодж Самбуру, удивительно удачно расположен. Из него можно попасть в ресторан и под навес, устроенный на сваях над медленно текущей Эвуасо-Нгиро. В полном смысле этого слова вы сидите над рекой, сидите со всеми удобствами в кресле, попивая ледяной джин с горьковатым тоником, обмениваетесь первыми впечатлениями с соседом и наблюдаете, что происходит на противоположном берегу, выхваченном из темноты сильными прожекторами.

Если вы приехали в Самбуру в сухой сезон, когда Эвуасо-Нгиро служит единственным источником воды для всего живого в заповеднике, на том берегу, всего лишь в тридцати метрах от холла, можно наблюдать интересные сценки. Обеспокоенные яркими прожекторами, долго не могут успокоиться бабуины, перекочевавшие из высохшей саванны в зеленые галерейные леса. Иногда какой-нибудь бабуин, ослепленный светом, замешкается у воды и не заметит, как из нее появится зубастая пасть крокодила. Молниеносный рывок — и обезьяна уже в его пасти. Боже, какой

шум поднимается тогда на деревьях! Кажется, все обезьянье население оплакивает жизнь своего товарища. Но вот бабуины как по команде исчезают, и над лесом, над рекой повисает мертвая тишина. Потом лес как бы расступается, и из его загадочных дебрей появляются, так ничем и не нарушив тишины, гигантские силуэты слонов. Они жадно набирают хоботами воду, отдыхают, потом опять пьют.

Утолив жажду, гиганты не сразу поворачивают обратно. Они подолгу стоят и смотрят на противоположный берег, где в висящем над рекой стеклянном холле, словно в клетке, сидят люди. И тут некоторые туристы впервые начинают понимать, что африканский парк — это не зоопарк и что здесь в какой-то степени люди и звери меняются ролями. Потом слоны столь же беззвучно скрываются в лесу, а люди, послушные зову мелодичного ксилофона, которым метрдотель созывает их к трапезе, отправляются в ресторан.

В убранстве ресторана преобладает все тот же местный колорит, приспособленный к размерам большого зала. Здесь уже появляются шкуры зебр и львов, смотрящие со всех стен головы носорогов и буйволов, черепа слонов у каминов. Единственно, где нет ничего экзотического,— это меню кенийских лоджей. Влияние Африки сказывается здесь лишь в небольшом ломтике папайи, дольке манго или кружке́ ананаса, которые лежат на общем столе.

В ресторанах при лоджах посетитель не может заказывать блюда по своему вкусу. Ему подают нечто вроде комплексного обеда. Стройные официанты-самбуру, совсем недавно сменившие копье морана на поднос, разносят блюда традиционной английской кухни: протертый суп, жареную рыбу в тесте, ростбиф, пудинг, сыр, кофе. Если вы попросите чай, все будут необычайно удивлены. И не верьте тем, кто рассказывает о зебровых бифштексах или рагу из гиппопотама, подаваемых в кенийских ресторанах. Их там не бывает.

Но турист доволен и протертым супом. Он ест все подряд, ни от чего не отказываясь и лишь давая повод для размышлений, как можно сохранить поджарую английскую фигуру, проглотив в девять вечера шесть блюд. Он хочет не только увидеть в Африке все, что можно, но и съесть все, что можно.

У нас бытует мнение, что в подобные сафари ездят преимущественно богатые люди, чуть ли не миллионеры. В действительности же основной клиент туристских компаний — заурядный обыватель: среднего достатка лавочник, клерк, супружеские пары пенсионного возраста и вдовы. Последние, особенно американские вдовы, обычно составляют больше половины туристских групп.

Вдовы эти на редкость говорливы и порой, не дожидаясь вопросов, сами рассказывали о том, почему они пустились в путешествие. Получалось, что из-за дороговизны жизни в Соединен-

ных Штатах путешествие в Африку, где питание и сервис намного дешевле, приносило им даже определенные выгоды. «Ведь здесь мясо почти в три раза дешевле, чем в Небраске!» — этот восторженный довод всегда можно услышать за ужином, когда вдовы поглощают пятое блюдо. Конечно, чтобы дешевизна мяса компенсировала стоимость дороги из Америки в Кению, здесь надо прожить не одну неделю. Поэтому многие вдовы оседают надолго и проникают всюду. В каких только заброшенных уголках Африки не встречал я американских вдов, всегда аккуратненько завитых, напудренных, наутюженных...

Поставленный крупными компаниями на поток туристский бизнес действительно сотворил чудо. Парадоксально, что простому пассажиру, летящему по делам из Найроби в Лондон, билет обходится дороже, чем туристу весь тур, то есть перелет по тому же маршруту в оба конца плюс десять дней путешествия по Африке. Причина этого кроется в прекрасной организации путешествия в Кении. Обыкновенный пассажирский самолет Лондон — Найроби порой летит наполовину незагруженным. Туристская же компания, набрав 180 человек, желающих посмотреть национальные парки Кении, арендует у авиакомпании тот же самолет, гарантируя стопроцентную загрузку, но за это получает сорок процентов скидки. На тех же условиях («мы вам — стопроцентную загрузку, вы нам — максимальную скидку») поддерживают туристские компании отношения с гостиницами, ресторанами, транспортными агентствами, магазинами по торговле сувенирами и т. д.

Ну, а богатый турист? Миллионеры, кинозвезды и титулованные особы? Для них показной комфорт лоджей кажется убожеством. Их раздражает общество вдов и сутолока автомашин на дорогах парка. Они хотят быть наедине с Африкой, почувствовать ее подлинный аромат. Миллионеры поэтому живут... в палатках.

В Самбуру, например, как и в большинстве других заповедников, существует кэмпинг сайд — место, где можно разбивать палатки. Это не одна площадка, а несколько изолированных друг от друга обширных участков, расчищенных от древесной растительности. Поскольку миллионеров не так уж много, в кэмпинг сайд обычно живут хиппи, не имеющие двадцати долларов в сутки на оплату жизни в лодже, или люди, не желающие стеснять себя условностями существования в гостинице. К таким относился и я, всегда стремившийся ночевать просто в машине.

Как-то я приехал на одну такую площадку в Самбуру, когда уже начало темнеть. К моему удовольствию, никого больше там не оказалось. Я было принялся разводить костер, когда на площадку въехал лендровер. Сулейман Хассан, профессиональный охотник на слонов, с которым я был давно знаком, помахал мне из кабины рукой.

— Послушай, у меня капризные клиенты. Они зарезервировали еще в Найроби именно эту площадку. Будь другом, перейди на другую.

— А почему не наоборот, если я уже обосновался здесь?
— Это кэмпинг сайд три, клиент любит это число.
Довод, конечно, был веским, и я, не имея никакого желания портить карьеру Сулейману, переехал на соседнюю площадку.
Часа через два из кромешной темноты показались яркие фары, заставившие меня чертыхнуться: сидя в машине, я перематывал фотопленку, которая, конечно, теперь погибла.
— Добрый вечер,— узнал я голос Сулеймана.— Мои клиенты приглашают тебя на ужин. Они уже месяц ездят вместе и изрядно надоели друг другу.
— Что за клиенты?
— Американцы. Один возглавляет крупнейшую в Штатах юридическую контору, другой имеет несколько гостиниц в Калифорнии.
Я еще раз чертыхнулся по поводу засвеченной пленки, осведомился, не стоит ли нацепить галстук поверх моей пыльной ковбойки, и вскочил в кабину к Сулейману.
Площадку, посреди которой всего лишь три часа назад я разводил костер, нельзя было узнать. Шесть столбов с яркими газовыми фонарями освещали целый городок, словно по мановению волшебной палочки выросший в саванне. Три огромные разноцветные палатки с террасами, кухня под прозрачным пластиковым колпаком, туалеты, душ, ванная, яркие тенты над креслами, большой навес над отлично сервированным столом... В дальнем углу площадки — два огромных крытых грузовика, на которых был доставлен весь этот скарб, и человек десять африканцев, возившихся у костра.
Мы познакомились. Оба сухопарых джентльмена высказали свое изумление, что встретили русского в кенийской саванне; я парировал тем, что встречал американских вдов даже на Байкале. Потом один из джентльменов, вспомнив о том, как он был в Москве, хлопнул себя по лбу, потянул меня под навес, где помимо стола стояли два холодильника. Один из них служил баром. Мистер покопался в нем и, издав радостный возглас, повернулся ко мне.
— Вы, наверное, не ожидали, что американец посреди африканского буша будет угощать вас русской водкой? — торжественно произнес он.— Сто-лиц-най-я. Корошо!
Да, бутылка нашей «Столичной» тоже оказалась в баре любителей комфорта, направляющихся в Судан стрелять слонов.
Повар-африканец в белых перчатках подал нам черепаховый суп и жаркое из дикобраза, добытых где-то по дороге. Поблагодарив хлебосольных любителей числа «три» за ужин, я пошел к костру, где Сулейман играл с африканцами в карты.
— Во что обходится такое сафари? — спросил я его.
— Двести пятьдесят фунтов в день,— ответил он.
Двести пятьдесят фунтов — это больше пятисот долларов. За такие деньги американская вдова может прилететь по туристскому

туру из Нью-Йорка в Найроби и в течение целого месяца не отказывать себе в мясе и созерцании слонов. Что же касается официанта-самбуру в лодже, то ему, чтобы заработать такую сумму, надо разносить протертый суп и пудинги целых два года.

ДЕНЬ В РЕЗЕРВАТЕ САМБУРУ

Холодно... Неправдоподобно холодно для места, лежащего между экватором и первым градусом северной широты, и притом не в горах, а на равнине, еще вчера дышавшей жаром, сухой и пыльной. Шесть часов утра... Солнце еще не вышло из-за горизонта, хотя его рассеянный свет уже прогнал кромешную ночную тьму, проявив на фоне бесцветного неба силуэты ветвистых дум-пальм, склонившихся над Эвуасо-Нгиро. Спавшие на их макушках обезьяны пробудились и начали свои будничные распри. Вставать не хочется, но надо. Первые утренние часы, пока еще прохладно, пока на траве лежит роса и солнце не раскалило землю,— лучшее время для поездок по парку. Нет утомительной жары, притупляющей восприятие мира, да и весь мир в эти часы утренней свежести полон жизни. Звери встречают восход на ногах и не возражают против того, чтобы показать себя людям. Надо вставать...

Красный краешек солнца показался над подернутой дымкой тумана саванной. Семь — десять минут, и вот уже огромный пылающий круг лежит на земле, кажется, совсем недалеко, за причудливыми кружевами зонтиков акаций, изящно подставивших первым лучам свои тонкие, усаженные колючками ветви. Загомонили птицы. Резерват Самбуру считается раем для любителей орнитофауны. Иногда в засушливые сезоны из заповедника почти полностью исчезают крупные звери. Но пятьдесят — шестьдесят видов птиц вы всегда можете насчитать, прогуливаясь возле лоджа.

В четверть седьмого в номер приносят обязательный английский чай с молоком. Выпив его и умывшись, туристы устремляются к своим автобусам и под предводительством опытных проводников, вооруженных все тем же шомпольным ружьем, едут по парку. К половине седьмого в лодже не остается никого, кроме обслуживающего персонала. Двенадцать — пятнадцать автобусиков и две-три индивидуальные машины разъезжаются по парку. Автобусы ездят по своему маршруту и строго по расписанию. Весь парк разбит на пронумерованные квадраты, и если первый автобус выехал в квадрат 3А, а второй — в 3В, то через десять — пятнадцать минут они поменяются местами. Квадратов в парке много, однако туристов везут лишь туда, где есть какая-то достопримечательность. Такие квадраты имеют и свои собственные названия. Так, например, Бафалло-спринг — это источник, у которого почти всегда можно увидеть по утрам стадо буйволов. Пыльные склоны

Мерти эль-Дебри — излюбленное место носорогов. Болота Ловамара Лагга — обитель бегемотов, заросли дум-пальм вдоль Килтаман Лагга — прибежище ищущих тени слонов, холмы Ловамара, покрытые вечнозелеными зарослями колючек,— пастбища жирафов. Крупные животные, как правило, привязаны в парке к определенному ландшафту, у них есть свои излюбленные места, и поэтому опытный человек без труда может найти их. Кроме того, встретившись в парке, проводники обмениваются не только приветствиями, но и информацией о том, что произошло за ночь. В таком-то квадрате прайд львов задрал буйвола, в таком-то мамаша гепард со своими котятами устроилась под большой эвфорбией греться на камне, в таком-то страусы устраивают свои брачные танцы. В результате через какой-нибудь час все проводники знают о новостях, подмеченных их коллегами, и безошибочно везут свои группы посмотреть тех или иных животных.

Но для самих туристов все это остается тайной. У них складывается ложное впечатление, что огромный заповедник Самбуру буквально набит зверями и что, куда ни поедешь, всюду их ожидает сюрприз, всюду стада слонов и всюду львы раздирают буйволов. К десяти часам, когда начинает припекать солнце и исчезают звери, турист уже успел вдоволь насмотреться и истратить весь запас фото- и кинопленки. Правда, он не видал леопарда, но всем известно, что эта великолепная кошка предпочитает ночь. О геренуке и дик-дик, ради которых стоит приехать в Самбуру, туристы даже никогда и не слышали, а опытный проводник, уже усвоивший вкус своих клиентов, так и не дал себе труда поискать их. В общем турист в восторге, он переполнен впечатлениями, к тому же зверски хочет есть, поскольку утренний чай с молоком не самая сытная пища.

К десяти утра автобусы возвращаются в лоджи, и туристы, побросав свои камеры и наскоро умывшись, набрасываются на завтрак. Он начинается с фруктов и соков, затем — корнфлекс с молоком, овсяная каша или яйца в любом виде, чай или кофе с поджаренным хлебом, джемом или медом. Не смотрите в меню, ничего иного там никогда не бывает.

Час туристы отдыхают, делятся впечатлениями, кормят слетающихся отовсюду птиц и вопреки просьбам персонала гостиницы угощают бананами обезьян, которые нагло скачут по холлу, проникают в открытые окна ресторана, бьют там посуду и воруют все, что только может переварить обезьяний желудок. Наиболее энергичные туристы вновь усаживаются в автобус и едут в парк, но гиды, уже исполнившие утром свой долг и получившие чаевые, отнюдь не склонны опять колесить по парку. Они направляют автобусы в те места, где заведомо нет зверей, и, разморенный жарой, быстро потерявший всякий интерес к флоре и фауне, турист начинает проситься в гостиницу.

Еще одна забава, которую заповедник Самбуру может предложить туристам,— игра проворных мангуст. Когда солнце при-

ближается к зениту, мангусты почему-то слезают с деревьев и устраивают на зеленых лужайках между коттеджами настоящие представления. С неописуемым проворством носятся эти небольшие, немного напоминающие белок зверьки друг за другом, бесстрашно забираются на людей, распушив хвосты-парашюты, прыгают с крыш коттеджей на усыпанные лиловыми цветами кусты бугенвиллей...

Однако долго наслаждаться играми мангуст нет времени. В час туристы усаживаются обедать, а портье укладывают их чемоданы в автобусы. К этому времени к лоджу стягиваются нарядившиеся в красные тоги самбуры с копьями. Африканцы живут напротив, в поселке для служителей парка и гостиницы. Они фотографируются в обнимку с туристами, те платят шиллинги, самбуру расточают очаровательные улыбки. В два часа автобус покидает лодж и направляется к воротам парка, тем самым воротам, что обходятся без забора. Знакомство с «дикой» Африкой и «кишащей зверями» саванной заканчивается. А навстречу уезжающим уже катит из Найроби вереница других автобусов...

Лодж, да и весь заповедник, на два-три часа пустеет. Остаются лишь две-три машины, владельцы которых знают Самбуру как свои пять пальцев, были в заповеднике не раз и отдают себе отчет, зачем они остались на сегодня.

Чего не увидел, не почувствовал турист во время хорошо организованного, прошедшего без сучка и задоринки, без единой незапланированной остановки сафари по одному из интереснейших парков Кении? Он не почувствовал и не увидел настоящей Африки. Побывав в заповеднике, он не понял, что такое настоящий восточноафриканский парк — нетронутый, отданный диким зверям огромный кусок девственной саванны, а не аттракцион на природе, функционирующий как коммерческое предприятие.

Национальные парки и резерваты — это, бесспорно, самое интересное, что есть в Кении. Только здесь, в больших заповедниках, сохранилось отдаленное подобие той фауны, которая еще каких-нибудь восемьдесят лет назад существовала в Восточной Африке повсюду. Ведь еще в начале века, в первые годы после открытия железной дороги Момбаса — озеро Виктория, европейские колонисты умудрялись убивать из окна вагона десяток слонов за четверть часа. И именно отсюда, из района Самбуру, в Момбасу доставляли с каждым караваном две-три тонны слоновой кости.

Укрывшихся сегодня в заповедниках крупных зверей намного меньше. В Самбуру, например, вряд ли наберется сотня слонов, их бивней не хватит даже на один средней руки караван конца прошлого века. Турист же, которого гиды возили по определенным местам, где только и можно увидеть зверей, уехал из Самбуру, уверенный, что резерват кишит животными.

Кенийские парки великолепны. Только здесь можно почувствовать неописуемое наслаждение быть один на один с подлинной

Африкой, испытать прелесть смешанного чувства любопытства, страха и восхищения, которое, наверное, ежедневно испытывали наши предки, сталкиваясь с природой в ее первозданном состоянии. По-моему, только здесь, рядом с трубящими слонами или резвящимися гепардами, цивилизованный человек может испытать всю прелесть почти нетронутой природы, почувствовать себя хозяином собственной судьбы.

Вне заповедников животные боятся человека. Возле дорог, пересекающих кенийский север, вы не видите зверей не потому, что их вообще нет в этом районе. Здесь их гораздо больше, чем в любом заповеднике. Но кенийский север — это огромные охотничьи угодья, где разрешен отстрел животных по лицензиям и где, пользуясь отсутствием контроля со стороны властей, еще прекрасно чувствуют себя браконьеры. Человек и смерть — это синонимы для зверей, живущих вне заповедников Кении.

Туристы едут по резервату Самбуру, и их автобус то и дело притормаживает: зебры и антилопы не желают уступать дорогу. Но если бы турист отъехал от парка всего лишь на двадцать — тридцать километров и, взяв бинокль, понаблюдал, как ведут себя те же зебры и антилопы, он бы увидел совсем другую картину.

Как только автомашина попадает в поле зрения зебр или антилоп, они бросают все свои дела и начинают пристально наблюдать за ней. Стоит машине остановиться, как животные приходят в движение, увеличивая расстояние между собой и дорогой. Машина свернула в их сторону — зебры и антилопы рысцой потрусили прочь. Из машины показался человек — они молниеносно перешли в галоп. Звери прекрасно осведомлены об охотничьих законах. Они уже давным-давно разобрались, что человек не стреляет из машины (это строжайше запрещено кенийским законодательством). Поэтому, хотя зверей на кенийском севере много, добыть разрешенное лицензией количество ориксов и буйволов не так-то легко. Животные не подпускают к себе на расстояние выстрела, порой по нескольку дней приходится крутиться по равнине, а на горизонте, куда ни глянь, видны огромные стада.

Звери поумнее, особенно слоны и крупные кошки, преуспели в понимании человеческих порядков еще больше. Не раз я слышал: многие звери отлично усвоили, что в парке им не грозит опасность, а вне парка грозит, и прекрасно знают невидимую границу, разделяющую зоны жизни и смерти. Честно говоря, я не верил в это.

В страшный для всего кенийского севера 1970 год, когда невиданная засуха выжгла всю растительность, я ездил по Самбуру с директором службы национальных парков Кении Д. Олинде. В резервате сложилась крайне сложная обстановка. От голода погибло немало зебр и антилоп; почуяв добычу, с севера, где было еще суше, в парк перекочевали стаи гиен и шакалов, резко возросло львиное население. Выжившие антилопы и зебры, собравшись в два огромных стада, ринулись на юг, в зеленые предгор-

ные районы, а хищники остались «не у дел». Львы начали терроризировать слонов, которые, съев все, что годилось в пищу во внутренней части резервата, переселились в узкую полоску галерейных лесов вдоль Эвуасо-Нгиро. Не проходило ночи, чтобы в зарослях дум-пальм не разыгрывались шумные схватки между толстокожими гигантами и голодными «хозяевами» буша. Слоны, как правило, выходили победителями; служители парка чаще всего видели израненных львов и лишь однажды — тушу слона, которую раздирали около двух десятков львов. Но вскоре слоны, обглодав все, что мог достать их хобот, начали валить деревья. Единственный зеленый оазис резервата Самбуру, полоска галерейных лесов вдоль реки, оказался под угрозой уничтожения. Парковая администрация начала поговаривать о необходимости отстрела части слонов, пока они, уничтожив всю растительность в парке, сами не погибли от голода. У границ резервата было подстрелено несколько «чужих» слонов, пробиравшихся с выжженного севера в парк, к реке.

Под шумок активизировались браконьеры. Полуголодные, обиженные львами слоны в резервате неожиданно увидели врага и в человеке. Несколько неприятных инцидентов (слоны начали гоняться за автобусами, а по ночам в поисках зелени разгуливать между коттеджами) вынудили администрацию временно закрыть резерват для посетителей. В это время Д. Олинде и пригласил меня в заповедник.

Мы въезжали в резерват, когда справа, с незаповедной стороны, из серых колючек акации показалась огромная слониха, а за ней — стадо слонов голов в пятнадцать. Наш лендровер катил со скоростью шестьдесят миль в час, и никто из нас не сомневался, что мы можем проскочить этот участок дороги задолго до того, как на него выйдут слоны. Однако слониха, очевидно, пребывала в расстроенных чувствах и, угрожающе расставив уши и задрав хобот, внезапно выскочила на дорогу. Видавший виды водитель растерялся. На пыльной песчаной дороге он слишком резко нажал на тормоза, лендровер развернуло, и густое облако красной пыли скрыло нас от слонихи.

Очевидно, скрежет тормозов и проделанный лендровером рискованный пируэт испугали нашу преследовательницу. Не теряя времени, мы понеслись прочь от слонихи и остановились, проехав с полкилометра.

Когда пыльное облако рассеялось, мы увидели слониху, стоявшую поперек дороги метрах в ста от нас. Стада не было видно. Чуть помедлив, она быстро пошла назад и, свернув на незаповедную территорию, скрылась в кустах. Мы развернулись и медленно поехали по дороге, но вскоре вновь были остановлены слонихой, которую на сей раз сопровождал и самец. Отогнав нас, оба слона, расставив уши, загородили дорогу. Вскоре из зарослей быстрым, неровным, совсем не свойственным этим величественным животным шагом вышло стадо. Слоны тесно прижались друг

к другу, в самом центре стада между огромными ногами животных рысцой трусили два крохотных слоненка. Когда слоновая толпа достигла середины дороги, два загородивших дорогу гиганта предостерегающе подняли хоботы и грозно затрубили.

Но стоило стаду пересечь дорогу и оказаться на заповедной территории, как их поведение резко изменилось. Слоны-«сторожа», опустив уши, просоединились к остальным слонам. Животные, явно успокоившись, уже не прятались в кустах, а разгуливали вдоль обочины, вырывая покрытую красной пылью траву. Даже слоны-малютки вышли из-под прикрытия материнских тел. Свойственное слонам любопытство, я бы сказал, мудрая созерцательность вернулись к ним. Мы проехали мимо стада, и никто из слонов даже и не подумал пугать нас. Они лишь проводили нас спокойным, полным чувства собственного достоинства взглядом.

Другой характерный эпизод наблюдал я на той же дороге несколько месяцев спустя. Две самки гепардов с семью крохотными, не больше десяти дней от роду, котятами перебирались в резерват. Одна грациозная пятнистая мать сидела вместе с молодняком на «незаповедной» стороне дороги, другая по одному таскала котят через дорогу в заповедник, оставляла их там в одиночестве и направлялась за следующим. Самка, сидевшая с котятами, выказывала явные признаки беспокойства. Стоило мне развернуть машину в ее сторону, как она изготовилась к прыжку, злобно зашипела. Но на другой стороне дороги животные вели себя гораздо спокойнее.

Существуют две категории туристов. Одни воспитаны на романах времен работорговли, где описывались слоны, учиняющие по ночам набеги на мирные деревни, и гориллы, вынимающие из своих тел копья, пущенные в них человеком и метко бросающие их в обратном направлении. Такие туристы считают, что в Африке опасно, что она совсем не для прогулок. Именно такие туристы умоляют гида не приближаться к слонам и редко рискуют проехать по парку второй раз. Таких меньшинство. Вторая разновидность — это люди, воспитанные на книгах и брошюрах, написанных их предшественниками — туристами, познававшими африканские «дебри» вокруг лоджей. Как правило, эти посетители очень любят зверей, состоят членами общества охраны сиамских кошек или клуба любителей пуделей и поэтому считают, что звери, в том числе и африканские, тоже любят их. Таких большинство. Когда в ожидании обеда они сидят в лодже, захлебываются от впечатлений и умиляются собственной «храбростью», уверяя, что могли бы, если бы «не этот противный гид», подойти к слону и сняться с ним в обнимку, я всегда вспоминаю слова Ганса Шомбурка. Это был «последний из могикан» в яркой плеяде профессиональных охотников на слонов, от его пуль пали десятки этих гигантов. В зрелые годы он стал ученым, первооткрывателем загадочных африканских зверей и, променяв ружье на кинокамеру, начал снимать документальные фильмы из жизни африканских

«дебрей». Так вот, этот самый Шомбурк, которого коллеги-охотники прозвали «Ганс — гроза слонов», пишет: «Я боялся слонов. Не отрицаю этого и никогда не отрицал. Нет ничего презреннее и опаснее бахвальства посетителей национальных парков, уверяющих, что они чуть ли не наклеивали почтовые марки на заднюю часть слонам, настолько они ручные. Такие хвастуны подвергают опасности жизнь несведущих и доверчивых людей».

А ведь несмотря на все предостережения, посетители парков устраивают иногда опасные эксперименты с крупными зверями. Уж если устраивать такие эксперименты, то одному, чтобы рисковать лишь собственной головой. Еще лучший вариант — пригласить двух надежных африканцев, имеющих заряженные разрывными пулями ружья и знающих повадки зверей. В таком случае можно даже рискнуть оседлать носорога — животное, как известно, на редкость недружелюбно настроенное к человеку, взбалмошное и свирепое.

Делается это так. Два африканца, держа наготове ружья, которые могут на месте уложить гиганта, медленно с подветренной стороны подходят к самцу носорога, имитируя нечто вроде свиста, издаваемого во время гона самкой. Носорог очень плохо видит, поэтому, если ветер не выдает людей, его удается обмануть. Несмотря на внешнюю грубость, самцы носорога знают, что такое ласка, и крайне чувствительны к ней. Это и используют африканцы. Подобравшись сзади к толстокожему гиганту и не спуская палец с курка, они деревянными прикладами начинают чесать носорога возле задних ног. Минут через пять гигант начинает блаженно похрюкивать. Это означает, что носорог умиротворен и согласен на все.

Однако забраться на него — дело не из легких. Раздутый круглый живот мешает подтянуться на спину. К тому же засохшая грязь превращает носорожью шкуру в подобие терки, а сотни мух и клещей, спрятавшихся в складках его кожи и устроившихся на открытых кровоточащих ранах на животе, моментально начинают перебираться на седока.

В общем, когда я наконец взобрался на спину этого отнюдь не приспособленного к верховой езде гиганта, не знаю, чьей крови — собственной или носорожьей — было больше на моих исцарапанных ногах. Если при этом носорог занимает удачную позицию, позволяющую скрыть за его массивными ногами орудующих прикладами африканцев, то получается фотография, ошеломляющая любого знатока Африки.

Конечно, столь близкое знакомство с крупными обитателями парков не нужно рядовому туристу.

Я не сторонник того, чтобы туристы испытывали острые чувства пассажира автобуса, переворачиваемого слоном. Бывают гораздо более прозаические, я бы сказал, милые, порой забавные, порой чуть грустные происшествия, позволяющие испытать свои нервы и почувствовать, что же такое «дикий хозяин буша».

Я вспоминаю такие встречи в кенийских заповедниках. Как-то целый день я возил по парку одного московского гостя, которому на следующий день надо было улетать домой. Мы видели всех зверей, которых можно повстречать в Восточной Африке, кроме слона. Мне было неловко за свои посредственные способности гида, но гость пребывал в хорошем расположении духа и говорил, что это даже интересно, что слона в Кении он «так и не приметил».

Около шести вечера я повернул машину к воротам и тут прямо на дороге увидел слона. Он только что закончил валить здоровенное дерево, которое на две трети перегородило дорогу, и теперь стоял, аппетитно уплетая зеленые листья. Мой гость был в восторге. Целых полчаса, пока не спряталось солнце, он менял объективы на своем аппарате, снимая слона, который, словно позируя, принимал самые эффектные позы. Солнце зашло, гость перестал снимать, но аппетит у слона не убавился. Он продолжал объедать ветки, стоя как раз на той трети дороги, которая не была загорожена деревом. Мы подождали с полчаса — положение не изменилось. Я подъехал немного к слону, он не реагировал на это, а двигаться дальше было, наверное, опасно. Я начал сигналить, а когда стемнело — мигать фарами, но слон все стоял. Потом из ночи на дорогу вышел другой слон, вытащил дерево на середину дороги, встал напротив первого слона и тоже начал ужинать. Гость говорил, что ему надоели слоны, что он не хочет их видеть, но животным это было невдомек. Один из них продолжал есть, другой улегся у дороги и глубокомысленно наблюдал за нами. Около полуночи, так и не дождавшись конца слоновой трапезы, мы вернулись в лодж. Гостю пришлось лететь в Москву следующим самолетом.

В другой раз я ездил прямо по бушу, недалеко от дороги, и вдруг под деревом обнаружил буйволовую тушу. Животное могли задрать только львы, и я решил дождаться их появления. Ждать пришлось часа три. Сначала из соседних зарослей появились три самки, потом — гривастый лев, еще две львицы и полдюжины львят. Львята сразу же через выеденное брюхо залезли в чрево буйвола, а взрослые кошки, урча и расталкивая друг друга, начали отдирать куски от туши.

Лев совершенно не опасен для человека, сидящего в машине, а сами львы в парках вообще не обращают на машины никакого внимания. Поэтому вскоре я пододвинул машину вплотную к туше, каких-нибудь три-четыре метра и тонкая стальная обшивка отделяли меня от львиного прайда. Вскоре пошел небольшой дождь, и львята, насытившись и не желая мокнуть, залезли под автомобиль. Потом дождь прошел, и львята, окончательно осмелев, взобрались на желтый капот «Волво» и, растянувшись на нем, начали греться на солнце. Иногда они вставали и, стукаясь своими перепачканными кровью мордочками в ветровое стекло, с любопытством наблюдали за мной.

Около трех часов дня, когда небо очистилось от туч и солнце начало немилосердно припекать, львицы встали, урча позвали куда-то котят и покинули меня. Лев, как бы доказывая мне свою способность спать двадцать два часа в сутки, неподвижно лежал в кустах, и я, решив, что пора и мне уезжать, включил мотор. Лев даже не соизволил открыть глаза, чтобы попрощаться со мной.

Как только я выехал на дорогу и прибавил скорость, раздалось тарахтение: село заднее колесо. Я вылез из машины, открыл багажник и занялся обычными в таких случаях приготовлениями к ремонту. И тут в тридцати метрах от меня на дорогу приковыляли уже знакомые мне львята. Они плюхнулись у лужи прямо посреди дороги и жадно начали пить. Вслед за ними появились и львицы, устроившиеся у другой лужи.

Конечно, лев — не слон, я даже на трех колесах мог без труда прогнать всех кошек с дороги. Но что будет дальше? Они спрячутся от меня в двадцати метрах в кустах и неизвестно, что решат делать, когда я вылезу из машины и начну менять колесо...

Я вновь залез в машину и принялся наблюдать за львами. Попив из лужи, львицы разлеглись во влажном кювете у дороги, а львята принялись за игры. Часа полтора я еще имел удовольствие наблюдать за ними. Потом на дороге появился зелененький «Рено» — сотрудник французского посольства в Найроби колесил по парку в поисках редкостной антилопы геренук. Взвесив ситуацию, мы решили, что лучше всего развернуть его «Рено» поперек дороги, отгородив таким образом меня от львов. Пока француз фотографировал вновь приступивших к играм кошек, я под прикрытием его машины менял колесо, также не без любопытства поглядывая на львов.

Антилопы... Какие милые безобидные создания, словно рожденные для того, чтобы восточные поэты воспевали их. Действительно, если сидя в машине можно не бояться даже льва, то об антилопах нечего даже и думать. А на практике наоборот. Еще не было случая, чтобы в кенийском парке машина задавила льва. Но столкновения автомобилей с антилопами — обычное явление.

У антилоп и зебр есть очень странная привычка. Если машина едет по правой стороне дороги, а животное стоит слева, то оно почти никогда не отскочит влево, но почти всегда будет перебегать дорогу и искать убежища справа. Иногда подобные желания возникают у антилоп в самый последний момент. Машина уже поровнялась с ней, животное вдруг делает стремительный прыжок, настигает машину и пересекает дорогу. Опасно ехать по дороге, вдоль которой растут густые кусты. Водитель ничего не подозревает, и вдруг в полуметре от него, откуда-то сверху, из кустов вылетает огромная, нередко с корову, да еще увенчанная длиннющими рогами антилопа.

Так было и со мной, когда после успешного окончания концертного турне по Кении наших музыкантов Аллы Малолетковой, Э. Грача и В. Бельченко я повез их в Самбуру. Длинноногий орикс,

немного пропустив машину вперед, пошел ей наперерез. Удар о капот, громадная туша подлетает вверх, разбивает ветровое стекло и отскакивает куда-то в сторону. Орикса мы так и не нашли. Искореженная машина, лишенная ветрового стекла, далеко ехать уже не могла. Кажется, только тут мои спутники поняли, что с африканскими зверями, пусть даже с антилопами, пусть даже в заповеднике, шутки плохи. Особенно негодовал по поводу безрассудного поведения орикса Э. Грач. Еще бы немного, и его драгоценная итальянская скрипка сплющилась бы так же, как и мой шведский автомобиль...

ОБ АВТОРЕ

Кулик Сергей Федорович. Родился в 1939 году в Киеве. Окончил географический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Работает политическим обозревателем в ТАСС. Член Союза журналистов СССР. В качестве корреспондента ТАСС побывал во многих странах Африки. Автор научной монографии «Современная Кения» (1972 г.), научно-художественной книги «Сафари» («Мысль», 1971 г.) и многих статей и очерков. В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над книгой о своих путешествиях по Африке.

НИКОЛАЙ ДИМЧЕВСКИЙ

РЕЙДОВАЯ РАЗГРУЗКА

Рассказ

Да что ж он?.. Этак и до беды недалеко! Сетка с кирпичом падала на отпущенном тросе, а понтон вместе с волной летел ей навстречу. Один миг — и от понтонера Кононова, стоявшего как раз под сеткой, останется...

Шухов схватился за мегафон, висевший на груди, чтобы в последнее мгновение хлестнуть лебедочника Иванова словцом посолонее волны. Но в тот самый момент, когда до головы Кононова не было и вершка, Иванов дал вира, и сетка пошла вверх вместе с волной и понтоном. Она так и висела над головой понтонера, самую малость не задевая его. Так и поднялись вровень с бортом. И только тогда Кононов отскочил к корме понтона. Шухов видел, как округлились его глаза и побледнели щеки.

— Молодец, Иванов! — сказал он в мегафон и вытер мокрый лоб.

Кононова тоже есть за что похвалить: осилил испуг и уже принимал кирпич на понтон, провалившийся вниз вместе с волной. Потом к лебедочной стреле взлетела вторая сетка с кирпичом, потом ящики с тушенкой и овощами...

Ловкость тут нужна почище цирковой: судно валяет с борта на борт, груз под стрелой, как маятник, понтон вроде качелей, и все это вихлянье, прыганье и раскачиванье надо одолеть, урезонить и посадить сетку с грузом точно в нужное место.

Без счета видел Шухов погрузку. И каждую — как впервые, и не было даже одинакового движения стрелы, одинакового размаха троса, одинакового выражения лица у лебедочника. Только напряжение всегда одно — до предела. И у него взмокала спина и болели руки, хоть он лишь наблюдал: так ярко жила память мышц, оставшаяся с тех времен, когда сам работал на лебедке.

Вот и все погрузили, полна коробочка. Пора и ему собираться. Шухов скинул капюшон штурманки, чтобы не мешал обзору, и уже двинулся к трапу, но задержался, постоял в нерешительности и, наклонив голову, заглянул в рубку, не будет ли каких распоряжений. Знал, что все распоряжения отданы, и новых не ждал, а все-таки заглянул. Не для формы, а так, чтобы побыть секунду в тишине, в тепле, глянуть на тех, кто остается... Как уютно здесь, в рубке... И дымок сигаретный такой душистый. Шухов терпеть не мог табачного духа и всегда выговаривал курильщикам, а тут вдруг учуял сладость...

— К обеду ждем,— сказал ему командир.— Не задерживайтесь.

— Баньку приготовьте. Главное — баньку,— скороговоркой попросил Шухов, зная, что в баню уже дали пар и баня готова, и эта его просьба — просто повод побыть лишнее мгновение в рубке.

— Все будет, Семен Петрович! Ждем с победой! — ответил командир, и в голосе его слышался намек на то, что Шухов тянет.

Спустился по мокрому трапу, подошел к борту, где болтался на волне вельбот, подождал, когда он поднимется вровень с бортом, и прыгнул.

Моторист Крылов, с напряженным вниманием смотревший на Шухова, пока тот примерялся к прыжку, улыбнулся молчаливой своей улыбкой и нагнулся к кнехту — проверить трос от понтона.

Они много раз ходили вместе на рейдовую разгрузку и понимали друг друга без слов. Крылов был аккуратен, проверял и подлаживал на вельботе все до мелочей, чтобы идти со спокойной душой. Шухов давно уже не осматривал вельбот перед выходом в океан. И Крылову нравилось, что тот, прыгнув с борта, не осматриваясь, ни о чем не спрашивая, встает к штурвалу, уверенный во всем. Была между ними и еще одна ниточка, сближавшая их, располагавшая друг к другу, но о ней после, сейчас не до нее...

Понтонеры, одинаковые в своих красных спасательных жилетах, уже устроились вдоль пухлых бортов понтона. Один Кононов стоял на корме, проверяя напоследок, всё ли и все ли на месте.

Работа ладилась — начало было хорошим, поэтому верилось, что разгрузка сладится до конца.

Зачастил мотор. Шухов взялся за штурвал и приказал отдать концы. Отвалили удачно, понтон споро пошел за вельботом. Среди океанской зыби — медленных высоких валов — все сразу уменьшилось, сжалось. «Томь» быстро отдалилась, и уже исчезала за волной, и появлялась на гребне игрушечным корабликом. Вельбот и понтон крупинками покатились по спинам непомерных тихоокеанских валов.

Там, впереди, тяжелой глыбой лежал остров. Когда вельбот поднимало волной, было видно, что черные скалы отделены от

океана едва приметным галечным пляжем и белой полосой наката. И от одного взгляда на эту полосу пронизывала сырая неуютность.

Сколько раз проводил Шухов рейдовую разгрузку, не сосчитать, но привыкнуть к работе этой не мог и спокойствия никогда не было, как бы гладко ни шло дело.

Вот стоит он у штурвала уверенно, глыбисто — прирос ногами к вельботу, никакой силой не отдерешь, и лицо его, собравшееся во взгляде, устремленном к острову, тоже уверенно, умудренно. В эти минуты незаметно даже, что Шухов курнос, что у него полнеющие щеки и рыжеватые брови, что похож он больше на сельского фельдшера или агронома. В эти минуты он — воплощение самого духа морской службы, пример уверенности, выдержки и спокойствия. Молодым матросам от одного взгляда на него делается легче, и они смелее идут в океан.

И Шухов знает, что с ним на рейдовую разгрузку отправляются охотнее, чем с другими. Но сам всякий раз чувствует в душе смятение, которое приходится подавлять, неуверенность, от которой подчас пробирает дрожь, боязнь неожиданностей, караулящих всюду каждую секунду... И все это он таит в себе, запирает в душе, не давая просочиться наружу ни одной капле смятения, неуверенности или боязни. И поэтому со стороны он кажется каменно-спокойным, уверенным в каждом движении и в каждом слове.

И по простору этому, где нет никаких вех, только зыбистая вода, с цепкой точностью ведет он вельбот к полосе наката, прислушиваясь к мотору, к шипению пены, к гулу далекого прибоя. И еще хватает у него силы перекинуться взглядом с мотористом и даже сказать любимое свое присловье:

— Ничего, Крылов, служить трудно первые двадцать пять лет, а потом легчает.

Он говорит и разглядывает в уме свою карту подхода к острову, живую карту с бегущими валами, скалами, полными птиц, с наслоениями воспоминаний, с разными людьми и грузами, с разными случаями и происшествиями и выбирает на этой карте то, что нужно сейчас.

Остров заслонил все небо, потемнело кругом. Скалы походили на грубых идолов, издревле сторожавших эту неприветливую землю. Но взгляд лишь отмечал их мимолетом, они даже не обозначались на живой карте Шухова. Главное было там, у полосы наката, где хоронились подводные камни, где кипела ледяная вода. Туда, в эту кипень, надо втащить тяжелый понтон, прокипеть вместе с ним неизвестно сколько времени и выскочить назад, на океанский простор, казавшийся мирным и безопасным.

Теперь Шухов никого уже не видел, теперь только полоса прибоя у него в глазах. Даже фигурки людей на галечнике, лю-

дей, которые готовятся принять понтон, даже они отмечаются мимолетом, как нечто пока совсем незначащее.

С пушечным грохотом вздымаются у камней фонтаны воды, они летят вверх, к низким облакам, и рассыпаются дождевой пылью; откатываясь, волна врывается в теснины у подводных скал и обращается в снеговую пену, и не успевает она, обессиленная и разбитая, отхлестнуться от берега, как в нее ударяет подоспевший вал, могучий и цельный, отлитый из зеленого стекла, и кажется, никакая сила не может расколоть эту глыбу, посланную океаном, но вал тут же растрескивается, разваливается, опадает, взметывается из последних сил к небу и растворяется в вечно крутящейся, гудящей пене.

И в неистовстве этом, в жестокости угрюмой стихии выискивает Шухов слабину, высматривает безопасный проход. Они идут вдоль берега по грани надвигающихся с океана валов и разбитой откатывающейся волны.

Вельбот и понтон подхватывает вверх, и тогда виден берег, фонтаны прибоя ухают совсем рядом, и в лицо бьет соленый дождь, а справа маячит далекая «Томь». Она мала и неприметна, и уже не верится, что на ней есть люди, которые наблюдают за каждым движением вельбота, что там — тепло обжитого дома, запахи скорого обеда и спокойная безопасность налаженного бытия.

И едва успевают мелькнуть подобные мысли — вельбот с понтоном бросает вниз. И будто не было ничего в округе — со всех сторон водяные горы, их склоны дышат, вздымаются, шевелят потеками пены, брызжут жесткими каплями, и все ниже, ниже опускаешься, все ниже, ниже... Больше нельзя: еще чуть — и горы начнут смыкаться над головой. И когда от этого чувства у новичков замирает сердце и сжимает горло страх, начинается новый взлет. И снова отверзается простор и глаз не может его охватить... И опять падение, и еще взлет... И это называется «идти вдоль берега».

Неопытному человеку показалось бы, что они не сдвинулись с места, раскачиваются на волне, и только. Но Шухов видит приближение полосы прибоя, в памяти его, на живой карте, четко обозначена подводная коса — большая опасность, если на нее напороться, а при умении и знании — замечательное подспорье для благополучной буксировки понтона.

О косу разбиваются валы и, ослабленные, катятся дальше к берегу, поэтому за косой получается тихая заводь (если считать «тихой» вспененную, ревущую воду, потерявшую, правда, хороший запас бешенства). Вся штука в том, чтобы протащить понтон в самом конце косы, не посадив на мель, тогда можно считать — дело сделано.

Прежде же надо найти этот самый конец... Вот они и идут вдоль берега. И чем ближе, тем тревожнее на душе у Шухова. Испытание ожиданием — самое мучительное. А он ждет, ждет,

чтобы не раньше времени свернуть, чтобы пройти ровно столько, сколько нужно.

Вот здесь, помнится... Здесь... Конечно же! Когда отходит волна, как бы высверливаются две огромные воронки, в них раскручивается пена и на миг обнажаются гладкие головы камней — словно моржи выскакивают из проруби. Тут! Шухов радуется этим воронкам, как добрым знакомым, хотя, задень их хоть краешком,— весь рейс насмарку... Тут, тут! Он дает полный ход, но двигателя не слышно, и прибавка скорости не заметна в этой кипени и свистопляске.

Шухов оборачивается, чтобы убедиться, все ли в порядке, быстро окидывает понтон и видит глаза понтонеров, устремленные на него. Застывшие лица и глаза. Они ничего не видят, кроме него, словно ничего тут и нет, кроме Шухова. Из всей разгрузки, какой бы она ни была тяжелой, ему запоминается один этот, самый страшный момент, когда все глаза напряженно, неподвижно, ожидающе смотрят на него. Шухов испытывает сосущее, тоскливое чувство, невыразимое словами, чувство то ли какой-то вины, то ли неоплаченного долга, неоправданного ожидания... За один быстрый взгляд он успевает увидеть каждого матроса, каждого понять и почувствовать к каждому что-то родственное, отцовское. И действительно, не рождает ли он их сейчас всех, спасая от стихии, не дарует ли им жизнь?.. Не потому ли они так смотрят на него, что сознают грозные случайности, кипящие вокруг, и его волю, выводящую их из-под опасностей?

И все это за один миг. Шухов отворачивается, с усилием прогоняет расслабляющие чувства и видит только ему заметный проход за косой, где накат свиреп и разнуздан. Туда он и направляет вельбот. Он знает, что новички (их двое сегодня идут на разгрузку) подумают, что он, Шухов, ошибся, предпочтя крутой вал беспомощному кипению разбитой на косе волны. Кононов их должен ободрить, он знает, что к чему. Кононов который раз на рейдовой разгрузке. Он знает...

Начинаются ревущие буруны, теперь вельбот несет через горловину за косой к берегу. Кругом лопающаяся и стреляющая вода, впереди — взрывы фонтанов, грохот камней, повторенный эхом скал. Но все это уже внешний шум, все это снаружи. Внутри, в сердце,— радость и облегчение. Прошли! Миновали косу. Ай да мы, не лыком шиты!

Шухов напевает себе какую-то песню, не улавливая собственного голоса, разворачивает вельбот и делает знак мотористу, зная, что Кононов тоже следит за ним, готовясь к расчаливанию. Все это уже мелочи, игрушки, дело этих начинающих утят. Шухов весело и умудренно посматривает на них, уверенный, что утята свое дело сделают без запинки (он называл молодежь не салажатами, а утятами — так ему нравилось).

Легкий рывок вельбота показывает, что Крылов освободил трос. Теперь понтон оставлен на волю волны. Шухов сбавляет ход,

разворачивается и следит за понтоном. Тот отдаляется к берегу, беспомощно катится на гриве прибоя. Отсюда кажется, что понтонеры сидят по пояс в воде. Уже не разобрать лиц.

Шухов держит вельбот в «затишке», за бортом пузырится и трещит пена, его валяет и бросает, но все это пустяки. Главное сделано, теперь до конца разгрузки можно отдыхать. Правда, отдых отдыхом, а глядеть надо в оба: каждый миг жди подвоха. И все же это отдых, потому что на Шухова никто не смотрит, ничего от него не ожидают и нет за кормой шести матросских душ, которые в шесть раз дороже его собственной души.

Стоя у штурвала, Шухов, как мастер, наслаждающийся последним мазком, завершающим полотно, смотрит на понтон, подваливающий к берегу. «Вот ведь ловко подвел, ближе нельзя»,— думает он про себя, словно со стороны оценивает работу другого человека. Ближе нельзя: вельбот сел бы на камни. А понтону в самый раз, сейчас подгонит его к берегу. Все ближе он, ближе... Что ж Кононов медлит? Пора.

И тут, будто поймав мысли Шухова, Кононов встал на понтоне, присмотрелся к берегу, махнул рукой, крикнул что-то...

«Пора, пора! — думает Шухов.— Пора!»

И тогда из рук Кононова метнулся на берег тонкий конец, который подхватили люди, ждавшие на галечнике.

Шухов вытер со щеки брызги, обернулся к мотористу:

— Видел?

Тот кивнул и заулыбался, радуясь радости, с какой спросил его Семен Петрович, и ловкости Кононова.

Шухов повел плечами, словно затеснила одежда. Хотелось запеть или крикнуть что-то веселое. Он любил эту слаженность работы среди стихии, среди каши из воды и камня, где, казалось, невозможен никакой порядок, никакой расчет. В такие минуты он чувствовал себя сильнее океана, сильнее бессмысленной мощи валов.

А там, на берегу, быстро выбирали конец и уже показался белый капроновый трос. Вот и завершение всего дела — берутся за трос и дружно тянут. Понтон повернулся, заметно ускорил ход и ткнулся тупым носом в берег. Волна ударила его в корму, обдав ледяным кипятком понтонеров, они отряхиваются и прыгают на галечник, здороваются с островитянами, наскоро говорят новости, не прерывая работы: начинается разгрузка.

Шухов отворачивается от берега.

И тут, неизвестно как и откуда, донесся до него запах пчельника. На один миг, почти неуловимо — дыхание жаркого полдня, меда, пчелиного яда и сладкого дымка из дымаря... Откуда? Может, чудесно сплелись выхлоп мотора, океанская соль, водоросли и смола? Может, принесло с острова что-то похожее? Может, просто вспомнилось и почудилось?

И пронеслась эта мимолетность, проскользнула, а воспоминанье нахлынуло, защемило. Давнее, деревенское воспоминанье...

Шухов обернулся к Крылову, и прошлое ожило, наполнилось плотью, стало почти осязаемо. Он вспомнил дверь крыловского дома (таких двухстворчатых дверей в селе больше не было ни у кого, только у Крыловых). Так вот, правая створка этой двери осела и открывалась с трудом, царапала краем по полу... Шухов вспомнил усилие, с каким приходилось ее открывать, и волнение, перехватывавшее дыхание, когда переступал порог за этой трудной дверью.

И вот там-то, за порогом, пьянил его когда-то крепкий медовый запах, который источали бревна стен, темные, как старый воск, половицы, пропитанные сотовой желтизной, башни «магазинов», еще не надетых на ульи и стоявших в сенях, медогонка, накрытая мешковиной, такой душистой, что ее хотелось лизнуть.

Шухов, тогда совсем еще молодой, моложе нынешнего Крылова, войдя в сени, останавливался, не решаясь двигаться дальше. И лишь постояв, пересилив робость и головокруженье, охватывавшее от медовой духоты, шел по сумрачным сеням, ожидая встречи, радостнее и тревожнее которой не было ничего на свете...

И распахивалась дверь в избу, и появлялась Даша и спрашивала: «Кто там?» Она была в ситцевом сарафане с красными цветочками, и волосы были собраны в свободную, полураспустившуюся косу, и от нее крепко и пряно пахло медом, луговыми травами и еще чем-то солнечным, летним и жарким.

Увидев Шухова, она отступала внутрь избы и говорила: «Папа на пчельнике». Всегда говорила одно и то же: «Папа на пчельнике». И Шухову становилось так больно, что хотелось плакать, он стоял в дверях, смотрел на Дашу и не мог сдвинуться с места. «Иди на пчельник, чего стоишь?» — безжалостно говорила Даша.

Он и словечка не промолвил о своей любви, но она без его слов догадывалась и отвергала его, отвергала напрочь, совсем, сразу, не оставляя никакой надежды, и поэтому Шухов влюблялся все глубже и безнадежнее.

И даже сейчас, через три десятилетия, при одном воспоминании остро щемило сердце. Шухов давно женат, у него двое детей, и с женой они живут хорошо, но это воспоминание не оставляет его никогда.

В неожиданные странные минуты он видит Дашу, ее глаза под высоко изогнутыми бровями, тонкий нос, губы, словно в меду, перекинутую через плечо косу, ее цветастый сарафан, загорелые руки... Он вдыхает запах воска, пчелиного клея и слышит ее голос, непримиримый, отвергающий и притягивающий. И все это далеко-предалеко, и все близко, все вчера, все видится и слышится ясно, и становится странно, что так далеко до юности, что кругом океан и десятки лет жизни пролегли до тех дней.

И эта удивительная встреча с ее сыном, попавшим в команду Шухова... Это узнавание давних, казалось забытых, привычек и движений Даши, перенятых молодым Крыловым, неуловимый и милый повтор ее лица, интонаций голоса... Словно письмо, пос-

ланное из юности и прочитанное новыми глазами, прочувствованное новыми чувствами.

Оставаясь с Крыловым, Шухов ощущал как бы полет во сне, что-то таяло, плавилось в душе; и, хотя было ясно, что теперь безнадежность чувства к Даше непреодолима совершенно, что теперь Даша все равно что обитательница иной планеты, несмотря на все это, давнее, начинавшее уже тускнеть, оживало невообразимо ярко, и Шухов погружался в прошлое, будто видел сон наяву.

Конечно, ничего Крылову он не говорил, тот знал лишь, что они односельчане и когда-то Шухов учился у деда пчеловодному делу — только и всего.

И здесь, в океанской неуютности, воспоминания о родном селе, местные слова и названия, мелькавшие в их разговоре, приносили отраду, сближали этих совсем разных людей.

...Шухов так и не мог разобраться ни тогда, ни после, как прихватила их волна. Не упускал ведь ничего из виду, следил за морем и за прибоем... А просмотрел. Спохватился он, когда почувствовал, что вельбот стремительно подбросило вверх. Волна была такой мощной, что подводная коса не могла ее ослабить. Понтон у берега подпрыгнул, несколько ящиков, выгруженных на галечник, захлестнуло прибоем. Однако трос уже был закреплен, понтон остался на месте и никого из команды не смыло, хотя один понтонер упал и, побарахтавшись в пене, вскочил, побежал к костру.

Шухов дал полный вперед в сторону берега, навстречу откатывающейся волне. Сердце защемило от тяжелого предчувствия и пересохло в горле, но все это он переборол, отбросил и неколебимо делал то, что нужно,— гнал вельбот к берегу. И какой-то испуганный голос внутри твердил: «опоздал, опоздал, опоздал...» И разумом он не верил еще этому голосу — в эти мгновения решалось, пересилит мотор волну или нет. Если пересилит — выйдут, вырвутся... И пока длились эти мгновения, не хотелось верить ни предчувствию, ни голосу, верилось мотору, взгляду и руке на штурвале.

Нельзя было разобрать, что творится вокруг. Грохочущая толчея, хаос, их подкидывало и валяло... И мгновения ожидания не кончались, они тянулись, разрастались, и до самого последнего ждалось лучшее, перелом...

Мотор не мог справиться с неистовой сивой кипенью, бросившейся под вельбот. Их потащило в море, к подводной косе.

Шухов видел, как мгновенно Крылов понял его растерянность и бессилие, как испуганно сжал губы и стал поразительно похож на Дашу. Просто одно лицо. Шухов помнил: такой она стала, когда он решился и сказал ей о своем чувстве... Она так же сжала губы, испуганно раскрыла глаза. Она тогда убежала, ничего не ответив...

Все это мелькало уже где-то позади сознания, и было странно, что сейчас может еще помниться что-то, не относящееся к делу...

Откатывающейся горой воды их несло на камни. Пожалуй, можно бы бросить штурвал и заглушить мотор: все было уже излишне. Так думалось где-то в глубине сознания, но Шухов боролся до конца, выжимая обороты и удерживая вельбот носом к волне.

Днище заскрежетало по камням.

— Держись! — крикнул Шухов мотористу и успел увидеть, как Крылов вцепился обеими руками в скобу, и сам прижался к штурвалу.

В тот же миг вода перекатила через вельбот, наполнив его до самых бортов. Руки и ноги обожгло ледяной солью. Какое-то время грудь и спина оставались сухими: надутый спасательный жилет не давал воде просочиться; но это совсем недолго: ледяные струи быстро вползли, охватив тело судорожным ознобом.

И даже в этом переплете можно было благодарить судьбу, что их не выбросило из вельбота. Шухов барахтался возле штурвала, моторист плавал, сжимая посиневшими руками скобу.

Вельбот был непотопляемый, и они смогли бы продержаться даже в открытом море. Здесь же, среди камней, его так заклинило, что сдвинуться с места они не могли, и держаться тут было еще труднее, чем в море. Впрочем, и там и тут сами они уже не были властны над судьбой. Ледяная вода резала тело, отбирала тепло, сводя ноги судорогой и ознобом. Шухов знал, что выносить это купание можно лишь считанные минуты.

Он подозвал Крылова. У того уже посинели губы. Моторист с трудом перевалился к нему через кожух двигателя.

— Лезь на бак! Лезь, лезь! Выходи из воды! Да ты слышишь? Выходи из воды! Давай помогу.

Крылов сразу как-то очумел от неожиданности и с перепугу ослаб, лишился слова, и с ним трудно было совладать. Шухов подсадил неподъемно-тяжелого моториста, скользкого, словно обледеневшего. Тот свалился на бак... зубы стучали, хотел что-то сказать, но не смог.

Шухов полез следом, четко отмечая про себя, что ноги почти уже не слушаются из-за холода и руки с трудом ухватывают край борта. Голова была еще совсем свежей, ясной, а тело уже перестывало, не поддавалось приказу мысли.

Он лег рядом с Крыловым. Проходившая волна едва не смыла их в море, но Шухов успел ухватиться за кнехт и удержал моториста. Он подумал, что скоро не сможет двигаться, и тогда их наверняка смоет.

И почти с невозможным усилием приподнялся, взял негнущимися пальцами чудом оказавшийся под рукой тонкий трос, запутал его за кнехт позади Крылова, а другой конец, протянув над собой, кое-как зацепил за второй кнехт. Это усилие совсем ослабило Шухова. Но ему было спокойнее теперь, не унесет в море, вместе они...

Кругом кипела пена, иногда их захлестывало, вода стекала, унося последнее тепло. Здесь было все-таки самое сухое место, и ждать помощи можно только здесь. Шухов знал, что их заметили и с берега, и с судна, помощь должна подойти. Должна подойти... Но головы поднять он уже не мог. Попытался позвать моториста и не расслышал собственного голоса. Да Крылов и не ответил бы: он, вероятно, потерял сознание.

«Конец?» — подумал Шухов, и слово «конец» не было страшным. Это было чужое, не его слово, оно всплыло словно бы не в памяти, а где-то в стороне, снаружи... И появилось оно не по его воле. Так уж принято вспоминать это слово напоследок, когда конец приходит нежданно, при полном здравии.

Шухов знал, что их обязательно вызволят из этой западни. Спасут ли, он не знал. Не всегда удается спасти. Сам он спас однажды вовсе безнадежных, промерзших понтонеров. А их спасут ли?..

Ноги и руки уже ничего не чувствовали, холод подкатывал к сердцу, и казалось, все тело вместо крови заполнено ледяной водой. Шухов подумал уже сквозь сон, сквозь беспамятство, как хорошо бы очутиться в бане, в горячем пару, чтобы обжигало горло и трещали волосы... Открыть вентиль, чтобы стало совсем темно от пара, чтобы лампочку не видать...

Когда он очнулся и открыл глаза, вокруг был густой пар. Шухов даже подумал сначала, что ослеп, но тут же понял, что это пар. Во рту горело, а пар был совсем холодный, ледяной пар. И чья-то рука с пластмассовым стаканчиком у самого лица.

— Жив, Шухов? — спросил из пара голос. Непонятно еще, чей голос.

И тут прорисовалось лицо судового фельдшера Симонова. Это голос Симонова, Шухов узнал теперь. И Симонов закричал так, что сделалось больно ушам:

— Шухов жив! Жив Шухов!

Шухов закрыл глаза. Теперь он чувствовал, что ноги его и руки кто-то растирает, и в них входят теплые иголочки — приятно и щекотно покалывает пальцы, и ледяной пар вокруг нагревается, медленно, незаметно почти, а нагревается, обволакивает шубой, принесенной с холода, когда овчина еще полна мороза, но знаешь, скоро согреешься под ней...

И по горлу течет тепло и все глубже проникает в грудь, в живот. И блаженное спокойствие разливается по всему телу от сознания, что ты вне опасности, спасен. Теперь ничего непредвиденного уже не случится, ни о чем не надо думать, ни о чем не надо беспокоиться, все сделают другие.

И не успело еще это спокойствие полностью им завладеть, как он вздрогнул от острой и тревожной мысли и попытался приподняться, но не смог.

Вспомнился спасательный жилет Крылова, его закинутая голова с посиневшими губами... Это когда Шухов крепил тросик, чтобы не смыло их в море, последний раз видел его. Дышал тот или нет? Щеки у него посинели, и глаза были закрыты... Крылов!

— Где Крылов? — с усилием спросил Шухов.

Никто не ответил, и он испугался, почуяв недоброе в этом молчании. Неужели не отходили Крылова? Какое горе! Вот беда-то!.. Лучше бы он сам погиб. Как Даше об этом написать? Убить Дашу такой вестью... Эх, мальчишка...

— Где Крылов? Крылов! — закричал Шухов что есть силы. Это ему казалось, что он кричит. Он просто хрипел. И Симонов, услышав хрип, наклонился к нему.

— Чего вы, Семен Петрович?

Шухов заметался, пытаясь подняться; он понял, что от него скрывают про Крылова, берегут его, не хотят тревожить страшной вестью. Надо самому посмотреть! Надо...

— Упадете, Семен Петрович! — Симонов взял его за плечи и осторожно уложил.

— Где Крылов? — прохрипел он еще раз, и фельдшер наконец разобрал слова.

— Крылов давно в себя пришел, вон на лавке отогревается.

И голос Крылова раздался из пара:

— Здесь я, Семен Петрович.

Отлегло от души, полегчало. Шухов забылся, и забытье не было теперь черным и провальным, оно было как сон...

Когда он очнулся во второй раз, лавка и пар уже не казались ледяными, они потеплели и все продолжали нагреваться. И кто-то сильными руками все еще растирал ноги и грудь. Шухов хотел посмотреть кто, но глаза не желали открываться, лень и вялость опять заполнили его, ему было хорошо и спокойно. Теплело с каждой минутой, и он впитывал тепло, блаженно, неподвижно лежа на скамье. Главное — Крылов жив и рядом, здесь, в пару, тоже отогревается. Потому такое спокойствие и лень, и ничего не тревожит, и можно лежать, сколько влезет.

И какие-то в голове сны, видения или просто воспоминания, мысли (не понять и не разобраться в них) мелькают, спешат, сплетаются. Все кажется ему, что он возле улья на пасеке у Крылова, и улей совсем старый, трухлявый, и дыра в нем, и видно, как беспокоятся пчелы, и воровки осы лезут туда за медом. Шухов хочет починить улей, а отойти за досками и инструментом не может: прирос к месту.

И просыпается и раздумывает, как сложилась бы жизнь, если б он стал пасечником... Хотел ведь стать пасечником. Мечтал даже... И куда ведь его занесло от тихой пчеловодной судьбы! И как разом перестроилась жизнь: призвали во флот, и с тех пор не был уже ни разу в родном селе и о пчелах позабыл. Одну Дашу вспоминал. Попробовал представить сейчас себя на пчельнике и не смог... И таким далеким сделалось село, таким маленьким, забытым. И вот нежданно приблизилось снова с приходом молодого Крылова, стало вспоминаться каждый день...

И опять нахлынул сон, и увиделась во сне беспомощно закинутая голова моториста, и пенистая вода под затылком, и посиневшие щеки. Шухов приглядывается и видит, что это не Крылов, а понтонер и с ним рядом второй — лежат на палубе совсем холодные, и их собираются нести на ют и уже прикрыли брезентом. Шухов хочет сказать, чтобы не относили их, и нет силы открыть рот, он напрягается, и сон слетает.

А тепло с каждым пробуждением все прибавлялось и скоро перешло в жар. Лавка нагрелась, как сковорода, и пар обжигал, но все хотелось жара. И Шухов чувствовал уже, что жар не только снаружи, в бане, а и внутри, в груди, в ногах... Все горит внутри, пылает, плывет в огненной карусели...

Тогда Шухов действительно настоял, чтобы вынутых из-за борта понтонеров не оставляли на палубе. Они долго пробыли

в воде, и не было признаков жизни, но он хотел испробовать все средства до конца. Понтонеров отнесли в баню, стали делать искусственное дыхание, греть горячей водой и паром. Тяжелая, изматывающая работа. И ведь выходили! Живы ребята, до сих пор письма пишут Шухову, отцом зовут...

Но как горит в груди... И закладывает бока — дышать трудно, и все путается в голове... Он опять впадает в забытье...

Очнулся в каюте, на своей койке, на свежих простынях, и мысли уже не скакали, как раньше, и перед глазами не плыло.

К нему склонился Симонов.

— Простыл я? — спросил Шухов (голос был хриплый, задыхающийся, он сразу закашлялся).

— Простыл,— ответил Симонов.— Ничего, на поправку пошло.

— А Крылов как?.. Что с ним?

— Крылов? — переспросил фельдшер и отвернулся к занавеске, отгораживавшей койку от каюты.— Вот он, Крылов, пришел вас проведать.

И рядом с его лицом возникло лицо Крылова, здоровое, краснощекое лицо, похожее сегодня на пасечника деда, а не на Дашу.

И Шухову вдруг захотелось сотового меда с чаем из мяты, из свежей мяты, сорванной на огороде... Желание было так нелепо здесь, в каюте, на другой стороне земли, что он улыбнулся.

И Крылов улыбнулся ему в ответ. Потом Крылов хотел что-то сказать, но не сказал, еще больше покраснел, вытер глаза ладонью и скрылся за занавеской.

— Постой,— попросил Шухов.— Поди-ка сюда.

Симонов подвинулся, и Крылов присел рядом с ним, прямой и неловкий.

— Знаешь, чего мне захотелось? — Шухов закашлялся.— Чаю из мяты... Где у вас на огороде мята растет, помнишь?

— Помню, она...

— Погоди,— перебил Шухов, помолчал, отдохнул и медленно, будто сказку рассказал:— Как войдешь в калитку... направо надо повернуть... к забору... там еще молоденькие вишни посажены... Там и мята...

— Точно, Семен Петрович!

— Значит, до сих пор там мята?

— Да, все время там... Только вишни не молоденькие. Я перед призывом две спилил — дуплистые, перестарели.

Шухов закрыл глаза. Разволновало это воспоминание — сердце зашлось, и в затылок ударило. Совсем ослаб, от пустяка такое состояние. Портится, видно, здоровье, годы растаскивают его помаленьку, как осы мед из ослабевшего улья. А ведь все чувствовал себя хорошо, молодо и никогда не давал себе послабления и от молодых не отставал. И все думал, что молодой еще, и не хотел замечать седины, почти незаметной в рыжеватых волосах, и тайно радовался этому цвету своих волос. А стряслось несчастье — и напомнило, что уже не молод.

И вишни-то, вишни... Совсем ведь тоненькие были, едва по цветочку выбросили весной...

Симонов сидел все так же, склонившись к нему, Крылова не было, наверное, ушел. И в каюте потемнело, качало сильнее, ветер свистел наверху.

— Штормит?

— Уходим от тайфуна,— ответил Симонов.

— Разгрузку-то кончили? — Шухов спросил и даже испугался слегка: о каких-то вишнях, о мяте мысли, а самое-то главное забыл... Как же можно об этом забыть? Совсем раскис.

— Давно кончили, Семен Петрович.

— Погоди, сколько ж времени прошло?

— Четвертые сутки.

— Да ты что! И я все лежу?

— Полежите, надо отлежаться после такого купания.

«А Крылов-то не лежит»,— хотел сказать Шухов, но понял, что слова эти неуместны.

— Расскажи, как разгрузились.

Симонов встал. Шухов повернул голову и впервые за долгое время увидел лицо фельдшера не вблизи, а издали. Впервые за долгое время... Значит, правда — лежит несколько суток.

— Там все в порядке было, Семен Петрович.— Симонов прошелся по каюте, отдыхая от надоевшего сидения: — За три рейса все перебросили.— Он помолчал, раздумывая, рассказывать ли о другом, и, поймав взгляд Шухова, решил, что надо рассказать:— Как вас волной накрыло, мы увидели сразу. Послали второй вельбот, с Комаровым. Сели вы крепко, крутились, крутились мы, сами чуть не застряли. Потом трос закрепили, воду откачали. И то еле стащили с камней. Подтянули вельбот, перенесли вас к себе. Сначала подумали, замерзли вы: так закоченели, пришлось резать одежду — не снимешь. Потом в одеяла вас завернули, растирать начали, тут и к «Томи» подошли — в баню, в парок, сами помните...

Симонов достал сигареты, но спохватился и спрятал.

— Иди покури. Мне легче, полежу один.

Шухов повернулся на бок и осмотрел каюту, и все вокруг показалось непривычным, будто не был здесь много месяцев. И сделалось вдруг радостно от того, что жив, что вернулся, что увидит Крылова и Кононова и не раз еще сходит на рейдовую разгрузку.

ОБ АВТОРЕ

Димчевский Николай Владимирович. Родился в 1926 году в Москве. Окончил философский факультет МГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов СССР. Работает в издательстве «Советская Россия». Автор ряда художественных книг, сборников стихов, повестей и рассказов («Прорубь», «Краски Севера», «Июль на краю света» и других). В нашем ежегоднике выступал четыре раза (выпуски 1966, 1969, 1970 и 1973 годов). В настоящее время работает над книгой стихов «Облик странствий» и сборником повестей и рассказов о людях Севера.

МАРК БЕЛЕНЬКИЙ

ПОСЛЕДНЕЕ ОБЛАКО ЖАНА СЕРВЬЕ

Очерк

Шар, отчетливо видный с земли,— желто-синий баллон и чуть ниже, на стропах, корзина — в этот воскресный полдень вызвал на дорогах французского департамента Верхние Пиренеи такой же переполох, как если бы над горами появилась летающая тарелка, битком набитая марсианами.

Вот остановился автобус с паломниками, спешащими в Лурд к обедне. Богомольцы в праздничной одежде высыпали на шоссе и, прикрыв глаза от солнца брошюрками о чудотворном целительном источнике в Лурде, указывали пальцами в небо. Радостно засуетилась детская экскурсия на склоне горы. Руководитель степенным педагогическим голосом начал что-то втолковывать ребятишкам: «Монгольфьер... подогрев... перегрев...» Куда там! Кто станет все это слушать, когда он летит! Притормозили машины отпускников, возвращающихся из Испании. Эти смотрят завистливо: летит себе, забот не зная, никаких дорожных заторов, никаких аварий, даже бензина не нужно. И они с горечью начинают нажимать на клаксон: проезжай, проезжай, чего встал, эка невидаль — шар в небе!

А молодой фермер на красном тракторе не думает проезжать, он хлопает в ладоши: «Давай, Жан, давай!» Потом наклоняется к американскому автомобилю, похожему на расплющенную акулу, из окошка которого выглядывает девушка с белыми волосами, и очень громко, как говорят с глухими и иностранцами, кричит:

— Наш это! Наш, говорю, парень летит!

Потом добавляет, тыча пальцем в сторону моря:

— К вам, в Америку, долететь может! Точно!

Девушка хохочет и показывает на парижский номер машины.

— Тьфу ты,— сбавляет тон фермер.— А я думал... Так это наш парень, говорю, полетел. Жан Сервье, слыхали?

— Нет. А ваш — это откуда?

— Из Баньер-де-Бигор!! — заглушая тарахтенье своего трактора, кричит фермер: — Написано!

На шаре действительно было выведено крупно: «*Баньер-де-Бигор. Целебные грязи*».

— И здесь реклама...— простонала девушка, прикрыла пол-лица черными очками, нервно передернула рычаг, и лимузин нетерпеливо затрясся крупной дрожью.

Машины притормозили на пять минут, а на шоссе уже дым коромыслом. Надрываясь по-ослиному, пытается расчистить себе путь скорая помощь. Кто-то кому-то, засмотревшись в небо, ободрал бампером крыло. Шум и крики продолжаются еще долго после того, как шар, в последний раз заслонив солнце, исчез за склоном горы.

Мимолетное видение... Но ему предшествовала долгая череда событий, о которых мы намерены рассказать. Однако прежде маленькое отступление. Дело в том, что в Баньер-де-Бигор, маленьком французском городке у испанской границы, автору этих строк случилось прожить две недели, и, хотя пути его с героем очерка не пересеклись, автор так и не смог преодолеть искушения заглянуть в старые записи.

...От факелов в проржавевших держаках закручивались вверх чадные хвосты, распластанные тени метались в тесном для стольких людей прямоугольнике двора. Двор замка — твердыни пиренейских маркграфов — был выложен гулкими каменными плитами, и звуки до зубцов крепостных стен затопляли его, вызывая ощущение, будто находишься на дне плещущего озера. Мы слушали хор, который был в шаге от нас, но не видели певцов: глаза смотрели куда-то сквозь них. Мужские басы гудели низко, наливаясь сдерживаемой силой.

Певцы были одеты в традиционные костюмы пиренейских горцев: красные бархатные куртки и суконные штаны, заправленные в высокие до колен белые носки из овечьей шерсти. На голове — красные береты, украшенные по случаю праздника белыми кистями.

Да и среди слушателей многие были в беретах и куртках, никак не подходивших к брюкам городского покроя, но эта разномастность не трогала собравшихся. «Мы, бигорцы,— скажет мне потом с вызовом один парень,— сами по себе».

Хор вздохнул, как одно большое существо, и замер. Все стояли молча: здесь, нам объяснили, не аплодируют. Старинные песенные сказания о храбром рыцаре Роланде известны всем бигорцам, а искусство хорового пения передается из поколения в поколение. Так что здесь собрались искушенные ценители. Французы обычно шутливо заявляют о своей неспособности петь хором: слишком, мол, для этого они индивидуалисты. Но услышанное нами явно свидетельствовало об обратном. Руководитель хора по этому поводу сказал так:

— В горах не проживешь в одиночку, и не пробуйте. А собравшись вместе, как не спеть?.. Вы обратили внимание, что горцы везде отлично поют: в Тироле, на Кавказе, в Карпатах, на Балканах. Не зная нотной грамоты, они тем не менее исполняют мелодию в пять голосов. Почему так? Думаю, слух в горах обостряется, звук летит очень далеко... Несподручно как-то фальшивить,— закончил он с улыбкой.

И фамилия хормейстера словно нарочно была Роланд. Желая сделать приятное гостям из Советского Союза, он пошептался с певцами, те подобрались и низко, очень низко начали «Подмосковные вечера». Без слов, только мелодию. Странное дело, на фоне этих каменных декораций, выйдя из уст пиренейских горцев, русская задушевная песня превратилась в нечто очень мужественное и эпическое...

Славные люди окружали нас в Баньер-де-Бигоре. Они рассказали о давней истории, когда баньерский хор, решив пропеть всему свету о красотах Пиренейских гор, отправился пешком по всей Европе и добрался до России.

Баньерцы поведали и о более близких временах, когда они переправляли через горы испанских республиканцев, а чуть позже, во время войны, устроили здесь партизанскую базу.

Вместе с ними мы много ходили по улицам городка. Он живописен и уютен, как могут быть уютны хорошо обжитые места. Городок крепко врос в горный склон, обращенный к югу. Из общей массы старых домов выделяются здание у минерального источника и большой современный корпус грязелечебницы. В истории, о которой будет ниже рассказано, этому заведению суждено сыграть очень большую роль. А посему на этом автор прерывает (не без сожалений) свои воспоминания о пиренейском городке и обращается к теме.

Жан Сервье родился в Баньер-де-Бигоре тридцать восемь лет назад. Здесь он закончил школу и здесь, в клубе альпинистов департамента Верхние Пиренеи, начал заниматься спортом. Впрочем, собственно говоря, это был не спорт, а целеустремленная подготовка к будущей профессии.

Он вырос в горах, знал их нрав, любил их. Особых способностей к наукам не чувствовал, да и семейные обстоятельства были таковы, что рассчитывать на университетский курс он не мог. Оставалась, таким образом, практическая деятельность. В конкретных условиях городка это означает профессию горного гида, право заниматься которой давало двухгодичное училище в соседнем городке — Тарбе.

Немного об этой профессии. Не следует думать, что речь идет о руководителях туристических групп, рассказывающих о достопримечательностях, находящихся справа и слева от намеченной трассы. Горные гиды возглавляют альпинистские экспеди-

ции, в их обязанности входят и функции горноспасателей. Кроме атлетической подготовки и овладения современными методами альпинизма они должны уметь оказывать на месте медицинскую помощь, страховать членов своей группы при восхождении, прокладывать маршруты и т. д.

Двадцатилетний горный гид второго разряда Жан Сервье, окончивший Тарбское училище, получил назначение в... Альпы. Это был просто верх невезения! Пиренеи ведь тоже горы, и здесь дом, родные, друзья, все хожено-перехожено... Да, но Пиренеи не в моде, альпинисты не балуют их вниманием: работы мало.

Жан был прикомандирован к альпийскому клубу в местечке Морез, департамент Юра́. Альпы поначалу ему не очень понравились: какой-то проходной двор, свободного места не сыщешь. Но постепенно он втянулся в дело.

...В последнем классе он прочел в учебнике фразу Фрэнсиса Бэкона: «Природа побеждается подчинением ей». Неужели действительно так? В широком смысле великий англичанин, конечно, прав. Сейчас человек настолько «победил» природу, что оставил горестные следы своей деятельности по всей планете. Но в узком смысле, скажем альпинист... Разве может он подчиниться? Только ценой собственной жизни... В то же время Бэкон имеет в виду и человеческую природу. Тогда выходит, что подчинение или, иными словами, следование своей природе, своему призванию и есть залог успеха, путь к победе...

Альпинисты, с которыми он выходил на маршрут, были людьми очень интересными. Беседовал он с ними с большим удовольствием. Пригодился и английский, который он усердно долбил в училище на дополнительных занятиях: часто приезжали англичане, американцы, скандинавы. Все они относились к Сервье с уважением, как к мэтру, величая не иначе как «мсье Сервье». Наставник!

Альпинистский лагерь был оазисом вне времени и пространства. Горы вокруг были такими же, как века и тысячелетия назад. Приезжающие в один голос твердили, что завидуют Жану, имеющему возможность жить среди такой красоты и отдаваться целиком их общему любимому занятию. Ах, как бы они хотели остаться! Но, увы, дела, дела... И они вновь разъезжались, чтобы продолжать работу в лабораториях, читать лекции в университетах, руководить компаниями, снимать фильмы. Уезжали из маленького мира гор в большой.

Клиенты мсье Сервье были в основном люди состоятельные, иные с громкими фамилиями, довольно часто упоминаемыми в прессе, и это еще больше поднимало престиж профессии в глазах Жана.

Как-то в Морезе он встретил девушку, работавшую медсестрой в туберкулезном санатории. Она была прелестна, да и характером пришлась по душе Жану — твердая и спокойная, как подобает горянке...

Свадьбу сыграли в доме родителей Жозетты. Там же, на втором этаже, поселились молодые, до поры до времени, как думал Жан. Деньги он получал приличные, корпорация гидов присвоила ему первую категорию, вскоре можно подумать и о собственном доме. Жизнь четы Сервье вошла в размеренную колею. Так продолжалось до конца шестидесятых годов, когда в один прекрасный день на базу в Морез приехала группа с необыкновенным снаряжением, доставленным на нескольких грузовиках. Оказалось, что диковинные громадные пакеты — это воздушные шары! Такая вещь не могла не вызвать всеобщего любопытства.

В местном отделении горноспасательной службы вновь прибывшие зарегистрировались как члены Клуба аэростатического спорта. В графе «цель прибытия» значилось: «перелет через Альпы...» Через горы на воздушном баллоне — неужели такое возможно сейчас?

Чтобы ответить на этот риторический вопрос, нам придется совершить краткий экскурс в прошлое.

В отличие от многих других средств передвижения, чья история теряется в глубине веков, дата запуска первого воздушного шара внесена в протокол. Это произошло 5 июня 1783 года во французском местечке Анноне. Шар склеили из бумажных полос братья Монгольфье — Жозеф и Этьен, после чего наполнили оболочку дымом от подожженного влажного сена, и конструкция оторвалась от земли. Полет продолжался десять минут.

15 октября 1783 года в предместье Парижа воздушный шар системы братьев Монгольфье поднял в гондоле из ивовых прутьев первого бесстрашного пассажира — шевалье Пилатра де Розье. (Забегая вперед, скажем, что исходный материал для гондол не претерпел изменений до наших дней: ивовые прутья оказались надежными и в век синтетики. Только в самое последнее время стали выпускать гондолы из фибергласа.)

Ощущение от полета первый воздухоплаватель живописал в таких выражениях, что от желающих повторить опыт не было отбоя.

Эра воздушных полетов была открыта. Дым от влажного сена подогревал не только бумажные оболочки, но и — куда в большей степени — человеческое воображение. Многим казалось, что проблема идеального транспорта решена: уже не могут быть для него преградой ни широкие реки, ни горы. А когда в 1785 году состоялся перелет на аэростате через Ла-Манш, энтузиазму не было границ. Полет фантазии намного опережал полет шара.

Довольно скоро образовались две партии: одна объединяла сторонников классического шара «монгольфьера», возносимого нагретым воздухом, а во вторую сгруппировались почитатели «шарльера», названного в честь французского профессора Шарля, предложившего заполнять оболочку легким газом. Но когда к кон-

цу минувшего столетия появились дирижабли — управляемые аэростаты, они сразу же вытеснили из поднебесья и «монгольфьеры», и «шарльеры». А рев моторов народившегося аэроплана прозвучал реквиемом по воздушным шарам. Громоздкая конструкция, к тому же весьма и весьма ненадежная в полете, казалось бы, отжила свое.

Собственно, так оно примерно и вышло. Надувные баллоны остались уделом отдельных энтузиастов. Зато уж те, однажды поднявшись в небо, сохраняли верность своему избраннику. Англичанин Антони Смит в 1965 году отметил столетний юбилей со дня выхода жюльверновского романа «Пять недель на воздушном шаре» беспримерным полетом над Африкой.

«Я видел множество причин для того, чтобы отправиться в Африку на воздушном шаре,— писал Смит.— Но во всех подобных случаях есть одна причина, которая играет решающую роль. Когда альпинист говорит, что должен взять вершину, потому что она существует, в его словах заключен исчерпывающий ответ. Стоит гора. Тысячи людей видят ее, но с одним из них происходит что-то особенное, какой-то голос говорит ему: эта гора ждет, чтобы ее взяли. С этой минуты он весь во власти зова души».

Как видите, аналогии с альпинизмом здесь приходят на ум совершенно естественно...

Итак, Жан Сервье подключился к этому делу, тем более что ему поручили «обеспечивать безопасность» полета. Подобно тому как любое судно, прежде чем выйти в море, должно получить на это разрешение портовых властей, выход (в данном случае вылет) в горы необходимо официально зарегистрировать. Шары, на которых предстояло парить над Альпами, были надувными «шарльерами».

На выбранной площадке расстелили оболочки по траве и стали накачивать. Вокруг появились таблички: «Не курить!», «Подумайте о себе и других!» Постепенно оболочка начала принимать округлые очертания. Шар был оплетен веревками, привязанными под «брюхом» к металлическому кольцу. Дальше от кольца отходили стропы, на которых висела корзина. Покамест она была загружена тяжелыми камнями, чтобы внезапный порыв ветра, упаси боже, не умчал шар без пилота.

Предстоявший полет был посвящен памяти швейцарского аэронавта Спельтерини, который первым в 1898 году осмелился совершить трансальпийское воздушное путешествие. Инициатива нынешнего полета принадлежала другому швейцарцу — Фреду Дольдеру, и это начинание потребовало бездны хлопот. Дело тут вот в чем. Сам шар весьма долговечен. Некоторые энтузиасты пользуются одним и тем же шаром десяток лет и больше. Скажем, знаменитый Шарль Дольфус, ветеран воздухоплавания, совершивший пятьсот сорок подъемов! Зато газ... Для каждой заправки

требуется 1000 кубических метров сжатого водорода. «Хорошо бы вербовать любителей аэронавтики среди миллионеров»,— говорил Фред Дольдер. И сокрушался: «Но они почему-то не в восторге от этого способа передвижения...»

Дольдер выискивал субсидии на полеты всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Один раз ему даже удалось получить некоторую сумму от... Организации Объединенных Наций. Кроме финансовых на нем лежало еще множество дел. Во время полета он переговаривался по рации с пилотами и следил за их приземлением — забота, кстати, вовсе не лишняя. После одних состязаний Дольдеру пришлось мотаться по итальянским больницам в поисках пропавшего аэронавта, пока он не обнаружил его... в кутузке, куда ретивые карабинеры заключили пилота за «пересечение границы без таможенного контроля». После этого инцидента полицейские власти Франции, Швейцарии, Италии и Австрии были уведомлены, что воздушные шары не всегда в состоянии придерживаться выработанного маршрута, возможны залеты на сопредельные территории, так что карточка клуба аэронавтов должна на время состязаний сделать пилота как бы «гражданином Вселенной».

...Но вот приготовления закончены. Шары наполнены газом, корзины постепенно разгружены от камней, и баллоны слегка приподнялись над землей, так что их можно вести на поводке. Стартмейстеры легко управляли громадными сооружениями, принайтованными сизалевыми гайдропами к столбу.

Жан Сервье попросился пассажиром в кабину французского пилота, оставшегося в тот раз без напарника. Об этом его воздушном крещении известно очень мало. Но мы можем обратиться к запискам бельгийца Марка Жасински, который тоже впервые пересек Альпы на воздушном шаре во время перелета, посвященного памяти Спельтерини. Вот несколько отрывков: «За исключением меня, все остальные пилоты имели достаточный опыт подъемов и благополучных спусков. Я был в корзине с американцем Питером Пеллегрино, который занимается аэростатами пятнадцать лет, и это придавало уверенности.

Менее успокоительной была речь главного распорядителя, кратко обрисовавшего обстановку. Нам предстоит парить на высоте пяти тысяч метров над самыми опасными вершинами Европы. Не исключена посадка в горах. В этом случае мы должны подготовиться к тому, чтобы не отморозить ноги на леднике, не опуститься на высоковольтную линию возле Турина, не утонуть в озере Комо, не провалиться в трещину, присыпанную снегом, и т. д. и т. п.

Потом нас напутствовал Шарль Дольфус, вспомнивший, как ему с Фредом Дольдером пришлось однажды садиться в горах на площадку шириной в 60 сантиметров над пропастью. Их шар по странной прихоти случая зацепился за единственное дерево, росшее здесь. Сейчас, двадцать лет спустя, Дольфус удивлялся, как им удалось выбраться.

Фред Дольдер, выступивший за ним, сказал, что в жизни трудно делать три вещи: заставить таракана бежать по прямой (сложно); оставить за собой последнее слово в споре с женой (маловероятно); управлять воздушным шаром (безнадежно).

В отличие от корзины Монгольфье наша гондола оснащена навигационными приборами: самописец-барограф вычерчивает график набора высоты в течение всего полета; альтиметр регистрирует высоту в данный момент; вариометр показывает скорость подъема и спуска. Знакомя меня со шкалой, Питер так комментировал указанные на ней цифры: это — «прекрасная посадка», это — «легкие синяки», это — «переломы обеспечены», это — «капут...».

Фред Дольдер взмахивает красным флажком. Время — шесть двадцать.

Клапан? Пш-ш-ш-ш! Дорогостоящий водород улетучивается в атмосферу, все в порядке, клапан работает.

Рация? Поворачиваем ручку. Уже с рассвета они наяривают «йе-йе»; так, двигаем дальше, хриплый голос Фреда: «Раз-два-три, раз-два-три! Как слышите меня? Прием! Я вас слышу. Я вас слышу. Счастливого полета! Счастливого полета! Мягкой посадки! Мягкой посадки! Конец».

Приборы? Их мы сможем опробовать лишь в пути.

Карты? Швейцария, Италия, Франция — все на месте.

Шесть часов тридцать девять минут. Мы стремительно возносимся, и вот уже наши друзья клопиками суетятся внизу, размахивают шляпами и вопят, пугая ворон.

Промелькнули первые две тысячи метров. Окно в облаках, чудом позволившее нам стартовать, закрылось. Надо подниматься выше: не можем же мы вслепую болтаться в воздухе в окружении горных пиков. Стрелки приборов показывают 3500 метров высоты.

Три минуты спустя шар входит в большое облако. Водород быстро охлаждается, скорость подъема падает.

Шесть пятьдесят три. Шар замер. Кругом — холод, водород настолько остыл, что мы потеряли подъемную силу. Мешочек с песком летит вниз.

Аэростат тотчас толчком вздымается вверх до отметки 4250. Ветер гонит нас к Италии...

Восемь сорок. Питер подтягивает к борту мешок с балластом и дрожащими руками начинает развязывать тесемку. Я слежу за его взглядом: альтиметр показывает 4600. Боже, нас несет прямиком на Чертов палец! Мешок сброшен, шар поднимается до 5000 метров.

Девять двадцать. Сквозь туман вырисовываются последние бастионы Итальянских Альп и зеленые прямоугольники полей в долине По.

Правила воздухоплавания запрещают полеты при такой видимости. Диспетчерская служба Миланского аэропорта не разрешила

нам входить в их зону наблюдения. А опускаться вслепую в долине По, где сплошные линии электропередач, железные дороги и заводские трубы,— значит рисковать шаром, а заодно и собственной шеей.

Десять тридцать пять. Куда податься? Мы плывем на высоте 2900 над сплошным молочным морем. Ему бы еще кисельные берега...

Одиннадцать сорок. Питер дважды дергает за выпускной клапан. Со скоростью 60 метров в минуту начинаем спуск на горный склон. Мой пилот озабочен. В начале своей карьеры ему приходилось несколько раз совершать посадки, о которых газеты его родной Пенсильвании сообщали под сенсационными заголовками. Но Питеру явно не хочется стать героем дня в Италии. Охладившийся шар между тем стремительно идет вниз. Тень аэростата на склоне гор растет, земля уже в трехстах метрах. «Приготовься прыгать!» — кричит Питер.

70 метров. Резкий толчок — это гайдроп ударяется о верхушки дубков. Питер дергает за клапан и кричит мне: «Держись!» Бац! Мы летим друг на друга, мешок с песком ударяет по спине, рация самопроизвольно включается, звучит бравурный марш. Но гондола, стукнувшись о дерево, лишь подскакивает вверх. При сильном ветре случалось, что шар тащился так несколько километров, а его пассажиров хлестали ветви деревьев.

Я забираюсь по стропам к кольцу и освобождаю нижний клапан. Шипение, и... мы на земле. Кругом тишина. Медленно вылезаем из корзины, ощупываем себя. Руки-ноги на месте.

Местечко, где мы очутились, называется Триверо, это на полпути между Турином и Миланом. Энтузиазм местных жителей поистине беспределен. Нас приветствуют, ну прямо как космонавтов. И чего греха таить, мы себя чувствуем немного похожими на них».

Вот каковы переживания новичка, приобщающегося к воздухоплаванию. А Жану Сервье повезло вдвойне. К моменту его дебюта в конструкции шаров появилась одна новинка, резко снизившая стоимость полета. Справедливости ради отметим, что данная система была разработана не для спортивных, а в военно-инженерных целях.

Лет пятнадцать назад авиационное ведомство США получило заявку на создание «надувного парашюта», с помощью которого в случае аварии над океаном пилот мог бы продержаться в воздухе до подхода спасательного вертолета. Принцип такого «парашюта» заключался в том, что в классическом «монгольфьере» (не забудем, что Жасински летал на «шарльере») для подогрева воздуха в оболочке устанавливалась газовая горелка. Военное ведомство отвергло такую конструкцию, поскольку она не смогла найти применения при сверхзвуковых скоростях самолетов. Зато спорт-

смены ухватились за модернизированный «монгольфьер» обеими руками.

Теперь, для того чтобы взлететь, достаточно было зажечь газовый рожок, и через двадцать минут шар поднимался в небо. Четыре пропановых резервуара, укрепленных по углам гондолы, позволяли держаться в воздухе три-четыре часа. А убавляя или прибавляя пламя, аэронавт мог опускаться и подниматься.

В 1968 году Жан Сервье получает права аэронавта. Это потребовало письменного экзамена и восьми подъемов с инструктором. Отныне Жан мог участвовать в больших перелетах и состязаниях, мог брать в гондолу пассажиров.

Перспективы открывались самые радужные. Такие полеты все больше завоевывали симпатии публики. От желающих совершить воскресную прогулку по воздуху не было отбоя. На паях с «Клубом Жюля Верна» (вокруг которого группировались владельцы «монгольфьеров») Сервье приобрел за 25 000 франков свой воздушный шар. Зарегистрирован он был под номером JAF-29, а окрестил его владелец «Лизой»— так звали старшую из двух дочерей, родившихся у него.

Новое дело по сути становилось его новой профессией. Жан трижды пересекал Альпы и все три раза был первым на финише в Швейцарии, Австрии и Италии. Потом перелет из Кале в Дувр через Ла-Манш, причем за шаром на вертолете следовал телеоператор: все перипетии этого события транслировались по системе «Евровидения». Желто-синяя «Лиза» первой достигла меловых откосов Дувра. Были интервью, фотографии в газетах. Пришла слава — неожиданно и сразу. И вроде без особых усилий.

Публика особенно любит чемпионов, которые добиваются успеха как бы играя. Да и олимпийский принцип гласит: «Мало выиграть. Надо выиграть красиво». Жан Сервье делал это красиво.

На открытии летного сезона 1970 года президент «Клуба Жюля Верна» торжественно провозгласил, что слова великого Гейне: «Каждая эпоха обретает новые глаза и видит в прежних созданиях человеческого духа новые возможности» — целиком и полностью относятся к «монгольфьерам». Действительно, в том году в Соединенных Штатах состоялось более трех тысяч полетов, а в Европе шары взмывали в воздух тысячу раз. Вскоре в американском городе Альбукерке (штат Нью-Мексико) состоялось небывалое в истории аэронавтики событие — первые международные соревнования «монгольфьеров».

В команду Франции входили пять человек, в том числе, конечно, и Жан Сервье. Не обошлось без курьезов. В международном аэропорту в Далласе таможенник, повертев в руках квитанцию с лаконичной описью груза: «Монгольфьеры» — 5 шт.», подозрительно спросил:

— А эта порода разрешена к ввозу в Штаты?

Видимо, таможенный чиновник решил, что речь идет о французских собаках...

Окрестности Альбукерке выглядели феерически. 123 воздушных шара из пятнадцати стран! Расцветки и рисунки такие, что операторы цветного телевидения облизывались от удовольствия. Героиней дня оказалась голландка — единственная женщина-воздухоплавательница, тут же единодушно (за отсутствием конкуренток) признанная королевой красоты чемпионата.

Соревнования проводились в два этапа. Первый назывался «Охота на зайца». В роли «зайца» выступил председатель местного клуба аэронавтов Сид Каттер, который летел первым, ведя за собой «гончих». Неожиданно для всех Каттер должен был приземлиться; задача «гончих» состояла в том, чтобы сесть как можно ближе к «зайцу». Чемпионом в этом виде стал англичанин Питер Лэнгфорд.

На втором этапе участники состязались на дальность полета. У каждого в гондоле было три стандартных баллона с пропаном, причем пользоваться можно было только двумя, третий баллон аварийный. Искусство аэронавта заключалось в том, чтобы уловить мощный воздушный поток, который сам повлечет шар без дополнительного подогрева.

Здесь всех опередил 32-летний американец Дэнис Флоуден, пролетевший 15 миль (чуть больше 24 километров). Второй результат показал Жан Сервье, причем он оказался единственным представителем Старого Света в первой пятерке.

Заключительным номером праздничной программы был массовый взлет всех 123 шаров под звуки оркестра. Правда, из-за непогоды довольно многим пришлось быстро сесть, некоторые шары ветер утащил в город. Шериф Альбукерке создал отряд добровольцев для извлечения воздухоплавателей из водоемов, спуска шаров с крыш домов и выпутывания из ветвей деревьев. Кроме того, городские власти отключили ток, чтобы аэронавты не попали на провода высокого напряжения... Все обошлось благополучно.

Во Франции Жана Сервье встретили с триумфом. В Париже состоялся торжественный обед. Ему пожимали руки господа с орденскими ленточками в петлицах. «Клуб Жюля Верна» передал ему в полную собственность JAF-29. Генеральный комиссар по делам спорта вручил денежную премию. Прислал телеграмму Шарль Дольфус. «Милый Жан,— говорилось в ней,— ты теперь научился летать. Только не забывай, что в нашем деле надо еще научиться и падать».

Из Парижа Сервье возвратился в Морез. Дочери аккуратно вырезали все статьи о нем, появившиеся в иллюстрированных журналах Европы и Америки, наклеили в альбом и преподнесли отцу.

Словом, это было замечательное время успеха и надежд. «Клуб Жюля Верна» думал об устройстве соревнований во Франции, просил Сервье готовиться. Приехал в Морез и вице-президент крупной рекламной фирмы «Пюблисит». У него возникла идея облететь на шаре крупные города Франции с рекламными транспарантами. Предварительная договоренность с целым рядом клиен-

тов уже достигнута. Годовой гонорар Жана Сервье равнялся бы цифре со многими нулями...

Через неделю контракт был готов. Жан сел в машину и поехал в Париж подписать его.

Контракт был очень выгодный. Жану Сервье предстояло совершить не менее пятидесяти подъемов в течение первого года — пустяки при его умении. Он взял аванс, чтобы привести «Лизу» в боевую готовность и купить кое-какое оборудование.

Сервье выехал из Парижа поутру, рассчитывая к концу дня быть дома. Но в четыре часа дня его жене Жозетте позвонили из города Аваллона и сообщили, что муж попал в аварию и находится в больнице. Опасности для жизни нет, но серьезно повреждены рука и нога.

Когда Жозетта, держа сумку с фруктами и любимым его сыром грюйером, вошла в палату, Жан начал ее успокаивать.

— Доктор говорит, с ногой все в порядке. Будем бегать на своих двоих.

— А рука?

— При мне, как видишь...

Правая рука была повреждена серьезно. Врачи удалили осколки локтевого сустава. Когда месяц спустя друзья приехали за Жаном, чтобы отвезти его домой, картина была малоутешительной: рука почти не сгибалась...

Сервье бодрился, шутил. Окружающие старательно делали вид, что улыбаются.

Дома поздно вечером, когда дети уснули, супруги стали подводить итоги. Деньги, полученные по страховке, ушли за лечение в больнице. О радужных контрактах речи не было, и так все ясно: ни одна медицинская комиссия не позволит летать на шаре с такой рукой.

— Да и сам шар...— начала было Жозетта.

— «Лизу» я не продам,— прервал ее Жан.— Бог даст, еще полечу.

Решили продать автомобиль. Жозетта, ушедшая с работы после рождения дочерей, подыскала себе место на лыжном курорте. Но вот Жан... Что он может делать? Был альпинистом, был воздухоплавателем. А сейчас?

...В больницу на имя Сервье пришло письмо от Алена Бомбара. Того самого, оказавшегося за бортом по своей воле на спасательном плотике с дерзким названием «Еретик». Он узнал о беде Жана из газет. Доктор Бомбар в последние годы возглавлял лабораторию биологии моря на юге Франции. Прирожденный организатор, он создал общество под названием «Спортсмены — навсегда». Цель его — помочь чемпионам, покинувшим большой спорт, найти свое место в жизни.

«Тот, кто познал медные трубы славы, гораздо легче уязвим,— говорил Ален Бомбар.— Чемпионы представляются публике этакими колоссами, которые всегда идут напролом. Это совершенно

не соответствует действительности. Большинство из них начали восхождение на спортивный Олимп слишком рано, оставив ради этого учебу. Они не знают никакого другого дела. А когда приходит время складывать полученные медали, оказывается, что спортсмены не пригодны к обыденной жизни... Цель нашей организации, созданной на общественных началах,— помочь им избежать отчаяния».

Доктор Бомбар слишком хорошо знает цену отчаяния. В тяжелую минуту, через два года после плавания, когда ему показалось, что все планы рухнули, он пытался покончить счеты с жизнью. Но он выстоял — во многом благодаря поддержке незнакомых ему людей. Сотни писем хлынули ему в больницу со всего света...

И вот он шлет письмо Жану Сервье. К денежному чеку была приложена записка с призывом не вешать носа. «Я уверен, что вы сохраните достоинство в критические минуты»,— писал Бомбар.

Да, все это так, но чем ему, Жану Сервье, заняться в свои тридцать восемь лет. Что ж, снова садиться за учение?..

Жан лелеял мечту со временем открыть собственное дело, фирму по выпуску воздушных шаров и дельтопланов — летающих крыльев, которые в последние годы завоевали большую популярность. Тренировочный лагерь дельтопланистов как раз открылся в Альпах... Но где взять денег?

Прошел месяц. Потом еще один... Сгибать руку было сплошным мучением. Весной Жозетта уговорила Жана съездить на родину. Очень не хотелось являться туда в таком виде, но Жан в конце концов сел в поезд.

Баньер-де-Бигор встретил его как свою знаменитость. От приглашений не было отбоя. Мэр города устроил ужин, на котором произнес речь:

— Мы все уверены, что Сервье не посрамит славного имени баньерца! Помни, мой мальчик, что родная земля сама лечит раны.

Жан был растроган. Когда затянули песню о славных подвигах Роланда, он не мог петь со всеми: в горле стоял комок...

Как-то к Сервье зашел друг детства Жерар Гадио. Он стал врачом и работал в грязелечебнице. Баньер-де-Бигор и его окрестности давно славятся своими минеральными водами. Полагают, что и чудотворное исцеление в соседнем Лурде — если только оно произошло в действительности — случилось при посредстве теплых подземных источников.

Жерар Гадио сказал Жану, что стоит попробовать лечить руку грязевыми ваннами и лечебной гимнастикой по новому методу.

— Курс бесплатный,— как бы между прочим заметил он,— все улажено.

И Жан начал лечение. Каждое утро отправлялся он на улицу Сен-Матье, держал локоть в теплой грязи, а потом поднимался в процедурный зал, где истово, закусив губу, разрабатывал руку.

Вернувшись домой, продолжал упражнения в своей комнате, во дворе, везде.

Результата поначалу не было никакого. Но дни шли за днями, и вот в середине лета доктор Гадио с улыбкой сказал ему:

— Чувствуешь?

Этого нельзя было не почувствовать! Рука сгибалась. Конечно, это было далеко не то, что раньше, когда он находился в своей лучшей форме, но он мог уже действовать рукой. Мог!

Уверенность вливалась в него. Прав был старик мэр, родная земля способна лечить раны — не только душевные, но вот даже разбитые локти...

— Жерар, я твой должник до гроба,— сказал Сервье доктору Гадио.

Тот отмахивался: чего там, ведь не чужие все-таки. Но у Жана созрела идея, как отблагодарить друга. Не такой он человек, чтобы не воздать добром за добро. Тем более что дела лечебницы, где работал Гадио, шли не блестяще. Громадные деньги, вложенные в ее строительство и оборудование, окупались далеко не так быстро, как рассчитывали городские власти. Номера гостиницы пустовали добрую часть года, заполняясь только летом. Кредитный банк все настойчивее требовал вернуть ссуду. Нужна была хорошая реклама курорта во Франции и за границей.

Жан вернулся в Морез. В «Клубе Жюля Верна» он заявил, что готов возобновить полеты. Все в порядке — пожалуйста, рука действует нормально. Ну, почти нормально.

Одноклубники качали головой. Может, не стоит торопиться? Имеет смысл повременить: все-таки не горит, дело наше опасное, требует сноровки.

...Пройдет немного времени и газеты сообщат о трагической судьбе американского аэронавта Томаса Гэтча, которого Жан хорошо помнил по соревнованиям в Альбукерке. Он полетел на воздушном шаре через Атлантический океан. Гэтч стартовал в окрестностях Гаррисберга (штат Пенсильвания) и намеревался закончить сенсационное путешествие в Испании. Однако ветры спутали его планы. Он сообщил по рации об этом, находясь в шестистах милях от берегов Западной Африки. Сразу вслед за тем связь с ним оборвалась. Еще через день капитан либерийского торгового судна заявил, что видел шар к западу от Канарских островов.

Миновало еще две недели. О судьбе Томаса Гэтча не поступало никаких известий. Английский корреспондент передал из Тенерифе, на Канарах, что крестьяне одной из деревень якобы видели похожий на воздушный шар предмет, летевший в направлении вулкана, к счастью потухшего. Но розыски так и не дали результатов...

Жана лихорадило. Он заказал разговор с Парижем:

— Алло! «Пюблисит»? Здравствуйте, говорит Сервье. Контракт ведь еще действует, не так ли? Прекрасно. Я оправился после

аварии — вы ведь знаете, с автомобилем... Так вот, я готов приступить к работе.

Ему ответили, что очень рады за него. Но только... В контракте есть пункт, предусматривающий выплату страховки. И потому нужно заключение медицинской комиссии о полной пригодности Жана к управлению шаром. Сервье заявил, что в конечном счете этот пункт можно исключить. Риск он берет на себя. В ближайшее время он будет в Париже и обо всем договорится. Сейчас у него есть еще одно дело. Сюрприз для всех. Кстати, он надеется, «Пюблисит» услышит о нем...

Вслед за тем Жан погрузил контейнер с воздушным шаром на поезд и выехал в Баньер-де-Бигор. Там он заказал мастерской малярных работ написать белым на желто-синей оболочке «Лизы» самыми крупными буквами: *«Баньер-де-Бигор. Целебные грязи»*. Это будет невиданная реклама! Если он пролетит в воскресенье над всем районом, а потом возьмет курс через Пиренеи на Барселону, где сейчас полным-полно туристов, о целительных свойствах грязей, так помогших ему, узнают десятки, да что там десятки — сотни тысяч человек! Надо еще предупредить Испанское телевидение. Гадио будет доволен...

А риск, он уже заявил, берет на себя. Жан был уверен в себе, знал, какое это пронзительное наслаждение — рисковать. Тут он был целиком согласен со знаменитым парашютистом и специалистом по трюковым киносъемкам Жилем Деламаром, чья книга так и называлась «Риск — мое ремесло». Деламар писал:

«Меня часто спрашивают, а многие подростки пишут мне, прося ответить, что толкает меня заниматься моим ремеслом. Жажда денег? Это было бы слишком просто. Жажда славы? Тоже не совсем верно. Скорее стремление доказать — прежде всего самому себе,— что я э т о могу. В каждом человеке, я думаю, сидит стремление сделать что-то впервые, чего до тебя никто не сумел. Это заставляет его искать новое, неведомое, даже если это новое сопряжено с опасностью...»

Жиль Деламар погиб во время съемок очередного фильма, дублируя Жана Марэ. Контракт не позволял знаменитому актеру слишком уж рисковать...

Мы начали с описания воскресного августовского дня. Воздушный шар почти час плыл над предгорьями Пиренеев, вызывая ажиотаж на дорогах, по которым возвращались отпускники. Потом ветер понес его через хребет в сторону Испании.

Операторы телевидения, предупрежденные Жаном, готовы были ловить его своими объективами. Но время шло, а шар все не появлялся. Из Эстеллы звонили в Ургель, в Маладетту: «Вы его видите?» Нет, они его не видели.

Только на следующий день, когда уже стало очевидно, что Жана Сервье больше нет, водитель грузовика рассказал, что на

перевале Сомпорт он видел, как большой желто-синий шар скрылся в облаке.

— На нем было что-то написано,— добавил шофер.— Не разобрал, что именно...

ОБ АВТОРЕ

Беленький Марк Исаакович. Родился в 1941 году в Москве. Окончил Московский институт иностранных языков. Член Союза журналистов СССР. Публиковаться начал с 1961 года в журналах «Вокруг света», «Смена», «Сельская молодежь» и других изданиях, выступая главным образом с очерками о путешествиях, приключениях, о жизни за рубежом. Им переведено и опубликовано десять книг французских авторов. Заведует отделом в журнале «Ровесник». В нашем ежегоднике выступает второй раз. Сейчас работает над переводом книги французского путешественника Мишеля Песселя «Хождения в королевства Гималаев» для нашего издательства.

ВЯЧЕСЛАВ ПАЛЬМАН

БАКСАН: ОТ ИСТОКОВ ДО УСТЬЯ

Очерк

1

Окрестные пейзажи выглядят так.

В одну сторону, на север, бесконечная голубая даль, геометрически правильные ряды садов; яблони, груши, сливы устало свесили отягощенные плодами ветки. Через каждый километр — шеренги высоких, поджарых тополей — этих гвардейцев из охраны самой госпожи Флоры, все в темно-зеленых мундирах, остроголовые и молчаливые. По сторонам виднеются белокрышие села, деревни, поселки, они как бы связаны ниточками накатанных асфальтовых дорог. Дороги любовно обсажены фруктовыми деревьями, чтобы была тень и уют. Словом, хочешь кати на полной скорости, хочешь сиди под яблоней и жди Ньютонова подарка.

Картина, весьма приятная взору, созданная заботливыми и рачительными хозяевами. Мир, полный щедрот плодородной земли.

Это при взгляде на север.

В другой стороне, на юге, глаза видят чудо. Очень близко, рукой подать, с какой-то особенно резкой реальностью выступают крутые, зубчатые, изломанные горы, темно-зеленые, а то и черные внизу, ярко-белые наверху, и эта свежевыбеленная, причудливо изломанная линия хребтов особенно поражает, потому что трудно совместить снега с горячим и щедрым солнцем, обливающим и долину, и горы, и вот этих отдыхающих в шортах и белых сорочках с короткими рукавами. Лето же! Лето!..

Горы ни на одном метре не повторяют себя, они многолики; причудливы их ясно различимые разломы, черные обрывы, кривые и темные ущелья, провалы, уходящие в неизвестное, они возбуждают непереносимое любопытство, острое желание как можно скорее очутиться в их таинственных глубинах, насладиться необычностью, познать непознанное...

Горы велики и, как все великое, загадочно молчаливы.

Снег ровно светится на острых хребтах, за первой кососрезанной линией угадываются новые, более туманные хребты, еще ближе к небу кое-где вырисовываются вершины отдельных гор. Там настоящее царство камня и едва различимых издали темно-зеленых лесов. Там чудо.

Кажется, вот так: если пойдешь все время на юг по ровной, как стол, равнине с ее домами, садами, дорогами, полями, то через какое-то очень недолгое время непременно остановишься перед стеной, вырастающей прямо из равнины. И придется, если хочешь двигаться в том же направлении, карабкаться вверх, чтобы затем с какой-то высокой площадки оглянуться назад, на оставленную долину и ощутить особенную гордость, свойственную, наверное, орлам, глазастым турам и горцам, привыкшим взирать на подлунный мир только сверху.

Но конечно, горы не начинаются так вот вдруг, подобно высотным домам на столичной улице. На довольно большом пространстве между равниной и хребтами холмится уйма разнокалиберных увалов и горушек, беспорядочно и неровно заросших кустами терна, облепихи, колючки, дубками и грабами. Словом, лес, перелески, долинки, некрутые овражки, а уж далее, за ними, как роман за предисловием, которое просматривают наскоро, а не читают, постепенно вырастает удивительное царство настоящих гор, изрезанных ущельями и таинственными долинами.

И право же, не так они близко отсюда, эти заманчивые горы, как это кажется ясным утром, когда воздух еще прозрачен и прохладен. Пройдет час-другой, солнце прогреет воздух долины, и тогда от земли подымется влажное синее марево, все выше, все гуще, горы будут уходить, уходить, пока совсем не исчезнут, как исчезает в театре сцена с декорациями, когда на переднем плане опускается кисея... Лишь самые высокие белые вершины, искрящиеся маковки великанов, будут еще некоторое время просматриваться в небе, так похожие на облака, что могут даже вызвать сомнение: а горы ли это?

Все великое пространство, откуда так хорошо смотреть на Кавказ, прозаично мыслящие люди называют скучными словами «предгорная зона», за которой еще дальше на север, а значит, еще ниже, начинается другая, плоская, как стол, земная поверхность — знаменитая кабардинская равнина, незаметно переходящая в обширную ставропольскую и калмыцкую степь. Ее близкое родство с Кавказом проявляется уже только увалами да крутыми обрывами по берегам довольно частых речушек и ручьев.

Горные реки сюда не все добегают. Их перехватывает сердитый Терек и уносит с собой через хребты, через знаменитый Дарьяльский каньон к Каспийскому морю.

И предгорья, и кабардинскую равнину населяли люди, как говорится, испокон веков. Уж больно благодатное, удобное для жизни это место.

Сколько-то там миллионов лет близкие горы последовательно отправляли (и продолжают отправлять) сюда с потоками воды от тающих снегов, ледников и летних ливней бездну строительного материала — камня, гравия, песка, ила, выполняя свой, только самим горам известный «производственный план». Все это благодатное для создания основы будущих земель сырье перемалывалось в пути, потом слой за слоем откладывалось в предгорье и на равнине, а остальную, более тонкую работу уже делало солнце. Оно вдохнуло в эти мятые-перемятые грунты жизнь, заселило их бактериями, грибками, простейшими червецами, потом травами, лесами, а они уже создали почву, хорошую, плодородную пленку, которая взяла на себя труднейшее дело — прокормить великое множество живых существ, объединенных общим понятием фауны Земли.

Чтобы лучше понять жизнь в предгорье и на равнине в виду Кавказа, надо прежде всего присмотреться к рекам. Они здесь не украшение ландшафта. Роль их и теперь, когда созданы речные долины, очень велика. Они — строители земли, как и раньше. Они — кровь равнины, разносящие окрест себя жизнь.

На всех географических картах этого района страны можно увидеть извилистые голубые линии рек, во множестве, часто параллельно, сбегающие с гор по северным их склонам. Сколько таких рек? Право же, трудно подсчитать, во-первых, из-за большого их количества, а во-вторых, из-за неустойчивого капризного характера.

Чуть какой-нибудь реке понравился, скажем, левый, податливый берег, вот уже и размыв, и вторжение в соседнюю параллельно бегущую реку, превращение в приток. А на следующий год ложе такой реки может и вовсе высохнуть из-за обвала или более подходящего старого русла. В одной Кабардино-Балкарии речек многие сотни. А потом еще в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестане... О более мелких реках, именуемых чаще ручьями, вообще говорить не приходится. Они в горах, как призраки: появляются и исчезают.

Вырвавшись из узких ущелий, где каменные щеки склонов не дают разгуляться, горные реки еще долго, добрую сотню километров никак не могут успокоиться и катятся уже в широком ложе по предгорьям прежними зелено-пенными волнами, шумные, дерзкие, грозясь с ходу растерзать любую преграду на своем пути.

Люди знают норов своих рек и не селятся рядом с руслом, благоразумно отступая подальше от неустойчивых берегов речной долины.

...Вдруг в ясный весенний день постоянное, уже привычное ворчание такой реки сменяется басовыми нотами разъяренного зверя. Берегись!.. И по широкому руслу со скоростью курьерского поезда вот уже несется грозный мутный вал. Это значит, что в верхнем течении прошел короткий, но злой ливень.

А вот в июле — августе реки быстро и грозно вспучатся не на один день, а на многие недели, заполнят доверху русла и, неузнаваемые, дикие, помчатся вдоль изрезанных берегов, слизывая острова и мысы, меняя протоки, нагромождая завалы — страшную угрозу для прибрежных полей, садов и селений.

Тут виноват знойный солнечный жар, который плавит льды и снега на вершинах Кавказа; вода тысячами струек и ручьев катится в ущелья, удесятеряет силу рек, и вот уже второй — после весеннего — паводок помчался сломя голову в долины и на равнину.

Только зимой, съежившись от холода в льдистых закрайках берегов, затихают, мельчают горные реки, текут без дерзости, игриво, едва плескаясь о камни прозрачной зеленовато-небесного цвета волной.

Но заметим, в любое время года горные реки исправно выносят из дальних таинственных ущелий воду, и эта холодная, чистая благодать никогда еще не подводила и, наверное, не подведет людей, привыкших к своим капризным рекам так же, как привыкаем мы все к солнцу, шуму ветра в ветвях своего сада или в ближнем лесу.

2

Мы стоим на бетонном мосту с низкими железными перильцами и, перегнувшись, задумчиво смотрим на подернутую крупной рябью воду, сверкающую на солнце, будто свежая полиэтиленовая пленка.

Воды в Баксане немного, крупные скользкие камни, устилающие дно, выступают наружу, волны лишь изредка накрывают их, не дают обсохнуть, плещутся, и от реки доносится слегка приглушенный лепет, похожий на разговор подруг, повествующих вполголоса о своих девичьих переживаниях.

За нашей спиной то и дело проносятся машины: «вжик... вжик...» Воздух, разрезаемый быстрым движением, холодит под рубашкой спину, ветер относит бензиновую гарь в сторону. Шоссе живет своей шумной дневной жизнью.

У реки внизу тоже своя жизнь: природой сотканная тишина, лепет воды, удивленная по тону короткая трель оляпки в прибрежных кустах лозняка, разросшихся на правом берегу.

Река в полукилометре отсюда делает плавный полукруг и уходит из поля зрения. Там темнеют лесные предгорья Кызбуруна, голые высвеченные солнцем пастбища, а далее сквозь прорехи кучевых облаков кое-где проглядывают черные бока ближайшего отсюда Скалистого хребта. Река прорывается сквозь этот хребет и исчезает в длинном ущелье.

Спрашиваю:

— Сколько отсюда до истоков Баксана?

Хуссейн Залиханов морщит лоб:

— До поляны Азау, мы считаем, километров сто двадцать.

Все что касается Баксана, вот отсюда и до истоков, Хуссейну Залиханову известно больше, чем другим. Он выпрямляется, прикидывает взглядом расстояние до гор. Его узкое, чуть горбоносое лицо светится улыбкой. Никак не скажешь, что этому бодрому, подтянутому человеку за пятьдесят. Фигура спортсмена, голову держит высоко, голос сильный, уверенный.

— А вниз, до впадения в Малку?

Залиханов не торопится с ответом и выразительно смотрит на Андрея Андреевича Аболишина, начальника обводнительно-оросительной сети Баксана...

— Около сорока километров,— тихо говорит Аболишин.

Он моложе Залиханова и совсем другого склада. Застенчивый, с добрым всепрощающим лицом, внимательно вежливым взглядом, Аболишин почти никогда не вступает в разговор, если его не спросят о чем-нибудь. У него огромное, беспокойное хозяйство, множество сложных сооружений на реке, в его подчинении 27 инженеров, гидротехников.

— Значит, вся длина реки 160 километров?

— Около того,— быстро соглашается Залиханов.

Андрей Андреевич чуть наклоняет голову.

— Но площадь водосбора у Баксана исключительно велика. Десятки довольно крупных притоков,— поясняет он.

— Ай, Андрей, зачем ты усложняешь? Человек спрашивает о Баксане, только о Баксане, если ему говорить обо всех реках, он их не запомнит. Гунделен, Гижгит, Тызыл, Кыртык, Тегенекли, Терскол...— Хуссейн быстро-быстро называет реки и загибает пальцы на одной, потом на другой руке.

— Я хочу сказать о другом,— Аболишин укоризненно смотрит на друга.— Водосбор у Баксана такой, что мы спокойно можем брать для орошения земель в своем районе и для канала, идущего на равнину и в Ставрополь, более 70 миллионов кубометров воды в год. Можете себе представить?

Трудно представить. Разговор затухает, мы опять ложимся грудью на перильца и смотрим вниз. Такая мелкая и неширокая речка. Где тут взять 70 миллионов?!

Аболишин серьезно говорит:

— В 1973 году гидрологи дали такие сведения: зимой, в первом квартале, река проносила 9,5 кубометра воды в секунду, а в третьем квартале — 64. В августе же,— говорю по памяти,— 52 кубометра в секунду. Вот какая амплитуда! И все-таки нам удается держать Баксан в послушании. Случается, конечно, и не углядим,— Аболишин хочет, чтобы его правильно поняли.— У нас на реке в пределах района 84 инженерных сооружения. Плотины, дамбы, каналы, затворы, песколовки, отстойники, переезды, водовыпуски. Чтобы предвидеть особо опасный паводок, надо знать, что делается в верховьях Баксана. В твоих владениях, Хуссейн.

— Когда у вас здесь дождик и туман, у нас наверху сияет

яркое солнце,— не без гордости замечает Хуссейн.— Где больше всего на Кавказе солнечных дней? На Чегете, дорогой мой, на верхних приютах. Холодно, морозно, зато такое солнце!

— Вы часто бывали на Эльбрусе, Хуссейн? — спрашиваю его.

— Никто так часто не бывает на Эльбрусе, как я,— твердо отвечает Залиханов.— Я побывал на обоих его вершинах 128 раз, две зимы провел в «Приюте одиннадцати». Только один человек в нашей республике подымался туда больше. Этот человек— мой отец Чокка Асланович Залиханов. Он за свою долгую жизнь побывал на этом пятитысячнике 209 раз. Последний, двести девятый раз, он поднялся туда в возрасте 117 лет, в 1968 году.

Все, что сказал Хуссейн Залиханов, было чистой правдой. Его отец, пожалуй самый уважаемый человек в Кабардино-Балкарии, дожил до весьма почтенного возраста. Еще совсем недавно на одном из перевалов Главного Кавказа, куда ведут опасные пешеходные тропы, он глядел на старинные пушки, дивясь силе и мужеству русских людей, сумевших затащить чугунные громадины в заоблачные высоты.

Хуссейн еще озорным мальчишкой «бегал» с отцом на Эльбрус. Как не сходить на гору, снежные бока которой и обе холодные вершины денно и нощно стоят перед глазами! А позже Хуссейн занялся альпинизмом уже всерьез, стал известным спортсменом, заслуженным тренером РСФСР и СССР, наконец, почетным судьей, бывал в экспедициях на семитысячниках Памира, на Монблане. И сейчас, когда возраст уже дает себя знать, Хуссейн Залиханов не оставляет своих родных гор. Он главный охотничий инспектор Кабардино-Балкарии, охраняет природу Приэльбрусья и с прежним жаром, с необыкновенной энергией бродит и ездит по лесам, по альпике, организуя заказники, охотничьи хозяйства и звероводческие совхозы. Его заботят пятнистые олени, туры, серны, медведи, косули, кабаны, фазаны... И даже зубры.

Вся семья Залихановых — этих шерпов Приэльбрусья — не оставляет родные места. Брат Хуссейна Михаил — биолог и физик, мастер спорта международного класса, привнес науку в горные края. Другой брат, Владимир, тоже спортсмен, долго был начальником «Приюта одиннадцати» на высоте 4 260 метров. Теперь там построена гостиница и он ее директор. Скоро туда протянется новая канатная дорога...

А сестра Хуссейна живет тоже недалеко от родного аула. Она — администратор высокогорной гостиницы «Иткол».

— Вы помните большое восхождение на Эльбрус в 1967 году? — спрашивает Хуссейн и протягивает руку к горам.— Об этом восхождении много писали, оно было посвящено 50-летию нашего государства. Сколько спортсменов ходило? О! Несколько тысяч! Когда вошли в зону снегов и я оглянулся, то увидел колонну, растянувшуюся на многие километры. Не-ет, не все дошли до вершины, но картина, скажу вам, получилась внушительная, она мне запомнилась на всю жизнь.

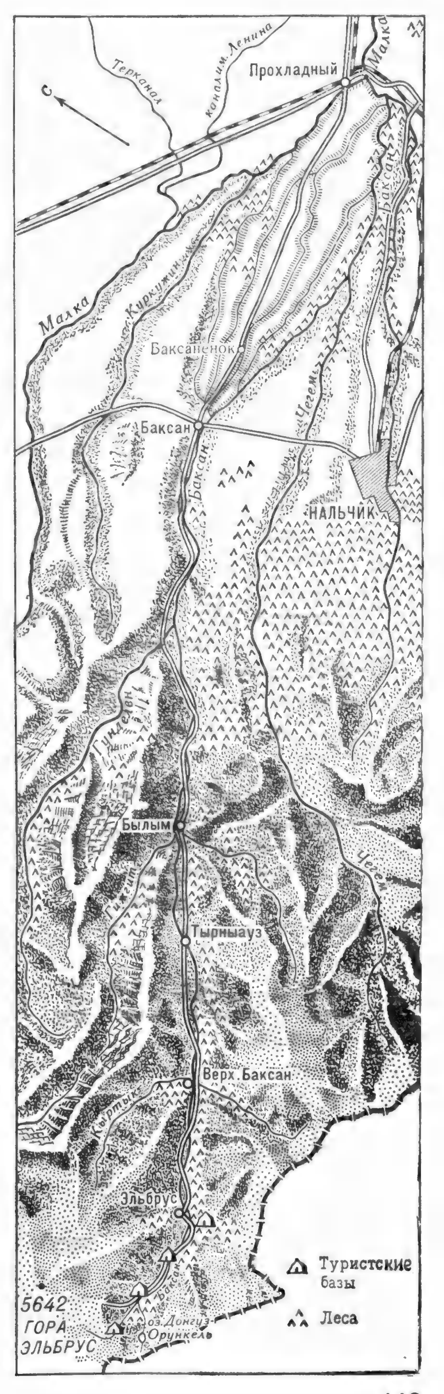
3

Истоки Баксана, где искать вас?

Здесь, в самом начале, в голове стодвадцатикилометрового ущелья Баксана все так дивно, так красиво и необычно, что взор лишь рассеянно блуждает вокруг. Вот эти сосняки, красивейшие рощи, чудом уцелевшие на дне ущелья по обеим сторонам речного русла... Они стоят в сонном царственном величии, их спокойствие охлаждает даже пылкую страсть молодых туристов. Громкоголосые, шальные, вываливаются они из автобусов и замирают, пораженные, чтобы потом тихо, осторожно ступая, войти в одну из рощ и безмолвно, как в храме, пройтись под тенистыми деревьями, ощущая через подошву кедов холодноватую жесткость камня, едва укрытого мхами и коричневой хвоей.

Тропы, тропы, протоптанные тысячами кедов, обходят огромные валуны, навсегда застрявшие в лесу, теряются в ольховых кустах, ведут вниз, к журчащему ручью. Ты и есть Баксан? Нет, это один из безымянных ручейков, кристально чистых и отменно холодных, которые только что упали с заоблачных высот и еще не успели перевести дух, не успели найти речку и в поисках ее петляют среди камней, затемненные соснами. Вниз, вниз, ручейки! Баксан где-то там!

Тропа выводит на опушку. Просвет. Дорога. Теперь взгляд вверх, на небо.

Река Баксан — от истоков до устья

Но неба здесь мало. Здесь горы.

Впереди, справа, слева, едва ли не отвесно, подымаются каменные стены, где голые, будто срезанные гигантским стругом, где рассеченные малым ущельем, заваленные глыбами камня, щебнем. Смелые сосенки зелеными островками пятнают их. Березовый кустарник, искореженный, кривой, все-таки живет на этих неудобных косогорах. А выше...

Заболела шея, но взора не оторвать.

На крутых боках Донгуз-Оруна бешено пляшет ручей.

Он не течет, он просто падает бесчисленными водопадами. Упадет, ударится о порог, разлетится в сторону и... снова вниз. Уже не вода это, а сплошной поток взбитой пены. Он высоко, метрах в пятистах, и голоса его не слышно, только вся в извивах белая лента. Откуда ты, миленький?..

У самого неба зеленеет глыба льда с белыми краями. Упирается это чудо одним концом на каменные плечи горы, другим подпирает голубой свод и сливается с ним. Ледник. И десять ручьев из-под него. Мельчайшие брызги висят над горой.

Стена ледника снизу кажется отвесной. Сколько метров в этой столбами отваливающейся стене?

— Пять, семь? — гадает только что прибывший турист.

— Шестьдесят, —отвечает старожил, побывавший близ ледника.

Это высота здания СЭВ в Москве. Поднять его (в ледяном варианте!) и поставить на гору — вот и будет Донгуз-Орунбаши.

А справа, весь в расщелинах, поросших березой, ольхой, высокогорным грабом, горбится Чегет. Вершина его скрывается за коричневым перепадом, там построено что-то круглое, и к этому круглому на мачтах тянутся две нитки канатной дороги с такими изящными креслицами, что перед подъемом их хочется еще раз испытать на прочность. В креслицах разноцветные фигурки, одни— замеревшие от красоты, разворачивающейся перед ними, другие, напротив, очень оживленные, жестикулирующие.

Опустим голову, пусть отдохнет ноющая шея. Оглянемся по сторонам.

На опушке леса, как на цветной открытке, стеклянное четырехэтажное здание гостиницы «Иткол». А выше ее плоской крыши бугрятся белейшие бока снежного Эльбруса. Все солнце, ударившись об эти склоны, отражается сюда, в ущелье, и смотреть поэтому на снега просто невозможно без темных очков.

Ландшафт венчают плавные вершины Эльбруса. Лишь в хороший бинокль можно увидеть снизу темное пятнышко «Приюта».

После суровых стен ущелья в средней его части верховья Баксана кажутся веселыми, светлыми, до краев наполненными жизнью. Это впечатление необманчиво. Зеленые сосняки, пять гостиниц, отличная дорога, туристские базы, магазины, кафе, нарзанные ключи с натоптанными подходами, вид на Чегет, Эльбрус и люди, люди, люди... разноязычная речь, взрывы смеха. Почти миллион туристов за год!

Это и есть Баксан эстетический, Баксан счастливых людей. Уже здесь, в верховьях, река начинает приносить пользу.

Но где же все-таки он сам? Покажись, молодой Баксан!

Канатная дорога подымает нас на первую станцию. Чуть выше стоит круглое здание, которое видно снизу. Это кафе с очень точным названием «Ай». Все отсюда «ай»: и Эльбрус, который кажется близким и совсем невысоким, и ледник на соседнем Донгузе, и уходящее вниз ущелье Баксана, по которому мы приехали, и очень голубое небо, и пьянящий воздух.

Затем еще подъем, уже в субнивальную и альпийскую зону. Глубокое ущелье между Чегетом и южным боком Эльбруса становится ближе, там блестит ленточка реки. Это изначальный Баксан.

За туристским лагерем «Азау», на поляне с тем же названием нас встречает густое мелкотравье последнего перед ледником луга. Ущелье мельчает, коричневые камни его днища почти сравниваются с поверхностью луга, и вот он, ледник, дающий начало сотне ручейков и струек. Они принимают воду из зеленоватой, потрескавшейся, языкастой окрайки льда, бегут, спешат, толкаются, сливаются, падают с порога на порог и исчезают под камнями, наконец появляются немного ниже уже сильным потоком, говорливым и неукротимым.

Это малютка Баксан, живой и деятельный.

Слева в него врывается Терскол, собравший воду у ледника Эльбруса. Теперь уже Баксан возмужал, он свиреп и опасен, его не перейдешь.

Справа из ледового озера Донгуз-Орункель в Баксан с ходу влетают еще один приток и с десяток безвестных ручьев — часть видимых, часть подземных, вернее, подкаменных. Баксан как бы вспухает и, свалившись вниз метров на семьсот, проносится мимо гостиниц и людского многоголосья с таким независимо свирепым видом, что вызывает уже чувство опасливого удивления.

Ну что ж, река, ты свое сделала уже при рождении. Собрала воду, подарила людям неписаную красоту ущелья, напоила сосняки живой водой и помчалась вниз, самоуверенно полагая, что теперь свободна и будешь делать, что тебе хочется.

4

Спускаемся по ущелью вниз.

Десятка три километров река бежит, толкаясь то об одну щеку ущелья, то о другую, ворчит, поет песню Свободного Потока, ворочает камни и полнеет, наливается силой.

Юсеньга, речка игривая, как молодая рысь, вприпрыжку сбегает с холодного и сумрачного перевала Бечо и решительно вкатывает ледяную свою воду в Баксан, отталкивая его русло к левому краю ущелья.

Тегенекли слева, Адылсу — белая от пузырящихся струй — справа, еще речка за речкой несут свою воду в Баксанское ущелье. Река проносится мимо поселка Эльбрус пикирующим зеленым ястребом, ревет и воет, разворачивая неподатливое каменное ложе. Все больше обкатанных валунов в русле, все шире и глубже поток, крепче и выше мосты через него.

Тесная горловина Эльджурту заставляет реку свиться в один бело-зеленый жгут из воды и пены, он с силой бьет по камням, нетерпеливо прокладывая дорогу в крутых берегах. По дну беспрерывно катятся камни, гравийная мелочь. Дно реки живет, под водой перемещаются сотни тонн каменных осыпей, и горе тому, кто неосторожно вздумает перебраться через Баксан вброд!

Мрачнеет ландшафт. Сосны стоят редко, и вид у них обреченный. Трава на прибрежных полянах редка и печальна. Камень кругом. Стены ущелья по низу гладко срезаны, лишь выше разрушены временем, над ущельем нависают потрескавшиеся глыбы, от вида которых становится как-то неуютно. Внезапно падает туман, сырой, пахучий, и все вокруг приобретает зыбкость фантастического миража. Туман так же неожиданно исчезает. Это облако зацепило нижним краем днище ущелья и, порезавшись о камни, проползло дальше, несомое сквозным ветром.

Небо в теснине маленькое, узкое, с двух сторон обрезанное островерхими горами. Там, на границе с небом, только камень и снег. Причудливы нагромождения скал с готическими острыми шпилями, с замками, крепостями, выстроенными самой природой. Коричневая, черная, красноватая окраска придает горам особенно мрачный, свирепый вид. Полное отсутствие зелени еще больше подчеркивает первородность гор и ущелья. Никакого сравнения с лесистым Западным Кавказом! Мертвый камень, грохочущая река, и такое чувство, словно ты в вечном плену, судьба твоя безысходна и нет надежды вырваться.

Машина осторожно минует километр за километром, дорога петляет то по самому берегу, то испуганно шарахается к каменной стене. За стеклом встречных автобусов удивленные, даже подавленные величием гор лица туристов-новичков. Такая грозная, немилостивая стихия в этой теснине!

Но вот просвет, горы слегка расступаются, небо шире, нам веселее, но реке от этого не легче. По правому берегу от стены ущелья и почти до противоположной стены бугрится возвышенность, когда-то преградившая путь Баксану и узко промытая слева.

— Что за препятствие? — спрашиваю у Залиханова.

— Оползень, обвал. Очень старый обвал, никто не помнит, когда это случилось. В ущелье съехала целая гора, запрудила Баксан. Можно себе представить, что произошло потом, когда река прорвала запруду...

По левому борту на сглаженной вершине горы появляются приметы человеческой деятельности. Крутая стена ущелья несет на себе следы узкого красно-бурого каменного потока. С большой

высоты сюда, вниз, спускают породу, видимо, пустую породу из рудника, расположенного наверху. У самого края реки уже порядочная гора битого камня. Баксан слизал часть ее и унес. Сразу же возникает тревожное чувство: зачем это люди непременно хотят сузить и без того неширокое русло реки, создать новую, теперь уже рукотворную опасность обвала? Расчет на то, что река унесет битый камень вниз, в долины?.. В теплое время года будет, конечно, уносить, силы хватит. А зимой, когда дебит воды резко сокращается? Недолго и запрудить реку. Стоит только начать, а там сама река поднатаскает камней, забьет русло и разольется за преградой. А когда наберет силушки и где-нибудь прорвет каменную преграду, понесется бешеный поток по ущелью, сметая все на своем пути. Но за плавным поворотом чуть ниже этого места начинаются постройки, дома, инженерные сооружения, заполнившие всю ширину ущелья. Тырныауз — город рудокопов и металлургов.

Баксан уходит влево, туда, где дымят трубы обогатительной фабрики полиметаллического комбината.

Здесь, собственно, одна улица. И на ней нет, пожалуй, двух домов, стоящих на одном уровне. Все они выстроились этаким неровным амфитеатром, на ступеньках, чем ближе к борту ущелья, тем круче один над другим, гибрид города с аулом...

Но где же Баксан?

Здесь его заставили работать.

Большие водоводы забирают из запертой части реки великое множество воды, несут ее на фабрику, в цехи. Кристально чистый Баксан участвует в промывке руды, охлаждает моторы, его поднимают на большую высоту, в штреки рудников, и там он помогает бурить неподатливую сердцевину гор, скрывающую ценные руды.

Вода, конечно, не пропадает. Она стекает вниз с высот, выбрасывается с фабрики. Но это уже другая вода.

Даже прошедшая через отстойники и фильтры, она иной раз имеет вид снятого молока, и такая белесая, странная впадает ниже города в свой наполовину уменьшившийся поток, чтобы, замутив его, покатиться далее мимо огромных бугров отмытой каменной пыли, мимо развороченных карьеров вниз и вниз. Лишь через десяток километров, слегка отдышавшись и набрав кислорода, вода делается снова похожей на прежнюю.

Да, Баксан здесь, в Тырныаузе, опять помогает людям. Теперь уже как горняк, добытчик. Без него — ни шагу. И людям пора проникнуться к нему любовью и уважением. Взял живую воду — верни ее живой, без примесей, без сора.

На комбинате кое-что сделано для очистки воды. Но далеко не все. Вот уже несколько лет в этом районе строят более крупные очистительные сооружения, но сроки окончания важнейшей стройки все переходят из года в год...

Баксан — живое существо. Его можно заставить работать, но его нужно жалеть и бережно хранить.

Он полон сил и продолжает работать далее.

Ущелье все шире, а каменные стены ниже. В распадках просматривается лес. За поселком Былым горы сменяются покатыми увалами, сплошь покрытыми мелким грабом, дубняком, густым кустарником — облепиха, шиповник, орешник. Распахиваются просторы, небо широкое, во весь горизонт. Но вдоль дороги мы еще видим выносы голого камня. Баксан ворчит в низких берегах, катит помутневшую волну. Слева широким устьем в него заходит река Гунделен. Ее чистая вода долго не смешивается с мутной баксанской.

И снова запруда, снова огромные потемневшие от времени металлические водоводы, озеро отстойника, небольшое, ладное здание. Баксанская ГЭС.

Еще один рабочий участок неутомимой реки.

Тут все красиво, просто и чисто, все вызывает чувство восхищения человеческим разумом.

Построенная по плану ГОЭЛРО, Баксанская гидроэлектростанция почти полвека исправно вливает в электрическую реку Кавказа свой небольшой, но очень нужный поток. Она использует не саму воду, а только энергию падающей воды. Этого достаточно для пользы дела.

В здании ГЭС тихо, тепло, светло, несколько техников, электрик. Слышится ровный приятный гул. На подоконнике дремлет белобрюхий кот.

Внизу по бетонному ложу отходит усмиренная вода, она отдала свою первобытную ярость станции. Теперь эта энергия неслышно бежит по толстым проводам, подвешенным на металлических мачтах, в сторону Нальчика.

5

Главная работа у Баксана все-таки впереди.

Впрочем, нет, уже рядом.

Теперь, когда река выкатилась из ущелья, она сразу сделалась шире и мельче. Русло Баксана местами доходит до сотни метров, но вода течет не сплошным потоком от берега до берега, а разделилась на ручьи, где мелкие, где глубокие, между ними возникли галечные и каменные косы, даже острова с редкой порослью лозняка. Если бы не быстрое, порожистое течение, реку можно было бы назвать степной, равнинной.

А это что?

От низкого берега чуть в сторону отошел канал метра три шириной, прямой, ровный, явно искусственного происхождения. Перед каналом в русле устроена небольшая плотинка, направляющая в него воду.

Проследим за ней.

Канал постепенно отводит воду в сторону, придерживаясь горизонталей местности, отчего она, обвалованная с двух сторон,

течет все медленнее и ровнее. Бока канала и земляные валы поросли густой травой, зелень отражается в тихой воде, и картина получается совсем мирная. Баксан начисто теряет здесь свою ярость и почти замирает, готовый бежать туда, куда будет позволено. Это уже не своенравный гордый сын Кавказа, а укрощенный тихий ороситель в долине, где нет никаких скал и ущелий, где только поля, сады, огороды и опять поля.

Природа Кабардинского предгорья и равнины капризна. Она хороша, приветлива, но в то же время своенравна и даже зла.

Ну, прежде всего почва. Вся земля натаскана реками, которые сами же и спланировали равнину: затянули ямы и впадины, слизали бугры. На топографических картах линии горизонталей, то есть одинаковых по высоте точек, соединенных сплошной чертой, проходят далеко друг от друга. Равнина неспешно и постепенно снижается на север, без ступенек и перепадов. Чтобы устроить поливные карты, земледельцам оставалось лишь кое-где подправить неровности, создать идеально выровненную поверхность для заливки водой.

Это удобно. Можно отвести воду из реки выше места полива, повернуть канал поперек уклона и привести воду куда угодно без насосов и моторов.

Но сама земля легкопроницаема для воды, в ней много крупных механических частиц и мало гумуса, способного долго удерживать воду. А глубже ее подстилают пески и галька, затем крупный камень. Такая аллювиальная почва и грунты примут сколько угодно воды, но не задержат ее, влага уйдет через пески и камень, как бы промоет всю толщу и принесет не пользу, а вред: растворит и вымоет питательные соли. Решето. Неудобная земля, хоть и с хорошим рельефом.

Дождей в предгорье и на равнине выпадает порядочно. Это добрый признак. Но их все меньше и меньше по мере удаления от гор. Там, где лучше всего сажать сады и сеять хлеб, дождей мало, 500 миллиметров осадков в год. И выпадают они по старой поговорке: «Не когда просят, а когда косят». Много их осенью, мало в жаркие дни лета и весны. Кукуруза наливает зерно в июле — августе, именно тогда требуется много воды, почти тонна на килограмм сухого вещества зерна. Но небо в эти месяцы выцветает от зноя. Зато в конце сентября, когда начинается уборка кукурузы, дожди могут лить ежедневно.

Вот эти противоречия и родили у земледельцев Кабарды твердое мнение: без летнего полива хорошего урожая не получить. Значит, нужно поливать как можно больше земель, одновременно увеличивая в них гумус путем многолетнего хорошего унавоживания. Пусть привыкает держать воду при поливе.

Так река Баксан оказалась в упряжке. Это стало третьей рабочей специальностью реки, самой главной ее обязанностью.

Секретарь Баксанского райкома КПСС Питу Хажумарович Гуанов говорит:

— Мы поливаем пока 18 тысяч гектаров. Это меньше половины, примерно третья часть пашни в районе. Но зато поливаем самые отзывчивые на влагу плантации: кукурузу, подсолнечник, овощи, сады. Вода помогает собрать богатый урожай ценных продуктов. Впрочем, важнее не услышать, а увидеть. Я могу только добавить к сказанному слова старой мудрой поговорки: «Солнце без воды бич, а при воде — благословение».

И сам, прищурившись, глянул на голубое, полное солнца небо.

Стоял июль — месяц надежд.

Зеленая равнина радовала глаз свежестью красок, переливами голубых миражей. В оросителях неспешно и мощно двигалась (не текла, а именно двигалась!) согревшаяся вода. Сам Баксан, похудевший, после того как из его русла отвели примерно треть стока для пополнения соседней реки Малки, откуда в северо-западном направлении уходит канал, орошающий земли Ставропольщины, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, катил свои воды по каменному руслу быстро, но как-то безвольно, словно догадываясь, что он все равно попадет в отстойные пруды и выльется на сухие, жадные к влаге поля. Баксан был здесь, как говорится, нарасхват.

— На благоприятную погоду летом мы не особенно рассчитываем,— говорил председатель колхоза имени Шогенцукова Гузер Киляров.— Вся надежда на Баксан. Небо в июле скупое. Кукуруза наливает початки. Каждое растение в жаркую погоду пропускает через себя в сутки много литров воды. А на каждом метре пять растений. Сколько воды, а?..

Он смотрит, лукаво прищурясь, этот ладный, небольшого роста, очень подвижный, энергичный человек. Председатель знает, что кукурузе надо, но во время разговора то и дело обращает взор к Хасану Хажметову, руководителю первого производственного участка колхоза, Герою Социалистического Труда. Все, что касается кукурузы, Хажметову известно не по книгам. В районе установлен приз его имени за лучший урожай.

...От больших отстойных прудов в районе колхоза имени Шогенцукова ороситель несет светлую воду на поля колхоза «Красный Кавказ», занявшего в 1973 году первое место в республике по урожаю зерна.

Вот последние дома тихой, безлюдной улицы. И сразу же зеленый лес кукурузы почти трехметровой высоты. Это поля механизированных звеньев Хамияла Нагоева, Туты Ахметова, Хачима Гутова. В каждом звене по 180—220 гектаров. Здесь все делают машины. И только поливы — а их за лето три с перерывом в 15—20 дней — проводят вручную. Дело это пока нельзя доверить машинам.

На полив участка каждого звена выходят по 20—25 человек — члены семей кукурузоводов, пожилые люди, ребятишки. За 12—14 дней надо залить каждую борозду, дать воду каждому растению, две тысячи кубометров воды на гектар!

...В резиновых сапогах, а чаще босиком, по щиколотку в мутной воде передвигаются невидимые в кукурузном лесу люди. Из полного оросителя через разрытые прораны сильной струей вода хлещет в боковой ороситель, перегороженный в конце деревянным затвором. А когда он заполняется до краев, люди с лопатами сноровисто, одним-двумя ударами, прорывают борт через каждые 70—140 сантиметров и пускают воду в неглубокие борозды вдоль рядов.

Поле не всюду идеально. Вот низинка, где непременно будет скапливаться вода. Низину наполняют и перекрывают воду земляными валиками. Вот бугорок. Туда воду «заводят» сверху, поперек борозд. Искусство полива в Кабарде давнее, многие владеют им в совершенстве.

Кукуруза — не рис, ей лишнего не надо, да и воду надо беречь. Вон сколько полей, а на каждый квадратный километр требуется 150—200 тысяч кубометров.

Зато какая кукуруза, какой подсолнечник, как красивы сады, усыпанные огромными чистыми яблоками и грушами! Сила Баксана, превращенная в плоды земледельческого труда. Ледниковая вода, обернувшаяся хлебом, маслом, овощами и фруктами.

На земле, оплодотворенной водой, собирают сказочные урожаи. Хамиял Нагоев на 170 гектарах получил по 81 центнеру кукурузного зерна. Его сосед — молодой, работящий Борис Жангиреев со 150 гектаров взял по 96 центнеров. А опытный Тута Ахметов обошел обоих молодых мастеров и получил с 200 гектаров по 100,3 центнера зерна. Но первенство все-таки принадлежит звеньевому Хачиму Гутову, который сумел вырастить на двухсотгектарном массиве по 105,4 центнера кукурузного зерна.

Килограмм зерна с квадратного метра земли. Прямо скажем— это похоже на фантастику. Ведь речь идет не о маленьком опытном поле, а о двух квадратных километрах!

Председатель колхоза «Красный Кавказ» Герой Социалистического Труда Башир Тхакахов говорит:

— Мастерство, вода, удобрения — вот составляющие рекордных урожаев.

Секретарь райкома добавляет:

— Открою секрет, уже переставший быть секретом. Прицел у нас на ближайшие годы — сто центнеров зерна с каждого поливного гектара. С каждого! О таком урожае когда-то говорил Климент Аркадьевич Тимирязев как о далекой мечте земледельца. А так ли далека эта мечта? Десять лет назад хозяйства нашего района собирали в среднем по 27—29 центнеров кукурузного зерна — вдвое меньше, чем в 1973 году. Есть ли у нас возможность планировать на ближайшие семь-восемь лет новое удвоение урожая, чтобы поднять его в среднем по району с нынешних 575 до 1000 граммов зерна на один квадратный метр? Теперь-то мы твердо знаем: есть! Мастера получают уже больше. В такую силу у нас

практически «работает» сейчас почти три тысячи гектаров земли, облагороженных водами Баксана, Малки и Чегема.

Секретарь задумался.

Внизу бормотала река, утомленная зноем. Над долиной Баксана висела голубая дымка — неизменная спутница устойчивого антициклона. Она завесила близкие горы, отдалила зеленые ландшафты равнины.

Вздохнув, Гуанов спросил:

— Так что же с рекой, друзья?

— Мы поставим вот здесь, у моста, памятный камень,— с воодушевлением произнес Башир Тхакахов.— Найдем гранитную глыбу, привезем в мастерскую и высечем на ней хорошие слова...

— Какие слова, ты подумал?

— Нет еще, не подумал. У меня для Баксана много добрых слов, надо отобрать самые верные.

— Самые точные?

— И верные. Мы верим своей реке. В силу ее верим. В доброту. В ее бессмертие. Ведь она всегда будет. Как и солнце.

— Ты сказал хорошо. Река — наш друг, и мы отметим нашу дружбу. Как друзья мы обязаны беречь ее. Вот только все ли мы делаем, Андрей Андреевич, чтобы сберечь Баксан?

— Далеко не все. Крепление берегов, отстойники. Долговременные инженерные сооружения...

— А рыба, Андрей Андреевич?

Аболишин развел руками.

— Так скажи, где форель, где усач — царь-рыба? Почему обеднел наш Баксан?

— Плотина на Тереке. Об этом не раз писали в газетах. Плотину возвели, электростанцию построили, а прохода на нерест рыба не имеет. Забыли. Вот и опустел Баксан. Я сам мальчишкой баловался, во-от таких усачей в запруде лавливал...

Бежит Баксан, омывает камни, лижет скользкую гальку. Широко расступились его берега, фиксируя паводковое буйство, которое вот-вот начнется опять, если постоит над горами еще с неделю такая жаркая, безветренная погода. Еще сорок, ну, может быть, пятьдесят километров осталось ему бежать, обнимется он со своей сестрой Малкой, сблизится с братом Чегемом, бегущим правее, и ворвутся они все вместе в сердитый Терек.

Не много воды приносит Баксан к своему устью. Поистратил он силушку на добрые дела, помог всем, кто живет в его суровом ущелье, в красивом предгорье, на живописной равнине, отдал им воду и, сделав много доброго, растворится наконец в холодном Тереке.

Когда-то люди боялись Баксана. В самом имени его заложена эта боязнь: ведь по-кабардински оно означает «пенный», «бурный», а по-балкарски — «гневный», «удушающий живое», «тяжкий». История реки полна катастрофами.

Все переменилось теперь. Люди открыли для себя непередаваемую красоту истоков Баксана — Приэльбрусье и зачастили туда. Взяли силу горной реки для фабрики, для турбин. Разделили поток, направив воду в сотни каналов и оросителей. И обернулся Баксан добром для людей, не потеряв при этом своей природной красоты, своего непередаваемого очарования.

Наверное, так и нужно: не нарушая природного равновесия, по-умному, расчетливо пользоваться богатствами природы.

А памятник реке?.. Что ж, памятники ставят не только людям. И если удастся найти для баксанского камня умные, подходящие слова человеческой благодарности, эти слова будут полезны не реке — река проживет без них,— а другим людям, всем, кто остановится у камня, прочтет надпись.

Прочтет и задумается. Прежде всего вспомнив реку своего детства...

ОБ АВТОРЕ

Пальман Вячеслав Иванович. Родился в 1914 году в городе Скопине Рязанской области. Окончил сельскохозяйственный техникум и Высшие литературные курсы. По профессии агроном. Свыше двадцати лет занимается литературным трудом. Член Союза писателей СССР. Автор двух научных трудов и многих художественных книг о людях советской деревни. Выступает в жанре приключений и фантастики. В этом жанре им опубликовано десять книг. В 1969 и 1971 годах в издательстве «Детская литература» напечатаны его повести о природе и людях Кавказа: «Восточный кордон» и «Там, за рекой». Сейчас работает над последней книгой этой трилогии — «Песни черного дрозда». В нашем ежегоднике выступал трижды.

ЗБИГНЕВ ХЕРБЕРТ

ЛЯСКО́

Если Альтамира — столица
настенной живописи,
то Ляско́ — ее Версаль

Анри Брейль

Ляско́ не значится ни на одной общеизвестной карте. Можно сказать, что оно не существует, во всяком случае в том смысле, в каком существует Лондон или Радом. Потребовалось наводить справки в «Музее человека», чтобы выяснить, где оно, собственно, находится.

Я отправился туда ранней весной. Долина Везера расстилалась передо мной в своем свежем, еще не распустившемся полностью зеленом убранстве. Фрагменты пейзажа, возникавшие за окном автобуса, напоминали полотна Биссера: вуаль нежно-изумрудного цвета.

Монтиньяк. Местечко, в котором нет ничего достойного осмотра, кроме мемориальной доски в честь заслуженной акушерки мадам Мартель: «Ici vécut Madame Martel — sage-femme — officier d'académie. Sa vie... c'etait faire du bien. Sa joie... accomplir son devoir»*.

Можно ли выразиться изящнее?

Завтрак в маленьком ресторанчике, но какой завтрак! Омлет с трюфелями. Трюфеля принадлежат к истории человеческих безумств, тем самым к истории искусства. Поэтому два слова о трюфелях.

Это вид подземных грибов, паразитирующих на корнях других растений, из которых они высасывают соки. Для поисков трюфелей используют собак или свиней, как известно, наделенных великолепным обонянием. Кроме того, определенный вид мошек тоже может послужить ориентиром, где следует искать эти гастрономические богатства.

---

* Здесь жила мадам Мартель, заслуженная акушерка. Суть ее жизни — творить добро. И исполненный долг — ее утешение.

Трюфеля ценятся на рынке очень высоко, поэтому жители этих мест были охвачены истинной горячкой поисков. Они перекапывали землю, уничтожая леса, которые высятся теперь удручающе сухими. Целые земельные участки оказались под угрозой бесплодия, так как трюфеля выделяют ядовитые вещества, препятствующие произрастанию злаков. Причем эти грибы более капризны, и культивировать их труднее, чем шампиньоны. Но омлет с трюфелями великолепен, а их аромат (ибо вкуса они, собственно, не имеют) ни с чем не сравним. Совершенно как тувимовская резеда*.

Из Монтиньяка едешь по автостраде, которая при подъеме описывает дугу, углубляется в лес и неожиданно обрывается. Паркинг. Киоск с пепси-колой и многоцветными открытками. Тех, кто не удовлетворяется репродукциями, ведут к чему-то вроде ограды, а затем в бронированный подвал, смахивающий на бункер. Замыкаются, словно в сейфах, засовы, и какое-то время пребываешь во мраке, ожидая приобщения к таинству. Наконец, вторые двери, ведущие внутрь, открываются. Мы оказываемся в гроте.

Холодноватый электрический свет отвратителен, и можно себе представить, чем была пещера в Ляско, когда от живого пламени факелов и светильников приходили в движение стада быков, бизонов и оленей, нарисованных на стенах и сводах. И в довершение к этому голос гида, бубнящего пояснения. Это голос сержанта, который читает Библию.

Цвета: черный, коричневый, охра, красный. Белизна известковых скал. Краски отличает такая интенсивность и свежесть, какую не встретишь ни на одной из ренессансных фресок. Цвет земли, крови и сажи.

Изображения зверей главным образом в профиль, они запечатлены в движении, исполнены с грандиозным размахом и вместе с тем с нежностью, вроде женщин Модильяни, излучающих теплоту. Целое на вид хаотично, словно бы все это было нарисовано в спешке гениальным безумцем с применением техники кино, изобилующей крупными и дальними планами. При этом целое сохраняет стройную панорамную композицию, хотя все говорит за то, что художники из Ляско игнорировали законы искусства. У росписей разные масштабы — от нескольких десятков сантиметров до пяти метров. Немало и палимпсестов, то есть картин, наложившихся одна на другую. Словом, классический беспорядок, который, однако, создает впечатление гармонии.

В первом зале, называемом залом быков, великолепные естественные своды, похожие на застывшие тучи. Это помещение шириной в десять и длиной метров в тридцать способно вместить до ста человек.

---

* Имеется в виду поэма Ю. Тувима «Цветы Польши», в которой немало говорится о достоинствах резеды.

Зверинец в Ляско открывается изображением двурогого животного. Это фантастическое существо с могучим телом, короткой шеей, с напоминающей носорожью головой, из которой вырастают два громадных прямых рога, не похоже ни на одно из ныне живущих или ископаемых животных. Его загадочное присутствие при входе говорит, что нам не придется разглядывать атлас по естественной истории, мы — в царстве культа, заклинаний и магии. Специалисты по доисторическим эпохам сходятся на том, что грот в Ляско не жилище, а скорее — святилище, подземная Сикстинская капелла наших предков.

Река Везер вьется среди известковых холмов, покрытых лесом. В ее нижнем течении до впадения в Дордонь открыто колоссальное количество гротов, в которых обитал человек эпохи палеолита. Его скелет, обнаруженный в Кро-Маньон, почти не отличается от скелета современного человека. Кроманьонец происходил, вероятно, из Азии и вслед за последним оледенением (то есть примерно тридцать или сорок тысяч лет назад) двинулся в Европу.

Южная Франция и Северная Испания были территорией, где *Homo Sapiens* положил начало цивилизации, которую исследователи доисторической эры называют франко-кантабрийским периодом. Эта эпоха включает времена раннего палеолита, именуемого также эпохой оленей. Окрестности Ляско уже во времена среднего палеолита стали поистине землей обетованной, истекающей не столько молоком и медом, сколько жаркой кровью животных. Как позже города возникали на пересечении торговых путей, так в каменном веке стоянки человека появлялись на тропах четвероногих. Каждой весной стада оленей, диких лошадей, коров, быков, бизонов и носорогов устремлялись через эти земли к зеленым пастбищам Оверни. Непостижимая регулярность и благословенное отсутствие памяти у животных, которые ежегодно следовали теми же самыми путями к предопределенной для них бойне, для человека палеолита были таким же чудом, как для древних египтян разлив Нила. На стенах грота в Ляско можно прочитать страстную мольбу о том, чтобы такой земной порядок длился вечно.

Вероятно, поэтому художники, расписавшие пещеру, самые величайшие анималисты всех времен. Для них животное не было деталью невозмутимого аркадийского пейзажа (как, скажем, у голландцев). Они запечатлевали животное мгновенно, в ту драматическую минуту, когда оно было охвачено паникой, еще полно жизни, но уже отмечено печатью смерти.

Первый зал, который, видимо, служил местом церемоний для охотничьих заклинаний, своим названием обязан четырем огромным быкам, самый крупный из которых достигает в длину пяти с половиной метров. Эти великолепные звери господствуют над стадом силуэтно очерченных коней и хрупких оленей с фантастическими рогами. Оглушительный галоп быков раскалывает подземелье. Из раздутых ноздрей вырывается хриплое дыхание.

Зал переходит в узкий коридор, заканчивающийся тупиком. Здесь, как говорят французы, господствует l'heureux désordre des figures *. Красные коровы, крошечные детские лошадки, козлы — все мчатся в разных направлениях в неописуемой панике. Рухнувший на спину конь с копытами, устремленными в известковое небо,— свидетельство охотничьего приема, который еще недавно бытовал у первобытных охотничьих племен: огнем и криками зверей гонят по направлению к обрывистой скале, откуда они срываются в пропасть и гибнут. Черный, мягкий контур, насыщенный и затухающий, прекрасно моделирует тело. Короткая, словно у цирковых лошадей, грива и полные движения грохочущие копыта. Охра покрывает весь корпус животного, живот и ноги — белого цвета.

Я отдаю себе отчет в том, что любое описание — перечень отдельных деталей — пасует перед этим шедевром, который наделен умопомрачительной и очевидной цельностью. Только поэзия и сказка обладают такой способностью мгновенно рождать образы. Поэтому хотелось бы просто сказать: «Это был великолепный конь из Ляско». Как же примирить такое изысканное искусство с грубой жизнью доисторических охотников? Как согласиться с копьями, пронзающими тело животного, с убийством, совершаемым художником?

Охотничьи племена, обитавшие в Сибири в дореволюционную пору, пребывали в условиях, напоминавших жизнь человека эпохи оленей. Лот-Фальк в книге «Охотничьи обряды народов Сибири» пишет: «Охотник рассматривал зверя как существо, по крайней мере равное себе. Видя, что тот охотится так же, как и он сам, чтобы кормиться, охотник считал, будто у зверя та же модель социальной организации. Превосходство человека сказывается лишь в чисто технических вопросах: он пользуется оружием; в области магии человек приписывает зверю силу не меньшую, чем его собственная. С другой стороны, зверь выше человека по одной или нескольким причинам: из-за своей физической силы, ловкости, совершенства слуха и обоняния, то есть всех тех достоинств, которые превыше всего ценятся охотниками. А в сфере духа человек признает за зверем еще больше достоинств... У животного более непосредственная связь с миром божественного, оно ближе к силам природы, которые в него вселяются».

Все это современный человек с грехом пополам еще может уразуметь. Подлинные же бездны палеопсихологии разверзаются тогда, когда речь заходит о связи человека со своей жертвой. «Гибель животного (по крайней мере отчасти) зависит от него самого: животное должно выразить согласие на свою смерть, заключить договор с убийцей. Поэтому охотник выслеживает зверя, и для него крайне важно установить с животным наилучшие отношения. Если

* Счастливый беспорядок рисунков.

олень не полюбит охотника, то не позволит ему убить себя». Итак, нашим первородным грехом, составлявшим нашу силу, было ханжество. Только алчная смертоносная любовь способна объяснить очарование бестиария Ляско.

Вправо от большого зала — узкий коридор, ведущий к той части пещеры, которую называют нефом и абсидой. На левой стене внимание привлекает черная корова — не только совершенством исполнения, но и двумя загадочными и ясно различимыми знаками, изображенными под ее копытами. Это не единственные знаки, созерцая которые мы чувствуем, что бессильны их понять.

Значение копий, пронзающих зверей, для нас ясно, так как подобный магический ритуал — убийство изображения — был известен средневековым колдуньям. Им широко пользовались при дворах различных королей в период Ренессанса. Ритуал этот дожил почти до наших рационалистических времен. Но что за разноцветные шахматные доски, которые видны под ногами черной коровы? Аббат Брейль, этот папа римский исследователей доисторической эпохи (великолепный знаток не только пещеры Ляско), видит в них знаки охотничьих родов, далекие прообразы гербов. Существовала гипотеза, что это модели ловушек, поставленных на зверя, иные видят в них изображения шалашей. Для Раймонда Вофрея это всего-навсего раскрашенные ковры из шкур, какие и сейчас еще встречаются в Родезии. Каждая из подобных догадок правдоподобна, но ни одна не представляется бесспорной. Мы не в состоянии объяснить и другие простейшие знаки: точки, черточки, квадратики и кружки, геометрические фигуры, сохранившиеся в иных пещерах, например в Кастильо (Испания). Некоторые ученые высказывают робкие догадки, что это зачатки письменности. Словом, только конкретные рисунки способны нам что-то сказать. Мы отчетливо слышим хриплое дыхание животных, скачущих галопом, но эти геометрические фигуры молчат и, вероятно, будут безмолствовать вечно.

На левой стороне нефа прекрасный фриз с изображением оленей. Художник нарисовал только их шеи, головы и ноги, поэтому создается впечатление, будто они плывут по реке в том направлении, где в зарослях скрываются охотники.

Вполне законченную композицию, полную удивительной экспрессии, по сравнению с которой все потуги современных мэтров кажутся детской забавой, составляют поставленные задом друг к другу два черных бизона. У левого как бы сорвана шкура на хребте и видны мышцы. Головы животных задраны вверх, шерсть вздыбилась, копыта передних ног взметнулись в беге. Это роспись, высвобождающая темную и слепую силу. Даже тавромахии Гойи — слабый отзвук таких страстей.

Абсида ведет к разверзающейся пропасти, именуемой шахтой, для свидания с тайное тайных.

Это сцена, вернее, драма, и (как и подобает античной драме) она разыгрывается при минимальном числе героев: бизон, пронзен-

ный копьем, распростертый на земле человек, птица и невыразительный в своих очертаниях отдаляющийся носорог. Бизон показан в профиль, но с повернутой к зрителю головой. Из брюха у него вываливаются внутренности. У человека, изображенного схематически, как на детском рисунке, птичья голова с прямым клювом, раскинутые четырехпалые руки и неестественно вытянутые ноги. Птица выглядит так, будто она вырезана из картона и помещена на отрезке прямой. Все это прорисовано густым черным контуром, не покрыто краской, только золотистая охра фона отличается своей суровой, как бы неуклюжей фактурой от росписей большого зала или абсиды. Несмотря на это, композиция привлекает внимание исследователей палеолита не столько художественными качествами, сколько своим иконографическим значением.

Все франко-кантабрийское искусство — это за малым исключением искусство бессюжетное. Чтобы решить композицию охоты, необходимо было изобразить человека. Нам, правда, известны резные человеческие портреты и фигурки, однако в палеолитической живописи человек по существу отсутствует.

Аббат Брейль видит в сцене, изображенной на стене шахты, своего рода мемориальную доску в память о драме на охоте. Бизон задрал человека, но смертельная рана самому зверю, возможно, нанесена носорогом, который ввязался в поединок. Копье, вонзившееся в хребет животного, предполагает далее ученый, не могло так глубоко распороть ему брюшную полость; возможно, причина этого — примитивное орудие для метания камней, неясные очертания которого виднеются под ногами бизона. И наконец, схематически нарисованная птица (почти без ног и клюва). Для Брейля она — своеобразный кладбищенский столб, который еще и поныне в ходу у эскимосов Аляски.

Подобная трактовка не единственная, а так как исследователям доисторической эпохи она показалась слишком простой, то хлынул поток фантазии. Одна из таких гипотетических версий представляется любопытной и заслуживает хотя бы краткого изложения.

Автор ее — немецкий антрополог Кирхнер, выдвинувший смелую гипотезу о том, что вся эта сцена вовсе не связана с охотой. Распростертый на земле человек — не жертва звериных рогов, это шаман, пребывающий в экстатическом трансе. Концепция Брейля никак не объясняет присутствия птицы (аналогия с эскимосским надгробием малоубедительна) и птичьих очертаний головы распростертого на земле человека. Кирхнер же в своей интерпретации основной упор делает на эту деталь. Он базируется на религиозных обрядах охотничьих племен Сибири в далеком прошлом. В качестве примера он приводит обряд принесения в жертву коровы, описанный в монографии В. Серошевского о якутах. В этой сцене жертвоприношения (как видно на приводимых в книге иллюстрациях) установлены три столба с вырезанными на их вершинах птицами, напоминающими птицу из пещеры Ляско. Жертвы

приносились при участии шамана, который впадал в экстаз. Задачей шамана было проводить душу приносимого в жертву животного на небеса. После экстатического танца шаман замертво падал наземь, и тогда ему предстояло воспользоваться вспомогательным духом, то есть птицей, в обличье которой он, впрочем, и выступал, подчеркивая это нарядом из перьев и птичьей маской.

Гипотеза Кирхнера заманчива, но не объясняет роли включенного в общую композицию носорога, который невозмутимо удаляется, как бы гордясь содеянным.

Сцена в шахте поистине уникальна. Ведь это чуть ли не первое изображение человека в палеолитическом искусстве. Что за поразительная разница в трактовке тела животного и человека! Бизон — впечатляющий и конкретный. Человеческая фигурка — удлиненный четырехугольный корпус, обрубки конечностей, едва распознаваемый символ человека. Впечатление такое, будто ориньякский художник стыдится своего тела, тоскуя по звериному роду, с которым распрощался. Ляско — это апофеоз тех, кому эволюция не навязывала изменения формы, оставив ее в прежнем виде.

Человек своим разумом и трудом нарушил порядок, установившийся в природе. Он стремился создать новый взамен существовавшего, приняв на себя целый ряд табу. Он стыдился своего лица — явного знака отличия. Он охотно напяливал маску животного. Если ему хотелось выглядеть красивым и могучим, он преображался, превращался в зверя. Он возвращался к началу, с наслаждением погружаясь в животворное лоно природы.

Изображения человека ориньякской эпохи представляют собой полулюдей-полуживотных, с головами птиц, обезьян и оленей, как, например, человеческая фигура из грота Тру-Фрейе в звериной шкуре, с рогами на голове. У этого человека громадные, зачаровывающие зрителя глаза, поэтому исследователи доисторического периода называют его богом пещеры или волшебником. В том же самом гроте одно из красивейших изображений — феерическая сцена звериного карнавала. Стадо лошадей, бизонов и пляшущий человек с головой зубра, играющий на каком-то музыкальном инструменте.

Для магического ритуала требовалась как можно более совершенная имитация животных. Вероятно, это послужило причиной того, что стали употреблять краски. Палитра художника проста — она сводится к красному цвету и его производным, а также к черной и белой краске. Создается впечатление, что доисторический человек не воспринимал иные цвета. Впрочем, древнейшие книги человечества (Веда, Авеста, Ветхий завет, поэмы Гомера) сохраняют верность этому ограниченному цветовому ви́дению.

Наибольшим успехом пользовалась охра. В пещере Роше и Эйзи нашли запасы этого красителя, сделанные в доисторические времена. В песках третичного периода около Нантрон обнаружили следы его добычи в довольно широких масштабах.

В качестве красителей в ту пору использовали минералы. Основу черной краски составлял марганец, красной — окись железа. Осколки минералов растирали в порошок на каменных плитах или на костях животных, например на лопатках зубра, о чем свидетельствует находка в Пей-нон-Пей. Такую цветную пудру хранили в полых костях или мешочках, притороченных к поясу.

Порошкообразный краситель замешивали на зверином жире, на сале или воде. Контуры часто обводили каменным резцом, раскраска же производилась пальцем, кистью из звериной шерсти или связкой сухих веток. Пользовались также трубками для выдувания порошковой краски, о чем свидетельствуют росписи в Ляско — обширная площадь стены сохраняет неравномерную тональную насыщенность. Подобный способ обеспечивал эффект мягких очертаний зернистой поверхности, органичность фактуры.

Поразительная способность использовать разнообразные приемы живописи и рисунка в ориньяко-солютрейский и мадленский периоды натолкнула историков на предположение, что в эти отдаленные от нас на десятки тысячелетий времена существовали художественные школы. Подтверждает это развитие палеолитического искусства — от примитивных изображений рук в гротах Кастильо до шедевров Альтамиры и Ляско.

Проблема развития палеолитического искусства непроста, поэтому датировка резных фигурок и настенных ро́списей той эпохи — задача сложная. Более надежной основой периодизации служит совершенствование самих орудий.

Ранний палеолит, или эпоха оленей и человека разумного, длится от полутора до двух с половиной десятков тысячелетий, завершаясь где-то на пятнадцатом тысячелетии до нашей эры. Он делится на ориньякский, солютрейский и мадленский периоды. Природные условия в те времена стабилизировались, что послужило основой франко-кантабрийской цивилизации. Исчез призрак катастрофических оледенений — белесых, надвигающихся с севера масс холода, более сокрушительных, нежели вулканическая лава. Катастрофой для этой цивилизации, однако, оказалось... потепление. В конце мадленского периода олени ушли на север. Человек остался в одиночестве, покинутый богами и животными.

Каково же место Ляско в доисторической эпохе? Нам известно, что грот не был украшен за один прием, что там росписи подчас накладываются одна на другую и относятся к разным тысячелетиям. Опираясь на анализ их стиля, Брейль придерживается той точки зрения, что основные ро́списи выполнены в ориньякский период. Характерная черта его — определенный вид перспективы. Это, конечно, не прямая перспектива, овладение которой требует знания геометрии, но ее можно назвать развернутой. Животные изображены в основном в профиль, но отдельные фрагменты их тел — голова, ноги — обращены к зрителю. У рогов бизона в сцене на стене шахты очертания лиры.

А теперь об истории открытия Ляско. Сентябрь 1940 года. Франция пала. Война в воздухе над Англией достигла своего апогея. На далекой периферии этих событий, в лесу, в окрестностях Монтиньяка случается происшествие, словно позаимствованное из приключенческой повести, происшествие, которому суждено было подарить миру одно из самых замечательных археологических открытий.

Буря свалила дерево, обнажив отверстие, вид которого повлиял на пылкое воображение юного Марселя Равидо и его товарищей. Подростки полагали, что это вход в подземный коридор, который ведет к развалинам замка неподалеку. Журналисты сочинили историю про пса, якобы свалившегося в эту дыру и фактически ставшего первооткрывателем Ляско. Но наиболее правдоподобно, что у Равидо была страсть исследователя, хотя его интересовала не слава, а возможность найти спрятанные кем-то сокровища.

Дыра достигла 80 сантиметров в поперечнике, и казалось, что она такая же и в глубину. Однако камень, брошенный вниз, падал невероятно долго. Подростки расширили вход. Равидо первым оказался в гроте. Принесли лампу — и росписи, на протяжении двадцати тысячелетий замурованные в подземелье, открылись человеческому взору. «Наша радость была безграничной. Мы исполнили дикий воинственный танец»,— сообщает Равидо.

К счастью, молодые люди не стали действовать на свой страх и риск, а тут же сообщили о находке своему учителю мсье Лавалю, тот — Брейлю, который жил в то время неподалеку и явился в Ляско через девять дней после открытия пещеры. Ученый мир узнал о ней пятью годами позже, после окончания войны.

Мальчишки из Ляско достойны если не памятника, то по крайней мере мемориальной доски не меньших размеров, чем та, что отмечает акушерские заслуги мадам Мартель. Их родное местечко Монтиньяк сделалось знаменитым. Славе сопутствовали и материальные блага. Теперь здесь налажено более удобное автобусное сообщение, множатся разного рода ресторанчики («Под быком», «Под бизоном»), и по крайней мере несколько десятков семей пробавляется продажей сувениров. Возможно, Равидо сам откроет ресторанчик и на старости лет, сидя у камина, будет рассказывать туристам о своем открытии. Может, он уже получил археологическое образование, но сомневаюсь, что ему посчастливится обнаружить такое еще раз.

В нескольких десятках метрах от грота Ляско возникло нечто вроде частного предприятия «со специализацией по доисторическому времени». Владельцы пастбища открыли нечто напоминающее вход в новую пещеру и нашли там несколько заурядных окаменелостей. Они поставили сарай, где разместили эти «экспонаты», а чтобы придать своему «музею» видимость научности, развесили на стенах чертежи, из которых можно узнать, что существовало четыре ледниковых периода: Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм. Заполучив

от вас однофранковую монету, более подробные пояснения по вопросам палеологии дает хитроватый селянин, пахнущий овечьим сыром.

Так как мы живем в эпоху скепсиса, подлинность наскальных изображений была поставлена под сомнение. Это, впрочем, началось еще в 1879 году, после открытия Альтамиры Марселино де Савтуола. Полагали даже, что отцы-иезуиты тайком изукрасили пещеру, как бы подсунув ее под нос ученым и выжидая, когда вокруг нее разгорятся споры. Тогда иезуиты заявили бы о подделке и скомпрометировали специалистов по палеолиту, учение которых отодвигало границы рода человеческого за пределы библейской хронологии. Подлинность росписей Альтамиры исследователи признали только через два десятка лет после открытия пещеры.

В конце концов такой скептицизм вполне оправдан. Достаточно вспомнить скандальную историю с черепом из Пильтдауна, о котором самые крупнейшие авторитеты в области археологии и палеонтологии в течение двадцати четырех лет понаписали множество научных трудов, прежде чем обнаружилось, что это фальшивка.

Но операция, какой можно подвергнуть осколок кости, сделав ее «палеолитической», более проста, чем роспись громадных пещерных сводов. Для этого необходимы усилия целого коллектива, наделенного не только знаниями, но и недюжинными художническими талантами. Для изготовления таких фальшивок нужны и немалые расходы...

Осматривая пещеры в Ляско, я на минуту поддался скептицизму при виде свежести красок и великолепного состояния памятника, насчитывающего свыше пятнадцати тысячелетий. Этот поразительный факт объясняется просто. На протяжении многих тысяч лет вход в гроты был засыпан. Таким образом, здесь был постоянный микроклимат. Благодаря влаге образовались известковые соли, которые подобно лаку покрыли росписи, как бы законсервировав их.

В 1952 году великолепный поэт Андре Бретон, посетив пещеру в Пье-Мерль, пытался экспериментальным путем решить вопрос о подлинности доисторических рисунков. Он попросту потер их пальцем, а когда увидел, что палец запачкался, пришел к выводу, что это фальшивка и к тому же недавняя. Поэт был примерно наказан денежным штрафом (за прикосновение к росписи, не за убеждения!), но на этом дело не кончилось. Союз французских писателей потребовал произвести расследование подлинности росписей пещеры. Аббат Брейль в докладе, поданном на имя главной комиссии по охране исторических памятников, признал подобный демарш необоснованным.

Я уезжал из Ляско той же дорогой, что и приехал. И хотя мне удалось заглянуть, так сказать, в преисподнюю истории, я не испытывал ощущения, будто возвращаюсь из другого мира. Никогда еще у меня не было более прочной уверенности: я — граж-

данин Земли, наследник не только греков и римлян, но и чуть ли не самой бесконечности.

Да, это именно гордость и вызов человека, брошенный просторам небес, пространству и времени. «Бренные тела, что исчезли, обратившись в прах, пусть само понятие человечества было вам незнакомо. Слабые руки потомков извлекут из земли не только останки ориньякского полуживотного и древних империй, но и наскальные росписи. Они, вызывая наше сочувствие или оставляя нас равнодушными, доказывают, что и вы достойны быть причисленными к роду человеческому. Любое величие неотделимо от того, на чем оно зиждется...»

Теперь для меня была открыта дорога к греческим храмам и готическим витражам. Я направлялся к ним, чувствуя на своей руке теплое прикосновение художника из Ляско.

Перевод с польского *С. Ларина*

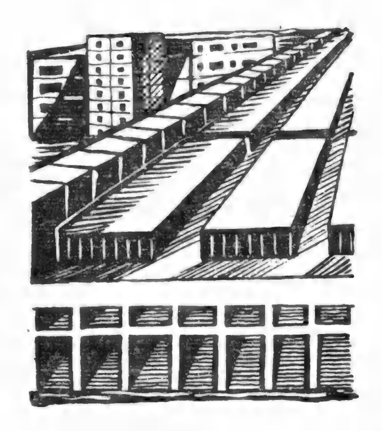
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Збигнев Херберт (родился в 1924 году) — один из наиболее известных и популярных польских поэтов среднего поколения, произведения которого не раз удостаивались отечественных и зарубежных литературных премий. Он автор поэтических сборников («Струна света», «Исследование предмета», «Надпись», «Пан Cógito» и другие), в которых современная тематика нередко переплетается с темой истории, преемственностью культур, диалога цивилизаций. Стихи Херберта известны и советскому читателю по антологии «Современная польская поэзия» (М., 1971) и ряду журнальных публикаций.

Помимо поэтических сборников и драм Херберту принадлежит книга эссе «Варвар в саду» (1962), являющаяся своеобразным итогом его поездки по Италии и Франции. Эта книга выдержала в Польше три издания и переведена на несколько иностранных языков.

Сам автор так определил в предисловии особенности своего труда, из которого мы воспроизводим с некоторыми сокращениями главу: «Что представляет собой эта книга в моем понимангн?.. Во-первых, она — итог реального путешествия по городам, музеям, руинам. Во-вторых, это взгляд на увиденное сквозь призму прочитанных мною книг об этих городах. Два подобных ви́дения или два метода переплетаются здесь друг с другом.

Я не пошел по более легкому пути — импрессионистского путевого дневника. Это в конце концов привело бы к перечислению эпитетов и эстетической экзальтации. Мне же казалось, что следует дать читателю определенный запас информации о давних цивилизациях, а так как я не специалист в данной области, а только любитель, я позволил себе отказаться от всех прелестей эрудиции: от библиографии, примечаний, перечня имен. Я намеревался написать книгу для чтения, а не для штудирования ее с карандашом в руках».

ВИКТОР ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

АВТОГРАД НА КАМЕ

Заметки демографа

У главного въезда в Набережные Челны на громадном железобетонном пилоне высечено:

Трудность
забудется.
Чудо свершится.
Сбудется то,
что сегодня
лишь снится.

Здесь на северо-востоке Татарии расположена одна из крупнейших новостроек девятой пятилетки — Камский автозавод, КамАЗ. Строительство его в разгаре. На громадной площадке в 100 квадратных километров уже возведены заводские корпуса, которые «начиняют» оборудованием. Рядом стремительно растет большой город. Это город «при заводе». Возводят завод и город более 80 тысяч строителей. Их количество уже не увеличивается. Зато стремительно разрастается коллектив автостроителей.

Созидаются не только завод и город, но и судьбы множества людей, их биографии. Большинство жителей Набережных Челнов — «зеленая» молодежь, приезжающая преимущественно из сел. Именно здесь происходит их первое приобщение к большому делу. Начинается становление их жизни.

Наш рассказ о сложном триединстве: завод — город — люди. Но сначала несколько слов о месте строительства, о том, почему именно здесь выбрана стройплощадка автогиганта.

До недавнего времени здесь, на берегу полноводной Камы, был небольшой старинный городок Набережные Челны. Пятнадцать лет назад в нем насчитывалось всего 16 тысяч жителей. Рядовой райцентр, пристань, большой элеватор на берегу, предприятия местной промышленности.

Городок ожил, когда началось сооружение Нижнекамской ГЭС—последней ступени Камского каскада электростанций. К началу 1970 г. здесь было уже 38 тысяч жителей. К этому времени сложился крупный строительный коллектив Камгэсэнергострой (КГЭС). Это послужило одной из веских причин выбора именно данного места для великой стройки. КГЭС, в котором сейчас около 60 тысяч человек,— генеральный подрядчик строительства КамАЗа и города.

А претендентов на возведение автогиганта было немало.

Долгое время серьезную конкуренцию Татарии составлял Красноярский край. Предлагалось построить автогигант на его юге, в Абакано-Минусинском районе, где намечен громадный промышленный комплекс.

Набережные Челны предпочли ввиду стечения целого ряда обстоятельств. Важнейшее из них — выгодное экономико-географическое положение города. Он находится в центре обжитой части страны, поблизости от Урала, откуда будет поступать металл — 2 миллиона тонн ежегодно. Набережные Челны расположены на крупнейшем водном пути, между двумя железнодорожными магистралями, связывающими Центр с Уралом и Сибирью. В этих местах избыток трудовых ресурсов. И наконец, как говорилось, здесь уже был создан многотысячный строительный коллектив со своей материально-технической базой. Это существенно облегчало начало работ, которое, как известно, всегда трудно.

КамАЗ

Это не завод в обычном смысле слова, а целый громадный комплекс из шести больших заводов на одной площадке. Предприятия эти таковы: литейный, кузнечный, прессово-рамный, моторный, автосборочный и ремонтно-инструментальный. Неподалеку, в другом городе, строится еще колесный завод — неотъемлемая часть комплекса.

КамАЗ — крупнейший в мире комплекс по производству грузовиков. Он будет ежегодно выпускать 150 тысяч дизельных автомашин разных модификаций, среди них — восьмитонная машина с прицепом такой же грузоподъемности. А кроме того, 100 тысяч мощных дизельных моторов будет поставляться другим заводам страны.

Автомашины КамАЗа должны быть самыми современными по техническим и экономическим показателям, существенно превосходить в этом грузовые автомобили, выпускаемые в нашей стране сегодня. История промышленного строительства в СССР богата примерами высоких темпов и поистине гигантского размаха работ. Но и здесь КамАЗу принадлежит первенство.

Для возведения шести заводов комплекса вместе с городом будет затрачено три миллиарда рублей — это стоимость пяти-шести крупнейших металлургических комбинатов и в полтора раза боль-

ше вложений в крупнейший в стране завод легковых автомобилей в г. Тольятти, выпускающий по 660 тысяч автомашин в год. А каковы темпы работ в Набережных Челнах? Строительство комплекса практически начато в 1970 году, в 1973-м введен в строй первенец — ремонтно-инструментальный завод, а к концу 70-х годов КамАЗ должен набрать полную мощность.

Чтобы уложиться в такие сроки, здесь используют высокопроизводительные технические средства. Сокращает сроки строительства (а в некоторых случаях и сильно удешевляет его) применение новых стройматериалов и технологических процессов. Вот лишь один пример. При сооружении фундаментов производственных зданий применены буронабивные сваи. Что это такое? В грунте бурят скважину, в нее опускают арматуру и заполняют бетоном. Вот такие железобетонные сваи и составляют фундамент. Традиционная технология кому не известна? Копают громадные котлованы, вывозят грунт. Затем сооружают фундаменты и... вновь заваливают котлованы землей. Надо ли доказывать, что буронабивные сваи резко сократили объем земляных работ, а значит, удешевили строительство?!

Важная новинка — одновременность строительства и проектирования. По мнению генерального директора КамАЗа, обычный путь — начало строительных работ лишь после завершения всего технического проекта — затянул бы стройку примерно на три года. Из-за этого многие технические решения, самые современные и передовые при проектировании, неизбежно устарели бы к моменту ввода комплекса в строй.

Однако при всех технических, технологических и организационных усовершенствованиях здесь в 1974 году работало более 80 тысяч человек! Это тоже характеризует и объем и темпы строительства.

Всего на КамАЗе будет смонтировано около 50 тысяч единиц отечественного и зарубежного технологического оборудования. Широко используется технический опыт передовых зарубежных промышленных фирм, в том числе Соединенных Штатов Америки и Франции. Заключены контракты на поставку оборудования с Чехословакией, Венгрией, Болгарией и Германской Демократической Республикой.

Пока строится комплекс, на Московском автозаводе имени Лихачева были созданы прототипы грузовиков — будущей продукции КамАЗа. Они проходят всесторонние испытания. Технология производства автомашин должна быть тщательно отработана до пуска комплекса. Это позволит быстро набрать высокие темпы производства, своевременно освоить новые мощности, достичь в короткие сроки проектных показателей — технических и экономических.

КамАЗ будет выпускать грузовики более десяти модификаций, приспособленных к разным условиям эксплуатации. Сейчас в нашей стране самая массовая профессия — шофер. Большинство

транспортных работ осуществляют машины небольшой грузоподъемности. Выпуск тяжелых грузовиков позволит значительно повысить производительность труда при перевозках различных грузов, получить огромный выигрыш для народного хозяйства.

ГОРОД

Набережные Челны — город во многих отношениях уникальный. Молодых городов в нашей стране много, быстро растущих тоже, и все же цифры, относящиеся к городу на Каме, не могут не поражать.

За четыре года после переписи населения 1970 года ко времени полного разворота строительства население Набережных Челнов более чем учетверилось — с 38 тысяч до 162 тысяч человек. В 1975 году оно превысит 200 тысяч. Предусмотрена возможность и дальнейшего роста.

Немного недавней истории. Маленький деревянный городок Набережные Челны и поселок гидростроителей не могли вместить многотысячную армию прибывших строить КамАЗ. Однако и в этот первый, самый тяжелый период здесь обошлись без палаток и другого временного неблагоустроенного жилья, такого обычного на других новостройках. На первых порах многие рабочие были размещены в соседних деревнях. Каждый день их привозили на стройку специально выделенными для этого автомашинами. Часть строителей разместилась в жилых вагончиках. Но этот период был недолог.

С самого начала в Набережных Челнах стали возводить современный благоустроенный город из домов в пять, девять, двенадцать этажей. В последнее время ежегодно сдавали в эксплуатацию по 300 тысяч квадратных метров жилья. В начале 1974 года был торжественно введен в строй миллионный квадратный метр жилой площади. Вот это громадное жилищное строительство одновременно с возведением КамАЗа — одна из примечательных особенностей гигантской новостройки.

Для ускорения ввода в строй жилых домов, магазинов, школ, больниц усиленно развивалась местная строительная база. В частности, был создан мощный стройкомбинат. Но всего этого оказалось недостаточно. Тогда молодому городу решили помогать москвичи и ленинградцы. Продукцию домостроительных комбинатов Москвы и Ленинграда доставляли по воде и железной дороге за полторы-две тысячи километров. В Набережных Челнах дома монтировали, и они росли как грибы. Это, кстати, положительно сказалось и на качестве жилья — в Челнах строятся дома лучших московских и ленинградских серий. Одновременно возводят школы, детские учреждения, больницы, магазины, столовые. В конце 1973 года первые посетители уже любовались замечательным Дворцом культуры «Энергетик» с двумя зрительными и спор-

тивным залами, многочисленными помещениями для занятий кружков самодеятельности.

Застройка города ведется по единому генеральному плану. Численность населения города будет и впредь расти, в частности, в результате появления детей у нынешних молодых пока бессемейных горожан.

Генплан позволяет создать наиболее целесообразный, удобный, гармоничный город, в котором все хорошо взаимоувязано, который должен долго оставаться молодым и не требовать реконструкции.

В генплане разработана не только собственно градостроительная часть — типы домов, расположение улиц, размещение общественных зданий, инженерные сети и т. д.,— но и экономические и демографические основы развития города. Так, например, в нем намечен набор промышленных предприятий и рабочих мест на них с точки зрения пропорций мужской и женской занятости, потребности в детских учреждениях в связи с особенностями демографической структуры. Все это позволяет избежать обычных в новых городах диспропорций.

Новый город, где будет проживать большинство населения, расположен поблизости от заводов, но от промышленного комплекса его будет отделять полоса зелени километровой ширины. Город примыкает к прекрасному сосновому лесу и подступает к Каме, уровень которой в недалеком будущем поднимется плотиной ГЭС на 12 метров. Город будет живописно расчленен речными заливами. А окрестные ландшафты? Ведь их воспел своими полотнами такой мастер, как И. И. Шишкин, уроженец здешних мест.

Пока город состоит из двух частей, разделенных значительным промежутком. Впоследствии они сблизятся. Части города связаны между собой автобусами и скоростным трамваем.

Разумеется, при стремительном росте населения города некоторые жилищные и бытовые трудности еще не изжиты. Многие строители размещаются пока в общежитиях. Но в этом отношении Набережные Челны значительно отличаются от других новых городов. Здесь мало «типовых» общежитий, то есть домов, предназначенных специально для одиночек. Общежитиями пока служат дома с обычными изолированными квартирами, рассчитанными на посемейное заселение. Здесь налажен своего рода «жилищный конвейер». Сначала в каждой комнате размещается по нескольку человек. Затем комнаты отдают молодым семьям. Это так называемые малосемейки. Наконец в квартире остается одна семья. Такой «конвейер» подсказан жизнью. Ведь сюда обычно приезжают молодые люди и создают семьи. Квалифицированные рабочие и специалисты с семьями, прибывающие «по приглашению», обычно получают благоустроенные квартиры почти сразу же.

Набережные Челны — уже сейчас второй по величине город Татарии. Он быстро становится центром большой городской агломерации. В непосредственной близости от Набережных Челнов рас-

положен растущий город Нижнекамск (49 тысяч жителей в 1970 году; 74 тысячи в начале 1973 года) — центр нефтехимии. Рядом — города Елабуга и Мензелинск. Невдалеке — Заинск с громадной ТЭЦ и будущим колесным заводом, входящим в комплекс КамАЗа. Чуть дальше, за пределами агломерации,— Альметьевск и другие нефтяные города Татарии. Надо принять во внимание и значительное сельское население.

Все это придает Набережным Челнам громадное культурное значение. Здесь уже созданы три техникума и большой филиал Казанского строительного института. Предполагается открыть Политехнический институт, который будет готовить кадры для автомобильного комплекса, но не только для него. Набережные Челны будут выделяться среди других городов северо-востока Татарии концентрацией кадров высшей квалификации, прежде всего промышленной интеллигенции: инженеров, конструкторов и т. д. Все это повышает роль города как центра складывающейся большой агломерации.

Уже сейчас некоторые объекты существуют как межгородские, предназначенные для обслуживания населения всей агломерации. Скажем, большой аэропорт Бегишево расположен таким образом, чтобы им удобно было пользоваться жителям не только Набережных Челнов, но и Нижнекамска и других городов.

Быстрый рост Набережных Челнов приведет к значительному развитию транспортных связей во всем районе. Сейчас Набережные Челны соединены с одной железнодорожной магистралью. В недалеком будущем по плотине Нижнекамской ГЭС ветку продолжат и до другой магистрали. Намечено построить современное шоссе Казань — Набережные Челны.

На берегах Нижней Камы рождается не только современный автомобильный комплекс, но и образцовый социалистический город, который поднимет экономическую и культурную жизнь всего северо-востока Татарии.

ЛЮДИ

Видишь ли возвращающихся с работы строителей или праздничную толпу на проспекте, покупателей в магазинах или кинозрителей, неизменно бросаются в глаза две особенности: молодость и многонациональность жителей Набережных Челнов. Молодежи так много, что люди средних лет просто теряются среди тех, кому не больше двадцати пяти. Стариков же почти нет. Что касается национального состава, то уже по внешнему облику нетрудно определить здесь немало приезжих из Закавказья и Средней Азии. Материалы же отделов кадров подсказывают: представители более 60 национальностей строят КамАЗ. Как сильнейший магнит, он притягивает людей отовсюду: из городов и сел, из ближайших и отдаленных районов, запада и востока страны, из мест с избытком и недостатком трудовых ресурсов.

Естественно, располагаясь в Татарии, стройка больше всего пополняется уроженцами именно этой республики. Среди строителей таких больше четверти — 27 из 100. На втором месте Урал — 14 человек из 100, на третьем — Центр (11), на четвертом — Волго-Вятский район (10), затем — Поволжье без Татарии (10), Украина (4).

Население новых городов обычно очень подвижно. Набережные Челны выделяются в лучшую сторону. Однако и здесь подвижность все же очень велика. В 1973 году из города выбыло 20 процентов среднегодовой численности жителей (по стране в целом — около 6, по многим новым городам — более 30 процентов). Зато на каждые 100 прибывших пришлось всего-навсего 52 выбывших, в то время как по городам страны — в среднем более 80. Это, безусловно, говорит о большой притягательной силе Набережных Челнов. Разумеется, немалую роль в этом играют объективные преимущества ударной стройки: возможность быстро получить жилье, относительно высокая заработная плата (здесь, кстати, выплачивается «уральский» коэффициент к заработной плате — 15%, хотя стройка и не на Урале), хорошее снабжение, молодежный состав населения, привлекательный для многих. Но очень велико и влияние моральных факторов: сознание, что участвуешь в крупнейшей, важнейшей, знаменитейшей стройке, что своими руками созидаешь будущее. Молодые строители и работники КамАЗа гордятся городом и заводом, своим участием в возведении автогиганта.

Два основных производственных коллектива — строителей и автомобилестроителей — существенно различаются по составу, происхождению, методам формирования.

Автомобилестроители в среднем не так молоды, как строители. Значительную долю первых составляют люди, пришедшие с предприятий автомобильной промышленности или смежных отраслей по переводу и самостоятельно. Среди них много специалистов и высококвалифицированных рабочих. А это, как правило, люди зрелые. Молодежь же, поступающую на автозавод, посылают на обучение или переподготовку на другие родственные предприятия. Вот почему будущие работники КамАЗа находятся сейчас в разных городах страны.

КамАЗ — всесоюзная ударная комсомольская стройка. Поэтому многие едут сюда по комсомольским путевкам. Это люди молодые, здоровые, они охотно становятся строителями. Специальность же приобретают непосредственно на стройке. Нужно отметить, что профессия строителя предъявляет повышенные требования к здоровью, выносливости, силе. Работа ведь ведется под открытым небом или в неотапливаемых помещениях, на сквозняках и т. д. Горожане часто предпочитают другие профессии. Сельские жители менее прихотливы.

Двое из трех строителей — выходцы из деревни. Строительство продолжает оставаться одним из главных каналов превращения

сельских жителей в горожан. Со временем многие строители часто меняют свою специальность, переходя в другие отрасли народного хозяйства. Так будет, несомненно, и в Набережных Челнах. Тот, кто уже трудится на стройплощадке, встанет к станкам и конвейерам КамАЗа. Для некоторых строителей, трудившихся ранее на промышленных предприятиях, работа на стройке — способ «зацепиться» в Набережных Челнах, получить жилье. Это временные, но, как выяснилось, очень ценные для стройки кадры. Они вносят в строительные бригады промышленную организованность, городскую культуру, активно борются за соблюдение технологической дисциплины. Все это особенно важно в связи с тем, что, как уже говорилось, большинство строителей приехало в Набережные Челны прямо из села. Хотя средний уровень образованности сельского населения значительно возрос, среди строителей КамАЗа очень велика доля не имеющих среднего образования. При формальном равенстве образовательного ценза (по числу классов) фактические знания рабочих, окончивших городскую школу, намного выше. Все это, вместе взятое, вызывает необходимость «ликвидации недообразованности» уже на стройке. И этому придают здесь очень большое значение. Открыто много школ рабочей молодежи, а также вечерних отделений техникумов и вуза. Эти учебные заведения могут вместить всех желающих учиться. Однако далеко не все молодые строители пока осознали необходимость повышения образования.

Сельское происхождение большинства строителей важно и в демографическом отношении. Для жителей деревни характерно относительно раннее вступление в брак; семьи на селе более многодетны, чем в городе. Эти деревенские «установки» переносятся и в город. Поскольку среди строителей преобладает молодежь, велико и число свадеб, а значит, и рождений. Причем, чем лучше становятся жилищные условия, тем больше создается новых семей. В 1971 году на 1000 челнинцев пришлось 26 рождений, а в 1973-м — уже 35. Это в два раза больше, чем в среднем по стране, в три раза, чем в крупных городах. Если в 1970 году в Набережных Челнах родилось всего 799 детей, то в 1973 году — 5100. И нет сомнения, что число рождений будет быстро расти. Это создает в городе специфические трудности. Они усугубляются тем, что нормативы обеспеченности детскими учреждениями одинаковы для всех городов страны. Они не зависят от возрастного состава населения и рассчитываются на 1000 безликих «средних» жителей.

А ныне в Набережных Челнах гипертрофирована группа тех, кому от 18 до 30 лет. На следующей стадии резко возрастет доля малых детей. Пик рождаемости создаст поочередно «пиковую» потребность в яслях, детских садах, начальных школах и т. д.

Как уже говорилось, характернейшая черта нынешних Набережных Челнов — интернациональный состав населения. В городе есть представители всех значительных по численности народов страны. Первое место среди строителей занимают русские —

более половины; второе татары — около четверти; очень много украинцев; широко представлены народы Поволжья: башкиры, удмурты, чуваши, мордва, марийцы; значительно число представителей народов Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа.

В Набережных Челнах как в капле воды отражаются громадные достижения всего нашего общества в решении национального вопроса, идейная и бытовая общность людей разных национальностей. Это находит, в частности, выражение в смешанных браках. В последние годы таких браков целая треть.

1974 год был переломным в формировании населения города. Численность строителей достигла максимума и теперь начинает сокращаться. В то же время бурно растет коллектив КамАЗа. Строители дали главный прирост населения Набережных Челнов в первой половине 70-х годов, камазовцы дадут его во второй половине. У автостроителей выше средний возраст, среди них больше горожан, квалифицированных рабочих. Для автозаводцев характерна значительно большая стабильность производственных коллективов, меньшая текучесть кадров и миграция.

Следующим этапом развития населения города будет его стабилизация и установление общегородских норм и традиций. Ведь нынешнее население, собравшееся сюда со всех концов страны, привнесло чрезвычайно разнообразные обычаи, традиции, навыки. Происходит взаимное ознакомление, «притирка» разных норм поведения, социально-психологическая адаптация выходцев из деревни к городскому укладу жизни.

С течением времени будет происходить демографическая «нормализация» — половая и возрастная структуры населения приблизятся к средней для городов страны. Однако это длительный процесс. Несколько десятилетий население Набережных Челнов будет выделяться своей молодостью.

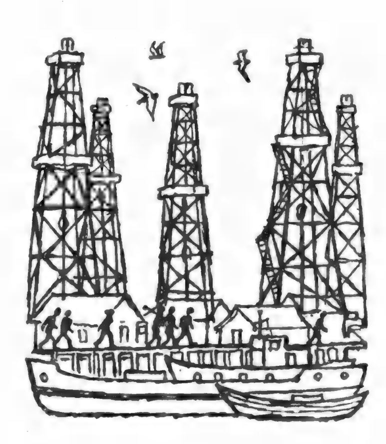
Среди строителей заметно преобладают мужчины. Значительный перевес мужчин будет характерен и для коллектива КамАЗа. Для создания нормальной половой структуры населения города нужно создать ряд предприятий с преимущественно женским трудом. Хорошо известно, что устранение сложившихся половых диспропорций требует, как правило, долгого времени. Набережные Челны надо с самого начала избавить от таких диспропорций. Они обычно ведут ко многим нежелательным демографическим, социальным и экономическим последствиям.

Люди приезжают в Набережные Челны, чтобы строить автогигант и город. Но они приезжают и за тем, чтобы строить свою собственную жизнь, удовлетворить свои собственные потребности, достичь личных целей. Гигантская стройка на Каме дает множество примеров органического сочетания личных и общественных интересов. Сравнение ее с сибирскими новостройками, начинавшимися 15—20 лет назад, наглядно показывает, как далеко мы шагнули за это время, как выросли возможности страны, как изменился подход ко многим вопросам организации и планирования производ-

ственного и жилищно-бытового строительства. Этот опыт неоценим и для ближайшего, и для более отдаленного будущего. Набережные Челны — поучительный пример решения экономических и социальных задач в условиях развитого социализма.

ОБ АВТОРЕ

Переведенцев Виктор Иванович. Родился в 1931 году в Тульской области. Окончил географический факультет МГУ. Кандидат экономических наук. Работал в Сибирском отделении Академии наук СССР. В настоящее время старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. Основные его работы посвящены проблемам миграции населения в СССР. Опубликовал четыре книги и свыше ста научных и публицистических статей, главным образом по проблемам демографии. В нашем ежегоднике выступает второй раз. Сейчас работает над тремя книгами: «Методы изучения миграции населения» для издательства «Наука», «Города и время» и «Миграция населения СССР» для издательства «Статистика».

ВИТАЛИЙ ГЕРБАЧЕВСКИЙ

НОЯБРЬ НА КАМУШКАХ

Очерк

1

Солнечный Баку в ноябре без солнца. Ветер несет пыль по широкой набережной, теребит на деревьях и кустах зеленые, но уже жесткие листья. Часто приходят туманы. Проснешься утром, а он привалился к окну, едва пропуская свет ближайшего фонаря. Туман тихо ползет по городу, как бы раздумывая: то ли побыть еще, то ли исчезнуть. На асфальте он оставляет мокрые пятна.

В такое утро светает поздно. Троллейбусы идут с зажженными фарами, в них неуютно и холодно: люди еще не успели обжить их и обогреть. У серого моря никого нет, кажется, город отвернулся от моря, обиделся на него за сырой воздух, серое небо, унылый плеск волн.

Лишь после девяти в такой ноябрьский день, начавшийся туманом, на набережной появляются люди. Они идут, не торопясь, не поймешь сразу, кто они и зачем тут оказались. Идут беззаботно мимо новой гостиницы, спускаются к причалам, где мягко приседает на волне белоснежный «Волгоград».

Это отправляются на работу нефтяники промысла Нефтяные Камни. И само их появление на набережной в час, когда город давно уже трудится, и их лица, не озабоченные сиюминутной спешкой,— все это невольно выделяет морских нефтяников среди бакинцев, и так же невольно иной прохожий нет-нет да и оглянется, посмотрит им вслед, инстинктивно почувствовав, что дело у этих людей не то, как у всех, не тот ритм жизни.

С небольшими чемоданчиками, сумками в руках нефтяники поднимаются по трапу. Поскрипывает трап, летят за борт сигареты, шлепаются на лавки чемоданчики и сумки. Ни суеты, ни давки, ни громких криков, ни провожающих. И вот медленно уплывает причал с одинокой фигурой человека, помогавшего отдать концы,

сжимается в узкую полоску широкая набережная, и вскоре Баку погружается в туман.

До Нефтяных Камней, Камушков, как их называют, больше ста километров, четыре часа ходу.

На палубе, в салонах и в проходах неторопливые разговоры, все еще в плену домашних забот, еще в голове дети, удачные покупки. Городские новости гуляют по теплоходу, и кажется, Баку здесь, рядом. Хочешь, поднимись на палубу и сойди на набережную. Море брызжет, небо белесое, как под Вологдой, какая-то блеклая голубизна. Ноябрь, ноябрь... Каково-то на Нефтяных Камнях?

Иду в салон одним из последних. Вот блаженство! Мягкие сиденья, тепло. Кто-то спит, подложив под голову чемоданчик, а на него кепку. Женщины вяжут, мужчины сражаются в домино и нарды. Пахнуло чем-то домашним, уютным, совсем не похожим на стандартный, безликий уют фирменных поездов, пароходов и самолетов. Тут все свои, все знают друг друга или по крайней мере встречались; как не встретиться за долгие годы на Нефтяных Камнях! И по тому как они свободно держатся в салоне, чувствуешь, что легко здесь разговориться, сесть и сыграть в домино, одолжить книгу или газету.

Через два-три часа темы разговоров меняются. В любом конце салона — про вышки, долота, какие-то задвижки, про тонны нефти. Уже никто не вспоминал о доме, остались позади семейные заботы, Баку был далеко, говорили о работе, Нефтяных Камнях, как будто стосковались по ним, и теперь, отстранившись на время от береговой жизни, в самом деле стали морскими нефтяниками.

А вот подход к Камушкам я прозевал — в салоне разом все поднялись, и пробиться к дверям не было уже никакой возможности. Смотрел на причал через головы нефтяников. На берегу (берег-то на сваях!) прямо перед нами еще цвел сад, зеленели кусты. И за железной загородкой, чуть в глубине, стояли люди, десятки, а может, сотни людей. Они ждали «Волгоград», чтобы уехать в Баку, но казалось, народ собрался для встречи приезжающих; было ощущение праздника — шумно, весело и хорошо. Согласитесь, это здорово, когда приход на работу похож на праздник.

2

Если подойти вплотную к буровой вышке на Нефтяных Камнях и смотреть на нее снизу вверх, то не найдешь ничего, что отличало бы ее от сотен и тысяч буровых (а я повидал их немало и на Апшероне, и в Тюменской области). Вытянутая усеченная пирамида с лестницей, ведущей на сорокаметровую высоту. Пирамида кажется легкой и непрочной — ажурная конструкция скрадывает мощь этого сооружения. Лишь у основания, там, где расположены дизель, лебедка, где стоят чаны с раствором, где в железное устье

уходят, вздрагивая, трубы,— там чувствуешь силу буровой, ее напряжение в споре с землей. Далеко-далеко, на глубине в тысячу метров, рвут долота породу, крошат ее, тянут за собой трубы — к нефти, газу. А тут только гудит двигатель. мечутся стрелки манометров, словно на их хрупкие плечи выпала основная тяжесть бурения.

Обычная буровая. Та же под ногами скользкая глинистая масса, тонким слоем покрывающая доски. Те же «свечи» из ввернутых одна в другую труб. Но стоит немного отойти от нее, повернуться чуть-чуть, и сразу же «обыкновенность» исчезает. Кругом вода. Посмотришь направо, налево — торопятся неведомо куда волны. Глянешь под ноги, а в щелях настила — море. Зеленоватое, в тени эстакады с синеватым отливом, оно лижет сваи — методично, с ленивым упорством. Каждая волна набегает на сваю с удивлением (откуда это, мол, она взялась), потом всплескивается перед ней и освобождает место другой. Ни спешки, ни промедления.

Есть какое-то непривычное ощущение, оно пройдет, это от новизны впечатлений. Но вот то тут, то там к ограждению эстакад подходит человек, на время оторвавшись от работы, и смотрит вдаль, на волны, не просто же так он смотрит и совсем не бездумно его лицо. Это созерцание особого рода, когда взор, не раздраженный внешними впечатлениями, направлен в самого себя. Это разговор один на один, потаенная работа ума, потаенная и потому раскованная...

Сурид Джафар-заде, буровой мастер, стоит неподалеку, руки у него в карманах куртки, пушистая шапка надвинута на глаза. Небольшого роста, Сурид похож сейчас на мужичка, ладного, оценивающего все хозяйским глазом, рассудительного и уверенного в себе. Ему за тридцать, он уже опытный мастер, кто-то сказал — удачливый. Во всяком случае дела у него идут неплохо, а несколько лет назад со своим напарником, другим мастером, он пробурил сложную наклонную скважину, и это было рекордом, правда позднее перекрытым.

Сурид стоит неподвижно, словно врос в площадку, а на буровой небольшая суматоха: там готовятся к спуску труб в скважину. Ни единого слова подчиненным, ни одного жеста. Только взгляд чуть напряженный, он сразу схватывает малейшее промедление, неточное движение... Но вмешиваться не приходится: все знают свое дело, и напряжение в глазах мастера спадает.

— Сейчас будет красивая работа,— говорит он.

Сейчас трубы пойдут в пробуренную более чем на тысячу метров скважину, вон они выстроились, словно высокий штакетник, одна к другой, в несколько рядов. Наступает предпусковая минута. Еще можно несколько раз затянуться сигаретой, глотнуть холодной воды из бачка, можно постоять просто так, засунув руки в карманы. Но это уже последние секунды, нетерпеливое ожидание, подготовка к иному ритму, не зависящему от воли одного человека.

Взвыл дизель, резко набирая обороты, рванулся кверху крюк с многопудовым элеватором. Казалось, сейчас он вылетит наружу: так стремителен был его подъем. Но у площадки верхового он плавно затормозил, верховой уже подтянул железным крючком конец «свечи», вставил ее в элеватор, захлопнул дверцу. «Свеча» покачивалась, выводя нижним концом узоры на досках настила. Но вот ее подтянули повыше на тросах, помощник бурильщика облил резьбу графитовой смазкой, и «свеча» соприкоснулась со своей предшественницей, уже опущенной в скважину. Бурильный ключ, словно хищная рыба, выскользнул откуда-то из-за угла, плотно обхватил «свечу» и завинтил ее, как игрушечную. И вот «свеча» пошла вниз плавно, покорно, а потом элеватор снова взлетел вверх.

Все повторялось, ничего нового нельзя было увидеть. Но ритм, ритм... он диктовал свою волю, постепенно нарастая, сглаживая первоначальные шероховатости и заминки. Это была действительно красивая работа. Не потому лишь, что со стороны выглядела эффектно, не потому только, что завораживала непрерывность процесса. Люди, задавшие ритм и покорившиеся ему с какой-то бесшабашностью,— вот что было здесь красиво. Им было нелегко, это чувствовалось, им приходилось напрягать мускулы, но к освященной веками красоте физического труда прибавлялась красота иного рода — индустриальная, что ли? Мгновенная оценка ситуации, изменение обстановки рождали импульс, и этот импульс, переданный механизмам, добавлял или уменьшал мощность двигателя, замедлял или ускорял ход крана, управлял бурильным ключом. С помощью человека техника очеловечивалась, казалась одушевленной, живой. Человек и машина сливались, образуя одно целое — с мозгом человека и силой, скоростью машины.

— Пойдем чаю попьем, — предложил Джафар-заде.

Он неторопливо повернулся всем корпусом, зашагал к домику, не вынимая рук из карманов. Там налил кипятку в банку, обхватил ее озябшими руками, притянул к себе и нахохлился. Ветер задувал в щели домика.

— Тут система правильная. Пока мастером станешь, всю буровую облазишь, на каждом рабочем месте постоишь. Бывает, кончит человек институт — и за стол, бумажки пишет, отчеты составляет. Или ходит между станками, командует, а станка боится. У нас не так.

— А как у вас? — спросил я, не привыкнув к его паузам.

— У нас по-другому.

Теперь я уже не торопил Сурида, да и торопиться не хотелось: только тут я почувствовал, как холодно на Камушках при восьми градусах тепла. Мастер постепенно оттаивал, лицо его становилось мягче, спокойнее, как будто там, на буровой, он был внутренне собран, не позволял себе ни о чем думать, кроме работы, а вот тут

выражение сосредоточенности исчезло, глаза теплели и маленькие морщины разглаживались.

— Каждый хочет в хорошую бригаду, а мастеру нужен сильный рабочий, физически крепкий. Так? Я маленький, вес — пятьдесят шесть килограммов, никогда не работал на производстве. Боязно.

Пошел помощником бурильщика к Кямилю Ильясову. Тут я многому научился. Ильясов практик, ремесленное училище закончил, но дело знает хорошо. Веселый, как ни тяжело, настроение поднимет. Очень мне нравился Кямиль, все думал: буду как он. Ведь не век в помбурильщиках ходить, все-таки высшее образование, инженер. Но Ильясов — мастер, рабочий, имеет дело непосредственно с бурильщиком, был такой Фатали Алиев, я в его вахте оказался. Тут мне нелегко пришлось. Во-первых, тяжело с непривычки, попробуйте потаскать элеватор, он сто двадцать килограммов весит. По ночам пальцы болели. Второе — не клеились у нас отношения, из-за работы конечно. Со спуско-подъемными операциями не справлялись. Он должен был так направить рабочих, чтобы все шло без сучка и задоринки. А он боязливый: то позже затормозит, то раньше... Бурение таких не любит. На каждой «свече» теряли мы секунды, норму выполняли на восемьдесят процентов, зарабатывали плохо. Фатали во всем обвинял меня: я у ротора стоял. «Ты не можешь»,— говорил он.

Как так не могу? Стараюсь, стараюсь, пот течет и вроде бы все правильно, а нормы нет. Наконец Алиева на два месяца заменил Виктор Белоусов. Сразу — сто сорок процентов. И работа идет так спокойно, уверенно.

Около года проработал я помощником бурильщика и запомнил для себя: рабочему тяжело, нагрузка большая, об этом никогда забывать нельзя. Потом назначили меня бурильщиком. Рост, так сказать. Но дело не только в росте, я знал: все равно буду мастером — это как минимум. Правда, я уже мог на любом месте работать, это пригодилось. Хотя бы такой простой случай: у моего бурильщика однажды зашалило сердце. Я мастер, мне надо искать выход из положения. Просить замену? Долго дело протянется, да и дадут бог знает кого. Встал сам к тормозу, поднял инструмент, а бурильщик лекарство принял, отдохнул. Но главное — не в умении мастера что-то делать самому. Важен, так сказать, климат работы, понимание рабочего человека, и для этого нужно все испытать самому. В тебе должны быть уверены и как в инженере, и как в товарище.

В ноябре 1957 года... Вам тут каждый скажет, что ноябрь на Камушках — месяц особый, с него нефть началась. Так вот, в ноябре 1957 года люди погибли. Ураган — страшный, эстакаду сломало в нескольких местах, повалило в море, нас отрезало от поселков. Сутки сидели, рядом летели сваи в воду, все дрожало. Ни света, ни связи, как на необитаемом острове: вода, ветер и чернота. Эти сутки многое дали: в опасности и человека лучше пой-

мешь, и ближе станешь ему, если поверишь в товарища, в его слово. Так?

Сурид прислушался, встал, застегнулся на все пуговицы. И лицо свое как бы застегнул, оно мгновенно изменилось. Снова он весь подобрался, маленький, но крепкий хозяин буровой. Натянул поглубже шапку, сказал:

— Опустили трубы. Вы посидите, я сейчас.

«Сурид — это человек»,— говорили мне рабочие с улыбкой, и в этой фразе было все: уважение к мастеру, благодарность за отзывчивость, понимание внешней суровости мастера, за которой нет ни черствости, ни жестокости. Пусть он насуплен, пусть крепко сжаты его губы и глаза смотрят колюче, но не обмануть этим долго проработавших с ним людей. Как и все,он озабочен планом, метрами, которые надо пробурить, и еще озабочен другим: как сделать, чтобы каждый ощущал душевное расположение к товарищу, желание помочь ему. У него свое понимание метров, не только количественное.

Вот почему, надвинув поглубже шапку и не говоря никому ни слова, он идет в бухгалтерию за день-два до зарплаты, выписывает в книжечку, кто сколько заработал, и потом бесстрастно объявляет бригаде о заработках. Мелочь, разумеется, а всем приятно. Это тоже метры, от этого легче работается.

«Сурид — это человек». Неплохо сказано, а?

3

Вот оно, Чваново — место, «откуда есть пошли» современные Нефтяные Камни. Название, конечно, не из красивых, да и вряд ли применимо в официальных документах. Но в обиходе — только Чваново, тому есть объяснение, об этом позже.

Это остров, единственный кусочек обжитой суши чуть больше четырех гектаров. С одной стороны к нему подходит эстакада, с другой — причал. К причалу швартуются суда с грузами, они тут все время: как-никак на Камушках несколько тысяч человек, их надо обеспечить всякой всячиной и для работы, и для жизни.

Суда тут есть постоянные и временные. Временные покачиваются у причала, трутся о него, словно почесывают свои помятые бока. Некоторые из них уютно приткнулись в уголках бухты. В любой момент они могут уйти отсюда порожняком, с грузом, с людьми...

Постоянным не уйти никуда. Их мачты не вторят игре волн, с бортов облезла краска. Никогда не оживут их двигатели, не забурлит за кормой вспененная винтами волна. Их судьба — вечный покой. Они прочно стоят на завалах, полузасыпанные песком, гравием, обломками камней. К некоторым из них подошел асфальт, такое впечатление, будто суда выросли из земли.

Рядом бегут машины, рядом новенький пятиэтажный дом, электростанция, склады, и все там гудит, дышит. Внутри судов время

остановилось, оно даже двинулось обратно. Действительно, век нынешний и век минувший. Но связь между прошлым и нынешним как на ладони: новое выросло из старого, старое дало жизнь новому. Не то ли самое чувствуем мы, когда бредем полем или лесом и вдруг замечаем полуразвалившийся окоп, ржавые гильзы? Недалеко мирная жизнь, не знающая ни взрывов, ни танков, пахнет земляникой, теплой землей, и в небе басит пассажирский самолет.

Никто не забыт и ничто не забыто. Не только к войне относим мы эти слова. Вот вспомните или представьте себе 1945 год, радостный и трудный год с победным многоголосием гармошки, плачем осиротевших. А сколько планов зародилось и начало осуществляться в том же 1945 году, и каких планов! Еще бы! Казалось, только залечить раны, восстановить потерянное, а люди уже брались за дела, до войны казавшиеся мечтой и фантастикой. Тут и исследования в области ядерной энергетики, и подготовка к космическим полетам, и многое другое, даже сейчас поражающее воображение. И еще можно в ряду больших и малых начинаний заметить внешне незначительное событие — начало систематического изучения Нефтяных Камней. А уже в 1948 году сюда высадились строители; стало быть, страна взялась за освоение Камушков, значит, уже были выделены миллионы и миллионы на это дело, значит, чертежи эстакад созрели в головах проектировщиков. И все это в 1948 году, через три года после разрушительнейшей из войн, с размахом, с жаждой созидания и упорством, не поколебленными ни жертвами, ни разрухой...

Люди работали, строили домик на сваях и первую вышку в открытом море. Иногда, когда особенно волновалось море, они чертыхались: разве мало нефти на берегу, разве нельзя ее добывать там? Нефть на берегу добывали, но ее уже было мало для страны, нужны были новые месторождения. А Камушки обещали многое.

Еще в 1781—1782 годах Каспий исследовала эскадра под командованием капитана Войновича. Когда эскадра находилась неподалеку от Нефтяных Камней, моряки заметили: пахнет нефтью. В путевом журнале появилась запись: «Явление сие иначе растолковано быть не может, как тем, что плавающая оная на поверхности моря нефть выходит из самородных ключей, на дне находящихся, и по легкости своей наверх всплывает, ибо как весь бакинский берег изобилует такими ключами, что весьма вероятно, что некоторые из них простираются своими проходами и до глубины морской».

Через сто лет драматург А. Н. Островский побывал около Баку в местах, схожих с Нефтяными Камнями. «Мы выехали на то место в море... где из земли выходит газ и является на поверхности моря в виде пузырей. С баркаса кинули зажженную тряпку, и море загорелось. Мы входили в самую середину огня, и наш баркас был объят на несколько минут пламенем. Такое явление не увидишь нигде на земном шаре...»

Вот что обещали Камушки — нефть, газ, которые прямо-таки сами просились в руки человека.

Первый жилой домик строителей и сейчас стоит на острове. Маленький, на тонких сваях, он сохранен в своем первозданном виде и стал теперь частью музея. А рядом с музеем и домиком есть еще одна реликвия — первая пробуренная здесь скважина. У скважины люди поставили памятник тому, кто бурил ее в 1949 году, кто первым нашел нефть и кто погиб на Нефтяных Камнях во время страшного шторма,— Михаилу Каверочкину.

Жил он широко и широко был известен. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, участник Конгресса сторонников мира, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджана — у него много было наград, много титулов. Но остался в людской памяти Каверочкин не столько лауреатом, оратором и общественным деятелем, сколько умелым буровым мастером.

Его помнят, еще как помнят! Уверен и спокоен был Каверочкин, когда приехали бурильщики на Нефтяные Камни. Скользкие скалы, домик на сваях и буровая, а кругом море, сколько ни смотри, ни напрягай глаз. Притихли люди, поеживаются на ветру, зябко и неуютно тут.

— Ну, сынки, что приуныли? — у Каверочкина не было детей, звал он рабочих сыновьями, а те его батькой.

— Надо же, куда забрались, батя. А если шторм? Смоет ведь.

— Забрались-то недалеко, еще дальше заберемся. А делать будем одно — работать.

Помнят его настоящим батькой, заботливым, никогда не забывал он распорядиться, чтобы нагрели рабочим ведра два воды после спуска или подъема инструмента, самой грязной операции. И как всякий добрый батька, Каверочкин учил их работе и, бывало, наказывал, но по-своему, по-отцовски. Ночью пригреется ктонибудь у насоса, а он обязательно в этот момент придет, легонько толкнет в бок.

— Ты что, дорогой? А ну пойдем!—возьмет за ухо и тянет.—Иди, замеряй удельный вес раствора, нечего дремать в рабочее время.

Замерит «сынок» удельный вес, откроет журнал, а там уже все записано. Каверочкин стоит рядом, добродушно посмеивается:

— В другой раз не спи.

Помнят его сильные руки, когда, засучив рукава до локтей, давал отдых уставшим рабочим и сам бурил, таскал элеватор. А вот стоит он на берегу островка, лобастый, плотный, потирает руки, говорит: «Ох, и дела же будут, ребята». И все смотрят, как «Чванов», древний пароход, с ходу садится на скалы, чтобы стать и жильем, и клубом, и площадкой для глиномешалки. И еще шесть судов были затоплены здесь — так появилась бухта, так возникла на Нефтяных Камнях временная база нефтепромыслового хозяйства. И название Чваново отсюда, по имени первого парохода, затопленного на скалах.

Жили на пароходах, работали на острове. Когда налетали многодневные штормы, прятались в кубриках, слушали по радио футбольные репортажи Синявского и ели борщ, сваренный на минеральной воде: пресной не хватало.

Помнят Каверочкина тамадой в ноябре 1949 года. Седьмого ноября, в праздник, хлынула на пробуренной скважине нефть — первая нефть на Камушках. Приехали из Баку гости, было застолье. Тамада Каверочкин говорил о нефти, пусть она течет, не переставая, говорил о городе, который встанет на сваях, говорил, что проживут они еще сто лет и пробурят много скважин. Через восемь лет Каверочкин погиб вместе с рабочими, и это тоже случилось в ноябре. Счастливым и грустным бывает ноябрь на Камушках.

Трудное то было время — время открытий и становления. Это сейчас хорошо вспоминать, как варили из «Арзни» борщ, как к буровой от «Чванова» шли по мосткам, прогибавшимся над морем, как по многу суток из-за непогоды ждали смены. Но не только неустроенность осталась в памяти основателей Нефтяных Камней. Гораздо чаще иное всплывает в разговоре: мощный фонтан нефти, первый танкер, пожаловавший за этой нефтью, начало строительства эстакад над морем, первая автомашина, двинувшаяся по настилу. И дело тут, вероятно, не столько в избирательной способности памяти, удерживающей по преимуществу хорошие, добрые события, сколько в объективном законе жизни: эти люди отдали Камушкам лучшие годы, здесь оставили они часть своей души. Разве можно отказаться от этого? Ведь тогда надо отказаться от самого себя.

Недаром тот, кто первым пришел на Нефтяные Камни, никуда не уходит отсюда; специалистов с двадцатилетним стажем немало. Много найдем причин подобному постоянству, но нет смысла искать их лишь в зарплате, в большом количестве выходных дней и в прочих материальных благах. Разве найдешь еще на земле место, где был бы знаком каждый метр сооружений, где все росло на твоих глазах, где обо всем с полным правом можно сказать «мое», где каждый твой шаг по жизни овеществлен и нагляден? Уже только по одному современному Чванову с недавно воздвигнутым пятиэтажным жилым домом можно судить о себе, своих товарищах, а если добавить сюда больше двухсот километров эстакад над морем, приплюсовать миллионы тонн нефти, добытые за двадцать пять лет существования промысла, то как не сопоставить все это с прожитыми годами, прожитыми, значит, совсем не зря. Потому и трудно уходить отсюда. В народе говорят: припекло или приросло сердце.

В сумерках неспешно иду по эстакадам в центральный поселок. Море неспокойно, оно шипит раскрытой пастью волны, вздрагивает эстакада, ветер прижимает к перилам, рвет шапку. Около скал, которых в темноте не видно, белеют клочья пены. А впереди огни, там город, центр Камушков.

По эстакадам ходят пары, светится киоск с сувенирами, в чайхане сидят любители поговорить, чайханщик только успевает нали-

вать стаканы. Кругом движение, шумно, из столовой доносятся «очереди» кассовых аппаратов, стук ложек: только в библиотеке тихо, говорят шепотом.

Время близится к двенадцати, людей все меньше. Усилился ветер, и громче шум моря. Похолодало. Запотели стекла оранжерей, там дозревают в кадках мандарины, растут цветы. И на причале цветы, зеленые кустики, их привезли из Баку, землю тоже привезли с берега. Гаснут огни в общежитиях, я иду от домика к домику, пока у крайнего не застаю такую картину: по деревянному настилу прогуливаются голуби.

— Никак не загоню,— говорит усатый человек.— Хозяин на берегу, а я только освободился, накормил их. Домой, домой! — шепотом зовет он голубей и подгоняет их взмахом руки.

Эстакады уходят в море, в ночь, обозначая свой путь пунктирами огней. Далеко-далеко разбежались огни. Гораздо дальше, нежели видит глаз. Уже бурят у туркменских берегов и дагестан-

ских, там встали вышки, соединенные эстакадами,— это дети Нефтяных Камней. По бакинскому рецепту начали штурм нефтяных глубин болгарские друзья в Черном море... Где встанут следующие города на сваях? Да везде, где найдут нефть недалеко от берега, на небольших глубинах. И с полным правом можно будет сказать о них, что все они потомки Нефтяных Камней.

4

Катеру давно пора отвалить, а он все стоит у причала Чванова, приседает на пологой волне и тыкается носом в бетонную стенку. На палубе доски, трубы, какие-то приборы, там не то что сесть, встать негде, а с берега кричат, что надо погрузить еще несколько бочек с авиационным маслом.

Три дня штормило. На буровые, расположенные на отдельных основаниях, попасть было нельзя. И вот теперь катер загружают сверх всякой меры, палуба его постепенно превращается в склад. Капитан катера появляется на носу, стоит молча несколько секунд и вдруг, мгновенно покраснев, рявкает басом:

— На голову мне ничего поставить не хотите?

— А я, братцы? — кричит слесарь Погодкин. Он суетится, делает вид, что боится прыгать на палубу, потом осторожно опускает одну ногу, отдергивает ее, опускает другую.

— Ты куда, Леша? — спрашивает Погодкина пожилая женщина, она отвечает за сбор металлолома на Нефтяных Камнях и хочет посмотреть, нет ли чего из этого лома на буровых в море.

— Да к Полякову, у него автоподъемник барахлит... Кому лудить, паять? — кричит фальцетом Погодкин.— Старье берем, новое даем.

— Ах, Леша, Леша,— вздыхает женщина.

— Что — Леша, ну что?

Он прислоняется к бочке, курит огромными затяжками, покусывает губы и, сняв кепку, расчесывает пятерней свалявшиеся волосы. Женщина смотрит ему в спину, что-то шепчет, потом подходит и поправляет воротник куртки.

— Катя! — отшатывается слесарь.— Дай покурить спокойно.

— Да ты кури, кури,— нараспев, жалостливо говорит Катя.— Кури себе. Я просто так, не сердись. Чего сердиться?

Наконец мы отваливаем. «Сумгаит» — так зовут нашу посудину — пятится задом, разворачивается, выползает из бухты, и тут капитан дает «полный вперед». Смело лезем на волну. Справа эстакада, она еще долго будет сопровождать катер. Кажется, будто эстакада не стоит на месте, а, торопливо перебирая стальными ногами, шагает по морю вместе с нами.

«Сумгаит» помят, давно не крашен, но работает ведь, вон сколько пены взбивает за кормой. Но не белоснежна эта пена, много желтых пятен. Дорого обходится морю соседство с промыслом.

Здесь, на Камушках, по-разному относятся к этому вынужденному соседству. Одни считают, что нефть, особенно нефть морских промыслов, безусловно губит все живое в море, губит берега, растительность на дне. Пессимисты (назовем их так) поговаривают даже о том, что в интересах будущего Каспия надо чуть ли не закрыть морские промыслы. У оптимистов другая точка зрения. Разве не выходила нефть со дна пятьдесят и сто лет назад? Разве это мешало рыбе, она прекрасно себя чувствовала. Во всем виноваты, считают они, химические предприятия, гидростроители: они лишили рыб естественных нерестилищ, построили неважные лифтоподъемники. Виноваты и сами рыбаки: ловили молодь ценной рыбы.

Но и те и другие выражают крайние точки зрения, истина, как всегда, где-то посредине. Давайте присмотримся к Каспию, его особенностям. Главное — он оторван от океана, сточные воды, плотины, отходы производства, разработка нефти со всеми вытекающими отсюда последствиями особенно чувствительны для Каспия. Его окружают промышленные районы Урала, Кавказа, Туркмении, Астраханской области. Везде химия, нефтепереработка. Доля токсичных примесей постепенно росла в Каспии, и, конечно, это почувствовали сазан и стерлядь. Белорыбицу называют индикатором чистоты водоема. Так вот, только с помощью искусственного размножения удалось избежать исчезновения белорыбицы. На грани истощения были еще недавно запасы воблы, кутума, леща, судака.

Но особенно тяжело пришлось осетровым — нашей гордости и богатству. За полвека их промысел в Волго-Каспии значительно упал. И особенно мало этой рыбы там, где добывают нефть.

Так что же, закрывать нефтепромыслы в заботе о будущих поколениях или не обращать внимания на нефть? Ведь действительно она выходила со дна моря и много лет назад. (Оптимисты забывают только, что без помощи человека нефти выходило неизмеримо меньше.) Спор этот уже решен: в конце 1968 года вышло постановление Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря». Нефтепромыслы не ликвидируются, и химические, нефтеперерабатывающие заводы никуда не будут переведены. Смысл решения объективен и разумен: нельзя надеть на Каспий некий колпак, нельзя поместить его в вакуум, но можно и должно принять все меры, чтобы человек не загрязнял среду, в которой живет, работает, отдыхает и где будут жить его потомки.

Если говорить только о Камушках, то там возведен комплекс по сбору и утилизации пластовых вод. Стройка обошлась в пять миллионов рублей. Цифра, конечно, большая, да и строить в ста километрах от берега нелегко, но этот комплекс необходим промыслу. Ведь до его создания ежесуточно в море сбрасывалось шесть— восемь тысяч кубометров попутных пластовых вод. Теперь их откачивают со всех сборных пунктов, отделяют от нефти, очищают от песка и закачивают в нефтеносный пласт.

Это основное (кстати, предполагается его модернизация), но не единственное сооружение, которое предотвратит загрязнение Каспийского моря у Камушков. Добавлю еще, что в бакинском институте «Гипроморнефть» создана лаборатория, задача которой — борьба с загрязнением моря при добыче нефти. И воображение уже рисует такую картину: с эстакад ловят рыбу, вернувшуюся в районы промыслов, на воде нет разводов нефти, купаются люди не в искусственном бассейне в Чваново, а прямо в море, и за кормой катера, идущего около Нефтяных Камней, встанет не грязно-желтая волна, а белоснежный бурун, как тому и положено быть в море.

...Наш «Сумгаит» оторвался от эстакады, впереди — лишь одни отдельные основания. Это по сути дела кусочки эстакады в море, по два кусочка. На одном (частые сваи) — буровая, на другом (сваи пореже, чтобы меньше было сопротивление волне на случай большого шторма) — домик. Оба кусочка соединены мостиком, в одном месте люди работают, в другом отдыхают. Вот к такому отдельному основанию мы и подходим сейчас на небольшой, как мне кажется, волне. Но у самых свай катер начинает кидать вверх и вниз, теперь видна амплитуда волны, и приходится подолгу выжидать, пока можно будет без риска спрыгнуть с палубы на площадку из металлических прутьев. На площадке стоит буровой мастер Александр Поляков. Он протягивает гостям руку, но не для рукопожатия, а чтобы удобнее было прыгать.

Катер остается внизу, продолжает свою пляску у свай, а мы лезем по узкой железной лестнице длиной метров двенадцать.

— Здорово! — кричит рабочим Погодкин.— Ломаем, значит, технику? Не бережем социалистическое имущество?

— Да эту технику в металлолом давно пора,— отвечает мастер.

Наша спутница оживляется, заинтересованно смотрит на автоподъемник, но слесарь уже командует Полякову:

— Давай ведро. Техника им не нравится, бракоделам, только ломать и умеете.

Он осматривает мотор, ходит вокруг автоподъемника, но ни к чему не прикасается.

— Не заведешь,— бурчит Поляков.— Я пробовал.

— Пробовал... Ты бензину налей.

— Там есть немного.

— Налей, руки не отвалятся.

Поляков качает головой: «Нет, вы посмотрите, ну и гусь, раскомандовался тут, —ведь все-таки здесь я начальник».

— Что-то много командиров развелось,— говорит наконец он и наклоняет бочку, так что бензин проливается на настил.

— Может, ты на кого сердит? — спрашивает Погодкин.— Может, с женой поругался?

Вокруг слесаря собралось уже человек шесть. Леша чуть-чуть играет, и вообще все это похоже на небольшой спектакль.

— Искра есть? — спрашивает он.

— Тебе видней.

— Искры нет, счастья нет. Ну, попробуем.

Он нажимает на стартер, пробует завести двигатель, но безуспешно. Поляков иронически хмыкает у него за спиной. Слесарь оборачивает к зрителям хитровато-озабоченное лицо.

— Что же делать будем, братцы? — трагически шепчет он.— Техника не слушает человека.

— Хватит трепаться! — злится Поляков.— Чини давай!

Он пинает ногой двигатель.

— Правильно, молодец, его завсегда надо сапогом. Дай бумаги.

— Какой бумаги?

— Эх! — вздыхает Погодкин, достает пачку папирос, отрывает два кусочка бумаги. Подкладывает их под какую-то деталь в двигателе, швыряет окурок в море и кричит сам себе: — Заводи!

Опять начинает раскручивать двигатель, жмет, жмет на стартер, а свободной рукой прикрывает трубку, через которую воздух поступает в карбюратор. Прикроет, откроет. Мотор чихнул. Чихнул еще раз. В такт ему приподнимается ладонь, своеобразный регулятор подачи воздуха. Мотор сбивчиво затарахтел, ладонь прямо-таки затрепетала над трубкой все быстрее и быстрее, и мотор быстрее зачихал, а ладонь, кажется, подгоняет его: давай, родной, давай! Все, как завороженные, смотрят на работу слесаря. Наконец мотор взревел, и тогда Погодкин убрал ладонь с трубки.

— А? — спросил он и обвел глазами зрителей. Потом бросился в кабину, поддал газу, прогрел мотор, и вот стрела автоподъемника двинулась, крутнулась к краю основания, и пополз вниз крюк, к катеру, где готовы были подцепить бочки.

Начинается разгрузка, слесарь что-то кричит сквозь шум мотора, но ему уже воздали должное, все расходятся по своим местам. Поляков приглашает меня в домик.

— Вот так и живем,— говорит он, когда мы заходим в его комнатку.— Иной раз так прихватит (волна большая или шторм), и сидим тут три дня, четыре, а то и больше. Это все ничего, лишь бы дома было хорошо.

Он теребит свои рыжие усики, они придают его лицу нечто гусарское, лихое.

— Вообще-то здесь ничего, особенно когда работа идет.

В домик входит Погодкин, смотрит на мастера, мнет в руках кепку.

— Саш, а Саш, не сердись, что немного подурачился.

— Да я разве сержусь? За что, Леша?

— Пошли, зовут, Саша, тебя.

Они уходят из домика, я долго сижу один. В домике полумрак, тихонько посвистывает ветер, дребезжит плохо закрепленная рама...

5

Через день, утром двадцать первого ноября, я встретил Полякова и Погодкина в центральном поселке Нефтяных Камней. Все смены тогда задержали, люди вышли на эстакаду. Еще не рассвело, горели фонари. Без пяти семь принесли цветы. Огромные ящики с хризантемами. Их поставили прямо на настил.

Ровно в семь над Камушками взвыла сирена.

В этот день, в страшный шторм 1957 года, погибли вахты Каверочкина и Багирова.

...Утром сияло солнце, ветра почти не было. Вахта Каверочкина и вахта Сулеймана Багирова, другого бурового мастера, благополучно добрались до своих отдельных оснований. Люди приступили к работе, как всегда. О приближающемся шторме никто не знал, да и не предполагал даже, что на Каспии бывают такие бури. К середине дня поднялось волнение.

К вечеру шторм гудел в полную силу. На самих Камушках летели выбитые стекла, дрожали эстакады, и баркасы еле держались у причала. Многие нефтяники ушли в Чваново: там все-таки суша, твердая земля. Огромные волны били в настил, а ветер валил с ног. Говорят, достигал скорости пятидесяти метров в секунду. Шторм перешел в ураган.

Хуже всего было, конечно, людям на отдельных основаниях. Оторванные ото всех, они не могли надеяться на чью-либо помощь. Последний разговор с Каверочкиным был без десяти три. К ночи у них погас свет, но радиосвязь не прервалась. Каверочкину ответила девушка в радиорубке Нефтяных Камней.

— Дай дежурного,— сказал он.

— Занят дежурный,—ответила девушка.— Как там у вас, дядя Миша?

— Ничего, дочка, пока держимся. Качает только здорово, уж больно сильно качает.

— Так будете ждать дежурного?

— Не надо, дочка, пойдем на буровую, греться будем у дизеля. До свидания, дочка.

Больше никаких разговоров не было ни с Каверочкиным, ни с Багировым. Суда, вызванные через день, когда поутихло, на месте отдельных оснований ничего не обнаружили, только волны. Основания повалило в море и оттащило куда-то в сторону. Вместе с Каверочкиным и Багировым погибли бурильщик Ибрагим Курбан оглы Садыхов, помощник бурильщика Фарман Мамед оглы Рзаев... Две полные вахты и еще шесть человек, оставшихся на площадке в конце эстакады. Площадку разрушило.

Это им, погибшим товарищам, принесли сегодня цветы нефтяники.

Вместе с Погодкиным и Поляковым я подошел к ящику с хризантемами, взял цветок и бросил его в море. Он пах горьковато и нежно, ветер отнес его далеко от эстакады. Люди стояли у перил,

сняв шапки, и смотрели на сотни цветов, плывущих по морю. Море слегка волновалось.

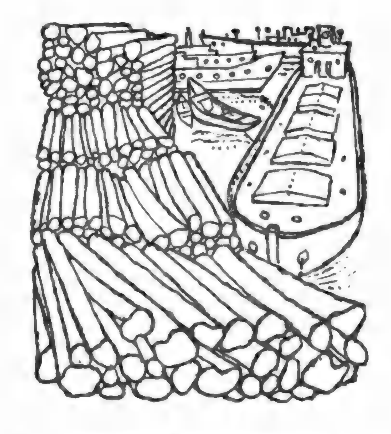
Сирена выла, не умолкая. Хризантемы сносило течением, волны разбивали их, по воде за каждым цветком тянулся белый шлейф из лепестков. А у черных камней, кое-где выступавших из воды, билось море. Камни сами были похожи на огромные цветы в пышной пене. И от них тянулся белый шлейф далеко-далеко.

И опять подходил к причалу «Волгоград», и опять его ждали сотни людей, и опять казалось, что народ собрался для встречи приезжающих. А потом «Волгоград» басовито распрощался с Камушками, отдал концы, и Камушки стали удаляться. Вот они далеко на горизонте, издали что-то вроде города: огромные цистерны для нефти — высотные дома, общежития — пригороды, а эстакады — дороги.

Пароход мерно вздрагивает, Камушки затянуло дымкой, к ним протянулась от кормы ровная дорожка — недолгий след нашего судна.

ОБ АВТОРЕ

Гербачевский Виталий Петрович. Родился в 1937 году в городе Александровске-Сахалинском. Окончил военное радиотехническое училище и факультет журналистики МГУ. Служил в авиации, после демобилизации работал в Радиотехническом НИИ АН СССР, в газете «Московский комсомолец», в редакциях журналов «РТ» и «Знамя». Автор нескольких книг («Вдоль по берегу Ледовитого», «Северная трасса», «Тишине доверять нельзя») и ряда рассказов, опубликованных в журнале «Знамя». В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над книгой очерков «Восхождение».

ВАЛЕРИЙ ЗУЕВ

ЦЕЛЬ ИЗЫСКАНИЙ — КАЙТЫМ

Повесть

Каждую весну, чуть только стихнут февральские метели и март-зимобор высветит заснеженные поля и леса разливом солнечных лучей, начинается подготовка к страдной поре изыскательских работ. Мы не дрейфуем на льдинах, не зимуем в Антарктике, не ищем алмазы в Якутии. Наш институт проектирует предприятия лесной промышленности, и наша работа — изыскания для организации заготовки леса, его транспортировки и переработки. И потому наше место там, где чистые лесные реки, где зимой тайгу покрывают девственные белые снега, а летом она величава в своем зеленом убранстве.

Начинается же наша работа весьма прозаично. Руководитель гидрологической группы достает перечень объектов изысканий и приступает к выявлению кандидатур. Сначала идут объекты мелкие, не вызывающие особых споров. Но вот шеф поверх больших роговых очков строго взглядывает на подчиненных.

— Есть здесь один объект,— шеф намеренно не называет его.— Срок — месяца два, но,— следует строгое добавление,— возможно продление еще на столько же.

Строгость эта особого впечатления на нас не производит. Мы знаем, что она вызвана сейчас только тем, что объектов много, больше, чем сотрудников группы, и нужно придать разговору надлежащий тон. А вообще Николай Константинович весьма деликатный человек и к тому же обладает немалым чувством юмора, что весьма ценно в беспокойной обстановке изыскательских работ.

— Так что, нет желающих? — Николай Константинович вопросительно смотрит на меня.— Долговато, правда, но зато утки там, рыбы — невероятное количество.

Я молчу. Намерения шефа мне ясны, как день: жмет на больное место. Но в это лето мне не хочется забираться надолго в тай-

гу. В прошлом году был на изысканиях от снега до снега, дела домашние поднакопились, да и вообще не мешало бы хоть раз сходить в отпуск летом.

Николай Константинович мечтательно поднимает глаза к потолку и говорит волнующим баритоном:

— Когда-то, в молодости, я рвался на Ангару, но все откладывал да откладывал поездку, а теперь вот жалею...

— Причем тут Ангара? — осторожно начал я зондировать почву,— ведь этот объект сняли.

— Да нет, почему же? — уже будничным тоном сообщает шеф, почувствовав, что я начинаю заглатывать крючок с наживкой,— думали снять, да пока оставили...

Красавица Ангара, сколько о тебе я слышал и читал! Но все не приходилось побывать на твоих берегах, посмотреть быстрые и чистые твои струи.

— Правда, сначала не сама Ангара, а небольшой приток — Кайтым. Ну, а потом уж и Ангара,— осторожно уточняет Николай Константинович. Но мне уже все равно, путей для отступления нет.— А поедет с вами Потехин из сплавной группы.

С Потехиным на изысканиях мне бывать еще не приходилось. Родом из Чувашии, Франциск внешностью несколько походит на своего прославленного земляка космонавта Николаева. Широкое открытое лицо, темные глаза, негустые прямые волосы. Роста Франциск выше среднего, плотно сложен, по комнате ходит чуть боком, словно опасаясь задеть конторские столы, к сидению за которыми явно непривычен. Никогда не вымолвит лишнего слова, а если и говорит, то неспешно, растягивая слова. Рос он в селе, окончив школу, приехал в Москву поступать в строительный институт, но городская сутолока пришлась не по душе, и выбор пал на лесотехнический, расположенный чуть поодаль от Москвы. После института работал на сплаве леса, строил плотины. У меня сложилось о нем мнение как о молчуне и несколько инертном человеке, с которым в экспедиции пропадешь от скуки. Но мнение мнением, а работа работой. И наши пути сошлись почти на целых полгода и завели до самого устья Ангары.

Недалеко от города Канска, на реке Усолке, стоит село Тасеево. Расположено оно на северной окраине Канской степи — старинного земледельческого округа. Черноземные степи переходят здесь в сосновые боры Тасеевской тайги, замечательной не по-сибирски пышной растительностью. Там, где гривы боров перемежаются с березовым мелколесьем, в заболоченной котловине берет начало Кайтым — цель наших изысканий. Он как бы двоюродный племянник Ангары. Пробежав около семидесяти километров среди увалов и холмов, Кайтым впадает в Бирюсу, воспетую поэтами и известную местным жителям под названием Óна. Ниже, километров через пятьдесят, Бирюса сливается с Чуной.

Еще ниже в Чуну впадает Усолка, и с этого места река получает наименование Тасеевой. А вот уже Тасеева — одна из старших сестер могучей Ангары — впадает в нее величавым потоком. На аэрофотопланах Кайтым выглядит хоть и небольшой, но вполне приличной рекой, делающей в верховьях несколько крутых излучин наподобие восьмерки. Берега сплошь покрыты тайгой. Еще в Москве, изучив фотопланы, мы наметили маршрут: вниз по Кайтыму, далее по Бирюсе до устья Усолки, где также запланировали кое-какие работы, и вверх по ней, замыкая кольцо (обе реки текут параллельно друг другу и верховьями почти сходятся). Наша задача была на первый взгляд несложной. На Кайтыме проектировались три водоподъемные плотины. Нам предстояло измерить скорости течения и расход воды при разных уровнях, а также составить подробную гидрографическую характеристику Кайтыма. Кольцевой маршрут длиной свыше 150 километров нужно было проделать раза три-четыре.

И вот позади хлопоты с отправкой багажа, самолет перенес нас из Москвы в Красноярск. Далее Канск, Тасеево и, наконец поселок лесорубов в верховьях Кайтыма. Название поселка чисто, сибирское — Черемшаный. Расположен он на склоне высокого левого берега реки. Сразу за крайними домами — тайга. У реки на высоком фундаменте стоит контора Кайтымского лесозаготовительного участка, который входит в Тасеевский леспромхоз. В иные годы полые воды подступают к самым дверям конторы, и служащие добираются сюда на лодке, зачаливая ее за перила крыльца. Но проходит половодье, и поселок утопает уже в другом разливе — черемуховом. В это время по берегам реки зеленой щеткой высыпает черемша — дикий лук, от которого и получил свое название поселок. Черемша представляет собой чрезвычайно важный для населения продукт — практически единственный природный источник витаминов весной и ранним летом. Черемшу употребляют и в свежем виде со сметаной, и в виде приправы, заготавливают впрок — соленую, квашеную. Очень любят здесь и другой лесной продукт — ягоды черемухи. Их сушат, толкут и кладут в пироги, варят кисели. Только в Сибири мне приходилось есть ватрушки с черемухой. Но все это приносит лето, а наступает оно в Черемшаном ох как поздно! Мы с Франциском приехали в первых числах мая. Весна еще только проглядывала сквозь хмурые облака. Поселились в общежитии. Разобрали имущество, протерли и проверили инструменты. Особенно долго возились с охотничьими ружьями. Свою двустволку я так и не удосужился почистить за зиму, и она была изрядно запущена. У Франциска же оружие было примечательное — бельгийское курковое ружье узорчатой букетной стали. Чувствовалось, что побывало оно в руках не одного охотника, не раз слышало трубные звуки стаи гончих, добиравших русака. Красавицы борзые, распластавшиеся в погоне за красным зверем, прямо с поля перенеслись на стволы ружья, застыв серебряной гравировкой. И уж, конечно,

на фоне зубчатых вершин по-весеннему прозрачного леса ловило оно на прицел хоркающих и цвиркающих вальдшнепов.

Мне не терпелось побродить в окрестностях поселка, и утром следующего дня, отложив все дела, я отправился вверх по Кайтыму. По рассказам местных жителей, километрах в четырех от Черемшаного находилась заброшенная мельничная плотина, и выше ее по течению был небольшой плес. За первой же излучиной реки я попал в непролазную чащобу. Пойма заросла черемухой, ивами, шиповником. Кусты и деревья переплелись сухими стеблями крапивы, удивительно прочными и колючими. Под пологом урема — толстый слой слежавшегося снега. К самой реке подойти невозможно: разлив, хотя и небольшой, затопил нижнюю часть поймы. Оцарапав о кусты и крапиву руки и начерпав в сапоги мокрого снега, я пошел к дороге, идущей чуть в стороне от реки.

Дорога вывела меня к дамбе, насыпанной поперек поймы. Слив плотины сохранился и образовывал небольшой порог, через который с шумом переливалась вода. Пенящиеся струи в нескольких метрах ниже порога пропадали за небольшим мыском, словно прячась в густые заросли тальника. Сохранившаяся насыпь и должна была стать основой одной из плотин. Присев на сваю, возвышавшуюся у прорана, и рассеянно глядя на пенящийся слив, я стал прикидывать, каким образом оборудовать над ним висячий мостик для измерений. В этот момент из-за мыска бесшумно вылетела пара кряковых и села на воду ниже слива, почти под моими ногами. Сложив крылья, утки, словно резиновые, мелко запрыгали на ряби потока. Некоторое время они сидели спокойно, но вот одна из птиц повела шеей и наклонила голову так, что один ее глаз стал смотреть на небо, а другой на воду. Некоторое время утка, вероятно, сравнивала обе свои стихии. Внезапно ее внимание привлекли мои очки. В тот же миг утка с плеском и брызгами взлетела в воздух. За ней без размышлений последовала и другая. Пока я осматривал плотину, над рекой несколько раз проносились небольшие стайки чирков, но высоковато. Вот над мысом, совсем рядом, появились три кряковые. Увидев меня, утки резко взяли вверх и в сторону. Однако я успел выстрелить. Одна утка упала на кочку, возвышавшуюся на затопленной пойме метрах в трех от берега. Между кочкарником и берегом находилась залитая водой промоина. Пришлось сделать порядочный крюк, чтобы обойти ее. Перебираясь потихоньку с кочки на кочку, я добрался до места, где лежала утка, и не нашел ее. На сухих, обломанных будыльях тростника пестрело лишь несколько растрепанных пушинок, а на снегу явственно видны были следы лапок, ведущие к краю кочки. И все-таки я возвратился домой не с пустыми руками: по дороге к поселку удалось добыть чирка.

Несколько дней спустя Франциск отправился вниз по Кайтыму с бригадой сплавщиков. Тракторный прицеп был загружен хозяйственным скарбом — матрацами, кроватями, мешками с продуктами и такелажем — бухтами тросов, цепями, скобами. На

самый верх забрались рабочие. К ним присоединился Франциск. Трактор затарахтел, дернулся, за ним, подпрыгивая, двинулась тележка, увозя моего напарника, держащегося одной рукой за борт, а другой крепко сжимающего свое уникальное ружье.

Мои дни проходили в непрерывных трудах. Уровень воды нарастал, и каждый день приходилось измерять ее расход то у самого Черемшаного, то на плотине. Рабочих найти никак не удавалось: все трудоспособное население поселка было занято подготовкой к вывозке заготовленной за зиму древесины. Наконец я уговорил поработать в свободное время сторожа леспромхозовского склада Михаила Петровича, который сутки дежурил, а двое был свободен. Правда, мой новый помощник не отличался крепким здоровьем, да и был уже в годах, но помочь все же мог. Измерения расхода воды — в общем-то вещь несложная. Сидишь в лодке, зацепленной за перекинутый через реку трос или держащейся на якорях, и лебедкой опускаешь на тросике на разную глубину гидрометрическую вертушку с подвешенным к ней грузом — чугунной «рыбиной» на пять или десять килограммов. Работа довольно однообразная. Главная трудность — натянуть трос. А потом, наладив лебедку, начинаешь измерения, а тут уж в любую погоду — ветер ли, дождь ли, снег ли — терпи, казак! Конечно, есть и иные, новейшие методы. Но они требуют более сложной техники, громоздкого оборудования, а потому и применяются на больших реках. Ну, а на малых пока самое надежное — лодка и вертушка.

Во время очередного измерения на Кайтыме пошел дождь со снегом. Я поднял капюшон и сидел, нахохлившись, отогревая под полой то одну, то другую руку. Михаил Петрович тоже приуныл. Ветер налетал порывами, а когда стихал, снежинки, медленно кружась, мириадами мотыльков садились на воду. Промозглая тишина нарушалась лишь всхлипами речной струи, разбивающейся о нос лодки, да глухим бряцанием звонка, отмечающего число оборотов вертушки. Почти механически я заносил в журнал данные. Внезапно Михаил Петрович оживился и стал рассматривать что-то. Оторвавшись от секундомера, я тоже глянул в том направлении, но ничего особенного не увидел и снова занялся своим делом.

— Однако, человек плывет,— произнес Михаил Петрович.

Я не уловил смысла его слов и промолчал.

— Человек, говорю, плывет,— настойчиво повторил мой помощник. Я снова взглянул на реку и увидел, что из-за поворота появился человек. Сплавщик стоял на небольшом плотике и, управляя багром, держался середины реки. Нас и натянутого троса он не замечал.

— Берегись! — закричал Михаил Петрович.

Рабочий встрепенулся и стал быстро работать багром, подгребаясь к берегу. Но течение неумолимо несло его на трос. Тогда сплавщик, оказавшийся молодым парнем, легко перепрыгнул с плотика на плывущее рядом бревно, и не успело оно качнуться, как он уже был на следующем. Стоило ему на мгновение замеш-

каться, опора тут же ушла из-под ног: бревно перевернулось вокруг продольной оси. Погрузившись почти по грудь, парень все же не выпустил багра, уцепился им за ветки прибрежного тальника и с кошачьей ловкостью выскочил на берег. Тут он громогласно стал высказывать все, что думает о нашем тросе, нас самих и всех наших предках. Конечно, мы были виноваты, что не вывесили на тросе сигнальных флажков, но ведь и нас никто не предупреждал о начале работ на реке. Но нам было не до спора. Плот сплавщика тем временем навалился на трос, закрутился, притянул его к воде. Лодка заходила ходуном, нос ее притонул. Я выхватил из воды вертушку с грузом, хотел было сбросить трос, пропущенный через два крюка, ввинченные в борта, но не тут-то было: трос все сильнее прижимало к лодке. «Не миновать купания»,— мелькнула мысль. И в этот момент раздался знакомый спокойный голос:

— Рублю трос, снимай его с крюков.

На берегу стоял Франциск с топором в руках. Тут же лодка встрепенулась, словно сбрасывая с себя тяжесть, и свободно двинулась по течению. Несколькими ударами весел мы подогнали ее к берегу. Не скрывая радости, я подошел к Франциску, который уже сидел на бревне и спокойно смотрел на нас, поглаживая подбородок с отросшей щетиной.

— Ну, спасибо,— начал было я свои благодарности,— вовремя ты подоспел.

Франциск мельком взглянул на меня и, пропустив эти слова мимо ушей, врастяжку прочел нотацию о том, что в лодке всегда должен быть топор. Не привык, видно, к сентиментальностям мой спутник. Но по всему было видно: доволен, что оказал нам помощь, и вообще рад встрече.

Вид у Франциска был усталый. Телогрейка в нескольких местах порвана и прожжена. На одном сапоге зияла дыра. Светлые стволы прислоненного к бревну ружья покрывали пятна ржавчины. Досталось, видно, за эти дни и ружью и хозяину.

Вечером, перекусив и отдохнув, Франциск немногословно поведал о своем путешествии. В первый день он добрался до бараков, расположенных примерно на полдороге от устья. Здесь трактор сломался. Решив не терять времени, Франциск вышел к Кайтыму, связал из нескольких бревен плот и отправился на нем в дальнейший путь. Плот, по словам Франциска, летел по реке, словно птица. Ночь провел в балке́, одиноко стоящем на берегу, а к обеду следующего дня был уже у цели путешествия. Мне, откровенно говоря, вся эта эпопея показалась не совсем правдоподобной. Плыть одному по таежной реке, к тому же незнакомой, и в половодье... Вряд ли я бы на это решился.

— Ну, а если бы тебе бало́к не попался, где бы ты ночевал? — стал я осторожно расспрашивать напарника.

— Топор есть, спички тоже, лес вокруг — не замерз бы у костра,— спокойно ответил Франциск.— Уток в устье, как ко-

маров. Налетают со всех сторон, чуть не заклевали.— Тут уж Франциск явно прибег к гиперболе, но тем не менее сердце у меня слегка заныло.

Бирюса еще только-только вскрылась, поэтому к устью Усолки водным путем Франциск добраться не смог. Установив на Кайтыме водомерный пост и договорившись с одним из местных жителей об измерениях уровня воды, Франциск отправился в обратный путь. Снег сошел, дорога была разбита тракторами. Половину пути пришлось брести, увязая по колено в жидкой грязи. Все это я понемногу вытянул из Франциска в течение вечера и следующего дня. Вдаваться в дальнейшие подробности он наотрез отказался, испугавшись, видимо, своей необычной разговорчивости.

— Поплывешь — сам увидишь,— последовало короткое резюме.

Через два дня Франциск ушел с утра вверх по Кайтыму к плотине, а вернувшись, вынул из кармана плаща убитого чирка, разделся, снял сапоги, поставил на печку сушиться, посидел, подумал и неспеша произнес:

— Тут один парень к нам на работу просится. Приезжал в леспромхоз устраиваться — не понравилось, теперь домой собирается ехать, на дорогу хочет заработать.

— Так веди его сюда, сам знаешь, что вдвоем нам не управиться.

Франциск молча вышел из комнаты и тут же вернулся в сопровождении мужчины лет тридцати, который назвался Виктором. Среднего роста, коренастый, со спокойным выражением светлых глаз, вошедший располагал к себе. Здороваясь, я ощутил крепкое пожатие его сухой ладони. Чувствовалось, что силой Виктор не обижен.

Раздумывать особенно не приходилось, и мы приняли Виктора в нашу компанию. За обедом он поведал свою короткую биографию. Родом из Белоруссии, где у него жена и ребенок. Лет семь служил на кораблях Тихоокеанского флота. Это сразу сблизило нас: ведь профессия гидролога — родная сестра морской службе. Работа на реке Виктора не пугала, поскольку, как он выразился, качал его не раз девятый вал. Не понравилось лишь то, что проглянула скупость, когда он расспрашивал о заработке. При этом Виктор несколько раз повторил, что, мол, копейка любит счет, а ему деньги нужны для семьи.

Не откладывая дела в долгий ящик, Франциск с Виктором отправились мастерить плот, а я занялся закупками провианта и другими приготовлениями к плаванию.

К утру следующего дня распогодилось. Плотные облака стали таять, расползаться по небу, выглянуло солнце, и, хотя воздух был еще прохладным, сразу все вокруг изменилось. Река, еще вчера отливавшая холодным тусклым блеском, заиграла, засверкала солнечными бликами. Высветились зеленые и желтые барашки ив. Казавшиеся ранее безжизненными, полузатопленные заросли

тальника окрасились зеленоватыми тонами, обещавшими скорый весенний зеленый разлив.

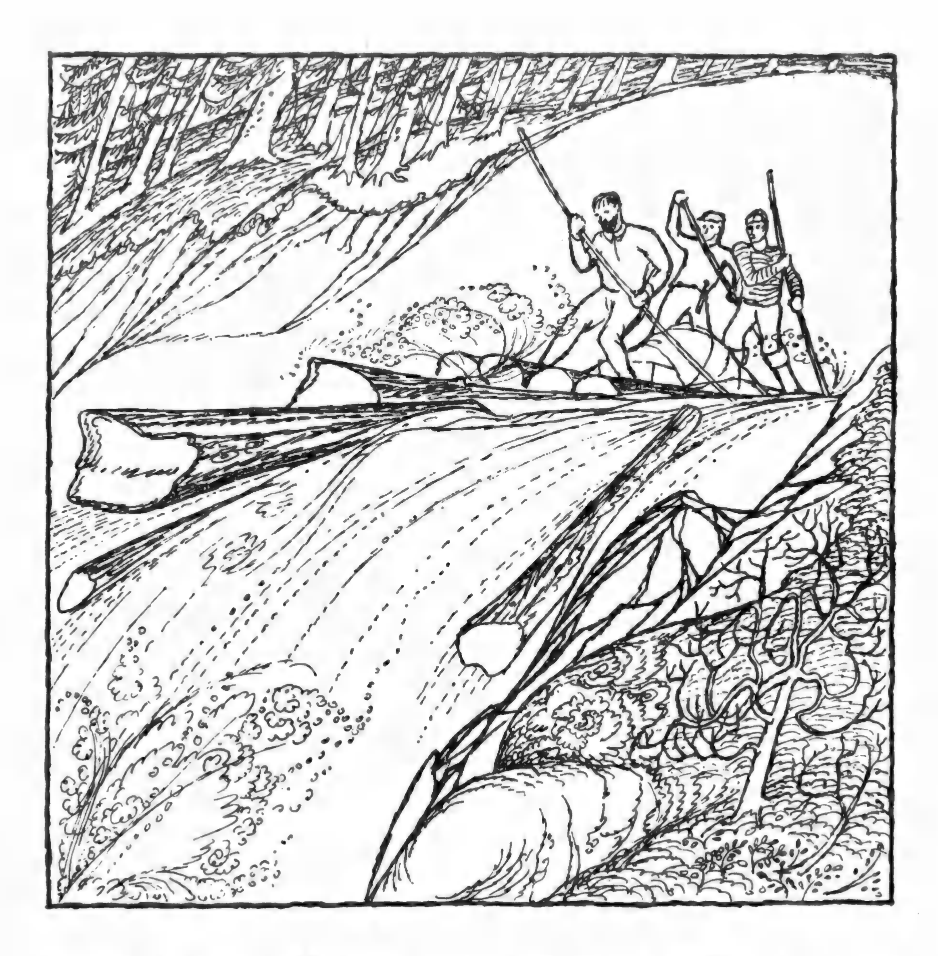
У берега покачивался плот, зачаленный за поваленное дерево. Он представлял собой пяток бревен, стянутых поперечинами и обвязанных тросом. Ширина плота метра полтора, длина — шесть. Габариты, что и говорить, не очень внушительные. Осмотрев плот, мы всей компанией, включая и Михаила Петровича, принимавшего самое деятельное участие в наших сборах, стали готовиться в путь. Несколько раз перебрали свое снаряжение, с каждым разом уменьшая его количество. Наконец, по общему мнению, осталось самое необходимое: в первую очередь — ружья, патроны с дробью, несколько пулевых зарядов, далее следовали пара одеял, телогрейки, ведро, чайник, миски. Я было воспротивился против чайника, дескать, воду можно кипятить и в ведре, но Франциск резонно заметил, что тогда ведро придется мыть в два раза чаще, а вода в реке холодная. Это был веский аргумент. Из продуктов запаковали несколько буханок хлеба, макароны, мясные консервы. Свежее мясо не взяли, рассчитывая на свои охотничьи способности. Поклажа была рассчитана на четыре-пять дней пути. В первый день я предполагал проплыть около 15 километров и заночевать в бараке на берегу. Франциск по обыкновению помалкивал, но молчание это было явно скептическим. Он даже начал было что-то говорить, но не закончил фразы.

Провожая нас в дорогу, Михаил Петрович расчувствовался, стал давать напутствия, предостерегать от таежных опасностей, потом куда-то исчез. А появившись, достал из-за пазухи небольшой сверток.

— Сала кусок вам на дорогу. Старуха к соседям ушла, а ключ от кладовки дома забыла, так я отхватил от боковины.

В полной мере оценив подвиг Михаила Петровича, мы поблагодарили его и пожелали подольше не попадаться на глаза бдительной супруге.

И вот мы на плоту. Я отвязал чалку, Франциск оттолкнулся багром, и река подхватила нас, понесла, легко покачивая. Прошли первую излучину. За изгибом реки скрылся Черемшаный. Некоторое время Франциск обучал Виктора технике ведения плота: где и как оттолкнуться багром или подтянуться, чтобы выйти на стрежень и обойти ветви кустов и сучья деревьев, нависающих над рекой. Наука эта нехитрая, и вскоре Виктор, как заправский плотогон, крепко упершись ногами в бревна, твердой рукой направлял наше судно. Мы же с Франциском начали гидрографическое описание. Определяли и заносили в журнал данные о глубине и ширине реки, высоте берегов, характере течения. Отмечали старицы, осыпи берегов, крутые излучины и прочее. Работа несложная, но требующая постоянного внимания. Часа два мы плыли более или менее спокойно, плот несло не быстрое, но ровное течение. Потом характер реки начал меняться. Плот вышел на длинную пологую излучину, и течение сразу ослабло, мы еле про-

двигались вперед. Мало помогали делу и все три багра: мы едва доставали ими дно.

День пошел на убыль, надо было думать о ночлеге, а мы еще только-только миновали излучину и вышли на перекат. Но, не успев набрать хода, плот пошел по еще более длинному изгибу — той самой восьмерке, которая бросалась в глаза на фотоплане.

Наконец я не выдержал, подогнал плот к берегу, чтобы размяться и осмотреться. Вокруг кустарник, мелколесье. Ну и тайга! Нечем костер развести. Впереди был небольшой увал, поросший сосняком. Поднявшись на него, я осмотрелся и увидел не далее чем в километре россыпь домов. Что за чудо, откуда здесь поселок? Присмотрелся получше — да это Черемшаный! Сыграла с нами шутку река с ее восьмерками. Вот и оказались мы после целого дня пути у точки отправления. После этого открытия мы, не колеблясь, привязали плот, снесли вещи в кустарник, прикрыли их дождевиком и через полчаса были уже в Черемшаном. По

дороге я избегал разговаривать с Франциском. Тот тоже деликатно помалкивал и лишь дома выразился в том смысле, что скорость течения реки зависит от уровня воды. Само по себе это положение банально, но в данный момент оно имело глубокий смысл и было к тому же окончанием фразы, начатой Франциском еще утром.

Поздно вечером начался дождь и шумел по крыше всю ночь. Несколько раз я просыпался, беспокоясь за оставленные на берегу вещи. Но когда после завтрака мы пришли к плоту, оказалось, что дождевик не дал намокнуть нашему имуществу. Обрадовало нас и другое: уровень реки после дождя немного поднялся, и течение усилилось...

Наконец миновали восьмерку, и река вошла в высокие лесистые берега. За хлопотами мы совсем забыли о другой задаче — обеспечивать себя пропитанием. И когда впереди с брызгами поднялся вдруг селезень шилохвости, ни я, ни Франциск не успели даже дотянуться до ружья. Пришлось теперь внимательнее осматриваться по сторонам. Плот миновал небольшую излучину, и мы опять увидели знакомого селезня, который спокойно покачивался под берегом, потряхивая остреньким хвостиком и чуть поводя сизой головкой с плоским клювом. Можно было стрелять, да рука не поднялась на столь спокойно сидящую птицу. Но вот захлопали крылья. А это уж честная охота: с движущегося плота попасть в летящую птицу не так-то просто. Прогремел выстрел, и минуту спустя Виктор багром подцепил добычу. Через некоторое время ухнуло ружье Франциска, еще одна кряковая пополнила наши запасы.

Работать баграми теперь приходилось меньше, и мы уселись на бревнах, рассматривая окружающую местность и слушая весенние звуки тайги, расслабились и непростительно забыли, что плот несет таежная, быстрая река. И когда из-за поворота раздались какие-то непонятные звуки, напоминавшие шлепанье белья о воду, мы даже не обратили на это никакого внимания. Но вот плот миновал излучину, метрах в тридцати впереди показалась громадная ель, лежавшая поперек течения. Корневище упиралось в правый берег, толстый, лишенный ветвей ствол висел над водой, а вершина с кроной наискосок уходила в бурлящий поток. Торчавшие над водой лапы раскачивались, то погружаясь в воду, то упрямо выныривая. Сплавные реки регулярно чистят от зависших и упавших деревьев, но эта ель сползла, видно, по береговому откосу совсем недавно после дождя вместе с громадным комом земли на корнях. На раздумье нам оставались секунды, после этого нас сбросит с плота сучьями вместе со всеми нашими вещами. Первым метнулся к багру Франциск и уперся им в дно реки, благо глубина была метра полтора, таким образом, чтобы притормозить левый передний угол плота. Бревна навалились на багор и стали рвать его у Франциска из рук. В этот момент за древко ухватился Виктор, а я стал отталкиваться с левого борта. Маневр удался, плот

развернулся и стал чуть ближе к правому берегу. Новое усилие — плот еще на один оборот ушел вправо. Прямо в нас целятся нижние, самые длинные ветви. Последнее соединенное усилие — плот захрустел по крайним лапам, а мы, уберегаясь от торчащих ветвей, вонзили багры кто в ствол, кто в основание торчащих ветвей и в последнюю секунду увели плот с быстрины. Теперь уже не составляло труда подать его к берегу. Некоторое время мы обессиленно стояли и смотрели в круговорот воды и ветвей.

— Ну, давай топор,— раздался вдруг спокойный голос Франциска.

Виктор продолжал отрешенно разглядывать реку, а я, поеживаясь от пережитого, выдернул врубленный в одно из бревен топор и молча, скрывая свои чувства, принялся перерубать ствол ели. Меня сменил Франциск. Когда я передавал ему топор, то не мог не заметить, что руки у него слегка дрожат. И я понял, что не просто отсутствие страха перед опасностью помогает Франциску оставаться спокойным, а самообладание, умение держать свои чувства в руках. Вот что делало его незаменимым товарищем в опасных маршрутах.

Прорубив себе дорогу, мы отправились дальше, но теперь один из нас постоянно нес вахту на носу плота с багром наготове.

Во второй половине дня добрались, наконец, до долгожданного барака. Находился он как раз там, где проектировалась одна из плотин.

Пока Франциск с Виктором осваивали наше временное жилище, я начал готовиться к рыбалке. В зарослях тальника вырезал два ровных и упругих удилища, набрал под валявшимися на склоне берега трухлявыми обломками деревьев с десяток дождевых червей и спустился на плот. Вид реки не внушал никаких надежд на клев. Вода струилась мутным потоком, покрытым клочьями рыжей пены, плыли обломки сучьев, обрывки коры, изредка бревна, словно допотопные чудовища, осторожно выставившие из воды свои спины. Течение прижало плот к берегу, струи воды, обтекая его, с легким плеском свивались в небольшой водоворот, в который мне и пришлось забросить свои снасти. Леску сразу же натянуло течением, и поплавки резво запрыгали в его завихрениях. Некоторое время я безнадежно смотрел на игру поплавков, потом перевел взгляд на реку, плавным изгибом уходившую вправо, за выступ берегового откоса, покрытого стройными елями и соснами.

Неожиданно одно из удилищ стало подергиваться, слегка изгибаясь. Я подумал, что леску зацепило какой-нибудь плывущей веткой, и не спеша повел удилищем вверх. Внезапно оно изогнулось дугой, леска чиркнула, разрезая поверхность воды, и рука почувствовала живой груз. Рыба метнулась под плот, и я стал осторожно, но настойчиво вываживать добычу. И вот на плоту лежит не виданная ранее мною рыбина, изящная, продолговатая, длиной около 40 сантиметров. Чеканное серебро чешуи усеяно мелкими

черными ромбовидными крапинками. По бокам, словно из глубины серебряного слоя, выступает желтовато-красноватое, неясно очерченное пятно. Не зная еще названия рыбы, я решительно окрестил ее хариусом: ведь только такими должны быть эти красавцы — обитатели быстрых сибирских рек. После первой удачи клев пошел быстро. Хариусы, правда, больше не попадались, но зато то на одну, то на другую удочку клевала плотва. Сначала я насаживал на крючок половинку червя, потом стал постепенно уменьшать размер насадки, пока она не превратилась в комочек, едва закрывающий жало. И с такой насадкой рыба брала часто и резко. Завершилась рыбалка тем, что вслед за очередной поклевкой над поверхностью реки вскинулась плотвица столь внушительных размеров, что крючок не выдержал и разогнулся. К тому же и насадка моя кончилась. Полюбовавшись на добычу, серебряной кучкой лежавшую на середине плота, я принялся чистить рыбу.

На следующий день мы приступили к работе. Вечером небо нахмурилось, пошел дождь, под его аккомпанемент мы и заснули. Утром немного было прояснилось, но вскоре опять натянуло косматые облака и крупные капли застучали по крыше. Однако дождь теперь был уже по-весеннему теплым, чувствовалось, что погода вскоре улучшится. Действительно, к концу дня в плотном войлоке облачности стали появляться более светлые пятна, они разрастались, сливались, оттесняя серую хмурь и одновременно становясь все более чистыми и светлыми. Когда солнце заходило, лучи его высвечивали лишь полосы высоких перистых облаков.

Наутро мы отправились дальше. Плот легко скользил между высокими берегами, поросшими густым ельником. Но вот река стала снова петлять. Дождавшись очередной большой излучины, я сошел на берег, решив пешком спрямить путь. Над тайгой раскинулась прозрачная синева весеннего неба. Деревья подернулись зеленой дымкой, стоял неумолчный птичий гам. Вешние воды ушли с поймы, и бурые полосы ила, оставленного ими в низинах, прорастали зеленой щеткой травы и осоки. Казалось, трава шевелится, выпрямляется, освобождаясь от прошлогодних стеблей, отряхиваясь от мусора, нанесенного полой водой. Над озерцами, раскинутыми по пойме, то и дело проносились утки. Со свистом резали воздух чирки, деловито махали крыльями кряковые. Вот показалась из-за зарослей черемухи стайка чернети. Сделав круг, утки как-то все вдруг сели на озерцо и слились с бурыми прошлогодними камышами. Постепенно берег делался выше, суше. Стали попадаться гривки, поросшие ельником. Кроны елей по-весеннему изрежены, часть старой хвои осыпалась, новая еще не наросла. Из чащи слышалось нежное, мелодичное посвистывание рябчика, призывавшего подругу. Мягкий, упругий ковер хвои заглушал шаги, и рябчик выводил свои рулады, не чувствуя присутствия человека.

Кончилась грива ельника, и открылся глинистый склон высокого берега, изрезанный промоинами. Река, подступив к откосу, шумела, хоть и потеряла уже свою весеннюю буйность. На нагретом солнцем склоне тут и там белели и желтели первые цветы. Бровка склона — словно граница времен года. От тайги, почти вплотную придвинувшейся к реке, тянуло сырой прохладой. Под елями и соснами, прячась от солнца, еще лежали шапки ноздреватого, осыпанного сухой хвоей снега. От склона же струилось тепло.

Весь вид пробуждающейся к жизни природы настолько зачаровывал, что я невольно проникался ожиданием каких-то радостных открытий и знакомые черты весны казались по-новому прекрасными и удивительными. И эти радужные предчувствия меня не обманули. Сошлись в едином фокусе лучи солнца, прозрачность воздуха, шелест речных струй и породили птицу, сверкающую яркими синими красками. Словно вылетев из детской сказки, появилась она из-за излучины реки. Лучи солнца, преломившись в оперении, окружили птицу сверкающим праздничным ореолом. Плавно следуя линии берега, пролетела она мимо меня и скрылась. Проводив птицу взглядом, я остановился — не в силах стряхнуть с себя очарование — и раздумывал, реальность это или игра воображения. И когда показался плот, я первым делом спросил своих спутников, видели ли они это чудо природы.

— Зимородок,— кратко ответил Франциск, считая, видимо, что этим все сказано. Но в глазах у него появилось явно мечтательное выражение.

Шли дни за днями. Маршрутный журнал постепенно наполнился колонками цифр, записями, зарисовками. В них жизнь реки: скорости течения, уровни и расходы воды, очертания берегов. Все эти данные понадобятся при гидротехнических расчетах, их возьмут на вооружение сплавщики и строители. Поэтому так ценен этот маршрутный журнал. Сделаешь в нем очередную запись — и бережно прячешь поглубже в карман, чтобы случайно не уронить в воду. Но мокнуть страницам журнала все равно приходится. Это ведь не в кабинете: то дождь, то снег, то туманная изморось. На нем и сажа от костра, и глина, и другие пятна.

Работая над каким-нибудь проектом, берешь в архиве папку изыскательских материалов, открываешь журналы, книжки, и вдруг повеет на тебя дымом костра, раздастся всплеск речной волны.

Да, журнал наш пополнялся. А вот продукты подходили к концу. Осталась лишь черствая буханка хлеба, подернутая зеленью плесени, несколько кусков сахару да соль. Задержка из-за дождя нарушила график движения. Как ни старался Виктор, исполнявший обязанности завхоза, экономить продукты, как ни укорял в излишествах, когда мы с Франциском клали в кружку чая лишний кусок сахару, продукты кончились. Правда, на бревнах плота всегда лежало не менее пары уток, но дичь очень скоро

приелась. Гораздо бо́льшим успехом пользовались самые заурядные макароны с тушенкой.

До устья оставалось совсем немного, но плыть становилось все труднее. Вода убывала на глазах. Вдоль берегов ширилась полоса сырого песка и ила. В русле заметнее стали гривы ряби и завихрения, вода вскипала над отмелями. Плот пока не застревал, и лишь в отдельных местах бревна ширкали о гребень перекатов. Но вот в русле появились крупные камни. Пришлось снова браться за багры. Еще несколько километров мы довольно успешно лавировали между отмелями и камнями, но вдруг плот тряхнуло так, что мы не удержались на ногах. Он стал медленно поворачиваться вокруг своей оси, словно в центре его проткнули чем-то и пришпилили ко дну реки. Набежавшая волна захлестнула плот, намочила наши вещи, подхватила рейку и понесла по течению. Очень не хотелось брести вброд к берегу. Один вид холодной реки, бурного течения заставлял ежиться. Но как мы ни раскачивали плот, все попытки сдвинуть его с камней оказались безуспешными.

Первым отважился спуститься в бурлящий поток Франциск. Перед этим он несколько раз провел рукой по своей черной, топорщившейся бороде, словно опасаясь, не смоет ли ее река, подтянул сапоги и невозмутимо опустил ногу в поток. Глубина оказалась небольшой, чуть выше колена. Постоял так, держась руками за крайнее бревно, потом опустил вторую ногу. Мы дали ему часть груза. Франциск шагнул раз, второй и вдруг ухнул по грудь. Видно было, что Франциск с трудом противостоит течению. Но он еще крепче ухватил свою ношу, осторожно переставляя ноги, скользящие по камням. Не замочив груза, он выбрался на берег. За Франциском последовали и мы, заранее готовые к холодной купели. Однако река отнеслась к нам более милостиво. Пройдя почти тем же путем, что и Франциск, мы отделались тем, что лишь начерпали воды в сапоги. Видно, нам удалось миновать подводные рытвины. Не успели выбраться на берег, как плот, с которого был снят груз, последний раз повернулся вокруг оси и, нимало не заботясь о своих пассажирах, поплыл, плавно покачиваясь, будто посылая прощальный привет.

Прямо к реке спускался частый ельник. Сложив имущество, разожгли костер. Виктор тут же начал отжимать и сушить одежду, я последовал его примеру. Франциск продолжал таскать к костру сухой прошлогодний плавник и валежник. Сидеть и греться у огня в то время, когда он трудился, было как-то неловко. Да и промок Франциск больше всех.

— Хватит дров, сушись,— не выдержал я.— Ты что, на неделю их хочешь запасти, что ли?

— У большого огня быстрее высохнешь,— последовало наставительное замечание. Возражать было нечего.

Весной погода — на дню семь пятниц. С утра нежилась река в солнечных лучах, а после полудня небо нахмурилось, подул холодный ветер. Хорошо, что костер разложили на опушке,

возле елей. Их густые, замшелые лапы свешивались почти до земли, загораживая огонь от ветра. И все-таки его порывы временами бросали на нас снопы искр.

— У большого костра быстрее и сгоришь,— не выдержал я. Но Франциск на это замечание никак не реагировал, только посмотрел на меня удивленно. Ну вот и поспорь с ним!

Кое-как подсушили мы одежду, выпили по паре кружек чаю с раскисшими сухарями, перенесли кладь под высокую, густую ель, прикрыли лапником и налегке, прихватив лишь коробку с нивелиром и штатив, отправились к устью. Там мы хотели взять у сплавщиков лошадь и вернуться за имуществом. Где по берегу, где напрямик через кустарник, увешанный клочьями наносного мусора, добрались мы наконец до створа нижней плотины. На левом берегу, круто уходящем вверх, к плато, над рекой возвышался репер — пень огромной ели. Один бок пня был затесан и образовывал уступ — полочку. Масляной краской на стесе выведены наименование нашего института, номер репера и год установки. С волнением рассматривал я эти немудрящие знаки, оставленные несколько лет назад топографами. Всегда греют сердце следы человеческих рук в тайге, особенно волнуют встречи с малозаметными для непосвященного знаками работы изыскателей, будь то просека, деревянный или металлический репер, а то и просто мазок краски на уступе берегового выступа скалы и рядом обязательно цифры: номер точки и год производства работ. Значит, здесь поработал человек. И не романтик-турист, отдающий себя на съедение комарам, переносящий лишения ради того, чтобы похвастаться потом в кругу друзей, какой сложный маршрут он проделал, а скромный труженик, прокладывающий пути для того, кто придет следом за ним для работы и жизни в ранее безлюдном крае.

Размышляя обо всем этом, я направился за нивелиром и тут только вспомнил о смытой с плота рейке. Хоть и отрицают научные журналы телепатию, все же она есть. Я убедился в этом в тот момент, когда Франциск и Виктор, сидевшие на стволе поваленной ели, уловив мои мысли, воскликнули разом:

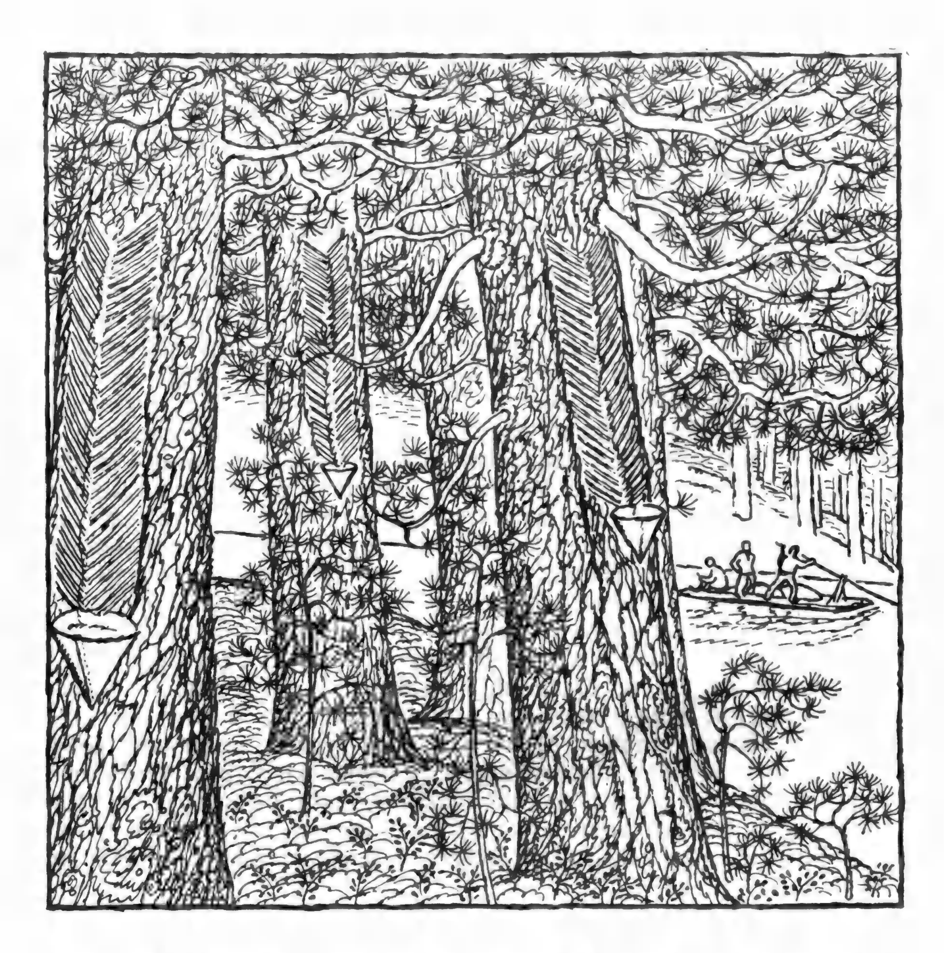
— А рейки-то нет!

Правда, вслух это произнес только Виктор, но я мог поклясться, что и Франциск сказал то же самое и, как обычно, про себя.

— Что же будем делать?

— Найдем ее ниже по течению,— произнес Франциск. Я не разделял его оптимизма, но спорить не стал. Наша компания вновь двинулась вдоль реки.

Еще когда мы отогревались у костра, до нас доносились какие-то глухие удары. По мере нашего продвижения к устью они слышались все отчетливее, а вскоре к ним присоединились и другие звуки — гул дизелей и лязганье тракторных гусениц. И вот из-за очередного поворота нам открылось устье Кайтыма. Здесь кипела работа. На берегу рабочие сплачивали бревна, по четыре в ряд,

соединяя их деревянными шпонками. Готовую секцию цеплял трактор и затаскивал в реку. Отдельные секции на плаву соединяли тросом, получались боны — гибкий и устойчивый наплавной мостик, незаменимый при разных работах на реке. Осмотрев с берега всю эту картину, мы сразу увидели свой плот, приткнувшийся к одному из бон. А рядом с плотом, как по заказу, белела сбежавшая от нас рейка.

Мне не терпелось увидеть Бирюсу. Оставив спутников договариваться о лодке и ночлеге, я стал взбираться на высокий обрыв левого берега, за который уходила последняя излучина Кайтыма.

И вот она, Бирюса! Обрывистые, словно вырубленные, склоны береговых откосов, резко переламываясь в верхней части, уходят вдаль волнистой линией с куполами отдельных сопок. До самого горизонта — разлив тайги. Резкий контраст между мягким, сглаженным рельефом плато и кручами берегов создает впечатление,

что река течет в громадной трубе со срезанным сводом. Течение Бирюсы ровное и мощное. Нет ни завихрений, ни переплетающихся струй, весь поток движется компактной массой, с всплеском набегая на береговые выступы.

Полюбовавшись рекой-красавицей, я вернулся к спутникам. Виктор уже уехал верхом на лошади за нашим имуществом. Ночевать он решил в бараке, где жили сплавщики, а мы с Франциском отправились в селение, где он вербовал рабочих. Первыми нас встретили собаки. С громким лаем выскочила большая черная с рыжими подпалинами лайка, за ней другая, третья и, наконец, небольшая, лишенная одной передней лапы. Вообще лайки — благородные представители собачьей породы. В их глазах нет ни коварного желтого огня, что присущ сторожевым псам, ни подхалимской влаги комнатных лохматушек. Незаменимые в охоте на таежного зверя, злые и напористые, в обычной обстановке они добродушны, но требуют к себе уважительного отношения. Если ведешь себя спокойно, лайка, убедившись в твоих добрых намерениях, без излишних эмоций удаляется и принимается за свои неотложные дела.

Но трехногая лайка, вероятно из-за перенесенного ею когда-то нервного потрясения, была лишена обычного спокойствия и горела желанием вцепиться во Франциска. Тут на крыльце одного из домов появился высокий молодой мужчина с густой черной бородой. Это был Григорий, наблюдатель нашего водомерного поста. Он дружески приветствовал Франциска и пригласил войти в дом.

— Все мы в сплавконторе работаем,— рассказывал Григорий.— Весной на сплаве, летом и осенью ремонтируем боны, такелаж. А зимой зверую. Заключаю договор — и в тайгу. В этом году добыл соболей десятка полтора да белок порядочно.

— И собаки есть?

— А как же! Трех держу, наскочили на вас, когда к воротам подошли.

Я поинтересовался, почему у одной из лаек нет лапы.

— Это моя лучшая,— с гордостью ответил Григорий.— На медведя раз пошел, да сплоховал малость, лишь ранил его. Так она повисла на нем, словно клещ. Он ее и лапой доставал, и мотал, да все напрасно. Переложил я патроны и добил зверя. Не то задрал бы меня. А лапу потеряла, когда соболя гнали. Он в валежины ушел. Собака до того ярилась, что лапу повредила. А мороз был, прихватило ее, на другой день гляжу — распухла лапа. Потом все хуже и хуже. Что делать? Пришлось отнять. Через неделю поджило. Она и на трех лапах белку ищет что надо. За соболем, правда, не успевает.

Да, хорошие помощники — сибирские лайки. Хоть и сурово обходится порой с ними жизнь, но о другой они, видимо, и не помышляют.

Когда я вижу в Москве зажиревшую лайку, ведомую на короткой сворке на прогулку заботливым хозяином, и смотрю в ее пе-

чальные глаза, мне всегда вспоминаются поджарые, энергичные, полные достоинства зверовые собаки с Бирюсы.

Длинный майский день заканчивался. Мы договорились с хозяевами о ночлеге, сняли наконец досмерти надоевшие сапоги, смыли горячей водой въевшуюся в кожу рук копоть костров.

Хозяева оказались хлебосольными. На столе появились дымящийся казанок щей, противень с жареной рыбой, глиняное блюдо с квашеной капустой.

Утро разбудило солнечными бликами, падавшими сквозь окна на наши лица. Спустившись с откоса к Бирюсе, мы умылись холодной, бодрящей водой, позавтракали и пошли на розыски Виктора, который должен был дожидаться нас около бараков. Наш матрос сидел на солнышке на противоположном берегу, курил и беседовал с одним из сплавщиков. Увидев нас, Виктор бросил окурок и по бонам, с опаской, перешел реку.

— Узнал про лодку,— почему-то вполголоса произнес он.— Стоит в самом устье, можно взять на весь день.

У меня отлегло от сердца. Лодка была заботой немалой. Да и день такой чудесный! Собрав инструменты, мы отправились к устью и вскоре увидели лодку, о которой говорил Виктор.

— Да...— неопределенно произнес Франциск, глядя на этот предмет, который, на наш взгляд, трудно было назвать лодкой.

Перед нами было нечто среднее между каноэ и пирогой. Легкий каркас длиной около трех и шириной менее метра обтянут берестой, склеенной по швам не то гудроном, не то смолой. Посередине каркаса — узкая поперечная планка, распорка, служащая, видимо, и сиденьем. Киля у пироги не было, как и бревна-противовеса, укрепленного на распорках параллельно корпусу. Такой балансир наподобие полинезийского очень пригодился бы этому суденышку. Вместо балансира возле нашей пироги мы увидели деревянную лопату, игравшую, вероятно, роль весла.

Виктор взирал на пирогу совершенно спокойно, не разделяя наших сомнений. Семилетняя служба на флоте научила его, наверное, обращению с любыми «плавсредствами».

— Ну, так садись,— обратился к нему Франциск,— греби потихоньку поперек течения да попробуй веслом хоть примерно глубину определить.

Мы подняли лодку и опустили ее на воду. Пока Виктор с лопатой-веслом усаживался на распорку, Франциск придерживал лодку за корму. Наконец Виктор примостился на своей жердочке, опустил весло в воду, и Франциск легонько оттолкнул лодку от берега. Ее сразу подхватило течением и начало разворачивать. Виктор энергично взмахнул лопатой, пирога закачалась и в тот же момент набрала чуть не по самые борта кайтымской воды, а бывший матрос Тихоокеанского флота, крепко ухватившись за черенок лопаты, тихо, без всплеска, соскользнул в реку.

Глубина оказалась небольшая, Виктору было чуть выше пояса, и он проворно выскочил на берег, оглядел зачем-то весло, бро-

сил его на землю и начал стаскивать с себя сапоги и брюки. Лодка тем временем медленно плыла по течению. Франциск метнулся к запасным бонам, плетьми лежащими на воде вдоль берега, выбежал на них и, схватив подвернувшуюся под руку сучкастую ветку, ухватил ею лодку.

Разложив костер, мы отогревали Виктора, сушили его одежду, а заодно и расспрашивали его:

— Ты плавать-то хоть умеешь?

— Да нет, не приходилось.

— А как же на флоте служил?

— Так видишь, служил-то я на линкоре, а там какое плавание.

— Ну, а грести на шлюпках вас, наверное, все-таки учили, ведь как же иначе может быть? — продолжал я допытываться.

— Раза два ходили на шлюпках, а так чтобы специально...

Оставалось только дивиться самоотверженности человека, столь смело пустившегося с нами в многодневное плавание по весенней реке ради заработка для своей далекой семьи.

Пока Виктор сушился у костра, мы с Франциском склонились над лодкой, вычерпывая из нее воду. Неожиданно нас кто-то окликнул. Обернувшись, мы увидели на берегу какого-то парня, который, приветственно махнув рукой, начал спускаться по откосу, направляясь в нашу сторону. Когда он подошел поближе, черты его лица показались мне знакомыми. Парень еще раз дружески с нами поздоровался, и только тут я узнал в нем сплавщика, искупавшегося по нашей вине в реке около Черемшаного.

— Здорово, здорово! — ответил я, невольно улыбаясь при воспоминании о том, как ловко он выскочил из воды.— Ну что, благополучно обошлось купание?

Парень небрежно махнул рукой:

— Да ничего, я привычный. Вот увидел, как вы тут кувыркались с лодкой,— кивнул он в сторону пироги,— дай, думаю, подойду, может, помогу чем.

— Да что ж тут помогать, разве на этакой посудине можно плавать? — донесся от костра голос Виктора.

Наш новый знакомый насмешливо взглянул в его сторону и, не ответив, одним толчком спустил лодку на воду, сел в нее, взял в руки весло, легко оттолкнулся от берега и сильными взмахами погнал лодку вверх по течению.

— Погоди, куда ты? — крикнул я парню.— Нам реку промерить здесь нужно.

— Так бы сразу и сказали, а лодку винить нечего. Надо уметь грести, и любая посудина хороша будет.

Менее чем за полчаса Сашка, как назвал себя наш знакомец, ловко орудуя попеременно то веслом, то рейкой, промерил все поперечники. Поблагодарив его за помощь, мы расстались с ним.

На следующий день мы решили двинуться дальше: Франциск с Виктором вниз по Бирюсе до Усолки и по ней вверх, а я напрямик в Черемшаный.

Через несколько дней возвратились в поселок и Франциск с Виктором. Я стал расспрашивать их о маршруте. Франциск по обыкновению отмалчивался, а Виктор охотно делился впечатлениями. Как и было уговорено, Григорий повез их вниз по Бирюсе. Лодка шла хорошо. Но вот вдали показались обрывы береговых скал, сжимающие реку, будто каменные ладони. В этом месте Бирюса кипела на подводной каменной гряде, образующей бурный порог. И как это часто случается, именно вблизи порога мотор зачихал и заглох. Лодка шла недалеко от берега. Несколькими ударами весел Григорий подогнал ее еще ближе, и, когда до берега оставалось всего метра полтора, Франциск схватил чалку (цепь, закрепленную на носу лодки), шагнул в воду, но тут же погрузился с головой: так круто обрывался здесь берег. Лодку несло течением, и не отпускавшего цепь Франциска выволокло на поверхность. Намокшая телогрейка и болотные сапоги тянули ко дну. Кое-как Виктор с Григорием втянули его в лодку. В это время лодка вошла уже в толчею волн. Несколько раз они перехлестывали через борт, и Виктор, по его словам, уже попрощался со всей своей родней. Но порог все же прошли.

— Нет, ребята, опасная у вас работа, хватит, поеду-ка я лучше домой,— сделал неожиданный вывод Виктор.

Мы уговаривали его помочь нам закончить работу, а тогда уже всем вместе и трогаться в путь, соблазняя перспективой бесплатного проезда. Но Виктор был непреклонен:

— На дорогу я заработал, поеду, жена ждет. Завтра машина идет в Тасеево, а оттуда на автобусе до Канска. К вечеру как раз доберусь.

Наутро, тепло распрощавшись с нами, Виктор отправился в путь-дорогу.

После затяжной, холодной весны в Черемшаный пришло наконец летнее тепло. Солнце щедро изливало на тайгу потоки лучей. Поселок утопал в черемуховом цвету. За день воздух нагревался, насыщался ароматом черемухи, а к вечеру, в безветрии, охлаждался, и запахи, растворенные в нем, начинали густеть. Рыба в Кайтыме в предутренние часы поднимала неумолчный плеск, словно опьянев от запахов весны и цветенья, принесенных в реку росой.

Наша работа близилась к концу. Уровни воды стали по-летнему низкими, река ласково журчала на перекатах, как бы стараясь оправдаться за свое буйное поведение в половодье. Франциск отправился в третий, последний маршрут по Усолке, а я собрался снова к устью Кайтыма. После коротких переговоров с местным начальством мне был выделен бурый меринок с громкой кличкой Таежный. Начало пути оказалось довольно неприятным: дорога была песчаной, лошадь то и дело оступалась. Вокруг расстилалось сосновое мелколесье, вид местности был довольно унылым. Но вот дорога пошла на подъем, и вскоре ее поглотила тайга, торжествующая в своем цветении. Как разительно отличается, так сказать, «внешний» вид тайги, когда она предстает взору снизу, от реки, от

«внутреннего», когда сам становишься как бы частью этого огромного, емкого ландшафта. Величественна тасеевская тайга. Привольно, словно высаженные рукой садовода, по волнистой равнине разбросаны золотистые стволы сосен, смыкающиеся высоко вверху своими развесистыми кронами. Между соснами — сочные зеленые пятна елей, кряжистые, изборожденные морщинами изжелта-белые стволы берез. Сквозь кроны проникают солнечные лучи, бликами сбегают по стволам, будто играя в пятнашки, прячутся под густые заросли трав и неожиданно высвечивают у самой земли стебли и листья то одного, то другого растения. Поздняя весна нарушила сезонную периодичность цветения, весенние краски смешались с летними и стали потому еще разнообразнее. Яркие розовые и красные пионы перемежались с нежными светло-желтыми лилиями. Голубела герань. Отдельными купами возвышались белые и желтые тарелки соцветий зонтичных. Сочно зеленели искусно вырезанные листья борщевика, соседствующие с продолговатыми, заостренными листьями какалии. Подобно стае разноцветных мотыльков пестрела россыпь цветущего горошка, переплетающего со всем вокруг свои вьющиеся стебли. На полянах ковер анемон — крупных, желтовато-белых, словно вылепленных из воска. В более низких местах, на открытых лужайках пламенел разлив оранжевых шариков купальниц, называемых еще и жарками. Каждый цветок, как рдеющий уголек, а тысячи их создают ощущение жара. Поддался томным ароматам весны и Таежный. Он плелся все медленнее и медленнее, прикрыв веками глаза, и изредка вздрагивал, явно засыпая на ходу. У маленького ручейка мы с Таежным устроили небольшой привал. Я набрал сухих сучьев, запалил костер, вскипятил в котелке чай, перекусил и сел, прислонившись спиной к шершавому стволу кряжистой сосны. Конь, привязанный уздечкой к дереву, понурился и, не обращая внимания на брошенную ему охапку свежей зелени, моментально уснул. Лишь изредка он всхрапывал, вскидывал голову. Меня тоже потянуло в сон, и, чтобы встряхнуться, я встал и немного побродил по окрестностям. Лес вокруг носил следы человеческих рук. На стволах сосен, словно оперенье громадных стрел, обращенных острием вниз, виднелись полосы надрезов. В основании «пера» в дерево были вбиты жестяные желобки с жестяными же воронками. Из желобков в воронки тянулись потеки смолы. В этом лесном массиве собирали сосновый сок — живицу. Из него вырабатывают скипидар, канифоль и другие продукты. Живицу собирают на лесных делянках, предназначенных к вырубке. Особым ножом, укрепленным на длинной палке, делают надрез коры. С каждым годом надрезают ее все ниже и ниже, так как ранее сделанные надрезы затекают смолой. Понемногу растет и дерево. Вот и покрывается ствол «оперением».

Отдохнув, я двинулся дальше. Перевалил хребтинку, и вскоре дорога крутым разворотом вывела меня к поселку. Теперь в устье Кайтыма царили тишина и покой. Я наведался к Григорию.

Он радушно встретил меня, помог сделать замеры. На другой день мы отправились по Бирюсе за несколько десятков километров вверх по течению, в село Федино, где мне нужно было получить на метеорологической станции кое-какие данные. По дороге Григорий вспоминал о приключении на пороге, о том, как Франциск шагнул за борт в полной уверенности, что здесь мелко, и неожиданно весь скрылся под водой.

— А когда втащили его в лодку,— рассказывал Григорий,— он сразу стал ругаться, что не выловили шапку. Ну какая уж тут шапка? — махнул рукой Григорий.

В Федино, получив нужные сведения, я пошел в столовую перекусить. На ступеньках перед входом сидел какой-то человек и задумчиво смотрел на реку. Велико же было мое удивление, когда я узнал в нем Виктора.

— Как ты сюда попал? Давно здесь? — невольно воскликнул я.

Виктор невесело усмехнулся и поведал свою историю:

— Доехал я до Тасеево, стал автобус поджидать. Тут ребята знакомые повстречались, предложили в карты перекинуться, ну и проигрался вконец. А теперь вот в сплавконтору устраиваться приехал. Дадут трактор (ведь я же механик), подзаработаю и домой поеду,— точь-в-точь повторил Виктор те же слова, что и при первой нашей встрече. Словно и не было долгих дней напряженного труда, рачительной, заботливой экономии, которую Виктор вел все это время.

— Ну, а жене-то денег послал?

— Да не успел до почты добраться. Ну, ничего, скоро пошлю,— спокойно закончил Виктор.

Ведь вот как случается в жизни. Был человек хоть и в маленьком, но коллективе — все обстояло прекрасно, а чуть один оказался, словно понесло его сразу течением.

Я предложил Виктору поехать в Черемшаный, помочь нам отправить багаж, а потом вместе уехать. Но он отказался:

— Поработаю в сплавконторе, здесь хорошо платят.

На следующий день я распрощался с Григорием и отправился в Черемшаный. А здесь меня уже ждала телеграмма из института, в которой сообщалось, что мы с Франциском включены в состав Ангарской экспедиции и по окончании работ на Кайтыме нам следует перебазироваться на Ангару. Голубые дороги вели нас дальше — к новым заботам, к новым встречам.

ОБ АВТОРЕ

Зуев Валерий Михайлович. Родился в 1932 году в Москве. Окончил географический факультет МГУ. Долгое время работал в изыскательских партиях гидрологов в разных районах Сибири, в настоящее время — старший эксперт в Госплане СССР. Автор свыше полутора десятков научных статей и нескольких очерков в сборниках «Земля и люди» и «Рыболов-спортсмен». В нашем ежегоднике выступает впервые. Сейчас заканчивает повесть о гидрологах-изыскателях на Ангаре; произведение станет продолжением публикуемой здесь повести.

ВАЛЕРИЯ АЛФЕЕВА

ОТСВЕТЫ БРЕСТА

Очерк

У каждого уходящего в море есть свои мотивы. Я знаю человека, который уходил потому, что устал тащить по земле груз давней неудовлетворенности, ничего уже не ждал от привычного круга забот и отношений, и надо было вырваться наконец за его пределы. Как говорил Герман Мелвилл, начиная повествование о белом ките Моби Дике, «всякий раз, как я замечаю угрюмые складки в углах своего рта; всякий раз, как в душе у меня воцаряется промозглый, дождливый ноябрь... я понимаю, что мне пора отправляться в плавание и как можно скорее. Это заменяет мне пулю и пистолет». Хотя, разумеется, бóльшая часть покидающих твердь земную расстается с ней не по этой причине, а потому, например, что в юности связали себя с «простором свободной стихии», потом уже нет выбора, радует это тебя или заставляет постоянно сожалеть. Уходят потому, что жизнь на судне кажется более привычной, чем земные формы бытия. Потому, что хотят увидеть океан, другие страны. Идут на заработки, надеясь ценой временных перегрузок обеспечить последующее благополучие, — надежда, чаще всего сбывающаяся еще в меньшей степени, чем все остальные.

Как бы то ни было, уходим мы потому, что хотим уйти.

И как бы то ни было, рано или поздно наступает момент, когда мы хотим вернуться.

У одних месяца через три, у других раньше, позже тоска по берегу постепенно подчиняет всё существо, все помыслы. Хорошо помню глаза матроса, который, выйдя из-за праздничного стола, с унынием созерцал полыхающий над безбрежной водной равниной закат и обращался к каждому появившемуся на палубе со словами: «Я тебя понимаю! Земли, земли тебе хочется... Ничего не надо, только бы на траве полежать! Чтобы землей пахло, чтобы какая-нибудь осина шумела... Я-то тебя понимаю...»

И как много несут тогда в себе короткие дни стоянок! Удовольствие от первых шагов по твердой земле... Радость видеть новые лица, впитывать шумы, краски чужого города, эти запахи трав после того, как мир твой многие месяцы был замкнут линией фальшборта, а взгляд скользил по пустынному горизонту... Короткие, праздничные видения земли, сотворенные не столько реальностью, сколько ожиданием. Живя на земле постоянно, мы никогда не ощущаем так остро ее изменчивую прелесть, никогда мгновенные впечатления дня не имеют над нами такой власти. И может быть, стоит уходить даже только для того, чтобы возвращаться.

Что же это такое — привычное и удивительное, имеющее пределы и бездонное, что называют памятью?

Вот ты полулежишь на тахте праздно, перед тобой пишущая машинка, стол, старое с потертым лаком пианино марки «Carl Haas», стена с морскими картами и фотографией парусника. Все весомо и зримо. Но всего этого вроде бы и нет. Будто погасили свет. И темный экран, и ты — одинокий зритель. И вдруг откуда-то — откуда? — слабый луч, дымная полоска света. И на экране засветилось, погасло, задрожало, что-то мелькает, обрывается и опять возникает — неясное, размытое, как изображение не в фокусе. Белая мгла... стекающая по обрыву сырая мгла, и в ней клубятся деревья... над ними все отчетливее темно-серым силуэтом проступает пирамидальная башня.

И пошло́, пошло́... Наплывают силуэты, краски просвечивают одна сквозь другую, растекаются, вспыхивают. А вот и звук дали — пронзительный, разрывающий туман крик буксира.

А дальше вечерние огни, размытые сырой и синей моросью, поток машин, поток людей... Вот женщина выходит из машины... уже поставила ногу на край тротуара, приладила длинный ремешок сумки на плече, но еще не договорила, не доулыбалась... И ее смех, обрывки чужой, волнующей французской речи... И мальчик, маленький под большим зонтом... Пожилой мужчина в берете с помпоном стоит на тротуаре, заложив руки в карманы свободной куртки, не видя тебя, а видя что-то, чего ты не видишь и не знаешь... И старый форт, и набережная. Ты идешь, смотришь, и этот людской поток, и улицы незнакомого города, и огни, фигуры, лица сменяются, мелькают, уже не вместить зрению, памяти этого избытка, но тебе все так же хочется идти и жадно хочется видеть, запомнить.

И это, что теперь наплывает, клубится, тает, на мгновение проявляется и пропадает, движущееся, сквозящее, неуловимое... ты хочешь остановиться, записать, навсегда обозначить штрихами слов... Вернуть прошедшее, не дать ему растаять насовсем, вырвать у небытия, восстановить; сотворить заново из воображаемых камней старый за́мок, повторить узоры кладки, львов с разинуты-

ми пастями и каменными гривами... и заново сотворить женщину в машине, и мальчика под зонтом, и тысячи, тысячи образов, теней, видений...

И вместить все, втиснуть в несколько страниц?

Да как же? Возможно ли это?

Окрасить, озвучить, вернуть и плоть, и запахи, и жесты?

Но все же... хоть что-нибудь.

Жалкая попытка противостоять необратимости времени, опутать условными знаками слов неуловимое, прошедшее и будто тем самым удержать...

Белый, белесый, сплошной туман.

Черный пустынный причал, у которого ошвартовано судно.

Раннее утро, ранняя тишь.

Пласты мглы уплывают по воде, рассеиваются, редеют, отступают. В высоте над ними, над дымной зеленью крутого берега, над обрывом возникают темные башни старого замка. И долго, до середины дня, туман, и этот силуэт над туманом, и ничего больше.

И наконец, наконец... Портовые власти, и выход сквозь эту белую завесу на землю Франции.

Минуя портовые сооружения, склады, краны, рельсы, грузовые вагоны, мимо рабочих в синих комбинезонах, автокаров, стоянки автомобилей, по крутым пролетам каменной лестницы с перилами, по асфальтированному шоссе, идущему выше и выше, к замку.

И вот сквозная чугунная ограда. Идем по сырой дорожке. Сосны и лавр с глянцевитыми жесткими листьями, каплет с ветвей, гравий хрустит под ногами — единственный звук в тишине парка. Холодящий, хвойный, сырой вкус воздуха.

Из-за деревьев — молчаливый замок с пирамидальной и прямоугольной башнями. С узкими окнами, темной черепицей крыши, каменной резьбой балконов, обрамлений окон и входа, похожего на портал. Львы с поднятыми тяжкими лапами, многогранный, с окнами, угловой переход. Плиты лестницы вниз, на уходящий в даль парка широкий, с аккуратно подстриженной зеленью газон, перечеркнутый дорожками.

Седая привратница в пенсне и черной вязаной кофте рассказывает то по-французски, то по-английски не очень древнюю историю замка... И пока мы вникаем в смысл фраз, мельчайшие капли мороси оседают на шерстинках ее кофты, на волосах и бровях, и слышны редкие голоса птиц в тишине. Теперь здесь интернат, а застекленное здание у газона — классы... И что-то еще приветливо она объясняет, все больше белея от оседающей влаги. Не помню, да и не важно — что...

Но что же важно? И почему всплывает этот замок, высокий его силуэт, и башни, и зубцы крыш, а город уже потом начинается, за

оградой, после выхода за нее? Не знаю. Пусть так, раз так помню. Пусть начинается Брест со старого замка над морем и седой привратницы, пожелавшей нам счастливого Нового года, Bonne année…

«Bonne année», «Méilleurs Vœux» — со стекол витрин, с тисненых открыток в блестках над оленями у идиллических заснеженных домиков, с оберточной бумаги покупок, огнями над улицей.

Перекинутые с одной стороны улицы на другую гирлянды разноцветных огней провисли в густой, плывущей между сырыми стенами домов мороси, в синей и лиловатой вечерней мгле. Сквозь это лиловое, синее, туманное горят огни реклам, витрин и окон. Сквозь нее несут огни автомобили, отражения красных задних фар длинно разливаются по мокрому асфальту, текут—между горящими отражениями вывесок, гирлянд из лампочек, между опрокинутыми химически-красными, зелеными, лиловыми буквами, кружка́ми и ромбами—по черной мостовой, по тротуарам. И в этой сизой, подсвеченной электрическими огнями мгле, в отражениях, отблесках на лицах, вечерний поток еще совсем чужих, еще далеких француженок и французов, цветные раскрытые зонтики, влажный блеск глаз, длинные волосы девушек, кожаные пальто макси и юбки мини, сумки на плече, придерживаемые рукой… Мужчины, обнявшие за плечи женщин, большие пушистые шарики мимозы в дымчатой зелени листьев за стеклом цветочного магазина, и эти желтые шарики в руках совсем юной девушки в свитере с широким воротником вокруг тонкой шеи, и ожидающий, рассеянный взгляд ее из-под челки спутанных волос…

Несколько дней до Нового года. А здесь запах мелко цветущего кустарника, цветы на клумбах, парусные лодочки, посланные в плавание детьми в бассейне у фонтана, недалеко от высокого обелиска на площади: «Брест — своим сынам, погибшим за Францию», у центральной улицы имени Жана Жореса.

Поток людей, машин, сияющие витрины, первое виде́ние незнакомого города, мелькание, мерцание, калейдоскоп огней, фасадов, переулков, лиц, глаз, поток, водоворот.

Вдоль тротуаров от одного основания расходятся по три изогнутых столбика-стебля с небольшими зелеными елками в горшочках на уровне фонарей. Молодой кареглазый шатен в красном одеянии, напоминающем скорее мантию кардинала, чем привычную для нас одежду Деда Мороза (только по капюшону белое обрамление), фотографируется с детьми посреди улицы, улыбаясь в объектив длинноногой мадемуазель Снегурочке, увешанной фотоаппаратами, осыпанной искрами мороси по пепельным волосам до плеч. Белые, лиловые хризантемы в магазине, у цветочницы на углу, их холодный, тонкий, горьковатый запах, растворенный в воздухе, плывущий за нами по улицам…

Как рассказать? Может быть, этот едва уловимый знакомый запах, светящаяся мгла, взгляд девочки с мимозой — мгновенное, неверное, нечаянное, невместимое в понятие и мысль наполнило

душу весомее и счастливее, чем наполняют ее и вправду имеющие значимость и вес события? Да и чем определить, как измерить эту значимость, если не силой впечатления, не резкостью отпечатка в душе?

Под мостом из высоких бетонных конструкций, отражая огни в воде залива, стоят военные суда. А слева, за площадью, тяжело поднимаются мощные башни и стены форта.

У начала набережной бронзовая женская фигура поддерживает на поднятой руке парусник. Каменный парапет, сосны, скамьи. Глубоко внизу, под обрывистым берегом, под ответвлениями освещенных спусков шоссе во тьму и даль уходит неясный простор гавани. Редко и широко разбросаны по ней огни судов. Набережная прямо, пустынно, черно уходит туда, где возле угольного причала стоит наше судно, к противоположному краю города, обозначенному невидимым теперь замком, и уходят туда дымящиеся фонари и рассеянный сине-черный мрак ночных вод.

Здесь, над обрывом, город словно обретает еще одно измерение и завершенность, становится понятным в своей линейности, протяженности вдоль гавани, в предназначении своем и скрытой в первые часы сущности города и порта, выросшего между Па-де-Кале и Бискайем, у выхода в Атлантический океан. И весь этот день сейчас, после часов торопливого хождения по улицам, скверам и площадям, когда мы остановились, замолчали, нечаянно и полно погрузились в сумрак и тишину над тишиной и сумраком моря, прошедший день тоже обрел завершенность и полноту. И будто впервые стало понятно и достоверно: мы во Франции, в Бресте.

А утро было солнечно и прозрачно, как последние дни нашего лета или первые, ясные, теплые еще дни ранней осени.

После трех месяцев в Атлантике, потом в Бискайском заливе, монотонных дней с дождями и пасмурным небом, с небольшими, но постоянными и изматывающими этим постоянством штормами, дней, когда ты заброшен в серые зимние воды, даны нам сейчас три неполных дня на земле. И на какой земле... Страны, дух и обаяние которой входило в твою жизнь за многие годы до того, как ты смог поверить, что ступишь сам на ее берег. Дано тебе до нелепости малое время, и ты все же безрассудно надеешься прикоснуться к ее иному бытию, что-то ощутить в нем, понять, запомнить, унести с собой.

Один из двух моих спутников пытался сделать это с помощью фотоаппарата «Зенит-3». Вчерашний мглистый вечер он считал пропавшим, ходил по городу без вдохновения, проклиная погоду и сожалея о пропущенном на судне ужине. Зато теперь он был сосредоточен и деловит, останавливался на каждом перекрестке, наводя объектив на улицы, на прохожих.

Мы оставили его у набережной, напротив форта, и зашли в кафе. Первая половина его, сплошь застекленная, была открыта солнцу и взглядам и похожа на открытые кафе с вынесенными на тротуар столиками, но вместе с тем отделена от тротуара и прохожих, защищена от ветра чисто вымытым стеклом. Солнце, плетеные кресла и столики, белые скатерти, граненые небольшие вазы с веткой мимозы в каждой, лучи, преломленные в гранях и разбросанные по скатертям радужными акварельными пятнами. Миновав этот зал, мы попали в другую половину кафе, в глубине и затененности, слегка приподнятую над первой, отделенную от нее двумя прямоугольными деревянными опорами. Здесь стены от пола до потолка были отделаны полированным деревом, стояли тяжелые деревянные столы и стулья с тем же темным лаковым покрытием. Внизу — солнце, открытость взглядам, здесь — дневной полумрак и впечатление уединенности; такое разделение я заметила потом и в других кафе. С потолка, на скрещении широких

серебристых рождественских нитей «дождя», свисают деревянные обручи со вписанными в них матовыми лампами, таящими в современных формах неявное напоминание о стекле керосиновых ламп. Поблескивает перевернутыми бутылками, пестреет этикетками стойка, барменша приносит две керамические чашки с прекрасным кофе...

Рано еще, десятый час.

Внизу, на солнечной половине, за чашкой кофе сидят три молодых человека, свободно откинувшись на плетеные спинки, как сидят люди, которым некуда спешить, ничего важного не надо сообщать друг другу, а просто хорошо сидеть вместе, пить кофе, обмениваясь фразами и улыбками. Тонкое лицо шатена с прямыми волосами, золотая цепочка с многогранником на сером шерстяном свитере, легкий жест руки, откидывающей волосы со лба... Молодая женщина, сидящая в отодвинутом от стола кресле в углу, ее жакет в коричневую клетку, коричневая шляпка с чуть опущенными полями, темные волосы, темные глаза из-под полей, дымок сигареты... Трое у стойки бара, оживленно разговаривающие за стаканами вина... И низкий, негромкий голос Эдит Пиаф из музыкального автомата: «Нет, я ни о чем не жалею...»— голос, перебросивший «дождевую» нить в зыбкое воспоминание, в мою московскую комнату, в давнюю печаль, и тот же глубокий голос, знающий о смерти и о любви и ни о чем не жалеющий.

И были другие часы, когда мы шатались по магазинам, потому что один из нас был озабочен поисками подарков невесте, потому что всем нам предстояло в два оставшихся дня растратить заработанную за три месяца и выданную во франках валюту. Мы ходили по магазинам, имеющим имена — «Andrée», «Léon», «Valérie», «Pour les dames Françaises» — и безымянным, с узким входом, непременно с главной улицы, и неожиданно открывающимися в глубине просторными залами. Шли сквозь их мишуру, блеск, пестроту, многоцветность, парфюмерное благоухание, сквозь ряды выдвинутых на тротуар столов дешевой распродажи с грудами битловок, блуз, халатов, белья, детской одежды, небрежно или со вниманием перебираемой руками покупателей, между которыми сновал, скользил, улыбался продавец с элегантнейшим пробором и лентой метра на шее. Мы заходили в магазин и сразу вступали в контакт, пусть недолгий, затрудненный почти полным незнанием языка, но мадам или мсье встречали уже у дверей, отвечали на приветствие, осведомлялись, чего мы желаем, какой нужен размер и какой цвет нам приятен, соблазняли и очаровывали, раскрывали коробки, пакеты, раздвигали ряды пальто и платьев, подносили к свету, прикидывали, примеряли, улыбались, одновременно выясняя, из какой страны мы прибыли, приятно ли было наше путешествие, нравится ли нам Брест, предлагали адреса других магазинов, иногда даже сопро-

вождая нас в соседний магазин. Смуглолицый выходец из Египта ласкающим движением руки надевал на мой палец один за другим черненые перстни, раскладывал тускло мерцавшие на бархате серебряные крестики изысканных пропорций, размеров и рисунков. Мужчина со шкиперской бородкой в магазине морских сувениров предлагал хронометры, вмонтированные в штурвальное колесо, авторучки-кинжалы, письменные приборы с якорями, брелоки, значки и гербы с тиснеными, вышитыми, выгравированными парусниками. И все понятнее становилась французская фраза об «удовольствии делать покупки», все больше пакетов в лентах и бантах несли мы в руках и саквояже... Наконец в маленькой лавке, где посреди ковра лежала белая с рыжим собака колли, свободно вытянув длинное тело и уложив узкую голову на лапы, где вместо туфель для невесты был приобретен бронзовый подсвечник, мы обнаружили, что бо́льшая часть валютных запасов растрачена и, не без облегчения, прекратили кружение по магазинам.

Замедленнее и спокойнее стал внутренний ритм нашего движения по Бресту. Взгляд мог вобрать и частное, и целое и возвратиться к деталям. День стал еще теплее. И что-то открытое, светлое, летнее несли в себе люди... Мужчины и юноши в джинсах, вельветовых брюках с широким рубчиком, в битловках или распахнутых замшевых куртках с бахромой, все без головных уборов, женщины, наполовину закрывшие лицо очками от солнца — круглыми, прямоугольными, многогранными, голубыми, розовыми, дымчатыми, зеркальными, моряки в праздничности своих сине-черных форм с нашивками на рукавах и красными помпонами на беретах. По-летнему легко были одеты дети, по-летнему зеленели пирамидки елок на столбах.

В памяти моей французы остались своеобразно красивыми, но впечатление это складывалось скорее из их интеллигентности, их обаяния, доброжелательности, присущих — возможно так казалось мне в те часы острой влюбленности в Брест и его обитателей — и грузчикам в порту, и морякам с помпонами, и женщинам, продающим устриц в плетеных корзинах на окраине, и старикам, и детям,— как будто все это было национальными чертами, предопределенными фактом рождения на этой земле, ее прошлым и настоящим. Но может быть, еще сильнее было впечатление непринужденности «духа легкости», если можно так выразить нечто противоположное «духу тяжести», озабоченности, удрученности или глухой погруженности в себя. Легко и артистично даже исполняли продавцы свою роль соблазнителей, свобода и разнообразие были в стрижке мужских волос, чаще всего длинноватых, непринужденность сквозила в легком пренебрежении к одежде, в том, как приподняты были рукава свитеров, переброшен плащ через плечо, в отсутствии роскоши в самых лучших туалетах, и равноправии в моде любых мини и макси, и расклешенных брюк, и каблуков широких и узких, беретов, шляп с большими полями и без полей, панам, шалей любых стилей, форм, расцветок, лишь бы были удобны и

приятны. Раскованность была в словах и жестах, в том, как шли, обнявшись, юноши и девушки, в дружеских или нежных поцелуях на улице при расставании или просто оттого, что захотелось поцеловаться, в неожиданности заданного тебе вопроса, в игре лица. Однако то же пренебрежение к одежде нигде не переходило в небрежность, непосредственность самовыражения не задевала другого, склонность к общительности не становилась навязчивостью, любезность не приобретала черт зависимости, эффектность не кричала о себе — все удерживалось на нужной грани, на такте, вкусе и чувстве меры. Все это, вместе взятое, и создавало впечатление красоты, непреднамеренного изящества, природного артистизма.

...В небольшом баре на пересечении трех нешумных улиц, за одним из разноцветных столиков у окна мы снова пили кофе, отдыхая и всматриваясь в лица. Юноша с волосами до плеч перелистывает журналы, выставленные на стенде у входа. Четверо за столиком играют в карты. Двое, чуть дальше, сдвинув к окну стаканы с коктейлями, поочередно бросают кости, оттуда слышен уже привычный счет по-французски: пять-пять, два-один. Посреди зала, окруженные болельщиками со стаканами вина в руках, играют на бильярде, с подсказками, подталкиванием друг друга кием, со смехом и возгласами. Пара напротив, спиной к нам, просто сидит обнявшись, перед пустым столиком, ее голова покоится на его плече, а он перебирает ее распущенные волосы, накручивает на палец и отпускает... Мужчины в комбинезонах неспешно пьют вино у стойки; блондинка в розовой блузке, напевая, протирает столы; девочка облизывает ложечку, которой ела мороженое, а мама завязывает ей бантик, мягко кокетничая с мужчиной в светлой замшевой куртке и с сигарой. Из дальнего угла слышно характерное постукивание игрального автомата, выбрасывающего за полфранка счастливые или проигрышные сочетания фигур на табло, молча глотающего или со звоном сыплющего монеты в желобок.

И мы оставили несколько монет в автомате, посмотрели журналы со скачками, обнаженными женщинами, речами политиков, выпили чуть-чуть вина...

Был еще вечер и утро следующего дня, прогулка вдоль берега от форта в сторону, противоположную замку, коттеджи с живописными двориками, собор из светлого камня, открытки с парусниками, оленями, свечками, посланные домой — из Франции! Фотосалон с пейзажами юга и Приморских Альп, с портретами женскими и мужскими, огромными фотографиями вздыбленных лошадей и вспененного моря; и два фильма, и снова вечерние улицы; была неутолимая жажда видеть и острое сожаление о краткости отпущенного нам здесь срока.

К середине третьего дня ушли в открытое море, но вечер еще принадлежал Бресту.

В бутылке из-под вина цветущая ветка кустарника белела в сосновых иглах. За открытым иллюминатором шумело, ударяя в борт, море, напоминало о себе брызгами и сырым ветром. А мы сидели на стульях, на столах, по которым были рассыпаны яблоки и апельсины, выданные вчера, разливали по высоким стаканчикам вино из толстостенных бутылок, дешевое, легкое «Santa Rose». Все были оживлены, говорили наперебой и были немножко счастливы. Показывали друг другу покупки и сувениры; техник танцевал на покатом полу «гоу-гоу», гидролог вдохновенно рассказывал, как владелец бара, узнав, что ребята из России, предложил выпить с ним за встречу.

Нам было хорошо в тот вечер. Оттого, что были эти три дня, оттого что транзистор ловил песни французских шансонье: «Иезавель! И-е-езавель!» — и музыка привносила в нашу оживленность привкус горечи и свет, и глубину, напоминала о чем-то невыразимом, непреходящем и прекрасном, что и было, возможно, самой жизнью, было больше,чем все о ней размышления.

Пахло белыми цветами, яблоками и хвоей. Волны ударялись в борт, и звезды раскачивались, пересекая черный распахнутый круг иллюминатора.

ОБ АВТОРЕ

Алфеева Валерия Анатольевна. Родилась в 1938 году в городе Пителино Рязанской области. Окончила факультет журналистики МГУ. Литератор, журналистка. Много путешествовала по Советскому Союзу и зарубежным странам. В навигацию 1962—1963 годов прошла сквозным арктическим рейсом из Владивостока в Мурманск. Позднее участвовала в рейсах научно-исследовательских, промысловых и транспортных судов в районы промыслов Атлантического и Тихого океанов с пребыванием в Южной Америке, на Канарских островах, во Франции, Англии, Польше, ГДР. Автор многих рассказов, очерков, статей в периодической печати: «Известиях», «Литературной газете», «Неделе», «Советской культуре», «Литературной России» и других. В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над сборником рассказов и книгой «Атлантические дневники».

АЛЕКСАНДР ЯБЛОКОВ

СНЕГА ТЯНЬ-ШАНЯ

Очерк

Я помню это, как сейчас...
И мгновенно сжавшее сердце чувство опасности.
И нарастающий зловещий шорох.
И ледяное дыхание «белой смерти» за спиной.

Снежные лавины... С ними люди знакомы давно. К сожалению, за печальными примерами не обязательно обращаться к далекой истории. Зимой 1969/70 года в Иране после продолжительных снегопадов за несколько дней на автомобильную дорогу Тегеран — Амоль обрушилось более ста лавин. Десятки автомашин засыпало снегом или сбросило в пропасть. Тридцать девять человек погибли, около двухсот получили тяжелые ранения. В том же году в Швейцарии снежным обвалом снесло несколько военных казарм и три жилых дома. Засыпанных удалось быстро откопать, однако для двух из них спасение пришло слишком поздно. Во Французских Альпах в начале февраля 1970 года со склона горы Дом на курорт Валь-д-Изер рухнул огромный снежный обвал. Выбив окна и двери, лавина ворвалась в большой отель, где в этот час завтракали около двухсот туристов. Пятьдесят из них погибли, остальные получили ранения.

Неискушенному человеку, никогда не видевшему гор, трудно представить себе движение со склонов многих тысяч, а порой и миллионов тонн снега, невозможно поверить, что столь безобидный пушистый снежок может стать страшным, неудержимым потоком, сметающим все на своем пути.

Но нам, лавинщикам, знаком и такой его облик.

Мы, зимовщики высокогорной снеголавинной станции «Итагар», охраняли от снежных обвалов один из участков высокогорной автомагистрали Фрунзе — Ош. Пересекая с севера на юг хребты Тянь-Шаня, она служит продолжением известного памирского тракта Ош — Хорог. Из четырех СЛС (снеголавинных станций), охраняющих эту дорогу, «Итагар» — самая низкая: всего две ты-

сячи метров над уровнем моря (остальные находятся на высоте более трех тысяч метров), но зато у итагарцев самый большой охраняемый участок — тридцать пять километров, где сходит наибольшее количество лавин, и притом самых крупных. Прогнозировать их здесь тоже труднее, чем на других участках. Одним словом, ниже не значит легче.

Станция размещена в большом каменном доме с бетонным пояском под самой крышей: землетрясения здесь случаются силой до девяти баллов! Правда, нечасто, раз в столетие. Чаще слабые толчки, один—четыре балла.

На южных склонах — горные луга и степи, на северных — редкая поросль ели, пихты, можжевельника. По долинам вьется бурная речка Чичкан (что в переводе означает «мышка»), впадающая в Нарын. Весной, в половодье, наша «мышка» ворочает многотонными валунами.

В штате станции три радиста-метеоролога и шесть лавинщиков: начальник станции, инженер и техники.

Самым старшим среди нас был человек удивительной и интересной судьбы — Филипп Матвеевич Лизин. Его ровесники давно на пенсии, а он в свои семьдесят бодр, здоров и неутомим, как в молодые годы. Кадровый работник гидрометеослужбы, он отдал ей почти сорок лет. Уроженец Киргизии, Филипп Матвеевич был хлеборобом, охотником, звероловом. В девятнадцатом году ушел добровольцем в Красную Армию, сражался с Колчаком, с басмачами. И как он умел живо и ярко об этом рассказывать!.. Исчезали стены станции, снежные горы, и перед нашими глазами по раскаленной пустыне под красными знаменами мчалась конница, горячий ветер нес клочья порохового дыма...

В начале двадцатых годов судьба свела Филиппа Матвеевича с молодым ученым, будущим известным советским гидрологом, Львом Константиновичем Давыдовым, именем которого назван большой тяньшанский ледник. Лизин познакомился с основами науки о погоде и стал наблюдателем одной из первых метеорологических станций в Киргизии, а в 1929 году зимовщиком высокогорной гидрометеостанции «Тянь-Шань». Высота — более трех тысяч метров, бескрайние заснеженные хребты... С тех пор, наверное, и запали в душу Филиппа Матвеевича горы.

Через три года Лизину предложили принять участие в комплексной Киргизской экспедиции, изучавшей природные ресурсы края. Что может быть увлекательнее, чем намечать трассы будущих дорог, обследовать неведомые ледники, перевалы, далекие урочища? Работа как раз для него! И каждая новая зимовка, каждая экспедиция обогащали Филиппа Матвеевича опытом и знаниями. В 1934 году его назначили начальником большой гидрометеорологической станции «Байтык» возле Фрунзе. Здесь он провел целых двадцать лет. Вместе с другими работниками гидрометеослужбы Филипп Матвеевич выбирал места для новых высокогорных гидрометеостанций, устанавливал осадкомеры, разбивал

снегомерные маршруты, изучал лавины и ледники. Шли годы. И вот проводили его на заслуженный отдых. Но недолго радовали покой и тишина пенсионных дней. Вскоре Филипп Матвеевич затосковал по всему тому, с чем была связана вся его жизнь. Наконец не выдержал, пришел в отдел кадров. Медицинская комиссия дала заключение о безукоризненном состоянии здоровья Лизина. И снова, как в молодости, горизонт замкнулся белой стеной зубчатых гор, ожег лицо ледяной ветер. Снова зашагал Филипп Матвеевич по снежным зыбям с молодыми бородачами, уставая, замерзая, но чувствуя себя счастливым.

Для начальника станции Виктора Сокола это была пятая зимовка в горах Тянь-Шаня. Руки Сокола из тех, что принято называть золотыми: приемник, движок, приборы — все оживало в его широких ладонях. По своему характеру он был организатором, а не исследователем; в отличие от меня, например, совершенно не мог подолгу сидеть над графиками, схемами и пытаться вникнуть в их смысл.

Его почти что однофамилец Александр Соколов только-только снял армейские погоны и еще находился в том возрасте, когда человек выбирает свой путь.

Супруги Наташа и Виктор Романенко пришли на Итагар с другой снеголавинной станции. С ними путешествовала и годовалая дочурка. Свое дело Виктор знал, однако его больше привлекало сельское хозяйство, и вечерами он готовился в сельхозинститут. Наташа до замужества работала в Забайкалье на таежной станции радисткой и боязливостью не отличалась. Но вот однажды отказалась одна ходить на наблюдения темными безлунными ночами. Оказалось, что зимовавший с небольшой отарой неподалеку от нас чабан как-то пожаловался, что в окрестностях появился снежный барс и задрал нескольких овец. Цепочка следов огромной кошки протянулась как-то и мимо нашей метеоплощадки. Чтобы из-за пятнистого представителя семейства кошачьих не срывались наблюдения, пришлось призвать на помощь представителей сильного пола. Очередная дежурная шла ночью на площадку в сопровождении телохранителя с карабином в одной руке и огромным пылающим факелом — в другой. Но прошло несколько дней, все страхи забылись, и обыденная жизнь на станции потекла по-прежнему.

Жили на нашей станции и другие, четвероногие зимовщики — пес Бек и кошачья пара. Бека я вырастил с щенячьего возраста: поил из соски, кормил, играл с ним. Когда он вырос, все уверяли, что у нас с ним совершенно одинаковая походка. Позднее он научился почти по-человечьи взбираться на автомашины: двумя передними лапами хватался за борт, одну заднюю ставил на колесо, другую перебрасывал через борт в кузов. Семейную же пару составляли большой рыжий кот и пегая кошка. Правда, кот жил на станции только зимой, а летом перебирался в «кошачий замок», как называли скалу возле станции. Там была пещера, где кот спал и прятался от дождя, ровная площадка, чтобы нежиться на

солнце, и даже на самой вершине «противособачье убежище». Но зимой кот снова становился мирным домашним животным. Когда я, прогуливаясь вечерами вдоль дороги, осматривал в бинокль заснеженные склоны, рядом постоянно шествовали мои хвостатые приятели. Ну ладно, я осматривал свои снега, а они-то что?.. Сидели бы дома в тепле, ловили мышей. Так нет же: важно вышагивая справа и слева от меня, так же внимательно обозревали горные склоны, задумчиво покачивая хвостами. Возвращались на станцию мы тоже втроем, все вместе.

Жизнь на зимовках — далеко не безмятежное существование современных робинзонов. Не была она тихой и однообразной и у нас. Занесенные глубокими снегами одинокие домики высокогорных гидрометеостанций, увенчанные заиндевелой паутиной антенн, можно встретить и на дне ущелий, и на склонах гор, и на берегах бурных рек, и у самых ледников. Бесконечная панорама гор, зловещий гул снежных обвалов, веселый шум весенних потоков, свист ветра среди обледенелых скал — это и есть поэзия нашего труда, тяжелого, порой опасного и в то же время любимого, во имя которого мы и отдаем горам лучшие годы жизни.

В сильный двенадцатикратный бинокль мы наблюдали за установленными у самого гребня гор рейками и определяли высоту снега в местах, откуда срывались лавины. Каждое лето приходилось ставить десятки таких реек, а к весне в строю оставались единицы: с остальными расправлялись лавины. Трехметровые деревянные рейки довольно тяжелые, втаскивать их на крутые склоны было нелегко. Зато зимой мы достаточно точно знали «расположение противника».

Установленные в снегу специальные электротермометры показывали температуру снежной толщи на разной глубине. В шурфах мы измеряли плотность снега, силы сцепления в нем, определяли его структуру. Участок объезжали на станционном мотоцикле «Урал», если, конечно, дорога не была перегорожена лавинами. Случалось и переворачиваться на этой машине, но все обходилось благополучно: выручал глубокий снег. Приходилось подолгу сидеть на дне глубоких шурфов, дуя на озябшие руки и внимательно рассматривая почти неразличимые для неопытного глаза снежные слои. Вернувшись на станцию, мы сопоставляли состояние снега с ожидаемой погодой и давали на два-три дня свой, лавинный прогноз. В специальном бюллетене подробно указывали, ожидается ли сход лавин, где именно, угрожают ли они дороге, на какое время необходимо закрыть движение. По радио прогноз летел в наше управление и в Министерство автотранспорта и шоссейных дорог республики, а по телефону мы предупреждали дорожных мастеров и райцентр — поселок Токтогул.

И если угрожали лавины, опускались шлагбаумы, точно руки добрых великанов, оберегающих людей от беды, машины не выходили на трассу, а те, что были в пути, останавливались возле ближайшего жилья, чтобы переждать опасность.

А она возникала не редко.

Шла зима 1968/69 года — одна из самых суровых и многоснежных в Средней Азии за последнее время, как утверждали старожилы и гидрометеослужба. Циклоны в том году почему-то двигались не как обычно — вдоль параллелей, а почти по меридианам, шли в Арктику, затем спускались к югу и приносили в среднеазиатские республики ледяную стужу полярных широт. Волны холода проникли и южнее — в Иран, Афганистан, Турцию и даже в далекий Алжир. Ураганы, ливни, наводнения в одних странах, жестокие морозы и метели — в других...

В Средней Азии замерз Каракумский канал, полуметровый ледяной панцирь местами сковал стремительную и бурную Амударью. А в низовьях Сырдарьи толщина льда превышала метр! Впервые за много лет жаркая Туркмения испытала жгучие морозы. В Ашхабаде снег лежал почти два месяца, температура опускалась до —25, а в Центральных Каракумах и до —35 градусов!

Правда, у нас на «Итагаре» ниже —24 не было: холодный воздух стекал по долине Чичкана вниз. Зато в Токтогуле и Сусамыре ртуть в термометрах замерзала.

Глубокие снега покрыли горы и долины Киргизии. Местами осадков выпало в три раза больше нормы. На перевалах и у гребней гор бушевали свирепые ветры, перенося снежные массы с наветренных склонов на подветренные. Тяжелые многометровые карнизы, точно пена штормовых валов, нависли над долинами и ущельями. А с севера и северо-запада все шли и шли новые тучи, ложась на каменные плечи гор тяжким грузом миллиардов снежинок.

Работники гидрометеослужбы среднеазиатских республик, проанализировав возникшую ситуацию, еще в середине зимы сообщили в Москву в свой главк об ожидаемой затяжной холодной весне и возможном сильном половодье на всех реках. Вскоре в Ташкент прилетела специальная правительственная комиссия во главе с начальником службы погоды нашей страны академиком Е. К. Федоровым.

Еще выли вьюги, сыпали снега и гремели лавины, а люди уже готовились встретить небывалый паводок. Были срочно организованы десятки временных водомерных постов на реках и озерах; особая патрульная служба вела на вертолетах наблюдения за состоянием снега в горах на площади в полмиллиона квадратных километров. Гидропрогнозисты на всякий случай заранее рассчитали последствия прорыва вод некоторых озер и водохранилищ. И весной, когда разгул снежных стихий сменился яростью разбушевавшихся рек, это не оказалось неожиданным. Гидрометеослужба выполнила свой долг.

Мы, зимовщики станции «Итагар», сошлись в глубине гор со стихией лицом к лицу. Это был наш фронт. И главным врагом был снег. Все годы работы в горах связаны в моей памяти со снегом. Снег всегда разный — различной глубины, плотности, прочности,

структуры. Можно без устали наблюдать за игрой цвета великого белого океана, ежегодно затопляющего десятки миллионов квадратных километров суши, океана неподвижного и в то же время гонимого ветром и солнцем. Мы, лавинщики,— моряки холодных белых зыбей, которые затопляют скалы, деревья, дома. Волны-заструги качают наши лыжи, а вместо течений — поземки, метели и лавины. Снег, создающий ледники, питающие реки, но своими обвалами несущий смерть и разрушение. Снег — жизнь и снег — смерть, не злой и не добрый, как и вся природа вообще.

Еще осенью мы убедились, что зима будет суровой и снежной, а значит, и, так сказать, лавинной.

И вот наше время настало.

Куда девались неторопливость, спокойствие и невозмутимость итагарцев. Теперь мы все время обходили и объезжали свои владения, рылись в снегу, внимательно всматривались в склоны. В эту зиму нам пришлось выдержать самую настоящую войну, в которой бывали и отступления и перегруппировки. Под отдаленный грохот взрывов по картам разрабатывались очередные операции, а смертельная опасность угрожала не раз и не два.

Первые снежные обвалы на нашем участке ринулись со склонов еще в декабре. Но это была мелочь, объемом всего по нескольку тысяч кубометров, и до дороги они не дошли, остановились на склонах и в глубине ущелий.

Но вот наступил январь. В ночь на десятое мимо станции на Ош промчались несколько автомашин. Однако вскоре почти все они вернулись, и мы узнали: только что километрах в десяти от нас на дорогу грохнулась лавина, завалив полотно шоссе на протяжении семидесяти метров четырехметровым слоем плотного снега. Но самое главное — исчезла шедшая впереди колонны «Волга». Не завалило ли ее?

Признаюсь, у меня от такой новости мурашки поползли по спине. Начальник станции уехал к дорожному мастеру, и я, оставшись за него, только-только собрался передать, чтобы закрыли на дороге движение. Не успел!..

Надо было срочно что-то предпринимать. Взяв длинные металлические щупы, мы со старшим техником Володей Тыняновым, самым сильным и крепким из лавинщиков, помчались на машине к месту происшествия.

Несколько часов в тревожном свете звезд мы лазили по неровному снежному завалу, до самой земли протыкая щупами плотный снег и каждый раз боясь обнаружить раздавленный автомобиль. Ведь сила удара лавины превышает порой шестьдесят тонн на квадратный метр! Тут и бронетранспортер не устоит, не то что легковушка.

К великой нашей радости, мы ничего не нашли. А утром, когда рассвело, по следам колес мы убедились, что «Волга» успела проскочить, перед тем как завалило дорогу.

На следующий день пришел вызванный нами по телефону бульдозер. За несколько часов непрерывной работы он пробил в завале глубокую узкую выемку. Но через два дня новая лавина (на этот раз мы не опоздали с предупреждением) начисто засыпала выемку, а когда расчистили путь, рухнула третья! И это только в одном месте, а сколько таких мест! В январе из-за лавин на нашем участке пятнадцать раз останавливалось движение. Порой на станции собиралось более десятка машин, в ожидании бульдозеров шоферы жили в лавинном кабинете.

Снег покрыл и зимние пастбища в долинах, овцы не могли доставать из-под сугробов сухую траву, возникла опасность падежа. Нужно было подвозить корма, но дороге угрожали лавины.

Глубокие снега отрезали от внешнего мира некоторые дальние селения. Но люди не отступили. Помощь населению пришла из многих мест. Мощные тягачи и вездеходы повезли в глубь горных районов топливо, горючее, продукты, медикаменты...

Снегопад за снегопадом... Снег на склонах не успевал оседать, уплотняться, и в клубящихся вихрях белой пыли с низким гулом или раскатистым громом горы сбрасывали со своих каменных плеч снежное бремя. А возле солнца уже вновь появлялся широкий радужный круг — гало, верный предвестник приближающегося циклона. Где-то далеко-далеко над синими волнами океана поднялись в воздух прозрачные струи пара, превратились в облака и, гонимые ветрами, поплыли над землей, чтобы после долгого пути здесь, почти в самом центре Азии, превратиться в тонкие лохматые снежинки и тихо лечь на холодные скалы.

В ту зиму лавины сходили не только в горах, но и в предгорьях, где раньше о них и не слышали.

Горячая пора была у всех: шоферов, дорожников, лавинщиков. Нужно было порой просто интуитивно находить в промежутке между непрерывными метелями, снегопадами короткие отрезки времени, когда по дороге можно было безопасно двигаться. И вскоре опять приходилось оповещать всех о новой лавинной угрозе.

Несколько раз мы пытались сбрасывать лавины искусственно, с помощью взрыва. Вызывали взрывников, подтаскивали под опасный склон десятки мешков с аммонитом (порой полторы-две тонны) и спешили в безопасное место. Взрывник опутывал мешки розовым детонирующим шнуром, чтобы рванули одновременно, прикреплял капсюль и поджигал огневой (по-старому — бикфордов) шнур. Шипящий желтый огонек неспешно полз к мешкам... Взрыв!!

Эффектно, но не эффективно. Воздушная волна, которая должна бить по склонам, обрушивая с них снежные массы, ослабевает пропорционально кубу расстояния. В два раза больше расстояние — в восемь раз слабее удар и т. д. А у нас от места взрыва до скопле-

ния снега многие сотни метров. Тут уж не жалкую тонну аммонита, а целую атомную бомбу надо бы!

Ну, бомбу не бомбу, а пушка или миномет нам бы здорово помогли. В Хибинах давно уже используют минометы, чтобы защитить от лавин карьеры апатитового комбината. На Кавказе работники Высокогорного геофизического института обрушивали снег со склонов огнем из старой зенитки. А в Австрии и Швейцарии уже двадцать лет существуют легкие портативные противолавинные ракеты, которые, как пехотный гранатомет, можно всегда носить за спиной.

Февраль не принес облегчения: все те же бесконечные снегопады. Круглосуточно дежурившие на перевалах бульдозеры не успевали расчищать заносы и иногда просто перетаскивали машины через сугробы на буксире.

Порой ветер приносил издали чуть слышное эхо далеких взрывов. Это сражались с лавинами наши коллеги на перевалах Ала-Бель и Тюя-Ашу.

В марте наконец повеяло теплом. Ослабели морозы, стихли ветры, ярче заблистало солнце. Наступил день, когда ртуть в термометре поднялась выше нуля. Но весна принесла новые заботы. Это время наиболее опасных лавин. Снега на склонах оставалось еще немало. И вот он стал прогреваться, разрыхляться, пропитываться талой водой.

Шестого марта глухой гул, похожий на раскаты далекой грозы, заставил меня выскочить из дому. Со скалистого склона напротив станции низвергалась белая Ниагара. Да что там этот водопад с его пятидесятиметровой высотой! Здесь она была минимум раз в восемь больше. Широкий кипящий снежный поток стремился вниз, вздымая ощутимо плотные даже на расстоянии клубы ослепительно белой пыли. Сквозь гул обвала доносился приглушенный треск ломающихся деревьев. Снег срывался волнами, струями, каскадами и, ударяясь о дно долины, вновь белыми гейзерами вздымался к небу.

Вот плотная туча снежной пыли накрыла меня, стало трудно дышать: такой густой она была. Пахнуло в лицо сырым холодом. Позади задребезжали стекла — по окнам станции ударила воздушная волна. Все утонуло в мутной белесоватой мгле.

До станции лавина не дошла, но широкой снежной плотиной перегородила Чичкан. Дно обнажилось, и наши ребята успели поймать несколько зазевавшихся рыбешек. А я ругал себя за нерасторопность: такие кадры не успел сфотографировать!

Через несколько дней лавина осела, подтаяла и из снега показались тонкие стройные ножки. Элик — горная косуля, тяньшаньская серна — на свою беду попала в снежный поток. Потом мы еще не раз находили в тающих лавинах погибших животных, и диких, и домашних, которых оставили на зимовку в горах.

В один из мартовских дней в девяти километрах от станции сошла гигантская лавина. Снег таял, пропитывался талой водой, тяжелел, разрыхлялся и наконец сорвался со склонов огромной массой. В долине большого чичканского притока Кочко-Булака (что означает «лавинный ручей») он обрушился сразу с площади около двух квадратных километров. Стремительный снежный поток почти четыре километра мчался по долине, сжимаясь в каменных теснинах и выплескиваясь на скалы на поворотах. Выскочив в долину Чичкана, лавина на протяжении двухсот метров засыпала полотно дороги слоем снега с трехэтажный дом, сбила несколько телефонных столбов и на несколько часов запрудила реку Чичкан, образовав небольшое водохранилище. Правда, вода вскоре размыла снежную плотину, но огромный снежный завал на дороге предстояло расчищать людям.

По нашим подсчетам, объем этой лавины составлял около миллиона кубометров. Старожилы утверждали, что такие лавины сходили в Кочко-Булаке очень редко, только в чрезвычайно многоснежные годы.

Сначала мы с опаской осматривали в бинокль кочко-булакское ущелье: не сойдет ли еще лавина? Снега на склонах оставалось еще предостаточно. Но вскоре опасения рассеялись, а я даже прошел немного в глубь ущелья, чтобы подробнее описать лавину и сделать необходимые снимки. Вскоре еще более потеплело и по всему нашему участку загремели, загудели мокрые лавины. Одни каскадами срывались со скал, другие потоками проносились по ущельям и долинам, третьи широкими пластами сползали со склонов. Забот хватало, четкой методики прогнозирования таких лавин еще нет. Они самые коварные, самые неожиданные. Приходилось рассчитывать на собственный опыт, а также на интуицию, шестое чувство.

После схода большой кочко-булакской и нескольких десятков меньших лавин дорогу временно закрыли, движение приостановилось. Возле нашей станции терпеливо выстроились машины, попавшие в своеобразную ловушку: лавины обрушились с обеих сторон, отрезав путь и вперед и назад. Шоферы этих машин жили у нас. Нам почти не приходилось спать, но своей работой мы могли быть довольны: никто не попал под обвал, не было ни одного несчастного случая, несмотря на уникальный по погодным условиям год.

Я обходил наш участок, осматривая в бинокль склоны, нанося на карту сошедшие лавины и места их возможного обрушения, определяя в отдельных контрольных местах свойства снега. Шел один, остальные лавинщики работали в районе станции. На засыпанной снегом дороге все двадцать восемь лошадиных сил нашего мотоцикла были беспомощны. Эх, одну бы силу, но живую, с гривой и хвостом, она бы меня через все завалы перевезла!

Я шагал и невольно думал, что в шумной толпе городских улиц мы равнодушно смотрим на проходящих мимо людей. Вот, ожидая зеленого света, стоит человек у края тротуара. Одна за другой несутся машины, и вряд ли кто-нибудь из водителей даже на мгновение задержит на нем взгляд.

Но вот ночью сквозь мутную метель мчится по горной дороге автомобиль. И вдруг в свете фар возникает фигура. Человек на дороге! Это выражение у нас на трассе имеет свое значение. Человек на дороге! Один. Вокруг пустынные горы. Значит, нужно помочь, подвезти. Дорога учит ценить человека: и того, чья помощь может потребоваться, и кто сам нуждается в помощи. Да ведь и вся наша жизнь — тоже дорога, только во времени...

Неожиданно я услышал: «Эй!» — и обернулся. Кто это меня зовет? Неподалеку, на заснеженном склоне, сидела большая лиса, по-видимому лисовин. Весенний лай его немного похож на что-то вроде окрика «эй!». Чуть склонив набок голову, он с интересом рассматривал меня. Я с не меньшим интересом стал рассматривать лисовина. Да, не сладко пришлось зверю зимой. Он был невероятно худ, на впалых боках клочьями висела линялая шерсть. Но все выражение его темных блестящих глаз и вытянутой морды говорило о том, что трудности позади, в разгаре весна, а значит, живем!

Живи, живи, рыжий! Только в следующий раз не подходи к человеку так близко, береги свою шкуру. Я махнул лисовину рукой, и мне даже показалось, что он дружески кивнул в ответ.

Работа заняла немало времени, но я был так увлечен, что не чувствовал усталости. Еще бы, удалось снять на кинопленку несколько движущихся лавин. Все вокруг таяло, изменялось прямо на глазах, и нужно было спешить увековечить на пленке все особенности этого удивительного, неповторимого года.

Возвращаясь, я увидел возле кочко-булакского завала два бульдозера. Вот здорово, уже и технику подогнали! Молодцы дорожники! На самой вершине снежного бугра стояли несколько человек. Наверное, бульдозеристы решали, с чего начать.

Внезапно их охватило беспокойство, они бросились бежать, испуганно оглядываясь назад.

Я прибавил шагу, подошел к дорожникам.

— Что случилось?

— Лавина! Прямо на наших глазах... Там, в верховьях Кочко-Булака... километра три отсюда... Весь склон сразу двинулся вниз... мы видели... идет сюда...

Я остановился. Прошла минута, две. Все было тихо.

— Зря испугались! — решительно заявил я.— Она бы сюда уже дошла. Видимо, остановилась в середине ущелья.

И я бодро двинулся вперед, через завал. Дорожники остались на месте, настороженно смотря мне вслед.

На всякий случай я еще раз прислушался: тихо. Кочко-булакское ущелье мне не было видно: его закрывало гигантское нагро-

мождение снежных глыб. А вдруг?!. Но я тут же отогнал эту мысль. Нужно торопиться, на станции ждут срочные дела.

Помахав дорожникам (дескать, все в порядке!), я зашагал по завалу. За двенадцать лет работы в горах выработалось безошибочное чувство опасности. Прошел метров сто, почти до середины завала, откуда открылось все кочко-булакское ущелье. И тут я замер от ужаса. Прямо на меня неудержимо катилась огромная, высотой метров в десять, стена снега, словно волна цунами, во всю ширину ущелья, от борта до борта. А за ней вздымались и опадали такие же высокие белые валы...

Впервые в жизни я видел такую массу движущегося снега. Сотни тысяч тонн его мчались по ущелью. Словно при землетрясении подрагивала земля. И весь этот гигантский поток, вся чудовищная снежная масса в неправдоподобной тишине катилась прямо на меня. Оставалась какая-то сотня метров...

И тут кроме естественного страха, который может иногда парализовать, я, как это ни странно, испытал и возмущение. Как?! Давить меня?! Старого, опытного лавинщика, так сказать, «своего» человека?! Ведь я был твердо уверен, что лавина давно остановилась. Ну нет, не поймаешь! Инстинктивное чувство мгновенно подсказало, что вперед бежать нельзя, и я бегом кинулся по своим следам, с азартом повторяя про себя: «Ну нет, не догонишь!..»

Я бежал под углом к направлению движения лавины, и расстояние между нами продолжало неуклонно сокращаться. Как я уже потом прикинул, в моем распоряжении было не более полутора десятков секунд. Это был весьма своеобразный барьерный бег, в котором вместо реек приходилось преодолевать снежные стены, валы и рвы, представлявшие собой поверхность завала.

Я отчаянно махал руками дорожникам:

— Дальше!.. Дальше отходите!.. Там такая идет!..

Снежный поток выплеснулся из ущелья. Скорость лавины была уже невелика, метров пять в секунду, но инерция громадной снежной массы казалась неудержимой. Налетев на старый завал, лавина расплеснулась двумя широкими потоками. Один из них, шириной метров в восемьдесят, направился в нашу сторону. При этом самым пугающим было почти бесшумное движение лавины. Слышался лишь слабый, совершенно безобидный шорох.

Снежный поток налетел на телефонный столб. Тот хрустнул, повалился и через мгновение исчез в кипящей массе. За ним последовал другой.

— Трактора! Трактора! — испуганно закричал кто-то.

Но что можно было сделать?

Белая волна подхватила один из бульдозеров, стукнула им о другой и затем легко, без усилий, сбросила обе многотонные машины в пенный Чичкан.

Мы отбегали все дальше, а лавина продолжала двигаться за нами, наискось пересекая дорогу. Вот она подошла к стоявшей на дороге машине, толкнула ее в задний борт. Грузовик вздрогнул,

покатился... И в этот момент к нему бросился водитель, вскочил в кабину, не закрывая дверцы, нажал стартер, дал полный газ и в самый последний миг вырвался из снежной западни.

Наконец лавина остановилась. Замер сразу весь поток. И трудно, почти невозможно было поверить, что несколько мгновений назад весь этот снег несся чудовищным, кипящим потоком.

Теперь завал вместе со старой лавиной простирался вдоль дороги метров на триста, а глубина снега в нем достигала пятнадцати метров! Мы переглядывались, переводя дыхание. Сердца бились гулко и тяжело. Не каждый день такое случается.

— А кто говорил, что лавина остановилась и сюда не дойдет? — насмешливо спросил один из дорожников.

Я виновато пожал плечами и опустил голову. Говорить было нечего. И тут все облегченно рассмеялись.

— Ну ладно, бывает... А работенки здесь теперь не на одну неделю.

— Бульдозеры-то наши, а!.. Хорошо в кабинах никого не оказалось...

Вечерело, мне нужно было спешить на станцию. Придя в себя от пережитого, я вновь двинулся через завал. А дорожники направились в другую сторону. Нужно было сообщить о случившемся и вызвать новую технику.

Я ступал медленно и осторожно, поминутно останавливаясь и с опаской посматривая на Кочко-Булак, хотя теперь уже нечего было бояться: последний снег, остававшийся на склонах, плотной массой лежал у меня под ногами.

За завалом я совершенно неожиданно встретил Сашу Соколова, которого начальник станции выслал мне навстречу.

— Вижу издали: лавина катится. Ну, думаю, все! Хотел идти раскапывать.

— Долго бы пришлось копать, да и вряд ли это могло помочь. В такие жернова попасть... Видел, как тракторы летели?

— Еще бы!.. А сколько же кубов будет?

— Примерно миллиона полтора, а вместе с первой — два с половиной миллиона кубометров снега.

— Сила!

Некоторое время мы шли молча. Темнело. Вечерний заморозок сковал поверхность снега крепкой коркой. Теперь не опасно, до утра лавин не будет.

— А нагрудный знак есть у лавинщиков? — спросил вдруг Саша.

— Еще нет, не придумали. Наверное, следует изобразить кучу снега, и из нее торчат в разные стороны ноги в сапогах. Ясно и понятно.

Я все еще находился под впечатлением пережитого.

К середине марта на нашем участке полотно дороги было засыпано лавинами более чем в сорока местах!

Однако дорожники не собирались отступать.

С бесконечным, просто героическим упорством, работая почти круглосуточно, они прорывали бульдозерами мелкие завалы, пока снова не подошли к кочко-булакской громадине. Теперь им предстояло пробить сквозь весь завал выемку такой ширины, чтобы могли разъехаться две машины.

Но как пробить? Схваченный вернувшимися морозами, мокрый снег превратился в сплошной ледяной монолит, не поддающийся стальным ножам бульдозеров. Вес одного кубометра лавинного снега превышал семьсот килограммов. Местами попадались огромные каменные глыбы, захваченные лавиной при движении.

Пришлось орудовать лопатами, ломами, кирками. Пробивали в лавине ряд глубоких колодцев, взрывники набивали их аммонитом. Воевать так воевать! И загремели над завалом взрывы. Две тонны сразу! Четыре! Шесть! Двенадцать одновременно!..

Вздымались вверх столбы снега, гулкое эхо катилось по окрестным долинам и ущельям, отражаясь от скал, а после «артподготовки» вступали в бой «механизированные части». Могучие бульдозеры разрывали, разгребали взрыхленный взрывами снег, пока вновь не упирались в мерзлый монолит. Тогда снова наступала очередь взрывников.

Около тридцати тонн взрывчатки было истрачено при расчистке гигантского завала. Таким ее количеством можно было бы разнести в пыль целую скалу, а здесь всего-навсего рыхлили снег. А потом еще более трех недель бульдозеры пробивали выемку.

Сама же лавина таяла долго, и даже в конце июля на дне кочко-булакского ущелья лежали большие темные пласты снега.

Общий объем всех лавин на итагарском участке оказался в ту зиму почти в десять раз больше обычного! И все же на нашей дороге, как и в предыдущие годы, не было ни одного несчастного случая по вине лавинной службы. Даже бульдозеры позднее удалось вытащить из реки, отремонтировать, и они пополнили ряды дорожной техники.

На южных склонах уже вился пар над теплыми проталинами, пестрели первые подснежники, а на дороге все еще гремели взрывы и яростно рычали дизельные моторы. Наконец последний лавинный завал был расчищен, и мы вновь услышали веселый шелест проносящихся мимо станции машин.

ОБ АВТОРЕ

Яблоков Александр Александрович. Родился в 1934 году в городе Балахна Горьковской области. Окончил географический факультет Самаркандского университета. Работает старшим инженером гидрографической партии управления Гидрометеослужбы Таджикской ССР. Занимается исследованием ледников, снегов и снежных лавин Памира. Действительный член Географического общества СССР. Автор пятнадцати научных статей, двух научно-художественных книг («Снежная робинзонада», «Стража заоблачной трассы») и ряда очерков в журналах и ежегодниках. В нашем сборнике публиковался дважды (выпуски 1971 и 1972 годов). В настоящее время работает над книгой «Рассказы гляциолога» для издательства «Ирфон» (Таджикистан).

СЕРГЕЙ НАПАЛКОВ

ЧТО ТАКОЕ СИВЕЙ? ПО МОРСКОМУ ПУТИ К ВЕЛИКИМ ОЗЕРАМ

Очерк

СРЕДИ АЙСБЕРГОВ У БЕЛЛ-АЙЛА

Утро. Уже близок пролив Белл-Айл, отделяющий остров Ньюфаундленд от северо-восточной оконечности Американского материка. Заметно похолодало. Температура забортной воды быстро упала с десяти до четырех-пяти градусов. Посвежел и воздух... Понятно! Теперь мы в зоне действия холодного Лабрадорского течения и студеного дыхания северных льдов.

Ведь наш теплоход, идя кратчайшим путем из Европы в Северную Америку, следовал вдоль пятидесятой параллели. Капитан избрал северный маршрут, чтобы обогнуть «сверху» большой (на морской карте похожий на материк) остров Ньюфаундленд. Как вековечный страж, он сторожит вход в залив Святого Лаврентия... Можно обойти остров и «снизу», оставив Ньюфаундленд к северу от курса. Но южный путь заметно длиннее.

Правда, в высоких широтах надо быть особо осмотрительными: возможны встречи с опасными для судов плавучими льдами. Предупреждает об этом и резкое падение температуры...

Действительно, немного погодя по судовой радиотрансляции разносится извещение с ходового мостика:

— Внимание! Внимание!.. Справа и слева по борту крупные айсберги!..

На фоне чуть голубеющего неба и темно-синей поверхности океана ясно вырисовываются белоснежные, причудливо изломанные пришельцы из заполярных областей. Один айсберг, находящийся на расстоянии менее двух миль, имеет высокую крутую вершину, резко обрывающуюся к поверхности воды. Другой, более отдаленный, походит на бильярдный стол. Волны пляшут

вокруг гигантских льдин, лижут их. Мимо ледяной горы прошел встречный танкер. Ну просто обломок спички и коробок — таковы их сравнительные размеры. А еще дальше, к горизонту, виднеются другие плавающие льды. Сразу всплывает в памяти трагическая гибель трансатлантического лайнера «Титаник» и многих других судов.

В нынешние времена мореходы в лучшем положении. О плавающих льдах на опасном пути их предупреждают береговые радиостанции. В распоряжении современных кораблей такие навигационные средства, как радары, могущие во мраке и в тумане обнаруживать встречные препятствия, эхолоты и другие приборы. И все же айсберги остаются грозной опасностью. Дело в том, что как раз плавающие льды плохо отражают ультракороткие волны, да и к тому же айсберги на девять десятых погружены в воду...

Пролив Белл-Айл неширок, и мы можем наблюдать оба берега. Слева — Ньюфаундленд, справа — полуостров Лабрадор. Они рисуются нечеткими туманными наслоениями. Затем пролив расширился, как воронка, и слился с просторнейшим заливом Святого Лаврентия.

Берега скрылись. Позже должен показаться длинный остров под любопытным названием Антикости. Это испорченное индейское Натикостек, что означает «место охоты на медведя».

Вновь началась качка: залив Святого Лаврентия — это своего рода маленькое море, часть могучей Северной Атлантики.

ПО ПУТИ ВИКИНГОВ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Чтобы попасть во внутренние порты Канады, а затем и Соединенных Штатов Америки, расположенные в бассейне реки Святого Лаврентия и Великих озер, нужно миновать открывшийся перед нами залив и подняться вверх, против течения этой великой американской реки.

История этих «парадных ворот» Канады (да и всей Северной Америки) окутана романтикой первооткрытий и связана с упорными поисками так называемого Северо-Западного прохода. Но еще за пятьсот лет до Христофора Колумба отважные викинги не только побывали у берегов Америки, но и основали здесь свои поселения. Норвежский путешественник и исследователь Хельге Ингстад в результате раскопок установил, что загадочная страна Винланд, о которой повествуют исландские саги, находилась в северо-восточной части острова Ньюфаундленд.

После викингов здесь в конце XV — начале XVI века побывали английские и французские суда. В 1497 году итальянец Джованни Кабото, находившийся на английской службе (а потому более известный как Джон Кабот), после трудного плавания открыл Ньюфаундленд. В 1534 году француз Жак Картье во время своего

первого плавания к берегам Нового Света высадился на полуострове Гаспе, расположенном в юго-западной части залива Святого Лаврентия, и объявил канадские земли собственностью французского короля. Так было положено начало соперничеству двух европейских держав на Американском континенте.

В следующем году Жак Картье совершил второе плавание к новым владениям французской короны и проник по реке Святого Лаврентия далеко в глубь континента. Но непреодолимые пороги в верховьях заставили его повернуть назад.

В длительном путешествии по реке французы встречали густонаселенные индейские деревни. Картье видел обширные лесные чащобы. В многоводных реках, озерах и созданных руками местных жителей запрудах плескались форель, лосось и многие другие ценные породы рыб. Французы встречали целые колонии трудолюбивых бобров. В лесах водилось много зверья.

Все было девственно нетронутым, сохраняло первозданную красоту и свежесть. Гигантские дубы, ясени, бесконечные кленовые рощи с их багрово-красной и золотистой по осени листвой манили взоры мореходов. Изумрудная зелень лужаек и полей так и звала поселиться здесь...

Записки об увиденном, оставленные Картье и его спутниками, говорят о сказочных богатствах открывшейся перед европейцами страны. Правда, ее населяли не только дикие животные, но и люди. Но люди эти, не имевшие огнестрельного оружия, не исповедовавшие христианской веры, по мнению европейских колонистов, были язычниками, «дикарями» и не должны были «приниматься во внимание» при освоении новых земель.

НАШИ ПОПУТЧИКИ — КИТЫ...

Еще в Атлантике нам встретилось немало рыболовецких судов, промышлявших на прославленной среди рыбаков Большой Ньюфаундлендской банке — обширной мелководной зоне. Но встретить в этих водах китобойную флотилию — ныне большая редкость. Еще большая редкость — увидеть океанских исполинов — китов, уже почти полностью истребленных в северных, центральных, да и южных зонах Атлантического океана. И тем не менее...

— Справа по курсу стадо китов!.. Охотники приглашаются на полубак!..— раздалось из судовых репродукторов.

Последнее добавление было, конечно, шуткой вахтенного помощника. Надо ли говорить, что мы не имели гарпунной пушки. На палубу высыпал чуть не весь экипаж. Шутка ли! Киты, в наши дни!.. Да еще неподалеку от берегов! Их не увидишь подчас и в самом дальнем рейсе.

... Но вспоминаются далекие довоенные годы, первая моя «кругосветка», наш поход за китами в 1932 году на прославленном флагмане первой советской китобойной флотилии пароходе «Але-

ут». Несколько лет назад старика «перевели на более легкую работу» (теперь это база прибрежных рыбных промыслов). Первых китов загарпунили китобойцы «Энтузиаст» и «Трудфронт» в тропических широтах Тихого океана, много южнее Гавайских островов. Этих двух китов торжественно подняли по слипу (вырезу в корме) на палубу «Алеута».

И вот снова киты. Какие они? Где? Может, ошибка?.. Дельфинов приняли за китов?

Спешу на мостик. Действительно, и без бинокля ясно видны белые струйки, подобные пару, выбрасываемые периодически выныривающими темными телами... При низкой температуре высоких широт выдыхаемые животными порции воздуха особенно заметны из-за конденсации содержащихся в них водяных паров. Все-таки беру бинокль, чтобы лучше всмотреться... Так и есть! Старые знакомцы — кашалоты!

Характерные тупо обрубленные головы, крупные клыки в пасти и короткие, широкие тела свидетельствуют, что это спермацетовые киты. В отличие от редчайших ныне блювалов (голубых китов) и финвалов (полосатиков), которые пока еще встречаются чаще, кашалоты питаются не мельчайшими ракообразными, составляющими планктон, а в основном крупной морской живностью — осьминогами и кальмарами. В поисках этой добычи кашалоты могут опускаться на большие глубины. Но когда животные идут стадом, они нередко держатся у поверхности и часто выныривают, чтобы вдохнуть очередную порцию воздуха.

Вот так и на этот раз. Гиганты двигались шумно и были отлично видны. Они не спешили, и мы скоро обогнали этих случайных попутчиков. Зачем они забрели в этот со столь оживленным движением судов район, осталось для нас загадкой.

«ПАРАДНЫЕ ВОРОТА» СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Понемногу втягиваемся в сужающееся горло величественной американской реки. Впрочем, судить о вступлении в устье Святого Лаврентия можно лишь по карте. Берегов еще не видно, и появятся они не скоро. По существу река начинается сразу за проливами Гаспе и Минган, между которыми лежит остров Антикости, вытянувшийся в виде длинной каменистой поверхности.

Все чаще встречаются суда, следующие из гаваней, находящихся на Великих озерах, или из портов, расположенных на самой реке. Кроме таких крупных, как Квебек и Монреаль, здесь есть и небольшие, с особым, специализированным назначением. Таков порт-«элеватор» Сорель, используемый для экспорта пшеницы, Труа-Ривьер, или Три-Риверс, как называют его по-английски, где грузят также бумагу, целлюлозу и асбест... Но эти гавани еще впереди.

Спускается ночь, вспыхивают звезды. А на далеких берегах мелькают яркие светлячки—маяки. Каждый мигнет на своем «языке», каждый спешит предупредить о границах берега, о гибельных опасностях для судоводителей. Других огней почти нет.

Это сравнительно суровый и малообжитой край. И хотя древние скандинавы, которых мы вспоминали раньше, заселяли Винланд — страну пастбищ, ныне, во второй половине XX века, даже на более приветливом юго-западном побережье можно встретить лишь отдельные поселения рыбаков, небольшие целлюлозно-бумажные комбинаты и рыбоконсервные заводы.

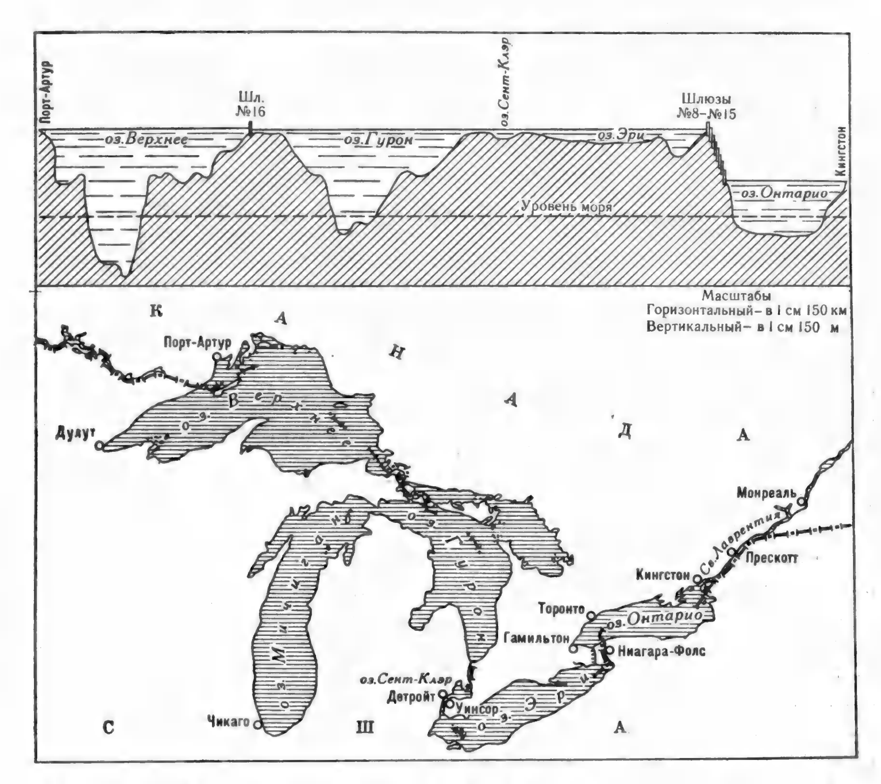
Предпринимаются попытки шире развить туризм на полуострове Гаспе, где проведены отличные дороги, имеются благоустроенные туристические базы, отели и красивые уголки, сохранившие свой первозданный облик. Рекламная машина уже запущена на полный ход. Но пока что здесь безлюдье, тишина. Потенциальные возможности этого края, находящегося на «оси» пятидесятой параллели, трудно переоценить. А дальше к северу еще более безлюдные места.

Всматриваемся во мрак ночи и вполголоса, чтобы не спугнуть тишины, беседуем. Постепенно небо над головой начинает разгораться, полыхать тысячами переливающихся огней. Звезды меркнут, исчезают. Светящиеся пологи колышутся, захватывают всю ширь пространства... Похоже на гигантский театральный занавес под лучами цветных прожекторов. Картина полярного сияния незабываема!

Река Святого Лаврентия протянулась на тысячу двести сорок километров. А если принять во внимание Великие озера, то общая длина этого большого водного пути составит около трех тысяч трехсот восьмидесяти километров. Это лишь на полтораста километров меньше длины нашей красавицы Волги.

Теперь, когда мы поднимаемся вверх по реке, такое сравнение кажется довольно удачным. У Святого Лаврентия та же величавая ширь, что и у великой русской реки. В значительной своей части река зимой замерзает. Раньше зимний «антракт» в речном судоходстве длился здесь с декабря до апреля. Но вот уже несколько лет советские суда линии СССР — Канада нарушают сложившуюся практику. Обладая прочными «ледовыми» корпусами и мощными машинными установками, корабли Мурманского морского пароходства сокращают «антракт» и проходят по замерзшей реке до Монреаля, лишь на отдельных участках прибегая к помощи местных ледоколов. По примеру советских судов корабли и других стран начинают «приспосабливаться» к зимней навигации на Святом Лаврентии...

Но большой морской дорогой, ведущей к гаваням на Великих озерах, река стала всего лишь пятнадцать лет назад, после введения в строй глубоководного канала, преодолевшего порожистые участки и соединившего с нею внутренние судоходные бассейны. Теперь океанские суда достигают самых дальних портов Канады

Глубоководный морской путь Северной Америки от Атлантики к Великим озерам

и США. Монреаль и Торонто, Гамильтон и Буффало, Детройт и Чикаго находятся ныне на одном водном пути. Глухие канадские провинции с пуском в эксплуатацию Глубоководного морского канала Святого Лаврентия (как величают канадцы эту водную дорогу) разом приобщились к разноязычному миру моряков.

Да и местный жизненный климат сугубо сухопутных городских центров большого материка стал превращаться в «морской»...

Благодаря Сивею расширяется экспорт пшеницы канадских равнин, металла Гамильтона, автомобилей Детройта.

ЗА СЕМИДЕСЯТЫМ МЕРИДИАНОМ

Зеленые берега по обеим сторонам. Правда, до каждого из них километры. Фарватер не тесен! Постепенно берега сближаются. Гористые наслоения полуострова Гаспе остались позади. Они слились с невысокими нагорьями материка, у которых располо-

жились поселки Матан, Метис-Бич, Мон-Жоли и еще один с забавным названием Труа-Пистоль (три пистолета). Некогда в этих краях корсары совершали набеги на городки, выросшие на побережье. Для защиты от них сооружали укрепления и даже форты. Они играли важную роль и в баталиях, вспыхивавших между французскими поселенцами и английскими колонистами. Враждующие стороны старались привлечь на помощь различные племена индейцев... В конечном счете больше всего страдало быстро редеющее коренное население. В истребительных битвах XVIII века некогда многочисленные индейские племена, теснимые как французами, так и англичанами, уничтожались иногда полностью.

Теперь в долине Святого Лаврентия, изрядно политой кровью, трудятся фермеры и лесорубы, промышляют рыбаки. Любознательные туристы разъезжают по укатанным дорогам с путеводителями, описывающими красоты края и дела минувших дней.

Полюбоваться канадской землей есть смысл. Не зря Канаду нередко именуют американской Сибирью. Действительно, и в климате, и в природе этих обширных районов нашей планеты есть немало общего...

Можно найти сходство и с европейской территорией нашей страны. Так, например, диапазон расхождения январских и июльских температур составляет в Квебеке 31,4, а в Москве 29,9 градуса, в Чикаго и Ленинграде он совпадает — 27 градусов. До шестидесяти разнообразных пород деревьев насчитывается в лесных зонах Канады, примыкающих к реке Святого Лаврентия. Среди них раскидистые ели, сосны, пихты. Часто встречаются милые нашему сердцу березы, тополя, кедры, реже дубы... Но особенно привлекают внимание чудесные канадские клены. Идешь осенью по улицам какого-нибудь тихого канадского городка, а кругом полыхает пламя всех оттенков. Ноги тонут в оранжево-карминовом великолепии опавшей листвы! Из сахарного клена канадцы добывают весной отличный сок.

...Мы плывем все дальше и дальше. Лоцман, которого мы приняли на борт, зорко наблюдает за фарватером, но на свободных участках реки рассказывает с чисто французским красноречием о достопримечательностях природы, жизни местного населения.

— Мсье, люди здесь живут довольно неприхотливо... Да, неприхотливо! Им приходится немало потрудиться, чтобы заработать на пропитание. Им некогда, да и не на что разъезжать, совершать поездки в большие города... Уверяю вас, здесь многие ни разу не видели ни Квебека, ни Монреаля. Даже имея автомашину, часто довольствуются поездками в соседний городок, а широкий мир изучают по телевизору, опять-таки если он есть!

Лоцман умолк, сосредоточив свое внимание, чтобы осуществить плавный поворот на речной излучине и разойтись со встречными судами, а затем продолжал свой рассказ: — Здесь еще трудно живется, потому что земельные участки и рыбный промысел дают гроши. Чтобы завести свое дело, нужен капитал... Не столь уж

маленький: ведь всюду конкуренция. Сейчас в моде мотели, гостиницы, придорожные бары и сувенирные лавочки для проезжих автомобилистов. Нужно немало долларов, чтобы завести такое дело, и еще коммерческая ловкость, больше того — чутье! Нет, мсье, в провинции воздух хороший, но живется нелегко. Поэтому многие предпочитают податься на запад, в большие центры и в крупные промышленные районы.

Местность становилась все более гористой. Чаще встречались окруженные изумрудной зеленью поселки. То и дело навстречу попадались тяжело груженные суда. Быстро двигаясь по течению, вздымая волны, они скрывались за кормой. Большей частью это были зерновозы под английским и панамским флагами, вывозящие высокосортную канадскую пшеницу.

Но вот, рокоча дизелями, прошел новейший контейнеровоз с большими металлическими ящиками, прочно закрепленными на палубе. За последние годы широко стали применяться перевозки грузов в стандартной таре. Это существенно ускорило погрузку и разгрузку судов.

Показался крупный шведский «пассажир» с тремя коронами на светло-кремовой трубе. Он возвращался в далекую Европу. Громкая поп-музыка понеслась по речной глади.

Смеркалось. Довольно крутой изгиб фарватера— минуем Орлеанский остров, разделяющий речное русло на две протоки. Впрочем, они тоже внушительны—шириной в сотни метров. Берега сравнительно густо населены, и в сгущавшихся сумерках мы увидели множество мерцающих огоньков.

Но вот из-за туч показался багровый диск заходящего солнца. Он осветил островерхие кровли многобашенного древнего замка, показавшегося нам просто фантастическим. Верхушки башен еще горели ярчайшей червонной позолотой последних лучей, а в оконцах замка уже вспыхивал электрический свет.

Оранжевые блики плясали на потемневшей речной глади. По сторонам сузившегося русла и впереди теснились разнокалиберные суда.

Теплоход сделал крутой поворот на изгибающемся дугой фарватере и вновь оказался на свободном русле. Сбавляем ход. Будем вставать на якорь.

— Вот и Квебек! — удовлетворенно произнес лоцман.

У «ЗАМКОВ» КВЕБЕКА

Тем из наших мореходов, кто еще не бывал в этих краях, утро принесло разочарование. Древний «замок» при ближайшем рассмотрении оказался далеко не древним. Здание выстроено в самом конце XIX — начале XX века.

Называется эта «древность» отель «Шато-Фронтенак». Мы побывали в нем: величественные порталы, идеально поставленный

сервис. Предусмотрены все виды услуг. Для денежных постояльцев — искусственный климат, цветные телевизоры, дежурный автомобиль, а по желанию — карета!..

— Здесь останавливалось восемь королевских особ, премьер Уинстон Черчилль и президент Франклин Делано Рузвельт! — напоминает администратор и показывает список. В числе почетных постояльцев значатся имена «звезд» Голливуда, видных западных полководцев и американских космонавтов...

Но «Шато-Фронтенак» — это еще не весь Квебек, а лишь его парадный фасад, «лицевая сторона». За отелем тянется стена старой крепости, в которой и ныне несут караульную службу по строго заведенному английскому ритуалу, как в лондонском Тауэре. В час развода караула, когда солдаты в старинных красных мундирах и высоких медвежьих шапках совершают свой торжественный обряд, к воротам цитадели собираются десятки любопытных туристов... За территорией крепости и соседними зданиями военного ведомства расположен живописный парк, украшенный многими памятниками. В XVIII веке здесь разыгралась короткая, но жестокая битва между английскими и французскими войсками, окончательно решившая судьбу Канады.

Впрочем, основную роль в победе англичан сыграла не столько «битва при Квебеке» и неудачи Франции в Семилетней войне*, сколько бо́льшая численность английских поселений по сравнению с французскими. Надо еще сказать, конечно, и о глубоком кризисе феодально-монархической Франции, предшествовавшем Великой французской буржуазной революции...

На побережье и склонах вознесенного над излучиной реки крутого холма теснятся дома старого Квебека. Сложившийся исторический облик города не нарушают и новые сооружения нашего времени. Своеобразный колорит Квебека очень эффектен. Нет во всей Северной Америке более запоминающегося населенного пункта, чем этот «Канадский Гибралтар», бывшая столица «Новой Франции!..». О Квебеке можно рассказать много интересного. Но это тема особая. Здесь лишь скажем, что в его экономике значительную роль играют порт, обслуживающий морские и речные суда, крупные целлюлозно-бумажные предприятия, работающие на местной древесине, лесопильные заводы, судостроительные верфи и емкие элеваторы. Развита и пищевая промышленность. Вместе с пригородами население Квебека приближается к 480 тысячам. Изрядные доходы приносит городу «индустрия туризма». Ведь Квебек — Мекка для американцев. У причалов Квебекской гавани стоят в ожидании зимней «страды» канадские ледоколы, окрашенные в красный цвет.

---

* Семилетняя война развернулась в середине XVIII века между двумя коалициями европейских государств и проходила на самом континенте и в колониях.

НА ПУТИ К «ПАРИЖУ НОВОГО СВЕТА»

Сразу за кручами Квебека возникают ажурные фермы стального моста, перекинутого через реку. От верхушек мачт нашего теплохода, проходящего под мостом, до его ферм остается еще достаточно места для средней яхты. Длина этого первого на реке со стороны Атлантики моста вместе с далеко идущими съездами—одиннадцать километров. Сооружался он в течение десяти лет и эксплуатируется с 1917 года.

Движение по реке становится все более интенсивным. Наряду с океанскими и морскими судами все чаще встречаются лейкеры — корабли для озер и рек. По своим размерам они часто не уступают «иностранцам» из далеких стран. Но облик лейкеров весьма своеобразен. Первая надстройка с ходовым мостиком и штурманской рубкой, где сосредоточено управление кораблем, находящаяся у морских судов на середине палубы, а теперь нередко и на корме, у озерных судов расположена впереди, на самом полубаке! Здесь обычно размещены каюты капитана, его помощников и части команды. За вынесенной вперед надстройкой, почти висящей над форштевнем, идут одна за другой люковые крышки над трюмами. Мы насчитывали их до семнадцати и даже до девятнадцати!

Непосредственно на корме вторая — машинная — надстройка. В глубине ее установлены главные двигатели и различные механизмы. Хозяева здесь — механики и остальной технический персонал. Тут же и их каюты. Конечно, при плавании по озерам в туман и ненастье и при швартовке к элеваторам управлять судами такой конструкции гораздо удобнее. Но в океане корабль с подобным расположением первой надстройки явился бы легкой добычей мощных волн.

Лейкеры большей частью заняты перевозкой зерна и металла из глубинных районов Канады и США к ближайшим на Атлантическом океане портам. В обратном направлении, к верховьям, они везут чаще всего лабрадорскую руду.

От Квебека до Монреаля, который франкоканадцы охотно величают Парижем Нового Света, примерно двести семьдесят километров. По обоим берегам расположено немало селений и поселков. Но только два значительных города находятся поблизости от реки. Первый — это старинный Труа-Ривьер. Его жители очень гордятся тем, что здесь сохранился «самый чистый французский язык во всей Канаде». Может быть, это и верно, так как девяносто шесть процентов жителей — франкоканадцы и, конечно, католики. Нам запомнилось скопление безработных докеров, или, как их здесь называют, лонгшерменов, подолгу и безнадежно ожидающих в гавани вызова на работу... Неподалеку от городского почтамта, среди зелени тихой старинной улочки, на небольшом постаменте стоит... пушечка, отлитая, как гласит выгравированная

на стволе надпись, на «СПБургском заводе» в начале прошлого века. Это «трофей», увезенный канадскими волонтерами из-под стен Севастополя в Крымскую войну.

Когда мы подходили к Труа-Ривьеру, бросались в глаза большие элеваторы, склады для асбеста и рулонов экспортной бумаги. Над кровлями старых домов возвышалось несколько современных высотных зданий.

Сразу за городом мы миновали новейший мост оригинальной, почти кружевной конструкции. Берега реки Святого Лаврентия все прочнее связываются удобными для транспорта мостовыми сооружениями.

За городом река заметно расширяется. Этот участок называют озером Сент-Пьер, порожистое дно которого было углублено в прошлом веке. На правом берегу реки, сразу за озером, находится уже упоминавшийся город Сорель, гавань которого с мощными элеваторами, подающими на корабли зерно, никогда не пустует. Так и теперь — у причалов теснятся суда из разных стран. Все чаще возникают на берегах остроконечные башни старых католических храмов, стены промышленных предприятий. Монреаль уже совсем близок.

В ОБХОД ПОРОГОВ ЛАШИН

...Пришла ночь. Но вместо привычного в пути мрака нас окружают бесчисленные огни — неподвижные, мигающие, то вспыхивающие, то вдруг затухающие. Огни всех цветов и разной степени яркости... Гирлянды одних обозначают пролеты мостов, другие — трассы скоростных шоссейных дорог, третьи — фарватер реки, прибрежные маяки и вышки башен, а все остальные — неудержимую рекламу банков, отелей, торговых монополий и страховых компаний... И нет, кажется, никаких средств, чтобы прекратить эту вакханалию огней, расточительство света!

Итак, мы в Монреале. Забастовки докеров, а теперь угроза служащих шлюзов Сивея тоже объявить стачку задерживают движение судна по расписанию. Но что делать! Непрерывный рост цен и продолжающаяся инфляция вынуждают трудящихся стран «свободного мира» бороться за свои жизненные права. И нам это вполне понятно.

Днем Монреаль похож на многоярусный муравейник. Людская сутолока, нескончаемые потоки автомашин. Широк и многоводен Святой Лаврентий, но и он кажется стиснутым в берегах, ощетинившихся каменными утесами, созданными руками человека. Железобетонные громадины теснятся у самого берега. Большинство высотных сооружений — это элеваторы для экспортируемого зерна. И только за спинами бетонных колоссов, во втором ряду, находятся самые импозантные и эффектные небоскребы заокеанского «Парижа». Кстати, такое прозвище дано городу не без оснований.

Ведь Монреаль — второй в мире (после Парижа) город по численности говорящего по-французски населения. И в то же время он первый в Канаде по числу жителей. Следующий за ним — Торонто.

Много любопытного и поучительного можно увидеть в Париже Нового Света. Но нам нужно продолжить плавание к Великим озерам.

В восемь ноль-ноль наружные динамики разнесли приказание с мостика:

— Палубной команде по местам стоять!.. Отдать носовые!

Швартовы отданы. С помощью шустрых буксиров морской великан разворачивается и выходит на фарватер. Курс на запад через шлюзы и водохранилища глубоководного пути Сивея.

Наше движение начинается там, где некогда почти 440 лет назад — в 1535 году — неутомимый Жак Картье был вынужден повернуть обратно, отчаявшись преодолеть бурливые пороги Лашина.

Солнечный день. Элеваторы, склады-холодильники и небоскребы центра Монреаля проплывают мимо. Высоко над теплоходом проскальзывает полотно моста Жака Картье, видны бегущие поверху коробочки-автомобили. А дальше величественные, созданные со всеми транспортными удобствами мосты Конкордия и Виктория. Но мы созерцаем не эти мощные сооружения. Внимание привлекают многочисленные павильоны прославленной ЭКСПО-67, до сих пор используемые для летних международных выставок. По-прежнему бегут вагончики монорельсового пути, курсируют электропоезда и скользят по глади канала моторизованные гондолы...

Обходной канал Сивея подводит нас к шлюзу Сент-Ломбер-лок. Встаем у причала. Он весь исписан неровными разноцветными надписями. Это «расписки» — память судов, проходивших на запад.

Названия кораблей и даты чередуются с юмористическими пометками и даже карикатурами судовых шутников со всех концов света. Здесь «расписались» греки из Пирея, либерийцы из Монровии, янки из Бостона, немцы из Гамбурга. Всех не перечесть!

Подан громкий сигнал, вспыхнули разрешительные огни шлюза. Медленно втягиваемся в просторную бетонную камеру. Подаются швартовые концы... Теперь при заполнении камеры водой их нужно быстро и умело вытравливать — отпускать, чтобы не задержать подъем теплохода и не вызвать повреждений. На причале шлюза возвышаются остекленные диспетчерские посты, стоит несколько автомобилей. И вот гигантские ворота — стенки сзади и спереди — закрылись. Шлюзовая сигнализация в действии. Приготовиться! Подъем!..

В первом шлюзе корабль всплывает «лишь» на восемнадцать футов над уровнем реки в Монреале. Даже и не всплывает, а прямо-таки взлетает: настолько стремительно повышается в шлюзе уровень быстро накачиваемой воды. Она подается снизу с помощью сложной системы мощных насосов.

Мы слышим скрежет трущегося о бетонные стенки металла, замечаем не то пыль, не то дымок за иллюминаторами. За короткие две-три минуты теплоход очутился наверху. Под нами оказались и остекленные конторки диспетчеров, и автомобили. Мы можем видеть теперь только их крыши. Восемнадцать футов (около шести метров)! Подъем закончен. Но тем кораблям, которым предстоит пройти по всем шлюзам Сивея, потребуется подняться на высоту шестидесятиэтажного здания!

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ СИВЕЯ

Дан сигнал: «На выход!» Ворота раскрыты, и теплоход вырвался из плена первого шлюза... С разрешенной в узкостях канала умеренной скоростью — шесть миль в час — продолжаем движение. Вскоре показался Сент-Катрин-лок. Но его шлюз занят. Швартуемся у резервного причала.

На ходовом мостике многолюдно. Лоцман мистер Вильямс в белой рубашке и огромных дымчатых очках под козырьком фуражки то восседает на высоком табурете, то идет на крыло мостика.

У Вильямса есть дублер, который в данный момент отдыхает. Капитан меряет шагами палубу мостика, радиотелефонист мсье Жан бегает к переговорной станции, подключенной «на контроль». В пути между шлюзами поддерживается по местному радиоканалу непрерывная связь с диспетчерскими постами. Тут же на мостике дежурит вахтенный помощник. Наготове и начальник судовой рации.

На диване штурманской рубки валяется ворох газет, оставленных лоцманом. Можно подумать, что это по меньшей мере месячная подшивка. Ничего подобного! Всего лишь последние номера «Монреал стар» и «Газетт»... В каждой 30—40 страниц, в воскресенье бывает и больше.

Пока продолжается стоянка, завязывается беседа. Мистер Вильямс охотно рассказывает историю канала и особенности его устройства... Он показывает схему прохождения шлюзов. Капитан замечает:

— Нам приходилось следовать по Панамскому каналу, бывать в шлюзах английских портов и проходить новейшие шлюзы в Бельгии, там в районе Антверпена созданы превосходные системы. Но такой быстрой и четкой работы шлюзов, как здесь, наблюдать не доводилось!

Лоцман польщен. Он говорит, что на все строительство, включая обходной канал и энергоузлы, ушло всего пять лет.

— Как человек, любящий точность, я должен добавить,— поясняет Вильямс,— соорудить шлюзы и канал Сивея можно было и много раньше! О них у нас мечтали давно. Технические средства

и ресурсы Канады также вполне позволяли решить эту задачу. Однако по разным причинам этот вопрос решался много лет.

Действительно, почти полвека шла бесплодная дискуссия о строительстве главной трассы канала Монреаль — озеро Онтарио. Против этого возражали железнодорожные магнаты Канады и США, опасавшиеся, что значительная часть их традиционных грузов будет переправляться водным путем. Определенные сферы в США стремились выбрать трассу канала, удобную для контроля с их стороны. И в конечном счете два шлюза были оборудованы на территории Соединенных Штатов!

Но история глубоководного пути к Великим озерам восходит к XVIII веку. Современный Сивей — лишь завершение многолетних трудов нескольких поколений канадцев, мечтавших пробить дорогу к океану и связать озера и реки континента в единую водную систему. Задача эта была нелегкой.

Первые примитивные шлюзы для лодок с грузом и каноэ появились еще в 1789 году возле Монреаля. Участок, требующий наибольшего подъема судов при переходе из озера Онтарио в озеро Эри, в обход порогов и водопадов Ниагары, был сооружен в 1828 году и назван Уэлленд-каналом. Тогда он имел сорок деревянных шлюзов. В 1845 году его расширили, а в 1887 году углубили до четырнадцати футов.

К 1932 году Уэлленд-канал канадцы полностью реконструировали, и теперь здесь восемь железобетонных шлюзов.

Но участок трассы от Монреаля до города Кингстона, находящегося у выхода реки из озера Онтарио, имел лишь мелкий восьмифутовый канал. До четырнадцати футов его углубили в 1903 году, но этого оказалось далеко не достаточно для морских судов.

Лишь в 1959 году строительство всего современного комплекса сооружений Сивея завершилось. Состоялась торжественная церемония открытия сквозного движения на Глубоководном морском канале Святого Лаврентия.

С тех пор огромные лейкеры, поднимающие до миллиона бушелей пшеницы (такое количество можно снять с площади около сорока пяти тысяч акров), и океанские грузовозы-фрейтеры начали курсировать между портами всего мира и внутренними гаванями Американского континента.

Глубины шлюзов и канала теперь не менее двадцати семи футов, ширина — двести. Не допускаются в шлюзы суда лишь с длиной корпуса больше 730 футов.

В строительстве комплекса участвовало двадцать две тысячи человек и использовалось множество механизмов. Канадцы извлекли и переместили 76 миллионов кубоярдов грунта*, американцы — 41 миллион. Канадцы затратили на строительство 629 мил-

---

* Английский бушель (1б.)≃36,37 литра; 1 акр≃0,4 гектара; 1 фут≃≃30,48 сантиметра; 1 ярд ≃ 91 сантиметру; 1 кубоярд ≃ 0,76 кубического метра.

лионов долларов, американцы—422 миллиона. Попутно с задачей судоходства решена и энергетическая проблема обширного района. Система дамб и водохранилищ обеспечивает выработку мощными ГЭС электроэнергии для нужд канала и всей местной промышленности.

Пока шла беседа, шлюз освободился. Повторилась знакомая процедура: сигналы, точная швартовка в шлюзе, скрежет и скрип бортов, посвистывание стремительно стравливаемых тросов... Через считанные минуты поднялись на тридцать футов... И снова вперед!

Через некоторое время мы очутились в парных шлюзах Нижний и Верхний Боарне. Здесь, на правом берегу, находится мощная гидроэлектростанция с большой дамбой. Видны сложные конструкции и разбегающиеся по сторонам линии электропередач. На участке между шлюзами, под трассой канала, пробит туннель с шоссейной дорогой, и автомобилисты пересекают Сивей без всяких задержек.

По сторонам потянулись зеленые поля. Минуем небольшие городки, утонувшие в гуще деревьев.

БОК О БОК С «ЮЖНЫМ СОСЕДОМ»

Берега снова отдалились. Движение оживленное. Встречаем несколько судов, постоянно курсирующих по этой линии. Вот только что разошлись с западногерманским теплоходом, на черном борту которого выделяется белая надпись: «Гамбург — Чикаго-лайн». За ним новенький «швед», также спешащий в Чикаго, следом «англичанин» с широкой допотопной трубой под гордым названием «Принц океана»... Лоцман говорит, что вскоре с левого борта покажутся берега Соединенных Штатов.

Канадский городок Соммерстоун позади. Напротив, совсем неподалеку, американский Рузвельттоун. Оба невелики. У каждого берега видны моторные лодки и катера. Слева — под многозвездными флагами, справа — с красным кленовым листом на полотнищах... Сзади мощно ревет мотор. Широкий белый катер под флагом США устремляется за нами. Военные моряки в белой форме и белых шапочках с отворотами изучают алое знамя нашей Родины. Оно реет на корме — большое, яркое и выразительное. А вверху по сторонам мачты развеваются еще два: справа — с кленовым листом, слева — звездно-полосатое. Это традиционные приветствия странам, в водах которых находится корабль. Да, это поистине редчайший случай, когда над судном одновременно подняты три государственных стяга!

Предстоит прохождение шлюзов, оборудованных на американской территории. Вначале нас ставят к резервному причалу... Он густо исписан и здесь. Какая-то ярко разрисованная русалка

шлет нам воздушный поцелуй. Впрочем, она это делает не первый раз. Надпись старовата. Вот пророкотал мощный гудок теплохода, и мы двинулись к камере шлюза Снелл-Массина, где преодолели очередную «ступеньку» в целых сорок семь футов высотой.

Здесь нас ожидало любопытное зрелище. На специальных высоких «обсервационных» платформах с прочными поручнями собрались десятки, сотни американцев, с интересом созерцавших советский корабль, алый флаг, золотистые серп и молот, выделяющиеся на красной «марке» белоснежной трубы.

— Русские!.. Советы! — кричал кто-то из наиболее экспансивных зрителей.

Непрерывно щелкали затворы фотоаппаратов, стрекотали кинокамеры. Кто-то из собравшихся помахал платком, мы ответили. И тогда поднялся лес рук, лица расцвели улыбками. Что ж, здравствуй, Америка!

В КРАЮ ТЫСЯЧИ ОСТРОВОВ

Вскоре и второй американский шлюз — Эйзенхауэр — позади. Он поднял нас еще на сорок два фута, и мы вступили в озеро Сент-Лоуренс.

Разговорились с мсье Жаном. Этот невысокий, подвижный брюнет, хоть и озабочен своими делами, весьма любознателен. С интересом он расспрашивает о Сибири и ее гигантах — Братской и Красноярской ГЭС и поражается их уникальной мощности.

— Кстати,— замечает мсье Жан,— как раз сейчас мы проходим над совсем молодым озером. Под нами на глубине более девяноста футов скрыты извилины русла прежнего канала, его пороги и многочисленные старые шлюзы. Все озеро Сент-Лоуренс — это своеобразный резервуар. Оно ограждено дамбами, регулирующими поступление воды, в частности, на расположенный неподалеку мощный гидроэнергетический узел. Длина этого искусственного озера примерно тридцать миль.

Долго еще следуем по водной границе двух американских государств.

Минуем последний этап на пути к озеру Онтарио. Остановки в шлюзе Ирокез не потребовалось, пришлось лишь сбавить ход. Этот шлюз обычно поднимает суда всего на три фута. Вероятно, в данном случае разница уровней оказалась незначительной или вообще отсутствовала.

За шлюзом Ирокез миновали один из тех легких, кажущихся просто воздушными высотных мостов, которые в нескольких местах перекинуты через Сивей. Возможно, прототип этого моста — Голден-гейт-бридж, переброшенный через пролив Золотые Ворота в Сан-Франциско. Здешний мост называется международным, так как связывает берега на территориях разных государств.

На американской стороне расположен город Огденсбург, на канадской—Прескотт. Последний памятен тем, что в его окрестностях осенью 1838 года разыгралась известная «Битва при ветряной мельнице» — один из самых драматических эпизодов борьбы за независимость Канады.

Основные очаги восстания в 1837 году находились в Монреале и Торонто. Английские власти быстро подавили их. Руководители повстанцев Макензи и Папино скрылись. Тогда выступила группа польского эмигранта Шульца, надеявшегося овладеть городом Прескотт и вновь воодушевить патриотов. Но обещанное подкрепление не прибыло, в ожесточенной битве повстанцы потерпели поражение. Самоотверженно сражаясь, Шульц не искал спасения в бегстве. Восьмого декабря 1838 года герой был повешен.

Ныне на возвышенном берегу выделяется башня старой мельницы — своеобразный памятник погибшим повстанцам.

За живописным местечком под громким названием Александрия вступаем в пределы края Тысячи островов.

Фарватер проходит большей частью совсем близко от берега Соединенных Штатов. Звездные флаги, большие и яркие, видим не только на яхтах и катерах, но и на флагштоках над крышами вилл и башнями причудливых «замков».

— От них, этих замков, на две мили несет «плесенью веков»,— иронически заметил вахтенный помощник.

Но лоцман его поправил:

— Не думайте, пожалуйста, что все эти постройки — сплошная бутафория! Большинство — да! Но некоторые куплены в Европе, разобраны и собраны вновь: в Америке любят седую старину и гордятся, если владеют ею.

Окружающая нас местность напоминала живописное побережье Онежского озера или шведские шхеры. Множество небольших островков и совсем крошечных кусочков суши, на которых чуть умещается путевой маячок. Часть их густо поросла травой и деревцами — елями, кленами, буками, осинами, березками. Другие острова каменисты, безжизненны. Некоторые соединены между собой причудливо изогнутыми мостиками, пестреют уютными дачками.

По зеркальной глади воды между островками на больших и малых скоростях проносятся катера. Некоторые вырываются на фарватер и описывают пируэты, оставляя пенистый след. Большие катера — широкие, подобные многоместным американским автомобилям с мощными моторами — то обгоняют нас, то, мигом затормозив, покачиваются на волнах.

Вот и сейчас бело-зеленый катер подошел к самому борту. В катере три девушки в безрукавках и шортах. С любопытством разглядывают советский теплоход, людей на его борту. И вдруг с катера донеслось усиленное мегафоном: «Здрав-ствуй-те!..»

Стоявший рядом боцман просто опешил: «Вот так штука, знают русский!» — И громко, по-моряцки, ответил, подняв руку:

— Здравствуйте, салют вам!

Вдоволь накатавшись, хозяева катеров вкатывают их по пологим настилам в крытые домики-гаражи. От непогоды?.. Штормов?..

— Нет,— разъясняют канадцы,— во избежание угона.

В этом краю миллионеров действуют законы «частного предпринимательства». Впрочем, нам поясняют, что угоны совершают не столько из корысти, сколько из озорства, от безделья. Народ тут обеспеченный. Поэтому частные владения ограждены, часто имеют специальную охрану.

Нам назвали владельцев отдельных примечательных вилл и особняков. Это все «пшеничные», «стальные», «нефтяные» короли, голливудские воротилы, владельцы газетных трестов. Сюда приезжали отдыхать талантливейший художник-мультипликатор — творец «Страны чудес» Уолт Дисней и великий певец Энрико Карузо. Но на месте домика певца ныне сооружен дворец короля рок-н-ролла Пресли. Цена на острова растет. Каждый акр земли здесь золотой. Этот курортный район конкурирует с Флоридой.

Берега растворились в туманной дымке. Идем полным ходом. Где-то справа остался город Кингстон, бывший форт Фронтенак, принадлежавший франкоканадцам. Впереди столица западной Канады небоскребный Торонто, индустриальный, окутанный оранжевыми дымами сталелитейных заводов Гамильтон. За густонаселенным перешейком, отделяющим озеро Онтарио от сравнительно мелководного Эри,— города Буффало, Уинсор, Детройт, еще дальше по озерной глади, минуя озеро Гурон, нетрудно добраться и до Чикаго, лежащего на южном конце «изогнутого пальца» — озера Мичиган... А более северная дорожка по Верхнему озеру доведет до самого Порт-Артура. Там, Тандер-Бей — крупнейшая гавань по вывозу пшеницы и металлоизделий.

Из шлюзовых барьеров впереди нас ждет лишь одно достаточно серьезное сооружение — упоминавшийся ранее Уэлленд-канал. Здесь «лесенка» тоже крута. Работает она помедленнее, чем новые шлюзы, но четко и надежно... А дальше, на стыке озер Гурон и Верхнее, расположен последний, одинокий шлюз Сент-Мари.

Так состоялось наше знакомство с Сивеем — морским путем в глубь Американского континента.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Напалков. Родился в 1907 году в Петербурге. Окончил Ленинградский морской техникум и Ленинградский институт инженеров связи. Работал в Научно-исследовательском институте морского флота, затем в Балтийском морском пароходстве. В качестве инженера-испытателя и первого помощника капитана плавал на разных судах, побывал во многих странах Европы, Азии, Америки, Африки. О своих впечатлениях автор рассказал на страницах опубликованных им книг, таких, как «Рассказ о далеких странах», «В империи доллара», «В стране Тиля Уленшпигеля», «Свободный Вьетнам встречает друзей», «Солнце над Кубой», «На разных меридианах» и других. В нашем ежегоднике выступает второй раз. Сейчас работает над новой книгой очерков о своих путешествиях.

ГЕНРИХ ГУНН

ИЗ РАССКАЗОВ ОБ ОЗЕРНОМ КРАЕ

Мне никогда не приходилось слышать северных былин. Много интересных людей встречалось в поездках по Северу, а сказителей среди них не было. Все сведения мои о былинах оставались чисто книжными. Я знал тексты, знал работы исследователей и собирателей русского народного эпоса, но всего этого было мало.

Мало было знать былины, хотелось побывать в тех местах, где они веками сохранялись в народной памяти. Осуществить это было нетрудно, но надеяться на новые находки не приходилось. Былины сохранялись на Севере в прошлом в силу патриархальности, застылости векового уклада. Ничего патриархального на сегодняшнем Севере нет, а следовательно, нет и былин. Все это я понимал, но своего интереса к былинам и к былинному краю не оставлял.

Классическая родина былин — Озерный край, в частности прибрежья Онежского озера. Конечно, былины певались во всех местах Севера — и в Поморье, и на Двине, и на Пинеге, и на Мезени, и на Печоре. Но лучшие образцы их дал все же Озерный край. Здесь были записаны Рыбниковым и Гильфердингом хрестоматийные тексты былин, здесь жили такие знаменитые сказители, как, например, семейство Рябининых.

Прибрежья Онежского озера имеют старое название—Обонежье, так называлась одна из пяти пятин Великого Новгорода. Места, расположенные по Онеге-реке, назывались Поонежьем. Между озером Онего и рекой Онегой как раз и простирается знаменитый былинный край. Мне же сперва предстояло избрать точку, с которой можно было начинать свой путь.

На первый взгляд было много хороших и удобных мест, но все варианты, поразмыслив, приходилось отбрасывать. Так, пришлось отклонить Обонежье, как места чересчур захоженные.

Дабы напасть на былинную тропу, стоило поискать иных путей, ведь известно, что удача ждет нас на неизведанных дорогах. Так в конце концов пришла мысль: а не подскажут ли мне путь сами былины?

Форма былины консервативна. Сказитель не вправе добавлять отсебятины, он поет, как певали его деды и прадеды, и благодаря этому мы можем ручаться за достоверность былин, дошедших из глубокой старины до наших времен. Взяв в руки трехтомные «Онежские былины» Гильфердинга, можно убедиться, что отклонения в вариантах незначительны, но нельзя не заметить и того, что отклонения эти связаны с личностью певца. Былины не безличны, как бы ни был консервативен их строй. Личность сказителя порой накладывает на них яркий отпечаток, точно так же былины сохраняют и своеобразный местный колорит. При неизменности и каноничности сюжетно-образного строя существуют различия, например, между онежскими былинами и печорскими.

Свое, личное сказителя, как и местный колорит, отражается не в тексте, который свято сохраняется в неприкосновенности и малейшего искажения не допускает, а обычно в запеве или в концовке былины.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиан-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские...

Так торжественно начинается запев былины про Соловья Будимировича из сборника Кирши Данилова. Строки эти положены на музыку Римским-Корсаковым,— в них ощущение шири, величавости русской земли.

Былина про Соловья Будимировича по традиции неизменно начинается эпической картиной русской земли, и вот сюда-то, в эту картину и вносит северный сказитель приметы своего родного края и запевает иначе:

Мхи были, болота в Поморской стране,
А голые щелья в Беле-озере,
А тая эта зябель в подсеверной стране...
А толсты становицы в Каргополе...

Прочтешь такое и радостно удивишься: вот она, желанная конкретность, вот она, исходная точка пути! Начинаешь листать сборник, искать, нет ли еще чего,— если раз повезло, то еще повезет. Есть! В былине про Василья Ивановича и Батыгу все приметы Киевской Руси: чисто поле, ракитов куст, турица со турятами. А в конце сказитель начнет поминать всю русскую землю: белокаменную Москву и Новегород, Валдай и Ярославль и Питер — и, наконец, перейдет к своим родным местам:

А мхи-ту болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику.

А широки подолы пудожаночки,
А-й дублены сарафаны по Онего по реке,
Толстобрюхие бабенки лёшмозерочки,
А-й пучеглазые бабенки пошозерочки,
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

Так былины указали мне путь, и те места, которые упомянул сказитель, усмешливо говоря об их жительницах, стали путеводными ориентирами. «Пойду-ка я,— сказал я себе,— от становиц Каргополя, от реки Онеги пудожским трактом на Лёкшмозеро, а дальше все о сиверику, через Кенозеро и Почозеро и по другим озерам, а уж былины авось меня не подведут!»

ЛЁКШМОЗЕРО

За Каргополем к западу тянутся места сухие. Тридцать километров проедете вы пудожским трактом и не встретите ни речки, ни ручейка. Очень непривычно это для Севера, где поселения, как правило, располагаются у воды. Здесь же — пыльные дороги, сухие леса, сухие поля. Потому и называются эти места каргопольской сушью. На Севере везде воды избыток, здесь же ее не хватает. В селе Печникове до сего дня стоят колодцы старой конструкции с огромными колесами-воротами и толстыми железными цепями; глубоко в черном срубе блестит крохотное оконце воды.

Села в «суши» все древние, заселены эти места давно, жила здесь, по преданию, «чудь белоглазая». От древних чудских жилищ — «печищ» — будто бы произошло название села Печниково. Спокон века занимались здесь хлебопашеством. Хлеб родился хорошо, если не бывало засух (наверное, единственное место на Севере, где знают это слово). Первые русские поселенцы селились «на сыром корени», где лес «от века не пахан». Валили лес, стлали «постелью», пускали «пал», затем площадку расчищали и распахивали под ниву. Поначалу урожай был большой, но вскоре падал. Тогда участок бросали, оставляли зарастать, а сами переходили на другой. Такой брошенный заросший участок назывался лядо, ледина, лядина. Слово это живет в названии другого села «суши» — Лядины. Лядины в истории русского искусства место известное — здесь сохранился замечательный ансамбль деревянного зодчества. Известна «каргопольская сушь» и своими гончарными промыслами, отсюда происходит знаменитая каргопольская глиняная игрушка.

За Лядинами, за маленькой речкой Лёкшмой местность меняется. Дорога входит в лес. Сначала раменье, потом сосновые боры, еловые суземы, сыреют места, болотца попадаются, озерко при дороге, а километров через пятнадцать — радость взору — откроется широкий водный простор — само Лёкшмозеро.

Лёкшмозеро имеет ровную форму овала. Берега невысокие, лесистые. Дно твердое, песчаное. Глубина нарастает медленно, на

полкилометра отойдешь от берега и все мелко, вода прозрачная, потом сразу обрыв и чернота. Говорят, глубина ямы местами достигает полусотни метров.

В спокойную погоду озеро лежит зеркалом, чистой гладью, открытым простором, тогда оно веселое, славное. По берегам полоской желтеют песчаные пляжи, зеленые стены тростника — тресты, как называют его на Севере. И нет в эти дни лучшего приволья, чем здесь,— прекрасное купание, прекрасная рыбалка, зашел в лес — грибы, ягоды...

Но чуть набежал ветерок, покрепчал, раздулся, раскаталась волна и бьет и швыряет лодку, и негде укрыться рыбаку, не найти тихого местечка — открыто озеро всем ветрам. В тихую погоду везде чернели лодки с удильщиками, как пошла волна с барашком — все смотали удочки. И вроде бы ветер невелик, а как кидает! Выйдешь на берег, зайдешь за кусты на пожню — тихий, знойный летний день, переведешь взгляд на озеро — кипит белой кипенью. С ветром приходит непогода, тучи, дождь, холод — шумит озеро, не унимается. Отпускники, приехавшие в деревню к родне, каждый день по нескольку раз ходят на берег — может, потишало? Опять бы удочки закинуть, до чего же клев хорош был... Да где там, зарядило непогодье.

Куда только ни раскидала судьба лёкшмозерцев — в Мурманск, в Северодвинск, на Воркуту, а каждый год приезжают повидать родное озеро. Мало ли других озер на свете? Немало, а привязало к себе наследственной рыбацкой страстью и, говорят, весь год во сне снится — родина ведь. Летом во всех избах гости, под карнизами развешаны снизки вялящейся рыбы. Дело веселое, отпускное: по грибы, за ягодами, на озере волна — можно сбегать за семь верст на лесное тихое Щучье озеро, щук на жерлицы половить. В конце лета разъедутся отпускники и туристы, а дядя Гриша останется.

Другим баловство — дяде Грише — хлеб насущный. Он промысловый рыбак, и бурливое озеро — его пашня.

Синяя степь рыбака
Билась о жизни бока.

Как мальцом он себя помнит, так все перед глазами родное озеро. Оно его вырастило, оно его кормит. Он и на день не может от озера отлучиться: у него сетки спущены. Сидит дядя Гриша на высоком крыльце своего дома и сам с собой делится дневными заботами, бормочет себе под нос.

— Сетки поднять... Коня посмотреть... Овец...

Дядя Гриша щупленький, малорослый мужичок, вечно заросший щетиной, видом похожий на добродушного лешего, и бормотанья его лешачьи, сидит и бормочет.

— Поломалась погода... С утра чисто было, теперь нанесло, дождь будет.

Дождь начинается, поначалу меленький, потом все чаще, расходится. Отпускникам дождь сулит веселье — теперь грибы пойдут! А дяде Грише что делать?

— В «море» надо ехать,— бормочет он, натягивая высокие рыбацкие сапоги.

«Морем» он называет свое озеро. В дождливую ветреную погоду оно и правда как море: другой стороны не видно, кипит волной, накатывает на берег. На глубоких озерах всегда большая волна.

Скатили с катков лодку, выгребли на глубь, повозились с мотором, завели — и пошла лодка рассекать барашки, а они чем дальше, тем не по-бараньи злей. Ну, что в такой каше можно увидать? Тут бы хоть лодку не залило. Где в этом месиве плавает кубас — деревянный поплавок в виде елочного креста, в котором торчит палка с флажком? Нет никакого кубаса, похоже, перевернуло его волной.

И какими только приметами руководствуется рыбак в родном озере! Где-то на середке мы, берег смутно зыблется сквозь дождливую пелену, как тут засечь ориентир, не промахнуться? А ведь дядя Гриша не промахнулся! Чисто привел лодку к кубасу. Верно, опрокинула волна кубас, но углядели его. Схватили. Тут нас волна и караулила, так рванула — напарник дяди Гриши едва за борт не вылетел, да, хорошо, догадался бросить кубас.

Сети у дяди Гриши перекрывают дно какой-то особенно рыбной ямы. Обычно сеток ставится на километр, вроде бы сегодня поменьше спущено, да и эти как взять? Никакой, кажется, возможности — так кидает, но потом оказывается, что ко всему можно приноровиться — достаточно того, что нас не переворачивает и не заливает, а раз так — работать можно. Отрясать сетку при такой погоде некогда, выбираем ее в лодку.

А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище...
Доброе дело! Хорошее дело!

Мокрые мы все до костей, «барашек» нас вымочил и дождь, ни куртки, ни резиновые сапоги не помогли, впору раздеться, но холодно! Горка сеток с рыбой уже выше бортов, а сети конца нет, и лодка под тяжестью осела, борта чуть не вровень с водой, или так кажется? Как тут определишь, когда нас и качает и бросает по-всякому? Хорошо, что сетка капроновая, если бы нитяная да мокрая... Но думаешь об этом спокойно, боязни никакой нет и понятно почему — мы ведь дело делаем, не баловство — а все же, когда эта проклятая сеть кончится? А рыба есть, улов есть, и как будто удачный, но не до него, это уже на берегу, а тут, в «море», сеть надо вытянуть...

И вытянули. Показалось даже, что ветер притих. Но он не притих, просто мы развернулись и стали к нему спиной, и он начал нас, раскачивая, подталкивать к берегу. Страшные гребни

были теперь впереди, волны скользили вровень с нашими бортами, поднимали и опускали нас вверх-вниз, заплескивали в лодку, но ничего опасного не было, да и была ли опасность?

Уютно, по-домашнему заработал мотор, запел, застрекотал сверчком, лодку словно подтолкнул кто, и она понеслась вперед, догоняя и разбивая убегающие барашки.Закурить бы, да размокло курево. Значит, все не так страшно, значит, все в порядке!

Все яснее деревенские избы, вешала с сетями, кучка людей на берегу, смотрят — рыбаки едут! Доброе дело! Хорошее дело!

На подходе к берегу гасится мотор. Дальше очень мелко — лодка шуршит днищем по песку. Соскакиваем в воду и подводим лодку к мосткам. Там уже ждут добровольные помощники, накидывают на нос лодки веревку и воротом втягивают на катки. Начинаем разбирать сети.

— Идите домой,— ворчит тетя Дуся,— без вас управимся!

Но рыбаки не уходят, не увидев улова. В алюминиевые ящики складываются: отдельно сиги — рыба лососевой породы, в другие — рыба менее ценная — щука, налим, окунь. Окуни в озере отменные, величиной с лопату, что хлебы в печь сажают. Славится своей рыбой Лёкшмозеро.

А уже вечереет. Низко нависли серые дождевые облака, и шумит, не затихает волна...

Ящики с рыбой вносят в крытый двор. Тетя Дуся принимается за засолку рыбы. А рыбак, вернувшись с промысла, в полной мере вкушает блаженство отдыха за столом.

Дядя Гриша попил пуншику, мусолит папироску-гвоздик и что-то тихонько бормочет себе под нос. Он немногословен, и не сразу поймешь, о чем он.

— Для себя бы никогда не поехал... а я — Гослов... рыба в сетках погниет...

Напарник его, Макаров, крепкий, коренастый мужичок, замечает:

— Хоть бы какой островок был на озере, всё спрячешься.

А я думаю: чудесно! Недавно была «сушь» и в попутном «газике» пропылило так, что не сразу отмылся, а теперь «море», рыбаки и к рукам пристала чешуя... Удивительный край!

ЕЛЬ

Наладилась погода. Выплывешь в лодке на озеро — красота какая кругом! Лесистые берега, деревеньки и голубая гладь вод — ничего больше не надо для души. В северной стороне — село Лёкшмозеро с белой колокольней, на юге — деревня Орлово, на востоке — Труфановское, где мы живем, а на юго-востоке — устье речки Чёлмы. Видна речная долина, поросшая кустарником, на пригорке покосы, стога, а вдали купа деревьев, над которыми возвышается темный конус, словно стоят там громады шатровых зданий.

В лес пойдешь за грибами — по холмам дорога — снова озеро сверху во всей красе и снова видишь там, где речка Чёлма, это нагромождение деревьев, над всей лесной цепью они выделяются.

Мы уже знаем, что место это называется Челма-гора, монастырь там был когда-то. Есть там озерцо небольшое, да никто из лёкшмозеров туда не ходит, разве на покос — своего озера хватает, да и рыба в Монастырском озере берет как-то вяло, скучно берет, разве что караси там водятся...

Дядя Гриша нам об этом потихоньку, по-своему рассказывает.

Речка Чёлма сейчас обмелела, а раньше была полноводной, стояли тогда на ней мельнички, держали воду. Из Монастырского, или Челмского, озера вытекает уже другая речка — Лёкшма. При монахах ее устье было перегорожено железной решеткой, чтобы крупная рыба не уходила...

Посмотреть эти места было интересно.

Дорога вывела нас на мостик через маленькую речку. По другому, более возвышенному берегу открылись покосы. Мы поднялись на горку и, пройдя немного до зарода, как на Севере называют стога, увидели невдалеке купу старых елей, над которыми возвышалась одна, самая большая.

Еще немного прошли — блеснуло за елями озеро, то самое, Монастырское. Увидели мы следы кирпичной ограды, кресты под старыми елями — здесь было деревенское кладбище. Горка круто обрывалась к озеру. Берег был топкий, болотистый, заросший трестой. В устье речки плавал утиный выводок. Само озеро имело вытянутую, продолговатую форму — обычное лесное озеро с темной водой. В его дальнем конце скользила лодка.

Самая высокая ель высилась особняком на зеленой лужайке. Лужайка была выкошена, и поставлен небольшой зарод. Ель вздымалась обособленно, неслиянно с другими, тоже старыми лесными великанами, единственная, в гордом величии выделяясь среди всех деревьев здешнего лесного края.

Не хотелось сразу уходить от столь прекрасного места. Мы раскинули палатку под горой и прожили возле ели несколько дней.

Высокое, выдающееся это место — Челма-гора,— издалека видное. С озера ли посмотришь, с поля, с луговой низины — отовсюду заметное, привлекающее. И каждый раз у тебя перед глазами самая большая ель. Любуешься ею не налюбуешься. Откуда ни идешь — вот она, стоит темно-зеленым шатром, издали ее увидишь и всегда мимо нее проходишь. Так привязались мы к этой ели, как к своему дому — она его обозначала.

Сначала, когда тянуло побродить по окрестным местам, на озере с удочкой посидеть, не так на нее обращал внимание, но потом, когда все окрестное узнал, понимаешь, что ель здесь главное чудо, а припоминая другие виденные тобою замечательные

деревья в других лесах и парках, понимаешь, что ничего подобного ты еще не видел. Ни по высоте, ни по красоте.

Древнерусским плотникам, возводившим островерхие шатры церквей, совершенней формы было не найти. Ель стоит ровным конусом, не разлапясь в стороны, сходя книзу плавной, мягкой линией. Вершина ее осыпана шишками, и где-то там, в гущине, живет белка. Маковка ели раздвоена и отдаленно напоминает главку шатра, а осыпь шишек — чешуйчатый лемех. Архитектура меньше всего подражает природе, исключая лишь деревянное зодчество. Форма деревянного шатра — ель. Это особенно ощутимо, когда на фоне дальнего леса вдруг заметишь гигантскую ель, превосходящую все другие, а подойдешь — увидишь шатер древней церкви. Здесь же, в безлюдье, наоборот, казалось, что старые деревья погоста — березы, ели, сосны, слившиеся в одну живописную массу,— строения, хоромы, а над ними шатер — произведение искусства.

Но это чудо природы, прекрасные вековые растительные формы. Вполне понятно языческое почитание таких необыкновенных деревьев, признание в них живой души. Когда лежишь возле такого дерева, смотришь на текучие облака в небе, слушаешь шорох ветра в хвое, думаешь о прошедших веках, выстоянных могучим великаном, и, правда, хочется верить, что у него есть душа, мудрая и добрая.

Чудесная эта ель! Под ее свод можно войти в рост (кто-то из несознательных раскладывал там костер), под ним не страшен любой дождь. Ель — дом и зверушкам, и птицам, и человеку. Ствол ее, толщиной в два обхвата, серый, чешуйчатый, с янтарными натеками смолы. Комель с могучим корневищем походит на огромное шестилапое чудище, но чудище доброе, а вернее, равнодушное ко всему, слишком старое, ушедшее в свои годы, в свои века, и люди, которые тут под ним проходят, ему безразличны, а ветер шумит в кроне...

Всегда так, когда видишь нечто древнее, величавое: горы, деревья, здания,— невольно наделяешь их душой, памятью, будто они должны быть свидетелями, хранителями былого. Но память о здешних местах давно прошла...

Скупые сведения сохранила нам история. Был здесь один из древнейших северных монастырей, основанный в начале XIV века новгородцем Кириллом. Существует поэтическое предание о том, что Кирилл просил местных жителей пощадить деревья на горке при выжигании леса под поля и будто бы пламя не коснулось горки.

Те ли деревья стоят здесь, что шесть с половиной веков назад? Шестьсот пятьдесят лет — подумать только! Еще и Куликовской битвы не было, и Русь была изначальная... Нет, не живут так долго ели, говорят. Но если и не те, то от тех, от их семени. Ничего не сохранилось на горке, но жива преемственность прекрасных могучих вековых форм.

Если бы стояли на горке древние здания, конечно, они были бы взяты под государственную охрану, висела бы соответствующая табличка... Но вот охранять уникальные природные достопримечательности — как-то мы об этом мало думаем. Понятно еще — охранять рыбные богатства озера, реки, но какое-то одно дерево среди лесного моря? Да, и одно дерево! Сто́ит раз увидеть его — и поймешь, что без этой ели угаснет, потускнеет красота здешнего пейзажа, оскудеет природа.

Пусть не сохранилось ничего памятного, созданного людьми, но сохранилось нерукотворное, самой Челма-горой созданное чудо — ель. Она стоит, выше всех красуясь над здешними местами, могучая, жизненосная, семенная ель. Бури над ней, непогоды, снега, дожди, время летнее, время зимнее — все идет своим чередом, а она стоит в мудром природном спокойствии, осеняя необычное место. Одна такая. Заповедная ель!

ДОРОГИ

Слишком часто употребляли мы дотоле слово «чудесное» — и озеро чудесное, и ель...— а как скажешь иначе? Но мы даже не подозревали, какие чудеса ждут нас впереди. Стоило нам переплыть озеро и отойти от села Лёкшмозеро по любой из дорог и тропок, как мы открывали для себя все новые озера. От одного озера путь шел к другому, их была целая снизка, разбросанная по всей округе. Мы вступали в Озерный край.

Но сначала — о дорогах Озерного края.

Слова «Север» и «бездорожье» как бы срослись друг с другом. Где казалось бы быть бездорожью, как не на Севере: мхи там, болота, каменьё... Все так — и не так. Дорог много, еще с древности, с новгородских времен, и неплохие по-своему дороги: где сухими гривками, где гатью через болото, а приводят они в нужное место. Иное дело, что не годятся они ни для современной техники, ни для современных скоростей.

Вот и село Лёкшмозеро — издавна место прохожее, людное. Отсюда был путь в Каргополь и на Пудож, путь на Кенозеро и в Ошевенское через Хергозеро. Но давно заглохли эти пути, а в иных местах так заросли, что от прежней дороги с обочинами и канавами осталась узенькая тропочка. Никого теперь не встретишь на этих путях, разве что бодрую группу туристов или вездеход геологической партии. А после него дорога становится такой разбитой, что по ней не проедешь и на телеге...

Но открылись и новые пути. Когда-то старик Вавулинский из Лёкшмозера за день дошел до Каргополя — семьдесят семь километров. Уверял, что вышел с солнцем и шел налегке, немного присаживался, только в Лядинах у знакомых чайку попил — большая нужда была идти. Теперь лёкшмозер пешком идет до местного аэродромчика на берегу озера и ждет, когда над восточным берегом покажется серебристая стрекоза — незаменимый в бездорожном крае АН-2, и через двадцать пять минут он уже в Каргополе.

Вместе с северянами я готов воздать хвалу неутомимому труженику — АН-2. Пусть в век сверхзвуковых лайнеров он выглядит несколько архаично, но здесь он — первый транспорт. Куда только не летают эти «аннушки» и где не садятся — прямо на лужок, разгоняя ревом мотора пасущееся стадо, и уже бегут к нему с узелками, чемоданами, рюкзаками местные бабушки, отпускники, туристы. Бортмеханик отсчитает двенадцать человек, а если народу больше, ничего, прилетят за ними во второй рейс: летчики — не подведут.

Хвала им, летчикам малой авиации! — этим парням в кожаных куртках. Они всегда подтянуты, всегда аккуратно одеты — в светлых рубашках и галстуках, в начищенных полуботинках, хотя, бывает, пройти по аэродрому можно только в сапогах. Они сухопарые, смуглые, решительность, собранность читается на их

лицах и неизменное спокойствие и уверенность в себе — это особый род людей, и, глядя на них, даже боязливая бабушка успокаивается: летчики не подведут.

Взлетели — и уже внизу колокольня со шпилем, самолет круто лег на крыло, набирает высоту, и открылась вся озерная округа. Вот ближнее Наглимозеро. Любят его лёкшмозеры, у каждого там лодка, живописно это озеро, изрезанное заливами и бухточками, с большим лесистым островом посредине. Когда бурлит Лёкшмозеро, хорошо здесь поудить в бухточке, укрывшись за зеленой стеной тресты. А вот и Хергозеро. Узким языком входит в него полуостров, видны дома, церковка на мысу, а вокруг зеленые покосы и стога. Называется это место — Макарий. Рядом другие озера: Келейное, Кривое, Белое, Долгое, Круглое... Желтые пятна мхов, зеленые — лесов и голубые глазницы озер — таков Озерный край. А вдали у горизонта синеется Кенозеро...

Но спустимся с небес на землю. Как ни приятен воздушный путь, а познать родную землю можно только шагая по ее разным дорогам.

Что-то мы упустили, говоря о дорогах Севера прошлого и сегодняшнего дня. И вот сейчас, когда мы выходим в путь с Лёкшмозера на Кенозеро, мне ясно, как красивы эти дороги!

Я не знаю другой такой дороги, как дорога по Масельге.

Масельга по-карельски означает «земляная гора». Собственно, это не гора, а хребет, лесистая грива. Слева озеро и справа озеро. В самом узком месте разделяет их метров сто. Одно — Морщихинское, другое — Виленское. Хочешь, к одному спустись, хочешь, к другому — везде ровное песчаное дно, прозрачная вода. Вроде бы схожие озера и красивые оба: Морщихинское сплошь лесное, а Виленское с деревенькой на том берегу, с пожнями. Но разница их не только внешняя, как и место это в Озерном крае непростое.

Вот гроза прогремела, спорый летний дождик набежал. Мы укрылись под сосной и смотрим, как сбегают с острия горы потоки: один по западному склону, другой по восточному. Вроде бы ничего особенного, а между тем воды, что стекают в западное озеро, по системе озер и речек войдут в озеро Онежское, а воды восточного озера по системе озер и речек придут в Кенозеро и дальше в реку Онегу. Проще говоря, здесь находится водораздел между бассейнами Балтийского и Белого морей. Да, вот здесь, на этом месте, где все так просто — гладь озер, деревья по косогору и уводящая вдаль дорога...

Здесь — сердце Озерного края.

А дорога открывала перед нами новые величественные картины. Она то шла горкой, то низиной, то ныряла под сень леса, то распахивала перед нами озерную гладь. Она вела нас к Хижгоре и к Порженскому и сулила впереди многое такое, чего мы еще не знали. Былинный край раскрывался перед нами во всей своей красе.

ОБ АВТОРЕ

Генрих Гунн. Родился в 1930 году в городе Саратове. Окончил исторический факультет МГУ. Литератор. Работает в области научно-художественной географической литературы. Печатается с 1957 года. Автор многих очерков, опубликованных в периодической печати, и трех книг: «Онега впадает в Белое море» («Мысль», 1968), «Печора — золотые берега» («Мысль», 1972), «Каргополье — Онега» («Искусство», 1974). В нашем ежегоднике выступает второй раз. В настоящее время работает над новой книгой о северном крае.

ВЛАДИМИР БАРДИН

НА БЕРЕГУ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА

Очерк

1

Во тьме над морем вспыхивали молнии. Они озаряли тяжелые, темно-фиолетовые гроздья облаков. В провалах между ними сияли звезды. Большая Медведица, непривычно перевернутая, висела над самым горизонтом: ручка ковша утопала в море. Было душно и влажно, легкий ветерок, разгуливающий по палубе, почти не приносил облегчения, но в каютах было и вовсе нестерпимо: вышла из строя установка кондиционирования воздуха.

Мы возвращались домой из Антарктиды на теплоходе «Надежда Крупская». Необходимость пополнить запасы горючего, пресной воды и продовольствия вынудила нас взять курс на восток, к берегам Гвинейского залива. Наутро ожидался Абиджан, столица государства с необычным названием — Берег Слоновой Кости.

Большинство полярников никогда не было в Экваториальной Африке. Вечнозеленые джунгли, кровожадные крокодилы, муха цеце — все, о чем говорили сейчас на корабле, имело для нас привкус книжной романтики. Другое дело айсберги, странствующие альбатросы, императорские пингвины — это были вещи привычные, почти домашние, обыденные. Но холодный юг, высокие широты остались далеко позади: вчера теплоход пересек экватор.

Глядя на географическую карту континента, вывешенную в музыкальном салоне, можно было по достоинству оценить Гвинейский залив, к побережью которого выходит около десятка африканских государств: Габон, Камерун, Нигерия, Дагомея, Того, Гана, Берег Слоновой Кости, Либерия ... В восточной части залива находится островок Фернандо-По, вызывающий в памяти веселую, придуманную Корнеем Чуковским путаницу географических наименований: «Мы живем на Занзибаре, в Калахари и в Сахаре, на горе Фернандо-По, где гуляет Гиппо-по — по широкой Лимпопо».

— Ну, полярнички, поморозили себе носы на полюсе, отогревайтесь теперь на экваторе,— провозгласил бородатый толстый зимовщик, врач по профессии, и заразительно засмеялся.

Чтобы убить время, на кормовой палубе попробовали закрутить кино, но звука не было. Механик безуспешно копался в аппарате, стучал по динамику и бурчал что-то про повышенную влажность. Неожиданно хлынул дождь, и палуба опустела.

Я поднялся в ходовую рубку.

В полумраке у картушки компаса, чуть шевеля штурвал, стоял рулевой. Далеко впереди, прямо по курсу, горели огни какого-то судна. В углу рубки рисовался силуэт вахтенного помощника. Я заглянул в штурманскую. Здесь было пусто. На большом столе под настольной лампой лежала карта Гвинейского залива с крупной врезкой — планом порта Абиджан. Узкий канал вел из залива во внутреннюю лагуну, где были причалы, якорные стоянки, госпиталь, рыбный порт, лесной склад...

Над ухом кашлянули, и, подняв глаза, я увидел вахтенного помощника, худощавого, белобрысого и строгого.

— Не полагается,— сказал он сурово.— В салоне специально для вас вывесили карту, а здесь пассажирам находиться нельзя.

Я извинился перед ним, он скучно посмотрел на меня, но вдруг в глазах его промелькнул интерес:

— Вы, кажется, геолог? Нет ли у вас камня с антарктических гор?

— Сувенир? — невольно улыбнулся я.— А мне бы хотелось достать лоцию Гвинейского залива.

— Сделаем,— поспешно согласился помощник.— Через час моя вахта кончается. Я вам ее принесу — смотрите хоть до утра.

— И прихватите все, что у вас есть об этом побережье,— уже чувствуя себя хозяином положения, добавил я.

2

Внизу, в музыкальном салоне, около карты Африки толпились полярники. В сотый раз рассматривали очертания залива, читали историко-географическую справку о Береге Слоновой Кости, отпечатанную на машинке и прикрепленную рядом.

Оказывается, это название — Берег Слоновой Кости — появилось на португальских картах еще во второй половине XV века. Однако первые европейские поселения (французские) были созданы здесь в 1637 году, но просуществовали недолго. Новые колонисты прибыли сюда лишь через 50 лет под охраной вооруженного отряда. Им удалось «пустить корни».

С середины XIX века французы начинают активно расширять свои владения в этом районе. Местное население находилось на разных ступенях социального развития — от родового строя до раннего феодализма. Французам удалось, опередив англичан,

первыми вступить в контакт с африканцами и навязать им ряд кабальных соглашений, а в 1888 году — договор о протекторате. Вслед за этим начался насильственный захват африканских территорий, обложение населения налогами, что сопровождалось многочисленными столкновениями, а порой и настоящими войнами с местными племенами. Восстания африканцев следовали одно за другим вплоть до конца первого десятилетия XX века и вынудили колонизаторов искать социальную опору в лице местной знати.

После второй мировой войны движение за независимость активизировалось. В 1958 году страна получила автономию в составе Французского Сообщества, а два года спустя была провозглашена независимая Республика Берег Слоновой Кости.

В справке приводились и некоторые цифры: площадь страны— 322,5 тысячи квадратных километров (примерно такая, как Норвегии), население — 4,1 миллиона человек (1968 г.). В Абиджане — самом крупном городе республики—проживает свыше полумиллиона. Коренные жители — разноязычные африканские племена: баулеанья, бете, синуфо и другие. Государственный язык до сих пор французский.

В условленное время ко мне пришел вахтенный помощник. Он положил на стол карту и сверх того книгу Л. Ф. Блохина «Берег Слоновой Кости», изданную в 1967 году. Это был сюрприз. Я тут же погрузился в чтение. Книга представляла собой солидное экономико-географическое исследование. Были здесь сведения и о геологии (в этой стране можно было встретить породы того же типа, что и в Антарктиде), рассказывалось о рельефе (преобладают низменности, гор почти нет), о климате (у моря — постоянная высокая влажность, в глубине страны — чередование влажных и засушливых сезонов), о растительности (тропические леса на севере, саванна на юге), о животном мире (исключительно богат и разнообразен) и т. д. Наиболее подробно рассматривались вопросы экономического плана.

Прочитав добрую сотню страниц, я понял, что такое обилие разнообразных сведений невозможно удержать в голове. Вот если бы увидеть хоть малую толику прочитанного, тогда, несомненно, тусклые книжные факты осветятся живыми красками личных впечатлений и останутся в памяти.

... Было уже за полночь, когда я, отягощенный бременем полученных знаний, так и уснул с книгой в руках.

3

Утром, чуть свет, на палубе прохаживались в ожидании высадки на берег несколько человек, среди них доктор и трое поляков, принимавшие участие в нашей экспедиции. Палуба была мокрой, и в сиденьях пластиковых стульев, не убранных после вчерашнего неудачного киносеанса, блестели лужицы. Все стояли у правого борта, всматриваясь в голубоватую пелену рассвета.

Наконец выплыло солнце и проступили очертания берега: низкая ровная темная полоса. Еще немного — и мы увидели, что это леса. В двух местах над сплошной стеной джунглей поднимались клубы дыма. А чуть левее, прямо по курсу, сверкали на солнце серебряные емкости с горючим, застекленные плоскости высотных зданий, и уже совсем близко блеснул и тут же погас глаз прожектора на башне маяка: приближался порт.

Над водой неторопливо кружили какие-то темные птицы. Мы обогнали шедшее впереди судно — американский лесовоз. На палубе его штабелями лежали бревна шоколадного цвета.

— Очевидно, красное дерево,— сказал Анджей, стройный молодой человек, польский биолог, похожий скорее на киноактера, чем на ученого.

— Зачем же везти сюда красное дерево, у них своего хватает,— возразил бородатый доктор.

— Лес — вторая после кофе статья экспорта,— невольно процитировал я прочитанную ночью книгу.

Доктор одобрительно взглянул в мою сторону.

— Первая порода, которую стали здесь экспортировать, носит название акажу. На десять гектаров леса приходится не более одного ствола,— продолжал я.

Теперь бородач смотрел на меня с явным изумлением. Мне же вспоминались целые фразы (видимо, ночное чтение не прошло даром).

— Древесина породы макоре имеет муаровые оттенки, а стволы босе — бледно-розовую окраску, издающую запах ладана...

— А что означает название города? — прервал мой монолог нетерпеливый Анджей.

— Ну уж этого мы и про свои-то города не знаем,— заметил доктор.

— Абиджан произошло от словосочетания «амби джан», что в переводе с языка местного племени эбрие означает «срезанные листья». Именно здесь,— я простер руку вперед в направлении берега,— было заключено перемирие, положившее конец одной из междоусобных войн.

— При чем же здесь листья? — недоумевал бородач.

— Листья срезали, чтобы устроить постели,— пояснил я, как будто это было делом само собой разумеющимся, и обратился к полякам:

— Есть ли в этой стране кто-нибудь из ваших соотечественников?

— Насколько я знаю, нет,— покачал головой Анджей.— Как ты думаешь, Ежи? — обратился он к своему молчаливому товарищу с огромным выпуклым лбом и глубоко запавшими темными глазами, кинорежиссеру Варшавского телевидения. Третий поляк, Збышек — кинооператор, снимавший с Ежи уже не первый фильм, был ненамного моложе своих друзей, но благодаря открытому, доверчивому взгляду выглядел, даже несмотря на солидную

бороду, совершенным юнцом. Поглощенный, как всегда, своей кинокамерой, он в разговоре участия не принимал.

— Поляков здесь нет,— наконец подтвердил Ежи.— Эта страна предпочитает сотрудничать с французами.

— Да, французов тут немало. В этой стране, как в раю — круглый год лето,— взмахнул руками Анджей.

Но я усомнился в том, что здешний климат с его духотой и зноем (высокая влажность, температура воздуха свыше тридцати градусов) можно назвать райским.

— Ну, не все время жить, конечно,— жестикулировал Анджей,— а на каникулы, в отпуск приехать: покупаться, позагорать!

— И подцепить желтую лихорадку,— добавил Ежи.

— Или стать жертвой мухи цеце,— расхохотался доктор.

Збышек уже наладил камеру и приготовился к съемке. Всего в полумиле от нас ослепительно сверкала полоска золотистого песка, на который накатывались океанские волны. Там, за этим роскошным пляжем, в тени пальм угадывались живописные строения. У самой кромки прибоя лежало на боку большое полузатопленное судно. Оно село на мель при входе в порт.

Абиджанский порт построен совсем недавно, в 1950 году. Попытки прорыть канал и соединить лагуну Эбрие с морем предпринимались еще в начале нашего века, но береговые течения заносили русло канала песком. А необходимость в создании современного порта была огромной. На всем побережье, протяженностью в 550 километров, не существовало ни одной естественной бухты, пригодной для строительства такого порта. Полоса песчаных отмелей почти повсеместно преграждала кораблям доступ к берегу. Суда выгружались на открытых рейдах, а это было дорого, неудобно и препятствовало развитию торговли. Теперь все эти трудности позади. Сегодняшний Абиджан — морские ворота республики — ежегодно посещают тысячи кораблей. Появился и собственный торговый флот.

... Загремела якорная цепь, и на мачту подняли флажковый сигнал: «Просим лоцмана». Чтобы попасть в порт, требуется немалый опыт. Об этом красноречиво свидетельствовал остов выброшенного на берег судна.

Вход в канал отсюда, с моря, казался совсем крошечным — еле-еле протиснуться нашему кораблю. Но, судя по карте, ширина канала более трехсот метров, а глубина в центральной части пятнадцать метров. Это позволяет заходить в порт практически любому океанскому судну. Протяженность канала без малого три километра.

Еще немного — и мы увидим чудесную лагуну с раскинувшимся на ее берегах городом!

Лоцманский катер, однако, задерживался.

— Девятый час, а они начинают работать с восьми,— рассуждал наш доктор.— Кофе, наверное, пьют. Эх, кофейку бы сейчас

настоящего, по-турецки. Интересно, что у них там за кофе? — обратился он ко мне уже как к признанному авторитету.

Увы, до сортов кофе я не дошел, хотя и видел в книге фотографию кофейного дерева. Меня неожиданно выручил Ежи — тонкий ценитель кофе.

— Здесь, как и в Конго, выращивают робусту,— заговорил он не торопясь.— Этот сорт не слишком ароматен и потому дешев, но в нем высокое содержание кофеина. Его хорошо смешивать с более ароматными сортами. Впрочем, для итальянцев, которые любят пережаренный кофе, а естественный аромат не ценят, робуста подходит как нельзя лучше.

Доктор вопросительно взглянул на меня.

Я важно кивнул головой.

— Да, в географии вы доки,— вздохнул доктор.— Но главное, уметь чувствовать политическую обстановку. Вот даю голову на отсечение, что лоцманы у них тут французы. Ключевые позиции по-прежнему в их руках.

Справа от входа в канал на глади моря были разбросаны десятка два длинных узких рыбацких лодок, по виду настоящих пирог. Каждой из них управлял один человек, сидя на корме и подгребая веслом. В водах Гвинейского залива водятся угорь, тунец, макрель, сардина и множество других видов рыб. Ну и конечно, здесь полным-полно акул.

А на берегу за каймой песка, где у самой воды стояло несколько человек, из-за пальмовой рощи выглядывали странные угловатые конструкции, сложные переплетения труб. Издали этот промышленный объект был похож на скелет какого-то ископаемого гиганта. Над одной из труб горел газовый факел. И довершая эту картину, над кучкой людей на пляже, над рассыпанными на морской глади утлыми пирогами набирал высоту мощный реактивный аэролайнер, оставляя за собой серый хвост выхлопных газов.

Вот тебе и Экваториальная Африка!

4

Около девяти к нам подошел катер, на борт поднялся лоцман. Это был европеец, немолодой уже, худощавый, с резкими, заостренными чертами лица.

Заработали двигатели, и мы быстрым ходом пошли к устью канала. Миновали входной маяк. Ослепительная, манящая полоска пляжа сверкнула в последний раз сквозь зелень пальмовой рощи и осталась позади. Справа вдоль трассы канала шло шоссе. Здесь все выглядело серо и буднично. Друг за другом следовали склады, баки с горючим, рекламные щиты фирмы «ЭССО». Зато слева к самой воде подходили густые заросли пышных кустарников, а чуть дальше поднимались высокие, незнакомые нам гладкоствольные деревья.

Внезапно канал расступился, и мы увидели живописный город, амфитеатром спускающийся к лагуне. Он почти сплошь состоял из белых зданий: утопающих в зелени небольших особняков и современных коробок-башен. А на переднем плане громоздились у причалов мачты судов и портовые краны.

— Здесь корабли почти со всего света,— говорил Анджей, не отрываясь от бинокля.— Вот тот крайний — сухогруз «Замок дракона» из Панамы, за ним «Святой Лак» и «Святой Винсент» — из Дюнкерка. «Лобиго» в середине — местный. За ним с голубой трубой — «Виграфиорд» — какой-то скандинав. Порт приписки отсюда не виден.

— А вы поглядите-ка лучше сюда,— окликнул нас с другого борта неугомонный доктор.

Мы обернулись. На противоположной стороне лагуны у самой воды стояли те самые африканские хижины, которые раньше нам приходилось видеть на картинках.

— Вот то-то и оно! — поднял палец доктор.— Контрасты!

Машину вновь застопорили. Очевидно, все причалы были заняты и нам предстояло выжидать, пока освободится место.

Поверхность лагуны была атласной, без единой морщинки. Сюда не достигал морской бриз, и жара давала себя знать. У борта на глади воды растекались радужные масляные пятна. Небольшой краб бочком деловито пробирался вдоль корпуса. За его движениями, перегнувшись через поручни, следила теперь добрая половина полярников.

Шло время, и наше нетерпение возрастало: когда же можно будет сойти на берег? Но мы продолжали стоять на рейде. К кораблю подплывали на катерах портовые чиновники с портфелями. Наше начальство заполняло какие-то бумаги, оформляло счета.

После обеда небольшая видавшая виды баржа привезла пресную воду. На корабль перебросили шланги, подключили насосы. Нам предстояло взять около 600 тонн воды. Наконец-то жесткий водный режим, существовавший на корабле все время, пока мы плыли из Антарктики, кончится и можно будет вволю помыться.

Я поднялся на верхний мостик. Теперь уже было ясно, что сегодня нам берега не видать. К тому же распространился слух, что в город пустят только тех, кому были сделаны прививки от желтой лихорадки.

На верхнем мостике было малолюдно. В углу, облокотясь о поручни, стояла симпатичная корабельная кастелянша в выходном крепдешиновом платье. Два бородатых зимовщика нетерпеливо ходили от борта к борту. Близость незнакомого города, зеркальная гладь лагуны, дурманящая, вязкая духота — все это вызывало какое-то смутное беспокойство.

Над лагуной сгущались сумерки. На стоящем поодаль лесовозе спешили закончить погрузку. Бревна поднимали на палубу прямо с воды, с пригнанных к борту плотов.

Система лагун, соединенных каналами, вытянута вдоль значительной части побережья. В лагуны впадают реки, и потому эта система удобна для сплава леса в Абиджан, откуда ценную древесину отправляют на экспорт. По лагунам перевозят и другие грузы, в том числе марганцевую руду, добываемую в ста километрах к западу от Абиджана, близ устья одной из наиболее крупных местных рек — Бандамы. Любопытно, что реки этой страны, в значительной части которой избыточная влажность, мелководны, порожисты и почти непригодны для судоходства. Берега их, как правило, сильно заболочены, и местное население предпочитает селиться подальше от крупных рек, на междуречьях — картина, прямо противоположная той, что у нас. Я начал было мечтать (обстановка располагала к этому) о путешествии по лагунам на байдарке. Но, вспомнив о бесчисленных опасностях, подстерегающих путешественников в здешних местах, призадумался. Не так страшны казались бегемоты, слоны, крокодилы, как разные мелкие твари, вроде ядовитых змей, комаров и мухи цеце. И, отмахиваясь от мошек, налетевших откуда-то на палубу (кто знает, что это за насекомые), я покинул верхний мостик.

В курительном салоне было людно, работал телевизор. На экране три импозантных африканца вели беседу «за круглым столом». Речь шла о политике. Потом началась местная хроника — торжественное открытие новой больницы в деревне. После хроники нам показали одну из серий французского фильма «Алло, полиция». Всеобщее оживление вызвала спортивная передача — эпизоды футбольного матча между командами Берега Слоновой Кости и Того.

В спортивной программе показали также велосипедные гонки на автомагистрали, известной как «дорога кофе», поскольку она соединяет Абиджан с основными районами производства этой важнейшей для страны экспортной культуры.

Уже поздним вечером зазвучали торжественные звуки национального гимна — передача закончилась.

Я вышел из накуренного салона на мокрую палубу. Только что прошел ливень, но дышалось по-прежнему тяжело, температура воздуха была не ниже 28 градусов. В одних трусах, взмокший от пота, на палубу вылез доктор. Постоял с минуту, молча глядя в небо, почесал грудь, заключил, тяжело отдуваясь:

— Нет, этот рай мне не подходит!

5

Утром нас пустили наконец к причалу, обозначенному на плане порта как «причал для банановозов». Три африканца с помощью автопогрузчика укладывали под навес ящики с бананами.

— Салют, камарады! — крикнул им доктор. Он уже приготовился к выходу в город, был при галстуке и в соломенной шляпе. — С полярным приветом!

И вот долгожданный миг наступил. Мы устремились вниз по трапу. Под ногами не зыбкая палуба, а твердая земля. Некоторые тут же торопливо, словно беспокоясь, что потом не успеют, фотографировали друг друга на память.

Я сошел на берег вместе с поляками — Ежи, Анджеем и Збышеком.

Несмотря на ранний час, было жарко и душно, но мы ощущали необыкновенный прилив сил, ноги, соскучившиеся по твердой почве, прямо-таки галопом несли нас вперед. Миновав портовые склады, мы пересекли пустырь и стали подниматься вверх, к центру города, где были сосредоточены почти все наиболее высокие здания.

За железнодорожным полотном показался белый куб вокзала, на фронтоне которого было написано «Абиджан-Нигер». Отсюда начиналась единственная железная дорога страны, пересекающая ее с юга на север и связывающая Абиджан с Уагадугу — столицей Верхней Вольты. Протяженность этой одноколейной трассы почти 1200 километров. Около половины ее проходит по территории Берега Слоновой Кости. Более 50 лет строилась дорога. Строители (в основном принудительно согнанные сюда африканцы) преодолели стену «зеленого ада», как называли влажные тропические леса европейцы, и проложили сотни километров пути в засушливой саванне. Сейчас дорогой пользуется ежегодно свыше двух миллионов пассажиров. Возрастают и грузовые перевозки. Для расположенной в глубине материка Верхней Вольты это единственный выход к морю.

По тротуару вдоль шоссе, на которое мы только что вышли, важно шествовала статная молодая африканка с черными, мелко вьющимися, коротко подстриженными волосами, огромными белыми клипсами в ушах, в длинном, почти до земли, ярко-красном костюме, отороченном белым кантом.

Збышек тут же включил камеру, а мы замерли, почтительно пропуская эту первую встреченную нами представительницу Берега Слоновой Кости. Пройдя немного вслед за незнакомкой, мы оказались на просторной площади. Два современных здания с вогнутыми фасадами по обеим сторонам шоссе открывали въезд в центральную часть города.

По шоссе проносились сверкающие лимузины. Мы влились в поток идущих по тротуару горожан. Здесь нас догнал запыхавшийся доктор и стал шумно выражать свой восторг по поводу этой встречи, как будто мы год не виделись.

Большинство прохожих были рослые, стройные африканцы. Гораздо реже встречались европейцы. Лица их казались нам чересчур бледными, а отнюдь не загорелыми, как можно было бы ожидать на экваторе.

— Наверное, просиживают весь день у своих кондиционеров, спасаясь от жары,— не без зависти сказал доктор.— И смотрите, не так уж много в этом городе женщин!

Действительно, женщин в толпе почти не было. Но те, что встречались, поражали воображение красочностью своей одежды. Их яркие платья издали бросались в глаза. Даже молодые девушки с множеством мелких косичек, торчащих на голове, как иголки у ежа, носили платья по щиколотку. В коротких юбках или брюках позволяли себе появляться на улицах Абиджана лишь француженки.

Доктор обратил наше внимание на близость базара. Нам встретилась пожилая толстуха в балахоне, напоминающем леопардовую шкуру. Она несла полиэтиленовый пакет с упитанным гусем. Вслед за ней появилась другая женщина, с тазом на голове, доверху заполненным какой-то гастрономической зеленью.

— Нам нужно снять африканский базар,— загорелся Збышек.

Однако базар разочаровал нас.

На пятачке среди городских зданий жалось друг к другу несколько торговых рядов. Это был небольшой рынок, который посещали служащие и немногочисленные жители центра города. Помимо продовольствия здесь торговали изделиями из дерева и кости для туристов.

Продавцы настойчиво рекламировали свои товары, уговаривая купить искусно вырезанную из дерева фигурку или маску. Но мы, по совету доктора, не торопились, прицениваясь.

— Дерево не тот товар,— отговаривал он нас от опрометчивой покупки.— В стране Берег Слоновой Кости надо приобретать слоновую кость!

Но слоновая кость стоила слишком дорого. Правда, доктор не терял надежды сбить цену. Он уже присмотрел одну статуэтку, но пока намеренно делал вид, что не интересуется ею.

Збышек снял несколько общих видов, но не хватало жанровых сценок. Миниатюрная француженка покупала оранжевые цветы на длинных стеблях. Ничего экзотического в этом не было. И, опустив камеру, Збышек разочарованно буркнул:

— Нет, это не настоящий базар.

— Нечего здесь больше делать. Надо ехать в джунгли, а то протопчемся без толку, время упустим, а вечером — уходить,— решил Анджей. И тут же, не спрашивая нашего мнения, он остановил проезжавшее мимо такси.

Доктор с нами не поехал, решил достать все-таки слоновую кость.

Машина рванулась вперед, и вскоре благоустроенные, респектабельные кварталы остались позади. Вдоль дороги мелькали низкие деревянные постройки, кое-где торчали одинокие стволы пальм. Среди людей на улицах совсем не видно было европейцев.

Внезапно Збышек, сидевший на переднем сиденье с кинокамерой, издал торжествующий возглас. Чуть в стороне перед приземистым каменным строением с колоннами кишела толпа, виднелись ряды лотков. Груды бананов, ананасов, манго были навалены прямо на земле. Настоящий африканский базар!

Мы попросили шофера остановиться и затерялись в бурлящей толпе. Поднявшись по каким-то ступеням, мы миновали крытую галерею, где света для съемки было недостаточно, и невольно замерли перед спуском во внутренний залитый солнцем дворик. Збышек, не дожидаясь режиссерских указаний Ежи, прильнул к видоискателю кинокамеры. Удивительная гамма сочных, ярких красок открылась нашим взорам.

На низких белых лотках, ряды которых рассекали дворик, были дары африканской природы. Оранжевые и красные стручки перца соседствовали с нежной зеленью салата, восковая налитость плодов манго сменялась кремовой желтизной орехов. Какие-то коричневые корни, похожие на хрен, лежали рядом с бледными, худосочными грибами, типичными поганками, на наш взгляд.

Возле лотков сидели продавщицы и ходили покупательницы. Рыночная торговля явно была женской привилегией. Яркие наряды африканских модниц и создавали ту удивительную динамику красок, от которой буквально рябило в глазах. Некоторые торговки уютно устроились в тени под большими цветными зонтами, другие горбились под индивидуальными зонтиками, чаще всего черного цвета, но большинство прикрывали голову от палящих лучей разнообразными косынками, причудливо наверченными на голове, или шляпами из крупных листьев.

Мы храбро пробирались вдоль рядов этих горластых и, по-видимому, зубоскаливших по нашему адресу женщин, то и дело давая дорогу покупательницам с увесистой поклажей на голове.

На другом конце рыночного дворика преобладали охотничьи трофеи. Здесь рядами были сложены головы антилоп, кипы грубо выделанных кож. Коричневые зверьки, грудой лежавшие у ног рослой продавщицы, напоминали маленьких обезьян.

Мы старались держаться вместе, но встречные потоки разделили нас. Я был оттерт в сторону, прижат к рядам с живой птицей, и злой старый индюк, на клетку которого я налетел, негодующе забормотал. Среди торговцев здесь уже преобладали мужчины. В длинных одеждах, они степенно восседали на деревянных табуретках подле своего живого товара.

В лабиринте узких проходов торговали ремесленники. Я осторожно пробирался среди гор цветных эмалированных тазов, глиняных кувшинов, искусно сплетенных корзин.

В одной из галантерейных лавок на деревянных болванках красовалась дюжина париков. Густые копны вьющихся черных, как смоль, несомненно настоящих, волос не могли не вызвать почтительного изумления.

Снова потянулись бесчисленные закутки и лавчонки, где торговали изделиями из дерева, кости, металла, а на одном из лотков вперемежку со свежевыпеченными румяными булками лежали стопки книг. Здесь торговали и вразнос, настойчиво навязывая товар покупателю. Многоголосый рыночный говор сливался в единый хор.

На рынке Абиджана можно услышать множество африканских языков и диалектов. Жители лесной зоны и лесосаванны — племена аньи и бауле, составляющие около четверти населения страны,— наиболее влиятельная этническая группа. На их языке чаще всего совершаются торговые сделки. Но в стране говорят и еще на нескольких десятках языков. Население Берега Слоновой Кости сформировалось из многочисленных племен, еще недавно кочевавших по Западной Африке. Этим объясняется пестрый языковый состав, разнообразие культурных традиций и трудовых навыков. Даже пищевой рацион у разных племен сильно различен. У бауле главная продовольственная культура—ямс. У аньи — мучнистый банан, из которого приготовляют банановую кашу (футу), и таро. У жителей саванн основа питания — ямс, сорго, кукуруза и просо.

И хотя в столице межплеменные различия сглаживаются, все же они существуют, сказываясь, в частности, в профессиях горожан.

Например, представители племен белла и хауса чаще всего выполняют работу носильщиков. Значительная часть коренных абиджанцев — лагунное племя эбрие — неплохие столяры. Чернорабочие, каменщики набираются, как правило, среди выходцев из Верхней Вольты — моси. Дьюла, малинке и бомбара занимаются преимущественно торговлей. Тукулер из Сенегала служат в ресторанах. Однако эти профессиональные племенные различия касаются лишь мужчин. Женщины же в основном занимаются мелкой торговлей. Вот почему на рынке они явно преобладали.

На базаре было много детей самого различного возраста, но только мальчиков. Группа малышей, кто в белых рубашонках, а кто в одних штанишках, стояла на площадке, где торговали гончарными изделиями, и с любопытством следила за всем происходящим. Когда я решил их сфотографировать, они с готовностью выстроились перед фотоаппаратом. Выражение их лиц было на удивление серьезным, сосредоточенным, задумчивым, прямо-таки глубокомысленным. Никто не прыгал, не смеялся, не гримасничал. Это были какие-то «взрослые» дети.

В книге о Береге Слоновой Кости, которая так помогла мне в знакомстве со страной, говорилось, что средняя продолжительность жизни местного населения не достигает и 40 лет. Эпидемии сонной болезни, распространяемой мухой цеце, желтой лихорадки, малярии значительно укорачивают жизнь в этих местах. Особенно велика детская смертность. 140—160 младенцев из каждой тысячи новорожденных не доживают до года! Дети, которых я сфотографировал, уже вышли из этого самого опасного возраста. В душе я пожелал им долгой счастливой жизни.

У лавки, где торговали калебасами—сосудами, выдолбленными из плодов похожих на тыквы, я встретился со своими товарищами. Ежи со Збышеком, закончив съемку, выбирали себе сувениры.

Анджей, нагруженный бананами, взмокший от жары, по-прежнему горел желанием увидеть джунгли.

— Там тень и прохлада! — уверял он.

— И муха цеце,— в тон ему добавил Ежи.

6

На улицах многочисленных пригородных поселков шофер сбавлял ход, и это позволяло нашей компании, глазевшей по сторонам, кое-что увидеть. Здесь было людно, хотя и не шло ни в какое сравнение с базарной толчеей. Многие женщины несли на спине младенцев, а у девочек-школьниц обычные школьные портфели из кожзаменителей были не в руках, а на голове. На окраине поселка на пустыре несколько рослых парней гоняли полосатый футбольный мяч. Вдоль обочины сосредоточенно вышагивал высокий, худой старик в набедренной повязке.

За пустырем мелькнул на пригорке частокол каменных могильников. А потом начался новый поселок.

Мы уже улавливали некоторые характерные детали во внешнем облике местных жителей. Молодые мужчины одевались по-европейски. Пожилые предпочитали традиционную одежду — свободные, ниспадающие до пят белые балахоны. Ну а женщины, как и в самом Абиджане, носили длинные одежды. Юбкой им чаще всего служил большой кусок яркого материала, ловко закрученный вокруг бедер. Любопытно, что нам ни разу не попадались две одинаково одетые африканки.

Миновав несколько похожих друг на друга пыльных поселков, мы наконец решили, что находимся в загородной зоне. Листва обступивших дорогу деревьев и кустарников становилась все свежей и зеленей. Мы уже подумывали об остановке, как вдруг за поворотом деревья расступились и нашим глазам открылось удивительное зрелище.

Весь склон обширного холма полыхал пестрыми, яркими красками. Всюду на траве и кустах были расстелены и развешаны сотни кусков ткани самой невероятной и разнообразной расцветки. Казалось, все женщины Абиджана устроили на этом холме выставку своих туалетов. Мы не сразу поняли, что все это означает, но оперативный Збышек уже дал знак шоферу остановиться.

Ежи первым высказал гениальную в своей простоте догадку, что это сушится выстиранное белье. Действительно, пройдя метров сто, мы увидели за поворотом дороги небольшую речку, в которой стояли несколько десятков рослых мужчин, шумно шлепающих по воде кусками материи.

— Вот так прачечная! — удивился Анджей.

— Где же в конце концов джунгли? — спрашивал таксиста Збышек, которому позарез нужны были кадры девственной природы.

Шофер что-то мычал и кивал головой.

Не прошло и двух минут, как мы въехали под деревянную арку с французской надписью: «Национальный парк Банко Министерства сельского хозяйства», за которой высилась стена высокоствольного леса.

— Ехать дальше? — вопросительно взглянул шофер.

— Да, да,— в один голос закричали мы. И кроны деревьев сомкнулись над нашими головами.

Увидев надпись «Национальный парк», каждый из нас вспомнил кадры из документальных кинофильмов. Львы и тигры гуляют вдоль дороги, не обращая никакого внимания на автотуристов, жирафы щиплют нежную зелень деревьев, сломя голову проносятся стада антилоп. Но все это характерно для светлой, солнечной саванны или лесосаванны. Здесь же мы оказались в густом полумраке влажнотропического леса без просвета неба над головой.

Шоссе сменилось грунтовой дорогой, и машина пошла медленнее. Через несколько сот метров дорогу преградила большая ветка, и мы остановились.

Ничто не напоминало здесь мягкой, спокойной природы наших среднерусских лесов. Все было необычно: серый сумеречный свет, духота, сырость, незнакомые приторные запахи... Задрав головы, мы видели, как далеко вверху серебрятся на солнце кроны деревьев, сюда же не достигал ни один луч. И, может быть, поэтому на земле не росло ни травинки. Светлые, уходящие ввысь стволы, словно гигантские колонны, поддерживали этот солнценепроницаемый зеленый свод.

— Не меньше пятидесяти,— прикинул Анджей высоту самого крупного придорожного великана.— Кто выше вытянется, больше света получит.

Мы сделали несколько шагов в сторону от дороги. Ступать было мягко, под ногами лежала прелая коричневая листва.

— Листья здесь опадают и распускаются не в строго определенные сезоны, а постепенно, в течение всего года. Поэтому лес вечнозеленый,— делился Анджей своими биологическими познаниями.

Против ожидания, двигаться в тропическом лесу было нетрудно, так как большая часть деревьев у основания не имела сучьев. Стволы были опутаны лианами, покрыты бахромой мхов и лишайников. Одно из деревьев выделялось угольной чернотой. Мы бы приняли его за пострадавшее от огня, если бы не сочная зеленая крона.

— Судя по характерному цвету коры, это эбеновое дерево,— сказал Анджей.— Древесина его тверже самшита. Вообще во влажных тропических лесах разнообразие древесных пород огромно, несколько сот видов. Да,— обратился он ко мне,— а где тут красное дерево, ну хотя бы макоре?

Как на грех, Анджей запомнил мои вчерашние разглагольствования на палубе и отнесся к ним вполне серьезно. Я печально поглядел на высившиеся вокруг деревья и не в первый раз осознал

ту простую истину, что дутый авторитет рано или поздно лопается как мыльный пузырь. Конечно, я мог повторить, что один ствол макоре дает в среднем до 30 кубометров древесины, а отдельные гиганты — до 80. Мог рассказать о пальме рафия, из сока которой приготовляют пальмовое вино, о масличной пальме, главном источнике жира в пищевом рационе жителей лесной зоны, о дереве кола, орехи которого оказывают тонизирующее воздействие на организм, но определить вид хотя бы одного из окружающих нас деревьев не мог.

Тут в разговор вмешался Ежи.

— Где здесь макоре или какой иной сорт, в конце концов не так уж важно. Главное, что под сенью этих деревьев можно отлично выращивать кофе!

— И какао,— обрадовался я.

Таксист уже сигналил нам, и мы вернулись к машине.

Проехав еще с километр, мы оказались на берегу небольшого лесного озера. Дальше дорога была завалена ветками, какими-то круглыми плодами, похожими на клубни картофеля, размыта дождевыми потоками.

Уже давно мы обратили внимание на странное, слегка вибрирующее гудение. Как только мотор машины перестал работать, оно стало слышно особенно отчетливо.

— Чах-чах-чах,— исторгались неведомо откуда пульсирующие звуки, будто трясли тысячи погремушек. Тщетно мы пытались выяснить происхождение этих звуков у шофера. Он лишь ухмылялся и таращил глаза, явно не понимая, что мы хотим от него.

Выйдя из машины, я чуть не наступил на хвост золотоголовой ящерице, но она ловко вывернулась и юркнула под гигантский, высоко выступающий из земли корень.

— Почему не видно обезьян? — удивлялся Анджей.— Ведь здесь их должно быть тьма-тьмущая: мартышки, шимпанзе, гверцы. Неужели они боятся человека?

Я вспомнил про груду обезьяноподобных зверьков на рынке, и предположение Анджея показалось мне близким к истине.

Анджей высмотрел что-то в листве деревьев и, издав звук, похожий на клич Тарзана, полез вверх по лианам. Скоро, весь перепачканный, он предстал перед нами с гроздью диковинных оранжевых плодов, облепленных муравьями.

— Если насекомые их едят, значит, съедобные,— заверил он нас.

Никто, однако, не рискнул отведать добытого лакомства.

— Термиты,— определил Ежи, рассматривая муравьев.— Знаете, почему Тропическая Африка так бедна историческими памятниками?

— Ежи, ведь это даже дети знают — про термитов, пожирающих библиотеки, и все такое прочее. Ты бы лучше узнал, что гудит в этом лесу?

Ежи наморщил свой великолепный лоб.

— Я думаю, это что-то вроде цикад. Однако тебе, биологу, стыдно обращаться к кинорежиссеру с таким вопросом.

— Да я же разбираюсь только в рыбах. Однако сдается мне, что это действительно цикады.

Лесное озеро, около которого мы остановились, почти сплошь заросло листьями, как две капли воды похожими на нашу кувшинку. Анджей тут же разъяснил, что кувшинка — это растение-космополит и встречается на всех материках, исключая, конечно, Антарктиду.

Две огромные пестрые бабочки, размером с воробья, порхали над водой. Анджей заметался по берегу в надежде, что бабочки приблизятся, но те вели себя осмотрительно. Зато он нашел какое-то страшное насекомое с длинным червеобразным туловищем и несметным количеством ног. Страшилище едва уместилось в коробке из-под сигарет. Но это была жалкая компенсация за упущенных бабочек.

— Настоящий натуралист полез бы в воду за ними,— подначивал Ежи.— Збышек снимет этот эпизод на пленку специально для студентов Варшавского университета, если, конечно, тебя не проглотит крокодил.

Но рискнуть погрузиться в эту темную воду даже отчаянный Анджей не решался. Где-то рядом, конечно, затаились и зорко следили за каждым нашим движением рогатые гадюки, черные кобры, зеленые банановые и коралловые змеи, королевские питоны, и уже летела к нам страшная муха цеце.

— Ой! — крикнул Ежи и с размаху шлепнул себя по лбу.

Мы, как по команде, обернулись.

— Укусила,— продолжил он не без тревоги, хотя и изобразил на своем лице нечто вроде улыбки.

Мы склонились над прилипшей к ладони бездыханной мухой, маленькой, неказистой, но с резко выступающими вперед челюстями.

— Прекрасный экземпляр мухи цеце,— внушительно произнес Анджей.— Надеюсь, Ежи, ты мне уступишь ее для коллекции?

— Ты уверен, что это муха цеце? — мрачно спросил Ежи.

— Ну не на сто процентов, конечно. В Варшавском университете нам цеце не показывали. Но, судя по характерному челюстному аппарату, это она. Правда, у цеце должен быть еще длинный хоботок, но ты ее так прихлопнул, что он вполне мог отвалиться.

— Ну, а если это действительно муха цеце?

— Тогда ты заболеешь сонной болезнью и никакой кофе тебе не поможет.

— А без шуток?

— Больше я ничего не знаю. Скорей всего, болезнь проявится не сразу. Пройдет инкубационный период. Подробнее все объяснит доктор. Конечно, он с радостью окажет тебе всю необходимую помощь, хотя я не знаю, насколько она будет эффективной. Сонная болезнь для Европы — редкость, любой врач захочет заняться

ее лечением. Тем более, что наш доктор истосковался по настоящему делу: за всю зимовку у него не было ни одного серьезного случая. Ну, а муху ты мне все же отдай. Тебе она теперь ни к чему.

И отобрав у растерянного Ежи останки мухи, Анджей аккуратно опустил их в коробку из-под сигарет, где уже покоился страшный червяк.

— Ну вот, теперь мы вернемся не с пустыми руками,— сказал он. По его нарочито серьезному тону я понял, что смертельная опасность Ежи не угрожает.

При выезде из леса нам встретился ученого вида европеец в шортах, с длинной сеткой для ловли насекомых. Чуть позади стоял маленький автомобиль. В нем, устроившись на заднем сиденье, читала книгу пожилая дама. Она явно не разделяла интереса своего мужа.

Увидев человека в шортах, как видно, нисколько не боявшегося мухи цеце, Ежи приободрился и весь обратный путь что-то весело насвистывал.

7

На палубе нас уже ждал изнывающий от жары доктор. Пока мы ездили в джунгли, он успел сделать массу дел: оказал помощь больному матросу с рижского судна «Ян Райнис», приобрел на городском рынке статуэтку африканки, вырезанную из настоящей слоновой кости. Но больше всего доктор гордился тем, что установил дружеские контакты с представителями местного населения, объяснив им, что к колонизаторам он не имеет никакого отношения, а совсем наоборот — проникнут к народам Африки чувством глубокой солидарности.

Как только мы сообщили, что Ежи укусила муха цеце, доктор посерьезнел. Осмотр ничего не дал: на лбу Ежи не осталось никакого следа.

— Воспалительный бугорок может появиться через два-три дня,—задумчиво говорил доктор,— если, конечно, эта муха уже подхватила трипаносому из крови какого-нибудь больного и была бациллоносительницей.

Тогда Ежи предложил доктору осмотреть муху.

Анджей осторожно раскрыл коробку и вывалил оттуда на ладонь страшного червяка. Тот расправил свои многочисленные ножки и медленно пополз. Анджей тряс коробку, но муха не выпадала. Он заглянул внутрь — там было пусто.

Мы удивленно переглянулись.

— Съел,— сообразил Анджей и грозно уставился на «тысяченожку».

— Ну и ну, сожрать такую большую муху,— восхитился доктор.

— Разве такую уж большую? — осторожно спросил Ежи.

— Конечно, длина ее обычно больше сантиметра.

— А моя муха — маленькая! — обрадовался Ежи.

— Ну, значит, это не цеце, нечего было разводить панику,— пробасил доктор.

Быстро спускались сумерки. На корабль снова прибыл лоцман, но на этот раз, вопреки теории доктора, африканец. Отдали швартовые, и «Надежда Крупская» стала медленно отходить от причала.

— Скорей бы вырваться из этой жары,— пыхтел доктор.— Все равно куда, хоть снова в Антарктиду.

Даже любящий тепло Анджей помалкивал.

Солнце зашло, но духота была нестерпимой. И хотя казалось, что вот-вот разразится гроза, за весь день не выпало ни капли. Все порядком устали, от утреннего энтузиазма не осталось и следа. Однако никто не уходил с палубы.

Зажглись огни вдоль набережных, вспыхнули неоновые рекламы на высотных зданиях. Противотуманные портовые фонари залили причалы едким горчичным светом.

Город медленно отодвигался от нас. Весело моргали фары мчащихся по улицам автомашин. В портовом кабачке на веранде видны были фигуры людей за столиками.

Одинокая пирога скользила по пепельной вечерней глади лагуны. Она шла от этого яркого, залитого электрическим светом берега в темноту, к полосе подступившего к самой воде леса, где не видно было ни огонька и только в одном месте угадывался отсвет костра...

Мы вошли в канал, и вскоре в лицо ударил свежий океанский бриз.

ОБ АВТОРЕ

Бардин Владимир Игоревич. Родился в 1934 году в Москве. Окончил географический факультет МГУ. Кандидат географических наук, член Союза журналистов СССР. Участник пяти советских антарктических экспедиций, занимается изучением рельефа и оледенения Антарктиды. Автор многих научных статей и нескольких книг об Антарктике. Принимал участие в составлении первого в СССР Географического атласа Антарктики, участвовал в ряде международных научных конференций по Антарктике. В течение нескольких лет работал старшим научным редактором международных ежегодников «Наука и человечество» и «Будущее науки» в издательстве «Знание». Его стихи и очерки публиковались в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Наука и жизнь» и других. В 1974 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла его книга «Земля Королевы Мод». В настоящее время старший научный сотрудник Междуведомственной комиссии по изучению Антарктики Академии наук СССР. В нашем ежегоднике выступал трижды (выпуски 1970, 1971 и 1972 годов).

АЛЕКСАНДР НЕЖНЫЙ

ПО САХАЛИНУ, ВСЛЕД ЗА ЧЕХОВЫМ

Очерк

Перелетев через Татарский пролив, брожу по зеленым улицам Южно-Сахалинска, захожу в краеведческий музей, размышляю над героическими, не всегда счастливыми судьбами открывателей Сахалина.

Что подвигало их, скитальцев по собственной воле? Корыстолюбие? Но были среди них и бессребреники. Слава? Но не всякий готов заплатить за нее годами суровых испытаний.

«Хлеб и свинец, и порох потонули, и платье все потонуло, и шли мы, холопы государевы, пешею ногою, подле моря... Питались мы ягодами и травою и находили на берегу по край лося битого, зверя морского нерпу да моржа, и тем мы душу свою оскверняли»,— сказано в донесении одного из первых открывателей Сахалина Ивана Нагибы, под чьим командованием группа казаков из экспедиции Ерофея Хабарова в 1649 году повторила пятилетней давности плавание Василия Пояркова.

Велик список русских исследователей Сахалина — от Ивана Московитина, чей отряд побывал вблизи острова еще в 1640 году, до Геннадия Ивановича Невельского, который в июле 1849 года окончательно установил, что Сахалин отделен от материка проливом и, следовательно, является островом. А ведь какие споры кипели вокруг Сахалина до плавания Невельского!

А меж Московитиным, о котором известно очень немного, и Невельским, о котором написаны романы,— начальник Анадырского острога Атласов, в 1701 году доложивший Петру I о Камчатке, Курильских землях, о «черном острове» — Сахалине и о лежащем далеко на юге «зело чудном нифонском царстве». Отчаянно храбрые офицеры русского флота Гавриил Давыдов и Николай Хвостов — в 1802 году они подошли к острову на шхуне «Святая Елизавета», четырьмя годами спустя Хвостов на бриге «Юнона» снова пришел

к Сахалину, к заливу Анива и поставил русский государственный знак с выгравированной на медной доске надписью «о принятии острова и жителей оного под всемилостивейшее покровительство российского императора Александра I».

Но среди всех исследователей и открывателей острова особого места, мне кажется, достоин участник Амурской экспедиции Г. И. Невельского лейтенант Николай Константинович Бошняк. Это был, судя по всему, человек незаурядный, с натурой страстной, мужественной, дерзновенной. А. П. Чехов называет его «самым даровитым сподвижником Невельского», а ведь в Амурской экспедиции были люди как на подбор, одаренные, энергичные, знающие. Бошняк выделялся среди них не только молодостью — ему было двадцать два года, но и самоотверженностью, твердостью воли, хладнокровной смелостью. В начале 1852 года Невельский отправил его в самостоятельную экспедицию на Сахалин. «Мне было приказано,— вспоминал впоследствии Бошняк,— отправясь на одной нарте, исследовать оказавшееся на Сахалине, по сведениям от гиляков, значительное довольно протяжение каменноугольного пространства и, пересекши остров, выйти на берег Охотского моря, где, как говорили, находится прекрасная гавань. Для этого мне было дано: нарта собак, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас, а главное — крест капитана Невельского и ободрение, что если есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды напиться, то с божьею помощью дело делать еще возможно. Вот все, что действительно мог только дать мне капитан Невельский».

И этот совсем молодой человек, не тратя времени, собирает убогое свое снаряжение и вместе с нивхом-проводником отправляется в путь. Конечно же, он прекрасно представлял, что его ждет. И если, надеясь на спасительную силу подаренного капитаном креста, думал о благополучном возвращении, то, наверное, столько же шансов клал себе на противоположный исход. Какой же душевной силой надо было обладать, чтобы решиться на эту экспедицию!

Бошняк изучил западное побережье Сахалина, обнаружил залежи каменного угля, через горные перевалы прошел в глубь острова, а оттуда один (собаки выбились из сил, он оставил с ними проводника) на лыжах добрался до устья Тыми — стал первым исследователем, пересекшим Сахалин. Припасы его давно кончились, питался он мороженой брусникой и юколой. На одинокие ночлеги его с холодным любопытством смотрели звезды; оседал под лыжами нетронутый снег, со стороны Охотского моря налетал пронзительный ветер. Перед звездами, снегом и ветром Бошняк был один — но оказался сильнее одиночества, отчаяния, усталости и голода.

Что в нем показалось мне особенно замечательным — так это живое чувство сострадания к несчастьям других. Ведь немудрено было бы и очерстветь в полной тягот и лишений жизни и, не щадя

себя, немудрено было бы с той же свирепой требовательностью относиться к другим.

Но послушаем, что пишет этот молодой лейтенант: «Кому случалось видеть смерть честного русского солдата, тот поймет меня, если я скажу: безбожно и грешно жертвовать их жизнью для личных видов! Но видеть эти святые кончины и не иметь средств протянуть руку помощи несчастному, невольному и бедному страдальцу вдвое ужаснее — я это испытал на самом себе. С тех пор во мне еще более развилось презрение к тем людям, которые на подчиненных смотрят как на машину для получения крестов, чинов и прочих благ мира сего».

Он еще несколько лет работал вместе с Невельским и оставил Дальний Восток почти в одно время со своим капитаном. История дальнейшей жизни его печальна. О том, что сделал он для утверждения России на Дальнем Востоке, чиновники и генералы вскоре забыли. Бошняк болел — огромное физическое и нервное напряжение в годы экспедиции вылилось в туберкулез — и просил о переводе с Балтики на Черное море. В переводе ему было отказано, он дотянул лямку и в 1865 году в чине капитана второго ранга вышел в отставку. Поселился на родине, в Костромской губернии, в своем имении Ушаково. Близкие стали замечать в нем вскоре крайнюю раздражительность, странность поступков. Дальнейшее трагично: он умер в Италии, близ Милана, в психиатрической лечебнице.

Один из поселков Сахалина назван его именем.

Записки лейтенанта Бошняка «Экспедиция в Приамурском крае», опубликованные в 1858—1859 годах в «Морском сборнике», внимательно читал Антон Павлович Чехов.

Чехову было тридцать лет, когда он отправился на Сахалин,— он был уже писателем с именем, автором «Скучной истории», «Княгини», «Степи», лауреатом Пушкинской премии. И что потянуло его туда, в даль далекую, через всю Сибирь, на каторжный остров? Что он надеялся обрести там — сюжеты? Но у него и без того была полна ими записная книжка. И разве при его состоянии здоровья благоразумно было предпринимать путешествие на Сахалин? — пишет в своих воспоминаниях Бунин. Все отговаривали его от этой поездки, отговаривал и Суворин, которому Чехов отвечал: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырех стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшно ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не

сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку...»

Мне, отправившемуся на Сахалин восемь десятилетий спустя, смешно было бы прямолинейно сравнивать день нынешний и день минувший. Нефтяные вышки, линии электропередач, многоэтажные дома, быстроходные суда и воздушные лайнеры — вот приметы сегодняшней жизни острова, свидетельство его бурного развития. Что осталось от каторжного Сахалина?

В Южно-Сахалинске я заходил в областные учреждения, записывал цифры, по которым можно составить представление об экономике области. Вот некоторые: 2,5 тысячи тонн рыбы добыли рыбаки Сахалина в 1927 году; 800 тысяч тонн добудут они в конце девятой пятилетки. В 1925 году все энергетическое хозяйство области было представлено Александровск-Сахалинской электростанцией мощностью 100 киловатт. Сейчас мощность сахалинской энергосистемы увеличилась во много раз. 2,4 миллиона тонн угля было добыто на Сахалине в 1946 году; до 5,5 миллиона тонн будет доведена добыча в 1975 году.

«Татарский берег красив, смотрит ясно и торжественно...— писал А. П. Чехов.— Быть может, в будущем здесь, на этом берегу будут жить... люди... счастливее, чем мы, в самом деле наслаждаться свободой и покоем». Вот и хотелось мне посмотреть на остров с тех точек, с которых когда-то глядел на него Чехов, побывать в тех местах, где когда-то был он.

«... В Тымовский округ из Александровска ездят теперь через Арковскую долину и меняют лошадей в Арковском Стане. Дороги здесь превосходные, и лошади ездят быстро»,— сказано в «Острове Сахалине».

...Едва отъехали от Тымовского, едва кончились последние его крепкие избы, по обеим сторонам дороги потянулся лес. Но какой! В жизни моей не видывал я ничего подобного по густоте и сочности, не вдыхал таких пряных, дурманящих запахов, не встречал таких ярких, пугающе огромных цветов.

Дорога запетляла, потянулась вверх — начался подъем на перевал. На верхней его точке я попросил остановить машину. Постояв немного на твердой, укатанной дороге, взглянув на темно-серые, близкие вершины гор, на дрожавшую вокруг них синеву, услышал вдруг торопливый захлебывающийся, негромкий звук — будто кто-то с птичьим, серебряным горлом никак не мог выговориться до конца. Я двинулся на этот звук к краю дороги. Прозрачная речка сбегала вниз, перекатывалась по камням, в мокрых, блестящих боках которых отражалось солнце. Я лег на землю и опустил лицо в холодную быструю воду — вкус у нее был необыкновенный.

— Хватит,— сказал подошедший шофер.— На всю жизнь не напьетесь.

Но и он, припав к воде, пил долго, с наслаждением, блаженно вздыхал:

— Хорошо-о-о.

Прежняя хмурость его исчезла.

— Давно ли на Сахалине? — спросил я.

— Родился здесь,— помедлив, ответил он.— Деда привезли на каторгу. Сын его, мой отец — за ним. Так я и родился на Сахалине, а на материке, представьте, не был ни разу!

Как осколок давно взорванного прошлого ударило это слово: «каторга». И ствола уже нет, и корни поистлели, но вылезают еще из-под земли остатки их, сохраненные памятью, названиями, привычками — олицетворенным и овеществленным временем.

— Да не я один такой... Вон Губин, старик, за отцом пришел... Говорит, Чехова видел.

Григорий Иванович Губин жил в поселке Корсаковка, рядом с Александровском. Его дом я нашел быстро — три яблони стояли перед ним, в саду. По белой пышной бороде сразу узнал самого Губина и, когда, раскрыв записную книжку, сел перед ним, показалось, что знакомы мы давно, что не первый день прихожу я сюда, на эту деревенскую улицу, в бревенчатый крепкий дом.

— Писать будешь? — спросил Губин, пошевелив белыми бровями.— Пиши, пиши. Все расскажу как было, не сомневайся.

— Про Чехова, Григорий Иванович, не забудьте. Вы его, говорят, видели.

— Видел, видел... Да ты не бойся — все расскажу.

Он встал во весь свой немалый рост, дважды обошел комнату — заскрипели под сапогами половицы, сказал, ткнув мне в записную книжку почерневшим ногтем:

— Значит, так... Пиши: Губин Григорий Иванович, рождения одна тыща восемьсот восемьдесят пятого года... Родился в Екатеринославской губернии, в городе Славяносербске, где и крещен был в православной вере... Чего не пишешь?

— Попроще бы, Григорий Иванович...

— А! — изумился он.— Не нравится? Смотри...— Губин гулко кашлянул и сказал, меняя тон: — Родину мою, матушку, помню я смутно... Помню, что забавлял меня дед. И борода у него была точь-в-точь как сейчас моя. Дед прожил сто пятнадцать лет, дай бог нам с тобой по стольку... На Сахалин я прибыл четырех лет. Отца сослали за то, что в церковь пришел, а шапки не снял. Судили его и присудили — верь, не верь — шесть лет! Мать была вольного состояния, но решила за ним поехать. А что, куда иголка, туда и нитка... А нитка-то длин-ная: я с братом да сестры... Брат был постарше — лет восьми. Как ехать, у деда в саду спрятался — сад бо-ольшой рос, куда там! едва нашли. А это, скажу я тебе, судьба его в сердце пихала: не езди, не езди... Он у нас дорогой-то, морем, так и помер. В воду его спустили. Три месяца мы плыли, Черное море проплыли, Красное море, а потом и сюда добрались, на Сахалин этот. Жили сначала в землянке, а когда отцу поселенье определили — в Михайловку,— там и домишко купили. Но школа была, я в нее четыре года ходил... А дальше-то

стоп, работать надо. Отец меня в кузницу пристроил, помощником молотобойца. Я там и работал сколько-то лет... А тут пятый год, война, японец нас побил, и многие с Сахалина на материк потекли. Я тоже поехал — кузнец сманил. Приплыли в Николаевск, а там, скажу я тебе, теснота, от людей целое столпотворение, работы мало — что делать? Кузнец мой куда-то пропал, а мне вроде повезло: к Миллеру поступил, к промышленнику, на рыбалку... Ловили в Амуре неводом. Амур, знаешь ли, река большая, ну и невод большой — этак с полкилометра, никак не меньше. Я сердца рыбьи у чистильщиков считал, тыщу штук насчитаешь — десять рублей. Но мне эта работа вскоре надоела. По реке пароходы ходят, гудят, дай, думаю, в Хабаровск направлюсь. И на пароход устроюсь — куда как прекрасно! В Хабаровске, в затоне, машинист меня масленщиком взял. А я, веришь ли, о машине понятия не имел — железки, думаю, и железки, что в них! Собрали ее — смотрю, красиво стало. Ну, а как пары развели, как застучало все, загремело, зашевелилось, я обомлел до смерти и наружу полез. Машинист меня за штаны: «Стой,— кричит,— ель те в глаз! Из большой деревни, а трус!»— Неделю я обвыкал, никак приладиться не мог. Сбечь хотел, честное тебе слово даю, да не сбег, слава богу. Три года потом проплавал, аттестат получил! И дальше бы плавал, и, может, ты меня здесь и не повстречал бы, да сестры затянули — приезжай, пишут, отец умер. Я приехал, пожил, пособил чем мог, и назад собираюсь. А они меня — раз! — невесту подсунули. Я и поддался. Женился, в общем. С тех пор и живем... У нас, понимаешь, дети пошли, я пахать, косить стал. Дом построили. Семья большая: мы со старухой, четыре дочки, три сына — ничего, управлялись. Дом построили как раз в семнадцатом году. Тут революция — и жизнь повернулась круто... Землю в новом порядке делить стали, товарищество организовали, а потом и колхоз... А что! Сахалин Сахалином, а колхозы-то ведь для всех! Верно? Ну, вот. Я первый и записался. И корову отвел, и лошадь... Старуха моя убивалась — смотреть жалко было. Да и у меня, правду тебе сказать, скребло на душе, однако же я в политику вник и свой вывод сделал: нельзя без колхозов. И дожил, видишь ли, до полного подтверждения своей линии... А тогда, вначале, семей пятнадцать нас организовалось. Работаем, воскресений не знаем, над нами смеются — вот, говорят, коммуна пуп рвет. Нам между тем трактор дали, лучше стало, и, знаешь ли, потом как полезли в колхоз! Отбоя не было, я тебе точно говорю, так и запиши... Да...— задумчиво сказал Губин,— новое дело начинать, это, я тебе признаюсь, трудно. Лиха беда начало! Да ты по себе должен знать: как приступать к чему-то, так вроде ничего трудней никогда и не было... Я вот тоже — когда бригадиром животноводов поставили, думал, провалю все к чертовой бабушке! А тринадцать лет за коровами отходил — вот так! Двадцать семь голов принял — двести двадцать пять сдал, и, веришь ли, у нас тут травы не стало хватать, в другие места за ней наряжали.

В сороковом году за хорошую работу в Москву меня послали, на выставку. Я собирался — плакал, честное слово тебе даю! Ведь как же, думаю, получается: сын арестанта, каторжника — и в Москву... И поехал. Вам-то теперь что: на аэроплан погрузился и лети, куда знаешь. А тогда не так. Шуточное ли дело, с края на край государства проехать! Еду я, конечно, в поезде, стараюсь не спать, стараюсь, понимаешь ли, все, что вижу, запомнить, чтобы потом рассказать. А в Москву приехал — бож-же ты мой, думаю, что за место такое большое да шумное...

Двадцать дней я в Москве прожил. Выступал, про работу говорил, про сахалинскую нашу жизнь рассказывал. Да... Но уж больно шумно в Москве. Что, и сейчас так же?

— Еще больше шуметь стали,— сказал я. И спросил: — А с садом-то вашим что вышло?

— Что вышло, то и вышло,— ворчливо сказал старик.— Был сад, а теперь, видишь,— он кивнул на три яблони,— только и осталось... Да ты про Чехова послушать хотел, рассказывать что ли? Ну, тогда слушай,— и Губин с необыкновенной важностью приступил к истории, за которой приезжали к нему и местные журналисты, и гости издалека. Мне, правда, было уже не столь важно, видел ли он в детскую свою пору Антона Павловича Чехова или нет: гораздо важней и значительней стала мне жизнь самого Губина — жизнь трудовая, нелегкая и прекрасная. Никогда не задавался он вопросом о смысле и цели ее, а теперь ясно, что без таких, как он, не стал бы Сахалин тем, чем он стал сейчас. А Губин меж тем остро поглядывал на меня, следил, все ли записываю, и глаза, брови, борода его — все указывало на то, что он, хоть и старик, хоть и прожил всю жизнь в деревне, да еще в сахалинской, тем не менее прекрасно понимает, что весь предыдущий рассказ — только присказка, а главное — вот оно...

— Учился я тогда в первом классе... Сидел на первой парте возле учительского стола. Однажды учитель говорит: сидите тихо, к нам придет писатель. И пришел — в пенсне, волосы черные и зачесаны назад. Ко мне подошел, спрашивает: «Читать умеешь?» «Умею» — говорю. «Ну, читай». Я пальцем по книжке: «Аз, буки, веди...» Он меня погладил, сказал: «молодец»—и дальше пошел, по рядам. Учитель потом говорил, что фамилия писателя — Чехов...

Но то был не Чехов. Не выходило по времени (Чехов был на Сахалине в 1890 году, а Губин, даже если пошел в школу шести лет, учился в первом классе в 1892 году), не выходило и по внешнему виду. Пенсне Антон Павлович стал носить много позже поездки на Сахалин.

Но в конце концов, что меняла эта смешная путаница в самом Губине? Много лет назад, по случаю семидесятипятилетия со дня рождения писателя, на Сахалине стали разыскивать людей, которые видели Чехова, говорили с ним. Попал в очевидцы и Губин. Дело тут не столько в неверности его памяти, сколько в том, что кому-то очень хотелось, чтобы воочию видел он человека

с черными, зачесанными назад волосами, в пенсне. А надо бы вместо того заметить, что для Губина, каков он есть, Сахалин давно стал родиной. И что Чехов на Сахалине таких людей не встретил.

— Ну, а сад-то, Григорий Иванович, с садом-то что вышло? — снова спросил я.

— То и вышло, что нет сада,— нехотя сказал Губин.— А как начинали! И смотри, честное слово, что у меня получается,— искренне удивился он,— все новое ко мне идет. Взять и сад этот: да разве я когда-нибудь про него думал? И мысли о том не было, чтобы на Сахалине сад цвел. А как сказал председатель: «Давай дед, организуем сад»! — тут, веришь ли, я словно яблочный вкус во рту учуял. Сад — это дело тонкое, понимать надо... Посадить все можно, да вырастет ли? А я, знаешь ли, слышал, что на Алтае подходящие для нас сорта есть. И написал в один колхоз: так и так, мол, закладываем у себя на далеком от вас острове Сахалине сад, не откажите в любезности, пришлите саженцев. Народ там оказался душевный, отзывчивый: пятьдесят саженцев мы от них получили. Ранет пурпуровый и багрянка. И книжечки подходящие нашел, у агрономов выпытывал, что и как, удобрения приготовил, но самое, скажу тебе, главное было, конечно, в зиме. Переживут ее яблоньки — тогда, значит, будет сад. Побьет она их,— значит, не бывать ему на этой земле. А мне сильно хотелось, чтобы толк вышел. А то ведь у нас чего не было, того будто и быть не может. И мне тогда многие толковали: какую ты, дескать, Иваныч, нелепую затею устроил — сад! С малых лет на Сахалине, а понять не понял еще, что тут если есть картофель, то и на том спасибо... Я, конечно, молчу, мне пока говорить не об чем, но дело делаю. Участок размерил, где яблонькам стоять, где смородине, крыжовнику,— и посадил. И хожу волнуюсь — что зима принесет. А она, скажу я тебе, как злая старуха встала, лютая, с ветрами и крутила, бож-же ты мой, так, что я только одно и держу в мыслях: пропали мои яблоньки. Соломой я их хорошо обвязал, да уверенности-то не было — может, так я сделал, а может, по-другому надо. И всю зиму промаялся. А как весна пришла, смотрю — почки набухли. Жив сад! И так мне радостно стало, что, хочешь верь, хочешь нет,— заплакал... Да...— Губин смотрел на меня влажными, блестящими глазами и, стыдясь слез, смущенно улыбался.— Через три года зацвели яблоньки. У вас это, конечно, дело привычное, вы и смотреть обвыкли, а мы... Из Александровска взглянуть приезжали, из Михайловки, из Дуэ... И честное тебе слово даю, сам видел — лица у людей другие становятся, как они сад в цвету увидят! Эх, милый ты мой, да много ли человеку надо! Белый цвет повидал — и счастлив. Это ведь кто зол да жаден, мимо пройдет, а всем остальным красота нужна, правду тебе говорю. Первый урожай невелик был — два центнера собрали. Понятное дело, яблоньки молодые... А вкусны были яблоки, народ ел да подхваливал... И решили: еще сто двадцать корней с Алтая выписать!

Выписали, получили, а время позднее — зима скоро, и сажать, сам понимаешь, никак нельзя.

Я тогда на свой страх траншею выкопал, саженцы в нее поклал, хвоей переложил, землей присыпал. В этот раз уверенность была: хорошо будет! Весной я их высадил и теперь бо-ольшой сад встал, смотреть любо-дорого было. Да сочти: сто семьдесят яблонь, четыре сотни кустов крыжовника, полтораста смородины... Мне студентов в помощь прислали. Одна девочка особенно старалась. Я, говорит, Григорий Иванович, яблони первый раз в жизни увидела, спасибо вам... Да...— Губин замолчал и задумался.

Мне казалось, что перед глазами его вновь и вновь бело-розовым легким облаком проплывает весенний сад, что слышит Губин, как шумит, пробегая от яблони к яблоне, ветер и как осенью, обрываясь с ветвей, с глухим стуком падают в траву тяжелые, спелые яблоки...

— Сад теперь цвел, скажу я тебе — диво... Я весной и спать-то не мог, прикорну на часок и иду к ним, яблонькам. И чувствую, знаешь ли, что я, Губин, великое дело сделал... Ты думай про меня как там хочешь, но я себе цену не набиваю, нет. Я знаю: Сахалин без сада теперь жить не будет... А у нас совхоз организовали, управляющему — приезжий был человек, не наш — сад вроде бы ненужным показался. Оно будто и верно: доход, честно сказать, от сада невелик был, но так ведь разве все на свете рублем можно измерить? Помощи мне теперь не было. Один по саду хожу, траву обкошу, ветки сухие пообрезаю, да и прежних сил у меня в ту пору уже не осталось. Просил учеников дать, трех ребят хотя бы. Нет, отвечают, нам люди на дело нужны. На дело! Будто сад — безделье... А зима пришла, управляющий мне и вовсе заявил, что в саду мне сейчас делать нечего. Я ахнул: а метели пройдут, снег после них сбросить? а ветки подвязать, а соломой обложить? Сад-то большой, а я один! А он и слушать не желает: иди в ночные конюхи и все тут. Я и пошел. Семьдесят лошадей, каждая с норовом, а я от этого дела отвык, нерасторопен стал. Весной меня конь и вдарил. Болел долго, все лето почти пролежал. А встал, пришел в сад, взглянул и —эх! — Губин горестно махнул рукой.— У какой яблони ветки обломаны, какая померзла — пропал сад. Крыжовник, правда, остался: ему все нипочем... Ты мне скажи теперь: разве правильно это? Планы, конечно, выполнять надо, я не спорю, но разве сад планам помеха? Считать-то ведь с умом надо: маленький сад в убыток, а большой, я тебе доложу, дело прибыльное! А людям польза — ее на счеты тоже класть надо!

Торжественно-печальным вышел проводить меня Губин. Вздохнул: «Растревожил душу...» И долго стоял на крыльце, высокий в наглухо застегнутой косоворотке, в черных, блестящих сапогах. А я, уже отъехав порядочно от его дома, думал, что сколько ни проживу еще, сколько ни проеду по земле и сколько ни повстречаю людей — всегда буду помнить и старика этого, и рассказ его о выращенном, а затем погибшем саде... И решил, вернувшись в Южно-Сахалинск, непременно узнать, есть ли сейчас на острове сады. А когда навел нужные справки, обрадовался: не только картофель, капусту, салат, редис, кабачки и другие овощи родит сахалинская земля; три больших плодово-ягодных совхоза области собирают каждый год немалый урожай...

На следующий день я отправился в поселок Дуэ, некогда первую столицу сахалинской каторги. В час отлива машина проехала по плотному морскому песку; слева, вплотную подступив к линии берега, поднимались высокие серые скалы. Красота их скупа и торжественна. Эту же дорогу Чехов воспринял несколько иначе. «...Предубеждение,— писал он,— засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте». Предубеждение вызвано было тем, что самые мрачные страницы сахалинской каторги заполнялись именно здесь, на этих берегах... «Верстах в

семи берег прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здесь одиноко стоит страшная Воеводская тюрьма...»

Мы вышли из машины.

— Вот это и есть Воеводская падь,— сказал мой спутник, александровский житель.— Там тюрьма стояла,— показал он,— а вон там — виселица.

Было тихо, пасмурно, мерно шумело море, и ничто не напоминало о том, что когда-то здесь страдали, мучились и умирали люди. Падь, окруженная лесистыми сопками, была поделена на огороды; яркие маки цвели на одной грядке. И так праздничны, так огненно-легки были они, так плавно поводили головами под дуновением теплого ветра, что, глядя на них, ощущая соленые запахи близкого моря, слушая деловитую скороговорку пролетающих птиц, хотелось верить: на земле есть только радость жизни и никогда не было, нет и не будет печалей, горестей и даже самой смерти...

«...Дуэ, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди»,— сказано в «Острове Сахалине».

Почему же «только святые или глубоко испорченные»? Отвечу словами Чехова: «Дуэ — колыбель сахалинской каторги».

...Сорокин попал на Сахалин девятнадцати лет. Жил он в городе Златоусте, работал слесарем в депо и однажды узнал о том, что комсомол зовет молодежь осваивать далекий остров. А Сорокина давно подмывало посмотреть на неведомые края.

Среди тысячи двухсот комсомольцев, которые 25 октября 1930 года приехали на Сахалин, был и Сорокин. Была среди них и будущая жена его, которую он пока еще не знал и с которой ему, как говорится, суждено было встретиться.

А шли они из Владивостока морем. Осеннее море наливалось свинцом, штормило, пароход валился в пугающую пустоту, скрипел и трясся. У Александровска стояли три дня — не давала пристать к берегу разгулявшаяся волна. Когда наконец высадились, всех их отправили на лесозаготовки. Сорокин попал на Камышевый перевал и работал на лесопильне кочегаром. Красивой и жуткой ему, городскому жителю, показалась тайга! Он долго привыкал к ней, привыкал к ее душному сумраку, к пестрому разнотравью просторных полян. По натуре был он человек веселой стойкости, и всякие неурядицы быта казались ему не стоящими внимания — особенно в сравнении с тем новым, что открывалось на каждом шагу.

В разные места Северного Сахалина кидала Сорокина судьба. Назначали его заведующим торговым пунктом шахты Октябрьская, в двенадцати километрах от Дуэ. Он приехал, посмотрел и, сразу уяснив, что торговый работник из него не получится, пошел на электростанцию машинистом. Был на одной шахте бригадиром забойщиков, на другой — руководил участком, на третьей — уже здесь, в Дуэ,— стал начальником.

И чем больше трудов вкладывал он в Сахалин, тем родней и дороже становился для него остров.

Но все это — лишь предыстория к той истории из жизни Сорокина, которая началась, когда Владимир Дмитриевич вышел на пенсию. А как она получилась, эта история, он и сам толком объяснить не смог, только рукой махнул:

— Все бывает!

Одним словом, вышел Владимир Дмитриевич на пенсию, а тут ему письмо от сына: «Приезжай, отец, ко мне, в Волгоград, надоел тебе, наверное, Сахалин». И подумалось Сорокину, что и в самом деле и возраст у него уже не тот, и жена прихварывать стала, а там жизнь спокойней и Волга рядом (как будто мало было ему моря, которое тоже было совсем рядом).

И Сорокин уехал.

Но с первого же дня его потянуло назад. Он объяснил это тем, что сильна в нем память о жизни на далеком острове, и стал ждать, когда воспоминания выпустят его из тесного своего плена. А тут дом подвернулся у самой Волги, и сад при нем — купили дом.

Дом был просторный, с большими комнатами, но спалось в нем Сорокину неспокойно, виделись тревожные сны, море снилось, тайга, и будто бы прежней красоты в них нет, а стали они тусклыми, словно старые фотографии.

От таких снов Сорокин просыпался с бьющимся сердцем, лежал, молча глядя в потолок и мучаясь острой, как боль, жалостью к оставленным, брошенным местам. Он не знал, что жене его, Анне Ивановне, тоже не спится, она слушает тишину их большого дома, а мысли ее блуждают далеко в тех краях, с которыми так тяжело было им расставаться.

И она сказала первой:

— Поедем домой, Володя, здесь не житье.

Они спешно, за полцены продали дом и вскоре были уже на Сахалине, в Дуэ, у себя дома.

Не надо думать, что Дуэ — такое райское место, где жизнь — сплошное удовольствие. Это обыкновенный поселок, и жизнь там самая обыкновенная, быть может, несколько потрудней, чем на материке. Не надо думать также, что Сорокин, как сказал Антон Павлович Чехов, «святой» человек, раз он так стремился в Дуэ. Кстати, вернувшись, он работал на шахте десятником.

А вместе с ним работал Павел Трофимович Абрамченко, который, между прочим, первый в нашей стране применил на шахте комплексную организацию труда и соревновался с Мамаем, работал Николай Леонтьевич Селезнев, один из старожилов Дуэ. Оба они в свое время тоже уезжали на материк, пробовали жить там, и тоже вернулись.

Не слишком ли много «святых» для одного небольшого поселка?

— Так почему же вы назад-то вернулись, Николай Леонтьевич? — спросил я у Селезнева.

— Боюсь громких слов, но ведь здесь — родина. Да, родина.

...Город Александровск-Сахалинский стиснут морем и горами. Город лежит на сопке, и улицы его от центра скатываются вниз.

Минут за десять дошел я до одноэтажного деревянного дома в четыре окна, смотревших на улицу. Улица эта когда-то была главной. Семьдесят пять лет назад здесь жил «старик без усов и с седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена». Старик был младшим врачом Александровского лазарета, спорщиком и кляузником.

В этом доме и поселился Антон Павлович Чехов.

В Александровске очень многое напоминает о нем. Вот маяк, который стоит на мысе Жонкиер: «Если, стоя в фонаре маяка,— писал Чехов,— поглядеть вниз на море и на «Трех братьев», около которых пенятся волны, то кружится голова и становится жутко».

На исходе дня я поднялся к маяку. По бледному небу быстро плыли пухлые облака, и, когда сквозь них выглядывало еще высокое солнце, по зеленой воде пробегали яркие дорожки. Я долго смотрел на запад — хотел увидеть противоположный, материковый берег Татарского пролива, туманные очертания его сопок. И когда мне казалось, что где-то далеко, в прозрачной, тающей голубизне я начинаю различать дрожащие очертания земли, на душе становилось легко и спокойно. Был прилив, волны, тяжко ухая, подкатывали к обрывистому высокому берегу, оставляя место для узкой дороги, которая уходила в черное отверстие тоннеля, пробитого в сопке.

Начальником маяка был Борис Иванович Гладунов, человек средних лет, с военной выправкой. Он и в самом деле долго служил в армии, а часть его расположена была вблизи одного из маяков. Гладунов приглядывался к жизни смотрителей и, когда увольнялся в запас, решил: пойду на маяк! Нравилось ему то, что вблизи всегда будет море, что с высоты маяка взгляд свободно скользит в любую сторону, что простор воды и неба будет придавать поступкам и мыслям несуетную основательность. Сокровенная же мысль его состояла в том, что к нему, Гладунову, скромному, тихому человеку, будут словно привязаны десятки больших и малых кораблей и свет и позывные его маяка будут упреждать их о грозных скалах, едва скрытых водой камнях, опасных мелях.

На двух маяках работал Гладунов, этот — третий. Возле него прожил он девять лет, и здесь родились его дети: Валя, Лариса и Витя.

— Обязанности надо знать четко,— тихо рассказывал Гладунов, помаргивая светлыми ресницами.— Обеспечить бесперебойную работу средств навигационного оборудования, руководить всей службой на маяке. Кроме меня на маяке еще пять человек, все работают здесь давно, техник Харин Григорий Дорофеевич — с 1941 года. Особо прошу отметить техника Шандрина Фрола Николаевича. Механику маяка освоил досконально, столяр, слесарь — мастер на все руки. Прямо скажу, без него было бы

тяжело. Труд наш нелегкий. Крайне сложно зимой — ветер, снег. В это время за оптикой надо следить особенно тщательно. Вообще-то зимой с середины января по графику нам можно было бы не работать. Но если ледовая обстановка позволяет и суда выходят в море, мы им непременно даем свет. Что еще? — сам у себя спросил Гладунов и задумался.— Вас, должно быть, интересуют эпизоды? Пожалуйста. Однажды зимой вышли на шлюпке в море проверить буи. Погода была хорошая, ясная, но, когда повернули назад, начался снегопад. Линии берега не стало видно, и мы поминутно ожидали, что наскочим на камень. И зыбь поднялась, грести стало труднее. И вдруг сквозь туман и снег увидели мы свет маяка. Обрадовались, конечно, а потом удивились: кто же это включил его, ведь все мы в тот момент находились в шлюпке. Вот тогда-то я, может быть, впервые по-настоящему понял, какое великое дело маяк! — с воодушевлением проговорил Гладунов.— Такое ощущение, что был ты слепым и вдруг прозрел и увидел свой путь и узнал, где твой дом... А включили маяк,— добавил он,— наши жены.

Потом Гладунов показывал мне свое хозяйство. Сначала мы зашли в стоящее поодаль здание, где расположились служебные помещения. Неподалеку щипал траву стреноженный конь.

— Это Мальчик,— представил его Гладунов.

В служебных комнатах чисто, тихо, лишь монотонно гудит автоматическая станция, посылая блуждающим в море кораблям позывные радиомаяков. Через каждые шесть минут с мыса Жонкиер уходят сигналы, и капитаны с их помощью определяют, где находятся их суда.

В углу за столиком сидел человек в очках и читал журнал.

— Это и есть старший техник Шандрин Фрол Николаевич,— сказал Гладунов.

Шандрин пододвинул мне какую-то книгу. «Огни и знаки Тихого океана» — прочел я на обложке. И, полистав книгу, узнал, что высота огня маяка на мысе Жонкиер от уровня моря 74,7 метра («Самая башня — почти 18 метров»,— добавил Гладунов), что период сигнала — 33 секунды (три — свет, тридцать — темнота), что расположен он над обрывом западного берега мыса, что при неисправности основного огня действует резервный, который виден за 10 миль.

А потом мы поднялись к вершине маяка и очутились в его фонаре, рядом с огромным хрустальным многогранником, внутри которого заключена пятисотваттная лампа. Весь год почти — с апреля и до середины января — с наступлением темноты отсюда вырывается столб света и, пробив ночь, туман и снег, приносит уверенность и покой людям в море, как если бы с берега им протянули руку.

А внизу глухо шумит море, и далеко впереди, там, где, казалось мне, видел я берег материка, лишь какая-то яркая и узкая полоса, как будто в том месте, чтобы скрепить небо и землю, пролегла

лента раскаленного металла. По воде, словно усталые ходоки, бредут суда. Море непрестанно меняет свой цвет — только что оно было серым, потом стало зеленым, синим, дорожки света бегут по нему, и нет, наверное, таких красок, чтобы передать эту живую и вечную красоту.

Дождавшись полной темноты, по узкой тропинке я добрался до соседней скалы. Отсюда хорошо был виден весь маяк. В темно-бархатной оправе ночи он светился, как драгоценный камень: он раскидывал четыре своих луча во все стороны, и они выхватывали из черноты сопки, деревья и далеко, не оставляя следов, уходили в море.

Что бы ни случилось, он должен светить, ибо свет его нужен людям. Хорошо сказал Шандрин:

— Маяки — дело государственное.

ОБ АВТОРЕ

Нежный Александр Иосифович. Родился в 1940 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов СССР. Работает специальным корреспондентом газеты «Труд». В качестве корреспондента газеты побывал в различных районах Советского Союза. Автор множества статей, репортажей и очерков, опубликованных в центральной и периферийной периодической печати. В нашем ежегоднике публикуется впервые. Сейчас работает над художественно-публицистической книгой для Политиздата и книгой очерков о Дальнем Востоке для издательства «Молодая Гвардия».

ВЕРА ВЕТЛИНА

ЛЮБИМЕЦ ГЁТЕ

Очерк

МНОГОЛИКОЕ «ДРЕВО»

Услышанное в разных местах, при несхожих обстоятельствах.

Дома, от соседки:

— Что это вы крокодила-то завели? Теперь, небось, мусору не оберетесь.

На экскурсии в ботаническом саду:

— Это вот, товарищи, так называемый «цветок Гёте», ботаническое название — бриофиллюм. Происходит из тропиков, интересен как живородящее растение.

На южном базаре:

— А вот женьшень, комнатный женьшень! Помогает ото всех болезней. Давай налетай — недорого возьму!

В клинике:

— Я думаю, коллега, этому больному с незаживающей раной следует попробовать примочки соком каланхое. Вы знаете, фармакологи все настойчивее рекомендуют его как весьма эффективное средство в подобных случаях.

Не удивительно ли, что «герой» всех этих высказываний — один и тот же? Вот он передо мной, греется у окна под солнечными лучами. Высокий, стройный, красивый.

Почему же тогда «крокодил»? Пожалуй, при некоторой доле воображения можно найти сходство. Самая верхняя, только еще раздвигающаяся пара длинных зубчатых листьев и впрямь напоминает раскрытую крокодилью пасть. Сходство дополняют извилистые ряды буроватых пятен на их нижней стороне. Издали они совсем как морщины и складки на зубастых челюстях. Снова смотрю на необычное деревцо. Нет, крокодилья пасть — совсем

не главное в его облике. Оно привлекает к себе другим: гармоничной, благородной формой от устремленного вверх светло-зеленого гладкого стебля до удлиненных упругих листьев, скорее напоминающих крылья парящей птицы.

А главное, что делает это растение не похожим ни на какое другое,— тонкое зеленое кружево по краям листьев. Все оно сплетено из крохотных растеньиц, прилепившихся к выемкам зубцов. Каждое с малюсенькими плотными листочками, еле видимым стебельком и даже белыми корешками-ниточками, которые свешиваются с материнского листа, словно примериваясь, где бы лучше приземлиться? Это «детки», причем каждая — точная модель материнского растения, выполненная в миниатюре. Сколько же таких «миниатюр» произвело на свет в общем-то не очень большое деревцо, стоящее у моего окна? Считаю и с трудом верю своему счету. Четыреста шестьдесят три! А на листочках многих «деток», давно сидящих на нижних материнских листьях, уже вылупились «внучки», безукоризненные копии «бабушки», только уж совсем микроскопические.

Необыкновенная пластичность и жизненная сила редкостного растения поразили Иоганна Вольфганга Гёте. Один из образованнейших людей своего времени, жизнелюб и труженик, он прославил свое имя не только как автор бессмертного «Фауста» и других великих поэтических творений. Гёте был и разносторонним ученым-естествоиспытателем, внесшим много нового, прогрессивного в изучение природы, истолкование ее законов.

Среди научных увлечений Гёте особое место занимала ботаника. Он говорил, что царство растений бушует у него в груди. В тихом Веймаре, где он прожил полвека, поэт-натуралист изучал множество растений, от самых простых, которые собирал во время прогулок по окрестным лугам и рощам, до редчайших экзотов, завезенных из дальних стран. Растения повыносливее жили в его саду, прихотливые — в доме. Бесчисленные наблюдения, сопоставления и выводы он изложил в трактате «Опыт о метаморфозе растений», вышедшем в 1790 году, и в других трудах по ботанике.

Через восемь лет в философской лирике Гёте появилось стихотворение «Метаморфоза растения». Языком поэзии он говорит об удивительных и непрерывных превращениях, происходящих в жизни растения от пробуждения семени до созревания плода. Вот одна из заключительных строф:

... Каждое нынче растенье твердит о вечных законах,
Внятней и внятней с тобой каждый цветок говорит.
Если ж твой взор искушен в письменах священных богини,
Их ты признаешь везде и в измененных чертах...

Что общего между столь разными и по внешнему виду, и по назначению частями любого растения, как семядоли, листья, чашелистики, лепестки, тычинки и пестики? Теперь мы со школьных лет знаем, что все они — результат длившихся тысячелетиями превращений, метаморфоза одного и того же органа — листа.

Тогда, в конце восемнадцатого столетия, это было неожиданным и смелым открытием Гёте. Он писал, что сходство различных органов растения, если оно выражает собой реальную трансформацию одного органа в другой, показывает, что такие органы у различных растений можно рассматривать как последовательные этапы эволюции. Это была одна из ступеней в подготовке эволюционной теории, впоследствии разработанной Чарлзом Дарвином.

Но открытие Гёте не было понято и принято современниками. И вот примерно через тридцать лет после выхода «Опыта о метаморфозе растений», когда Гёте уже перевалило за семьдесят, он узнал, что в Германию привезено из тропиков редкостное растение. Оно обладает удивительной способностью воспроизводить себя множеством «деток», вырастающих не только на листьях, но даже из кусочка листа, брошенного на землю.

Вот, вот оно еще одно, быть может, главное доказательство его научного открытия. Гёте спешит заполучить себе зеленое чудо, окружает его заботой и вниманием. Было установлено ботаническое название растения: бриофиллюм из семейства толстянковых, рода каланхое, насчитывающего больше ста видов.

До конца дней своих поэт-натуралист наблюдал и изучал растение, которое считал самым выдающимся примером метаморфоза. Оно стало любимцем Гёте, который называл бриофиллюм «пантеистическим древом».

Известно, что пантеизм представляет собой идеалистическое философское учение, отождествляющее бога с природой и рассматривающее природу как проявление божества. В XVI—XVII веках, когда началось бурное развитие естествознания и промышленности, толкавшее вперед и развитие философской мысли в сторону материализма, системы идеалистов, по выражению Энгельса, «...все более и более наполнялись материалистическим содержанием, стремясь пантеистически примирить противоположность духа и материи». Гёте был сторонником этого, материалистического, направления пантеизма, рассматривавшего бога как совокупность законов природы. «Мне кажется, что я непосредственно вижу все в одном и все из одного»,— говорил он, глядя на необычное растение.

Поэт рассылал знакомым «деток» бриофиллюма в письмах. А в 1826 году, отправляя одной из приятельниц живородящий лист, сопроводил его такими стихами:

Что в Саксонии лишь только
Прорастет, на Майне бойко
В рост пойдет. В короткий срок
Почка пустит корешок.
Молодых растений строй
К солнцу тянется толпой.
В меру влаги и тепла,
И побегам нет числа.
Будет твой хорош уход —
Непременно зацветет.

ЗАГАДКИ СТРАННОГО «ЦВЕТКА»

Прошло полтора столетия с тех пор, как «пантеистическое древо» покорило сердце великого немецкого поэта-натуралиста. За это время некоторые виды каланхое прочно вошли в ряд комнатных растений, любимых многими. А «цветок Гёте», или «дерево Гёте», как в честь поэта стали называть бриофиллюм, почему-то до недавнего времени не привлекал к себе особого внимания. Может быть, из-за своенравного характера? Бриофиллюм любит загадывать загадки, а не всякий до них охотник. Сам Гёте, больше десятилетия пристально наблюдавший за своим любимцем, не смог узнать о нем все. Любопытных и любознательных в наш век становится все больше. Бриофиллюм свободнее входит в дома, хотя и теперь еще во многом остается незнакомцем. Общение с ним интересно. У одних оно порождает радости маленьких открытий, у других — все новые вопросы и недоумения.

Письма любителей природы, обращенные к ботаникам и цветоводам, к химикам и врачам, идут в редакции журналов, научные институты. Почему, например, «цветок Гёте» так редко цветет (цветок ведь!), почему многие называют его комнатным женьшенем, а в одном справочнике он значится как «живучее дерево»?

Как и у многих, мое знакомство с «цветком Гёте» началось с бесконечных «почему». Впрочем, их остается достаточно и теперь, после нескольких лет знакомства.

Итак, «живучее дерево». Почему? Что оно «живородящее» — в этом убеждаешься сразу, лишь увидав на листьях хоровод «деток», а почему названо «живучим»? С необыкновенной выносливостью бриофиллюма мне впервые довелось познакомиться еще много лет назад. Путешествуя по Алтаю, на Горно-Алтайской опытной плодовой станции увидела незнакомое комнатное растение в кружеве «деток». Это был, как назвали ученые, бриофиллюм Дегремона. С разрешения взяла на всякий случай один лист. Путешествие продолжалось не одну неделю, лист, положенный в записную книжку, путешествовал тоже, а по возвращении в Москву за повседневной суетой был забыт. Лишь много времени спустя, перелистывая книжку, случайно обнаружила его. Лист, хотя и привянувший, был жив! Вскоре на влажной земле он дал всходы.

Позднее, когда мы дома занялись самодеятельным «укрощением» «цветка Гёте», было получено новое подтверждение его живучести.

В литературе, доступной неспециалистам, сведения о бриофиллюмах весьма скудны. Почти ничего не говорится об особенностях их роста и развития, о взаимодействии с окружающей средой, а проще говоря — о характере. Стали знакомиться методом проб и ошибок.

Началось с того, что бриофиллюм засыпал нас «детками». Положенная весной в горшочек с землей, крохотная розетка из

первых двух пар плотных и круглых, как игрушечные монетки, листочков освоилась быстро. Уже через пять дней она прочно сидела на собственных корнях; через десять дней первые круглые листочки увеличились вдвое, а вверх потянулся стебелек, образуя все новые и новые, теперь уже зубчатые, листочки. На третьем месяце из основания зубчиков начали выглядывать десятки микроскопических «деток», а еще через полтора месяца бриофиллюм подготовил к самостоятельной жизни 136 «деток». Они сыпались на пол и подоконник, заселяли, не спросясь, соседние горшки, занятые другими растениями. Целое нашествие трогательно милых существ, которые разводились все больше и с которыми мы, после того как снабдили ими всех друзей и знакомых, просто не знали, что делать.

Потом появились новые заботы. Наш питомец рос не по дням, а по часам. Тянулся вверх стебель, взбирались по нему ступеньки листьев. Почему-то он не хотел ни ветвиться, как положено любому деревцу, ни цвести. Для ветвления садоводы обычно прищипывают или срезают верхушку стебля. Применяли прежде этот прием и мы. Убедились, что на упрямый «цветок» это не действует. И при срезанной верхушке он дает опять-таки один побег из пазухи листа и тянется вверх, оставаясь самим собой.

Надо было придумать что-то другое. Бриофиллюм продолжал расти, приближался верхушкой к переплету окна и в конце концов мог бы сломать себе «голову». Решили укоротить его прививкой, что тоже применяется часто. Срезали верхушку с несколькими парами листьев, удалили всю среднюю часть стебля, а верхушку привили надлежащим образом на свой собственный «пень», чтобы сильные материнские корни продолжали ее питать.

И опять потерпели неудачу. Упрямец не желал срастаться с собственным стеблем. Проходили недели, месяцы, знойное лето было на исходе. Чем жила все это время верхушка, лишенная собственных корней и не получавшая питания от материнского растения? Наконец в нижней части верхушки стали быстро прорастать из стебля упругие белые корешки. Листья увядали. Терпя голод и жажду, «цветок» не сдавался и на своем языке требовал то единственное, что было нужно ему.

Мы поняли, что деревцо не покорится и не уступит. Сняли бриофиллюм с пьедестала, оказавшегося чуждым, посадили в землю. Вскоре листья вновь налились соком, стали тугими и блестящими. Деревцо снова потянулось ступеньками листьев вверх. Вот когда проявились в полной мере и необыкновенная живучесть и непокорный характер любимца Гёте.

Почему бриофиллюм никак не хочет цвести? Занимал нас и такой вопрос. В шутливой поэтической «инструкции» Гёте говорится: «Будет твой хорош уход — непременно зацветет». У нас, казалось бы, неплохой уход, а цветения нет и нет.

Только почти через два года после посадки зацвел наш бриофиллюм, причем именно тогда, когда этого совсем нельзя было

ждать. В самое глухое зимнее время, в конце декабря, вся верхушка деревца, достигавшего почти двухметровой высоты, покрылась шапкой из более чем двух сотен бутонов. Цветочные побеги помельче, но тоже со множеством бутонов, начали появляться и из пазух листьев почти по всему стеблю. Интересно, что за некоторое время до этого на листьях перестали появляться «детки».

Цветение было удивительным. Сначала расцвела верхушка, покрывшаяся сплошь трубчатыми сиреневато-кремовыми колокольчиками. Когда ее изящные цветки стали увядать, на смену им раскрылись колокольчики боковых побегов. Но и верхушка, оказывается, не отцвела. «Отдохнув», она снова выпустила новые сотни бутонов, расцветила растение новой волной.

Больше трех месяцев длилось пиршество цветения. И теперь, когда пишутся эти строки, все новые бутоны раскрываются, хотя и в меньшем количестве, рядом с отцветшими на отяжелевших кистях. В комнату не прилетит к цветку бабочка или пчела, не перенесет пыльцу, не произойдет опыления, а потому и семян может не быть. Все же в стремлении оставить себя в потомстве и тысячами семян растение вновь и вновь мобилизует жизненные силы на цветение. В ущерб самому себе. Растение заметно постарело за это время, листья потускнели, нижние засохли совсем.

Часто думалось: что же будет дальше? Не станет ли цветение лебединой песней нашего питомца? Может быть, он, как и некоторые виды пальм, бамбука, агавы, цветет и плодоносит один раз в жизни, после чего погибает?

Но вот в последнее время бриофиллюм-ветеран удивил нас снова. Прямо из верхушек его отцветающих кистей начали быстро расти новые побеги, причем вполне готовые к самостоятельной жизни: с крепкими стеблями, с «детками» на молодых листьях и даже с собственными корнями. А рядом, у окна, живет тот полный сил молодой красавец в кружеве «деток», с которого начала я свой рассказ. Один из бесчисленных потомков нашего ветерана, несколько месяцев назад крохотной «деткой» упавший на землю и ставший теперь неузнаваемым.

Поистине неиссякаема твоя жизненная сила, любимец Гёте!

Наконец-то удалось узнать более или менее достоверно, где родина «цветка Гёте». Это Мадагаскар — далекий, почти сказочный остров в Индийском океане возле Африки. Кусок тверди, очень давно отколовшийся от материка и живущий с тех пор обособленно. Вероятно, поэтому там сохранился до наших дней особый мир разнообразных растений древней флоры, развивавшейся своим путем. Там природа создала и бриофиллюм—действительно уникальный растительный организм!

Но где именно? Многолик ландшафт Мадагаскара — это и тропические леса, полные экзотических деревьев; и просторные саванны с баобабами и тамариндами; это горные плато и долины

многоводных рек; и иссушенные зноем полупустыни. Бриофиллюм обликом своим и характером подсказывает, в какой природной зоне, где искать его родной дом. Там, где жить особенно трудно, то есть в саванне или полупустыне, где при круглогодовой жаре периоды дождей сменяются засухами. Как и другие суккуленты, растения с мясистыми сочными листьями, бриофиллюм запасает в них за сезон дождей жизненно необходимый минимум влаги, который тратит с величайшей экономией. За многие тысячелетия эволюции он «воспитал» в себе аскетическую неприхотливость. А чтобы не только выжить, но и оставить потомство, в благоприятное время выпускает армию «деток», столь же выносливых, как и сам, а затем дополняет ее многотысячным десантом семян. Кто-нибудь да выживет!

Вероятно, суровыми условиями существования на родине объясняется и еще одна загадка бриофиллюма — загадка «комнатного женьшеня». Любители-цветоводы, выращивая «цветок Гёте», случайно стали обнаруживать его лечебные свойства. Одни заметили, что свежие размятые листья бриофиллюма хорошо лечат ожоги и обморожения. Другим удалось с их помощью избавиться от зубной боли. Третьи нашли, что сок мясистых листьев, если им смазывать слизистую оболочку носа, помогает при гриппе как дополнительное лечебное и профилактическое средство. На собственном опыте и опыте близких я убедилась: нет лучшего и более быстродействующего средства для заживления свежих ранок, порезов, лечения воспалений кожи, чем сок бриофиллюма. Предполагают, что он целителен и при некоторых заболеваниях желудка.

Растение-лекарь... Рыночные знахари насторожились. Может, пойдет как новейшее снадобье от любых недугов? «Дельцы» сориентировались на созвучный времени лад: «комнатный женьшень»! Ведь многие люди видят в «корне жизни», целебные свойства которого до сих пор еще окончательно не изучены, панацею от всех болезней. И вот в Кисловодске, Запорожье, других южных городах уже летит над базарами: «А вот женьшень, комнатный женьшень!» Доверчивые люди, готовые ради исцеления ухватиться за любое средство, как утопающий — за соломинку, прислушиваются, и идут нарасхват «детки» бриофиллюма, благо сотнями растит их каждое щедрое деревцо.

Бриофиллюм, конечно, не панацея от всех недугов. Таких средств не бывает, и «коммерция» шарлатанов может принести лишь вред. Но растение это, несомненно, обладает лечебными свойствами, и оно заинтересовало ученых. Началось лабораторное изучение и клинические испытания сока, которые принесли обнадеживающие результаты. Министерство здравоохранения СССР официально разрешило применять сок и мази одного из видов каланхое для лечения длительно не заживающих ран и язв, ожогов и пролежней. Разумеется, не самодеятельно, а лишь по назначению врача.

Думается, «цветок Гёте» рассказал о себе еще далеко не все. Знакомство с ним широкого круга любителей и специалистов продолжается. И мы, несомненно, станем свидетелями новых открытий.

ОБ АВТОРЕ

Ветлина Вера Арсеньевна. Родилась в селе Овчинники Ржевского района Калининской области. Окончила четыре курса Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования. Член Союза журналистов СССР. В. А. Ветлина много путешествовала по стране, долгое время была на журналистской работе в ТАСС и на Всесоюзном радио. Автор многих научно-художественных и очерковых книг («Рассказы о цветах», «Крымские путешествия», «Алтайские дали», «И снова поиск» и других), опубликованных в 50—60-х годах в издательствах «Молодая гвардия», «Детгиз», «Советская Россия». В нашем ежегоднике выступала четыре раза (в выпусках 1960, 1963, 1965 и 1966 годов). Сейчас работает над научно-художественной книгой о природе, о чудесах в мире растений.

ЕВГЕНИЙ ГРИНЕВИЧ

ЗАБОТЫ И ЗАБАВЫ БУРОГО МЕДВЕДЯ

Заметки натуралиста

ЗАПАСЛИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Как-то довелось мне наблюдать повадки бурых медведей на Чукотке, где эти звери еще весьма многочисленны. Несмотря на то что медведи стараются держаться скрытно, встречи с ними здесь обыденны, особенно в верховьях рек, с июля и до самой зимы. В это время звери покидают тундру, их привлекают реки, в которые заходят нереститься лососевые рыбы и после икрометания тут же погибают.

Проснувшись от продолжительной зимней спячки, медведь вынужден постоянно бродить в поисках пропитания и довольствоваться всякими мало-мальски съедобными, малопитательными кормами. Он без разбору поедает сухой вейник, корневища растений, случайно уцелевшие ягоды рябины, голубики, морошки, кедровые орешки и падаль.

Если в мае, выйдя из берлоги, медведь живет впроголодь, то с приходом нерестовой рыбы его питание становится весьма обильным. Около трех месяцев зверь держится на небольшом участке у реки, чаще всего возле мелководной заводи.

Только как следует отъевшись, он начинает посещать прилегающие к реке участки тундры и разнообразит свой рацион поспевающей голубикой и другими растительными кормами. Ближе к зиме, обычно после заморозков, он лакомится ягодами рябины и орехами кедрового стланика.

В начале сентября на Чукотке наступает самое лучшее время года. По ночам уже бывают чувствительные заморозки, но весь короткий день сияет скупое северное солнце и — самое главное — в это время пропадает гнус, который летом отравляет, буквально сковывает всякую жизнь. В сентябре животные отдыхают

от него, да и люди теперь вольно дышат без накомарников и дымокуров.

Весьма благоприятно это время и для разного рода натуралистических наблюдений. Звери же свободно бродят в поисках корма, им нет надобности забиваться в сырые норы и разные глухие трущобы под натиском бесчисленных полчищ гнуса.

Однажды я собрался поехать на моторной лодке подальше от дома. Остановившись километров через двадцать, я увидел, что весь берег истоптан крупным медведем. В прибрежной полосе на влажном песке кроме четко отпечатавшихся следов могучих лап было и несколько широких вмятин, а вокруг них чешуя и рыбьи кости. По-видимому, здесь медведь поедал свою добычу.

Чуть дальше от воды, на мягком грунте, следы отпечатались еще яснее. Глядя на них, можно было сразу понять, почему мишку называют косолапым. Лапы он ставил несколько внутрь пальцами, глубоко вонзая в землю острые когти, а узкие пятки — наружи.

Следы вели в заросли кустарника и высокой травы. Здесь я увидел широкие, протоптанные зверем тропы, примятая трава пожелтела и засохла. Значит, медведь часто ходил здесь.

Тропы вели в разных направлениях: то параллельно друг другу, то пересекаясь. Некоторые из них кончались у кустов черной смородины, под которыми медведь, лежа на спине, лакомился ягодами. Кусты были примяты, листья на отдельных ветках оборваны.

Некоторые тропы вели в глубину зарослей, где я обнаружил лежки зверя. По всему было видно, что здесь был кормовой и жилой участок медведя. Все это обещало интересные наблюдения, и я решил тут заночевать. А вечером выбрал на противоположном берегу удобное место и устроился так, чтобы все самому видеть, но себя не обнаруживать.

Было уже совсем темно, когда я занял свой пост. В речной глади отражались яркие звезды. Просто поразительно, прямо-таки как по волшебству изменяет ночь все окружающее. Я долго всматривался в темноту, но ни одного живого существа так и не обнаружил.

Но вот занялся рассвет, холодный, бодрящий. Звезды постепенно побледнели и растаяли. Бледно-зеленое небо покрылось сначала розовыми, потом пурпурными в лучах еще скрытого за горизонтом солнца облаками. Каждый листик, каждая былинка покрылись серебром инея.

Предутренняя тишина нарушалась слабым монотонным журчанием воды, перекатывающейся по гальке на отмели, да частыми всплесками крупной рыбы, упорно стремившейся преодолеть перекат против течения.

Когда совсем рассвело, над протокой пронесся легкий ветерок и прошелестел в зарослях на повороте реки. Листочки на кустах затрепетали, радуясь наступлению нового дня. Где-то вдалеке

застонала гагара, а затем со всех сторон понеслись резкие сварливые крики чаек, уже успевших затеять драку из-за лакомого кусочка добычи.

В это время на противоположном пологом берегу, за отмелью, беззвучно закачались верхушки кустов, и вскоре на одной из троп появился крупный медведь. Посмотрев по сторонам, он без всяких опасений пошел к реке и забрел в воду.

Метрах в трех от берега он вдруг резко взмахнул лапой и сильно ударил по воде так, что брызги дождем окатили его. Потом выхватил из воды большую рыбину и швырнул ее на берег. После этого он присел на задние лапы, поднял одну переднюю и замер, всматриваясь в воду. Через несколько минут он снова хлопнул по воде и, вытащив вторую рыбу, тоже швырнул ее на берег. Опять замер, изготовившись для удара.

Выброшенная на берег оглушенная или убитая рыба лежала неподвижно. Но пролетавшая мимо чайка заметила ее и с громким криком набросилась на добычу. На крик птицы немедленно слетелась целая стая и быстро расправилась с уловом мишки.

Медведь несколько раз оглядывался на шумевших чаек, но продолжал рыбачить. Оглушив очередную рыбу, он не выбросил ее из воды, как две первые, а подложил под себя. Так же он поступал теперь до конца своей рыбалки. Когда зверь приподнимался, чтобы подложить под себя очередную рыбу, добытая ранее иногда всплывала из-под него, и он тогда снова торопливо бил ее лапой. Но в конце концов медведь приспособился и лишь слегка приподнимался, рыба из-под него не всплывала.

Так рыбачил медведь около часа. Закончив лов, он одну за другой выбросил на сушу всю рыбу. Я насчитал одиннадцать штук. Отпугнув грозным рычанием и взмахами лап нахальных чаек, медведь приступил к завтраку, который, несмотря на обильный улов, оказался неожиданно скромным: зверь с хрустом откусывал и, громко чавкая, ел только головы, он их отъел у шести рыбин. Затем, беря в охапку по три-четыре рыбы и передвигаясь на задних лапах, перетаскал всю добычу подальше от воды. Принеся последних рыб, медведь сразу же принялся копать яму. Сначала он разгреб в стороны крупную гальку, затем углубил яму, выгребая песок в одну кучу. Судя по величине этой кучи, можно было предположить, что глубина ямы не менее 60 сантиметров.

Медведь сбросил в нее всю рыбу и засыпал ее сначала песком, а потом и галькой. Зверь постоял над засыпанной ямой, фыркнул и опять пошел к воде и, зайдя в нее, принялся барахтаться. Было такое впечатление, что зверь освежается после непривычной работы. Основательно намочив шерсть, он вышел из воды и не отряхиваясь, на задних лапах пошел к своему складу. Над ним он остановился и, расставив лапы, замер, наблюдая, как с него стекает вода. Такую позу человек принимает, забежав в укрытие в проливной дождь.

Когда вода стекла, медведь снова пошел в воду и, намокнув, возвратился к хранилищу. Эту операцию он проделал трижды. Затем медленно побрел в кусты и, ни разу не оглянувшись, исчез.

Выждав минут двадцать и убедившись, что зверь скрылся и не намерен возвращаться, я подошел к складу осмотреть медвежью работу. На том месте, где была зарыта рыба, возвышался заметный бугорок диаметром около 70 сантиметров. Он был сильно увлажнен.

Я был очень заинтересован последовательными действиями медведя и решил понаблюдать за его складом. В первые же ночи хранилище прочно сковало льдом. Потом выпал снег. Весной весь этот медвежий участок залило полой водой, но склад остался цел и невредим.

Ни осенью, ни весной медведь к своим запасам не возвращался. Первые медвежьи следы на этом участке я обнаружил только на

следующую осень, но возле самого хранилища зверь так и не появился.

Как же объяснить описанные мной сложные действия животного? Их последовательность прямо-таки «разумная»: лов рыбы, перемена способа ее сбора после нападения чаек, выбрасывание добычи на берег, переноска в сравнительно безопасное место, выкапывание ямы, закладка рыбы на хранение и в завершение всего увлажнение холмика над складом!

Но надо сказать, что почти каждое из этих действий, взятое по отдельности, наблюдается у медведей довольно часто и их вовсе нельзя считать загадочными. Так, на Чукотке, как и во многих других районах, медведи питаются рыбой и во время нереста ловят ее разными способами. Но в большинстве случаев они ее тут же съедают. Однако некоторые медведи хранят рыбу и про запас, но чаще дохлую, выброшенную на берег после икрометания. Вероятно, эта повадка вызвана изобилием пищи в это время. Кроме того, мишки обычно более охотно поедают испорченное мясо и рыбу «с душком». Может быть, они очень часто, пообедав свежей добычей, остаток закапывают в землю или заваливают разным мусором.

Но мне приходилось наблюдать, что при недостатке пищи явно голодающий зверь не разыскивает сделанные запасы, которые были плотно завалены и поэтому не распространяют запаха. Вероятнее всего, медведи забывают о своих складах, а если и обнаружат их по гнилостному запаху, считают это находкой. То же можно сказать и о переноске пищи. Это может считаться обычной повадкой медведя. Почти всегда найденную или пойманную добычу он перетаскивает в более укромное место и там расправляется с ней.

Последовательное же выполнение всех этих действий можно объяснить только случайным совпадением. Вероятнее всего, в следующий раз зверь уже не проделал бы все точно так же.

Но вот почему медведь поливал водой свое хранилище, откуда у него появился этот опыт? Я расспрашивал многих охотников, и только двум приходилось наблюдать эту повадку. Оба одинаково объясняли ее. Они считали, что медведь поливал поверхность хранилища для того, чтобы образовавшаяся ледяная корка защищала его от расхищения лисицами и другими хищниками. Такая опасность действительно существует. Осенью и зимой лисицы промышляют в поймах рек. Сюда их привлекает возможность найти оставшуюся на берегу обмелевшей протоки дохлую рыбу или изловить зайцев-беляков, многочисленных в прибрежных густых зарослях осины.

Но ведь такое объяснение основано на опыте самих охотников. Нередко они замораживают часть своих запасов продовольствия, закладывая его в ямы по «медвежьему методу». Прочную корку из льда и гальки не может разрушить даже росомаха своими крепкими, сильными когтями.

На Чукотке существует и способ приготовления так называемой кислой рыбы. Он заключается в том, что после создания продовольственных и кормовых запасов юколы излишки рыбы закладывают в яму, поливают водой и засыпают землей. При этом рыба еще до наступления морозов успевает закваситься.

Ну так что же, медведи научились всем этим приемам у людей? Какой же натуралист поверит в это?

МЕДВЕДЬ-МУЗЫКАНТ

Ну, а теперь перенесемся в другую местность, много южнее. Был конец мая, и наступили уже жаркие дни, резко изменившие облик весеннего леса. Еще совсем недавно молодые светло-зеленые клейкие листочки на деревьях, трепетавшие от малейшего дуновения ветерка, погрубели, стали крупными, темно-зелеными.

Крепкие, пьянящие ароматы хвои, молодой травы, скромных лесных цветов, всей промытой теплыми весенними дождями земли теперь ослабели, улетучились от жаркого солнца.

Умолкло веселое журчание многочисленных резвых ручейков, исчезнувших до следующей весны. Дороги высохли и закурились клубами серой пыли, поднимаемой порывами ветра.

Восторженные песни птиц слышались реже, теперь у пернатых начинался гнездовой период, возникли большие заботы—не до песен!

Как-то я задержался в лесу и возвращался домой перед заходом солнца. Вечером лес имеет особый облик. Местами густые темные тени уже окутали его, придав таинственность, а местами еще стоят по-дневному светлые деревья.

У моста через небольшую речушку на меня налетел громадный рой комаров. С громким торжествующим звоном впивались они в шею, лицо, руки. Легкая одежда нисколько не спасала от кровожадных мучителей, они легко прокалывали сорочку и впивались в тело. Несколько минут я отчаянно махал руками, а потом вынужден был обратиться в бегство: при быстром движении комары постепенно отставали. Пробежав по густым зарослям березняка с полкилометра, я на время избавился от преследователей.

И тут мое внимание привлек какой-то странный звук. Остановившись, я услышал, что где-то неподалеку раздается непонятное дребезжание. Сначала звук был громкий, затем постепенно затихал. Он повторялся приблизительно через равные промежутки времени. Что же это могло быть? Я решил это выяснить.

Ориентируясь по звуку, я стал углубляться в чащу. Лишь с большим трудом, чрезвычайно медленно удавалось мне пробираться через ольшаник, под пологом которого рос густой кустарник. Кусты и деревья, словно лианами в тропическом лесу, были опутаны стеблями дикого хмеля. Местами ноги увязали в трясине или скользили, на обувь налипали комья земли.

Медленно пробираясь вперед, я наконец вышел на берег лесной речки, вода в ней была темной, коричневатой и тихо журчала, обтекая спустившиеся в нее ветки кустарника.

Возле речки было несколько светлее, чем в глуши, из которой я вышел, хотя и здесь картина была довольно мрачной. Именно в таких местах, наверное, водятся лешие.

Заинтересовавшие меня звуки раздавались совсем близко. Осмотревшись, я увидел за рекой, метрах в ста от меня медведя, забравшегося на сломанную сосну. Звук исходил именно оттуда, но его происхождение на таком расстоянии я понять не мог.

Осторожно, чтобы не вспугнуть зверя, часто останавливаясь и выбирая место для каждого шага, подобрался поближе. И тут мне открылась любопытная картина. Медведь оказался... музыкантом!

Инструментом ему служила довольно толстая сосна, сломанная бурей на высоте около пяти метров. Обломанная вершина дерева одним концом упиралась в землю, другим держалась на комле. На изломе дерево расщепилось на несколько пластинок разной ширины и толщины.

Медведь забрался по упавшему стволу и удобно устроился на нем. Обхватив дерево задними лапами и одной передней, свободной он осторожно дергал за самую длинную пластинку и, приблизив к ней ухо, прислушивался к возникавшему звуку. Когда он затихал, медведь снова дергал пластинку и опять подставлял ухо.

Через некоторое время на берег вышла лосиха с небольшим лосенком, внимательно осмотрелась по сторонам и, поводя ушами, стала вслушиваться в звук медвежьей музыки, а теленок беспечно прыгал вокруг матери.

Шум, поднятый лосенком, привлек внимание медведя, он оглянулся и, увидев теленка, повернулся, чтобы спуститься с дерева. При этом он нечаянно задел одновременно несколько пластинок расщепа — раздался новый, громкий звук. Медведь прислушался. По-видимому, его заинтересовала новая музыка, и он дернул сначала за одну, а потом сразу за несколько пластинок, раздались звуки разных тонов.

Медведь забыл про лосенка и, заняв прежнее положение, продолжал свои музыкальные упражнения.

Лосиха, обнаружив медведя, всхрапнула, предупреждая теленка об опасности, и быстро скрылась вместе с ним в чаще.

Я же направился в другую сторону, очень довольный, что стал свидетелем редкого зрелища.

Через несколько дней я снова оказался в этих местах и сквозь шум ветра услышал знакомую музыку. На этот раз звук был ровный, не затухающий и звучал без перерывов. Я осторожно пробрался на свой прежний наблюдательный пункт, но медведя не увидел. Оказалось, что пластинки расщепленного дерева дребезжали и гудели от ветра.

Но вскоре я опять встретился с медведем-музыкантом, на сей раз при совершенно других обстоятельствах.

Как я уже упоминал, весна в этом году быстро промелькнула. Наступило раннее сухое и жаркое лето. Только на рассвете у самого горизонта появлялись редкие облака. А как только выглядывало солнце, они быстро убегали за горизонт. Солнце пекло беспощадно. Легкий ветерок только утром и вечером торопливо пробегал по вершинам деревьев, чуть заметно шевеля листьями и даже не сдувая с них пыли.

Сухое лето — очень тревожная и напряженная пора для лесных работников. Малейшая неосторожность в обращении с огнем — незатушенный окурок, горящая спичка — может привести к большой беде. Поэтому за лесом днем и ночью велось наблюдение. Дежурные пожарники и лесники держали постоянную связь с кордонами. Все находились в постоянной готовности по первому сигналу включиться в борьбу с огнем. В такое тревожное время потеря связи с каким-либо участком — это ЧП, а умышленное нарушение связи равнозначно диверсии.

И вот как-то на рассвете прервалась связь с кордоном, расположенным в двадцати пяти километрах от центральной усадьбы. Дежурный вызвал машину и поднял по тревоге патрульный наряд. Через несколько минут наряд уже выехал на проверку телефонной линии, которая шла вдоль дороги. Километр за километром проезжали мы, миновали уже больше половины пути, а никаких повреждений не обнаружили. Все столбы стояли крепко, провода везде были правильно натянуты с допустимым провесом, изоляторы были на месте.

Но вот на двадцатом километре мы заметили, что провод с одного конца столба упал на землю. Может быть, изолятор на столбе был слабо закреплен и какая-нибудь крупная птица, например глухарь, ударилась о провод и сбросила его вместе с изолятором.

Исправив повреждение, мы двинулись дальше, но долго ехать не пришлось, метров через двести мы увидели, что изоляторы сорваны уже на многих столбах, а на последнем оборван и провод. Стало ясно, что в аварии виновата не птица.

А кто же?

В нашу задачу входило не только устранить аварию, но и установить ее причину. Ведь без этого нет гарантии, что повреждение не повторится. Но найти виновника было не так-то просто. Пришлось превратиться в следопытов. После долгих поисков возле столба с оборванной проволокой, на небольшой песчаной куртинке обнаружили свежие, четко отпечатавшиеся следы медведя. Но это еще ни о чем не говорило, зверь мог случайно оказаться в этом месте.

Мы с лесником решили попытаться выявить виновника аварии и остались здесь дежурить. Вот вдали замер шум нашей машины. Медленно оседало облако поднятой густой пыли. Между редкими,

освеженными недавней ночной прохладой цветами порхали разноцветные бабочки. Деловитые муравьи без устали тащили в свой дом крохи разного мусора. Со всех сторон раздавался разноголосый стрекот кузнечиков и кобылок. Изредка по лесу разносился истеричный, хохочущий крик зеленого дятла. Несколько раз над дорогой бесшумно и стремительно пролетал ястреб тетеревятник, высматривая зазевавшуюся птичку, белку или другую поживу. Много, очень много интересного можно увидеть в лесу в летний день, нужно только уметь смотреть.

Но вот солнце ушло на запад. Не успело оно скрыться за горизонт и еще золотило вершины деревьев, а внизу уже разлились густые тени.

Стемнело.

Умолкли дневные песни и музыка, после трудового дня отдыхают их исполнители. Но природа не знает покоя, начали пробуждаться ночные обитатели леса.

Вблизи едва слышно нежное стрекотание зеленого кузнечика. Трещат и скрипят на своих инструментах разные жуки. Негромко начинает квакать жаба, выползая из сырой прохладной норы, она как бы пробует свой голос после продолжительного молчания в жаркий день.

Где-то ухает филин, наводя страх на зайцев, неслышно прыгающих на полянках. Мяукает сова, вылетев из темного дупла на охоту за мышами и полевками.

А сколько ночных животных безмолвно выходит на кормежку!

Мы с лесником затаились в укромном месте и пристально наблюдали за дорогой и телефонной линией.

Ночью на дороге появился только один заяц. Он бесшумно выскочил на опушку, посидел, шевеля ушами, ловя звуки с разных сторон и озираясь вокруг. Не обнаружив никакой опасности, он так же бесшумно перебежал дорогу и скрылся в лесу.

Быстро миновала короткая ночь. И вот зарянка с верхушки высокой ели громкой звенящей трелью возвестила начало нового дня.

За ней кукушка стала торопливо отсчитывать кому-то годы долгой жизни.

Мы уже стали подумывать о том, что напрасно дежурили ночь, но вдруг лесник дернул меня за рукав, призывая к молчанию.

Напротив нашей засады закачались верхушки молодой поросли, и вслед за тем у дороги показался медведь. Я узнал своего знакомца музыканта. Теперь при свете разгорающегося дня я смог рассмотреть его гораздо лучше, чем тогда в чаще леса, в надвигающихся сумерках.

Зверь был далеко не красавцем. Линька страшно обезобразила его. Шерсть местами вылезла, образуя плешины, местами свалялась и висела клочьями. Она была светло-рыжая, но на отдельных участках совсем выцвела и стала белесой.

Опустив голову к земле, медведь медленно побрел вдоль опушки, вероятно, в поисках пищи. Вскоре он наткнулся на небольшой муравейник. Зверь присел, разгреб его и положил туда обе передние лапы. Через две-три минуты он поднес их ко рту и по очереди начал облизывать. Встревоженные муравьи, защищая свой дом, конечно, облепили его лапы, а он только того и ждал и теперь лакомился насекомыми. Повторив эту операцию четыре раза, медведь побрел дальше.

Дойдя до телефонной линии, медведь приблизился к столбу и остановился, прислушиваясь. Потом поднялся на задние лапы, обнял столб и прижался к нему ухом. Гул телефонных проводов его явно возбуждал. Зверь несколько раз посмотрел вверх, на изоляторы, а потом полез на столб.

Легко и быстро взобравшись на самый верх, он потрогал лапой изолятор, сорвал с крюка и бросил на землю. Гудение прекратилось. Медведь поцарапал столб когтями, прислушался, оглядел столб со всех сторон и слез на землю.

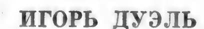
Вероятно, гул проводов напомнил ему жужжание пчел и он захотел полакомиться медом. Зверь, как видно, возобновлял свои напрасные попытки раз за разом, приобретаемый опыт мало о чем говорил ему.

Зная, что медведи очень подвержены внезапному испугу, я решил навсегда отвадить нашего мишку от его вредной привычки. Я поднял ружье и несколько раз выстрелил в воздух. Зверь присел на задние лапы, а потом со всех ног бросился в чащу под наше громкое улюлюканье.

Был ли мой знакомец каким-то редким исключением среди медведей? На этот вопрос я бы ответил отрицательно. Давно замечено, что медведи часто обращают внимание на скрипящие ветки дерева и могут раскачивать их, извлекая громкие звуки и слушая их. Отмечены случаи, когда медведи, обитающие в горах, сбрасывали вниз камни, с любопытством следили за их полетом и внимательно слушали шум падения. За этим занятием медведи проводили по нескольку часов.

ОБ АВТОРЕ

Гриневич Евгений Николаевич. Родился в 1904 году в городе Гадяч Полтавской области. Окончил Днепропетровский сельскохозяйственный институт. Много путешествовал по Советскому Союзу, работал в различных заповедниках страны. Автор пяти научных работ. В нашем сборнике публикуется впервые. В настоящее время работает над книгой «Чукотка в прошлом и настоящем».

ИГОРЬ ДУЭЛЬ

ИЗВЕРЖЕНИЕ ТЯТИ

Очерк

ПРИРОДА НАПОМИНАЕТ...

На Дальнем Востоке, особенно на островах Курильской гряды, видны отпечатки деятельности всех стихий, которые крушат и строят нашу планету: могучих вздохов земных недр, разрушительной работы волн, ветра. Проходишь на рыбацком сейнере в узком проливе между островом Кунашир и маленьким островком Рогачева — каменной скалой в полукилометре от берега, а обрыв над тобой — серый, ноздреватый — весь испещрен вертикальными линиями, следами лавовых потоков. И полукруглые углубления на его ребристой поверхности — следы лопнувших газовых пузырей. Или, бродя по Тихоокеанскому побережью на юге Кунашира, вдруг натыкаешься на ручей, который падает вниз с пятидесятиметровой кручи — рассыпается на струи, на капли, становится похож на распущенные волосы. И нетрудно догадаться, что этот обрыв молод, что раньше берег был здесь значительно ниже, поднялся он сравнительно недавно. И ручей не успел еще промыть себе глубокое русло, пропилить каменную кладку острова.

Но как бы ни бросались в глаза все эти следы, оставленные могучими стихиями, мы привыкли мыслить масштабами человеческой жизни, а не геологических эпох и потому воспринимаем нынешний облик любого уголка Земли как нечто постоянное. Всякие его грандиозные перестройки мы мысленно отодвигаем в далекое прошлое, в миллионолетия, спрессованные нашим сознанием в один период, который называется «давно». И трудно бывает почувствовать, зримо представить, что прошлое и настоящее едино, что современный облик нашей планеты — итог не только прежних, но и продолжающихся геологических перестроек, что, наконец, привычные глазу пейзажи — это лишь мгновение в бес-

конечном противоборстве стихий. Один кадр из многосерийного фильма, который называется историей Земли.

И время от времени природа напоминает об этом, перекраивая ландшафт, демонстрируя свою силу, могущество.

Одним из таких напоминаний и было извержение вулкана Тяти в июле 1973 года. Оно было далеко не самым крупным и особых сенсаций не принесло. Столб пепла над Тятей поднимался «всего» на восемь километров. За 14 дней Тятя выкинул в атмосферу около 200 миллионов кубометров пепла, засыпал два острова — Кунашир и соседний Шикотан, а также прибрежные воды, в окружности примерно 100 километров. Во время извержения на расстоянии в километр и более перемещались каменные глыбы объемом до кубического метра. Вулканические бомбы взлетали на высоту в несколько сот метров. На карте острова появилось четыре новых географических объекта: два маара (воронки на склоне вулкана) глубиной в 50—80 и диаметром около 200 метров и два новых кратера. Высота одного 150 метров, другого — в десять раз меньше.

Таковы некоторые цифры двухнедельной активной деятельности Тяти. Стоит добавить еще одну: в зону, так или иначе затронутую извержением, попала большая часть Южно-Курильского района, где находилось около 15 тысяч человек.

Бесстрастная «Лоция Охотского моря» описывает внешность Тяти четко и емко: «Вулкан Тятя высотой в 1822 метра находится в 5,3 мили на *WNW* от мыса Крупноярова; отроги вулкана занимают всю северо-восточную часть острова Кунашир. Вулкан представляет собой усеченный конус, на вершине которого стоит второй конус меньших размеров и почти правильных очертаний. Склоны нижнего конуса покрыты растительностью, а верхний конус, совершенно лишенный растительности, состоит из обрывистых утесов и осыпей разрушившейся лавы и вулканического пепла темного цвета. Вулкан Тятя хорошо виден со всех направлений... Обычно при южных ветрах видна северная сторона вулкана, при северных — южная, при западных ветрах виден весь вулкан, а при восточных он совершенно не виден».

Мне приходилось подолгу жить на Курилах и много раз наблюдать Тятю с разных сторон, при разных ветрах, исключая, конечно, восточный, когда весь север острова затягивает низкими облаками и вулкан утопает в их ватной толще. Случалось и пролетать над вершиной вулкана и разглядывать сверху кольцеобразную впадину-кальдеру — между внутренними стенками широкого старого кратера и новым, узким и стройным конусом, поднимающимся в его центре.

Тятя величествен, царит над всей округой. Линии его склонов ровны и плавны, как контуры пагоды, и кажется, будто Тятя построен блистательным архитектором, точно вычислившим углы подъема, срез большого кратера. Меньший кратер он разместил в полном соответствии с замыслом, словно островерхий купол пагоды, заставляющий взгляд подниматься к небесам.

Если смотреть на Тятю с юга, с Южно-Курильского мыса, он резко выделяется среди хаоса ломаных линий ближних гор своей высотой, своей правильной формой. А с Шикотана Тятя еще прекрасней. Малокурильская бухта створом своим развернута на север Кунашира, от которого Шикотан отделен проливом шириной в сорок миль. От океана бухта отделена двумя мысами с нешироким проходом между ними. И в ясную погоду Тятя возникает за проливом, прямо над воротами бухты, будто только что вырос из моря.

Курильчане давно воспринимали Тятю лишь как красивую гору. О том, что Тятя — вулкан, вспоминали, пожалуй, только специалисты. Последнее его извержение произошло в 1812 году. А затем 161 год Тятя не подавал никаких особых признаков своей активности. Заговорил он неожиданно. Полагают, что его извержение связано с несколькими сильными землетрясениями в Курило-Камчатской впадине, достигавшими 5—7 баллов. Подвижка земной коры могла значительно активизировать магматический очаг под Тятей. В июле 1973 года мне предстояло побывать на Дальнем Востоке с киногруппой, которая снимала фильм о приморском рыбацком колхозе. За несколько дней до вылета из сообщений ТАСС мы узнали, что Тятя заговорил. Хотелось сразу же броситься туда — на Курилы. Но кинопроизводство имеет свои законы. Мы целых три недели провели в Приморье. А когда вышли наконец из Владивостока, извержение кончилось. Об этом еще на теплоходе нам рассказала вулканолог Галина Степановна Шутова. Она привозила во Владивосток пробы пепла и теперь возвращалась обратно на Кунашир.

Ее сообщение директор нашей картины встретил раздраженно:

— Нам нужен действующий вулкан! — сказал он так, будто упрекал Галину Степановну в серьезном упущении по службе.

— Может, еще и будут выбросы...— словно оправдываясь, ответила Шутова.

Выбросов больше не было. Но мне хотелось узнать, как можно больше о тех 14 днях, когда бушевал Тятя. Я расспрашивал многих людей. Их рассказы сложились в довольно последовательную хронику событий.

В ТУЧЕ ПЕПЛА

Каждый год в июле в воды, окружающие Шикотан, перебираются из океана косяки сайры. Небольшой остров становится центром сайровой путины. К его причалам подходят сейнеры Приморья, Хабаровского края, Сахалина и, конечно, свои, курильские. Рыбозаводы начинают работать на полную мощность. Многочисленные бараки заселяют девушки из студенческих отрядов, сезонницы, набранные по оргнабору.

На несколько месяцев поселки Малокурильск и Крабовое становятся оживленными, многолюдными. А в океане вокруг острова по ночам загораются тысячи огней, кажется, целые города выра-

стают на волнах. Это сейнеры приманивают яркими люстрами сайру.

Путина 1973 года началась несколько позже обычного. 10 июля к Шикотану подошли только первые косяки. Через три дня несколько судов хорошо «заловились» в заливе Спокойном у самого подножия Тяти. И четырнадцатого июля многие рыбаки решили попытать там счастья. Среди них был и Иван Носов, капитан сейнера «Ставрида» из приморского колхоза «Новый мир». Он вышел с Шикотана около четырех часов дня, чтобы к наступлению темноты быть уже в районе промысла. Судно прошло немногим больше часа, когда капитан вдруг увидал гигантскую серую тучу, которая спускалась до самой воды, окутывая все вокруг серой мглой. В ее чреве то и дело вспыхивали короткие молнии.

Капитан Носов спешно сменил курс, но туча двигалась быстро, широким фронтом и вскоре накрыла «Ставриду». Видимость упала до нуля, толстый слой пепла выпал на палубу, надстройки, снасти. Подгоняемый ветром, он проникал даже сквозь задраенные иллюминаторы, набивался в каюты, кубрики, камбуз, трюм. Он попадал в глаза, ноздри, в рот, под одежду, вызывая неприятный зуд. Хотелось пить. Но и это стало непростым делом: только нальешь в кружку воду, ее поверхность тут же покрывалась серым пеплом.

По радиотелефону доносились удивленные голоса капитанов соседних сейнеров, моряки спрашивали друг у друга, откуда взялась необычная туча. Но вскоре голоса смолкли. Металлические частицы пепла вывели из строя рации, сбивали с толку компасы и локаторы.

Носов положил «Ставриду» в дрейф. Лишь утром следующего дня, когда облако пепла немного рассеялось, ему удалось вернуться в Малокурильск. Здесь тоже все было засыпано пеплом. Горками лежал он на крышах домов, на траве, на деревьях, на заводских корпусах. На Шикотане уже было известно, откуда он взялся.

ЭВАКУАЦИЯ

В районном центре Южно-Курильске первые вести об извержении Тяти были получены утром 14 июля. Сквозь треск и шум помех прорвался голос радиста одного из северных маяков.

— С Тяти летят грязь и камни,— кричал он.

К полудню из Южно-Курильска уже был виден огромный столб пепла над вулканом. Размеры извержения и его последствия представить было еще невозможно, но не вызывало сомнений, что в трудном положении кроме смотрителей маяка оказались жители двух маленьких поселков — Круглова и Водопадного. Дорог на гористом севере острова нет, и вывезти несколько десятков людей, находившихся в опасной близости от Тяти, можно только по морю.

К Водопадному, что стоит на западной стороне острова, судам удалось подойти сравнительно легко — здесь пепел падал не столь густо. Зато «кругловская операция» растянулась надолго. Пепел не давал добраться до берега. Судам пришлось встать на якоря. Осыпанные пеплом, они несколько часов стояли, ожидая, пока хоть немного улучшится видимость.

В это время жители Круглова, отрезанные от мира, не знали, что к ним уже пришла помощь. Люди с тревогой прислушивались к новым взрывам вулкана. Поселок был засыпан толстым слоем пепла, и слой этот нарастал на глазах. Одна молодая учительница в эти часы писала дневник. Ее дом то и дело вздрагивал от подземных толчков. А она успевала не только успокаивать детей, но и записывать в клеенчатую тетрадь каждый взрыв, толчок, выброс пепла, падение бомб. Это репортаж о самом первом этапе извержения, который вулканологам очень редко удается зафиксировать, увидеть. Потом ученые не знали, как благодарить эту женщину за ценнейшие свидетельства.

Когда порывы ветра немного ослабли, к Круглову вышли несколько шлюпок, спущенных со спасательных судов. Двигались буквально на ощупь. Так же приставали к берегу, отыскивали во мгле дома. Всех жителей переправили на суда и доставили в райцентр.

Смотрители маяка отказались покинуть свой пост — к этому времени уже было ясно, что маяк хоть и стоит близко к Тяте, находится вне зоны активного выпадения пепла.

К ОЧАГУ ВЗРЫВОВ

За несколько дней до начала извержения на Кунашир прибыла группа вулканологов Сахалинского комплексного научно-исследовательского института. Ее возглавлял профессор Евгений Константинович Мархинин. Вулканологи собирались пробыть на острове недолго. Целью их экспедиции был вулкан Алаид на северных Курилах, который действовал в предыдущем году. Тятя, естественно, заставил ученых изменить свои планы. Необходимо было срочно попасть в район заговорившего вулкана.

Но большинство судов занималось эвакуацией людей, и подходящего корабля, способного пуститься в опасное плавание сквозь пепловую тучу, в Южно-Курильске не оказалось. На счастье вулканологов, в это время в бухту зашло небольшое судно «Геофизик», на котором проводились работы по исследованию шельфа Курил. Экспедицией руководила Екатерина Александровна Радкевич, директор Геологического института Дальневосточного научного центра. Специалист по рудным ископаемым, она давно мечтала заняться курильским шельфом. Но исследования все время откладывались из-за того, что институт не имел своих кораблей. С большим трудом удалось арендовать «Геофизик», да и то всего на месяц. Потому каждый день был на счету. Но Радке-

вич понимала, что в создавшейся ситуации для науки чрезвычайно важны исследования вулканологов, и, не раздумывая, предоставила судно в их распоряжение.

Вечером 14 июля «Геофизик» с экспедицией Мархинина на борту вышел из Южно-Курильской бухты.

Вулканологи надеялись высадиться неподалеку от Круглова, откуда начинается тропа к кратеру вулкана. Но «Геофизик» попал в густое облако пепла и не мог подойти к берегу. Решили обогнуть остров с севера и высадиться у Водопадного — на западной стороне.

Экспедиция расположилась в поселке, только что оставленном жителями. Во всех домах лежал слой пепла. Им были засыпаны кровати, стулья, детские коляски, игрушки. По берегу бухты Водопадная и в тайге валялось множество погибших птиц. Видимо, вспугнутые взрывами, они поднялись в воздух и задохнулись в туче вулканического пепла и газов. Из Водопадного был хорошо виден огромный столб пепла, поднимавшийся над Тятей. Массы пепла клубились, перемешивались. Их форма и цвет менялись, они были то серыми, то сизо-голубыми, то белыми, то густо-черными. В тучах постоянно вспыхивали короткие молнии. Над вихрями смерчей поднимались огненные шапки. Можно было предположить, что действует не главный кратер Тяти, а какой-то боковой, только что появившийся на склоне.

Это необходимо было уточнить. Мархинин с научным сотрудником Валерием Граником начали собираться в маршрут к самому очагу взрывов, до которого было около 10 километров. Ученые вышли в полдень, захватив с собой дневной запас продуктов. Контрольный срок их возвращения наметили на 8 часов вечера. Но вулканологи не вернулись ни к ночи, ни к утру следующего дня. В лагере экспедиции стали готовить спасательную партию. Екатерина Александровна Радкевич в это время находилась на берегу вместе с вулканологами — «Геофизик» стоял на якоре, готовый в любую минуту снять экспедицию, если появится лавовый поток или полетят в сторону поселка бомбы. С борта судна Радкевич дала в райцентр тревожную радиограмму об исчезновении ученых.

Мархинин и Граник пришли в лагерь днем. Одежда на них была изорвана в клочья, лица черны. Оба не в силах были даже говорить. Мархинин произнес только одну фразу: «Дорога оказалась трудной»,— затем, не раздеваясь, лег на спальный мешок и сразу заснул.

Через несколько дней Евгений Константинович рассказывал корреспонденту Южно-Курильской газеты «На рубеже» С. Рязанову об этом походе: «Мы взяли противогазы и пошли к кратеру. Лес был покрыт слоем пепла, его толщина местами достигала 35 сантиметров. Под тяжестью пепла многие деревья упали... Выше путь нам преградили почти непроходимые заросли ольхи и кедра. Когда до кратера было уже близко, мы остановились:

дальше шла полоса кедрача, преодолевать ее было опасно. В любой момент ветер мог измениться и тогда клубы пепла настигли бы нас, застрявших в зарослях. Мы переночевали тут же на вулкане, у костра. Говорят, что у кратера жара, но мы закоченели от холода: одеты были легко. Утром двинулись в обратный путь...»

Так закончился первый маршрут экспедиции Мархинина. Потом их было десятки. Вулканологи квадрат за квадратом исследовали северный склон Тяти, брали пробы выбросов. Каждый день им приходилось пробираться через завалы деревьев, с обломанными острыми сучьями, которые нещадно рвали одежду, ранили тело.

С уцелевших веток на вулканологов падали спрессованные ломти пепла. Не раз попадали ученые в районы «обстрела» вулканическими бомбами.

Постепенно картина извержения становилась все более ясной. Удалось установить, что Тятя пробил две воронки на северном склоне — в полукилометре от подножия. Через них хлынули пепел и газы, вырвались вулканические бомбы. Пепел представлял собой сильно измельченные частицы базальта, андезита — словом, лавовых образований, а бомбы — куски лавы, выброшенные из кратера и застывшие в воздухе. К воронкам из глубины многократно подходила магма. Вот-вот могла вылиться лава.

16 июля матросы с научного судна «Отважный», сменившего «Геофизика», сообщили, что при подходе к острову видели дым и взрывы на западном склоне Тяти, в нескольких километрах южнее базы экспедиции. Вулканологи проверили это сообщение и обнаружили еще два кратера, поменьше северных. Они проявляли себя не столь активно.

Вскоре вулканологи узнали, что они не одни обосновались возле Тяти. Поблизости оказалась бригада рыбаков из колхоза «Родина». В начале июля они установили в бухте Водопадной ставной невод — сложное сооружение, в котором только одна центральная сеть имеет длину в несколько сот метров. Невод крепится ко дну якорями, мешками с камнем, а на поверхности воды его углы соединяют деревянными колодами, которые почему-то называются мальчиками. Такой невод устанавливают на два, а то и три месяца. И вот, только рыбаки закончили установку, только начали брать уловы, как взорвался Тятя. Когда вулкан начал сыпать пеплом, рыбаки сели на свои надежные шестивесельные кунгасы и отошли подальше в море. Из-за этого их не обнаружили спасательные суда. Лежа в дрейфе в пяти милях от берега, рыбаки постоянно следили за Тятей. А когда они разглядели, что над их неводом пепловых туч нет, вернулись обратно. Ведь по старому рыбацкому поверью, как объяснил вулканологам колхозный бригадир Василий Пичугин, оставлять рыбу в неводе, особенно красную, никак нельзя.

Присутствие вулканологов окончательно успокоило рыбаков: «Раз наука рядом — порядок. На крайний случай вместе будем сниматься». Вулканологи пытались уговорить Пичугина уйти или

хотя бы перенести свой лагерь в другое место. Но бригада решила, что перебираться нет смысла.

— Будем за нашими дырками наблюдать повнимательнее, по ночам дежурного ставить,— объяснил Василий.— Если что случится, — в кунгасы прыгнуть недолго. А пока нет лавы, надо план выполнять.

Потом вулканологи много раз радовались, что у них неожиданно оказались соседи. Маршруты проходили вдоль берега, и рыбаки никогда не отказывали подвезти ученых на кунгасе за шесть, восемь, а то и десять километров.

Так постепенно обживались люди на крошечном пятачке берега у подножия работающего вулкана.

ПУТИНА

Шикотан засыпа́ло пеплом семь дней. После появления тучи рыбозаводы остановились. Вулканическая пыль могла попасть в консервы. Заводские инженеры долго обсуждали, можно ли работать в столь необычных условиях. И решили—можно. На фильтры принудительной вентиляции поставили дополнительные решетки. Дважды и трижды стали очищать воду. После пробного запуска линий убедились, что пыли в консервах нет. Заводы готовы были снова принимать рыбу. Но ее не было.

Извержение Тяти поставило под угрозу всю сайровую путину. Пепел, который постоянно выбрасывал вулкан, толстым слоем ложился на поверхность моря и погружался в воду. При этом некоторые химические его компоненты вступали в реакцию с морской водой, изменяя ее химический состав.

Прибывшие сюда специалисты из Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографы не смогли в короткий срок ответить на вопрос, оказывает ли изменение химического состава поверхностных вод непосредственное влияние на сайру или пепел губит планктон, лишая тем самым рыбу корма. Но так или иначе, а сайра в традиционные районы промысла не пошла. Несколько ночей подряд почти все суда рыболовных флотилий возвращались к берегу пустыми.

Между тем никак нельзя было допустить, чтобы остановились заводы Шикотана. Первый секретарь Южно-Курильского райкома партии Александр Сергеевич Выставной рассказывает, что в те дни сайровая путина стала главной заботой районного руководства. Все думали только об одном: нельзя допустить остановку рыбокомбинатов. Выставной связался с Сахалинрыбпромом и договорился, что на Шикотан будет срочно подброшена свежемороженая сайра. На этом сырье заводы могли продержаться несколько дней. Но больше рассчитывать на помощь со стороны не приходилось. Необходимо было организовать промысел.

По просьбе райкома партии главк Дальрыба прислал на Шикотан нового начальника штаба Объединенной сайровой экспеди-

ции — Николая Васильевича Анкудинова. Прежний начальник был вовсе не плохим работником, но в чрезвычайных условиях нужен был более опытный и волевой человек.

Руководить промыслом — это не заводом командовать, где самому можно пройтись по цехам, указать на неполадки, заставить что нужно исправить или переделать. Успех путины, естественно, решается в море, но за всеми сейнерами сразу не уследишь. А настроение у многих капитанов было явно не самое боевое.

Капитаны сейнеров поняли, что, хотя сайры мало, ловить ее надо. Рыба все-таки есть. Да и куда могла деться сайра? Ведь не сообщили же дальним косякам по радио, что здесь «пылит» Тятя. Косяки все равно движутся в свой излюбленный район. Если они обходят засыпанную пеплом часть акватории, значит, находятся где-то в соседних районах.

А Тятя между тем продолжал «пылить». Большинство сезонников относилось к извержению спокойно; пусть сыплет, лишь бы рыба была, лишь бы заработки. Студенты посвятили Тяте не одну стенную газету. Кто-то из них высказал «гипотезу», что Тятя обязательно насыплет новый остров.

И все же были и среди приезжих, и среди местных люди, которые поддались панике. Поползли слухи, что остров скоро совсем засыплет пеплом, что вслед за Тятей начнет извергаться вулкан Менделеева, а он совсем близко от Южно-Курильска — на другой стороне бухты.

В районной газете было поэтому опубликовано интервью с профессором Е. К. Мархининым.

— У нас нет оснований ожидать в ближайшее время извержения вулкана Менделеева,— сказал ученый.— То же касается и подводных вулканов. А Тятя небезопасен лишь для тех, кто находится в его окрестностях, в радиусе 10—15 километров. Даже в случае появления лавы ничто жителям Южно-Курильского района не угрожает, хотя могут возникнуть лесные пожары.

— А пепел? — спросил корреспондент.— Тятя выбрасывает огромное его количество. Не опасно ли это?

— Нет,— ответил профессор — никаких вредных веществ он не содержит... Хотя он и неприятен, но в то же время полезен; в вулканическом пепле содержатся растворимые в воде соли, которые могут сыграть роль удобрения. После извержения вулканов Камчатки окрестные поля давали высокий урожай.

... 28 июля Тятя выстрелил в последний раз... 29 и 30 под кратерами на северо-восточном склоне еще клубился пар. Но вулканологи считали, что скорее всего это были уже не выбросы. Сильный дождь, хлынувший в те дни на севере острова, падал на еще раскаленную поверхность вулкана, и над Тятей поднимались столбы пара.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Вулканологи ушли с Тяти через месяц после того, как вулкан кончил работать,— когда уже стало ясно, что извержение не повторится. Сейчас огромный материал, собранный ими, анализируется и изучается.

Но вулкан еще не раз посещали экспедиции ученых других специальностей. В одну из групп, побывавших на Тяте в середине сентября, входили сотрудники Дальневосточной петрографической партии геологического факультета МГУ. Вернувшись в Москву, один из участников этого похода, Анатолий Васильевич Гущин, рассказывал мне о том, как выглядит Тятя после извержения. Гущин говорил в той манере, которая сейчас весьма распространена среди молодых ученых. Он старался быть безукоризненно точным и сдержанным. И все же эмоции прорывались сквозь этот спокойный тон.

— Самое поразительное,— сказал Гущин,— это масштаб деятельности Тяти. За две недели создан совершенно новый ландшафт! Пепел и сейчас еще лежит на деревьях в 70 километрах от вулкана. Дождям не всюду удалось его смыть. В иных местах он от соприкосновения с водой затвердел, образовал корку. В шести километрах от места извержения, на западной стороне, слой пепла достигает полуметра. Заросли травянистого бамбука почти полностью погребены под ним, лишь кое-где торчат самые верхушки. Слой пепла настолько плотен, что, когда идешь по нему, ноги почти не проваливаются. Ближе к месту выброса слой пепла превышает метр. Дальше мы шли в тех местах, где на карте обозначен пихтовый лес. Из-под пепла виднелись лишь самые вершины деревьев, потом и их не стало видно. Начался конус. На его склонах много мелких трещин, из которых поднимались газы, водяной пар. Недра его настолько горячи, что невозможно сидеть на земле, даже подложив телогрейку. Мы воткнули в пепел ручку геологического молотка. Через несколько минут дерево обуглилось. С другой стороны конуса лес избит вулканическими бомбами. Они вонзились в стволы деревьев, посбивали кору. Пепел засыпал все ручьи в северо-восточной части острова, и вода сейчас пробивает новые дороги. Кое-где она подняла пепел снизу, образовав над потоками мосты. В других местах, где у ручьев не хватает силы, чтобы размыть продукты извержения, вода скапливается в небольшие озерца.

Екатерина Александровна Радкевич говорила, что первые анализы пепла Тяти показывают: этот вулкан интересен и для специалистов, занимающихся рудными ископаемыми. В тонких фракциях обнаружено олово, медь, цинк. В темном пепле много частичек железа. Они обладают магнитными свойствами.

— Вот он,— сказала Радкевич и поставила на стол небольшую коробочку с черным порошком.

Мы разговаривали с Екатериной Александровной в Москве, куда она приехала на несколько дней по институтским делам. Она взяла иголку и сунула ее в порошок. Черные частички густым слоем облепили блестящую поверхность иглы.

Радкевич считает, что поскольку часть содержащегося в пепле вещества, выброшенного Тятей, поднималась из глубин в несколько десятков километров, то, возможно, его детальное изучение принесет новые данные в пользу гипотезы мантийного происхождения металлов. Во всяком случае кое-что новое о верхней мантии — глубинном слое планеты, лежащем ниже земной коры,— пепел обязательно должен рассказать.

Когда я уже собирался уходить, к Екатерине Александровне пришла ее старинная приятельница. И Радкевич сказала ей будничным тоном, каким обычно сообщают семейные новости:

— Знаешь, Муся, одну из воронок на Тяте назвали моим именем — маар Радкевич.

Да, новым созданиям Тяти вулканологи уже присвоили имена. Второй маар на северном склоне назван в честь одного из старейших в стране исследователей вулканов — профессора Владимира Ивановича Влодавца. Большой конус на юго-западном склоне получил имя «Отважный» в знак признательности судну, помогавшему в работе вулканологам. Меньший — «Пограничник».

Но если научные итоги извержения Тяти еще только подводятся, то «человеческие итоги» этого события уже вполне очевидны. Несмотря на масштабы стихийного бедствия, район жил нормальной, полнокровной жизнью. И, может быть, самое главное: сами участники событий, о которых шла речь, не представляют, что можно было вести себя по-другому.

Капитан Иван Носов говорил мне:

— Ну почему бы я мог струхнуть? Это же не первое извержение вулкана на моей памяти. А когда что-нибудь происходит часто, к этому привыкаешь.

Капитан самоходной баржи Василий Семенович Карасев решительно рубил воздух короткими руками:

— Никакой Тятя меня с Кунашира не сгонит. Я сюда когда пришел? Первого сентября тысяча девятьсот сорок пятого года. Последних самурайских солдат отсюда выкуривал. Теперь это моя земля. Без малого тридцать лет здесь прожил. Такая уж наша судьба — жить рядом с вулканами.

... Природа Дальнего Востока сурова. Следы деятельности всех стихий зримо проступают в ее облике. И люди, которые сумели обжиться здесь, выстоять вопреки всем ударам судьбы, сродни природе края. Это люди, выросшие в Приморье, Хабаровском крае, на охотоморских берегах, на Камчатке, Сахалине, Курилах,— дальневосточники.

Очень удачно написал о них секретарь Приморского крайкома КПСС Александр Никитович Гульченко: «Реально существует,

как мне представляется, несколько особый, дальневосточный характер, сформированный условиями жизни, труда. Какие профессии наиболее распространены на Дальнем Востоке?.. Рыбаки, моряки, лесорубы, горняки, геологи, охотники, ученые-естествоиспытатели. Люди, постоянно, часто один на один, имеющие дело с самой природой, стихией. А это вырабатывает в человеке определенные качества: физическую выносливость, готовность в любой момент прийти к товарищу на помощь, общительность... Людей у нас всегда не хватает. Поэтому каждый на счету, от каждого прямо зависит многое, требуется способность действовать самостоятельно, идти первым. Отсюда развитое чувство собственного достоинства, осознание собственной значимости, презрение к нытикам».

Извержение Тяти еще раз испытало на крепость дальневосточный характер. И он снова доказал свою надежность.

ОБ АВТОРЕ

Дуэль Игорь Ильич. Родился в 1937 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Член Союза журналистов СССР. Много путешествовал по нашей стране. Автор четырех очерковых книг и свыше 50 рассказов, очерков, статей, опубликованных в центральной периодической печати. Работает старшим редактором в журнале «Новый мир». В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над документальной повестью об академике О. Ю. Шмидте.

ГЕРМАН ЧИЖЕВСКИЙ

ПРЫГАЙТЕ, ФРИМЕЛЛ,— МЫ НЕ ЗАДЕРЖИВАЕМ ВАС!

Рассказ

В выцветшей голубизне полыхало солнце, клонясь к закату. Крупные, жирные мухи, отсвечивая бронзой, нагло ползали по тарелкам с остатками фруктового салата. Широкая крытая веранда, опирающаяся на столбы на высоте человеческого роста, обегала вокруг прямоугольника бунгало. Флаг миссии безжизненно свисал ярким лоскутом на ржавом флагштоке со следами алюминиевой краски.

— Хорошо, Фримелл, хорошо, но согласитесь, кто-то должен это сделать,— говорил хрипловатым басом немолодой мужчина с кустистыми бровями, потной пятерней аккуратно приглаживая белокурые пряди. Его полноватую фигуру свободно облегала армейского покроя блуза песочного цвета.

— Может быть. Я не настаиваю на буквальном понимании моих слов,— поторопился согласиться сотрудник миссии, худощавый тщедушный человек с уклончивым, но цепким взглядом. В продолжение большей части разговора лицо его не покидала кислая гримаса, словно он морщился от вида немытой посуды.— Но почему в это деликатное дело вовлекают именно нас? — вполголоса возразил он.— Мы только миссия. Мы можем в случае необходимости, дорогой Гочкис, помочь советом...

— Конечно, можете. Не сомневаюсь. Но дело таково, что одних советов мало. Вы располагаете истрепанной картой, где племя мух внесло, как мы с вами убедились, существенные коррективы в топографию. Тем временем термиты или другая шестиногая дрянь изъяли самые ценные места. Такая карта не пособие даже для туземной школы. Этот Букеридж из Управления и слушать меня не захотел. «Национальное достояние». Национальный эгоизм, говорю я!

— Потише, Гочкис, пожалуйста, потише...

Голова Гочкиса склонилась над столом. Шепотом он доверительно сказал:

— Теперь они вынюхивают, где я.

— И где же вы? — так же тихо спросил собеседник.

— Признаюсь вам, Фримелл, на Азорских островах.

— Неблизко... И вы уверены, что и они так думают?

— Не совсем. Билет на самолет заказан до Найроби. И в кресло сел человек с моей фамилией. Он сделает пересадку на...

— Простите, как вы добирались сюда?

— Чтобы скорей спровадить из Управления, меня любезно подвезли до города на лендровере.

— Так, так. Такая любезность им не свойственна. Несомненно, Букеридж весьма желал скорее от вас избавиться,— вполголоса проговорил Фримелл.— Это верный знак, что в Управлении опасаются ваших непредвиденных акций. Опыт у них по этой части есть. Двое суток гнать машину так далеко... В оба конца — это двое суток... Излишняя роскошь. Денег на содержание заповедника Лоатомвао отпускают немного.

Гочкис молча попыхивал сигарой.

— А дальше, из города?

— Попутным транспортом, миль двадцать пешком, чтобы внешность не примелькалась. И везде щелкал затвором, как завзятый корреспондент. Вы находите, что я вел себя неосмотрительно?

— Нет, отчего же,— уклончиво сказал Фримелл. Он помолчал.— Вы непременно хотите привлечь меня?

— Другого выбора нет.

Столбик пепла Гочкис небрежно стряхнул за перила веранды, прямо на курчавую голову слуги Фримелла. Но африканец не выдал своего присутствия, продолжал вслушиваться в разговор.

— Риск велик,— проговорил Фримелл.— Антилоп вида Рамсесус, или, по-местному, дюго — на всей территории лишь несколько штук. Они эндемики, под охраной особого закона.

— Нам известно, Фримелл.

— И вас это не остановило?

— Ну, дорогой мой, конечно, нет. Чем их меньше, тем они более в цене. За яйцо бескрылой гагарки ныне можно получить не один миллион. Но где его взять?..

— Да, взять его неоткуда. Разве что сделать,— Фримелл беззвучно хохотнул и, заслышав шаги слуги, быстро взглянул на Гочкиса: — Кирим принес нам десерт. Мистер Смит, пожалуйста, угощайтесь. Сколько места отвела вам под очерк «Гардиан»?

— Мы договорились о трех корреспонденциях,— сказал Гочкис, посматривая на африканца.— Первая в две тысячи слов, другие — по полторы.

— Это много. Тут выйдет большой рассказ. И конечно, серия ваших снимков?

— Ваш портрет, мистер Фримелл, я дам покрупнее. — Рука Гочкиса уже щупала кнопки футляра фотоаппарата.

Когда Кирим ушел, мистер Смит еще долго смотрел ему вслед.

— Мы были неосторожны,— сказал он,— громко разговаривали о вашем дюго. Вы понимаете, он был где-то поблизости...

Слова Гочкиса насторожили Фримелла.

— Все ли вы взвесили? — снова заговорил он, косясь по сторонам, потом привстал и заглянул за перила веранды.— Если за обычное, так сказать, «стандартное» браконьерство полагается лишь денежный штраф, то за интересующий вас «объект» — тюремное заключение на длительный срок. Сохранить этих животных для служащих Управления — дело национального престижа.

— Наивные люди. Если животных единицы — пусть для кого-то и сверхдрагоценные,— они все равно обречены на вымирание. А пока поработают браконьеры. Разве не так?

— Извините, но мне в самом деле неприятна эта мысль. Не то чтобы я был идеалистом, не подумайте, но они, действительно, редкостные и совсем неизученные животные. Сократить их и без того мизерное количество...

— Я понимаю вас, Фримелл,— проговорил Гочкис, пряча глаза.— Но ничего уже нельзя изменить.

— Почему? — с неожиданной горячностью воскликнул Фримелл и с беспокойством заглянул за перила.

— Слишком уж в этом заинтересован мой шеф, и ведь это в сущности даже не браконьерство, помилуй бог! Животные будут в частном зоопарке. Может случиться, что мы невольно окажем услугу человечеству в их сохранении. Или даже размножим...

— Как?.. Я не ослышался, так вам нужна пара?..

— Непременно пара. Надеемся получить приплод. Может статься, что грядущие поколения...

— Оставьте, Гочкис. Не вам говорить о грядущих поколениях. Останется ли у этих поколений хоть что-нибудь от настоящей природы кроме бацилл и воробьев? А вы хотите обречь на явную гибель два редкостных по нынешним временам создания... Нет, простите меня, но я не могу помочь вам... Все это мне крайне неприятно.

Гочкис весь подобрался, словно для прыжка.

— Очень жаль, Фримелл. Я уже сказал, что разделяю ваши чувства. Но шеф уперся, а платит он наличными. Прощупав все возможности, он рассчитывает только на вас. Нехорошо получится, если вы подведете.

Гочкис напряженно следил за лицом собеседника.

— И что же вы надумали? — устало, полузакрыв глаза, проговорил Фримелл.— Сколько вас?

— Вместе с вами — пять человек. Я руковожу группой.

— Отъявленные головорезы?

— Мы сработаемся,— убежденно, почти весело объявил Гочкис.— Зато шеф сделает все, чтобы вы достойно трудились на ниве просвещения в богом забытом захолустье...

— Ну, не совсем забытом. Эти люди нуждаются в просвещении. Как явствует из их газет, они у себя дома хотят умело делать то, что они наметили. И чтобы им не мешали. Разве это не похвально? Ведь и мы утверждаем для себя то же самое. Почему же отказывать им в трезвости суждений? Еще выпьете?

Губа Гочкиса иронически дернулась.

— Достаточно, Фримелл. Покончим с нашим делом.

Тот беззвучно вздохнул и тоскливо уставился на побелевшие суставы сжатых пальцев.

— Вы так и не посвятили меня еще в план вашей операции. Какую роль отвели вы мне?

Приподнявшись в камышовом кресле, Гочкис окинул взглядом тропу, ведущую к веранде. Наклонившись затем над столом, он произнес едва слышно:

— Запомните, я не встречался с Гочкисом. Еще раз повторяю: моя фамилия Смит. Мне кажется, ваши люди наделены избыточным любопытством.

— Вы что-нибудь заметили?—брови Фримелла взлетели вверх.

— Почти. Не подавайте виду, что у нас конфиденциальная беседа. Вы знаток здешних мест и в «лицо» знаете животных, которые нам нужны. Значит, вы наш проводник и, так сказать, следопыт. Нас вполне устроит, если сотрудники Управления и, по возможности, аборигены не услышат шума моторов.

Глядя на зловещие фигуры стервятников на гофрированной железной крыше приземистого сарая в сотне ярдов от бунгало, Фримелл меланхолично кивнул. Птицы всегда устраивались с раннего утра на этой крыше, словно злобные горбатые старухи в грязных изодранных одеждах. По временам они, как автоматы, поводили лысыми головами на длинных тонких шеях, точно высматривая что-то и замышляя недоброе.

— В саквояже портативный передатчик,— продолжал гость.— Мы выберем на территории заповедника глухое место — временную базу — и еще одно на всякий случай. В этой глуши и будет вся наша техника.

Фримелл машинально кивнул.

— На операцию бросим лендровер на супербаллонах низкого давления и вертолет. Он примет машину и добычу.

— Вертолет?! — Фримелл привстал.

— Вертолет, мистер Фримелл,— любуясь произведенным эффектом, спокойно повторил Гочкис.

— Это меняет дело.

— Меняет, и существенно, дорогой сэр.

— Но шум мотора? — не сдавался Фримелл.

— Перебросим машину ночью на большой высоте. А в глухом районе, напротив, будем держаться поближе к земле. Тогда звук затеряется в зарослях. Итак, вы с нами,— напористо заключил Гочкис, перегнувшись через стол и опустив руку на плечо сотрудника миссии.

— Очевидно, придется,— без энтузиазма промолвил Фримелл и снова, задумчиво сощурившись, уставился на разморенных жарой, притихших птиц. Много раз наблюдал он, как они взлетают. Еще более ссутулившись, ревматически припадая то на одну, то на другую ногу, свесив голову, они делали несколько поспешных неуклюжих скачков с волочащимися по крыше крыльями, все более приседая. Скачки завершались тяжелым, медлительным, но сильным броском в воздух. От резких взмахов огромных крыльев их вначале швыряло то вверх, то вниз. Но взмахи делались реже, а скорость возрастала, и полет выравнивался. Они уходили ввысь зловещими кругами. В движениях птиц перед взлетом ему чудилась отталкивающая карикатура на низменную природу людей, которых он лично знал. Он видел стервятников не первый год, но никак не мог привыкнуть к ним и внутренне содрогался.

— Подсаживайтесь, коллега, поработаем над картой,— оживившись, с чувством заговорил Гочкис.— Стало быть, ваша миссия в этом пункте...

С тяжелым сердцем Фримелл подвинул кресло. Худой рукой осторожно разгладил край истрепанной, пожелтевшей карты. Одна мысль смутно встревожила его.

— Где сейчас вертолет?

— На внешней территории. В пустынном, укромном месте, к юго-западу от...

Они взяли карту и перешли в кабинет.

Прежде чем запереть дверь, глава частной британской миссии по содействию развитию народного образования и одновременно преподаватель в школе для взрослых постоял с минуту в холле, прислушиваясь. Монотонно гудели мухи, в отдалении слышался разговор Кирима с кухарками. Голоса то повышались в тоне, то понижались. Он посмотрел на запертую дверь в противоположной стороне холла. Она вела в комнату мистера Маклиша из Ливерпуля, врача с солидным практическим стажем в тропиках. Маклиш одно время принимал пациентов в кабинете. Но позже счел более удобным наведываться в редко разбросанные поселения лично. Там же он обычно и пользовал пациентов и возвращался в своем лендровере в миссию поздно. Иногда он рассказывал Фримеллу о забавных, а нередко и полудраматических случаях во время вечерних блужданий на машине, особенно в периоды дождей. Фримелл подозревал, что врач тайно коллекционирует местные предметы искусства, скупая их за бесценок... Доктор им не помешает. Сегодня, как и всегда, Маклиш вернется в миссию не ранее одиннадцати вечера.

Взвесив все это, Фримелл отступил в кабинет, из которого уже тянуло ароматным сигарным дымком, и повернул ключ в двери... Маклиш, вопреки обыкновению, вернулся в этот день рано и в приподнятом настроении: на заднем сидении его машины, прикрытый плащом, лежал длинный, завернутый в бумагу сверток. Сверток не был тяжел, но пронести его в свою комнату, выходившую, как

и кабинет, в общий холл, Маклишу хотелось незаметно. А Фримелл имел обыкновение появляться как-то не вовремя, словно намеренно пытался смутить врача и увидеть лишнее.

Маклиш занес к себе большой старый медицинский саквояж. Ему показалось, что за дверью кабинета он слышит приглушенные голоса. Тут он увидел слугу.

— Что, Кирим, мистера Фримелла нет дома? — спросил Маклиш.

— Мистер Фримелл в кабинете, сэр. У него сегодня гость.

— Должно быть, высокое начальство, раз он заперся?

Едва заметная ухмылка пробежала по лицу африканца:

— Мистер Гочкис ... простите, доктор, я хотел сказать, мистер Смит, сэр. Он корреспондент.

— Так кто же из двоих: Смит или Гочкис, Кирим?

Лицо Кирима отразило смятение. Он открыл рот, чтобы ответить, но Маклиш нетерпеливо прервал его:

— Сделай, пожалуйста, Кирим, для меня два бутерброда с яйцами и ветчиной.

А через час Маклиш увидел, что Фримелл вышел из кабинета отдать какое-то распоряжение на кухню. Врач передал ему разговор с Киримом. Фримелл держался невозмутимо, но сквозь загар на лице проступила бледность.

— Да, приехал журналист,— неопределенно пробормотал он и, сославшись на занятость, поспешно удалился. В его кабинете разразился тихий скандал.

— Все кончено, мистер... Смит,— выразительным шепотом забормотал он.— Вы раскрыты... мое участие, вы сами понимаете... Компрометировать себя... Я отказываюсь и советую вам немедленно уехать.

Гочкис нервно вскочил с кресла. Столбик сигарного пепла рассыпался по желтой бумаге карты. Несколько мгновений он задумчиво изучал Фримелла.

— Поздно, Фримелл. Если сорвете дело, шеф вам этого не простит. Начнем немедленно. Расстроим их планы. Опередим их.

В Управлении заповедника Лоатомвао удивительное сообщение о появлении Гочкиса в миссии поступило в полночь. Его принесла кухарка миссии. Темнокожая женщина, проникшись сознанием крайней важности того, что поведал ей Кирим, в сопровождении сына-подростка преодолела без малого двадцать миль по тропам, бегущим от деревни к деревне, по холмам и низинам, через опасные даже днем густые перелески и дикие чащобы вдоль речушек.

Букериджа разбудили уже в постели, и он долго не мог поверить в разоблачение Фримелла. После долгих расспросов он составил более определенное представление о случившемся и вынужден был признать, что приметы Смита и Гочкиса удивительным образом

совпадают. Букеридж поспешно оделся, его первым побуждением было немедленно выехать в миссию. Но в конце концов он решил отложить выяснение странных обстоятельств на утро.

Тревожные мысли долго не давали уснуть. Букеридж забылся лишь перед рассветом. Он многое сделал для заповедника, и это далось ему нелегко. Постоянные заботы отнимали много сил, а частые инспекционные поездки под палящим солнцем и в сезоны дождей были в его возрасте и при сердечных недомоганиях более чем изнурительными. Поэтому сотрудники Управления дорожили немногими часами его сна. Букеридж проснулся лишь в восемь, с тяжелой головой, но в девять уже готов был выехать. И тут из окна Управления он увидел всадника на взмыленной лошади. Букеридж узнал Кирима.

Новое сообщение лишь усилило озабоченность. Если вначале он не мог допустить мысли, что доктор Фримелл замешан в готовящемся преступлении, то его торопливое, воровское бегство из миссии вместе с Гочкисом не оставило места сомнениям. Они сбежали, полагая, что им удалось усыпить бдительность прислуги. Они ушли пешком, прихватив с собой чемоданы и какие-то тяжелые свертки. Что они собирались предпринять?

Фримелл — по натуре естествоиспытатель, и ему ли не знать, при его наблюдательности, где следует искать «объект», как именовали несчастных четвероногих эти двое, беседуя на веранде! Гочкис — лошадка темная и вполне может пойти на хорошо оплаченную кражу. Неразборчивый в средствах представитель какой-то британской фирмы... Но с личностью доктора Фримелла все это как-то не вяжется. Однако почему не допустить, что Гочкис мог его чем-то запугать, шантажировать? Придется допустить. Ах, Фримелл, Фримелл! И он оказался пешкой в грязной игре бизнеса.

Букеридж заговорил на местном наречии, обращаясь к егерю-африканцу:

— Послушайте, Макебу, все мы знаем, что нужно Гочкису. Но ведь это подлое воровство. Даже местные браконьеры считают святотатством поднять руку на этих животных. Негодяев ожидает тюремное заключение. Они не могут не знать об этом.

Внезапно бурный всплеск энергии выбросил Букериджа из кресла. Он заходил по комнате. Егерь давно не видел начальника таким взволнованным.

— Верный мой Макебу, старина, я возлагаю это трудное дело на тебя. Необходимо предупредить преступление. Это спасет и людей, замысливших его, хотя один бог знает, что это за люди! Они не травят втихомолку слонов, чтобы унести их бивни. Они замахнулись на самое священное и дорогое, что еще осталось в нашей стране от варварских времен колонизации. Но эти негодяи все-таки люди. А людей, Макебу, надо стараться спасти. Может быть, урок, преподанный им, пойдет на пользу? Что скажешь, Макебу?

— Не знаю, мистер Букериджк. Вы добрый человек. Но прежде надо спасти животных. Вы не можете знать, сто́ят ли эти люди ваших забот.

— Ты хорошо сказал, мой старый друг. Но давай крайние меры отложим на крайний случай.

— Да, мистер Букеридж.

— Тогда не будем терять времени. Вот карта. Вот два района, где обитают животные. Соберите всех, кого найдете, разбейте на мелкие группы и прочешите оба района. Придется организовать облаву. Надо выследить браконьеров. Найди их, Макебу, любыми средствами помешай им, доставь сюда!

Макебу ушел, а Букеридж полностью утратил покой. Он обстоятельно обсудил ситуацию в соседней комнате с тремя попугаями и с трехмесячным щенком пятнистой гиены. Потом долго наблюдал в окно, как трогательный маленький слоненок Кой-кой безуспешно старается полакомиться остатками лимонного сиропа в бутыли. В комнате своего заместителя Букеридж навестил захворавшую макаку. И неожиданно для себя, на исходе второго часа томительного ожидания вестей, распорядился заправить бензобаки автомашины и выехал к «театру военных действий». А в том, что они откроются, он ни минуты не сомневался.

Если челюсти неплотно сжаты, зубы начинают выбивать лихорадочную дробь. Трясясь всем корпусом, «Наррагансет» еще несколько мгновений неистово ревет. Небрежным кивком Сопьют дает знать, что понял указания Фримелла. Решительный бросок вертолета вниз.

Сопьют резко убавил обороты двух роторов на одном валу, и четыреста лошадиных сил, исступленно рвавшиеся из цилиндров двигателя и бешено вращавшие над ними полосы гибкой стали, почти затихли, усмиренные движением небольшого рычага.

Сопьют все так же глядел вниз, он словно прирос к креслу, и его сильные большие руки с размеренностью автомата, едва касаясь тумблеров и рычажков, на ощупь смещали их в нужную сторону и на нужное число делений.

Фримелл, пристегнутый к креслу ремнями, беспокойно ерзал, вертел головой, стараясь разглядеть местность. Но он подолгу смотрел и на непроницаемое лицо пилота. Этот наемник в своем деле ас, размышлял Фримелл, и у него попросту нет нервов. Нервы есть у меня. Но ему такая «роскошь» не нужна. Ему, разумеется, одинаково безразлично, в каких небесах водить машину. В сущности ничего о нем не известно, но какая-то его особенная виртуозность в обращении с машиной и эта холодная непроницаемость, и способность, подчиняясь, оставаться господином положения — все это говорит о том, что он достаточно повидал на своем веку. Не удивительно, если он один из тех, что «умиротворял» патриотов Вьетнама и Камбоджи... Или занимался контрабан-

дой наркотиков из Гонконга и Сингапура. Везде хладнокровие, несложный трезвый расчет, и всюду мистер Сопьют «исполнительный парень». Специалист хорошей выучки и повсюду ценимый, но забывший,— должно быть, за ненадобностью,— откуда он. В привычках и взглядах — космополит, меняющий подданства, как его бортмеханик Трэверс меняет изношенные детали. И вот теперь он участвует в наглом ограблении уединенного тропического заповедника.

— Мистер Гочкис, вы или ваши люди знакомы с обликом дюго по снимкам или рисункам? — напрягая голос неожиданно спросил Фримелл.

— Понятия никто не имеет,— прокричал в ответ Гочкис.— Полагаемся на вас.

То, что простиралось внизу, минуту назад выглядело огромными пушистыми кочками пятнистого мха. С каждой секундой

разрастаясь, они неслись навстречу, превращаясь в кроны деревьев. Духота и бензиновые испарения в кабине вертолета действовали на Фримелла одурманивающе.

Зависнув над поляной, вертолет погасил скорость и приземлился. Седые космы жесткой серебристой травы легли светлыми кругами и побежали, трепеща и приникая к земле, полосами и волнами.

Сопьют снял руки с рычагов и отбросил на затылок шлем. Дверца люка откинулась, впустив в брюхо машины слабый порыв теплого, остро пахнущего травами ветра, вытесняя бензиновую вонь.

Фримелл отстегнул ремни и, поднявшись с кресла, спрыгнул прямо в пышный травяной ковер. Травы поднимались суховатой грубой щетиной, лишенной свежести и сочности луговин старых английских парков. Трава под ногами выглядела седоватой, будто присыпанной алюминиевой пудрой. Она вцеплялась в толстую шерсть носков. Справа и слева зелеными уступами поднималась лесная чаща. В знойной белесой вышине висели грифы.

Гочкис и Сопьют слушали растворенные в полуденной тишине лесные шорохи. Рядом серебристое тело огромной стрекозы дышало жаром. Сопьют деловито откинул ветровой козырек. Фримелл осматривался, боясь признаться себе, что он боится.

Гочкис обменялся несколькими словами с пилотом. Тот кивнул, внимательно огляделся, влез в кабину, откинул нижнюю наклонную дверь грузового люка. Бортмеханик Трэверс скрылся в нем, снял тросы крепления и отдал тормоза лендровера. Машина беззвучно выкатилась в траву. Механик закурил сигарету.

— По местам, ребятки,— скомандовал Гочкис и с картой в планшете подошел к Фримеллу.

— Проверьте оружие,—с широкой, радушной улыбкой потребовал Гочкис и сунул ему в руку тяжелый вороненый кольт. Как-то неловко Фримелл принял его обеими руками. Кроме скорострельных пистолетов-пулеметов каждому дали и охотничьи ружья. Патроны к ним, розданные Гочкисом, были странными, но этого Фримелл не заметил.

Они погрузили оружие, продовольствие и связки сыромятных ремней в машину. Низко нависшая крыша лендровера теперь мешала Фримеллу видеть парящих грифов, но зато стали заметнее те, что расселись на краю поляны на сухих, выбеленных солнцем сучьях.

Когда лендровер скрылся в подлеске, проламывая себе путь в кустарнике, мягко прыгая по корням и подминая под себя тонкие деревца, Сопьют, оставшийся у вертолета, снял с ременной петли у пилотского кресла плоский тяжелый автомат. Потом, спрыгнув в траву, долго и пристально осматривал подлесок. Его ноги утопали в траве до колен.

Он поднял ногу и задумчиво тронул носком грубого солдатского башмака седую волокнистую растительную прядь. И по контрасту

с этими сухими стеблями Сопьют вдруг вспомнил сырые сочные травы по берегам Меконга. Воспоминания увели его ко временам, мысли о которых он настойчиво гнал от себя. Он вздохнул и вынул из кармана затрепанную книжицу Агаты Кристи. Сопьют погрузился в мир детектива, но его слух привычно настроился на звуки, возвещавшие опасность. Часа два спустя что-то в просвете нижних ветвей ближайшего дерева подозрительно сместилось, и миг спустя туда уже смотрел глазок вороненого ствола. Но это была лишь зеленая мартышка, и Сопьют невесело подумал, что ему стала изменять сноровка: не та реакция, совсем не та. Он сердито махнул рукой, и мартышка скрылась. И в этот момент из глубины леса донесся звук, который насторожил пилота. Он замер и с беспокойством обернулся к безмятежно дремавшей на солнце гигантской стрекозе.

Шум мотора приближался. Сопьют сунул в карман детектив, поднялся на ноги и, щурясь от яркого солнца и дыма сигареты, неторопливо пошел к вертолету. Остановившись в нескольких футах от распахнутой дверцы, он стал наблюдать за скрытым в тени подлеском. Правая рука сжимала автомат.

В реве мотора, хрусте и скрежете ветвей на поляну вынырнул лендровер. Пилот опустил оружие и шагнул было навстречу, но из машины почти на ходу выпрыгнул незнакомый человек и бросился к Сопьюту.

На поиски редкостного животного уходят годы, а при неблагоприятном стечении обстоятельств можно искать и всю жизнь. К откровенной досаде Гочкиса, они могли ехать лишь на малой скорости, сдержанно урча мотором, чтобы по возможности меньше распугивать животных. Точных границ расселения интересовавших их «объектов», конечно, не существовало. В мирке лендровера долго безуспешно спорили, что лучше: идти ли пешком в стороне от машины или, экономя силы, ехать в ней? И если ехать, то сколько времени? Неожиданно доктор Фримелл заявил, что они едва ли не в самом центре нужного им района, и предложил всем выйти.

Справа у подножия ближайшего холма, ощерившегося остриями скал, лежали в хаотическом нагромождении слоистые и ноздреватые каменные плиты. Среди них группами возвышались огромные серо-бурые мшистые валуны. Здесь было царство ветра, скудной сухой, но высокой травы и колючего кустарника.

Выйдя из машины, они не сделали и сотни шагов, как наткнулись на львиное семейство за трапезой. Глава семейства, сидя по-собачьи, с достоинством уписывал нечто аппетитное. Фримеллу бросились в глаза торчавшее ребро и застывшая в воздухе задняя нога крупной антилопы. Члены прайда лежали рядом и терпеливо ожидали своей очереди. Первой людей заметила львица, и желтизна ее глаз очень не понравилась Фримеллу. С деликатностью джентльменов, по ошибке открывших дверь чужого буду-

ара, пятясь задом с допустимым для своего достоинства ускорением, люди ретировались, потом бросились к машине и отъехали подальше. Затем у высохшего песчаного русла оживленно обсуждали, как лучше миновать одинокого ворчливого старого слона. Когда и с этой ситуацией они справились, перспектива поимки каких-то «папай-дюго» уже не казалась им трудновыполнимой.

И вот тогда они услышали крик. Так кричит человек, чтобы привлечь внимание других. Фримелл испуганно вскрикнул, повернулся и побежал к машине. Мысль о том, что его поймают и он будет опозорен, показалась ему в эту секунду нестерпимой. Гочкис и механик Трэверс бросились за ним. Рощица дум-пальм на минуту скрыла от них лендровер. Вдруг он показался с другой стороны, повернул к ним и остановился, а Симанаут из кабины дал очередь. Грохнули два, потом три выстрела из тяжелых ружей все еще невидимого противника. Фримелл, задыхаясь от бега, вскочил в машину, а Гочкис и остальные двое попытались занять круговую оборону.

Фримелл лежал на полу лендровера и смотрел на передатчик Гочкиса в кожаном футляре. Снова раздались выстрелы. Симанаут прыгнул в кабину, выжал газ, и машина, тряско раскачиваясь на камнях, развернулась. Гочкис и Трэверс бежали сзади, прикрывая огнем отступление. Стреляли они, как и объездчики, для острастки, не целясь. О Фримелле забыли. Он быстро поднялся и, улучив момент, схватил передатчик и с силой бросил его на пол. Затем опять ничком растянулся на полу. Он и сам не знал, почему он разбил рацию. Наверное, просто приступ отчаяния. Так, попавшись в капкан, зверь яростно грызет железо. Машину тряхнуло еще раз, и Симанаут остановил ее. Подоспели Гочкис и Трэверс.

Фримелл с сокрушенным видом осматривал разбитую рацию.

— Проклятие!— выругался Гочкис.— Мы ее не закрепили!— С Сопьютом больше связи нет.— Потом обратился к Трэверсу:— Где они? Сколько их?

— Я заметил двоих.

— Их было больше,— сказал Симанаут.

— Надо сделать вид, что мы испуганы и уходим. Кажется, у Сопьюта была запасная рация?

— Да, сэр,— отозвался Трэверс,— тяжелая и громоздкая.

Машину мотало, трясло и подбрасывало на камнях.

— Сколько они могут выставить людей против нас, мистер Фримелл?

— Егерей совсем немного. Но им известны места, которые мы должны будем осмотреть. Там они и надеются нас застать.

— Вот что, дружок,— обратился Гочкис к водителю,— гони машину к вертолету. Без связи с Сопьютом нам отсюда не выбраться.

...Но в том месте, где они оставили вертолет, ни его, ни Сопьюта не оказалось.

— Допустим, его могли спугнуть,— предположил Гочкис,— что из этого следует? Мы застанем его на втором условленном месте. Поезжайте туда. Я подожду его здесь на случай, если он вернется. Фримелл знает дорогу.

Доктор Маклиш прослышал, что в двух десятках миль к югу от миссии, в безлюдной местности на опушке девственного леса, скрыт полузабытый культовый алтарь. Выведать больше Маклишу не удалось, но интерес к местным ритуальным сокровищам с каждым днем усиливался. Доктор решил самостоятельно найти алтарь.

И вот, после довольно длительных поисков в хаосе ветвей проступило нечто большое, сверкавшее алюминием. Что же это такое? Маклиш выжал газ и стремительно выехал на поляну. Солнечный свет после сумрака чащи почти ослепил его, он выскочил из машины и увидел вертолет. Почти в то же мгновение люк захлопнулся и сверкавшая на солнце стрекоза взревела, взбила траву, как сепаратор пену, и унеслась ввысь. Маклиш стоял, пораженный донельзя, и смотрел в чистое небо из-под козырька ладони. Потом закурил и принялся обшаривать опушку. Когда он садился в пылавший жаром лендровер, вдруг сообразил, что загадочное исчезновение вертолета — просто-напросто весьма поспешное бегство. Кто-то испугался его, Маклиша. Почему, с какой стати? Через час его остановил вынырнувший будто из-под земли человек в форме егеря. Тут же появились и другие люди с оружием наготове. Доктор поведал им историю с вертолетом. Объездчики сразу потребовали, чтобы он немедленно доставил их к месту взлета, и сослались на какой-то приказ Букериджа. Сгорая от любопытства, Маклиш повернул обратно. Но дорогу к поляне он не запомнил, а следы протекторов не везде хорошо отпечатались. Однако, проблуждав некоторое время, он все же доставил группу немилосердно дымивших и ругавшихся на местном наречии объездчиков в нужное место. Его роль в этой таинственной истории начинала казаться ему забавной.

На опушке леса они увидели плотного человека, который зашагал по высокой траве навстречу. Но вдруг он словно споткнулся, подскочил и, согнувшись, метнулся назад, в сумрак подлеска. Из машины высыпали объездчики и, яростно крича, устремились за ним. Похоже было, что незнакомца надеялись поймать, и Маклиш уловил в общей неразберихе несколько восклицаний: «Гочкис», «Стой!» и «Бросай оружие!»...

Маклиш стоял растерявшись, не зная, на что решиться. Рядом просвистела одна и потом вторая пуля, а из леса слышались глухие частые выстрелы. Глаза Маклиша округлились, он поспешно присел в траву.

Гочкис поздно осознал свою ошибку, выдав свое присутствие. Но воли к борьбе не утратил. «Уйду!» — сжав зубы, твердил он,

оборачиваясь и посылая очередной заряд в преследователей. Гочкис перемахнул через полусгнивший ствол, пригнулся на одно краткое мгновение и выстрелил. Шмыгнул в чащу, лавируя между препятствиями. По нему били из тяжелых охотничьих ружей. Одна из пуль срикошетировала о древесный ствол, и он почувствовал, как что-то толкнуло в шею. Но пуля только разорвала мышцы, пройдя навылет. Во рту он не ощутил вкуса крови, и это ободрило его. Умирать в джунглях, пусть даже заповедных, Гочкис не собирался. Прижав левой рукой носовой платок к ране, он из последних сил устремился дальше.

Выстрелы стихли. Теперь он ломился сквозь чащу один. Он передохнул и перевязал рану. Повязка быстро пропиталась кровью. Вокруг стояла тишина. Он спросил себя, что делать дальше. Карту он отдал Фримеллу, куда идти—не знал, и мало-помалу пришел к мысли, что, по-видимому, выбыл из игры. Найти

своих, вероятно, не удастся. Что сталось с вертолетом — тоже неизвестно. Как мог он спутать лендроверы! Ведь эта чертова машина шла не на сверхбаллонах! Но что теперь толку упрекать себя? Он поднялся и прошел еще с милю звериными тропами наугад и почувствовал первые признаки озноба.

Гочкис тащился, жуя плитку шоколада для поддержания сил, нетвердо ступая, спотыкаясь. Блуза и шорты липли к коже, проступила испарина. Он привалился к влажному темно-зеленому стволу и обхватил его одной рукой. Странно все же, сонно думал он, какие-то розовые шишечки, должно быть, плоды, разбросаны прямо по стволу... Кажется, это называют каулифлорией, вроде плодов какао... Он чувствовал, как свинцовая усталость наливает ноги, а жар от лица и шеи охватывает все тело. Рану жгло как огнем. Навалившись на гладкий ствол, он медленно начал сползать вниз и уткнулся лицом в мягкую подушку сырого мха.

Группа Фримелла на лендровере выехала по новому маршруту около тринадцати часов пополудни, придерживаясь юго-восточного направления. Сначала путь лежал вдоль опушки роскошного векового леса, затем они углубились в бледно-зеленую парковую саванну. Вначале они сдержанно обсуждали возможные причины исчезновения Сопьюта с вертолетом, но вскоре, преисполнившись надежд встретить его в новом месте, смолкли. Теперь их осталось трое, машину вел Трэверс, рядом пристроился Фримелл. Они внимательно наблюдали за местностью. Рощицы зонтичных акаций и одиночные деревья перемежались с дум-пальмами, изящные, тонкие стволы которых несли по два-три султана листьев. Встречались высокие делеб-пальмы со вздутием посередине ствола.

От сухой нагретой («натопленной», как говорил Симанаут) саванны тянуло свежим навозом. От обилия копытных рябило в глазах. Ленивые, раскормленные мухи тучами вились над пыльной травой.

Часа через два, переезжая неглубокую глинистую заводь, машина увязла в скользкой жиже. Лендровер буксовал. Трэверс и Симанаут суетились вокруг машины. Поднявшись на берег и оглядев окрестности в бинокль, Фримелл потребовал от спутников замолчать и заглушить мотор. По его словам, он увидел у соседней заводи тех, кого они с нетерпением искали. Животных было как раз пара: самец и самка! Трэверс и Симанаут онемели от волнения. Схватив ружья, они начали красться к животным.

Это были некрупные с загнутыми рогами антилопы, и никто не сказал бы, что они красавцы. Трэверс и Симанаут проявили прекрасную выучку скрытного подхода к «объектам», и Фримеллу пришлось остаться у машины, чтобы им не мешать. Спрятавшись в кустарнике, он наблюдал в бинокль, как животные поочередно пили, погрузившись в воду по самое брюхо. Красноватая шерсть лоснилась; играя, они временами высоко выпрыгивали из воды.

МАРИЯ ВАХРОМЕЕВА

В ЗАОБЛАЧНОМ КРАЮ

Фотоочерк

Высоко в горах, за перевалами Центрального Кавказа лежит Верхняя Сванети. «Кто в Сванети не бывал,— сказал грузинский поэт Реваз Маргиани,— тот не знает, наверное, как ты беседуешь с небом, звезды теплые держишь в руках».

Еще каких-нибудь 40 лет назад сваны не знали колеса — на крутых горных склонах колесо плохой помощник, а дороги в этот район Кавказа не было. Пробирались туда по головоломной тропе, вьющейся вдоль бешеной Ингури, или через Латпарский перевал из долины реки Цхенисцкали. Нынче в Местии — районном центре Верхней Сванети — на площади и улицах асфальт, бегают «Волги» и «газики», проходят грузовые машины.

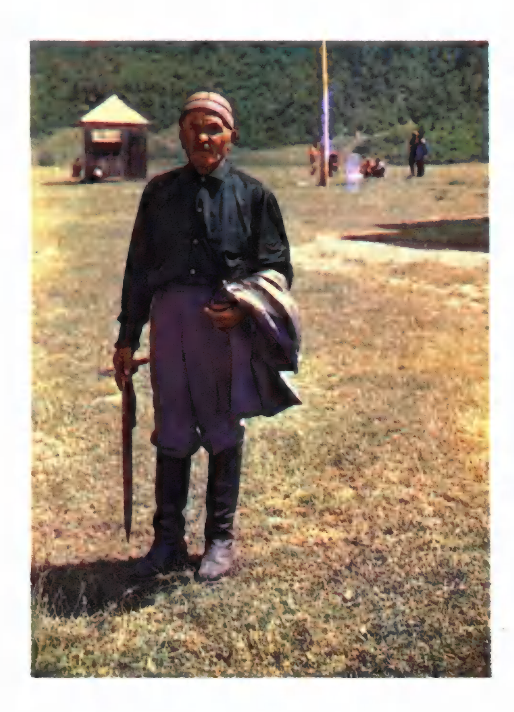
В низовьях Ингури, там, где она из горных теснин вырывается на равнину, строится мощная гидроэлектростанция. Жизнь в этом заоблачном крае меняется и обновляется. Задумчиво стоят в селениях каменные боевые башни — памятники средневековой архитектуры, орлиными гнездами лепятся на склонах сванские дома, но рядом с ними уже уходят на перевалы мачты высоковольтных линий. Там, где раньше вилась вьючная тропа, проложены новые дороги. Неизменны только горные пики, закованные в панцири ледников, одетые вечными снегами.

Ушба, Шхара, Тетнульд, Лайла вознесли свои гордые вершины над долинами и селениями Сванети. Эти названия заставляют учащенно биться сердца прославленных альпинистов, молодые спортсмены мечтают о покорении труднодоступных вершин, ими неизменно восхищаются многочисленные туристы.

Край красивейших гор и долин, бешеных рек, край охотников, земледельцев, скотоводов, трудолюбивых и бесстрашных, край средневековых башен и церквушек, в которых сохранились бесценные фрески работы мастеров X — XIII веков,— такова Верхняя Сванети, которая когда-то носила название Вольной, потому что не могли ее покорить ни князья, ни царские чиновники.

Нынче это один из районов Грузинской ССР, который живет такой же, как и вся Советская страна, кипучей созидательной жизнью. Из Сухуми или из Кутаиси в Местию можно за час долететь на маленьком самолете: в наш век расстояния сильно сокращаются. И все-таки у Сванети свой ритм жизни, неповторимый облик — высокогорье. На высоте в 2000 метров над уровнем моря мир воспринимается иначе, нежели на берегу теплого моря. Когда рядом горы, взметнувшие вершины за 5000 метров, можно слушать тишину и веришь поэту, что звезды рядом, их можно подержать на ладони.

Фотографии, помещенные здесь, дадут некоторое представление о современной жизни этого горного края.

Алмацкир Квициани — в прошлом известный альпинист. Сейчас ему уже за семьдесят, но он продолжает водить группы туристов через перевалы Большого Кавказа

Местиа — районный центр Верхней Сванети

Ушба кутает свои грозные «рога» в облачную пелену ▶

Район Ушгули. Развалины средневекового замка. Вид на долину Ингури ▶

◄

Альпинистский лагерь «Айлама» раскинул свои палатки у подножия одноименной горы

Ушгули — одно из самых высокогорных селений Верхней Сванети

Строят новую дорогу...

Речка Мульхра, один из притоков Ингури

►

Владимир Бодрин

«МНОГОЛИКАЯ ЮГОСЛАВИЯ»
Фотоочерк (см. текст на стр. 324—326)

Горный пейзаж в Словенских Альпах — мекке югославских альпинистов

Один из тихих уголков города Котор в Черногории. Старинная башня с часами

Черногорцы в национальной одежде. В гористой Черногории жители одеваются в праздники с особой элегантностью

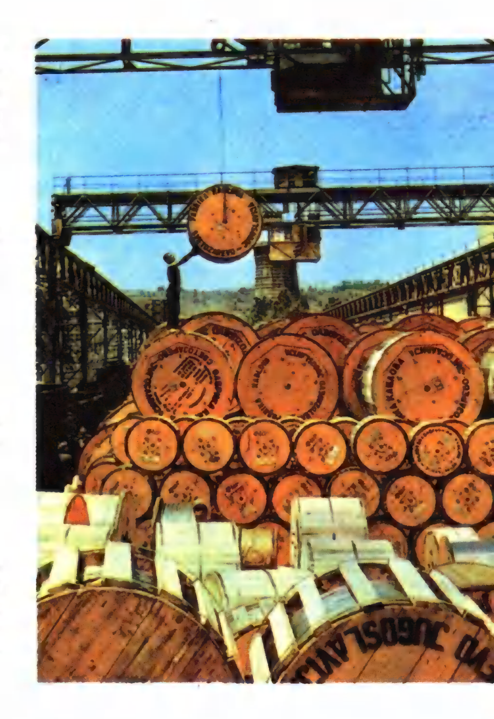
Сталактитовая пещера в Ресаве, одно из многочисленных проявлений югославского классического карста

Хорватские женщины из села Шестина в окрестностях Загреба на Международном фольклорном фестивале в Загребе в 1969 году ▶

Старая крепость Калемегдан и памятник «Победителю» (скульптор И. Мештрович) при впадении Савы в Дунай, в Белграде ▶

◄ Город Дубровник живописно раскинулся на приморских холмах. Бывшая «Славянская Венеция» — ныне крупный центр югославского и международного туризма

◄ Городские дома Омиша горы совсем притиснули к набережной

Готовая к отправке продукция фабрики кабеля в Светозарево (Сербия). Произведено из сербской меди и свинца!

Среди старых низких домов, окружающих площадь имени Димитрия Туцовича в Белграде, гордо возвышается многоэтажный параллелепипед современной гостиницы «Славия»

Завод транспортного машиностроения имени Джуры Джаковича в городе Славонски-Брод в Хорватии. Серийное производство дизельных электролокомотивов

Начало нового моста «Газела» через Саву в Белграде пересекает железнодорожные пути Белградского вокзала и является одним из участков автомагистрали «Братство — Единство», пересекающей всю Югославию с северо-запада на юго-восток

Известные виноградные плантации в Тиквеше (Македония); тиквешские вина идут и на экспорт ▶

Бульвар Науки. Новый административный, культурный и учебный центр Загреба, создающийся на широком пространстве между р. Савой и главной железнодорожной станцией города ▶

25 мая, в «День молодости», празднуемый по всей Югославии, ученики средних школ Белграда соревнуются в искусстве рисунка на асфальте перед зданием Союзной Народной Скупщины на Бульваре Революции ▶

Курорт Свети-Стефан («Св. Стефан») занял старинный приморский поселок на берегу Адриатического моря ▶

Вид на Которскую бухту в районе Пераста. Море вторглось в долины между гор, образовав своеобразный «фьорд» ▶

К очерку
Веры Ветлиной

«ЛЮБИМЕЦ ГЁТЕ»

«Цветку Гёте» необходимо много солнца

Через минуту одновременно прогремели два выстрела. Операция прошла удачно, и Фримелл облегченно вздохнул. Вместо пуль ружья стреляли шприцами. Фримелл с удовлетворением отметил, что животным была введена двойная доза усыпляющего препарата — миорелаксанта.

Это был неожиданный, ошеломляющий успех. Все повеселели, и машина шла теперь на предельной скорости, какую допускала слегка всхолмленная кустарниковая равнина. В кузове, подпрыгивая на матрацах, перевязанные эластичными сыромятными ремнями, лежали два расслабленных тела в глубоком сне.

Казалось, фортуна наконец повернулась к ним лицом. На втором условленном месте встречи они увидели вертолет.

Но их ожидал и сюрприз. Возле вертолета лежал связанный, с кляпом во рту, африканец.

— Это объездчик,— кивнул на него Сопьют,— неожиданно наткнулся на меня. Пришлось обезвредить. Не мог же я и отсюда дать деру. Как бы вы тогда отсюда выбирались?

Сопьют помолчал, оглядел всю группу и спросил:

— А где же Гочкис?

— Он ожидает нас в первом пункте...

— Вы уверены в том?— И Сопьют рассказал, почему он улетел оттуда.

— Ну что же, все равно нам предстоит рейд за Гочкисом,— сказал Трэверс.

— А что же с этим? — пилот кивнул на объездчика.

— Он нам ни к чему, мистер Сопьют. Оставим его здесь.

— Я бы такое решение не одобрил,— пилот холодно смотрел на распростертое тело.— Мы возьмем его с собой заложником.

— Заложником, сэр?

— Вот именно, Трэверс.

— Вы что-нибудь знаете о Гочкисе?

— Ровным счетом ничего. И это плохо. Жаль, что подвела рация, тогда вы не оставили бы его на поляне. Меня на ней засекли, а значит, там засада.

— Словом, влипли,— зло сказал Симанаут и сплюнул.

Фримелл вдруг преисполнился сумасшедшей надеждой, что все обойдется. Но Трэверс сказал:

— Задание выполнено. Фримелл нас не подвел. Что решаем? — и вопросительно уставился в лицо пилота.

— Попробуем,— бесстрастно уронил пилот.— Если Гочкис на месте, в чем я сомневаюсь,— примем его на борт с воздуха.

Быстро завезли в грузовой отсек лендровер. Вертолет взлетел, и вскоре они были уже над местом первой посадки.

Большая вытянутая поляна была пуста. Вертолет сделал круг и снизился до сотни футов. Вдруг в меркнущем свете дня все увидели вспышки выстрелов из кустов. Слышно было, как тяжелые пули грохнули, словно в жестяной таз, в брюхо вертолета. Стекло бокового обзора лопнуло.

И в эту минуту глухо застонал егерь. Он хотел приподняться, и все увидели, что на рукаве его блузы растекается темное пятно. Веревки ослабили, он мог немного двигаться. Симанаут посмотрел на раненого.

— Мы тут ни при чем, парень. Это шарахнули твои дружки: прошили обшивку, как яичную скорлупу.

Пожилой африканец в зеленой форменной блузе и коричневых шортах морщился и оторопело озирался. Пыльным башмаком Симанаут отшвырнул в сторону его ружье. Егерь глядел и вращал белками.

Вертолет, дрожа всем корпусом от бешеной работы роторов, на предельной скорости уходил в сторону моря. Задание было выполнено. Правда, исчез Гочкис, но это в счет не шло.

Где-то там, за неширокой полосой сумрачных лесов, за опутанными лианами перелесками в поймах рек, за салатово-зелеными парковыми саваннами и рощами старинных канделябровых молочаев, их ждал небольшой, неприметный корабль. Пилот закурил и устало задумался. Всегда немного сосет под ложечкой, когда по тебе стреляют. Но в общем все обошлось... А годы мчатся, как сейчас пронеслась его машина над каким-то мутноватым заболоченным озерцом. Какое деловое предложение он получит в следующий раз и от кого? В какой валюте вознаграждение? Доллары, дублоны, фунты, франки, гульдены... Пожалуй, хватит слоняться по свету. Он повидал всяких гнусностей с избытком. Не оттого ли эти приступы меланхолии... Крузейро, кроны, драхмы, рупии...

— Как тебя зовут, парень? — спрашивал тем временем егеря Трэверс после наскоро сделанной перевязки.— Ранение под лопатку. Нужна срочная операция, иначе...

— Макебу из деревни Ка-Гхай.

— И ты можешь сказать, за каким чертом охотился за нами? — спросил он, раздражаясь.

— Оставь его,— возразил Симанаут.— Ему сейчас не до нас.

Он подошел и снял веревочные путы.

Егерь заговорил, с трудом подбирая английские слова:

— Мы охотился за вас, чтобы вы не истребить наши папайдюго. Мы должны брать вас плен. Вы стрелять и мы стрелять. И может, я не вернусь в деревню. Но мы вам хорошо помешай!..

— Очень благородно! — издевательски заметил Трэверс.— Но умираешь ты впустую.

— Ему очень плохо, мистер Трэверс,—внезапно вмешался Фримелл.— Имейте хоть каплю сострадания.

Но Трэверс уже закусил удила.

— Ты подыхаешь впустую, говорю я! — наливаясь желчью, заорал он.— Золотой телец с нами. И целых два! Они поспят себе на здоровье, а проспавшись, будут уже далеко.

С этими словами он шагнул к железной клетке с обмотанными перлоном прутьями. И откинул брезент. Взгляд егеря со странным

выражением метался по лицам белых. На минуту он забыл о слабости и боли.

— Вы никогда не видеть живого папай-дюго. Это только водяной козел...

Глаза егеря закатились. Он забормотал что-то невнятное. Симанаут вскочил и заорал как бешеный.

— Ты сказал, шельмец, что это не папай-дюго?.. Это не дюго?..— снова и снова спрашивал он, встряхивая егеря.

— Водяной козел,— повторил умирающий еле слышно.

— Он бредит! — взвизгнул Фримелл и закашлялся.

— Неплохо разыграно, доктор.—Трэверса била нервная дрожь.

— Я же говорю — он бредит! — снова закричал Фримелл и, вжавшись в сиденье, попытался вытащить револьвер.

— С такими шутками вы плохо кончите, Фримелл,— медленно проговорил Трэверс.

— Этот слизняк обманул нас! — прохрипел Симанаут, точно истина только сейчас дошла до него. Он шагнул к Фримеллу и вырвал из его руки оружие. Мгновение глядел на кольт, потом отшвырнул его.— Босс таких дел не любит.

— Да! — рявкнул Трэверс.— Боссу этот хлам ни к чему. Ах ты, скунс в белом воротничке... Вот я покажу тебе сострадание!

Он кинулся на Фримелла, сгреб его и подмял под себя.

— Не смейте!..— захлебнулся Фримелл собственным криком.

— Что там у вас?! — раздался в динамике голос пилота. Фримелл кричал и отбивался. Трэверс возился у дверцы люка.

— Эй! Прекратите это! — крикнул пилот и прикинул, где ему сесть, чтобы навести порядок.

— Трэверс, вы болван! Закройте люк! — крикнул он вторично, выхватывая пистолет.

Но бортмеханик озверел.

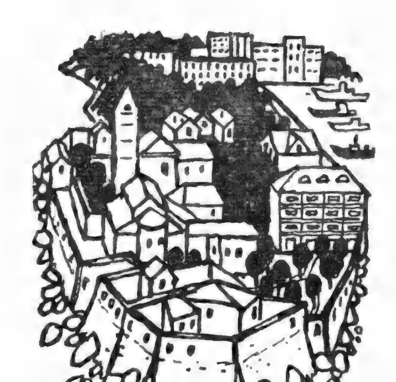
— Ну, что ж вы? Прыгайте, Фримелл,— мы не задерживаем вас! — зарычал он и, оттолкнув Симанаута, пытавшегося помешать расправе, сильным рывком сбросил Фримелла в люк.

Сопьюта передернуло. К таким вещам он никогда не мог привыкнуть. Он наклонился, следя сквозь стекло за падением тела. Грифы, сокращая свои круги, начали опускаться по спиралям.

В небольшом помещении с неярким светом настольной лампы собралось несколько человек. Над кушеткой склонился врач. Но когда мистер Гочкис открыл воспаленные глаза, они встретились с пристальным взглядом Букериджа.

ОБ АВТОРЕ

Чижевский Герман Михайлович. Родился в 1928 году в Москве. Окончил биологический факультет МГУ и художественно-оформительское отделение Московского полиграфического института. Занимается научной журналистикой. Автор многих статей, очерков, рецензий, нескольких рассказов и повестей и научно-популярной книги «В дебрях времени». В нашем ежегоднике публиковался трижды (выпуски 1965, 1966, 1969 годов). В настоящее время работает над научно-популярной книгой «Эра гигантских ящеров».

ВЛАДИМИР БОДРИН

МНОГОЛИКАЯ ЮГОСЛАВИЯ

Фотоочерк

Трудно рассказать о стране в немногих словах. А особенно о такой, как Югославия, с ее многообразием ландшафтов, этнографической «мозаикой» и насыщенной бурными событиями историей. Природа небольшой по территории Югославии поражает своими контрастами. Здесь можно встретить и степные равнины, и высокие горы с альпийскими пиками; обширные пространства мягких холмов и предгорий, увитых виноградной лозой; суровые каменистые плоскогорья с оголенными глыбами известняков и овечьими пастбищами; заросли вечнозеленых кустарников, серебристые оливковые рощи по берегам Адриатики, темно-зеленые хвойные леса крутых горных склонов.

Югославия — многонациональная страна. Южнославянские племена, переселившиеся сюда в первые века нашей эры, освоили этот солнечный край, создали свою письменность и этим положили начало самостоятельной славянской культуре. Однако образовавшиеся в VIII—IX вв. молодые государства южных славян оказались вскоре под ударом завоевателей: немцев и венецианцев — с северо-запада и турок — с юга. Столетия суровой борьбы выковали тип южного славянина — стойкого и выносливого, свободолюбивого и верного своему слову. В ходе исторического развития на территории нынешней Югославии сложилось несколько различных, хотя и родственных южнославянских народов.

Желая показать сложность национального, политического и культурного устройства современной Югославии, Джавахарлал Неру, не раз бывавший в этой стране, придумал шутливый афоризм: «Что такое Югославия? Это — **одно** государство, **два** алфавита, **три** религии, **четыре** народа, **пять** наций, **шесть** республик». Действительно, детей в начальных классах югославских школ учат сразу двум алфавитам: латинскому и кириллице; верующее население представлено православными, католиками и

мусульманами; четыре народа — это сербы, хорваты, словенцы и македонцы; в качестве пятой нации кроме перечисленных выделяются еще черногорцы (которые сами себя долго считали частью сербского народа); шесть республик — это Сербия, Хорватия, Словения, Македония, Черногория и, наконец, Босния и Герцеговина, имеющая смешанное население, состоящее из сербов, хорватов и южных славян — мусульман, принявших ислам в годы турецкого ига. Кроме того, из нынешнего 21-миллионного населения СФРЮ 11% составляют национальные меньшинства.

Социалистическая Югославия родилась в огне народно-освободительной борьбы против фашистских захватчиков, ставшей одновременно и социальной революцией. Успешному ее исходу способствовал разгром фашистов на советско-германском фронте. Советские воины плечом к плечу с бойцами югославской Народно-Освободительной армии 20 октября 1944 г. после ожесточенных боев освободили столицу Югославии — Белград, а в мае 1945 г. от оккупантов была очищена вся территория страны...

За минувшие с тех пор 30 лет отсталая аграрная страна под руководством Союза коммунистов Югославии превратилась в социалистическое индустриально-аграрное государство. Совокупный общественный продукт в период с 1947 (начало планового развития) по 1973 г. увеличился в пять раз. Промышленное производство возросло по сравнению с довоенным уровнем в 13 раз. Среди отраслей промышленности наиболее развито машиностроение, на которое приходится ныне более четверти стоимости индустриальной продукции СФРЮ (в 1947 г. только 9%). Почти заново созданы такие отрасли, как электротехника, станкостроение, производство сложного промышленного оборудования, транспортных средств. Современная Югославия входит в первую десятку судостроительных стран мира. Она дает около 3% мирового производства судов. Три четверти из них идет на экспорт. В последние годы крупные серии судов строятся и для Советского Союза. В отличие от прошлого Югославия перешла от экспорта руд цветных металлов, которыми так богаты ее недра, к вывозу готовой продукции.

Производство электроэнергии на одного жителя увеличилось в народной Югославии в 24 раза и составляет ныне 1700 квт-ч. Электростанция «Джердап» (румыны называют ее «Железные ворота»), построенная совместно с Румынией на пограничном участке Дуная,— крупнейшая ГЭС зарубежной Европы. Ее мощность более 2 млн. квт, а среднегодовая выработка электроэнергии — 11 млрд. квт-ч, которые делятся поровну между братскими странами. В 1964 г. Югославия заключила соглашение о сотрудничестве с СЭВ в ряде промышленных отраслей.

Разнообразие природных условий позволяет выращивать культуры как умеренного, так и субтропического поясов. Житница Югославии — Паннонская низменность, тучные черноземы которой дают половину общеюгославского сбора пшеницы и треть

кукурузы. Холмы и низкогорья, окружающие амфитеатром Паннонскую низменность, славятся своими садами и виноградниками. Вторая область плодовых насаждений и винограда — Адриатическое побережье. Всего в Югославии 125 млн. фруктовых деревьев, т. е. 6 деревьев на одного жителя! В южной части страны вызревают лимоны и апельсины, инжир, миндаль, маслины.

На крайнем юге, в Македонии, культивируют также рис и хлопок. Македония и Герцеговина производят восточные сорта табака, не уступающие по качеству всемирно известным табакам Болгарии и Греции.

Горные районы СФРЮ, где от 40 до 70% территории занимают луга и пастбища, используются для выпаса скота.

Освобождение страны привело к резкому подъему науки и культуры. Сейчас в СФРЮ действуют пять академий наук и искусств, из них две созданы в годы народной власти. В стране насчитывается свыше 8 тысяч деятелей науки, которые работают в 280 научных учреждениях. До войны в Югославии было три университета (в Белграде, Загребе, Любляне), сейчас — восемь (новые открылись в Скопье, Сараево, Нови-Саде, Нише, Приштине). Всего в вузах в 1973 г. обучалось 210 тысяч студентов — один студент на каждые сто жителей!

Красоты природы, теплое южное море, причудливое сочетание старого и нового в архитектуре привлекают в Югославию миллионы туристов. Среди них немало и советских людей. Иностранный туризм приносит стране изрядный валютный доход.

Народы Югославии говорят на языках, родственных русскому. Но не только язык роднит нашу страну с югославским народом. С древнейших времен существуют взаимные дружеские связи, сложились традиции совместной борьбы против общих врагов, традиции революционного движения, общность идеалов в борьбе за мир и счастье народов. Эта давняя дружба скреплена совместно пролитой кровью. И это очень чувствуется, когда бываешь в Югославии.

Подобранные здесь цветные фотографии (см. вклейку) должны дать читателю хотя бы беглое представление о природе, населении, хозяйстве СФРЮ и о значительных переменах в ее жизни.

ОБ АВТОРЕ

Бодрин Владимир Владимирович. Родился в 1920 году в городе Беднодемьяновске Пензенской области. Окончил географический факультет МГУ. Участник Великой Отечественной войны. Кандидат географических наук. Доцент кафедры экономической географии географического факультета Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской, ведет курс экономической географии зарубежных стран. С сентября 1974 года — декан факультета. Неоднократно бывал во многих социалистических странах Европы, автор книг по географии этих стран. Публиковал очерки в ежегоднике «Земля и люди» и журнале «Вокруг света». В нашем сборнике выступает впервые. В настоящее время работает над монографией «Экономическая география Югославии».

ФАНТАСТИКА *

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ
МАРИАН СИЯНИН

КОЛОДЕЦ ЛОТОСА

Фантастический рассказ

Археолог Детрие стоял на берегу Нила и кого-то ждал, любуясь панорамой раскопок. Кожа его от загара так потемнела, что, не будь на нем светлого клетчатого костюма и пробкового шлема, его вряд ли приняли бы за европейца. Впрочем, холеные черные усы делали его похожим на Мопассана. Непринужденность гасконца и знание местных языков позволяли ему быстро сходиться здесь с людьми. Особенно помогало знание арабского и языка, на котором говорили феллахи, сходного с языком древнейших надписей.

Трудно ладить было лишь с турками. Кичливый паша, от которого зависело разрешение на раскопки в Гелиополисе, неимоверно тянул, потчуя Детрие черным кофе, сносно болтая по-французски и выпытывая у археолога подробности парижской жизни. Паша не преминул похвалиться, что знает наизусть весь Коран, хотя и не понимает ни одного арабского слова. Это, впрочем, не мешает ему править арабами. В душе паша, конечно, презирал неверных гяуров за их интерес к развалившимся капищам старой ложной веры, но обещал европейцу, обещал... Разрешение на раскопки было получено лишь после того, как немалая часть банковской ссуды, выхлопотанной парижским другом археолога графом де Лейе, перекочевала в карман толстого паши. Таковы уж были нравы сановников Оттоманской империи, во владениях которой скрещивались интересы надменных англичан и алчных немецких коммерсантов.

Детрие мало интересовался этим соперничеством. Как истого ученого, его больше волновала былая борьба фараонов и жрецов бога Ра, древнейший храм которого ему удалось раскопать. 1912 год был отмечен этим выдающимся достижением археологии.

Храм был огромен. Казалось, кто-то намеренно насыпал целый холм, чтобы скрыть в нем четырехугольные колонны и сложенные

из каменных плит стены с бесценными для науки надписями. Но сохранил для потомков творение древнеегипетского зодчества не разум, а забвение и ветры пустыни.

Археолога Детрие заинтересовали некоторые надписи, оказавшиеся математическими загадками. Об одной из них и написал Детрие в Париж своему другу, математику, пообещавшему приехать к месту раскопок.

Его и ждал сейчас Детрие. Но меньше всего ожидал он увидеть всадника в белом бурнусе на арабском скакуне в сопровождении местного проводника в таком же одеянии.

Впрочем, не графа ли де Лейе можно было встретить весьма экстравагантно одетым в Булонском лесу во время верховых прогулок? То он щеголял в турецкой феске, то в индийском тюрбане, то еще в каком-нибудь немыслимом наряде. Ведь он прослыл чудаковатым человеком, который сменил блеск парижских салонов на мир математических формул. Кстати, в этом он был не так уж одинок, достаточно вспомнить юного герцога де Бройля, впоследствии ставшего виднейшим физиком (волны де Бройля!).

Детрие и граф де Лейе подружились в Сорбонне. Разные научные интересы не отдаляли, а скорее даже сближали их. Они частенько гуляли по бульвару Сен-Мишель, встречались на студенческих пирушках, пили вино, веселились, подолгу беседовали о серьезных вещах.

Граф осадил коня и ловко соскочил на землю, восхитив этим проводника, подхватившего поводья. Друзья обнялись и направились к раскопкам.

— Тебе придется все объяснять мне, как в лицее,— говорил граф, шагая рядом с Детрие в своем развевающемся на ветру бурнусе. Его тонкое бледное лицо, так не вязавшееся с восточным одеянием, было возбуждено.

— Раскопки ведутся на месте одного из древнейших городов Египта,— методично начал археолог.— Гелиополис — город Солнца. В древности его называли Ону или Ей-н-Ра. Здесь был центр религиозного культа бога Ра, победителя богов, который «пожирал их внутренности вместе с их чарами». Так возвещают древние надписи. «Он варит кушанье в котлах своих вечерних... Их великие идут на его утренний стол, их средние идут на его вечерний стол, их малые идут на его ночной стол...» — декламировал цитаты археолог.

— Прожорливый был бог! — рассмеялся граф.

— Эти религиозные сказания отражают не только то, что Солнце, всходя над горизонтом, «пожирает» звезды, но и, пожалуй, реальные события древности.

— Битву богов с титанами?

— Нет. Воевали между собой не столько сами боги, сколько поклонявшиеся им жрецы. С жрецами бога Ра всегда соперничали жрецы бога Тота Носатого, которого изображали с головой ибиса. Сыном его считался фараон Тутмос I. Любопытно, граф, что насле-

дование престола у египтян шло по женской линии, как пережиток матриархата.

— По своей невежественности,— ответил де Лейе,— я слышал лишь о двух египетских царицах — Нефертити и Клеопатре.

— Была и другая, как раз дочь Тутмоса I, быть может, даже более прекрасная, чем прославленные красавицы, которых мы упомянули. Однако Клеопатра, как известно, была гречанкой. Нефертити же не правила страной — она была лишь женой фараона Эхнатона. А вот жившая много раньше Хатшепсут была единовластной правительницей, женщиной-фараоном, едва ли не единственной за всю историю Египта.

— Постой, постой! Не о ней ли говорят как об ослепительной красавице?

— Видимо, о ней.

— Как же она воцарилась? Как королева красоты?

Археолог не принял шутку друга.

— Сказалась матриархальная традиция наследования престола, который передавался не сыну, а дочери фараона. И чтобы стать фараоном, его сын должен был жениться на собственной сестре, которая уступала ему трон.

Графу оставалось лишь высоко поднятыми бровями выражать свое изумление столь странными обычаями.

— Хатшепсут,— продолжал археолог,— дочь Тутмоса I, раздвинувшего границы своего царства Та-Кем за третьи пороги до страны Куш и доходившего до Сирии, до Евфрата. Она наследовала от отца власть и передала ее по традиции своему супругу и брату Тутмосу II. Он был болезнен и царствовал лишь три года. А вот после его смерти Хатшепсут не пожелала передать при жизни власть фараона своей дочери и ее юному мужу, впоследствии Тутмосу III. За двадцать лет своего царствования она прославилась как мудрая правительница и тонкая ценительница искусства.

— Так это про нее говорили,— воскликнул граф,— что она красивее Нефертити, мудрее жрецов, зорче звездочетов, смелее воинов, расчетливее зодчих, точнее скульпторов и ярче самого Солнца?

— Пожалуй, все это не такое уж преувеличение. Действительно, эта женщина далекой эпохи должна была обладать необыкновенными качествами, чтобы удержать за собой престол.

— Можно ли увидеть ее изображения?

— Здесь это не удастся. Большинство из них уничтожено мстительным фараоном-завоевателем Тутмосом III, захватившим трон после ее смерти. Но все равно тебе стоит посмотреть поминальный храм Хатшепсут в Фивах, грандиозное здание с террасами, где росли диковинные деревья, привезенные из сказочной страны Пунт. Увы, теперь вместо деревьев можно увидеть лишь углубления в камне для почвы, в которой они росли, да желобки орошения. Но и без садов зрелище великолепное — гармоничные линии на фоне отвесных Ливийских скал высотой в сто двадцать

пять метров. Такой же высоты был и холм, который мы раскопали здесь. Под ним был погребен храм бога Ра. Его ты и видишь перед собой. В нем бывала сама Хатшепсут.

Археолог провел графа в просторный зал с гранитной стеной и остановился перед надписью, выбитой на камне четыре тысячи лет назад.

— Я переведу тебе эту странную *надпись*. Оказывается, жрецы не только сажали на трон фараонов, вели счет звездам, годам и предсказывали наводнения Нила. Они были и математиками! Слушай: «*Эти иероглифы выдолбили жрецы бога Ра. Это стена. За стеной находится Колодец Лотоса, как круг солнца; возле колодца положен один камень, одно долото, две тростинки. Одна тростинка имеет три меры, вторая имеет две меры. Тростинки скрещиваются всегда над поверхностью воды в Колодце Лотоса, и от этой поверхности одна мера до дна. Кто сообщит числа наидлиннейшей прямой, содержащейся в ободе Колодца Лотоса, возьмет обе тростинки, будет жрецом бога Ра.*

Знай: каждый может встать перед стеной. Кто поймет дело рук жрецов Ра, тому откроется стена для входа. Но знай: когда ты войдешь, то будешь замурован, выйдешь с тростинками жрецом Ра. Помни: замурованный, ты выбей на камне цифры, подай его через отверстие для света и воздуха. Однако помни: подать надо только один камень. Жрецы Ра будут наготове, первосвященники подтвердят, таковы ли на самом деле выбитые тобой цифры. Сквозь стену Колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Цени свою жизнь. Так советуют тебе жрецы Ра».

— Как это понять? — спросил граф.

— Ради этого я и просил тебя приехать. Очевидно, здесь проходили испытания претенденты на сан жреца бога Ра. Пролом замуровывали, и те или решали задачу, передавая через отверстие для света и воздуха камень с выдолбленным ответом, или умирали за этой стеной от истощения.

— И вы откопали эту экзаменационную аудиторию?

— Конечно. Мы можем пройти в нее. Тростинок там не сохранилось, как и колодца, но камень для ответа и даже медное долото лежат на месте. Пройдем, для нас это не так опасно, как для древних испытуемых.

— Прекрасно! — отозвался граф и храбро шагнул в пролом стены.

Они оказались в небольшом помещении — настоящем каменном мешке. Свет проникал в проем, через который они вошли, и маленькое отверстие, сделанное как раз по размеру лежащего на полу камня из мягкого известняка. Рядом лежало и древнее долото.

— Должно быть, немного верных ответов было выбито этим долотом,— сказал археолог, поднимая его с полу.

— Почему ты так думаешь?

— Я бился над этой задачей несколько дней. Но я завтракал, обедал и ужинал регулярно. Боюсь, что в этой камере испытуемых остались бы мои кости.

— Прекрасно! — невпопад произнес граф и задумчиво добавил:— Попробуем перевести твою надпись еще раз, но на математический язык и сопроводим ее чертежом на этой тысячелетней пыли.

И граф попросил у Детрие долото, нарисовал на пыльном полу камеры чертеж, рассуждая при этом так:

— Колодец — это прямой цилиндр. Два жестких прута (тростинки), один длиной два метра, другой — три, приставлены к основанию цилиндра, скрещиваясь на уровне водной поверхности в одном метре от дна. Легко понять, что сумма проекций на дно цилиндра мокрых или сухих частей тростинок будет равна его диаметру — «*наидлиннейшей прямой, содержащейся в ободе Колодца Лотоса*».

— Мы обнаружили лишь остатки ободов колодца, а сам он, увы, не сохранился.

— А жаль! Можно было бы вычислить длину царского локтя, которая поныне неизвестна.

— Ты можешь вычислить?

— Если ты меня замуруешь здесь.

— Шутишь?

— Нисколько! Я уже считаю себя замурованным. Я мысленно возвожу в проеме каменную стену. И не проглочу ни крупинки, не выпью ни капли влаги — даже вина...— пока не решу древней задачи. Жди моего сигнала в окошечке «свет-воздух».

Детрие знал чудачества своего друга и оставил математика в древней комнате, напоминавшей склеп, наедине с древней задачей жрецов. Интересно, имел ли шансы математик двадцатого века пройти испытание на сан жреца Ра четырехтысячелетней давности?

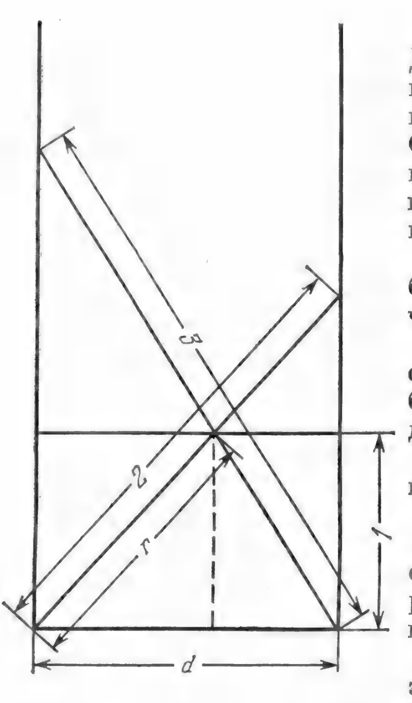
Выйдя в просторный зал, Детрие оглянулся. Ему показалось, что вынутые его рабочими гранитные плиты каким-то чудом снова водрузились на место, превратив стену зала в сплошной монолит. Археолог даже затряс головой, чтобы отогнать видение, потом вышел на воздух. Пахнýло жарой. Солнце стояло прямо над головой. Проводник в бурнусе держал под уздцы двух лошадей. По Нилу плыли лодки с высоко поднятой кормой и загнутым носом. В небе — ни облачка. До обеда было еще далеко.

Детрие сел в тени колонны и погрузился в раздумье. Что происходило в каменном склепе Колодца Лотоса с замурованными там претендентами на сан жреца? Сначала из окошечка просовывался камень с выбитыми на нем цифрами, может быть, неверными. Потом через это отверстие могли доноситься крики, стоны, мольбы умирающих с голоду испытуемых, которым не суждено было стать служителями храма.

Тень колонны передвинулась. Археолог тоже пересел, чтобы спастись от палящих лучей.

Несколько раз он возвращался в зал, граничивший с комнатой Колодца Лотоса. Из нее не раздавалось ни звука.

Мучительно хотелось есть. Детрие, как истый француз, был гурманом. Он рассчитывал вкусно пообедать со своим гостем и никак не ожидал его новой эксцентрической выходки — лишить себя, да и его, обеда из-за какой-то древней задачи! А ведь они должны были поехать во французский ресторан мадам Шико. Она, верно, уже заждалась, исхлопоталась. Вчера она согласовывала с Детрие замысловатое меню, которое должно было перенести друзей на бульвар Сен-Мишель или на Монмартр. Креветки, нежнейшие креветки, доставленные в живом виде из Нормандии, устрицы. Спаржа под соусом из шампиньонов. Буйабэс — несравненный рыбный суп. Бараньи котлеты с луком и картофель по-савойски или бургундские бобы. И вина! Тонкие французские вина, для каждого блюда свои — белые или красные. Наконец, сыры. Целый арсенал сыров, радующих сердце француза! А потом кофе и сигареты во время задушевного послеобеденного разговора.

В сотый раз проходя по залу, Детрие вдруг услышал за спиной стук. Он оглянулся и увидел камень. Археолог нагнулся к нему. О боже! На нем зубилом были нацарапаны — кощунственно нацарапаны на бесценной реликвии! — какие-то цифры.

Детрие, возмущенный до глубины души, поднял камень и прочитал: «$d=1{,}231$ меры!»

В «замурованном проеме» стоял сияющий граф де Лейе. Его узкое бледное лицо, казалось, помолодело.

Археолог с упреком протянул к нему камень.

— Ты исцарапал реликвию!

— Иначе мы не смогли бы обедать,— обескураживающе добродушно заявил математик и улыбнулся совсем по-мальчишески.

— Но я не могу проверить эти расчеты,— развел руками Детрие.

— Боюсь, что ты, археолог, не больше древних жрецов разбираешься в аналитической геометрии. Но войдем в склеп, я все написал там на полу. Смотри, обозначим расстояние от точки пересечения тростинок до конца короткой тростинки на дне через r. Теперь представим, что тростинка скользит одним концом по вертикали, а другим — по горизонтали, по дну колодца. Из высшей математики известно, что точка на расстоянии r будет описывать эллипс. Я записал уравнение этого эллипса. Вот оно:

$$\frac{x^2}{\left(\frac{3r}{2}\right)^2}+\frac{y^2}{\left(3-\frac{3r}{2}\right)^2}=1.$$

— Теперь все очень просто,— продолжал граф де Лейе.— Нужно решить это уравнение при $y=1$ и $x=r^2-1$, после преобразований получаем уравнение. Правда, четвертой степени, к сожалению: $5r^4-20r^3+20r^2-16r+16=0$. Как тебе нравится? Красивое уравнение?

Детрие почесал затылок, рассматривая формулу на пыльном полу.

— И такие уравнения решали древнеегипетские жрецы?

— Ничего не могу сказать. Совершенная загадка! Формулы для их корней были получены в XVI веке итальянским математиком Феррари, учеником Кордано.

— И ты решил?

— Конечно! Считай меня отныне жрецом бога Ра. Диаметр колодца ранен 1,231 метра, то есть меры. Мы не знаем, чему она равна. Дай мне найденные здесь ободы, и я скажу тебе, какова была эта мера, скорее всего длина царского локтя древних египтян.

— Увы, я уже говорил, что ободы не сохранились, так же как и тростинки. Именно поэтому ты не сможешь стать жрецом Ра.

— Как так? — возмутился граф де Лейе.

— В записи сказано, что жрецом станет тот, кто, решив задачу и сообщив ее ответ, выйдет из камеры с тростинками. А где твои тростинки? Какой же ты жрец?

И оба расхохотались.

Проводник уступил свою лошадь археологу, и ученые поехали в ресторан мадам Шико. Но оба были еще во власти далекой эпохи.

— Дорого бы я дал за то, чтобы узнать,— сказал математик,— как они умудрялись три с половиной тысячи лет назад решать уравнения четвертой степени.

Когда жрецы с бритыми головами без париков ввели черноволосого юношу в Зал Стены, его охватил ужас. На гранитной плите грозной преградой встала *надпись*.

Он постигал жуткий смысл иероглифов, и колени его подгибались. Если бы Прекраснейшая знала, на что он обречен! Своей Божественной властью Она спасла бы его, отвратила бы неизбежность гибели, уготованной ему бессовестными жрецами, обманувшими Ее!..

«*Сквозь стену Колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Цени свою жизнь. Так советуют тебе жрецы Ра*». Совет жрецов! Совет нечестивцев! Удар копьем в спину!

Если бы знала Прекраснейшая о существовании Зала Стены, о Колодце Лотоса, об этой надписи и неизбежной теперь судьбе Ее юного друга, которого через три тысячи ударов сердца заживо замуруют в каменном колодце смерти!..

Юноша тупо смотрел, как жрецы вынимают из стены тяжелые камни, чтобы потом, когда он «пройдет сквозь нее», водворить их на место, отрезав от всего мира, оставив без еды и питья в каменном мешке его, живого, сильного, ловкого, которого любила сама Прекраснейшая, подняв с пыльных плит, когда он целовал следы Ее ног!..

Могла ли подумать Живая Богиня, что жрецы Амона-Ра предадут Ее? Не они ли по воле Ее отца Тутмоса I, после кончины Ее супруга и брата Тутмоса II возложили на голову Прекраснейшей бело-красные короны страны Кемт? Не они ли присвоили Ей мужское имя Видящего Истину Солнца — Маат-ка-Ра, которое не смел

произнести вслух ни один смертный? И не они ли отвергли притязания на престол юного мужа Ее дочери, которая при жизни матери не могла наследовать фараонову власть и передать ее супругу? И не жрецы ли Амона-Ра объявили святотатством богослужение жрецов Тота Носатого, провозгласивших этого самозванца фараоном Тутмосом III?

Ужель теперь жрецы Амона-Ра устрашились любви Божественной к низкорожденному, поднятому Ею из праха, в котором надлежало пребывать каждому неджесу или роме *, жителю страны Та-Кем?

О чем можно передумать за три тысячи ударов сердца? Какие картины короткой своей жизни снова увидеть?

Дом родителей, простых нечиновных роме, на берегу царицы рек Хапи. Ночи на плоской кровле с любимой звездой Сотис на черном небе. Пыль окраин Белой Стены — Мемфиса, где только улицы перед дворцами и храмами были залиты вавилонской смолой, глушившей стук копыт и шум колес. Тайная дружба с детьми домашних рабов. Рабы в каменоломнях, измученные, безучастные к побоям и окрикам надсмотрщиков. Уединение в заброшенном каменном карьере, где он, еще мальчишка, пробовал высечь голову прекрасной женщины. И когда, уже повзрослевший, способный перегнать любого из эфиопских скороходов, бежавших впереди колесницы властителя, побороть любого из его стражей или соперничать с ваятелем любого храма, он увидел Ее, Прекраснейшую, узнав в ней свою Мечту. Она снизошла до того, чтобы посмотреть игры юношей, и отметила его среди победителей. Он лежал в пыли и надеялся поцеловать след несравненной ноги, изваять которую достоин лишь лучший из оживляющих камень.

Сначала она сделала его своим скороходом. Однажды жрецы Тота Носатого пытались отнять у него царский папирус. Получив несколько ран, он все же отбился от нападающих и доставил послание в храм Амона-Ра. И тогда в одной из комнат храма, где жрецы Ра пытались спасти ему жизнь, Она удостоила его светом своих глаз. Она была Живой Богиней, Видевшей Истину, а пришла в келью к раненому юноше. Он попросил у жрецов мягкой глины и к следующему приходу изваял Ее лицо, попросив позволения перевести изображение в камень. Прекраснейшая смеялась, говоря, что Она словно смотрится в зеркало. И в знак своего восхищения работой юноши подарила ему отшлифованную пластинку редчайшего нетускнеющего металла — железа, оправленного в золотую рамку. В нее можно было смотреться, как в поверхность гладкой воды.

Потом царица сделала его ваятелем при Великом Доме — так иносказательно надлежало говорить об особе фараона.

---

* Неджес — привилегированное сословие в Древнем Египте. Рома — сословие простолюдинов (но не рабов).— *Прим. ред.*

Прекраснейшая сама владела тайной верного глаза. Ее руки были безошибочно точны. И они были еще и нежны, что узнал Сененмот в самый счастливый день своей жизни. Он делал одно изваяние царицы за другим и не переставал восхищаться Божественной, не смея даже и помышлять о земной любви. Но Живой Богине было дозволено все. Однако Она стала не только возлюбленной сильного и талантливого юноши, но и его заботливой наставницей. Она не уставала учить его премудростям, доступным только Ей и жрецам.

Жрецы узнали об этом и встревожились. Слишком большую власть мог получить этот избранник Прекраснейшей. Но никто не в силах удалить его от Божественной. Кроме тех, кто... обладал хитростью и лукавством.

Жрецы, советники Прекраснейшей, льстиво хвалили Сененмота, одобряя внимание к нему Хатшепсут. Они поощряли даже Ее занятия с ним, уверяя, что Высшее Знание может оправдать близость низкорожденного к ярчайшему Светилу, каким была царица.

И тогда царица Хатшепсут дозволила Ее ваятелю стать жрецом бога Ра. Казалось, в этом нет ничего плохого. Обретя жреческий сан, Сененмот входил в высший круг, очерченный вокруг золотого трона.

Сененмот подчинился. Его пока не побрили наголо, а лишь подстригли черные кудри и повели в священный город храмов Ей-н-Ра, к северу от Мемфиса, столицы владык Кемта.

Великий храм бога Ра не просто потряс Сененмота. Он пробудил в нем страстное желание создать еще более величественный и прекрасный храм, посвященный Прекраснейшей. Ее бессмертной красоте. И не из холодного камня создал бы он его, не мрачными статуями и колоннами украсил, а живыми растениями, которые террасами спускались бы с огромной высоты, равной высоте величайшей из пирамид.

С этими мыслями юный ваятель Великого Дома вошел в храм бога Ра, чтобы стать его жрецом.

Но... Его провели в Зал Стены, где он прочитал холодящую сердце надпись.

Оказывается, чтобы стать жрецом бога Ра, Сененмот на правах испытуемого должен пройти через каземат Колодца Лотоса, откуда не было выхода замурованному, если не решена неразрешимая для простого смертного задача жрецов.

Но был ли Сененмот простым смертным? Помнил ли он то, чему учила его Божественная Наставница, повелевающая видимым миром, равная богам, непостижимая для людей? Но если Она равна богам, неужели не придет к нему на помощь? Он устремит к Ней свою мольбу, свой зов, который не может не услышать любящее сердце женщины.

Думая о Ней, юноша Сененмот храбро переступил порог проделанного в стене жрецами проема. Он увидел перед собой круг

колодца, рядом небольшой кусок известняка и медное долото. И даже небольшой камень, чтобы ударять по долоту при выбивании цифр.

Света становилось все меньше. Жрецы за его спиной с удивительной быстротой заделывали стену, замуровывая его, как в могиле, куда запрятан отныне неугодный жрецам любимец Живой Богини. Она сама одобрила решение сделать его жрецом Ра, правда, не подозревая какой ценой он за это заплатит...

Сененмот верил, что Она даст о себе знать, потребует от жрецов, чтобы он вернулся, узнает об их коварном заговоре и придет к нему на помощь! Он верил в это, и силы не изменяли ему.

В камере становилось все темнее. Только небольшое отверстие, через которое едва можно было просунуть припасенный для ответа камень, пропускало теперь солнечные лучи. За стеной слышались глухие удары. Жрецы завершали свою мрачную работу...

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Напротив оставленного отверстия для света и воздуха у стены что-то белело.

Сененмот сделал шаг вперед, впервые после того как он застыл перед кругом колодца. Он шагнул и остановился. Перед ним был человеческий череп и кости скелета. Видимо, несчастный умер, скорчившись на полу. Немного поодаль лежал еще один скелет... и еще...

Жрецы, впустив его сюда, не позаботились о том, чтобы убрать останки его предшественников, которые не смогли решить непосильную для них задачу.

Впервые Сененмот подумал о ней. До сих пор он даже не допускал мысли, что ее можно решить. Надпись на стене, отделившей его теперь от мира, отпечаталась в мозгу всеми своими иероглифами. Он мог бы начертать их на каменном полу.

Сененмот взглянул на пол и увидел две тростинки неравной длины. Ах вот они! Одна в две меры длиной, другая в три. Если их опустить в колодец, они скрестятся на поверхности стоящей там воды в одной мере от дна.

Сененмот встал на колени и заглянул в колодец. Было слишком темно, чтобы разглядеть, где в нем вода. Ее не удалось зачерпнуть и ладонью, чтобы напиться. Губы у Сененмота ссохлись, и он провел по ним языком.

Он встал и прошелся по темнице. В противоположном углу он обнаружил еще несколько человеческих черепов и груду костей. Было похоже, что кто-то намеренно свалил все эти останки в одну кучу. Это могли сделать лишь те, чьи кости лежат сейчас в стороне... или те, кто счастливо вышел отсюда жрецом бога Ра.

Может быть, они изучали науку чисел? А он, Сененмот, имевший лишь одну учительницу в Любви и Знании, что вынес он из преподанных уроков? Он постиг счет, познал части целого и умеет соединять и разделять их. И только... О тайне, скрытой в треугольниках, он лишь мельком слышал от своей Наставницы. В священном треугольнике, если одна сторона имела три меры,

а другая — четыре, третья непременно должна была иметь пять мер! Такова магическая сила чисел! А как связать наидлиннейшую прямую, содержащуюся в кольце обода, с его выпрямленной длиной? Эту тайну, говорят, знали жрецы, но таили ее, как святыню. Как же стать жрецом, не зная этих тайн?

Время шло. Глаза юноши привыкли к полутьме, и он вместо решения задачи, от которой зависела его жизнь, стал рисовать на полу воображаемый уступчатый храм, который бы построил своей Богине, если бы остался жив и вышел отсюда.

Однако выхода из колодца не было. Гармоничные, задуманные им линии уступов не будут волновать людей в течение тысячелетий, они умрут вместе с незадачливым ваятелем и несостоявшимся зодчим у этого Колодца Лотоса. И какой-нибудь другой приговоренный к смерти несчастный или вразумленный Знанием будущий жрец соберет его истлевшие кости, свалит их в кучу вместе с останками других неудачников.

«Нет!» — мысленно воскликнул Сененмот и вскочил на ноги. Он стал яростно метаться в каменном мешке, как неприрученная гиена, натыкаясь на стены.

Сколько времени прошло? Село ли солнце? Он ощутил голод и жажду.

Где же Прекраснейшая? Неужели Богиня не чувствует его беды? Придет ли Она? Может быть, Она уже идет сюда, выступая своим царственным шагом, заставляя падать ниц, распростершись на земле, всех встречных жрецов, включая самого Великого Ясновидящего.

Но Хатшепсут не шла.

Сененмот сел у колодца, взял долото и малый камень, придвинул к себе камень побольше и стал что-то выбивать на нем. Он выбивал на мягком камне силуэт своей Божественной Возлюбленной, профиль Хатшепсут.

Но нет! Нельзя надеяться, что жрецы, завороженные знакомым лицом, возникшем на камне, освободят его. Не для того они бросили его сюда!

Однако Хатшепсут не может не хватиться своего любимца. Она придет, непременно придет. И тогда услышит его голос. Он откроет Ей через отверстие для света и воздуха коварный замысел жрецов. Она спасет его, спасет!

Страшно хотелось есть и пить.

Сколько времени можно бесполезно просидеть у колодца, в котором где-то внизу есть вода? Но как достать ее, если рукой не дотянуться?

Тростинки! Две тростинки разной длины! Кстати, задача требует назвать длину найдлиннейшей прямой, заключенной в ободе колодца! Можно измерить ее тростинкой. Но как? Какими мерами он располагает? Тростинка в две меры, тростинка в три меры и... можно еще получить и одну меру, как разность их длин. Достаточно ли это для измерения, если не знаешь магических чисел?

Сложив вместе две тростинки, Сененмот убедился, что поперечник обода колодца несколько больше одной меры. Но на сколько? Как это определить?

Он представил себе, как тщетно силились решить это те, от кого остались здесь черепа и гнилые кости.

Он встал и собрал все одиноко лежавшие скелеты в еще одну кучу. Кто перенесет его останки, когда оборвется его жизнь?

Смертельно хотелось пить.

Как там сказано в *надписи? «Сквозь стену Колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Цени свою жизнь. Так советуют тебе жрецы Ра»*.

«Думай!» До сих пор он не думал, он только ждал помощи извне. А если надеяться не на что? Тогда надо думать, как советуют жрецы! Думать! Но что может придумать он, знающий лишь части целого числа, не прикасавшийся к магическим числам?

Нет! Он может придумать многое, очень многое! Аллею статуй Прекраснейшей... Сады на уступах храма, который он для Нее выстроит! Постой же, постой! Если тебе известны части целого, то вспомни: как раз частей целого и не хватало при измерении поперечника обода колодца! Частей целого! Но как эти части определить? Чем?

Пить! Пить! Только пить! Очевидно, солнце перевалило зенит и все живое спряталось в тень, предаваясь дневному сну. Сененмот спать не мог. Он хотел пить!

Ему пришло в голову, что у него есть тростинки, достающие до дна колодца. Их можно смочить в воде, а потом обсосать.

Спеша, он опустил в колодец обе тростинки сразу, вынул их и жадно обсосал. В рот попали капли влаги, но и это было наслаждение.

Сотни раз, не меньше, опускал Сененмот тростинки в Колодец Лотоса, прежде чем немного утолил жажду.

Теперь он умрет не сразу — не от жажды, а от голода... Жить без пищи можно много дней. Неужели же Она не придет?

Нет! Жрецы не допустят Ее в Зал Стены, скроют его существование... или покажут, чтобы прочитала *надпись* с заданием испытуемому и узнала его судьбу.

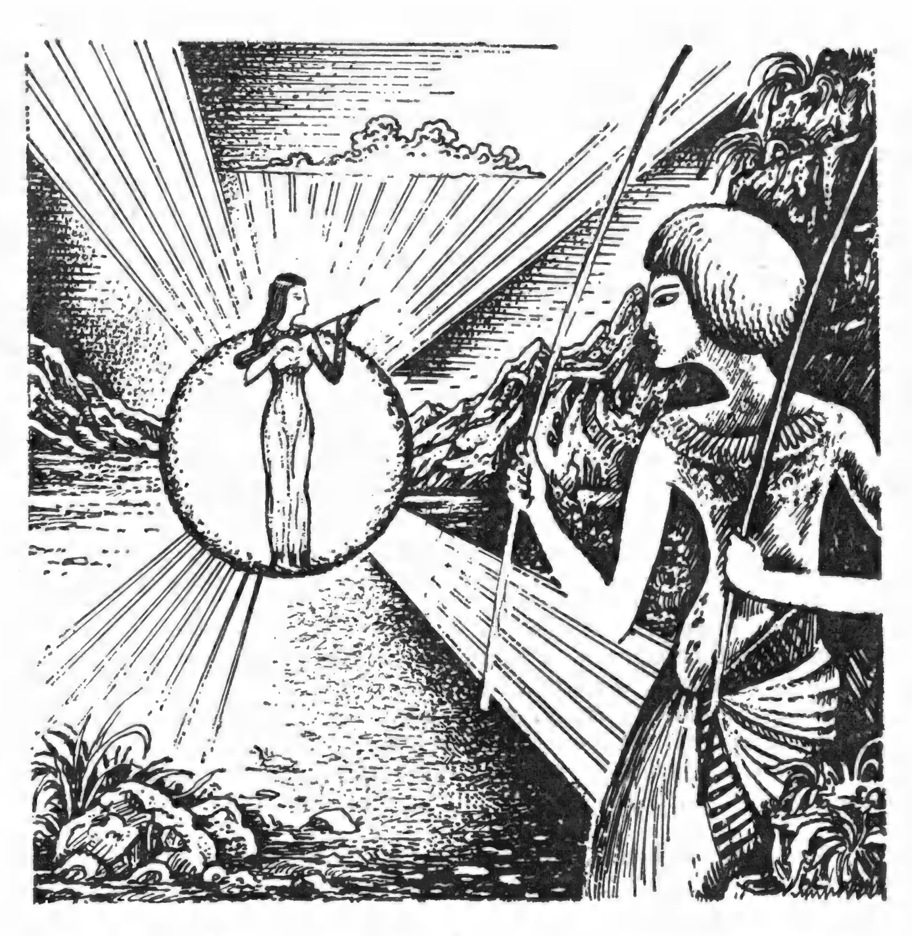
Но если Она будет рядом, он должен почувствовать Ее близость!

Выглянуть в отверстие для «света-воздуха» невозможно, до него едва дотянешься руками, чтобы выбросить камень с ответом... И даже голоса Ее он не услышит, потому что Она в немом молчании прочитает надпись и с поникшей головой выйдет из зала.

Хатшепсут, Хатшепсут, моя Хатшепсут! Отзовись! Ведь тебя любит твой Сененмот! И ради любви к тебе не хочет умереть!

А если не хочешь умереть, то внемли жрецам, которые написали: *«Думай. Цени свою жизнь»*.

Думать? Думать, думать, ради нее и ради себя!

Прекраснейшая учила, что Наука чисел построена на измерении. На *измерении*! Все, что познает человек, все, что он постигает, он измеряет! Должен измерить! Быть мудрым — значит уметь измерять! Разве не так Она сказала? Измеряют уровень воды в Ниле, измеряют наделы земли феллахов, измеряют ожидаемый урожай, измеряют богатства храмов и фараонов, число рабов и число *талантов золота*. Измеряют высоту пирамид и длину их теней.

Но чем измерять ему, замурованному? Измерять есть чем, только надо подумать как! Есть ведь две тростинки. Их можно использовать для измерения требуемой наидлиннейшей прямой — поперечника обода колодца!

На тростинках есть меры: одна, две, три, но нет частей целого. А нельзя ли получить эти более мелкие меры?

Вооружившись медным долотом, Сененмот прежде всего отметил на тростинках величину одной меры, двух мер, трех мер. За-

тем он отметил и величину наидлиннейшей прямой, заключенной в ободе колодца, которую нужно было *измерить*. Вычтя из нее одну меру, он получил ту часть целого, которую пока не знал, как измерить. Он стал ломать голову над тем, какие величины для измерений может он получить. Он начал думать, действовать... И уже одно это придало ему силы.

В голове прояснилось, и как-то сама собой пришла мысль, что если тростинки опускать в воду наклонно, то мокрые части на них будут разными.

Он тотчас опустил тростинки одну за другой, вынул и примерил. Оказалось, что разность длины мокрых частей будет для него новой мерой, малой мерой, как он назвал ее.

Отметив ее насечкой, он стал размышлять, что бы измерить этой новой мерой. Ведь она же была долей целого, долей одной меры. Интересно, сколько раз уложится новая мера в одной мере?

Он тщательно измерил половину короткой тростинки, где поставил отметину одной меры.

Радости его не было границ!

Малая мера уложилась в одной мере ровно *шесть раз*!

Работа уже увлекла Сенемота. Он представил себе, что Прекраснейшая руководит им, находится где-то рядом. Но на самом деле она была далеко, и он доходил до всего своим умом.

В его руках уже была одна шестая меры. Можно ли ею измерить наидлиннейшую прямую — поперечник круга? Эта длина была у него отмечена на длинной тростинке. И он тотчас приложил ее к своим новым мерам. И сразу уныние овладело им. Все напрасно. Ничего не получилось. Малая мера уложилась семь раз, а восьмой раз вышла за пределы отметины.

Сокрушенно смотрел Сененмот на лишний отрезок, который невольно тотчас отметил долотом. И вдруг понял, что обладает еще одной мерой. Надо было определить, какую часть главной меры она составляет. Он судорожно стал измерять, не веря глазам.

Его новая, самая маленькая мера (лишнего отрезка) уложилась в главной ровно *десять раз*! Итак, как учила Прекраснейшая, он имеет в измеряемом поперечнике *одну целую* (шесть малых мер) и еще две лишних меры — то есть *одну треть*. Однако из этой трети нужно вычесть *одну десятую*.

Теперь ученику Хатшепсут ничего не стоило сосчитать, что наидлиннейшая прямая, заключенная в ободе колодца, имеет длину в одну и семь тридцатых ($^{37}/_{30}$) меры. Это и есть ответ. Его теперь нужно лишь выбить на мягком камне, который послужит ключом к запертой двери в мир, где властвует Божественная!

Сененмот принялся за дело. Он торопился. Торопился выйти из склепа.

Современники Сененмота, как и он сам, не знали и десятичных дробей, не умели выразить одну треть как 0,3333 в периоде и не догадались бы вычесть из этой величины одну десятую, получив поперечник обода колодца, равный 1,233 меры. Это на две тысяч-

ных меры отличало измеренную юношей величину от той, которую люди почти через четыре тысячи лет научатся вычислять с помощью математики, названной ими *высшей*. Но для жителей древнего царства Кемт полученный Сененмотом результат был *практически точен*. Более точного они и представить себе не могли. И жрецы, задумывая задачу, очевидно, и рассчитывали, что найденные дополнительные меры целое число раз уложатся в основной.

Сененмот вытолкнул камень через отверстие для света и воздуха.

Теперь оставалось ждать, чтобы жрецы выполнили то, что гласит *надпись*, встретили его с тростинками как нового жреца бога Ра!

А если они не выполнят этого? Если они предпочтут, чтобы он остался в каменном мешке Колодца Лотоса?

Но до его слуха донеслись глухие удары. Жрецы стали размуровывать узника, ставшего их новым собратом.

Они вынули гранитные плиты, образовали проем.

Юноша с огромными продолговатыми глазами, держа в каждой руке по тростинке, стоял в образовавшемся проеме. В его черных волосах серебрилась седая прядь.

— Приветствую тебя, новый жрец бога Ра! — встретил его Великий Ясновидец.— Ты показал себя достойным служению богу Ра и Божественной. Жрецы сейчас обреют твою голову и дадут тебе парик, но прежде взгляни на свое отражение.— И он передал Сененмоту отобранную у него же золотую рамку с зеркальной пластинкой из редкого нетускнеющего металла. И он увидел свою седину, которой заплатил за найденное решение.

Божественная будет видеть его отныне лишь в парике жреца. Она не узнает, чего стоило ему возвращение к Ней.

На следующий день, после обеда в ресторане мадам Шико археолог Детрие и его гость математик граф де Лейе отправились в Фивы.

Граф непременно хотел увидеть чудо архитектуры, гениальное творение древнего зодчего — поминальный храм великой царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари.

Они выбрали водный путь и, стоя на палубе под тентом небольшого пароходика, слушали усердное хлопанье его колес по мутной нильской воде и любовались берегами великой реки. Графа интересовало все: и заросли камышей на берегах, и возникавшие нежданно скалы, и цапли, горделиво стоявшие на одной ноге, и волы феллахов, обрабатывавших поля. В заброшенных каменоломнях он воображал толпы рабов, трудившихся во имя величия жесточайшего из государств, как сказал о Древнем Египте Детрие.

Двести пятьдесят с лишним километров вверх по течению пароходик преодолевал целый день.

Бородатые феллахи то появлялись на палубах, то сходили на берег. Арабы, истые магометане, расстилали на нижней палубе коврики для намаза и в вечерний час возносили свои молитвы Аллаху. Важные турки в фесках делали в эти минуты лишь сосредоточенные лица, не принимая молитвенных поз.

Худенький чернявый ливанец-капитан предлагал европейцам укрыться в его каюте, рассчитывая выпить с ними вина, но они отказались, предпочитая любоваться из-под тента берегами.

Граф восхищался, когда Детрие бегло болтал с феллахами на их языке.

— А что ты думаешь,— сказал Детрие.— Когда я бьюсь над непонятными местами древних надписей, я иду к ним для консультаций. Сами того не подозревая, они помогают мне понять обороты древней речи и некоторые слова, которые остались почти неизменными в течение тысячелетий.

К сохранившемуся древнему храму Хатшепсут в Фивах французы добрались лишь на следующий день.

Как зачарованные стояли они на возвышенности, откуда открывался вид на три террасы бывших садов Амона. Садов, конечно, не было и в помине, но чистые, гармоничные линии террас, как и обещал Детрие, четко выступали на фоне отвесных Ливийских скал, отливавших огненным налетом, оттененным небесной синевой.

— Это в самом деле восхитительно,— сказал граф.

— Теперь представь себе на этих спускающихся уступами террасах благоухающие сады редчайших деревьев, их тень и аромат.

— Великолепный замысел! Кто построил этот храм? Мне кажется, его должна была вдохновлять красота Хатшепсут.

— Храм сооружен для нее гениальным зодчим своего времени Сененмотом. Он был фаворитом царицы Хатшепсут, одновременно ведая казной фараона и сокровищами храмов бога Ра.

— Он был кастеляном?

— Он был художником, ваятелем, зодчим и жрецом бога Ра.

— Жрецом Ра? Значит, ему пришлось пройти через каземат Колодца Лотоса! — воскликнул граф.

— Я не подумал об этом. Но, очевидно, это так. Строитель этого храма, по-видимому, был неплохим математиком, решив уравнение четвертой степени, доступное лишь вам, современным ученым.

— Нет, скорее всего, он не вычислял диаметр колодца, как это делал вчера я, а *измерял* его, как было принято в Древнем Египте. За время пути я не просто любовался берегами, я многое передумал, решил. Но не все...

— Как? — удивился Детрие.— Ты не все решил?

— Задача жрецов таит в себе неразгаданные тайны геометрии. Я успел вычислить в уме, что расстояние от поверхности воды в колодце до верхнего конца длинной тростинки равно корню квад-

ратному из трех. А до верхнего конца короткой — ровно в три раза меньше.

— Корень квадратный из трех? А что это означает?

— Этой величине большое значение придавал Архимед. Это длина большого катета прямоугольного треугольника с углом в 60 градусов, в котором малый катет равен единице, а гипотенуза — двум. Думаю, что геометров двадцатого века заинтересует, как построить Колодец Лотоса с помощью линейки и циркуля, найти связь между 60-градусным прямоугольным треугольником и хитрой фигурой жрецов.

— И Сененмот все это решил? Как он смог?

— Шерше́ ля фам, как говорим мы, французы,— ищите женщину! Ведь его любила красивейшая женщина мира. Чего не сделаешь во имя любви? И этот созданный математиком храм я решусь назвать Храмом Любви.

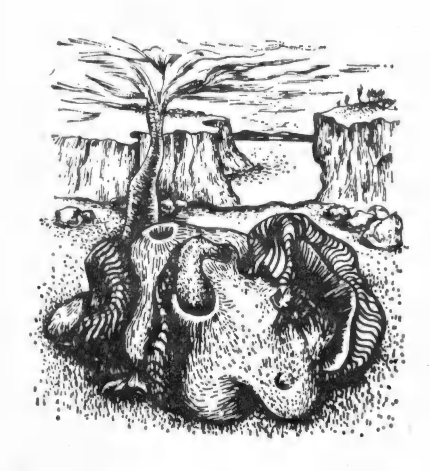
— Да, храм в Дейр-эль-Бахари достоин этого,— вздохнул археолог Детрие.— Он может считаться одним из чудес света.

— Ну, конечно же! — подхватил граф.— Любовь — это и есть самое удивительное чудо света!

ОБ АВТОРАХ

Казанцев Александр Петрович. Родился в 1906 году в городе Акмолинске (Целинограде). Член Союза писателей СССР. По образованию инженер, окончил Томский технологический институт в 1930 году. Работал в промышленности, руководил научно-исследовательским институтом. Автор популярных научно-фантастических романов: «Пылающий остров», «Подводное солнце» («Мол Северный»), «Арктический мост», «Льды возвращаются», «Сильнее времени», «Фаэты» и других. Его произведения переведены более чем на двадцать иностранных языков. Активный публицист. Автор ряда научно-фантастических гипотез, член редколлегий нескольких журналов и сборников. Действительный член Московского общества испытателей природы (секция физики). В нашем ежегоднике публиковался неоднократно.

Мариан Сиянин. Родился в 1938 году. Офицер запаса Советской Армии. Окончил военное училище по специальности электроники, работал программистом электронно-вычислительных машин. В настоящее время занимается исследованием древних сооружений и цивилизаций. Публикуется впервые.

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АБРАМОВ

ГДЕ-ТО ТАМ, ДАЛЕКО ...

Фантастический рассказ

I

Для ночлега выбрали проплешину в двухметровом колючем кустарнике. В костер пошли сухие банановые листья, куски коры и высохшие обрывки лиан. Костер пылал оранжево-желтым пламенем: он щелкал, трещал, верещал и хихикал, как живое существо, выпрыгнувшее из непроницаемой черноты леса. Несло каким-то душным смрадом.

— Что это воняет? — спросил Брегг.

— Трясина,— сказал Женэ.— Она под боком.

— Хорошо хоть дождя нет. Может, засну без снотворного.

Женэ раскурил индейскую трубку: сигареты давно уже кончились.

— Дождей долго не будет: не сезон,— сказал он.— Собери сушняку и ложись. Через три часа разбужу, как условились.

Брегг выругался и сплюнул в костер.

— Я и забыл, что мы теперь одни. Индейцы нас бросили в лесу, как щенят. Высадили на берег и — назад. Даже прощального костра не зажгли.

— Они боятся, Брегг. Боятся чего-то в этом районе. Ты заметил, что они даже не разговаривали, когда высаживали нас с лодки.

— До урановых руд еще далеко,— сказал Брегг.

— Как знать...

— Во всяком случае индикаторы ничего не показывают.

— Впереди еще цепь болот,— указал Женэ на иссиня-черную стену леса.— Переберемся через них, тогда будет видно. Дозиметры не ошибаются.

Брегг повернул другим боком тушку птицы, которую жарил над костром на вертеле, повел носом:

— Запах аппетитный. А почему индейцы так боятся урановых руд? Радиация? Могли бы и ближе подойти, уровень ее здесь ничтожен.

— Вероятно, местные охотники подходили к ним слишком близко, а потом заболевали и умирали. Вот отсюда и страх, навеваемый здешними местами. Теперь за многие века он стал у индейцев, наверное, просто суеверным.

Помолчали. Брегг взглянул поверх костра в сторону леса и поежился.

— Жуть,— сказал он,— и зачем только подписали мы контракт?

— О чем ты раньше думал? — усмехнулся Женэ.— Наверное, тебя заворожила проставленная в нем сумма.

— О, я тогда не знал сельвы. А побывавший в ней не предупредил меня. Проведя два года в тропических лесах Южной Америки, он не счел нужным пугать меня.

— Сельва еще не самое страшное,— сказал Женэ.

— Не знаю,— Брегг опять повернул жаркое на вертеле.— Я подыхаю в этой влажной духоте. Идти — мука. Ноги ватные. Думать не хочется, в черепе — вакуум. Ночью не сплю, даже приняв медвежью дозу снотворного. Говорю гадости. Иногда мне хочется запустить в тебя бутылкой — так раздражают меня твое спокойствие и терпеливость. Скажешь, психую? Да! Неврастеник? Хуже.

Все это Брегг произнес почти спокойно, но с каким-то надрывом. Внутренняя истерика, подумал Женэ и сказал себе: помолчи, не вмешивайся, дай выговориться — пройдет.

— Ты же знаешь,— вздохнув, продолжал Брегг, я никогда не был таким. С этим молотком всю Африку исходил, тонул в горных речках, отсиживался в дырявых палатках в сезоны дождей, погибал от голода и жажды. И никогда ничего не боялся. А здесь свихнулся.

Женэ подбросил сухих сучьев в костер, разжег потухшую трубку, подождал немного, не скажет ли еще чего-нибудь Брегг.

— Ты просто злоупотребляешь психотропными средствами, они здесь не успокаивают, а взвинчивают. И я тоже не супермен — побаиваюсь, как и всякий другой, если чую опасность. Конечно, мы здесь, как в парной бане, тучи насекомых, змеи... Но отбрось пустые страхи. Вспыхнут тусклые огоньки в кустах, ты уже вздрагиваешь: анаконда! Милый мой, анаконда уползает от человека, а не лезет к костру. Или хрустнет что-нибудь, а ты уже...

— Стой! Слышишь? — первым вскрикнул Брегг.

В больших кустах что-то действительно хрустнуло: сломанная ветка или сушняк под ногой. Брегг, пытаясь вскочить, оперся рукой о землю и тут же вскрикнул: на пальце повисла зубастая лягушка. Мерзко пискнув, она свалилась в огонь костра.

— Эта тварь не ядовита, сеньор,— сказал кто-то по-испански. Ранка крохотная, быстро заживет.

В полосе света от пламени костра возник худощавый человек в высоких болотных сапогах с охотничьим ружьем и рюкзаком за плечами. На поясе в чехле болтался нож-мачете, которым в джунглях прорубают дорогу. Густые, неухоженные борода, усы. «Зарос, как и мы»,— подумал Женэ. Схватившись было за двустволку, он снова расслабился.

— Присаживайтесь к огню, сеньор,— сказал он тоже по-испански.

Незнакомец присел на корточки, не приближаясь к огню: и так жарко.

— У меня тут есть кое-что,— сказал он, снимая рюкзак.

— Не трудитесь,— остановил его Женэ,— еды хватит. Есть сардины, анчоусы, индюк на вертеле.

— Это не индюк, сеньор, это бразильская кариаму. Не пережарьте. Мясо у нее нежнее, чем у индейки.

Заметив настороженный взгляд Брегга, незнакомец представился:

— Пако Санчес, такой же лесной скиталец, как и вы. Фактически иду по вашим следам.

— Почему? — протянул Брегг.— Разве вы тоже геолог?

— Нет, я зоолог и член географического общества. Еще в столице узнал, что два законтрактованных нашим правительством геолога отправились в сельву на поиски урановой руды. Американцы предположительно засекли уран в этом районе во время полета их новой орбитальной станции. Для проверки этого и пригласили двух известных специалистов: один из вас бельгиец, другой — француз.

Санчес не ошибся. Парижанин Женэ очутился в сельве совершенно случайно. Он приехал в эту страну по семейным делам, но тут для него нашлась выгодная работа. Правда, организовывалась не солидная, хорошо оснащенная экспедиция, а всего лишь поисковая партия. Но задача была серьезная: проверить, есть ли в указанном районе сельвы уран и можно ли начать его разработки. Женэ тут же телеграфировал Бреггу, с которым подружился раньше во время георазведки в Западной Африке. Брегг тотчас же прилетел из Бельгии самолетом по зову товарища. Профессионально опытные, выносливые и привычные к походным условиям, они отлично дополняли друг друга — добродушно сдержанный и спокойный Женэ и всегда настороженный, с богатым воображением и интуицией Брегг. Испанским владели оба, и встреча с зоологом их не смутила. Женэ только спросил:

— А почему же вас, зоолога, заинтересовала георазведка?

— Меня давно интересует, какие представители южноамериканской фауны уживаются рядом с урановыми рудами. Как переносят радиацию. Догонял вас на вертолете, в Бичико пересел на индейский катамаран. Почти догнал в Муссаибо, а дальше пришлось двигаться в одиночку пешком. Проводников здесь не найдешь ни за какие деньги.

— Мы знаем,— сказал Брегг,— индейцы нас бросили в пяти километрах отсюда, на берегу мутной речки с аллигаторами и прочей нечистью. Кажется, ко всему привычные люди, эти индейцы, а чего-то боятся.

— Как сказать,— вздохнул загадочно Санчес,— может быть, там и есть что-то такое, страшное...

— А вы не боитесь? — спросил Женэ.

— Только радиации, но у вас, наверное, есть счетчики.

— У нас есть и медицинская новинка — таблетки, устраняющие действие радиации на организм. Гамма-стимулятор. Поделимся.

Санчес благодарно кивнул головой. Не отказался он и от ужина. Мясо кариаму оказалось темнее и, действительно, нежнее индейки. Холодный мартини из трехлитрового термоса в рюкзаке Санчеса был особенно желаем в эту душную тропическую ночь. Потом все стали устраиваться на ночлег. Дежурство Санчес уговорил не устраивать.

— Зачем? Крупных хищников здесь нет, а мелкие не тронут, если вы их не заденете.

— А змеи? — спросил Брегг.

— Обычно они первыми не нападают на человека. В дождливый сезон еще могут заползти в нагретую телом постель, а в такую ночь предпочитают болотную траву.

Вскоре Санчес безмятежно храпел.

Бельгиец тоже заснул: очевидно, подействовало снотворное. А француз все лежал без сна. Какая-то смутная тревога наполняла сердце. Почему Брегга так взвинтила сельва? Может, действительно, есть что-то гипнотическое в этих южноамериканских лесах? В их томительных, душных ночах. Вот и сейчас повсюду странные пугающие звуки, загадочные завывания, осторожные шаги, стоны, шорохи. Что их ждет в этом уголке сельвы, который так пугает здешние племена?

Кто знает?

II

С утра начали мастерить плот для переправы через болото. Это была не обычная в умеренных широтах трясина, а цепь вонючих разводий со стоячей водой. Ярко-зеленая диковинная трава так и норовила зацепить плот, с трудом выдерживавший тяжесть троих людей с их геологическим скарбом и рюкзаками.

— Не расползется? — спросил Брегг.

— Не думаю,— откликнулся Санчес.— Все связки — на совесть. А эти лианы крепче любой веревки.

— Тишина-то какая,— заметил Женэ, орудовавший веслом-шестом,— ни рыба не плеснет, ни лягушка не прыгнет, только трава скрипит под плотом.

Санчес встал во весь рост, по щиколотку в воде, заливающей плот, достал бинокль, осмотрел окрестности.

— И птиц нет,— резюмировал он.— Ваша кариаму была, по-видимому, последней. Не узнаю сельвы.

— Может быть, сказывается близость урановых руд? — предположил француз.— Странно: уровень радиации лишь чуть-чуть превышает норму.

— Живая тварь чувствительнее любого дозиметра. Что-то в округе должно препятствовать развитию животной жизни. Ушла рыба, ушли пресмыкающиеся, не летают птицы.

— Даже комаров нет,— добавил Брегг.— В таком виде сельва меня вполне устраивает.

— А меня удивляет,— Санчес был задумчив и хмур.

Больше к этой теме не возвращались. Тишина не пугала, а отсутствие комаров даже радовало. Только преследовал неприятный запах гниющих трав, болотных испарений.

За час до наступления темноты подошли к пологому каменистому берегу, именно каменистому, а не мангровому, как часто бывает в здешних заболоченных озерах. Голый плоский подъем к нагорью, а может быть к скалистому плато. Но там оказалось не плато, а крутой обрыв, уходивший глубоко вниз. То был каньон — внушительных размеров разрыв земной коры, шириной по верху около километра и такой же глубины. Его стены конусообразно сходились книзу, так что дно его выглядело тропкой — не тропкой—узкой полоской земли. Воздух был до того чист, что казался голубой стеклянной призмой, глубоко вдавленной в землю. Обрыв же спускался уступами, поросшими какой-то странной растительностью: не то лиловой, не то коричнево-желтой.

До быстро наступающей в тропиках темноты оставалось немного, надо было решать, где расположиться биваком — здесь, у обрыва, или спуститься двумя уступами ниже. Здесь мешал сильный, пронизывающий, но совсем не освежающий ветер, «как в преддверии ада», по выражению Брегга. Внизу же могла значительно увеличиться радиация. Проверить это вызвался тот же Брегг («размяться больно хочется после болотной Одиссеи»). Он спустился на первый, довольно широкий уступ, потом, привязав веревку к дереву, еще на несколько метров ниже — в общем на высоту шестиэтажного дома.

— Местечко подходящее,— крикнул он снизу,— радиация так себе: одной таблетки хватит.

Эхо повторило фразу слово за словом.

— Сколько? — спросил Женэ, когда бельгиец поднялся к краю обрыва.

— Около двухсот рентген. Терпимо.

— Не опасно? — спросил Санчес.

— Легкий лейкоз заработаете,— сказал Женэ.— Надо таблетки глотать.

— Ну что ж, рискнем.

До наступления темноты успели спуститься на облюбованное Бреггом место и поставить палатку. Костра не разжигали. Наскоро поужинали и легли: усталость все-таки взяла свое. Но храпел один Санчес, Женэ и Бреггу не спалось. Ночь не пугала ни стонами, ни свистом, ни шуршанием, ни шорохами, и все же было беспокойно — какая-то странная, тревожная ночь. Бельгиец первым не выдержал тишины и окликнул товарища.

— Женэ, спишь?

— Нет,— буркнул француз,— и едва ли засну.

— Почему? Здесь же явно безопасней, чем по ту сторону болота.

— Не убежден. Ты же знаешь, я не неврастеник, но вот подымается в сердце беспричинная, непонятная тревога.

Брегг сел, обхватив колени руками.

— У меня то же самое. Думал, обычный, приобретенный в сельве страх,— ан нет. Здесь не сельва пугает.

— А что?

— Какое-то подсознательное предчувствие. Что-то должно случиться. Нехорошее, страшное.

— Мистика.

— Но ведь и ты боишься.

— Может, микроклимат другой? Длительное влияние радиации?

— Так действуют же таблетки...

— Они оберегают кровь, но не защищают нашу психику.

И тут вдруг Санчес приподнялся и сел на своем ложе.

— Может, будем говорить по-испански, сеньоры?

— Мы вас разбудили, профессор? Простите,— извинился Женэ.

— Я уже давно проснулся и не из-за вашего разговора. Просто защемило сердце.

— Нездоровится?

— Нет, что-то беспричинное. Не то тоска, не то страх. А почему, не знаю. На нервную систему не жалуюсь. Да и пугался я только тогда, когда опасность была реальной, ощутимой,— проговорил Санчес с тревожно звенящими нотками в голосе,— а здесь словно в старинном замке, где вот-вот должно появиться привидение.

— Да и у нас похожее состояние,— сказал Женэ.

— Может, это из-за близости урановой руды?

— Я уже предположил это, а Брегг не согласен. Все же лучше разведать, откуда следует ждать привидений.

Француз зажег фонарик и не спеша подошел к краю уступа. Крохотный огонек не пробивал темноты, а над черной бездной каньона не горели даже звезды. Вероятно, их скрыл поднимающийся из глубины каньона туман.

— Осторожнее ходите завтра по краю уступа,— предупредил Женэ, возвращаясь.— Там кустарник какой-то странный. Будто без корней. Густые шарообразные сплетения очень жесткой тра-

вы. Я тронул ногой один куст, легонько так тронул, а он тут же взвился и пропал в темноте.

Сообщение встревожило. Бреггу хотелось вскочить и палить в ночь, во тьму, в туманную бездну каньона. На секунду показалось, что по ребру уступа, над кустами, проскользнуло что-то белесое, еле заметное в темноте. Все трое напряженно вглядывались в темноту, боясь пошевелиться. Ничего. Значит, почудилось.

А как долго еще до рассвета!

III

Бельгиец проснулся первым. Ему показалось, что кто-то коснулся его влажным холодным носом и смрадно дохнул. Что это: во сне или наяву? Брегг протер глаза и приподнялся на локте — никого. Ни одной живой твари, только невысокие пузатые кусты на краю уступа.

Странные кусты, лохматые пучки травы, прижавшиеся друг к другу, как биллиардные шары вдоль борта. Брегг встал и, стараясь не разбудить товарищей, подошел к диковинному кустарнику. Он пнул ногой один из кустов-шаров, и тот взмыл над обрывом, не падая, а плавно опускаясь вниз и подрагивая на ветру, как воздушный змей. Брегг оглянулся и обомлел: такой же диковинный пейзаж окружал их всюду, словно они попали на другую планету. Трава, на которой они спали, оказалась совсем не травой, а высоким мхом. Его ворсистый ковер протянулся по всему скалистому уступу, заползая неровными стрелками вверх. Под ногами он издавал тихий, свистящий скрип, как стекло, если провести по нему мокрыми пальцами. Да и цвет его был непривычный, не свойственный мхам, не зеленый или пепельно-серый, а васильковый. «Может быть, медные руды в подпочвенном слое?» — подумал Брегг, но тут другое привлекло его внимание — деревья. Низкорослые, кривые уродцы с обилием корней, как лапы, цепляющиеся за камни, они росли даже на отвесных скалистых спусках. Листьев у них не было — тонкие рыжие ветви скручивались друг с другом вроде шаровых кустов, напоминая спутанные мотки ржавой проволоки. Росли они редко, а меж корнями-лапами бугрились какие-то оранжевые образования, похожие на клумбы густо посаженных цветов. Но вблизи оранжевая окраска словно порозовела, цветы же оказались не цветами, а пузыриками-грибками, плотно прижатыми друг к другу.

Брегг осторожно ступил ногой на край такой «клумбы» — и произошло неожиданное. Она, вздрогнув, подпрыгнула и отскочила метра на полтора. Бельгиец выждал: не произойдет ли еще что-нибудь удивительное. Ничего более не случилось. «Клумба» продолжала «цвести» на другом месте, словно там и пребывала вовеки. Тогда Брегг повторил опыт. И снова «клумба» отпрыгнула по прямой, ловко проскользнув между скелетами-деревьями. Имен-

но на скелеты деревьев были похожи уродцы, лепившиеся по уступам каньона, как выжженный лес, чудом сохранившийся после бушевавшего когда-то пожара. Мертвый лес? Да нет, совсем не мертвый, рядом с уродами-дедами подымались уроды-внуки, подставляя солнцу свои ржавые ветки-проволочки. А «клумбы» казались даже не растительными, а животными организмами. Может быть, они всегда так лежат, именно лежат, а не растут, пока их кто-то не потревожит, подумал Брегг.

Сейчас он совсем не боялся. Обилие диковинных неожиданностей не подавило, а приободрило его, заинтриговало, возбудило острое любопытство. Ему захотелось узнать поближе этот удивительный мир, познакомиться с ним, пока еще спят товарищи, и, вернувшись, рассказать обо всем, что видел. Он вырвал листок из блокнота, написал,что скоро вернется, а если они услышат выстрелы, пусть идут на звук — далеко он не забредет, незачем. Записку придавил зажигалкой, натянул болотные сапоги («черт знает,

могут все-таки встретиться какие-нибудь ползучие твари»), взял ружье, нож и спустился уступом ниже.

Пейзаж был все тот же: деревья-уродцы, шары-кусты, только вместо коврового синего мха торчали травянистые побеги, жесткие и колючие, как жестяные обрезки. «Хорошо, сапоги надел»,— похвалил себя за предусмотрительность Брегг. Он сразу подметил и другое — не было прыгающих оранжево-розовых «клумб», зато от дерева к дереву тянулись лианы, тоже не зеленые, а фиолетовые и тонкие-тонкие, вроде нейлоновой лески и такие же крепкие — не разорвешь. Он попробовал это сделать и не смог, лишь запутался в них, как в паутине.

А то, что могло играть роль паука, больше походило на черепаху и появилось не сверху, а выкатилось из шаров-кустов, лежавших, как и на верхнем уступе, по краю обрыва. Именно выкатилось, а не выползло, потому что тоже было шаром, но не растением, а явно живой тварью, фиолетовой, как и ее паутина. Шар был величиной с большой арбуз, у него и полосы были похожие, только не зеленые, а темно-лиловые. Из середины шара высовывалась острая черепашья мордочка, отнюдь не свидетельствовавшая об агрессивности твари. Увы, впечатление было ошибочным, и Брегг тотчас же понял это, когда шар вдруг остановился и прижался к земле, как кошка перед прыжком. В это мгновение Брегг и успел вскинуть двустволку. А когда шар стремительно прыгнул, оба ствола ружья изрыгнули пламя. Что было потом, бельгиец уже не видел: от удушающего смрада, внезапно его окутавшего, он потерял сознание.

Очнулся он от того, что Женэ лил ему на голову из фляжки воду.

— Не трать воду! — крикнул он.— Ее на этом Сириусе вообще нет.

— На каком Сириусе? — не понял Женэ.

— А разве мы на Земле? Погляди на эту тварь, на эти деревья-скелеты, на эти шары-кусты! А там, наверху, прыгающие «клумбы», видел? А гадость, которая на меня напала? Кстати, где она?

— Вы ищете это животное, если я вас понял правильно? — осведомился по-испански Санчес.— От него, увы, остались только клочья.

— Стрелял разрывными,— пояснил Брегг.

— Вот кусок,— Санчес протянул ему кусок синего мяса с запекшейся синей кровью и с обломком металлически поблескивающей фиолетовой корки.— Почти металл,— постучал он по ней пальцем,— только не знаю какой. Медь, должно быть. У нас в крови железо, а у этого животного, как и у спрутов,— медь.

— Корка — не медь,— усомнился Женэ.— Я думаю, тут что-то другое. Как он выглядел, этот зверь?

— Прямо как арбуз.

— Занятно. Что же они пьют, если здесь воды нет?

— Может, на дне каньона? Проверим?

— Ты сколько таблеток принял? — осведомился Женэ.

— Две.

— Проглоти еще пару. Счетчик показывает уже почти триста рентген, а ниже, думаю, будет больше. Радиация в этом каньоне повышается с каждым шагом.

— Триста семьдесят,— сказал Брегг, сверившись с дозиметром, когда они спустились на десяток метров.— И обрати внимание на лес.

Уступ здесь был шире, и лес сплошным массивом выстроился по краю. «Не пробиться,— подумал Женэ,— бульдозер нужен, а не наши ножи».

— Придется возвращаться наверх,— сказал он,— на следующем уступе уровень радиации уже почти смертельный. На троих таблеток не хватит — надо спускаться одному.

Санчес сделал несколько снимков опутанного лиловой паутиной леса и полез на верхний уступ.

— Взгляну на сороконожку,— пояснил он.

— Какую сороконожку? — спросил Брегг.

— Санчес подстрелил наверху еще одну здешнюю тварь, многолапую, величиной с хорька и в панцире, похожем на фольгу,— сказал Женэ.

Но сороконожки на месте не оказалось. Кто-то унес ее. Но кто? Мох вокруг не был примят, только возле скалистого выступа, где она лежала, остались глубокие треугольные следы неведомого хищника.

— Хорошо, что хоть снимки есть,— чуть не плакал Санчес,— какой экземпляр потерян.

— Арбуз и сороконожка — это мелочь,— закричал, перебивая зоолога, Брегг.— А если тварь — с бочку? Если на вас прыгнет «клумба», что тогда?

— Тихо, сеньор Брегг,— остановил его Санчес,— мы не глухие. То, что вы называете «клумбой», просто странствующая колония грибовидных организмов. По-моему, она не опасна.

— Здесь все опасно,— не унимался бельгиец,— а вы уверены, что синий мох, на котором мы спали, не ядовит?

— Не паникуй,— сказал Женэ, отшвырнув ногой консервную банку.— Опаснее всего радиация. С каждым уступом уровень ее повышается почти на сто рентген, а таких уступов десяток, а то и больше.

— А действуют ли таблетки? — спросил Санчес.— Мне что-то стало не по себе.

— Тошнит?

— Нет.

— Лихорадит?

— Тоже нет. Просто сонливость.

— У меня, между прочим, тоже,— заметил Брегг.

— Первый признак лучевой болезни — тошнота и рвота через час-полтора после облучения,— сказал Женэ.— К вечеру лихорадка и боль в горле.

— Нет этих симптомов,— удовлетворенно повторил Санчес. Женэ не ответил, чувствуя, что и его неудержимо клонит ко сну, хотя день еще только начинался. «В схватке с каньоном,— подумал он,— мы, кажется, терпим поражение».

IV

Очнулись все почти одновременно и в темноте.

— Уже ночь? — растерялся Санчес.

Бельгиец осветил зажигалкой часы.

— Половина второго. Проспали двенадцать часов.

Разговор сразу принял резкий, обостренный характер. Двенадцатичасовой каменный сон не освежил и не успокоил. Наоборот, взвинтил. Испанский и французский языки смешались. Все кричали, перебивая друг друга.

— Опять страх! Почему? Так с ума сойдешь!

— Я же говорил: радиация.

— Какая еще радиация?! Сириус это, Дантов ад.

— Не глупи.

— А где ты видел на Земле эту дьявольщину?

— Спроси зоолога.

— Я подавлен, сеньоры.

— Попробуем зажечь костер.

Дымное пламя осветило шарообразные кусты и деревья-уродцы. Над каньоном по-прежнему висела тьма. И вдруг в этой непроглядной мгле вспыхнули огоньки. Их можно было легко сосчитать — не больше десятка. Неподвижные, иногда чуть-чуть смещавшиеся, они висели на высоте человеческого роста или выше, на уровне вцепившихся в камни деревьев, и горели, не мигая, тусклым зелено-оранжевым светом.

— Это глаза,— раздался свистящий шепот бельгийца.

— Вздор,— отозвался Женэ.

— Похоже на глаза,— тоже шепотом произнес зоолог.— Только это не ягуар.

— А вдруг здешние твари? Покрупнее?

Бельгиец вскочил, выхватил тлеющую головешку из костра и бросился навстречу немигающим огонькам.

— Жрите, гады! — крикнул он, швырнув головешку в темноту. Глаза погасли.

— Испугались,— сказал зоолог.

— Неужели вы верите в тварей-гигантов? — спросил француз.

— Не знаю, сеньор Женэ, я ничего не понимаю.

— А я знаю, кто это,— заскрипел зубами Брегг. Даже в свете угасающего костра было видно, что он дрожит, точно в ознобе.— Это они.

Он схватил двустволку, проверил, заряжена ли, но Женэ тут же отнял у него оружие.

— Не дури. Их уже нет. Видишь — темно? Ни одного огонька. Ты лучше ляг и прими снотворное. В таком состоянии можешь сорваться с кручи. А мы с профессором подежурим.

— Прости, я опять взорвался. Дай таблетки,— Брегг вдруг обмяк и сел, едва не свалившись в костер. Минут через десять снотворное подействовало — он уже снова спал, вздрагивая даже во сне.

— Надо уходить отсюда,— сказал Санчес.

— Утром уйдем,— согласился Женэ,—я только еще раз проверю уровень радиации.

В чаще кривобоких деревьев снова зажглись огоньки. Столько же, а может и больше. Глаза? Вероятно. Неподвижные, пристально наблюдающие за ними.

— Опять,— сказал Санчес.

— Вижу.

— С ружьем в руках легче дышится.

В сельве тоже было страшновато. Но там им угрожали змеи, ядовитые улитки, кровожадные пираньи — не дай бог, свалишься в воду с плота или перевернется лодка! Здешний страх был особым, гипнотическим, внушенным. Женэ стыдно было признаться самому себе, что он, победитель соревнований в скоростной стрельбе по движущимся мишеням и призер велогонок на треке, сейчас трясется от страха, сжимая скользкими от пота руками ружье. Диковинные растения? Да бог с ними, с растениями, мало ли незнакомцев в сельве — все равно в ботанике он профан. Зверье? Против него есть оружие. Глаза? Тускло-зеленые с оранжевым ободком — они висели в воздухе, как фонарики. Живые фонарики. Не светят, а всматриваются, не вспыхивают, а приближаются, не блестят, а приказывают. А ему не хочется подчиняться, не такой он человек, чтобы смириться со всей этой мистикой. Пусть кто угодно думает, что глаза таинственных лесных существ, о которых говорят предания индейцев, наблюдают за ними. Мифологическое выдает за действительное, сказку — за реальность. Ну а ему, геологу, исходившему тысячи километров в дебрях трех континентов, это все ни к чему. Сейчас он подойдет поближе к этим пугающим глазам и выпалит по ним из обоих стволов. А там посмотрит, уберутся ли они подобру-поздорову.

Женэ встал, перепрыгнул через тлеющие угли костра и шагнул навстречу глазам-фонарикам. Теперь он знал точно — волны страха идут от них. Телепатия? Но кто кого боится: он — их или они — его?

Геолог шагнул еще ближе — и произошло неожиданное. Огни отодвинулись, меняя места, уменьшаясь в объеме, превращаясь из фонариков в светлячки и совсем уже угасли, отступив в темноту. Женэ вздохнул облегченно, дрожащие руки опустили двустволку. И тут случилось то, что можно наблюдать только в тропиках.

Над каньоном включили свет.

Еще невидимое солнце осветило половину порозовевшего неба. Утро наступило, и в каньоне проявилась детская пестрота красок, положенных невпопад,— синева мха, ржавчина леса, оранжевые тона камня, фиолетовые плетения лиан. «Сириус,— усмехнулся Женэ,— наблюдателен все-таки Брегг». Он оглянулся: тот спал, оглушенный удвоенной дозой снотворного; Санчес же, мирно дремавший у потухшего костра, открыл глаза.

— Куда вы? — спросил он шепотом, увидав геолога у обрыва.

— Еще раз проверю уровень радиации на уступах и сейчас же вернусь.

Захватив кроме ружья нож и моток веревки, Женэ прошел по краю поросшего мхом обрыва. Шаровидных кустов уже не было: кто-то согнал их или они сами спорхнули вниз. Но мох был примят треугольными следами, похожими на лапы большой птицы, и широкими плоскими вмятинами. «Их» следы, подумал геолог и спустился, не прибегая к веревке, на нижний уступ. С дозиметром он не сверялся: и так знал, как повышается по мере приближения ко дну каньона уровень радиации. Его интересовало другое: изменения в ландшафте, тонах, появление новых диковинок флоры. Животные, оставив ночные следы, утром не появлялись. Но лес густел. Начиная примерно с пятого уступа, он уже непрерывным массивом тянулся ко дну, шевеля на ветру потрескивающими ветвями. Женэ взглянул на дозиметр и криво усмехнулся: больше четырехсот. Смертельная доза! Но горстка таблеток, проглоченных перед спуском, делала свое дело. В кончиках пальцев покалывало — первый признак действия гамма-стимулятора. Однако дальнейший спуск был уже невозможен.

Хотя бы взглянуть, что там, на самом дне каньона? Только подойти к обрыву трудно: лес сплошной, тянется далеко и слишком густ. Может быть, по верху, по кронам?

Женэ критически оглядел вставший на его пути ржавый лесной заслон и лишь сейчас заметил что-то новое в его облике. На первый взгляд — все тот же скелетообразный лес с кривыми стволами, паучьими ветвями-щупальцами и корнями-клещами, цепко ухватившимися за камни. Ни одного листика. Как и на верхних уступах. Он был прозрачнее любой лиственной рощицы поздней осенью. Но тут, в глубине каньона, он почему-то казался живым сборищем не деревьев-растений, а деревьев-существ. Стволы походили на тела, выраставшие прямо из камня, они покачивались, сгибались, вытягивались, стараясь коснуться друг друга скрюченными ветками.

Страх у геолога давно прошел, он только раздумывал, как бы удобнее пробраться по этим кронам к обрыву. Веревку и ружье он оставил на камнях: в паутине ветвей они будут только мешать. Он легко вскарабкался по ближайшему стволу на верхние сучья и, запутавшись в сплетении веток, лег на них, как в гамак. И тут он почувствовал, как «гамак» качнулся под ним, вытянулся, спружинил и подвинул его ближе к обрыву. Еще минута — и его сдви-

нули еще на несколько сантиметров. Женэ попробовал оттолкнуться от толстого сучка под ногами, но тот тоже спружинил и отбросил его еще ближе к обрыву. Женэ начал вырываться из цепких ветвей, но те не отпускали. Может, это и не ветки вовсе, а чьи-то щупальца, которые норовят скинуть его в пропасть? Ведь крайние деревья лепятся на самом карнизе! И тут Женэ вспомнил о ноже. С трудом вытащил его из чехла и рубанул по опутавшим тело жгутам. Они отвалились, «гамак» уже не спружинил. Женэ стал яростно рубить направо и налево, пока не почувствовал, что освободился. Медленно, от сучка к сучку он стал спускаться вниз. А ветки-щупальца еще боролись, даже обрезанные, они сгибались в его сторону, пытаясь сжать, сдавить, сдвинуть его. Но он уже пробрался к противоположному от обрыва краю. Вон и двустволка вместе с веревкой на каменистом выступе. С трудом перебирая исцарапанными руками, он вырвался наконец из объятий деревьев-убийц. Его шатало. Он поднимался вверх по уступам как во

сне. Видно, он отсутствовал очень долго. Обоих, и Санчеса и Брегга, он нашел растерянными, встревоженными, готовыми спускаться в каньон на поиски.

— С ума сошел,— ворчал бельгиец,— какого черта надо было проверять радиацию? Вчера же точно определили по дозиметру.

— Я не радиацию проверял,— Женэ тяжело дышал, натруженные руки дрожали,— а одну идею, все объясняющую.

— Какая еще идея?

— Сейчас скажу.

Женэ вздохнул и рассказал все, как было. Его оба спутника долго молчали, пораженные. Брегг даже не ругался, а так и стоял с раскрытым ртом, не решаясь спросить о том, что выговорил наконец Санчес.

— Значит, они... живые, да?

— Все растения здесь живые, ни одно не умерщвлено радиацией.

— Я не об этом. Деревья ли они?

— Безусловно.

— А как же вы объясните их попытку сбросить вас в пропасть?

— Защитной реакцией от вторжения в их микросферу постороннего организма. Известно, что корни иногда пробивают камень, а листья мимозы, например, свертываются от прикосновения. Любопытно другое. Когда Брегг запутался в паутине ветвей и лиан, его ничто не отбрасывало в сторону. Значит, на верхних уступах каньона у тех же деревьев нет такой защитной реакции, какую природа выработала у них на более глубоких уровнях. Что-то меняется в этом мире вместе с усилением излучения.

— Почему?

— Так сразу не ответишь, надо подумать.

— А делать что?

— Уходить.

V

Когда опять переправлялись через болото на обратном пути, больше молчали. О каньоне никто даже не упоминал, словно бы и не было в их жизни этих зловещих трех дней. Но все обдумывали увиденное, сопоставляли с известными им фактами. Работали по очереди веслом, отталкивались от травяных заслонов, перекликались, закуривали, механически жевали наспех приготовленные Санчесом сэндвичи.

С радостью увидели низко пролетевшую над водой серую цаплю. И тут как прорвало — опять заговорили о пережитом.

— Первая птица за эти дни,— сказал Санчес.

— А вы обратили внимание, что в каньоне нет птиц потому, что нет насекомых,— задумчиво проговорил Женэ.— Вероятно, есть какие-то низшие организмы, приспособленные к растительной пище, а все остальные — хищники. Один пожирает другого.

— А не объяснишься ли ты в конце концов,— упрекнул его Брегг,— мы с Санчесом так и не разобрались, что к чему. Может быть, действительно, споры неземной жизни?

— Видоизмененной — да, но вполне земной, даже ровесницы нашей привычной. Ей тоже, наверное, миллионы лет. Что же приключилось в каньоне в далекую геологическую эпоху? Урановые руды здесь есть. Это теперь мы твердо знаем. Но обычный распад ядер урана принял иные, быстротечные формы. Почему? Не знаю. Я не физик и не химик и могу лишь предположить, что в каньоне не тысячи и не сотни тысяч, а миллионы лет наблюдается очень высокий уровень радиации, изменивший структуру белковых молекул. Так шла эволюция в этой природной колбе, где самовоспроизводящий белковый цикл приводил к образованию молекул-мутантов. Мутации — вот вам объяснение загадок каньона. Именно мутации и взрастили его животный и растительный мир. Отсюда — и свинцовая фольга сороконожки, и безлиственный лес, не поддающийся излучению. Миллионы лет эволюции создали и шаровидные кусты, и прыгающие грибовидные колонии, и выродившиеся до нейлоновой паутины лианы. Все то же, что и в сельве, но все иное, не подвластное радиации и одновременно порабощенное ею, потому что вне ее, за пределами каньона не смогут жить ни деревья-скелеты, ни черепахи-шары. Вот так-то, друзья, не пришельцы и не споры инопланетной жизни, а миллионолетний каприз природы.

— Значит,— начал было Брегг.

— ... будем искать урановые руды где-нибудь в других местах,— закончил за него Женэ.

— Что же мы будем докладывать о результатах экспедиции?

— Тут надо крепко подумать, время у нас еще есть. Я уверен, что не надо трогать этот каньон. Он ценен сам по себе! Не как атомное горючее, а как единственный в мире заповедник мутантов...

Еще удар шеста, и плот прочно застревает в черной грязи у берега. Здравствуй, сельва! Женэ смотрит на индикатор и говорит:

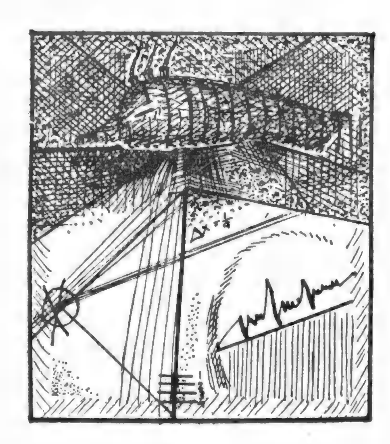
— Норма, друзья. Никакой радиации!

ОБ АВТОРАХ

Абрамов Александр Иванович. Родился в 1900 году в Москве. Окончил Литературный институт имени В. Я. Брюсова и Институт иностранных языков. Член Союза писателей СССР. Печататься начал в 20-х годах как журналист, театральный критик и как автор повестей и рассказов. В жанре научной фантастики работает с 1966 года совместно с С. А. Абрамовым.

Абрамов Сергей Александрович. Родился в 1942 году в Москве. Окончил Московский автодорожный институт. С 1961 года выступает в периодической печати с репортажами, очерками, критическими статьями. Член Союза журналистов СССР. В соавторстве со своим отцом А. И. Абрамовым опубликовал сборник научно-фантастических рассказов «Тень императора», фантастические романы «Всадники ниоткуда», «Рай без памяти», «Селеста-7000», «Все дозволено».

В нашем ежегоднике авторы печатаются четвертый раз.

ЮРИЙ МОИСЕЕВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Фантастический рассказ

—...С появлением человека на Земле возникла проблема: жить ли ему в мире с природой, с мудрой осмотрительностью вмешиваясь в ее процессы, или же «покорять» ее... На огромных пространствах вырубались леса. Безвозвратно погибали многие виды животных и растений. Изменялся состав атмосферы, и все чаще тревожил «парниковый эффект»: казалось, еще немного — и начнется необратимое таяние ледяной брони Гренландии, Антарктиды и волны затопят материки. Мировой океан терял свою способность к самоочищению. Все чаще землю опустошали наводнения, циклоны, пыльные бури...

Голос прервался, и я, осторожно повернув верньер, опять настроился на волну Экологического центра.

—...Возникновение всепланетной цивилизации избавило нас от необходимости скрупулезно контролировать чистоту атмосферы, океанов, морей и рек. Теперь не надо поднимать тревогу из-за эрозии почвы в Аризоне или на равнинах Центральной Азии, спасать вымирающие виды животных. Человечество поистине сделало скачок от биосферы к ноосфере, переступив порог «экологического сознания» и вплотную подойдя к «галактическому». Это, наверное, единственный путь в грядущее, логическое условие самой возможности наступления такого «завтра». Пароль будущего! Но ни на минуту нельзя забывать, что оно возникает уже сегодня: мост в завтрашний день создается усилиями всего человечества...

— Алеша, занимай высоту три тысячи метров,— перебивая передачу Центра, ворвалась в наушники шлемофона стремительная скороговорка,— постараемся посадить тебя вне очереди.

Мой гравиплан, преодолевший нелегкий путь в три минуты — скорости так возросли, что давно уже стало бессмысленным изме-

рять расстояние в километрах,— от Заилийского Алатау до Олимпа, сделал перед посадкой круг. Легкое восьмилепестковое здание с овальным вырезом на крыше словно парило подо мной в прозрачном воздухе. По радиусу расходились поля антенн, принимавшие информацию от тысяч спутников-автоматов. Каждый из них «висел» над определенным квадратом Мирового океана или суши, с зеркальной точностью воспроизводя его на экранах глобальной системы наблюдения. На ночной стороне Земли включались инфракрасные системы слежения, выводя на экраны изображение в лучах видимого диапазона спектра.

— Переключайся на автопилот! — снова прервал мои размышления насмешливый девичий голос.— Приземлишься у главного входа.

— Ладно, но почему такая спешка?

— У нас тяжелый день, Алеша,— озабоченно сказала встречавшая меня Джоанна, дежурная по посадке. Задвинув антенну в гнездо, она нетерпеливо поправила ремешок радиофона на плече.

— Как поживает твой обожаемый ледник Туюк-Су?

— Что ж, там все в порядке. Ледопады, моренные озера, эдельвейсы. Местные гравилетчики — ребята лихие и селевую волну не проглядят, мы напрасно беспокоились.

— Все это прекрасно, но не торопись освобождаться от своих доспехов,— добавила она, увидев, как я с облегчением расстегнул молнию высотного костюма.— Отдыхать тебе сегодня едва ли придется. В районе Бермуд замолчал грузовой лайнер-автомат. На ноги подняты все сотрудники нашего и Ураганного центров. По-моему, подключается и Космический центр. Тебя тоже наверняка привлекут к операции.

За крутой дугой командного пункта управления расположились восемь секторов Центра. Над пультами памятных машин склонились операторы, и даже издалека угадывался напряженный ритм их работы.

Координатор — высокий, грузный, пепельноволосый — крепко пожал мне руку.

— Ты вовремя, Алексей. Мы только что закончили передачу по сети всепланетной связи.— Указав мне на кресло рядом с пультом, он негромко произнес: — Внимание! Сигнал!

Густой торжественный гул медного гонга поплыл в пространство, поднимаясь по восходящей гамме, и резко оборвался. Между секторами возникло голографическое изображение земного шара диаметром в несколько десятков метров. Отдельные квадраты его поверхности мгновение колебались, смещаясь и перекрывая друг друга, пока контрольные системы не стабилизировали голограмму. Я не раз видел это «рождение» планеты из пламени солнца и звездного света и всегда с некоторой досадой ощущал свою, как мне думалось, непрофессиональную восторженность. Однако, оглянувшись, я увидел взволнованные глаза Джоанны и — что оконча-

тельно сняло мои сомнения — неожиданно мягкое, почти нежное выражение на лице Координатора.

А планета плыла, парила перед нами, жила, дышала, окутанная облачными полями, и, казалось, едва заметно поворачивалась. Но уловить этого мы, конечно, не могли: полный оборот голограммы был синхронизирован с реальным суточным вращением Земли. С осязаемо-зримой реальностью проплывало перед нами восточное полушарие. Торосы Северного полюса, левее — ослепительный панцирь Гренландии, синий блеск Средиземноморья, буйное цветение прибрежий Северной Африки, четкие линии трансконтинентальных магистралей. Экваториальную зону материков пересекало ожерелье солнечных станций, которые принимали поток энергии от конвоя спутников Космического центра. Орбиты спутников Экологического центра пролегли несколько ниже, поэтому сам конвой не попал в поле их зрения. А южнее Индостана — завораживающее сияние океана в разрывах тысячекилометровых турбулентных вихрей атмосферы, караваны грузовых лайнеров-автоматов на воздушной подушке, гирлянды плавучих островов-баз для переработки рыбы и планктона, извлечения металлов, растворенных в морской воде. И словно знобящим холодом потянуло от великих льдов Антарктики.

— А теперь, Алеша,— произнес Координатор, с трудом отрываясь от созерцания голограммы,— отправляйся на Бермуды. Но пока обстановка там не прояснится, поможешь спасти семейство дельфинов, выбросившихся на берег Новой Зеландии; координаты — у Мадлен. Ради тебя я даже расстаюсь с Джоанной,— усмехнулся он.— Она только недавно получила права на пилотирование гравипланов. Пусть покажет свои способности.

— Есть, Антон! — весело отозвался я.— С таким помощником берусь выручить даже стадо китов.

— Нужна новая программа для автопилота,— едва поспевая за мной, озабоченно говорила Джоанна.— Ну куда же ты так торопишься, Алеша?..

— Прости, Джо! — спохватился я, останавливаясь у сектора стихий, где слышался уверенный баритон оператора.

— Вызываю Ураганный центр! Прием! — На секунду он повернулся к нам, приветственно махнул рукой и снова наклонился к пульту.

— Ураганный центр на связи! — отозвался густой, спокойный голос.— Что ты, Майкл, поднимаешь панику на всю планету? Прием!

— Патрик, северо-западнее Реюньона возник циклон. Как же твои ребята проморгали?

— Майкл, побереги нервы на случай землетрясения. Родионов уже повел эскадру на перехват циклона.

— О'кей! Патрик, напоминаю, в районе Бермуд, кажется, оживает «треугольник смерти». Один из грузовых лайнеров-автоматов перестал подавать позывные.

— Патрульная эскадра на пути к Бермудам. Надеюсь, мы разберемся наконец, в чем там дело...

Оператор сбросил наушники, с подчеркнутым вниманием оглядел нас и улыбнулся:

— Джо, твой друг — мой друг! С обстановкой вы, надеюсь, успели ознакомиться? Все наши резервные гравипланы вместе с эскадрой Ураганного центра патрулируют район бедствия.

— Что же там стряслось? — спросил я.

— История долгая, но ты должен был слышать о ней, хотя тебе, конечно, ближе космические течения, гравитационные вихри, звездные коллапсы и прочие чудеса. Словом, район между Бермудскими островами, центральной частью Флориды и Пуэрто-Рико давно пользуется плохой репутацией. Здесь бесследно исчезали суда и самолеты, погибали люди. Недаром его прозвали «треугольником смерти». Самый загадочный случай, когда в ясную, безветренную погоду пропало пять самолетов и гидроплан, вылетевший на их поиски. И никаких следов, никаких обломков. Осталась только запись драматического сигнала экипажа самолета на контрольный пункт. Я помню ее дословно: «С нами несчастье! Мы сбились с курса, земли нигде не видно! Не можем определить, куда нас занесло. Кажется, что...» Фраза оборвалась на полуслове.

Таким же необъяснимым было исчезновение двух самолетов-бензозаправщиков возле Ямайки. Обнаружили только их обломки в сотнях километров друг от друга, поэтому версия об их столкновении сама собой отпала. И в других случаях также находили иногда обломки судов, самолетов, останки же людей — никогда. Любопытно, что каждый раз сначала отказывали все средства связи и навигационные системы.

— Как же объясняли это?

— По-разному. Меня, однако, мало убеждают рассуждения о внезапных титанических турбулентных вихрях в атмосфере или водоворотах в океане. Почему вдруг возникают эти мгновенные циклоны или водовороты? Почему так внезапно выходят из строя все приборы?..

— Но все-таки были же какие-то разумные предположения?

— Интересное соображение высказывалось о таинственных взрывоподобных инфразвуковых пиках в океане. Некоторые ученые выдвинули гипотезу о существовании некоей «дыры» в небе в районе Бермудских островов. Но их и слушать не стали. Однако вот что любопытно! Когда на карту нанесли координаты катастроф за многие годы, выявилась поразительная закономерность. Получились, правда, не «треугольники», а, скорее, «ромбы смерти». В 250 милях к югу от острова Хонсю обнаружился район, по частоте катастроф сходный с Бермудами. Самолеты исчезали

на линии, проходящей южнее острова Гуам. И эти «ромбы» расположились точно один против другого по обе стороны северного полушария — возле тридцатого градуса северной широты, вытянуты градусов на тридцать с востока на запад. Такая же аномалия и в Средиземном море. Возникло предположение, что должны быть аналогичные зоны и в южном полушарии. И в самом деле, у восточных берегов Южной Америки, Южной Африки и Австралии те же роковые координаты.

— А сопоставляли,— нетерпеливо перебил я,— температурные инверсии воздуха и воды? колебания атмосферного давления? характер поверхностных и глубинных океанских течений? геомагнитные аномалии? К каким же выводам пришли кроме самых общих?

— Не так уж все было безнадежно. Высказывалась довольно убедительная гипотеза, Алеша. Электромагнитологи объясняли все эти странности существованием пяти пар диполей. И действительно, когда через глобус проткнули спицы, соединявшие попарно противоположные «ромбы смерти», то они прошли точно через самый центр Земли. Но опять-таки никто не взял на себя смелость предположить, что́ или кто́ «включает» эти диполи,— почему их действие непостоянно.

— М-да, наверное, имеет смысл выяснить в конце концов природу этих аномалий, попытаться нащупать их ритм.

— Вот-вот, Алеша,— с готовностью подхватил Майкл, покосившись на меня.— Ты уж, пожалуйста, постарайся это сделать. На то ты и командир Экологического патруля.

— Ладно, ладно, воодушевился,— проворчал я, вставая,— не перекладывай своих забот на меня. Если что-то произойдет, немедленно сообщи. Мы будем в Новой Зеландии.

— Опять Мадлен тебя эксплуатирует ради спасения очередной живности, попавшей в беду?

— Что делать! — примирительно улыбнулся я.— Дельфины, конечно, не вулканы или циклоны, но все-таки...

Когда мы вошли в сектор охраны животных, помощники оператора, взволнованно переговариваясь, столпились у пульта. Клочья грозовых облаков неслись на экране над скалистым берегом. Несколько дельфинов, задыхаясь, бились на песке, и их прерывистый отчаянный свист заполнял комнату.

— Мадлен! — коснулся я плеча оператора.— Координатор направил меня в твое распоряжение.

— Алеша! Ты снова наш спаситель! — обрадовалась она.— Вот программа для автопилота; я сама приготовилась к вылету. Пусть Джоанна возьмет мой высотный костюм.

...Подняв гравиплан, я повел его по кругу. Машина Джоанны подстроилась к моей, и через несколько минут мы уже приземлились на пустынном морском берегу, около старой бревенчатой фермы. Еще издалека мы разглядели детей, растерянно сбившихся возле дельфинов. Когда волны набегали на песок, дельфины,

взмахивая хвостовыми плавниками, окатывали друг друга. Дети обрадованно подбежали к нам. Насквозь мокрые, окоченевшие от холода, они заговорили одновременно, но мальчик постарше остановил товарищей.

— Мы им не можем помочь: они такие тяжелые! Одного мы спихнули в воду, но он опять с разгона выбросился на берег.

— Наверное, не хотел расставаться с друзьями,— тараща на нас глаза, перебила его крохотная девчушка.

Джоанна наклонилась над маленьким дельфином.

— Да, ведь это новорожденный! Вероятно, он первым оказался на берегу и начал звать на помощь. Тут уж, конечно, все стадо устремилось на выручку... Дельфиненка в первую очередь и надо спасать, тогда успокоятся и все остальные. Ах ты, дуралей! Да какой же ты гладкий, теплый,— приговаривала Джоанна.— А ну-ка, ребята, помогите!

Очутившись в воде, дельфиненок то ли от ласкового голоса, то ли от прикосновения заботливых рук стал посвистывать уже не так жалобно, а скорее вопросительно: «Где же вы, родители?» Поодиночке мы перенесли дельфинов в родную стихию. Поддерживая за грудные плавники, водили их вдоль берега, стараясь, чтобы их дыхала оставались над волнами. Постепенно они оправились от шока, стали плавать вдоль берега, нырять и наконец, окружив дельфиненка, устремились в открытое море.

Мы стояли на берегу и, не замечая шквалистого ветра, бросавшего клочья пены в лицо, провожали глазами дельфинов, пока те не исчезли среди волн. Потом направились к дому, но Джоанна, вдруг обернувшись, помахала кому-то рукой и послала воздушный поцелуй в сумрачное небо. Я удивленно взглянул на нее и, сообразив в чем дело, тоже поднял голову, представив радостное оживление в секторе Мадлен. Обходя острые камни, мы шли к ферме, и как же странно выглядели рядом с нею наши гравипланы!

— Хорошо, что вы подоспели,— встретил нас на полпути хозяин фермы, задыхаясь от бега.— С городом невозможно связаться. Тераи! — представился он.

— Все в порядке! — весело бросила Джоанна.— Дельфины в безопасности. Вот только на нас сухой нитки не осталось, да и ваши дети изрядно промокли, как бы не заболели.

— Просушите здесь ваши доспехи, обогрейтесь,— говорил старик, распахивая дверь дома.— Уложу внуков спать, и тогда все будет действительно в порядке.

Переодевшись, мы расположились у жарко полыхавшего камина. После сочного бифштекса пили крепчайший индийский чай и благодушествовали. Разрумянившиеся ребята сидели рядом и, несмотря на уговоры деда, никак не хотели идти спать.

— Когда я вырасту,— с важностью изрек мальчик, поглядывая на Джоанну,— то буду гравилетчиком.

Джоанна улыбнулась:

— Ну тогда дельфины под надежной охраной. А знаете, ребята, как писали о них в глубокой древности: «Еще ничего не было создано на свете прекраснее, чем дельфин! Хотя ему ничего не нужно от людей, он их великий друг и многим оказывал помощь».

— Мои предки, полинезийцы, в давние времена умели разговаривать с дельфинами,— сказал Тераи.— Вот вы что-нибудь слышали о «вызывателях дельфинов»?

— Что-то малоправдоподобное,— призналась Джоанна.

— А ведь здесь и до сих пор немало необъяснимого. Так вот. Вождь племени на атолле Бутаритари в архипелаге Гилберта владел этой тайной. Она передавалась по наследству. «Чтобы вызвать дельфинов,— говорил он,— мой дух должен во сне покинуть тело, полететь к ним и пригласить на празднество в деревню». Когда солнце проходило зенит, вождь выходил на берег лагуны и возглашал: «Явитесь! Явитесь, наши друзья с запада!..» Сотни людей в нарядных одеждах, украшенные цветами, ждали, стоя по грудь в воде, в величайшей тишине. И вот в волнах появлялись

стремительно летящие дельфины. Люди медленно отступали к берегу, приглашая их за собой. Нежно поглаживая, выносили на руках к линии прибоя, набрасывали на них гирлянды цветов. Женщины, дети, мужчины радостно танцевали вокруг дельфинов, не проявлявших ни малейших признаков тревоги.

— Дельфинам нравится играть, и они любят людей,— задумчиво произнес мальчик, глядя на ревущее пламя в камине,— поэтому их нельзя не любить.

— Молодец, малыш! — положив ему руку на голову, серьезно сказала Джоанна.— Когда вырастешь, приходи к нам, в Экологический центр. А пока отправляйся-ка в постель, ведь растут-то дети во сне.

То ли из-за этого несокрушимого довода, то ли усталость взяла свое — у ребят уже совсем закрывались глаза — все они гурьбой пошли спать, а Тераи на руках унес самую маленькую, уже крепко уснувшую.

— Я биолог по образованию, много возился с дельфинами,— заговорил он, вернувшись.— Меня долго занимала одна проблема. В течение долгих веков люди отмечали неизменную общительность, добродушие, какой-то игривый юмор и даже поражающую снисходительность дельфинов по отношению к человеку. В чем разгадка такого поведения?

— Да, дельфины стоят особняком в животном мире,— подхватил я.— Их можно научить различать предметы и цвета, считать...

— Написал же один из первых исследователей,— вмешалась Джоанна,— что ему иной раз становилось не по себе, когда он видел поразительную целенаправленность в их поведении. Казалось, не человек, а дельфин ставит над ним эксперименты.

— Вот, вот! — согласился Тераи.— И все-таки человек продолжал загонять электроды под черепную коробку дельфинов в поисках центров радости или угнетенности. Снимал электроэнцефалограммы, которые практически не поддаются расшифровке. Чего сто́ят, скажем, такие выводы: «Большинство млекопитающих смиряется с ограничением свободы... каждое разумное животное, будучи побежденным и сознавая это, занимает выжидательную позицию». И, знаете ли, не выходит у меня из головы предположение, по сути дела пророчество моего коллеги-дельфинолога. Он говорил, что при встрече с гипотетической суперцивилизацией она может расценить людей примерно так же, как мы рассматриваем животных нашей планеты. Она будет ставить на нас эксперименты, и мы окажемся вне каких бы то ни было, пусть даже непонятных нам, галактических норм...

Тревожный сигнал радиофона прервал Тераи. Джоанна нажала кнопку приема.

— Алексей! — раздался голос Координатора.

— Слушаю, Антон! — невольно вздрогнув от неожиданности, шагнул я к радиофону.

— Звездолетчики изучили данные нашего и Ураганного цент-

ров, сопоставив всю информацию о «треугольниках смерти». Результаты очень противоречивы. Одна из крайних гипотез — гиперпространственный зондаж Земли инопланетной суперцивилизацией. Сейчас из этих районов эвакуировано население, изменены маршруты лайнеров. Кстати, исчез один из патрульных гравипланов. Видимо, совершил вынужденную посадку. Космический центр выделяет для патрулирования «треугольников» твой старый «Перун». Он недавно вернулся из экспедиции к Титании. Командором назначен Стоян. Хотя твои обязанности как командира Экологического патруля значительно расширяются, но тебе придется присоединиться к экипажу Стояна. Ведь ты участвовал в межзвездных экспедициях! Словом, отправляйся утром на гравидром Флориды. Там тебя будут ждать.

— Вот так история! — озадаченно пробормотал Тераи.— Зондаж? Это немыслимо!

— Кибермозг учитывает все, в том числе, казалось бы, и немыслимые возможности,— сказал я.— Ну ладно, пожалуй, все-таки надо отдохнуть перед вылетом.

— Побереги себя, Алеша,— проговорила Джоанна, легко коснулась моего плеча и вышла. Тераи смущенно помялся и с явной неохотой тоже удалился.

Пока я укладывался на диване, затухающий камин отбрасывал странные мятущиеся тени. Я лежал с закрытыми глазами, но сон долго не приходил. Слишком много событий произошло в этот день. Одна версия фантастичнее другой невольно приходили в голову. Бермуды... «дыры» в небе... улыбающийся дельфин с электродами в черепе... стена пламени... на фоне ее неведомые межзвездные корабли... тишина... падающие капли дождя...

— Откуда ты взялся на мою голову? — с холодной досадой сказал Стоян. Широко расставив ноги и положив руки на пояс, он в упор смотрел на меня. Огромный звездолет с могучим гребнем гиперпространственного преобразователя и тройными кольцами защиты стоял поодаль на плитах гравидрома. Мощность корабля, видимо, превосходила все резервы обычных звездолетов.

— Всегда Совет планеты навязывает мне инспекторов,— продолжал Стоян.

— Я командир патруля Экологического центра.

— Час от часу не легче! На борту опытного корабля нет ни одного лишнего места.

— Но ведь должен был идти «Перун»?

— Космический центр отдал для операции экспериментальную эскадру.

— А где остальные корабли? — недоумевающе спросил я.

— Не слишком ли много вопросов? — бросил Стоян и, повернув голову, крикнул:

— Бранимира!

Невысокая, плотная женщина подошла к нам, с удивлением рассматривая меня.

— Алексей? Я слышала, ты ушел из Звездного Флота?

— Вот думаю вернуться.

Стоян посмотрел на Бранимиру, на меня, и теплый огонек блеснул на мгновение в его взгляде.

— Кольца Сатурна? Титания? Лебедь-61?

— Второй пилот, командор. Сейчас Экологический центр.

— Во-от как! — протянул он.— Это меняет дело. Прости, Алеша, я не сразу узнал тебя.

— Тяжелый ты парень, Стоян.

— Космический центр тоже так считает,— с мрачным удовлетворением кивнул он.— Моя пресловутая агрессивность, некоммуникабельность и заставила Совет остановиться на моей кандидатуре. Одно дело встречать гостей, а другое — провожать непрошеных. Ну хорошо, переодевайся, твой высотный костюм пригоден только для гравипланов.

Властный тон Стояна показывал, что командор принял меня в экипаж. Мы бегом направились к кораблю, который стоял под защитой излучателей гравитационного поля. Я первым поднялся по трапу. Бортинженер, коротко представившись: «Мигуэль»,— подвел меня к нише, где стояли скафандры высшей защиты, пришпиленные магнитным полем. Мигуэль жестом указал мое место и снова встал за пульт управления, полыхавший рубиновыми огнями.

— Командор! Готовность тридцать минут! — раздался из микрофона напряженный голос.— Замолчало еще несколько спутников над «ромбами».

— Вас понял! — отозвался Стоян.— Закрыть люки! Двигатели? Защита? Системы жизнеобеспечения?

— Норма! — бросил бортинженер.

— Бранимира! Связь? Излучатели?

— Норма!..

— Командор, готовность десять минут!

— Вас понял... Приготовиться к взлету!.. Старт!..

Кибермозг поднял корабль на двадцать тысяч метров и повел его к Бермудам. Я отложил полетное задание и, взглянув на непроницаемое лицо командора, решился высказать мучившую меня догадку.

— Стоян!

— Слушаю, Алеша! Несколько минут в нашем распоряжении еще есть,— с неожиданной мягкостью откликнулся он.

Бранимира испытующе взглянула на него и поспешно повернулась к пульту.

— В этой программе,— начал я,— ряд интересных вариантов, но нет одного. Если это эксперимент суперцивилизации, нужно, по-моему, действовать так: одновременный прорыв эскадры в гиперпространство, затем суммарный удар гравитационным полем.

При мощности эскадры этого будет достаточно, чтобы остановить любого, с позволения сказать, исследователя.

— Связь с эскадрой! — резко бросил Стоян.

На приборной панели вспыхнули индикаторы контакта. Командор коротко изложил мое предложение экипажам кораблей. Последовал быстрый обмен мнениями.

— Твое предложение принято,— обернулся ко мне Стоян.— Связь на кибермозг! Излучатели в режим! Защита!

Бортинженер не успел шевельнуться: кибермозг включил защитное поле. Но на долю секунды мы ощутили тяжкое угнетение психики.

— Так! — удовлетворенно произнес Стоян, глядя на заметавшиеся стрелки приборов.— Это инфразвуковая волна. Бранимира, возьми пеленг. Гиперсвязь! Сними мощность с защиты, Мигуэль! Нужны несколько секунд.

Мгновенная дрожь пронзила корабль, когда бортинженер отобрал часть мощности на передачу. Медленно, как бы с ощутимым усилием, загорелись индикаторы контакта.

— Эскадра! По корабельному времени через пять секунд после окончания связи прорыв по пеленгу инфразвуковой волны в гиперпространство. Затем короткий выход на связь. Если понадобится, снять всю защиту. И сразу же одновременный залп излучателей поля. Подтвердите прием!

— Есть подтверждение, командор...— слабо отозвалась Бранимира, бледнея. Пробившаяся волна инфразвука словно сгибала ее, гася сознание. Когда защита восстановилась, девушка постепенно пришла в себя.

— Алеша, займи место рядом с Бранимирой,— спокойно сказал Стоян.— Не забыл еще систему управления излучателями?

— Нет! Нет! Точно такая же была на «Перуне»,— ответил я, непослушными пальцами защелкивая замки пояса и осматривая пульт.

— Внимание! — загремел жесткий голос Стояна.— Входим в гиперпространство!

И все пережили долгое, растянутое на века и парсеки мгновение. Иглы звезд превратились в снопы ослепительного света. Звездолет будто падал в раскаленное горнило Вселенной, полыхавшее первозданным пламенем, в котором рождались и погибали галактики...

...Я с усилием открыл глаза, еле переводя дыхание, как после стремительного бега. Еще не придя в себя, ошеломленно посмотрел на потолок, на котором полыхнул последний отблеск пламени. Я распахнул окно, в комнату вошло размеренное дыхание океана. Взлетела над прибрежными скалами волна, с размаху ударилась о них грудью и, пенясь и шипя, отхлынула. А на смену ей торопилась следующая. Наши гравипланы, словно пригнувшись под

гребнями преобразователей поля, прижались к дому, и почудилось мне в их облике что-то сиротливое и беззащитное. «Черт побери, не хватало еще только очеловечивать машины»,— с досадой подумал я, кутаясь в одеяло. И снова будто провалился в какую-то бездну.

...Внезапно в поле зрения появилась армада шарообразных межзвездных кораблей, построенных в форме гигантского ромба. Они начали стремительно подтягиваться к флагману, который, почти вдвое превосходя по размеру остальных, замыкал пространство общим силовым полем.

Гневно выпрямился Стоян, разгадав замысел пришельцев.

— Эскадра! Снять защиту! Всю мощность отдать излучателям! Бить по флагману!

Корабль снова вздрогнул. Я почувствовал, как пот заливает глаза. Руки словно окаменели на рычагах излучателя. В течение нескольких секунд мы видели на наших экранах командный пост флагмана. И ускользающие заметавшиеся тени — хрупкие тела, непомерно тяжелые купола черепов, как бы надвинутых на горбатые носы. Ближайший к нам, видимо, командир, со злобным недоумением поднял голову, и его немигающие, словно покрытые пленкой глаза, уставились прямо на нас. Судорога исказила его лицо, он рванулся к пульту.

Бранимира слабо вскрикнула. И мы одновременно увидели в чужом звездолете распростертого в кресле человека в таком же, как у нас, скафандре высшей защиты, связанного по рукам и ногам, опутанного датчиками, провода от которых шли к пульту. Его голова беспомощно свесилась на грудь. Внезапно он очнулся, и яростным торжеством вспыхнули его глаза, когда на экране он увидел нашу эскадру. Могучим усилием он разорвал путы, поднялся с кресла, шагнул к пульту, схватил командира флагмана и швырнул его в толпу бросившихся на него чужих звездолетчиков. Последнее, что мы сумели уловить: его гордо вскинутая голова и рука, поднятая в прощальном приветствии...

Сокрушительный смерч суммарного излучения нашей эскадры смял силовое поле армады и ударил по флагману, который не успели прикрыть другие звездолеты. Экраны прорезала беззвучная черная молния. Пламя вырвалось из облака, возникшего на месте флагмана. Оно разрослось в объеме, поглощая остальные корабли, запоздавшие с маневром. Мгновенные разряды вырвались из них, искривляя и свертывая космическое пространство.

— Эскадра! Прорыв на Землю! — скомандовал Стоян.

Снова то же ощущение бесконечности мгновения. Потом на наших экранах в разрывах далеких облаков внезапно появилась синева земного моря.

— Да! Да! — хрипло отозвался командор на вызов руководителя операции.— Задача выполнена! Идем на гравидром!

Связавшись с эскадрой и выяснив, что все корабли и экипажи целы, Стоян повернулся ко мне и сказал:

— Возвращайся-ка ты в Звездный Флот, Алеша. Хватит бездельничать. Придешь в форму, возьму вторым пилотом в свой экипаж.

— Договорились, Стоян! — устало ответил я. Перед моими глазами стоял землянин, который, жертвуя собой, возможно, спас нашу эскадру от гибели, а мы не могли даже попытаться выручить его: слишком жестокий выбор был поставлен перед нами.

Стоян уловил мои мысли и нахмурился:

— Зачем он понадобился им, Алеша, как ты думаешь?

— Может быть, как индикатор нашего биоизлучения, как эталон сравнения, как настройка на Землю.— Кто знает?

— Да, теперь у Совета планеты забот прибавится,— задумчиво произнес Стоян.— Значит, снова гиперпространственный патруль.

— Может быть, это какое-то недоразумение. Высокая цивилизация, вышедшая в космос, вряд ли станет экспериментировать над другим миром.

Стоян пожал плечами. Едва звездолет приземлился, мы услышали взволнованный голос руководителя операции:

— Стоян! Алексей! Немедленно в командный пункт. Вас вызывает Совет.

Освободившись от скафандров, мы сошли на землю, только сейчас ощутив, как изломали нас перегрузки и нервное напряжение. Расстегнув воротники, мы полной грудью вдохнули свежий морской воздух.

Совет очень редко собирался в полном составе, но сейчас руководители всех Центров планеты внимательно смотрели с экрана. Координатор Совета не сводил с нас тяжелого пристального взгляда во время наших сжатых докладов. Сухие вопросы. Точные ответы. Короткие реплики. Выкладки. Справки. И на мгновение я почувствовал себя словно в командном посту звездолета. Но это и был командный пост космического корабля по имени Земля.

После короткой напряженной паузы заговорил Координатор:

— Возникло парадоксальное положение. Мы на Земле создали Экологический центр и заботимся о сохранении живых существ и растений. И чуть ли не вооружаемся веничками, как некогда монахи секты Дзен, чтобы осторожно убрать с дороги какого-нибудь заблудшего жука. А нами тем временем занялись галактические экспериментаторы. Твоя гипотеза, Алексей,— обратился он ко мне,— довольно логична. В самом деле, трудно предположить, что это посланцы какой-то суперцивилизации.

— Может быть, с помощью главного кибермозга планеты попытаться определить принципиальную возможность их появления? — спросил Координатор Социологического центра.— Они могут долго оставаться незамеченными, так как слишком похожи на нас. И тогда начнется цепь неуправляемых событий. Скажем, попытки разрушить или извратить наши идеалы, исказить прошлое, отвлечь людей от реальной действительности ложными целями. Человек, лишившись корней, неизбежно превратится в перекати-поле.

— Мыслить историческими категориями, конечно, полезно,— хмуро улыбнулся Координатор Совета.— Но не слишком ли далеко простирается наша предусмотрительность? Не слишком ли это отдаленные аналогии?

— Об этом необходимо помнить! — настаивал социолог.— Мы уделяем много времени и энергии защите биосферы и, пожалуй, слегка забыли о человеке. Никаких тревожных симптомов нет, но их не стоит дожидаться. Ведь мы не знаем, к какому методу проникновения могут прибегнуть эти «экспериментаторы».

— Во всяком случае, раз эта точка зрения высказана, ее следует изучить,— спокойно согласился Координатор Совета.— Однако сейчас перед нами другая задача. До сих пор мы отправляли в глубокий космос Галактические патрули с чисто научными целями или же откликаясь на призыв других цивилизаций о помощи.

Кстати, пока мы так и не получили сообщений от «Святогора» — флагмана Патруля из четырех звездолетов. Кто знает, может быть они также столкнулись с такими же «исследователями»? Что ж, экспериментальные звездолеты показали себя неплохо. Будем закладывать на стапелях целую серию таких кораблей, учтем все замечания экипажей. И, видимо,— с сожалением добавил он,— придется пока свернуть наши планы окончательного освоения бассейна Амазонки, борьбы с наводнениями. Землю мы уберегли от самих себя, и «экологическое сознание» дало человечеству пароль будущего. Теперь предстоит отвоевать право на «галактическое сознание», получить пароль Галактики — уважение ко всему живому, разумному в космических пространствах. Звездному Флоту надо готовиться к глубокой разведке, может быть, разведке боем. Галактический гиперпространственный патруль должен прочесать весь доступный нам космос на много световых лет... Как только имя землянина, попавшего в чужой звездолет, выяснится, немедленно сообщите в Совет...

Экран погас, и операторы командного пункта окружили нас, требуя все новых и новых подробностей нашей схватки. Но постепенно их лица стали как бы расплываться, словно затягиваясь туманом. Стало казаться, что все это произошло не со мной, а с кем-то другим.

— Алеша! — донесся до меня откуда-то издалека голос Джоанны.

...Я с трудом пришел в себя от странного сновидения. И окончательно очнувшись, с таким недоумением стал вглядываться в синие глаза Джоанны, наклонившейся надо мной, что она расхохоталась.

— Алеша, ну можно ли так безбожно спать? На что это похоже, прозеваешь все на свете. Во всяком случае, Бермуды.

— Это все перегрузки, черт бы их побрал,— оправдывался я, одеваясь.— Наши гравипланы так малы, что при всем желании в них не встроишь компенсационные установки. Даже во сне о них не забудешь. Бермуды... Бермуды... Постой-ка!..

Я бросился к радиофону и набрал позывные гравидрома.

— Дежурный гравидрома Флорида на связи. Прием!

— Говорит Экологический патруль. Мне нужен командор «Перуна».

— Стоян на связи. Алексей?

— Да, да, Стоян. Как там дела? Нашелся наш гравиплан?

— Все в порядке, Алексей. Пока ждем у моря погоды, плохой погоды. Но «треугольники смерти» притихли. Нашелся и грузовоз, и ваш гравиплан. Хотя патрульный, кажется, страху натерпелся. Когда ты появишься?

— Сегодня, Стоян,— с невольным облегчением сказал я,— через час буду.

— До встречи,— в голосе командора почувствовались теплые нотки.

Страшные ночные видения окончательно рассеялись.

Я взглянул в окно. И открылась затягивающая глубина утреннего неба. Оно приглашало, звало в полет — синее небо родной планеты.

ОБ АВТОРЕ

Моисеев Юрий Степанович. Родился в 1929 году в городе Кургане. Окончил металлургический факультет Московского института цветных металлов и золота и факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов СССР. Работает в журнале «Гражданская авиация». Автор многих статей, репортажей и очерков, популяризирующих достижения советской науки и техники. Опубликовал несколько фантастических рассказов в разных сборниках. В нашем ежегоднике выступал трижды (выпуски 1970, 1972, 1974 годов). В настоящее время работает над новыми научно-фантастическими рассказами, посвященными проблемам взаимоотношений человека с природой.

ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

СЕЙСМИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕНА НА ГОРНЫХ КРУЧАХ КАВКАЗА

Когда исключаются все возможности, кроме одной, эта последняя, сколь ни кажется она невероятной, и есть неоспоримый факт.

А. Конан-Дойль

В новогоднюю ночь многие из вас, читатели, в ожидании последнего в уходящем году удара кремлевских курантов бросали взгляд на бокал, в котором искрилось золотое Абрау-Дюрсо. И, может быть, кто-то вспомнил о добрых виноградарях и виноделах, а кто-то — слова Максима Горького об этом вине: «солнце в стакане»; но вряд ли кто-нибудь знал, что кроме Человека и Солнца здесь незримо присутствовал третий творец — катастрофическое землетрясение.

Когда-то подземные удары потрясли побережье Понтического (Черного) моря от Крыма до Новороссийской бухты. Разрывались и ползли горы, склоны их обваливались, скалы дробились, и в сторону моря стремительно неслись каменные лавины. Только возвышенные участки их поднимаются сейчас над водой: острова Большой и Малый Утриш у берегов Черного моря — безмолвные свидетели катастрофы тех дней. Еще накануне речка Абрау спокойно стекала в море. Но вот в ее устье сдвинулись горы и захлопнули долину, закрыли ее морские ворота. Подземные силы создали мощную дамбу. Она преградила путь речке и явилась надежным источником водоснабжения будущих винных заводов: озеро Абрау — «провал» в переводе с абхазского. Как тут не вспомнить залив Провал на Байкале, образовавшийся при землетрясении в канун 1862 г.

Дамба встала на пути пронзительных ветров, которыми так печально славится район Новороссийска. В котловине Абрау и соседней долине Дюрсо создался местный микроклимат, позволяющий выращивать уникальный виноград. Но на этом и закончилось благодеяние подземной стихии, и то лишь для далеких потомков. Сейчас еще трудно сказать, произошло ли это в 63 г. до н. э., когда при страшном землетрясении разваливались горы, земли пришли в непригодное для земледелия состояние, рушились крепости столицы Боспорского государства, или в 417 г. н. э., когда «в праздник Цереры на Боспорье случилось страшное разрушение городов и полей».

При раскопках на территории Боспорского государства на многих сооружениях археологи находят следы деформаций, вызванных землетрясениями. Разрушались даже подземные склепы и подземные подходы к ним — дромосы. А каждому, кто обследовал последствия землетрясений, известно, насколько меньшему

воздействию подвергаются подземные сооружения по сравнению с наземными.

И вот два тысячелетия спустя группа сейсмогеологов Института земной коры Сибирского отделения АН СССР, получив задание проверить применимость в условиях Кавказа палеосейсмогеологического метода (способа определения места, силы и повторяемости сильных землетрясений по деформациям земли), разработанного в институте на материалах Монголо-Байкальского сейсмического пояса, приступила к исследованию этого хорошо изученного края.

...Просмотрены тысячи и тысячи аэрофотоснимков, нанесены на карты предположительные следы былых землетрясений, сверены результаты дешифрирования снимков с десятками карт: геологическими, тектоническими, геофизическими, батиметрическими (рельеф морского дна о многом может рассказать!) и другими.

Затем на вертолете мы поднимаемся в воздух и час за часом, день за днем кружим над выделенными точками. Часть из них исключается, как явно не связанная с землетрясениями («несейсмогенные»), около других ставится вопрос, третьи намечаются для первоочередного наземного обследования. Начинаются маршруты по прокаленному нещадным солнцем, заросшему колючими кустарниками южному склону Кавказского хребта.

Все следы былых землетрясений, задокументированные в маршрутах, наносятся на схему, составленную по аэрофотоснимкам. Первоначально она выглядит безжизненной, но постепенно одушевляется, и, наконец, мы уже видим на ней совершенно необычное геодинамическое явление: гигантские по ширине — до 100—150 *м* — и глубине — до 90 *м*, но короткие — не более 4 *км* трещины — расщеления гор, смещение их частей, перекрывших ряд долин, каменные крупноглыбовые потоки, ушедшие от своего источника на 3,5 *км* (из них до 2 *км* в море), в то время как при обычных обвалах они могли отойти от подошвы обвальных склонов не более чем на 50—100 *м*.

Вместе с тем, даже при самых сильных землетрясениях, известных на Земле, подобные образования не возникали. К тому же эти гигантские трещины не сопровождались разрушением близлежащих северных склонов гор и не связаны с явными глубинными разломами земной коры, подвижки по которым в конечном итоге и были причиной землетрясений.

По-видимому, здесь мы имеем дело с новым, ранее в геологии неизвестным явлением,— со своеобразной ползучестью и разрушением горных массивов, обусловленных эффектом вибрации, которые вызваны землетрясениями умеренной интенсивности, но необычно длительными. Этот «понтический феномен», может быть, объяснит некоторые загадки гибели средиземноморских культур. Есть основания ожидать открытия следов подобных своеобразных катастроф на берегах и островах Мраморного и Средиземного морей.

Признаки мощных землетрясений на Кавказе не ограничены только побережьем Черного моря.

С 1970 г. Институт земной коры ведет исследования по уточнению сейсмической опасности района высоконапорных плотин каскада гидроэлектростанций на р. Ингури. Первая из них уже строится у выхода реки с гор. 250-метровая толща воды нависнет над Колхидой. Разрушение такой плотины могло бы принести неисчислимые бедствия густозаселенной Стране Золотого Руна.

Чтобы обезопасить плотины Ингури-ГЭС от любых случайностей, Гидроэнергопроект не только сам ведет обширные изыскания, но и финансирует исследования различных учреждений, изучающих те или иные специфические явления природного комплекса, в том числе для определения сейсмической опасности створов ГЭС по палеосейсмогеологическим признакам.

По существующей официальной карте сейсмического районирования Кавказа максимально возможная сила землетрясения — 8 баллов. А

не было ли ранее более сильных землетрясений?

Снова на столы ложатся тысячи аэрофотоснимков горных массивов южного склона Главного Кавказского хребта. Постепенно на картах от оз. Рица, через оз. Амткели, бассейны рек Кодори и Ингури до самых верховий Ингури выстраивается цепочка подозрительных остаточных деформаций земли: мощные трещины, проседания вершин гор, необычные оползания и обрушения горных склонов.

Многие тысячи километров «наматывает» наш вертолет над пиками гор, над ледниками, в глубоких теснинах гор Абхазии, Мегрелии, Сванетии. Наконец общая картина проясняется: не так уж спокоен Главный Кавказский хребет, как он представляется большинству сейсмологов и как он выглядит на официальной карте. Необходимы наземные исследования.

Для начала мы выбираем один из наиболее выразительных разломов на горе Абакура напротив Эльбруса. Недалеко от нас в заоблачные высоты взметнулся усеченный пик Ушбы — одной из самых труднодоступных вершин Кавказа.

От центра Сванетии города Местиа до нашей структуры полчаса полета. Однако взлететь на такой высоте даже наш двухтурбинный вертолет не может. Выручает... увлеченность летчиков. Они уже «заболели» палеосейсмогеологией, и сделать им хочется больше, чем они могут по своим строгим инструкциям.

Вертолет облегчают до предела, снимают баки с горючим, оставляют минимум топлива, и все-таки мы садимся у структуры, а взлетаем... вниз: вертолет съезжает к краю обрыва и срывается на сотни метров в ущелье, а затем постепенно начинает набирать высоту.

Гора Абакура рассечена мощной трещиной.

Здесь нас ждал первый сюрприз. На геологической карте указаны молодые мелководные морские осадочные горные породы, а мы в трещине сразу увидели основные и ультраосновные горные породы с сульфидным оруднением — признак глубинного разлома земной коры, которого на карте тоже не было. Так в первом же наземном маршруте была поколеблена наша вера в высокую геологическую изученность Кавказа.

После Абакуры на вертолете, на машинах и лошадях по карнизным дорогам, под которыми на тысячеметровой глубине ревут в теснинах реки, или пешком через обледенелые перевалы мы добирались до многих участков с необычными разрушениями склонов и вершин гор. Не все они связаны с землетрясениями, но постепенно на карту лег десяток сейсмогенных структур — следов былых землетрясений, сила которых достигала 9—10 баллов. Они лежат в зоне Главного Кавказского надвига и могут указывать на глубинные разломы, рассекающие кристаллический фундамент гор.

Подвижки по ним с трудом пробиваются через мощный чехол довольно пластичных осадочных отложений, поэтому сейсмогенные трещины — непротяженные (до нескольких километров), а иногда они вообще не выходят на поверхность, и эпицентральная зона землетрясения отмечена лишь специфическими сбрособвалами, обвалами, оползнями.

Таким образом, сейсмодислокации могут сослужить еще одну службу — быть свидетелями расположения глубинных разломов под осадочным чехлом. Так это или нет — окончательно могут сказать геофизики: глубинные разломы обычно дают аномалии в магнитном поле.

Местами землетрясения заметно повлияли на рельеф. К востоку от Ингури-ГЭС на водоразделе рек Джолори и Цинцкали при землетрясении образовался сброс высотой 5—9 *м*, протяженностью около 2 *км*. Он рассек русла пяти временных водотоков, ранее стекавших в р. Цинцкали, и направил их в р. Джолори, а по самому разлому забило 12 крупных источников.

Сторонники низкого сейсмического потенциала Кавказа часто апеллируют к древним памятникам архитектуры. Они считают, что само существование этих памятников служит доказательством того, что

сильных землетрясений не было в течение сотен, а то и тысячи лет. Что ж, довод как будто веский. В верховьях р. Ингури, где существует несколько сейсмодислокаций, указывающих на землетрясения силой не менее девяти баллов, на скале стоит древняя церковь Святого Квирика. В другом месте, в дремучих субтропических зарослях близ Колхиды, мы наткнулись на хорошо сохранившуюся башню, которой явно более тысячи лет.

Так архитектурные памятники словно вошли в противоречие с сейсмогеологией. Однако мы-то глубоко убеждены, что сейсмогеология не может нас подвести. Значит, разгадку этого противоречия нужно искать в самих сооружениях.

И вот первая находка. В стене храма, оказывается, замурована плита с надписью на древнегрузинском языке: «Когда землетрясение разрушило церковь сию Святого Квирика, то я, Георгий сын Антония, украсил ее вновь. Поминайте нас, и Бог вас помилует...»

Осенью минувшего года сейсмогеологический отряд поднялся еще выше по Ингури и в 10 *км* от Святого Квирика у селения Муркмеди увидел остатки крепости царицы Тамары — так называют ее сваны. Половина крепостной стены упала плашмя, как подкошенная, — только мощное сейсмическое движение скального основания могло так «сбить с ног» крепостную стену — все иные предположения здесь исключаются.

Итак, никакого противоречия нет. И «наши» сейсмодислокации, и характер разрушения древних построек одинаково указывают на землетрясение с силой в эпицентре не менее 9 баллов.

Башни же, которые мы встретили в субтропических зарослях, оказались остатками Великой Абхазской стены, построенной в VI в. при византийском императоре Юстиниане I. В ней через 50—70 *м* были башни. Следовательно, на прослеженных археологами 160 *км* этой стены их было свыше 2000, а сохранились единицы, причем только там, где в опасной зоне нет и сейсмодислокаций. К тому же единичные сооружения могут сохраниться даже при самых катастрофических землетрясениях — такие случаи нам хорошо известны по результатам обследования последствий землетрясений силой от 9 до 12 баллов.

Итак, в результате всего лишь двух полевых сезонов зона сейсмодислокаций прослежена от Черного моря до верховий рек Ингури и Цхенисцкали. По аэрофотоснимкам она прослеживается далее, почти до Каспийского моря. Мощные сейсмогенные разломы протяженностью до нескольких километров, сбрособвалы и другие следы былых землетрясений явно опрокидывают 7—8-балльный «потолок» официальных карт сейсмического районирования Кавказа.

К счастью, сейсмические катастрофы здесь не так сильны и не так часты, как в Среднеазиатской или Байкальской сейсмических зонах, но и здесь землетрясения не так уж безобидны, как это представляется многим сейсмологам до настоящего времени. Во всяком случае, при выборе места и проектировании высоконапорных плотин гидроузлов нельзя не считаться с тем, что на Главном Кавказском хребте в недавнем прошлом были девяти- и даже десятибалльные землетрясения.

Виктор Солоненко

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО «ПАСТБИЩ ЖИЗНИ»

Солнце склонялось к морю, когда Гиппократ вышел из экуса * и присел на скамью под развесистым платаном. Перед ним полукругом расположились ученики.

— Ну вот, друзья, мы снова вместе,— сказал Гиппократ.— Продолжим прерванную вчера беседу. Однако помните, о чем бы ни говорилось здесь, учиться вы должны не у меня, а у природы. Прежде чем лечить, вы должны научиться наблюдать, сравнивать, запоминать, записывать.

— Ты много путешествовал, учитель. Скажи, влияет ли природа разных мест на человека?

— Я твердо уверен, что это так. В своих странствиях по белу свету мне многое привелось увидеть. Но главное, что занимало мой ум: еда, питье и весь образ жизни людей. Множество окружающих человека вещей по-разному действует на него. Болота и топи вредны своими испарениями. Дурное качество воды вызывает образование мочевых камней и опухолей селезенки. Присмотритесь внимательно ко всему, и вы убедитесь, что и направление ветра, и время года, и даже дождь могут существенно повлиять на ход болезни. Ничто не должно ускользнуть от острого взгляда врача.

— Учитель, ты говорил, что здоровье зависит не только от образа жизни, но и от воздуха!

— Еще Анаксимен Милетский считал аэр ** всесодержащим и всеобъединяющим началом. «Из него все рождается,— учил философ.— Люди, животные и растения вдыхают частицы воздушного начала, дающего им жизнь и движение». Но мы не философы, а медики, и нас интересует целебное действие воздуха. Взгляните: площадка возле моего ятрейона *** — это аэрарий. Тут, под сенью деревьев, в положенный час собираются больные, которым я прописал дыхательную гимнастику. Воздух — пастбище жизни. Он — величайший властитель всего и во всем. Он и первый целитель.

Воздух... Древние шумеры называли его Энлилем, почитая в нем «отца богов», «царя неба и земли», «владыку всех стран».

Могущественные вожди гордились, что «получили власть от самого Энлиля». Славили его за то, что он «ниспослал им процветание и победу

* Комната для приема гостей в древнегреческом доме.
** Воздух.
*** Помещение для приема и лечения больных.

над врагами». Именно Энлиль «называл имя царя», «вручал ему скипетр» и «взирал на него благосклонным взглядом».

Вот строки одного из гимнов, посвященных богу воздуха Энлилю:

Без тебя
Не возвысился бы ни один царь,
Не родился бы ни один верховный жрец...
Реки в паводок не разливались бы,
Рыбы морские не метали бы икру в зарослях тростника,
Птицы небесные не вили бы гнезд на земных просторах,
В небе летучие облака не отдавали бы свою влагу,
Растения и травы, украшения равнины, не могли бы произрастать,
В полях и на лугах богатые посевы не давали бы зерна,
Деревья, посаженные в горных рощах, не приносили бы плодов.

Проходили века, сменялись эпохи, рушились алтари, совершенствовались представления человека об окружающем мире, на смену предрассудкам приходили достоверные знания... Но неизменным оставалось отношение людей к свежему воздуху.

Когда кто-то сказал Микельанджело лестные слова о его гениальности, убеленный сединами скульптор, живописец и поэт покачал головой и ответил:

— Всем я обязан тонкому воздуху окрестностей Ареццо.

Гёте говорил своим друзьям, что большинство его поэтических образов навеяно воздухом веймарских полей.

Выдающийся английский математик Уильям Гамильтон утверждал, что созреванию его замечательных математических идей способствовала атмосфера его любимого парка.

Да и кто на собственном опыте не убеждался в благотворной силе «хорошего» воздуха? Кто не рвался из душных помещений, из запыленного города на лоно природы к лесному, степному, горному или морскому воздуху? Словно изголодавшись по нему, мы время от времени неудержимо тянемся к «пастбищу жизни».

У многих народов сохранились предания о «живом» и «мертвом» воздухе, подобно легендам о «живой» и «мертвой» воде. Существуют поверья, что есть в горах «долины смерти», куда не забредает ни одна живая тварь, не залетает птица.

В обыденной речи мы часто пользуемся выражениями: «надо выйти на воздух», «надо подышать воздухом». А разве внутри наших жилищ нет его? В чем же тогда разница между ним и наружным воздухом?

В последние годы получили широкое распространение кондиционеры — технические устройства для подачи в закрытые помещения очищенного от пыли (или даже микроорганизмов) воздуха соответствующей температуры и влажности. Но вот парадокс: чем воздух чище, тем он... хуже. Это начинаешь сознавать как-то инстинктивно: из помещения с кондиционированным воздухом через некоторое время неудержимо тянет выйти наружу.

В конце прошлого века этим вопросом заинтересовался маститый русский гигиенист И. И. Кияницын. Он решил профильтровать воздух тщательнейшим образом и посмотреть, каково будет его действие на организм животных.

Ученый помещал кроликов, собак и морских свинок под стеклянный колпак, герметически привинчивавшийся к цинковому кругу. Воздух, подававшийся внутрь с помощью насоса, проходил через слой раскаленного песка, а затем охлаждался до нормальной температуры.

Опыты были поставлены по всем правилам. Обстоятельностью и строгостью научного подхода к любой задаче И. И. Кияницын снискал уважение в ученом мире. И на сей раз эксперименты были безупречны.

Что же оказалось? В идеально чистой атмосфере животные... быстро заболевали и погибали. А те, что были помещены в точно такой же аппарат, но со свободным притоком комнатного воздуха — обычного, неочищенного,— оставались живы-здоровы.

Во второй, третьей, четвертой сериях экспериментов, поставленных еще более тщательно, результат повторился. Значит, следовало искать объяснения.

Александр Леонидович Чижевский в своей домашней лаборатории. Калуга, 1919 год

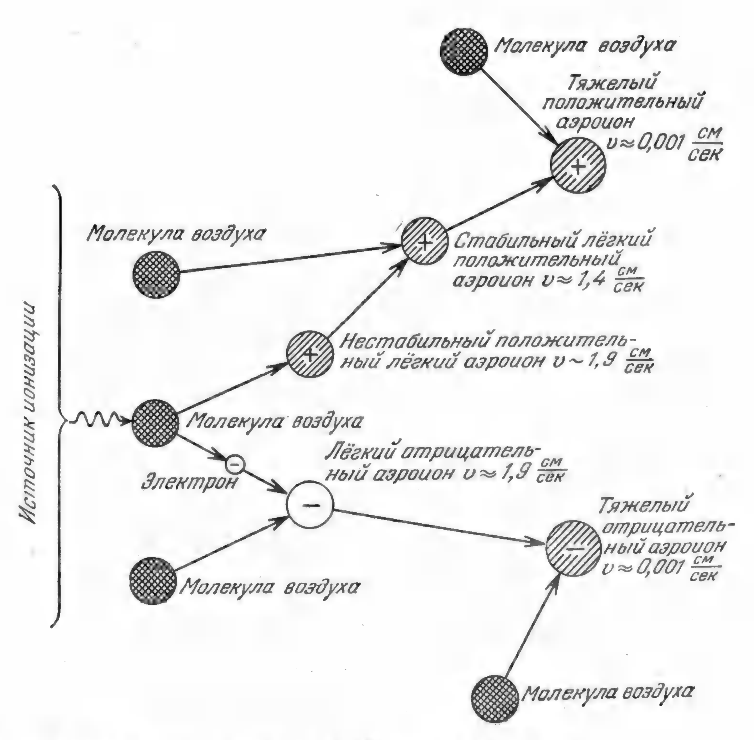
Гибель животных указывала на несомненную негодность для жизни «идеального» воздуха. Вскрытия показали, что причиной заболеваний и смерти животных было расстройство окислительных процессов организма.

Находясь под влиянием новых тогда идей Пастера, ученый категорически заявил, что причину гибели животных следует искать в том, что некие «окисляющие» микроорганизмы задерживались фильтрами. Но никаких таких микроорганизмов впоследствии найдено не было. Поскольку же опытам, как интересны они ни были, так и не нашлось толкования, о них вскоре забыли. И надолго.

Спустя двадцать лет в Калуге, в домике над Окой, увлеченно беседовали два человека. Один — вольнослушатель Калужского филиала Московского археологического института Александр Чижевский, другой — убеленный сединами учитель физики Калужского епархиального училища Константин Эдуардович Циолковский.

— Воздух в опытах Кияницына, действительно, лишен был «живой силы»,— говорил, смущенно краснея, молодой Чижевский.— Не нужно и сложных фильтров, достаточно в отверстие стеклянного колпака вставить кусочек ваты, и подопытные мыши спустя недолгое время начнут вести себя беспокойно. Химически воздух под колпаком совершенно тот же, что и снаружи, но физически... Вата задерживает электрические заряды, а лишенный их воздух неблагоприятен для живых существ...

— Это очень интересно и имеет прямое отношение к моим проектам! — воскликнул Циолковский.— Чрезвычайно важно, каким воздухом должны дышать люди, когда полетят к другим планетам... Понимаете ли вы, молодой человек, что в ваших руках находится загадка, и если вы решите ее, весь мир вам будет рукоплескать?..

Схема, представляющая механизм образования легких и тяжелых ионов воздуха (аэроионов)

Нельзя сказать, чтобы идея о биологическом действии атмосферного электричества до этого не занимала умы. Однако ясности здесь не было. Неизвестно, какого рода электрические заряды и как именно они действуют на живые организмы.

В «Вестнике общественной гигиены, судебной и практической медицины» за 1899 г. Чижевский нашел статью И. П. Скворцова, который высказывался за исключительное значение воздушного электричества в жизнедеятельности организма.

В ходе длительного эволюционного развития органический мир нашей планеты не просто находился в тесном контакте с окружающей атмосферой, но прямо-таки жил ею. Растворенное в ней электричество активно участвовало во всех процессах сложного взаимодействия между средой и организмом. Живые существа появились, эволюционировали и живут в ионизированной среде. Наличие в воздухе ионов — одно из условий нормального развития высокоорганизованной жизни.

Как образуются атмосферные ионы?

Под влиянием какого-либо источника энергии внешняя электронная оболочка молекулы газа теряет один электрон, приобретая положительный заряд. Этот свободный электрон присоединяется затем к нейтральной молекуле, заряжая ее отрицательно. К ней могут присоединиться еще несколько нейтральных молекул. Так образуются частицы, которые называют аэроионами. Атмосферный воздух под влиянием внешних ионизирующих факторов всегда содержит одновременно отрицательные и положительные ионы. Основным источником естественной аэроионизации служат находящиеся в воздухе газообразные продукты распада ра-

дия и тория — их эманация, которая в свою очередь непрерывно распадается, диссоциируя молекулы воздуха на положительные и отрицательные частицы. Второй по значению источник ионизации атмосферного воздуха — гамма-излучение радиевых солей, находящихся в поверхностном слое земной коры в ничтожном количестве. Установлено, что почти все каменные породы радиоактивны. Природные воды также содержат соли радиоактивных веществ.

Наконец, среди источников естественной аэроионизации следует отметить и космическое излучение.

Построив жилище, человек лишил себя нормально ионизированного воздуха — извратил естественную среду и вступил в конфликт с природой своего организма.

Чижевский решил в своей домашней лаборатории поставить эксперименты, которые должны были наконец разрешить все сомнения и вопросы.

Изучив литературные данные, он сосредоточил внимание на полярности ионов воздуха (аэроионов) и биологического действия как положительных, так и отрицательных зарядов. Источником электризации воздуха должна была послужить металлическая сетка с напаянными в ее узлах остриями, соединенная с одним из полюсов генератора высокого напряжения. Были оборудованы необходимыми приспособлениями клетки, закуплены крысы, продумана методика исследования.

Первые же опыты с полной очевидностью показали, что аэроионы отрицательной полярности оказывают на организм животных благоприятное действие, а положительной — вредное.

Известный шведский физикохимик профессор Сванте Аррениус, узнав об этих опытах, писал Чижевскому: «Вам удалось открыть явление весьма большого научного значения и поставить ряд очень смелых, неожиданных проблем».

С небольшими перерывами опыты, начатые в 1918 году, продолжались вплоть до 1925 года. Они подтвердили, что отрицательно ионизированный воздух повышает активность самых разнообразных сторон жизнедеятельности организма и может служить замечательным терапевтическим средством. Средний вес подопытных крыс неизменно превышал вес контрольных, и чем моложе были животные, тем более разительным получался эффект. Отрицательные ионы воздуха способствовали повышению жизненных сил организма. Впоследствии этот факт был неоднократно подтвержден на других биологических объектах как самим Чижевским, так и его учениками и последователями.

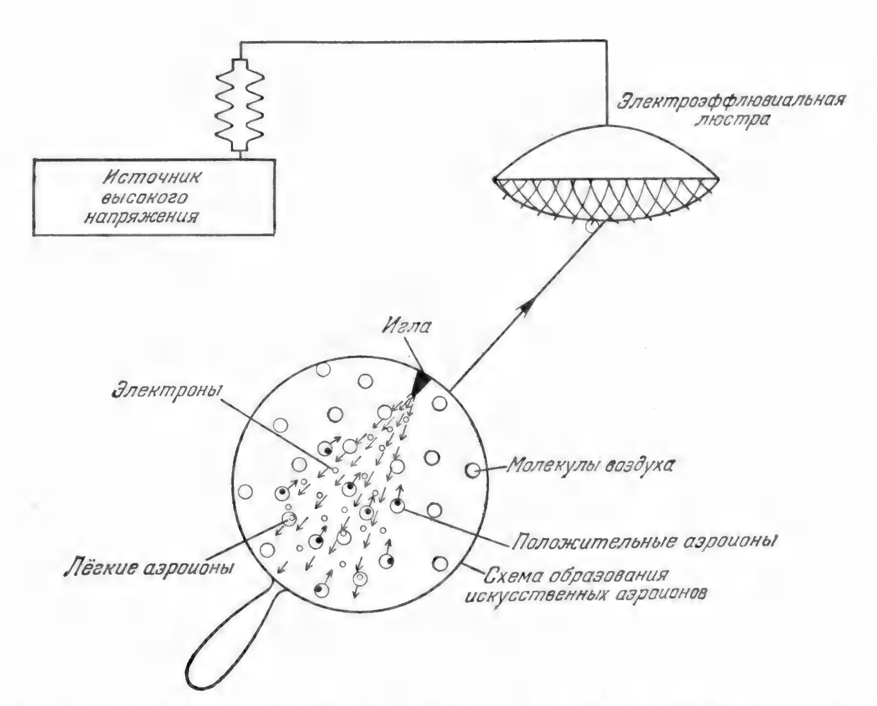
Любопытно, что до опыта очень многие крысы, приобретенные в местном виварии, в той или иной мере страдали рахитом вследствие недостатка в рационе витамина Д. После 15—20 сеансов аэроионизации рахит бесследно исчезал.

Эти и последующие опыты дали основание Чижевскому заявить о необходимости широкой разработки проблемы аэроионификации для практических нужд медицины и животноводства. В понятие «аэроионификация» вошли программные положения ученого о создании в закрытых помещениях атмосферы, богатой отрицательными электрическими зарядами.

Как известно, Земля заряжена отрицательно, и в сравнительно близких к ее поверхности слоях преобладают положительные аэроионы, движущиеся сверху вниз. Соотношение же концентрации отрицательных и положительных ионов в единице объема воздуха в разных местностях неодинаково. Есть некоторые из них как исключение из общего правила, в которых регулярно наблюдается преобладание числа отрицательных аэроионов над положительными. Таков, например, воздух курортов Сестрорецка, Алма-Арасана, Бадгастейна, Биаррица и других. Чижевский назвал их электрокурортами.

Проблема аэроионификации и состоит в том, чтобы искусственным образом создать в среде нашего обитания атмосферу электрокурортов.

Многочисленные электрометрические измерения показали, что в 1 *см*³ воздуха лесных массивов и лугов содержится от 700 до 1500,

Генерация аэроионов способом, предложенным А. Л. Чижевским. Электроэффлювиальная люстра представляет собой металлическую сетку с напаянными в ее узлах иглами, дающими необходимый фронт истечения электронов (стрелками указано направление их движения)

а иногда и до 15 000 отрицательных аэроионов.

В жилых же помещениях их число, как правило, падает до 25 в той же единице объема. Такого количества едва-едва хватает для поддержания жизненного процесса организма.

Избыток положительных ионов всегда действует неблагоприятно, угнетает нервно-психический тонус, способствует быстрому утомлению и снижению активности обменных процессов. Именно это и происходит при использовании кондиционеров, которые дают «мертвый» воздух. Чтобы оживить его, непременно нужна искусственная ионизация, воздух должен быть, образно говоря, «витаминизирован» электричеством.

В начале 30-х годов в нашей стране была учреждена Центральная научно-исследовательская лаборатория ионификации.

В течение нескольких лет коллектив ученых, возглавляемый А. Л. Чижевским, исследовал влияние искусственной аэроионизации на разные биологические объекты: мышей, кроликов, овец, свиней, коров, птиц, куриных эмбрионов, пчел, дрозофил, семена растений и сами растения, наконец, на здоровых и больных людей. Эти работы заложили фундаментальные основы новой отрасли биофизики — биологической аэроионологии.

Разумеется, установить только сам факт благотворного действия отрицательных аэроионов на живые организмы далеко не достаточно, нужно познать механизм открытого эффекта. Какова природа связи организма с «электрической» средой?

Чижевский взялся за изучение белково-коллоидных структур крови, клеток, тканей и органов, представляющих собой, как известно,

электрохимические системы. Оказалось, что во всех клетках и тканях организма непрерывно взаимодействуют, перемещаются и балансируют электростатические заряды, причем отрицательным зарядам принадлежит особо активная роль. Многочисленные опыты обнаружили, что достаточно организму в течение нескольких минут побыть в отрицательно ионизированном воздухе, как электрический потенциал всех клеток организма начинает возрастать и долго потом держится на достигнутом уровне. Значит, электростатическим «багажом» организма можно управлять!..

Под влиянием искусственно ионизированного воздуха меняются и функции отдельных органов, и общее нервно-психическое состояние организма в целом. Отрицательная ионизация улучшает состав крови, нормализует дыхание, обмен веществ, стимулирует рост, гормональную активность и т. д. Аэроионизация обладает, таким образом, универсальностью действия.

Пока все процессы в организме протекают нормально, ионизация воздуха в определенных дозах не вызывает каких-либо резких сдвигов ни в ту, ни в другую сторону, но в случае каких-либо болезненных изменений она способствует мобилизации жизненных сил, возврату организма в состояние равновесия.

Еще в опытах 1925 г. Чижевский заметил, что после пребывания морских свинок в атмосфере с повышенной концентрацией аэроионов реакция оседания эритроцитов в крови животных значительно замедляется. То же было отмечено в 30-х годах в других опытах. Значит, меняются электрохимические свойства коллоидной системы крови — она становится устойчивее. Напротив, избыток в атмосфере положительных аэроионов дает обратный эффект.

Естественно было предположить, что внутри организма происходит не одностороннее электрохимическое действие коллоидных частиц крови на клетки, а непрерывное электрохимическое взаимодействие этих частиц и клеток.

Вот как закладывался фундамент так называемой теории органического электрообмена.

— Многолетние размышления,— говорил А. Л. Чижевский автору этих строк,— привели меня к убеждению, что гипотеза органического электрообмена могла бы приблизить нас к выяснению природы целого ряда неясных вопросов физиологии здорового и больного организма, в частности проблемы старения...

Еще в начале 20-х годов в экспериментах над крысами ученый заметил, что систематическое вдыхание отрицательно ионизированного воздуха значительно задерживает старение животных. Позднее был сделан вывод, что поскольку источником электрической заряженности клеток является заряженность биологических коллоидов, то рост организма, его развитие и старение должны сопровождаться изменениями и в процессах органического электрообмена.

В середине 30-х годов Чижевский решил провести в Институте травматологической и неотложной медицинской помощи имени Склифосовского систематические замеры электрического заряда срезов тканей различных человеческих органов. Под микроскопом определялась подвижность в электрическом поле частиц этих тканей, взвешенных в коллоидном растворе. Зная напряженность поля и фиксируя скорость частиц, нетрудно было подсчитать силу, заставлявшую эти частички перемещаться, а по ней — величину их объемного заряда.

Сотни гистологических проб подверглись затем математико-статистической обработке. В итоге выявилась характерная закономерность: электрическая заряженность клеток падает с возрастом организма. Оказывается, максимальный электрический потенциал живое существо получает в момент зачатия и уже в утробе матери по мере развития плода начинается падение этого потенциала. Правда, весьма незначительное.

После рождения ребенка последовательное уменьшение электрического потенциала происходит быстрее, у разных людей по-разному, очевидно в зависимости от условий и образа жизни.

Вычерченный Чижевским график падения электрического потенциала человека с возрастом представлял собой прямую линию, продолжение

Аэроионификация помещения нарядной по методу А. Л. Чижевского на одной из шахт Карагандинского угольного бассейна. Начало 50-х годов

которой до пересечения с нулевой чертой уводило куда-то к ... 180 годам. Кстати, основатель советской школы патофизиологов академик А. А. Богомолец исходя из других, чисто физиологических соображений пришел к такому же числу лет, отпущенных человеку природой.

Увы, мы сами порой виноваты в том, что ускоряем естественное падение данных нам от природы электрических — жизненных! — сил. А нельзя ли повысить степень общей электрозаряженности организма и тем самым гарантировать ему «запас прочности», как говорят инженеры? Систематическое вдыхание аэроионов могло бы стать средством сбережения электрического заряда в органических коллоидах.

В конце 40-х годов Чижевский обратил внимание на структуру крови при ее движении по кровеносным сосудам. Внимание ученого привлек самый, казалось бы, тривиальный факт: в свежих, еще не высохших мазках крови всегда имеются слипшиеся, наподобие монетных стопок, цепочки красных клеток — эритроцитов.

Что если эти «монетные столбики» представляют собой уцелевшие остатки неких пространственных ансамблей, которые образуются в потоке движущейся крови и разрушаются при ее остановке?..

Для проверки этой научной догадки были проведены тончайшие экспериментальные и сложнейшие теоретические исследования. И вот открыта динамически уравновешенная радиально-кольцевая структура живой крови — строгое пространственно-временное соподчинение движущихся эритроцитов. Оно теснейшим образом связано с биохимическими функциями крови, со сложными процессами обмена веществ и определяет безостановочную циркуляцию всей крови, находясь под бдительным управлением и контролем нервной системы.

Но самое интересное: и сама пространственная организация структуры эритроцитных ансамблей, и устойчивость ее обусловлены элект-

рическим зарядом красных кровяных телец. Математические вычисления позволили Чижевскому увидеть в крови четко организованную электростатическую систему, постоянно балансирующую возле точки своего равновесия. От надежности этой системы зависит слаженность работы всех жизненно важных органов.

Ответственно же за электрообеспечение крови дыхание: из воздуха — благодаря наличию в нем аэроионов — организм получает необходимую «электрическую подпитку». Без нее не может эффективно функционировать любой организм.

Мне вспоминаются беседы с Александром Леонидовичем Чижевским незадолго до его безвременной кончины в 1964 г. Ученый сознавал огромное значение сделанных им открытий. В те дни готовилась первая Всесоюзная конференция по искусственной аэроионизации в животноводстве. Наука обогащалась новыми данными, убедительно подтверждающими правоту концепции Чижевского, справедливость сделанных им выводов.

— Солнце и воздух — вот наши основные жизнеподатели,— говорил ученый.— Интуиция не обманула древних эскулапов. Теперь мы можем со всей определенностью сказать, что электрический режим воздушной среды обитания сильнейшим образом влияет на все живое. Аэроионы — мощный фактор усиления жизненного потенциала организма, сохранения нашего здоровья и продления жизни! Это весьма существенное звено для понимания проблемы «человек — биосфера».

Естественная ионизация воздуха служит как бы показателем его полноценности, сохранение которой в условиях научно-технической революции обрело необычайную значимость. Возникла задача тщательно изучить степень природной аэроионизации в ландшафтах разного типа при различных погодных условиях. Ионизация атмосферы должна входить в число факторов, систематически учитываемых метеорологической службой. Это поможет эффективнее использовать столь важный целебный дар природы.

Леонид Голованов

КОРОТКО О РАЗНОМ

*

Как известно, в наше время ученые весьма активно изучают морские и океанические течения. Открываются новые, уточняются направления и скорости старых. Применяются различные способы — в море бросают запечатанные бутылки с записками, резиновые колбы яркой окраски, пластмассовых медуз.

Недавно американские океанографы пустили в Тихий океан близ Сан-Диего более 20 тысяч белых шариков от пинг-понга. За их путешествием по волнам должны были следить с воздуха. К сожалению, опыт не удался. Значительную часть шариков в первый же час проглотили крупные рыбы. Скорее всего, они приняли их за неожиданное лакомство — яйца морских черепах.

*

В устье Темзы были случайно обнаружены огромные почерневшие от времени бревна. Длина их достигала 12 метров. Радиоуглеродный анализ показал, что они находились на дне реки по крайней мере 1700 лет. Их сохранность объясняется тем, что бревна были покрыты наносами глины и песка. По мнению ученых, эти бревна являлись частью большой пристани, построенной римлянами. Отсюда вывозилась главным образом оловянная руда для производства бронзы. Бревна подвергли специальной консервации и выставили теперь в Новом лондонском музее. Там же демонстрируется рисунок, на котором археологи попытались реконструировать внешний вид старинной пристани.

КАК КАРТОФЕЛЬ ЗАВОЕВЫВАЛ ЕВРОПУ

Живет бедный человек, перебивается с хлеба на воду, не каждый день может поесть досыта. На долю его доставалось всякое, не раз приходилось потуже затягивать пояс. Иногда вдруг выпадала удача. Он наедался вволю, порой даже целый год не знал нужды. Все невзгоды тогда легко забывались. Но наступали тяжелые времена, и перед нами снова унылый лик, запавшие глаза. Нередко случалось, что в Европе люди умирали от голода. Долгие ненастья, затянувшаяся засуха, война — и вот уже по странам вновь бродит призрак смерти.

И вдруг, в середине XVI века, небывалая в истории удача: среди всевозможных одушевленных и неодушевленных предметов, прибывших из только что открытой Америки, появилось нечто такое, что дало бы возможность жителю Европы избежать голода. Картофель. Его легко выращивать, просто сохранять, он не боится града, приспосабливается ко всяким почвам и почти ко всякому климату. Это, можно сказать, был бесценный дар Европе от Америки, ее животворный подарок. А Европа лишь чуть бровью повела, взглянула на этот дар с пренебрежением и сразу же сказала «нет». Картофель был отвергнут. И отвержение это длилось в некоторых странах две сотни лет.

Такое упорство в сопротивлении благу встречается редко. И нам сейчас трудно понять, куда девался стыд у тех историков, которые утверждали: «Благодаря стараньям Пармантье картофель быстро получил признанье». Эта присказка ровно ни о чем не говорит. Пармантье выбился из сил, пытаясь сломить сопротивление, а его не понимали. Но еще удивительнее то, что историки обходят молчанием самый основной, самый потрясающий факт: ведь Пармантье написал свой «Трактат о выращивании и использовании картофеля» только в 1789 году и имел лишь относительный успех, тогда как картофель попал в Европу около 1540 года. На протяжении всего времени, разделяющего эти две даты, Европа разыгрывала спектакль, отвергая драгоценный подарок или принимая его только насильно, по принуждению. И особенно любопытно то, что из всех европейцев самое решительное, самое упорное сопротивление оказывали те, кому впоследствии одна даже мысль лишиться своего бифштекса с жареным картофелем будет представляться кошмаром: французы.

Tartuffoli. Kartoffeln, картофель, batata, potatoe. На Американ-

ском континенте области, где разводили картофель, были в сравнении с кукурузными не так уж велики. Ни Колумб, ни его ближайшие преемники в эти места не попали. Предстояло еще добраться до Тихого океана. И Писарро еще суждено было отправиться (в 1524 г.) из Панамы в Перу и там, продвигаясь по стране, смести с лица земли империю инков. В тех краях, на высоких плато, где не могла вызревать кукуруза, произрастало чудесное растение. Его с незапамятных времен выращивали искусные огородники. Они знали, как отобрать нужные клубни и получить новые сорта этого растения, которое у них называлось паппа. Традиции эти не погибли. Еще и теперь перуанские базары с их рядами картофельных клубней разного цвета, величины и формы поражают туриста своей красочностью.

Один из сподвижников Писарро, Пьер Сиеса, отправил в Испанию несколько клубней «с мякотью, как у каштана». Из Испании их посылают папе римскому. В то время новое растение, так же как фасоль и кукуруза, уже привлекло внимание ботаников. Папский легат отправил клубни Филиппу де Сиври, правителю в Монсе, а тот переслал их для исследования французскому ученому Шарлю из Эклюза, известному больше под латинским именем Клюзиус. Жил он в Австрии, в Вене.

26 января 1588 года — запомните эту дату — Клюзиус получил клубни. Собственной рукой он рисует первую ботаническую карточку, представляющую картофель, и делает внизу подпись по латыни, которую можно перевести так: «Мелкий трюфель (таратуфли), полученный в Вене от Филиппа Сиври 26 января 1588 года. Перуанская паппа Пьера Сиеса».

Мелкий трюфель. Итальянцы восприняли это слово как тартуфоли, немцы сделали из него картофельн, русские — картофель. Таким образом новое растение получило имя, которое осталось за ним в большей части Европы *.

1590 год. Ботаник Гаспар Боэн, живший в Базеле, увидел «цветное изображение» (возможно, копию рисунка Клюзиуса) нового растения. Он заинтересовался им, собрал о нем сведения, раздобыл клубни и стал выращивать в своем саду. После четырехлетних наблюдений (швейцарцы народ кропотливый) Боэн составил описание на латыни под названием *Solanum Tuberosum Esculentum*, так как решил, и совершенно обоснованно, причислить новое растение к семейству пасленовых. Полтора века спустя Линней возьмет два первых слова из этого латинского выражения, и они навсегда останутся за картофелем как его научное название.

На новом материке наряду с испанцами обосновались и другие выходцы из Европы. Не следует забывать, что в те времена научный интерес всегда шел рука об руку с жадностью к золоту и девственным землям. В 1586 году на борту корабля, плавающего под флагом адмирала Уолтера Рели, возвращается из поездки в Виргинию Томас Хэриоу и привозит с собой клубни, заинтересовавшие английских ботаников. Ботаник Джон Джерард посадил у себя эти клубни, а в 1597 году в его «Травнике» появляется описание с рисунком, не оставляющим никакого сомнения: это, безусловно, то же самое растение, какое Сиеса послал из Перу в Испанию.

Таким образом, к концу XVI века картофель был точно определен и описан тремя учеными-ботаниками: французом, швейцарцем, англичанином.

Описание картофеля встречается также в фармакопее, изданной в 1614 году в Тулузе. Оно очаровательно, и мы его здесь приведем: «Это круглые корни, белые как внутри, так и снаружи и довольно нежные... Удивительные в своем совершенстве, они покрыты сверху очень тоненькой кожицей или пленкой красного цвета». Подпись под рисунком такая: «*Satyrium erythorium* — растение, в просторечии называемое тартуст». Латинское выражение нам непо-

* В итальянском языке это слово не сохранилось. По-итальянски картофель называется теперь *patate*.

нятно, а тартуст — это, конечно, тартуфоли, мелкий трюфель. Но и *Satyrium* и тартуст теперь совершенно забыты, канули в вечность. Люди в то время были далеки от научного любопытства, от ботанических терминов и явно не имели ни малейшего представления о пищевых качествах завезенных клубней. В 1596 году в Англии свирепствовал голод. «Почти двадцать дней,— записал очевидец,— ни у кого крошки во рту не было, и люди падали прямо на улице и в поле и умирали». Как раз в это самое время Джон Джерард неустанно изучал клубни, высаженные у него в саду. Никакого отношения к борьбе с голодом эти исследования не имели.

Первыми исследователями картофеля как пищевого продукта были испанцы. В 1573 году монахи больницы в Севилье стали задумываться, чем кормить своих больных и бедняков в неурожайные годы. Эконому больницы пришла в голову мысль закупить в испанских колониях в Америке новые клубни. Пусть их отвергают гурманы, а бедняки будут есть все, что им дадут. И вот тогда на свет появляется еще одно слово.

Клубневое растение перуанских индейцев, которое вывез и описал в Испанской хронике о Перу (1550 год) Пьер Сиеса, на своей родине называлось паппа (или папа). Однако на Американском континенте есть и другое клубневое растение, тоже из семейства пасленовых, только совсем иное по вкусу: патата, сладкий картофель. Он тоже был завезен в Европу, но не прижился из-за неблагоприятных климатических условий. И, конечно, эти два похожих слова, означавших родственные клубни, испанцы сразу же перепутали, что было почти неизбежно. Патата в устах испанцев превратилось в батата. Потом это растение вместе с названием переняли у испанцев англичане из колоний Виргинии, и в их произношении батата стало *potatoe* (потейтоу). Так картофель был окрещен для Англии, Америки и всех будущих стран, где говорят по-английски.

Монахи, ведавшие больницей в Севилье, оказались, надо сказать, смекалистыми. Получив из американских колоний груз бататов, они сообразили, что им нужно самим выращивать эти съедобные клубни, если те примутся. Клубни принялись. И вот вокруг Севильи на грядках запестрели белые и желтые цветы.

За всю первую половину XVII века эта новая культура распространилась мало, даже в Испании. В то время было только две категории ее потребителей: бедняки и солдаты. При беспросветной нужде будешь есть что угодно, у солдат же все определяется дисциплиной.

После раздела империи Карла V за испанцами сохранялись многие владения в Италии, Нидерландах, Франш-Контэ, где они держали гарнизоны. А во время Тридцатилетней войны испанцы и австрийцы вводят в Германию и Швейцарию войска наемных солдат из всех стран, в том числе и испанских пехотинцев, которые уже давно привыкли к бататам и возили их с собой в фургонах. Итальянские и швейцарские крестьяне, вступавшие в общение с солдатами, отнеслись к клубням подозрительно, но в Германии все было иначе.

В хрониках Тридцатилетней войны есть очень страшные записи. В 1640 году, когда война шла уже двадцать третий год, в некоторых местностях «можно было пройти много миль и не встретить ни человека, ни зверя, ни даже воробья: уцелевшие в деревнях дома завалены трупами и падалью. Мужчины, женщины, дети, слуги, лошади, свиньи, коровы лежат бок о бок или вповалку, задушенные чумой и другими болезнями. Все кишит червями, исклевано птицами, объедено волками и собаками, потому что нет никого, кто бы похоронил людей, пожалел их и оплакал». Кое-где посреди таких кладбищ бродили настоящие призраки, питались травой и кореньями, бывали случаи каннибализма. А теперь вообразите среди всего этого кошмара приход в Саксонию и Вестфалию испанских солдат. Когда они протягивали крестьянам картошку, те ели ее прямо так, сырую, и плакали от радости. Немного спустя они стали ее выращивать.

В XVII веке картофель был принят еще одной страной — Ирландией. Нищей католической Ирлан-

дией, отторженной от мира, забитой и задавленной англичанами, живущей всегда под угрозой голода. Когда в 1664 году Джон Форстер выпустил сочинение под названием «Выращивание картофеля увеличит благосостояние Англии», над ним смеялись. Автор осмелился предложить английским крестьянам последовать примеру ирландцев. От этой пищи бедняков англичане отвернулись с презрением. Однако они согласились принять ее как корм для скота.

Ни на что не похожий. Вы можете спросить: откуда же взялось такое отвращение? Почему европейцы принимают картофель только в принудительном порядке или под угрозой голодной смерти? Отвращение это нам теперь непонятно. Но попробуем все-таки кое в чем разобраться.

Прежде всего надо сказать, что картофель тогда был абсолютной диковинкой. По внешнему виду его не с чем было сравнивать, разве что с трюфелями. Но трюфели — это роскошь, редкий деликатес. Картофель не был похож на те овощи, которые европейцы с незапамятных времен клали в свой суп: бобы, горох. А вот фасоль, родственница этих стручковых, была принята сразу.

— Извините,— скажете вы,— но ведь картофель можно положить в суп с таким же успехом. Он даже

подходит для этого гораздо больше, чем бобы и горох.

Верно. Но следует учесть еще одно обстоятельство. Когда картофель попал в Европу, он не только не был похож на что-то вполне привычное (исключая трюфели), он совершенно не был похож и на тот картофель, какой мы знаем сегодня.

Картофелины были совсем маленькие (мелкие трюфели), никому в голову не пришло их чистить, а картофель с шелухой был бы в супе мало приятен.

— В таком случае, почему же его не ели просто так, как отдельное овощное блюдо?

А дело все в том, что овощи ели тогда только в супе. Как отдельное блюдо среди простых людей в ходу был лишь один салат, а в некоторых областях — каштаны. Но даже любителям каштанов сваренный в кожуре картофель казался безвкусным, отдавал землей. В богатых домах помимо супа ели овощи только с крепким привкусом: репу, капусту, щавель, сурепку, анис, цикорий — или же тающие во рту: спаржу, артишоки. Людям, привыкшим к острым специям, картофель показался, конечно, еще преснее, чем крестьянам. Удивительно, что никто не догадался придать картофелю более резкий вкус, ведь недостатка в таких средствах тогда не было. Но случилось так, что скромный, неприглядный с виду картофель вышел на сцену как раз в тот момент, когда там только что появились блестящие «актеры» — заморские пряности, восторженно принятые публикой. Разве картофель мог с ними тягаться?

Не пришлась по вкусу и мучнистость картофеля. Другое дело, если б из него можно было получить муку и испечь хлеб или что-то близкое к хлебу. О, тогда бы его сразу признала вся Европа, и в первую очередь французы, для которых хлеб был высшей сущностью,— об этом свидетельствует вся история внедрения во Франции картофеля.

Пармантье. Обратимся к середине XVIII века. Уже восемнадцатого. Картофель понемногу завоевывает Германию, Фландрию, Швейцарию, более медленно Англию. Во Франции же — полный провал (исключая Лотарингию и часть Бургундии и Франш-Контэ, куда его привезли испанские солдаты). Большинство населения Франции картофеля в глаза не видело, а тем, кто видел, он доверия не внушал. В Безансоне местные власти запретили разводить картофель, так как эти новые клубни распространяют якобы проказу. В книге по кулинарии 1748 года можно было прочитать: «По всеобщему мнению, это самые вредные из овощей, однако народ, составляющий бóльшую часть населения, ими питается». Вторая часть фразы противоречила первой и не отвечала истинному положению вещей. В 1748 году народ Франции картофелем не питался. Кое-где им начинали кормить скот, но люди его есть отказывались. Они не знали, как его приготовить, и не находили в нем вкуса. Даже в самом названии, данном ему французами, чувствуется оттенок пренебрежения: *pomme de terre* — «земляное яблоко». Позднее сербы скажут: кромпир, земляная груша.

Бедствия последних лет правления Людовика XIV не забывались. Пока философы наносили свой мощный удар по социальному строю, нуждающемуся в переменах, многие ученые продолжали без устали думать об угрозе голода, и кое-кого из них презираемые и отвергаемые клубни заинтересовали вовсе не своим курьезным названием. В 1761 году Дюамель дю Монсо, а в 1762 году Фресно выступили в защиту картофеля в печати. Но кто их читал кроме других ученых да немногих любопытных? Газет в то время не было. Деревенские жители за пределами семьи могли слышать разве что только голос своего кюре. И вот ученые решили призвать духовенство на помощь. В 1765 году епископ из Кастра распределял картофель между священниками своей епархии: «Посадите его, покажите людям, как он растет и какой он вкусный». Мысли о голоде не перестают тревожить ученых. В 1772 году Академия наук, литературы и искусств в Безансоне выдвинула тему для конкурса: «Исследование пищевых продуктов, способных сократить бедствия неурожайных лет». Один

из участников конкурса в качестве спасительного средства предложил картофель. И это в Безансоне, где несколько лет назад картофель был запрещен как носитель проказы! Исследование произвело сенсацию. Прекрасно изложенное, оно завоевало автору первую премию. Имя лауреата было Пармантье.

Антуан-Огюстэн Пармантье родился в 1737 году в Мондидье. Рос он без отца и всем в жизни был обязан только самому себе. Во время Семилетней войны армейский младший фармацевт Пармантье оказывается в плену в Германии и там на практике узнает истинную ценность картофеля.

У Пармантье симпатичная внешность, хорошие способности, и мы видим, как этот добрый, бескорыстный человек собственными силами пробивает себе путь в жизни. В 1772 году Пармантье получает место заведующего аптекой Дома инвалидов, но и тут он продолжает думать о картофеле, а после конкурса Безансонской академии разворачивает свой поход за картофель.

Поход этот был долгим и принес Пармантье столько же, и даже больше, врагов, сколько и друзей. «В своих исследованиях,— писал он,— я не ставлю себе иной цели, кроме развития искусств и добра вообще. Что еще могло бы меня воодушевить? Я не предприниматель и не коммерсант. Не добиваюсь никаких мест и никаких пенсий». Несомненно, это была правда. Но именно его бескорыстие и навлекло на него столько врагов. Если бы Пармантье преследовал выгоду и других соблазнял выгодой, он бы преуспел гораздо быстрее.

Получив одобрение Медицинского факультета в Париже после награждения за первое свое исследование, Пармантье продолжает публиковать работы на ту же тему, но его противники не сложили оружия. «Необходимо,— писал Пармантье,— чтобы картофель появился на столе как богачей, так и бедняков и чтобы он занял место, какое ему давно бы уже полагалось занять за его вкус, питательность и полезные для здоровья свойства». В своей «Истории частной жизни французов», выпущенной в 1783 году, Легран д'Осси как бы отвечает на это: «Вкус клейстера, попросту отсутствие вкуса, и вредность для здоровья этой пищи, которая плохо переваривается, заставили благородные дома отвергнуть ее и отдать людям с менее разборчивым вкусом и более крепким желудком, позволяющим есть все, чем можно утолить голод». Книги тогда издавались не таким тиражом, как теперь, и книг было неизмеримо меньше, поэтому все написанное принималось в расчет.

Не читавший книг народ наверняка бы принял предложенный ему Пармантье дар, если бы этот доброй души человек, разбиравшийся к тому же в мукомольном деле и хлебопечении, не тратил зря времени, пытаясь получить из картофеля муку, годную для хлеба. Попытки эти, впрочем, были вполне закономерны. Ведь для французов пища — равнозначна хлебу. Они не знали ничего, кроме хлеба и «похлебки», которую тоже ели с хлебом. Если им предложить хлеб из картофеля, они не отказались бы. Пармантье это хорошо знал.

На его стороне был король Людовик XVI, который предоставил ему для опытных посадок участки земли под Парижем. В 1785 году в день своих именин король велел украсить стол букетом цветов картофеля. Цветок был также в его петлице и в волосах королевы. Помимо того, король пожелал видеть клубни у себя на тарелке, хорошо понимая, что во всех этих опытах и пропаганде не было бы никакой необходимости, если бы картофель уже прочно везде укоренился. В деревнях бедняки его ели, но только бедняки. Видя, какая у Пармантье поддержка, некоторые угодливые придворные говорили: «Это растение нужно назвать пармантьерой». На улицах торговцы предлагали корзинки клубней с опытных полей, но парижане единодушно их бойкотировали. Им нужен был хлеб.

В своем первом выступлении в печати Пармантье прославлял картофель как средство спасения в голодный год. В работе 1781 года он продолжает развивать эту тему, а в 1789 году выпускает свой большой труд «Трактат о выращивании и употреблении картофеля, батата и

топинамбура». В предисловии мы читаем: «Клубни этого растения не боятся губительного действия града, могут в основном заменить хлеб, для чего пригодны в любом виде, замороженные или проросшие, и позволяют сберечь муку, когда по непредвиденным обстоятельствам та становится дорогой и недоступной».И Пармантье выражает желание видеть, как «виноградари, вместо того чтобы есть грубый хлеб из ячменя, гречихи и отрубей пополам с травой, сажали бы под своими лозами картофель и получали таким образом дополнительную пищу, которая в голодный год может заменить все другие продукты». Задача и теперь не изменилась: картофельная мука может заменить пшеничную. И опять-таки в голодный год. Картофель все еще представлялся палочкой-выручалочкой, спасательным кругом. Вот как обстояли дела в 1789 году, через двести один год после того, как Шарль из Эклюза впервые описал картофель.

1789 год. Никому это пока не ведомо, но голодные годы уже не за горами. И, как ни парадоксально, именно голод станет самым надежным союзником филантропа Пармантье. Тяжелые времена последовавших вскоре войн помогли картофелю появиться на столах французов, а потом и в поваренных книгах, где до этого его отвергали и поносили.

Картофель не был назван в честь Пармантье. Но французы помнят это имя и справедливо прославляют его в школьных учебниках, не говоря, однако, о том, какой упорной и продолжительной была его борьба. Благо хоть история обошлась с ним справедливо. Правда, одному ботанику заблагорассудилось развенчать то, что он называл «легендой о Пармантье». По его словам, картофель, для того чтобы пробить себе путь в мире, ни в Пармантье, ни в ком-либо другом не нуждался. Да, конечно. Так же как и Америка, родина картофеля, была бы рано или поздно открыта без всякого Христофора Колумба. Но получилось так, что и Колумб и Пармантье существовали и именно они, а не кто иной совершили то, что совершили.

Жорж и Жермена Блон

Перевод с французского
Л. Деревянкиной

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Во Франции в честь Антуана Пармантье теперь каждый год проводится праздник картофеля — в местечке Мондидье, где родился Антуан. В 1974 г. крестьянин Мишель Альберт привез на эти торжества клубень картофеля весом 1 *кг* 820 *г*, что на 220 *г* превышает рекорд, установленный три года назад.

Картофель не был назван в честь Пармантье, но имя его все же увековечено в названии одного из растений — американского дерева из семейства бигнониевых, дающего воск и съедобные плоды. Растет пармантьера в Центральной Америке.

За последнее десятилетие вокруг Японии возникло много новых островов и полуостровов. «Изготовляются» они с помощью экскаваторов и ленточных транспортеров, перебрасывающих грунт из карьеров в море. Обходятся новые участки суши, однако, недешево.

Кораблестроительные фирмы представили правительственным экспертам проект создания плавающих островов-понтонов. На них в основном будут возводиться промышленные комплексы, для которых не хватает земельных площадей. Кроме того, на них можно разместить парки для отдыха и развлечений, туристские отели, стоянки для автомашин.

Предполагается использовать опыт сооружения супертанкеров. Полезная площадь плавучих платформ проектируется до 400 тыс. *кв. м*.

КРОВЬ ПЛАНЕТЫ

С древних времен у всех народов кровь — синоним жизни и здоровья. И это понятно. Ведь она разносит по клеткам организма кислород и питательные элементы, выносит ненужные, вредные продукты обмена веществ. Кровь регулирует теплообмен, в случае ранения защищает организм от инфекции и ядов. Поэтому малейшее нарушение давления или химического состава крови немедленно сказывается на жизнедеятельности всех органов тела.

Не напоминают ли многие функции крови роль воды в жизни Земли? Уже сегодняшние наши знания о ее значении позволяют назвать воду «кровью планеты».

Вода окутывает всю нашу планету, проникая до 30 *км* вглубь. Океаны, моря, реки, атмосферная влага... Если можно было бы поверхность планеты сгладить, то вся свободная вода покрыла бы земной шар слоем в 3 *км*.

Свободная вода находится в постоянном движении, вечно строит и перестраивает рельеф Земли. Советский геолог С. М. Григорьев подсчитал, что при нынешних темпах разрушения ветром и водой поверхности суши она за 110 млн. лет сравнялась бы с уровнем Мирового океана. Почему же этого не происходит? Кто постоянно наращивает сушу и углубляет океан? Вода и ветер, температурные колебания, микроорганизмы разрушают горные породы, и в результате гидролиза, окисления, гидратации продукты разрушения превращаются в почву, на которой развивается вся органическая жизнь суши. Разрушенные горные породы и почва постепенно смываются дождем и реками в океан, где частью растворяются в воде, частью оседают на дно. Осадочные донные породы медленно опускаются в глубь Земли, до глубин с температурой 425—450° С. Здесь они цементируются веществами из водных растворов в надкритической фазе. Под давлением верхних пород зацементированные породы перемещаются к тому месту, где вещество мантии поднимается вверх, вслед за всплывающей горной областью, а затем превращается в вещество коры материков. В результате подобных процессов в литосфере содержится в химически связанном виде почти столько же воды, сколько и в свободном состоянии.

«Вероятно, трудно поверить,— пишет советский гидролог В. Ф. Дерпгольц,— что нет такого природного тела на Земле, будь то металл или минерал, растение или животное, газ, жидкость или твердое тело, которое не содержало бы воды, и притом при любой температуре. Водой проникнуто все — она «всю-

дна». Огненная магма, изливающаяся из жерл вулканов, и та содержит воду, и притом не в малом количестве — до 12%, а иногда и более». Образуя с помощью других химических соединений значительную часть вещества земной коры и постоянно перемещая его, вода «создает» и поддерживает определенный облик нашей планеты как геологического образования, подобно тому как кровь поддерживает жизнь тела.

Воде обязана своим существованием вся жизнь на Земле. Известны бактерии, способные жить без кислорода, так называемые анаэробы, но без воды не существует ни одна форма земной жизни. Значение воды столь велико, что В. И. Вернадский даже предлагал «рассматривать жизнь как особую коллоидальную водную систему... как особое царство природных вод». А известный немецкий физиолог Дюбуа-Раймон называл жизнь «одушевленной водой».

Жизнь на Земле, по авторитетной гипотезе академика Опарина, возникла в первичном океане и с тех пор неразрывно связана с водой. Многие ученые обращали внимание на любопытный факт близости геохимического состава океанической воды и сравнительного содержания тех же химических элементов в крови животных и человека: хлора в морской воде 55%, в крови — 49,3%; натрия — соответственно 30,6 и 30%; кислорода — 5,6 и 9,9%; калия — 1,1 и 1,8%; кальция — 1,2 и 0,8% и т. д.

С помощью крови осуществляется дыхание животного организма. А Мировой океан? В нем растворена основная масса углекислого газа атмосферы и в результате фотосинтеза фитопланктоном и крупными водорослями вырабатывается значительная часть генерируемого в биосфере кислорода. Таким образом, наряду с лесными массивами Мировой океан — это своеобразные «легкие» планеты.

В Мировом океане более 97% всех поверхностных вод Земли, и он служит гигантским конденсатором и распределителем тепла на планете. Вода необычайно подходит для этой роли. Ее средняя удельная теплоемкость в 5 раз больше средней удельной теплоемкости почвы. Поэтому вода долго сохраняет тепло и выносит его теплыми течениями в высокие широты. В формировании климата огромную роль играет и атмосферная влага. Ее сравнительно немного: сконденсированная на поверхности Земли, она покрыла бы планету слоем всего в 2,5 *см*. Но эта влага постоянно обновляется: испаряется с поверхности, забирая тепло, а затем, конденсируясь, отдает его и дождем или снегом возвращается в поверхностные и подземные воды. Поток атмосферной влаги переносит в несколько раз большую массу воды, чем все реки мира, а энергия испарения, накапливаемая им в год, в 340 тысяч раз больше, чем энергия, получаемая всем человечеством от сжигания нефти. Именно атмосферная влага вбирает в себя тепло океанских течений и разносит его в глубину континентов. Без этих потоков в экваториальных широтах была бы чудовищная жара, а в высоких — нестерпимый холод.

Вместе с океаном и атмосферной влагой в формировании климата участвует и огромное количество материкового и морского льда. Он не только аккумулирует тепловую энергию, но и играет роль экрана, отражающего солнечную радиацию, и в то же время роль подушки, предохраняющей нижележащие слои воды от замерзания. Он содержит в себе такое количество воды, которое в случае таяния льда могло бы поднять уровень Мирового океана на несколько десятков метров. В результате чего была бы затоплена большая часть плодородной и удобной для жизни человека суши.

Участвуя в создании земной коры, почвы и биосферы, вода способствовала возникновению и прогрессу человеческой культуры. С древних времен люди селились и строили города в первую очередь на берегах естественных водоемов. Реки, озера и моря с древних времен служили удобными дорогами во все уголки планеты. Возникновение поливного земледелия ознаменовало новую эру в истории человечества.

Водяное колесо было первым приспособлением для использования механической природной энергии, а паровая машина в начале XVIII века

породила первую промышленную революцию.

Настоящее и будущее цивилизации в еще большей мере, чем ее прошлое, зависят от воды. Постоянный рост современного производства требует огромного ее количества — в среднем до 500—600 *т* на 1 *т* продукции. Промышленность, коммунальное и сельское хозяйство развивающихся стран в начале 60-х годов потребляли 38,7 *л/день* в пересчете на душу населения, а США — 6800 *л/день*, причем на личное потребление использовалось только около 6% этого количества.

Если темпы прироста населения и развития промышленности останутся прежними, то только потребление воды в сельском хозяйстве через 25 лет увеличится в два раза! Хватит ли людям воды в 2000 г.? На первый взгляд, ее на земле, под землей и в воздухе огромное количество: около 1 400 млн. *км*^{3}. Но, во-первых, для питья, сельского хозяйства и промышленности годится не всякая вода, а лишь пресная и чистая. Во-вторых, вода всего нужнее там, где расположены заводы, крупные города. Но в последнюю четверть века уже не в тех местностях, где воды испокон веков было мало (Сахара, Средняя Азия, Ближний Восток), а в Европе и США появились города и целые районы, страдающие от ее недостатка из-за того, что суммарное потребление воды промышленностью уже стало сравнимо с речным стоком и запасами подземных вод. Одновременно с истощением водных ресурсов происходит загрязнение подземных, поверхностных и атмосферных вод бытовыми и производственными отходами и ядохимикатами. Зловещим предупреждением многим промышленным районам мира служит положение в бассейне р. Рейн. В верхнем течении Рейна загрязнение воды столь высоко, что через поперечное сечение реки за одну секунду проходит 1 *кг* хлоридов, а на границе между ФРГ и Нидерландами хлоридов содержится уже 350 *кг/сек*. Кроме того, воды Рейна загрязнены солями железа, ртутью, свинцом, кадмием, а также фенолами, детергентами и пр.

Промышленность не только сбрасывает в реки ядовитые отходы, но и отдает меньше воды, чем забирает из источников, так как часть ее входит в состав конечного продукта или испаряется. Безвозвратное потребление воды в США в 1965 г. составило 390 тыс. *л* в день, а в 1985 г. должно, по подсчетам, возрасти в 20 раз!

В отдельных случаях от водного голода сегодня еще спасают подземные воды. Но они плохо изучены, мы почти не знаем, как они восполняются, как сообщаются друг с другом. Может быть, закачка в глубинные скважины ядовитых промышленных стоков, которая сейчас широко практикуется, чревата опасностью заражения огромных масс воды.

Отдельные попытки управлять распределением воды делались испокон веков. Самые простые — строительство дамб, запруд, плотин и водохранилищ. Но водохранилища, как теперь стало известно, порождают и серьезные нежелательные последствия: большое испарение воды, затопление и заболачивание земель, ухудшение водного режима в прибрежной зоне, климатические, экологические нарушения и т. д. В последнее время часто появляется соблазн восполнить где-нибудь недостаток воды переброской туда части стока другой реки с помощью канала. Однако не всегда удается предвидеть все нежелательные гидрологические, климатические, экологические и другие последствия осуществления такого проекта. Поэтому очевидно, что крупномасштабные проекты подобного рода должны приниматься с осторожностью.

Если, например, отвести часть стока реки Обь в Среднюю Азию, то уменьшится количество тепла, приносимого рекой в Северный Ледовитый океан. Льды будут дольше блокировать Северный морской путь, изменится климат в бассейне реки, уровень грунтовых вод и т. д. Поэтому подобные планы должны основываться на глубочайших и всесторонних исследованиях.

Радужные надежды возлагаются и на опреснение морской воды с помощью атомной энергии. Но и здесь необходимо продумать все возможные последствия такого вмешательства в чрезвычайно тонко отрегулированный механизм природы.

Не менее сложные научные и практические вопросы возникают в связи с загрязнением воды.

Все отходы и вредные вещества, попавшие в атмосферу, на почву и в поверхностные воды суши, в конце концов попадают в океан, превращая его в сточную яму планеты. Сейчас в океан поступает ежегодно около 10 тыс. *т* ядовитой для всего живого ртути и 200 тыс. *т* свинца, который в основном добавляется к нефтепродуктам, в первую очередь в бензин для автомобилей, как антидетонационная присадка (в виде тетраэтилсвинца).

Особенно быстро загрязняются поверхностные воды нефтепродуктами. Потери нефти из морских скважин, при авариях танкеров, очистке их приводят к тому, что в моря и океаны попадает 6—12 млн. *т* нефти в год. Около одной пятой (!) поверхности океана постоянно покрыто нефтяной пленкой, губительной для большинства живых организмов. Если же учесть, что, скажем, концентрация в воде ДДТ даже в размере одной миллионной доли уменьшает генерацию кислорода фитопланктоном на 75%, то станет понятным, почему содержание кислорода в атмосфере планеты, по некоторым данным, уменьшилось на несколько процентов, а в океане — на 12%.

Жак Ив Кусто 30 лет изучал жизнь моря, проплыв тысячи километров по воде и под водой. Он с горечью отмечает, что за последние два десятилетия биологическая продуктивность океана понизилась на 30—50% из-за загрязнения воды. Способность океана к самоочищению нарушена. Рыбные богатства быстро истощаются, уменьшается число видов морских животных и растений. Происходят сложные перестройки в морских экологических системах, в результате которых снижается продуктивность популяций ценных для человека видов животных и растений, а продуктивность сорных популяций повышается.

Одним из самых неприятных последствий загрязнения земных вод является то, что все вредные продукты через пищевую цепь в конце концов попадают в организм человека, а все последствия такого отравления еще не известны. Зато можно предвидеть последствия захоронения на дне океанов и морей контейнеров с отходами атомной промышленности. Сильные океанские течения уже сейчас иногда выносят на побережье контейнеры с радиоактивными отходами, захороненными в центре Атлантики.

Итак, для сохранения биосферы нужно научиться как можно меньше загрязнять и истощать водные ресурсы. Для этого необходимо знание законов взаимосвязей всех компонентов биосферы: леса, почвы, подземных, грунтовых и поверхностных вод, климатических условий и т. д. Надо знать водные ресурсы и особенности мирового водного баланса, хозяйственные потребности в воде, учитывать последствия освоения водных ресурсов. Пока что большинство этих проблем еще не решено. Например, в Северной Америке определены лишь запасы воды в Великих озерах, другие озера этого континента, как и большинство озер Африки и Азии, до сих пор гидрографами не изучены. Мы совершенно не представляем себе истинного водного баланса во многих странах и речных бассейнах. Между тем проблема рационального использования водных ресурсов — проблема международная, ибо все водные системы на Земле взаимосвязаны — либо непосредственно, либо через атмосферу и Мировой океан. Именно поэтому большинство стран мира включилось в выполнение программы Международного гидрологического десятилетия, разработанной при участии ЮНЕСКО. Эта программа предусматривает наиболее широкие по своим масштабам мероприятия для изучения роли природных факторов в жизни людей.

Первыми этапами решения задачи изучения и рационального использования водных ресурсов всей Земли будет определение всех видов вод и гидрологических объектов, всех потоков влаги в пределах гидросферы, атмосферы, литосферы и между ними.

Прежде всего, по мнению советского ученого Г. Ф. Хильми, необходимо разработать новый комплекс теоретических знаний, который позволил бы перейти от описания природы и учета ее ресурсов к проекти-

ванию преобразований природы. Ученый пишет, что сегодня уже «нельзя пробовать преобразовывать природу сначала одним способом, а затем, если это окажется неудачным, переходить к испытанию другого способа. Поэтому необходима такая теория природных процессов и явлений, которая способна предвидеть ход явлений, в природных условиях никогда ранее не существовавших, а только запроектированных... Такие знания можно получить синтезом представлений, разработанных в геофизике, геохимии, географии, биоценологии, лесоводстве и других науках, используя одновременно современные представления о саморегулировании и самоорганизующихся системах».

В современных условиях речь должна идти уже не просто об использовании и освоении природных ресурсов, а о разработке новых принципов взаимодействия общества и окружающей среды, важнейшую часть которой составляет вода.

Несмотря на растущую загрязненность гидросферы, человечество располагает научными знаниями, чтобы ослабить вредные последствия уже совершившегося загрязнения, предотвратить дальнейшее. При этом важнейшее значение будет иметь опыт Советского Союза и других социалистических стран.

Этот опыт, очевидно, не смогут игнорировать и страны с иным социально-экономическим укладом. Очевидно, нужно ориентировать научно-технический прогресс на всемерное ограничение использования водоемких технологий и водоемкости продукции, максимальную очистку стоков, а в перспективе — на внедрение безводной технологии. Одновременно необходимо тщательнее продумывать крупномасштабные гидротехнические проекты, чтобы не нарушить сложившееся в биосфере равновесие.

Игорь Кольченко

В одном из парков столицы Шотландии Эдинбурга создан музей естественной истории под открытым небом. На его аллеях вскоре появятся исполненные в натуральную величину муляжи более 600 доисторических животных — динозавров, плезиозавров и т. п. Их делают из стальной проволоки, бетона и пластмасс.

*

В одном из мадридских архивов хранится интересный документ, которому исполнилось 400 лет.

Речь идет о письме отцов католической церкви королю Филиппу II, который по просьбе предприимчивых конкистадоров разрешил прорыть Панамский канал. Испанцы, стремясь к завоеванию новых земель на Тихом океане, готовились превратить сотни тысяч индейцев в рабов-строителей.

Однако церковники запретили осуществление такого проекта, мотивируя это тем, что христианин не должен разъединять водой то, что соединил бог.

*

В некоторых городах на юге США по совету орнитологов возводятся оригинальные башни высотой до 100 *м*, где могут поселиться одновременно две-три тысячи ласточек. Это необходимо для борьбы с комарами и другими вредными насекомыми. Установлено, что одна птица в день уничтожает около тысячи комаров. Естественно, такой способ значительно эффективнее ядохимикатов.

*

Неподалеку от Багдада, на восточном берегу Евфрата возвышаются руины древнего Вавилона. Правительство Ирака намерено восстановить Вавилон и одно из семи «чудес света» — легендарные «висячие сады». Восстановление этого памятника древней цивилизации будет проведено с помощью ЮНЕСКО и, по мнению иракских ученых, даст дополнительный материал по истории человеческой цивилизации в Месопотамии.

ЗАКОДИРОВАННАЯ ПОЭМА

Вначале несколько слов о том, каково было мнение о творениях Гомера до апреля 1870 г. Древнегреческий математик и географ, занимавший, так сказать, по совместительству пост директора Александрийской библиотеки, Эратосфен Киренский утверждал: поверить в сказки о странствиях Одиссея — равнозначно признать, что можно найти портного, который сшил бы мешок для всех стенающих ветров Средиземного моря...

Не верил ни единому слову Гомера историк и философ Деметрий, происходивший к тому же из города Скепсиса.

Иоганн Вольфганг Гёте, поэт и ученый, считал Гомера величайшим сказочником древнего мира. Такого же мнения придерживался Пушкин, а также Гнедич, переводчик «Илиады».

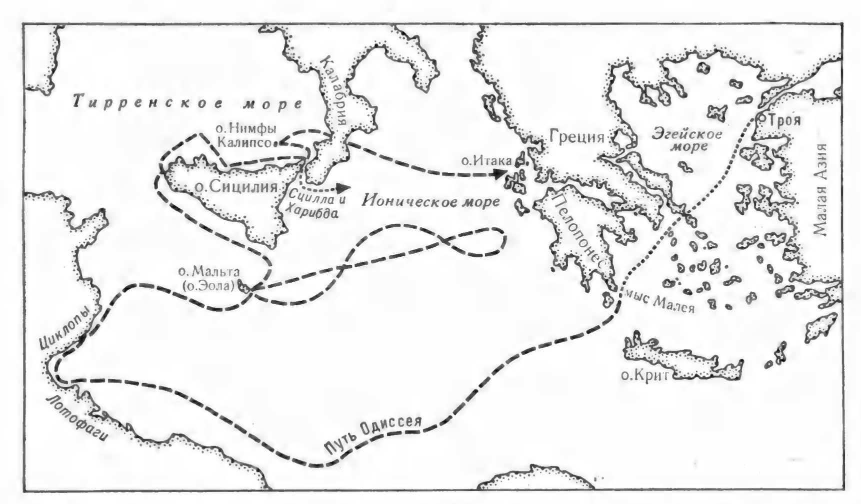
И лишь в 1870 г. лопата и заступ Генриха Шлимана положили конец этим невольным заблуждениям. Стены Трои, у которых сражались и умирали герои «Илиады», были откопаны. На Итаке нашли остатки дворца Одиссея. Спустя четыре года на свет божий появились камни златообильных Микен — города Агамемнона, царя и полководца ахейцев. Еще через 15 лет кое-что было раскопано на Крите — острове, к которому Гомер питал особое пристрастие и на описание которого не пожалел красок.

Лиха беда начало. В 1939 г. археологи обнаружили древний Пилос, откуда происходил Нестор. Гомер называл его мудрейшим. И этот эпитет не оказался преувеличением. Крепостные стены города были построены с удивительным инженерным мастерством. Улицы отличались продуманной планировкой, а главный театр обладал прекрасной акустикой. Кроме того, город нашли именно на том самом месте, куда его поместил сам Гомер,— на юге Пелопонеса.

Вот тебе и сказочник! Достоверность его данных просто поразительна. Словом, не сказочник, а пунктуальнейший летописец и первый военный корреспондент в мировой практике.

Вспомним, однако, что эпопея Гомера — историческое повествование в двух частях.

Нам уже понятно, сколь большую роль в археологии сыграла «Илиада». По ее прямым указаниям были перекопаны тысячи тонн напластований последующих эпох. А как обстоит дело с «Одиссеей»? Может, хоть тут осталось место сказкам? Уж слишком удивительные места посещал ее хитроумный герой. Слишком запутанными были его маршруты по Средиземноморью. Слишком удиви-

Один из предполагаемых маршрутов плавания легендарного Одиссея

тельные люди и чудища встречались ему на пути.

Итак, «Илиада» значительно реалистичнее «Одиссеи». В чем же тут дело? Откуда такая загадочность маршрута сына Лаэрта?

Наука уже ответила на эти вопросы. Но прежде остановимся на попытках расшифровать сам путь хитроумного Одиссея по морю.

Начало этой дискуссии положил Плутарх. Он утверждал, что Одиссей достиг островов Британии. Немецкий путешественник и географ Гумбольдт в 1848 г. писал, что корабли греков приставали к Мадейре. Другие исследователи продолжили его маршрут до Азорских островов.

Наиболее горячие споры и предположения развернулись в нашем веке. Англичанин Эрни Брэдфорд верил в правдивость «Одиссеи» с неменьшим упорством, чем Шлиман в «Илиаду». Он взял поэму на борт своей яхты и в 1949 г. отправился по следам гомеровского героя в Средиземное море. Руководствуясь только указаниями поэта, он посетил Сицилию, Сардинию, Мальту, острова Тирренского моря, а затем и побережье Туниса.

В своей книге «Путешествия с Гомером» Брэдфорд утверждает, что, поэма — превосходная инструкция для капитанов парусных судов. Гомеровские данные по навигации не устарели. Древнюю поэму можно считать просто вахтенным журналом моряка.

Еще дальше пошли братья Вольф (один из них архитектор, другой — историк). Они попытались найти еще более точный ответ на вопрос, где в действительности останавливался Одиссей. Они тщательно изучили античную мифологию, особенно данные о божествах, олицетворяющих различные ветры, а также пухлые папки с метеорологическими данными по Средиземноморью за последние сто десять лет. После этого они пунктуально изучили навигационные сведения, содержащиеся во второй поэме Гомера. Полученные результаты они свели в одну карту и... получилось широкое, замкнутое кольцо вокруг Сицилии.

Как работали братья? Определяли направления господствующих ветров, их силу, угол по отношению к морским течениям. Учитывали возможную скорость парусных судов и одновременно фактические цифры из поэмы о длительности переходов парусников Одиссея от одного удивительного острова к другому.

Уверенность в своей правоте братья черпали прежде всего в том, что составленное ими кольцо своими неровностями упиралось на карте в берега Африки, Италии, матери-

ковой Греции и различных островов. Это и были вынужденные остановки Одиссея. Поэма начинала выглядеть как книга о трудных морских путешествиях с приключениями, как книга о планомерном исследовании бассейна Средиземноморья.

Итак, говорят братья, чудовища Сцилла и Харибда — это узкое место в Мессинском проливе. Остров Сирен — это островок Пунтадельфаро (в современных справочниках для капитанов есть совет держаться от него на расстоянии минимум одной мили).

Далее, страна Лотофагов — остров Джерба. Остров циклопов —побережье Туниса. Царство бога ветров — Мальта. Страна киммерийцев — область близ Палермо. Владения волшебницы Цирцеи — остров Устика в Тирренском море.

Найти страну лестригонов — кровожадных людоедов — помогли археологи. На восточном берегу Сардинии были обнаружены поселения «варваров», в кострах которых наряду с костями животных ученые увидели и тщательно раздробленные кости людей...

Не будем утверждать, что это останки верных друзей Одиссея. Но... радиоуглеродный анализ показал: их возраст почти совпадает с эпохой Троянской войны.

Такова версия братьев Вольф. Во многом она спорна, но основная идея ее весьма правильна.

Француз Жильбер Пийо захотел уточнить расчеты братьев. Сказано — сделано. Не один вечер просидел Пийо за своим рабочим столом, прибегая к методам математики. Цифры переносились на десятки вариантов карт. Один из его первых выводов — Одиссей плавал не только по Средиземному морю, но побывал и в Атлантике.

Жильбер Пийо подметил, что корабли Одиссея первое время стремительно подгонял восточный ветер — Эвер, сын Эола. Кроме того, француз очень точно высчитал скорость парусных кораблей той эпохи (8,7 узла) и умножил ее на длительность морских переходов, выраженную у Гомера в сутках. Кольцо у него тоже получилось, но диаметр вышел более солидным.

Проверку делали на участках, в географической точности которых нельзя сомневаться. Например, от Итаки до Пилоса или от Корфу до Итаки. Оказалось, что продолжительность таких «каботажных» рейсов древних греков можно вычислить с точностью до одного часа. И цифры здесь полностью совпадали с гомеровскими.

После этого процесс умножения полученных чисел пошел уже увереннее. И вышло, что царь Итаки обязательно должен был побывать за Геркулесовыми столбами.

Пийо проверил свои выкладки и другим способом. В поэме, как известно, есть места, где говорится о том, как смелые моряки ориентируются по звездам. Например, когда корабли Одиссея покидали остров Огигию, нимфа Калипсо указала им такой путь, чтобы самая яркая звездочка оставалась слева. Выяснив у астрономов, что такой звездой мог быть только Сириус, Пийо сделал вывод: корабли античного героя повернули от Огигии на юг. Но куда поместить саму Огигию, если от нее отважные греки очень долго плыли в одном направлении? Видимо, где-то в Атлантике, севернее Гибралтара.

Вот как Пийо представляет себе весь маршрут Одиссея.

Окончилась Троянская война. Корабли царя Итаки плывут на родной остров, но буря мешает им пристать к нему, она гонит корабли дальше, на запад, целых девять дней. На десятый показывается пустынный берег страны лотофагов. Французский исследователь помещает ее в Марокко. Имеются достоверные сведения, что в незапамятные времена жители этих мест добывали из растений наркотики. Соком загадочных «лотосов» и были опьянены спутники Одиссея.

Снова в путь. Через четыре дня ветер пригоняет парусные корабли к архипелагу циклопов. Сходство с Канарскими островами можно подтвердить тут целым рядом деталей. Земли там плодородны, в изобилии растут овощи и фрукты, климат мягкий. Все как у Гомера.

Что касается самих циклопов, то Пийо склонен видеть здесь антропоморфизм, одухотворение стихий-

ных сил природы, в данном случае действие вулкана.

Когда Одиссей и его спутники приближаются к острову, разгневанный великан Полифем хватает огромные обломки скал и бросает их в море. Возможно, древние мореплаватели были свидетелями, как из жерла огнедышащей горы вверх вылетали каменные бомбы и падали в море возле их кораблей...

Спасаясь от гнева Полифема, древнегреческие путешественники попадают в полный штиль. (Современные капитаны говорят, что у Канар это довольно частое явление.) Пришлось приналечь на весла.

Они плывут на север, и на горизонте появляется остров Эола. Гомер повествует, что остров был опоясан неприступной медной стеной, стоящей на гладких скалах. Описания древнегреческого рапсода очень и очень напоминают Мадейру. Чтобы проверить себя и заранее парализовать возражения скептиков, Пийо проделал такой интересный эксперимент. Он перевел на язык современной прозы эту часть из поэмы, несколько подчеркнув чисто описательные элементы. Затем страничку текста он дал прочитать опытному учителю географии с вопросом: какой остров скрывается за столь красочным рассказом? Тот сразу же ответил: «Мадейра!»

Затем шесть дней и шесть ночей корабли греков летят с раздутыми парусами дальше на север. Отмерив по своим расчетам на карте соответствующее расстояние, Жильбер Пийо устанавливает, что хитроумный Одиссей прибывает на западное побережье Ирландии — в страну лестригонов. Это государство воинственных и диких племен, как рассказывает Гомер. Здесь сырой климат и неудобные скалистые берега, покрытые лесами. По камням текут многочисленные ручьи... На Ирландию очень похоже. Но интересно и то, что отсюда Одиссей устремляется еще дальше на север. И получается теперь, что остров обольстительной Цирцеи — это Гебриды. Плен длился тут ровно год. За это время красавица родила гомеровскому герою сына Телегона.

Отсюда корабли греков опять попадают в Ирландию, то есть в страну туманов, где жители редко видят солнце. Опять существенные совпадения в климатических характеристиках!

Получается теперь, что Сцилла и Харибда должны находиться не у берегов Сицилии, а в Шотландии, а остров Огигия — еще севернее. Какой-то очень странный остров, где прямо из земли бьют фонтаны... (Не Исландия ли это?)

Вот только отсюда Одиссей повернул на юг.

Возможно ли, что еще в XII веке до нашей эры греческие парусники заплывали столь далеко в северные широты? Раньше на этот вопрос было очень трудно ответить. Но теперь наука располагает данными, что уже за 500—700 лет до событий Троянской войны корабли критян и других народов Средиземноморья, искавших олово, довольно регулярно достигали туманных берегов Британии. Значит, новая гипотеза Пийо не так уж смела, как могло показаться с первого взгляда. Пусть даже некоторые крайние точки его карты не совсем верны, но для нас важно совсем другое.

Французский исследователь задался очень интересным вопросом: какова же цель всех этих путешествий Одиссея?

По его мнению, буря в Средиземном море, которая не позволила ко-

раблям попасть на родную Итаку,— это всего лишь хитрость автора, поэтическое преувеличение, композиционный прием.

Хорошо прослеживается в поэме явная тенденция прославить моряков, умножить на пути различные трудности и показать героические усилия в их преодолении. И это все — не случайно. Гомер, собственно говоря, описал не вынужденные скитания по морям и океанам, а целенаправленную исследовательскую экспедицию древних греков.

Что же все-таки столь упорно исследовали греки? Цель у них была, конечно, очень серьезной. Не только сами географические открытия. Судя по всему, целью были и металлы. На первом месте олово, а на втором — золото. Без олова нельзя выплавить бронзу. А какой же это бронзовый век без бронзовых изделий?

Одним из главных источников оловянных руд для всех средиземноморских стран той эпохи были Британские острова. В ценной руде нуждались не только греки. Отсюда — жесточайшая конкуренция в торговле.

Посредником в доставке руды стал город Тартес на Пиренейском полуострове, захваченный финикийцами — главными соперниками греков. Из-за этого цена на дефицитный металл сильно повысилась. Нетрудно теперь представить, сколь высок был для греков соблазн самим посетить далекие кельтские страны и наладить с ними торговые контакты. И это было поручено царю Итаки, превосходному моряку и дипломату.

Можно еще раз вспомнить, как стремился Одиссей к северу и какой отвлекающий маневр он сделал, чтобы тайно обойти Пиренейский полуостров с его финикийским городом. Эту интереснейшую мысль французского исследователя трудно опровергнуть.

Пийо говорит, что есть вполне реальные основания предполагать, что отдельные места поэмы с самого начала были сознательным образом «затуманены», точный путь Одиссея старательно замаскирован «происками богов и полубогов».

В полном соответствии с ситуацией эпохи автором было проявлено старание всячески скрыть от возможных конкурентов пути морской экспедиции и ее географические открытия. Словом, Жильбер Пийо склоняется к мысли, что «Одиссея» была «закодирована», чтобы содержащиеся в ней сведения не могли использовать другие народы для проникновения в западную часть Средиземноморья и в Атлантику.

Миновали века, и постепенно греки забыли о первоначальном смысле поэмы. Не могли знать о нем и первые исследователи этого уникального литературного произведения. Лишь пытливый ум людей второй половины XX века начал расшифровывать этот закодированный эпос.

Кого же можно считать конкурентами греков на море? Многие советские и зарубежные исследователи считают, что Гомер, создавая свою замечательную поэму, пересказал эпос древних мореходов — ахейцев (Микены) и минойцев (Крит). Возможно, в «Одиссее» отразились географические представления эпохи, восходящей к IV—III тысячелетию до нашей эры.

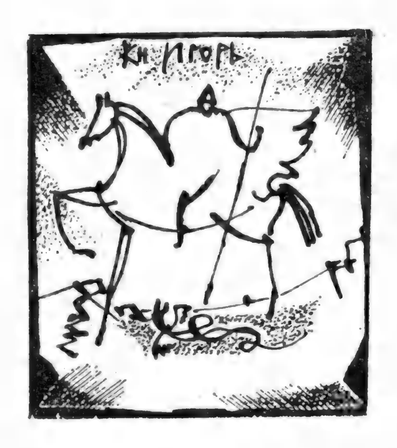
Это был весьма бурный период в истории Эгейского мира. Начинались первые попытки колонизации. Торговые города появляются на побережье Малой Азии, на Кипре, в Сицилии, на Мальте.

В прошлом веке еще не было точных данных о древнейших народах Средиземноморья. Ученые доверяли древнегреческим источникам, где говорилось о том, что все их соседи — «варвары». Однако сейчас можно назвать, например, ликийцев, карийцев и этрусков, которые находились на довольно высоком уровне развития.

К морским конкурентам греков можно отнести иллирийцев и пеласгов. Хорошими мореплавателями были финикийцы, служившие Египту, жители Балеарских островов, предки берберов, альмерийцы с юга Пиренеев, лигуры из Северной Италии.

Итак, Гомер воспел самое начало эпохи великих географических открытий античности и в силу особых обстоятельств той поры ему пришлось придать необычайно смелому и важному путешествию красивую, но совершенно сказочную форму.

Герман Малиничев

О БИТВЕ РУСИЧЕЙ С ПОЛОВЦАМИ, РЕЧКЕ СТУГНЕ И КНЯЗЕ РОСТИСЛАВЕ

Листая страницы летописей и хроник, вчитываясь в лаконичные строки, повествующие о днях минувших, не сразу замечаешь любопытные особенности древних текстов. На первый взгляд, беспристрастно, порой монотонно, скупыми фразами сообщает летописец самое важное и существенное из случившегося за год. Перед мысленным взором встает монах-отшельник, склонившийся в тиши кельи за крепкими монастырскими стенами над листами пергамента. Он только сторонний наблюдатель, сухой регистратор фактов, чуждый мирской суете, политической борьбе своего времени. Лишь постепенно, сличая разные списки, обнаруживая многозначительные пропуски, вдумываясь в смысл авторских реплик и характеристик, начинаешь понимать, что рукой летописца водило отнюдь не желание объективно поведать потомкам о событиях своего века. Создатели летописей верой и правдой служили своему классу, своим владетельным князьям, отстаивали их интересы, осуждали их противников, стремились полемически заостренным изложением повлиять на ход последующих событий.

И все же порой не всегда легко разгадать причины пристального внимания древних авторов к событиям, на наш взгляд, малозначительным. Но именно здесь исследователя ждут удивительные находки, проливающие свет на личность автора, на его симпатии и антипатии, помогающие восстановить уже давно похороненные под пылью веков факты.

Кто не восхищался замечательным памятником древнерусской литературы — «Словом о полку Игореве»! Это одно из лучших творений мировой культуры. Написанная живым, выразительным языком, поэма-песнь от первой до последней строки проникнута беспредельным чувством любви к родине. Подробности и последствия трагического похода 1185 г. Игоря Святославича в половецкую степь мастерски вплетены в общерусское историческое полотно, использованы как повод для горячего призыва к единению Руси, к ее защите от внешних врагов.

Нет нужды пространно говорить о художественных достоинствах и научной значимости «Слова». Интерес к нему растет с каждым годом. Но имя гениального поэта нам неизвестно. Его творение — анонимно, как анонимны многие чудесные произведения древнерусских художников, зодчих, мастеров-ювелиров. Поэтому не утихают жаркие споры и о самом авторе бессмертной поэмы, и о вре-

мени ее создания. Ученые разных специальностей терпеливо ищут ответа на эти важные вопросы. И каждая новая деталь, каждый дополнительный штрих могут помочь в их решении.

Перед читателем «Слова» разворачиваются эпические картины русской природы, события прошедших времен сравниваются с настоящими. Автор в истории родной земли черпает примеры, подчеркивающие смысл происходящего.

Вот Игорь бежит из плена, прячется в зарослях по берегам Донца и проникновенно благодарит реку, укрывшую его от погони. И сразу, в противовес величавому, полноводному и гостеприимному Донцу, память поэта рисует образ другой реки — коварной Стугны, в которой почти сто лет назад утонул князь Ростислав.

Не такова ты, река Стугна;
Худую струю имея,
Поглотив чужие ручьи и потоки,
Расширенная к устью,
Юношу князя Ростислава
заключила,
На темном берегу Днепра
Плачет мать Ростислава по юноше
князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
И дерево с тоской к земле
приклонилось.

Лирические, полные человеколюбивого сострадания строки. О чем, о каких событиях напоминали они?

В 1093 г., за 92 года до похода Игоря, половцы в очередной раз обрушились на русские земли и дошли почти до самого Киева. Навстречу им выступило объединенное войско русских князей Святополка Киевского, Владимира Мономаха Черниговского и его юного брата Ростислава Переяславского. Молодому князю было тогда 23 года. В битве у древнего Треполя русские потерпели жестокое поражение и бежали. Но судьба не была такой милостивой к Ростиславу, как впоследствии к Игорю. Переправляясь через Стугну, юноша князь утонул на глазах у своего прославленного брата.

Молодость Ростислава, безутешное горе его матери запечатлелись в памяти современников. «Ростислава же,— замечает летописец,— поискав, нашли в реке и принесли в Киев, и оплакала его мать, и все люди очень печалились о нем, молодости ради его».

Помимо летописи и «Слова» известия об этой битве и гибели Ростислава сохранились в «Поучении Мономаха» и в Киево-Печерском Патерике. Перечисляя свои труды и походы, Владимир, вероятно уже на склоне лет, кратко пишет: «После смерти отца и при Святополке на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир заключили с Тугорканом и с другими князьями половецкими». О смерти брата и сокрушительном поражении не сказано ни слова. Старый князь умел пользоваться фигурой умолчания.

Монахи знаменитого Печерского монастыря в Киеве рассказывали обо всем этом несколько иначе. Якобы перед отправлением в поход Ростислав с дружинниками поехал в монастырь испросить благословения. На берегу Днепра встретился им монах Григорий, набиравший воду. Спутники князя посмеялись над ним. Тогда Григорий объявил: «Все вы в воде умрете и с князем вашим». Услышав это, Ростислав распалился гневом, велел связать старца и утопить. Не пожелал он и прийти на похороны строптивого монаха, а Владимир Мономах пришел. Предсказание сбылось. Рассказчик Патерика с оттенком злорадства сообщает, как у Треполя «полкома сошедшимася, побегоша князи наши от лица противных, и молитвою преехa реку Владимир. Ростислав же утопе со всеми своими, по словеси блаженного Григория».

Итак, перед нами четыре описания одних и тех же событий, четыре мнения, четыре оценки. Летописец, оценивший факты по горячим следам, когда стыд поражения и боль от утраты близких еще свежи были в памяти, сокрушается по поводу происшедшего и во многом винит князей, прежде всего Святополка, не слушавшего мудрых советов «нарочитых мужей». Для Владимира Мономаха битва у Треполя — не более чем один из множества военных эпизодов его бурной жизни. Печерский

монах увидел во всем предначертание свыше и не преминул задним числом укорить и осудить гордеца Ростислава, похвалить «богобоязненного» Владимира, а заодно восславить свой монастырь.

Спустя много лет автор «Слова» вспомнил печальный случай. Но ему чужда нравоучительная мораль церковника. Наоборот, он искренне жалеет безвременно погибшего молодого князя и подводит читателя к мысли, что междоусобицы и распри князей открывают половцам дорогу на Русь.

Однако из сравнения текстов можно извлечь и другие, не менее любопытные подробности. При внимательном чтении заметна некоторая противоречивость в описании хода самой битвы и места гибели Ростислава. Согласно летописи и Патерику, сражение произошло у Треполя, а по Владимиру Мономаху — на речке Стугне у Халепа.

Современная Стугна — почти ручей, едва ли достигающий десятиметровой ширины, а в «Слове о полку Игореве» говорится, что она очень разливается к устью, принимая «чужие» ручьи и потоки.

В чем дело? Может быть, никакой путаницы нет, просто мы не совсем понимаем смысл древних записей? Или Владимир Мономах по прошествии многих лет запамятовал детали? Или автор «Слова» украсил действительность поэтическим вымыслом?

Чтобы разрешить возникшие недоумения, обратимся к летописной статье 1093 г., подробно излагающей интересующие нас события, и попробуем по карте окрестностей Киева представить себе, как было дело.

13 апреля умер в Киеве старый князь Всеволод Ярославич и был похоронен с честью в Софийском соборе. На великокняжеском престоле оказался его племянник Святополк, сидевший до этого в провинциальном Турове. Он привел с собой толпу жаждавших славы и богатства приближенных. Половцы, по обычаю, направили к новому князю посольство: подтвердить прежний мир. Но Святополк, не посоветовавшись с дружинниками отца и дяди, велел послов схватить и посадить под замок. Возмущенные коварством князя, половцы напали на Русь и осадили Торческий город. Святополк испугался, отпустил послов, запросил мира. Но было уже поздно. Война разгорелась. Пришлось собирать войско. Киевские мужи-бояре настаивали на продолжении переговоров. Но недальновидный князь заявил, что с семьюстами своих дружинников готов разбить врага. После долгих споров он все же согласился просить помощи в Чернигове и Переяславле у своих двоюродных братьев — Владимира и Ростислава.

Князья сошлись в Выдубицком монастыре под Киевом и повздорили. Бояре решительно пресекли ссору не в меру честолюбивых правителей: «Зачем вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. После договоритесь, а теперь отправляйтесь навстречу поганым — либо заключать мир, либо воевать».

Войска собрались в поход. Перед этим, наверное, и ездил Ростислав в Печерскую Лавру, где повстречал (если верить монахам) «вещего» старца Григория.

Русские дружины выступили из Киева. Путь их лежал вдоль Днепра. Граница Руси проходила тогда по реке Рось, впадающей в Днепр у Канева. Здесь еще Ярослав Мудрый поставил сторожевые крепости и разместил в них военные гарнизоны. На один из этих городов-крепостей — Торческ — и напали половцы.

Однако далеко русским идти не пришлось. Пока князья судили да рядили, кочевники прорвались за Рось и устремились на просторы Перепетова поля — степной поляны между Росью и Стугной. Половецкая конница оказалась на расстоянии однодневного перехода до Киева.

Соединенные полки трех князей остановились на левом берегу Стугны. Вновь держали совет. Владимир предложил, укрепившись на этом, высоком берегу реки, «в грозе сей», заключить мир. Киевляне воспротивились и настаивали на решительной битве. Дело происходило в конце мая. Стугна, по словам летописца, «наводнилася велми».

Преодолели реку. Построили дружину в боевые порядки. На правом фланге встал Святополк, в центре — Ростислав, слева — Владимир. Двинулись дальше. Миновали город Тре-

поль, находившийся километрах в трех южнее устья Стугны. За оборонительным валом увидели половцев. С обеих сторон взметнулись вверх стяги. Бой начали лучники.

Первый удар половцы нанесли по правому флангу русских. Святополк бился крепко. Но его люди — киевляне — не выстояли и побежали. Тогда половцы навалились на полк Владимира. Разгорелась лютая битва. Побежали и Владимир с Ростиславом. Добрались до Стугны, стали переходить реку вброд. Ростислав начал тонуть. Владимир пытался спасти брата, но чуть не захлебнулся сам.

«Владимир же,— продолжает летописец,— перебрел реку с малой дружиною и перешел на другую сторону Днепра, плакался о брате и печальный прибыл в свой Чернигов».

Святополк отсиживался до вечера в Треполе, а ночью прискакал в Киев.

Вот подробный рассказ об этой злосчастной битве по тексту «Повести временных лет».

Взглянем на карту. Южнее речки Стугны, на самом берегу Днепра, у устья маленькой речушки Красной, раскинулось современное село Триполье — древний Треполь. Еще в 3—4 километрах к югу обнаруживаем село Халепье — несомненный Халеп «Поучения Мономаха».

Одна загадка решена. Русские бились с половцами между этими пунктами. Поэтому летописец определял место боя «у Треполя», а Владимир — «у Халепа». Каждый из них, конечно, прав.

Но черниговский князь еще и уточнил — «на Стугне». А от Халепа до Стугны добрых 7—8 *км*. Прихо-

дится думать, что или русские с боем отступали к Стугне, или же Мономах почему-то счел нужным назвать именно эту реку в качестве ориентира. Сказано предельно ясно: «На Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа». По Мономаху выходит, что Халеп находился совсем рядом со Стугной. А в действительности село Халепье — на самом берегу Днепра. И естественнее было бы указать: «На Днепре у Халепа». Опять загадка.

Вспомним ход битвы. Первоначально половцы прорвали правый фланг русских, и Святополк, спасаясь от них, затворился в Треполе. Практически центральный полк Ростислава и полк «левой руки» — Владимира оказались окруженными с трех сторон. Лишь четвертая сторона оставалась свободной. Но там путь отступления преграждал могучий Днепр.

Половцы стремились смять дружины Владимира и охватить со всех сторон русские войска. Братьям пришлось спасаться бегством. Летописец говорит, что они оказались у Стугны. Как это им удалось? Ведь половцы были у Треполя, миновать который беглецы никак не могли. Нить логических рассуждений рвется. Возникают все новые и новые вопросы. Может быть, Мономах и Ростислав пробились сквозь вражеские полки? Почему тогда они не последовали примеру Святополка и не укрылись за стенами Треполя? Что помешало им? Зачем нужно было вообще отходить к Стугне, переправляясь перед этим еще и через речку Красную? Наконец, почему Владимир Мономах, с трудом перейдя Стугну, не отправляется под защиту мощных укреплений Киева, а вновь рискует жизнью, форсируя Днепр?

Если бы не драгоценные строки из «Слова о полку Игореве» и особенности микрогидронимики окрестностей Киева, в нашем исследовании пришлось бы поставить точку.

Ученых, комментировавших знаменитую поэму, смущало не соответветствующее действительности описание реки Стугны. Она мелководна и узка, утонуть в ней трудно. Стугна к устью не расширяется, вопреки указаниям автора «Слова» («росторена к усту»), и не принимает здесь многочисленных ручьев и потоков. Особенно казалось странным определение «чужие» по отношению к последним. Полагают, что река широко разлилась весной («наполнилась велми»), а чужие ручьи и потоки — это правые притоки Стугны, впадающие в нее с «чужой», половецкой стороны. Вот почему река стала «чужой по крови» русскому князю и предала его!

Увлекательное, фольклорное толкование спорного места, к сожалению, неверно по существу. В конце XI века Стугна отнюдь не была пограничным рубежом между владениями Киевской Руси и половецкой орды. Оба ее берега принадлежали русичам. Южнее Стугны стояли также известные древнерусские города: не раз упомянутые выше Треполь, Халеп, Торческ, а также Юрьев (Белая Церковь), Заруб, Родня (Княжая гора) и многие другие. Еще в начале 30-х годов XI века граница Руси передвинулась на 40—60 *км* к югу от Стугны и проходила по реке Рось. В «Повести временных лет» об этом ясно и недвусмысленно сказано: «Ярослав поча ставити города по Роси».

Все сомнения и недоумения рассеются, когда мы внимательно рассмотрим старые крупномасштабные карты Днепра у Киева. Как раз немногим выше впадения Стугны великая река делится на два рукава, вновь сливающиеся воедино чуть ниже Халепа. А правая протока, поглощающая воды речек Козинки, Стугны, Красной и нескольких безымянных ручьев, издревле звалась Стугной! Так сказано в лоциях, так помечено на картах. И Треполь и Халеп стояли на ее берегах.

Внесем поправку в ход наших рассуждений, и все окажется простым и понятным. Не ошибся, не запамятовал ничего Владимир Мономах: бились они до вечера с половцами на Стугне у Халепа. Окруженные с трех сторон врагами, братья отступали не на север к Треполю, а на восток к реке. В ней и утонул Ростислав, ведь Стугна — рукав Днепра — широка и глубока, особенно весной.

Прав летописец, сказав: «Владимир же, перейдя реку (Стугну)...

и придя на другую сторону Днепра, оплакал брата и дружину свою и пошел в Чернигов в глубокой печали». Так и было. После гибели брата князю ничего не оставалось другого, как перебрести вторую протоку, и сейчас называемую Старый Днепр, и уйти в свою столицу. Надо добавить, что брод через Днепр у Треполя неоднократно упомянут в летописи.

Конкретен и точен в своих поэтических образах автор «Слова». «Худую» струю имеет Стугна: узкая и мелкая, сливаясь с протокой Днепра, она расширяется к устью, «поглотив» чужие (но не половецкие, вражеские, а другой реки — Днепра) ручьи и протоки. Вот почему мать Ростислава плачет о юноше князе на темном берегу Днепра: по сути дела, в нем утонул ее сын.

Теперь читатель вправе спросить, так ли уж важно знать, где именно утонул юный князь и как звалась в древности протока Днепра? Нужно ли было так упорно и настойчиво исследовать это? Если бы речь шла только об этих вопросах, исследование помогло бы небольшим штрихом дополнить уже известную историческую картину. Это тоже важно, но гораздо важнее другое. В спорах о личности безымянного автора «Слова о полку Игореве» появились новые и очень существенные данные. Лишь киевлянин, прекрасный знаток окрестностей родного города и их истории, мог так безупречно правильно и образно изложить топографию событий. Невероятно, чтобы кто-то спустя столетия, вдали от Киева, смог это сделать. Конечно, название коварной реки легко найти в летописи. Но детально описать все «хитрости» ее течения, не зная местных особенностей, нельзя. Что естественно для жителя Киевской земли, не раз бывавшего на Стугне, в Треполе и у Халепа, для постороннего совершенно неведомо. Недаром переписчик XIV века, вставивший в Лаврентьевскую летопись «Поучение Мономаха», ошибся, написав «на Суле» вместо «на Стугне». Большую Сулу, впадающую в Днепр ниже Переяславля-Хмельницкого (Русского), знали хорошо, а о маленькой Стугне, затерявшейся среди других правобережных притоков, помнили далеко не все.

Заканчивая наш рассказ, вернемся к его началу. Не напрасно старались мы разобраться в противоречиях древних текстов, не зря пытались уточнить место гибели Ростислава. По крупицам восстанавливая дела «давно минувших дней, преданья старины глубокой», неожиданно получили отнюдь не маловажные сведения о большом русском патриоте, вдохновенном певце любимой родины, авторе «Слова о полку Игореве».

Так обособленный от основного содержания поэмы сюжет, лишь мелькнувший на ее страницах, приобрел немалое значение. Во вновь разгоревшейся после выступления известного историка А. А. Зимина дискуссии о времени создания «Слова» даже самые «мелкие» подробности, дополнительные штрихи — крупицы истины — играют важную роль. Все они в своей совокупности позволяют ответить на поставленный вопрос. И рассматривая результаты труда целой плеяды ученых, нельзя не прийти к выводу: нет, никто, кроме современника, свидетеля и участника воспетых в поэме событий, не мог так исторически точно, прекрасным, образным древнерусским языком нарисовать действительную картину жизни Руси во второй половине XII века.

Андрей Куза

У подножия горной гряды в Сьерра-Леоне найден крупнейший алмаз. Уникальный кристалл величиной с куриное яйцо весит 969 карат. Его оценили в Лондоне в 3 миллиона фунтов стерлингов.

Смелый рейс через Индийский океан от Калькутты до Джокьякарты совершил индийский инженер-кораблестроитель Дилип Доз. На самодельном плоту из трех тысяч стволов бамбука он провел в море 80 дней.

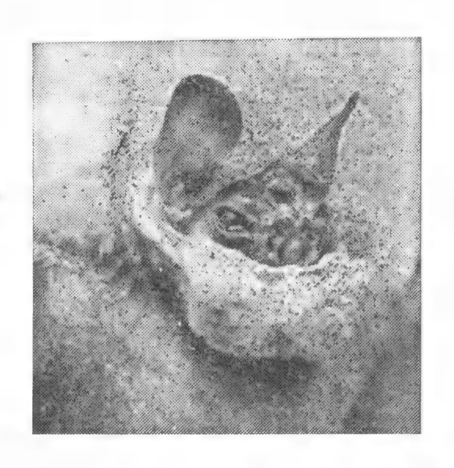
ВАМПИРЫ, ВАМПИРЫ...

При слове «вампир» каждый невольно содрогается. Ведь редко кто не слышал об этих ужасных существах. Но вот об их внешнем облике каждый составил себе представление в меру собственной фантазии и изобретательности. Наши сведения обычно сводятся к тому, что вампир — это некое кровожадное существо, которое ночью набрасывается на свою жертву, прокусывает у нее артерию и жадно сосет кровь.

Но это, можно сказать, самые банальные сведения. А вот в Латинской Америке бытует немало гораздо более красочных и страшных легенд и поверий о злых духах-кровососах. Их называют «сукуян». В представлении некоторых жителей Аргентины, Мексики и близлежащих островов «сукуян» появляется в образе старой ведьмы, которая ночью сбрасывает свою кожу, прячет ее в каком-либо укромном месте и затем, превратившись в огненный шар, вылетает за добычей. Однако проникнуть в дом «сукуян» может только через замочную скважину или щель в стене. Существуют различные способы обезвреживания этих лиходеев. Наиболее надежный — найти спрятанную кожу ведьмы и посыпать ее красным перцем. Тогда «сукуян» при попытке снова натянуть ее на себя сгорает дотла. Есть и более «гуманные» средства борьбы с вампиром: рассыпать перед его жилищем горсть рису. «Сукуян» не может улететь прочь, не сосчитав все зерна, и за этим занятием злому духу и приходится проводить всю ночь. Но ведь сначала надо выведать, где именно находится жилище «сукуяна»... Самый же простой способ обезопасить себя от вторжения «сукуяна» — тщательно замазать все щели в стенах и заткнуть паклей замочную скважину.

Все эти сведения очень интересны, но, надо полагать, они из области досужих вымыслов. Но каковы же достоверные сведения о вампирах? Тут нам придется обратиться к зоологической науке.

Первые вести о вампирах — кровососущих летучих мышах — появились вскоре после открытия Колумбом острова Тринидад — самого южного из вест-индских островов. Он расположен в дельте реки Ориноко и отделен от материка — Южной Америки — проливом Пария. Со времен великого путешественника было описано немало видов, принадлежащих к семействам летучих мышей, которые кишмя кишели на этом острове. После вторичного захвата острова испанцами целая область в Монсератских горах получила название Мусигалал (*Mousigalal*) от искаженного испанского «*murcielago*» (летучая мышь). И действительно, на

Летучая мышь *Centurio senex* (что означает «лик старца»). Укладываясь спать, она натягивает на морду меховую маску с прозрачными просветами для глаз. В обычном состоянии эта маска свободными складками сложена под подбородком животного

Тринидаде обитают мириады летучих мышей. Здесь представлены все девять их семейств, встречающихся на Американском континенте. По своему образу жизни они весьма значительно отличаются друг от друга. Летучая мышь, носящая латинское название *Noctilio leporinus*, пробавляется рыбной ловлей в проливе Пария. А вот так называемые длинноязычные летучие мыши (*Phyllostomus discolor*, *Glossophaga*, *Anoura)*, хоть и зарятся на фрукты, оказывают неоценимую услугу садоводам, опыляя фруктовые деревья и банановые кусты. Ушастая мышь (*Micronycteris minuta*) с копьеобразным наростом на носу, несмотря на свой устрашающий вид, питается фруктами и насекомыми. Есть виды, «специализирующиеся» на уничтожении ящериц и гекконов. Эти пресмыкающиеся, часто скрывающиеся в доме за картинами или настенными коврами, выползают на охоту только по ночам. Жители верхних этажей тринидадского города Порт-оф-Спейн часто жалуются на то, что летучие мыши, залетая в комнату, воруют фрукты, пачкают и царапают обои. Отмечены случаи, когда крупная летучая мышь, носящая латинское название *Artibeus lituratus*, совершала своеобразные «обменные операции»: она забирала из ваз спелые бананы и плоды манго, оставляя взамен другие, менее спелые фрукты...

Два вида летучих мышей — *Molosus ater* и *Molosus major* — размножились в таком количестве, что массами заселяют чердачные помещения домов, несмотря на железные крыши, создающие в этих помещениях очень высокую температуру (достигающую 55° С!).

Есть на Тринидаде еще один, довольно редкий вид летучих мышей — *Centurio senex*; в переводе с латинского это означает «лик старца». Внешний вид животного необычен: морда голая, без шерстного покрова, изборождена глубокими морщинами. Однако, отходя ко сну, *Centurio* натягивает меховую маску, складками свисающую у него на шее. В этой маске как раз на уровне глаз имеются два просвета наподобие очков, сквозь которые можно различить освещенность и движения окружающих предметов.

И вот среди всех этих многообразных существ есть такие, которые по ночам сосут кровь своих жертв. Кто же это?

Первое научное сообщение о вампирах принадлежит знатоку истории Тринидада Гастону де Вертейлю, который в 1856 г. писал: «Летучие мыши здесь буквально кишат вокруг. Иногда целая колония их обитает в каком-либо большом дупле, и тогда можно видеть, как они вечерами сотнями вылетают оттуда, собираясь для своего разбойничьего налета. Некоторые довольствуются фруктами, другие же сосут кровь, причем не только животных, но и человека».

Итак, уже более ста лет известно, что вампиры — это летучие мыши, которые по ночам питаются кровью теплокровных животных. Но вот образ их жизни оставался долгое время весьма мало изученным. Лишь в тридцатых годах нашего столетия эти животные стали привлекать к себе более пристальное внимание — в первую очередь ветеринаров и медиков.

Дело в том, что вампиры, как выяснилось, являются переносчиками бешенства и других опасных заболеваний. В некоторых местностях Южной Америки эпизоотии бешенства у скота повторялись через определенные интервалы.

Так, первая вспышка бешенства на Тринидаде, вызвавшая невиданный падеж домашних животных, разразилась в 1925 г. Тогда еще никому не приходило в голову связывать это с летучими мышами. Но два года спустя в резиденции самого генерал-губернатора умерло от укусов вампиров 89 человек, и тут уж забили тревогу. Выяснилось, что пораженная этим заболеванием колония летучих мышей поселилась под высокими сводами губернаторского дворца, откуда по ночам и совершала свои разбойничьи нападения на спящих людей. Пришлось немало потрудиться, чтобы изгнать этих опасных соседей из помещения, а потом затянуть окна металлической сеткой. Но вампиры продолжали нападать на диких копытных и павлинов в расположенном рядом с дворцом зоопарке «Эмперор валлей», а также на домашний скот. В 1931 г. эпизоотия бешенства вспыхнула с новой силой, и тогда-то доктор Ж. Л. Паван окончательно установил, что именно летучие мыши служат переносчиками вируса бешенства, а возможно и ряда других болезней.

Но какой именно вид опасен для людей и животных? Это выяснилось далеко не сразу. Сначала подозрение пало на ни в чем не повинную летучую мышь *Artibeus jamaicensis*, питающуюся исключительно фруктами, потому что именно в ее крови были обнаружены возбудители бешенства. Под подозрением долгое время находилась и гигантская летучая мышь — так называемый ложный вампир (*Vampirum spectrum*) — животное величиной с крысу и с размахом крыльев в 90 *см*, питающееся птицами, мышами и собственными сородичами других видов. Здесь уместно упомянуть, что в фильмах о вампирах, чтобы поразить воображение зрителей, для съемок использовали совершенно безобидных индийских летучих собак, или летучих лисиц, размах крыльев которых достигает полутора метров, потому

Большеухая летучая мышь (*Micronycteris minuta*), несмотря на свой устрашающий вид, на самом деле весьма безобидное и даже полезное для садоводства животное. Питается плодами и насекомыми

что они производят более устрашающее впечатление, чем настоящие вампиры — маленькие, невзрачные, серые «мышки». В конце концов было установлено, что переносит вирус бешенства вид *Desmodus rotundus*, питающийся кровью теплокровных животных.

Когда в 1934 г. эпизоотия бешенства среди скота разразилась с новой силой, решено было объявить опасным кровососам настоящую войну. Но чтобы победить врага, надо знать его слабые места. Для изучения биологии и экологии вампиров использовались новейшие методы исследования. Изысканием способов уничтожения вампиров занялись профессор Уильям А. Уимсет со своим помощником Антони Гуерере из Корнельского университета (США), доктор Анн ла-Бастиль из Милуоки (США), доктор Артур М. Гринхолл, куратор института-музея города Порт-оф-Спейн на острове Тринидад.

Что же удалось выяснить ученым?

Итак, настоящие вампиры обитают исключительно в тропиках Нового Света и делятся на три рода, в каждом из которых по одному виду: обыкновенные вампиры (*Desmodus rotundus*), мохноногие, или малые

(*Diphylla ecaudata*) и белокрылые (*Diaemus youngi*). Наиболее распространен первый — он встречается от Северной Мексики до Северной Аргентины, включая некоторые острова в Карибском море. Вампиры отличаются большой экологической пластичностью. Они одинаково хорошо приспособлены к жизни как во влажных тропических лесах, так и в более прохладных горных местностях. Они обитают и в измененном хозяйственной деятельностью человека ландшафте. Вампиры не уничтожают вредных насекомых, не опыляют цветов и плодовых растений — они живут исключительно за счет крови птиц и млекопитающих.

Доктор Уимсет в течение 19 лет содержал вампиров в своей лаборатории и сумел многое узнать об их повадках, взаимоотношениях и морфологии. Выяснилось, например, что вампиры необыкновенно ловки и подвижны — это настоящие акробаты среди летучих мышей. Они умеют прыгать, бегать, ползать и даже довольно долго вышагивать на двух ногах, поднявшись во весь рост. Но большей частью они передвигаются по земле, опираясь на концы сложенных крыльев. У вампиров отлично развитое зрение, обоняние и своеобразное «эхолотирование»: они испускают особые, неразличимые человеческим ухом ультразвуки, улавливая своими ушами-«локаторами» их отражение от окружающих предметов. Это и позволяет им отлично ориентироваться в темноте. Вампиры старательно очищают шерсть друг у друга и поэтому имеют обычно опрятный вид, хотя чаще всего обитают в грязных, запачканных пометом пещерах и дуплах. К своей жертве вампир подкрадывается очень осторожно, медленно и долго кружит над ней, приглядываясь, прицеливаясь, потому что одного удара хвоста животного или резкого движения рукой достаточно, чтобы покалечить это хрупкое существо.

Бытовавшие прежде представления о том, что вампир якобы «высасывает» кровь из своих жертв, оказались неверными. Проведенные профессором Уимсетом киносъемки показали, что вампир своими острыми, как бритва, резцами легко и безболезненно вспарывает кожу жертвы. Затем он засовывает в образовавшуюся ранку свой язык и начинает как бы лакать кровь: пять лакающих движений в секунду. Язык вампира с нижней стороны снабжен двумя ложбинками, ведущими от кончика его к гортани. Ложбинки разделены меж собой мускульной стенкой. При каждом опускании языка в ранку кровь при помощи энергичного сокращения мускульной стенки прогоняется по ложбинкам к губам, а последующее быстрое втягивание языка проталкивает кровь в пасть животного. Крошечные жесткие бородавочки превращают кончик языка в своеобразный рашпиль, который постоянным трением о края ранки не дает иссякнуть притоку крови.

Люди, которым приходилось испытать укус вампира, рассказывали, что самого укуса не чувствовали и узнали о нападении животного только по внезапно наступившей слабости и головокружению от потери крови.

Человека вампиры чаще всего кусают за щеки, нос, пальцы; лошадей и коров — за спину или бока; свиней — за живот; птиц — за ноги. Кусают вампиры вовсе не всех подряд. У них есть излюбленные, «тонкокожие» жертвы.

Профессор А. Гринхолл выявил, что за «один присест» обыкновенный вампир может высосать из своей жертвы более 50 *г* крови, что зачастую составляет половину веса его собственного тела. Применительно к человеку это означало бы, что взрослый мужчина весом 75 *кг* должен выпить за один прием 37 *л* жидкости! И несмотря на удвоенный вес тела (за счет проглоченной крови и детеныша, висящего на животе), вампир еще способен улететь. Но это только в природных условиях. В лабораторном опыте вампир с привязанным к телу грузом, составляющим 43% от веса тела, уже не мог подняться в воздух. Как видно, природа умеет лучше распределять груз на теле вампира, чем экспериментатор! А. Гринхолл установил, что «донорами» вампиров в Мексике, Аргентине и на острове Тринидад считают рогатый скот, лошадей, ослов, коз, кур и даже голубей. За ночь один и тот же вампир может напасть на несколько жертв или возвращаться к одной и той же не раз.

К мелким животным вампир подкрадывается обычно сбоку и кусает за ноги. Жертва при этом не чувствует боли и чаще всего даже не замечает, что подверглась нападению

После укуса вампира из ранки жертвы еще 10—15 минут сочится кровь. Высказывались предположения, что в слюне животного содержится вещество, которое препятствует свертыванию крови.

Особый интерес представляет белокрылый вампир. Этих вампиров видят чрезвычайно редко. Но они существуют, и притом не только на Тринидаде, а вплоть до Северной Мексики.

Отловленный белокрылый вампир широко разевает пасть и выпячивает две чашеобразные защечные железы. Животное так сильно их раздувает, что они торчат изо рта, как два миниатюрных пушечных жерла. Раздается звук, подобный взрыву, и железы начинают источать дурнопахнущий газ. Удалось установить, что выделения этих желез содержат несколько простых аминокислот и какое-то серосодержащее соединение. Более тщательный анализ показал присутствие бутанола. Назначение таких желез пока неясно. В неволе белокрылый вампир отвергал предложенную ему бычью кровь, но с удовольствием лакал куриную. Однако известно, что в природных условиях белокрылые вампиры нападают и на крупный скот.

Зоологи У. Уимсет и А. ла-Бастиль установили, что «обед вампира» может длиться от 9 до 40 минут. Таким образом, один вампир за год выпивает более 9 *л* крови. А поскольку вампир в среднем живет около 12 лет, то за свою жизнь потребляет 100 *л* крови! По подсчетам ученых, небольшая колония из ста особей отбирает ежегодно у пасущегося поблизости стада 750 *л* крови. В грубом приближении такое количество содержится у 20 лошадей, или 27 коров, или 365 коз, или 14 600 цыплят!

В Мексике ветеринары хорошо знакомы с последствиями нападения вампиров. Правда, от потери крови домашние животные погибают очень редко. Зато у них часто нарушается обмен веществ, падает сопротивляемость организма к заболеваниям; у коров снижаются удои молока. У лошадей, мулов и рогатого скота ранки, остающиеся после укусов вампиров, служат прибежищем личинок мух, слепней и других паразитов и переносчиков инфекций.

Летучие мыши, как правило, не подвержены заразным заболеваниям, поражающим человека, но служат их активными переносчиками. А в колонии летучих мышей вирус бешенства быстро распространяется от особи к особи, потому что из-за тесноты жилища между животными часто возникают драки, сопровождающиеся укусами.

Во время посещений колоний вампиров в мексиканских пещерах профессор Уимсет заметил, что многие животные часто меняют места своих ночевок. Они напоминают разъездных коммивояжеров, подыскивающих себе каждый раз на ночь новую гостиницу. Таким образом животные расширяют территорию облета, а заодно увеличивается и опасность переноса инфекции.

Ущерб животноводству от случаев бешенства в Латинской Америке достаточно велик. Но эффективных средств борьбы с вампирами все еще не найдено. Фермеры смазывают своих коров различными химикалиями, но это почти не дает результатов. За три года на Тринидаде от подобных ядохимикатов погибло всего 660 вампиров. Делались попытки стерилизовать летучих мышей. В порядке опыта скоту впрыскивалось снадобье, хотя и мешающее быстрому свертыванию крови, но тем не менее оказывающее отравляющее действие на вампиров. Это позволило сократить в данной местности численность популяции вампиров на девять десятых. Однако такое весьма трудоемкое и требующее большой затраты времени мероприятие пока не получило широкого распространения.

В Бразилии взялись за это дело всерьез. Входы в семьсот пещер были завалены взрывами, восемьсот были загазованы или выжжены. Однако такие решительные шаги привели, разумеется, к тому, что заодно с вампирами погибла масса безобидных и даже полезных для сельского хозяйства летучих мышей. Поэтому на Объединенной латиноамериканской конференции по охране природы в 1968 г. было рекомендовано бороться *только* с вампирами, а не уничтожать полезную фауну.

Конечно, у вампиров есть естественные враги вроде ягуаров, змей или небольших пятнистых виверр, но этих животных не так много и они не находят в антропогенных ландшафтах столь приемлемых для себя условий, как вампиры.

А пока что все еще приходится делать скоту профилактические прививки от бешенства. Ученые продолжают исследовать эту проблему. Изучение поведения, биологии, болезней летучих мышей должно в конце концов дать ответ на вопрос: как обезопасить себя и своих домашних животных от этой напасти, как избавиться от вампиров?

Евгения Геевская

То, что Гольфстрим образует огромные водовороты, ученые знали давно. Но каковы их истинные размеры? В 1972 г. в зоне течения были обнаружены три гигантских водоворота. С самолетов метеорологической службы в первый из них были сброшены контейнеры с оранжевой краской. Это позволило измерить его диаметр — 160 *км*! Было замечено и то, что вода с большой скоростью вращалась против часовой стрелки. Второй водоворот исследовали океанографические суда. Средняя температура воды в нем оказалась на 5°С холоднее, чем в окружавшей его части Гольфстрима. Третий водоворот был измерен с большей точностью. Он представляет собой «тарелку» диаметром 120 *км* и толщиной 3 *км*, а где-то между 35° и 40° северной широты распадается на множество мелких водоворотов, которые постепенно исчезают в ровном течении. Составлена программа многолетних наблюдений. Некоторые ученые предполагают, что водовороты оказывают определенное влияние на изменение погоды.

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СОКРОВИЩА МОРСКИХ ГЛУБИН

Обычное занятие археолога — поиски памятников древних культур, скрытых под землей или затерявшихся в недоступных джунглях. Между тем давно известно, что ценнейшие реликвии старины лежат на дне морей, озер и рек. Люди, которые думают, что до них легко добраться, глубоко ошибаются. В прежние времена это было почти невозможно, и только в последние годы, с усовершенствованием аппаратов для дыхания под водой, возникла подводная археология.

О том, как велики скрытые под водой богатства, свидетельствует ряд случайных находок, сделанных в прошлом. Так, в 1900 г. некий ныряльщик, собиравший губки в прибрежных водах Греции, наткнулся на какое-то изваяние. Организованная для его поисков экспедиция нашла среди обломков древнего корабля целехонькую бронзовую статую. Когда скульптура была очищена, перед изумленными глазами реставраторов предстала знаменитая фигура греческого атлета, относящаяся к IV в. до н. э. В истории искусства этот шедевр известен под названием «Юноша из Антицеры».

В 1925 г. другой греческий ныряльщик нашел в Марафонском заливе бронзовую фигуру юноши, известную ныне как «Эфеб из Марафона», возможно принадлежащую резцу самого Праксителя.

С изобретением акваланга поиски подводных памятников старины стали доступны любителям. Аквалангисты теперь нередко объединяются в специальные археологические клубы и планомерно обследуют моря, озера и реки.

Волнующие находки ожидают исследователей там, где некогда проходили древние морские торговые пути, то есть у берегов Испании, Южной Франции, Италии, Греции, Сирии и Северной Африки. Аквалангисты открыли здесь уже более ста интереснейших для археологии объектов. Так, у побережья Пелопонесского полуострова, недалеко от города Петрас, обнаружены руины древнего города. Песчаное дно на этом участке буквально усеяно колоннами ионического ордера, обломками статуй и глиняными черепками. Археологи считают, что это развалины греческого города Феа, который в VI в. до н. э. после сильнейшего землетрясения был поглощен морем.

Одно из значительных открытий было сделано итальянцем Джардджалло. Картина, которую он увидел в прозрачной синеве морской воды, была поистине сказочной. На глубине 20 *м* находились заросшие водорослями руины домов, обломки

мраморных колонн и статуй. Можно было различить площади, мощеные улицы, портовый причал. Историки утверждают, что это этрусский город-порт Пирги, местонахождение которого в течение многих веков оставалось загадкой.

Джарджалло открыл более 30 подводных городов. Наиболее интересные из них находятся неподалеку от Венеции и севернее Неаполя, где развалины затонувших городов тянутся параллельно берегу на протяжении пяти километров. До сих пор неизвестно, что это за города. Пока они не были обнаружены, никто даже не подозревал об их существовании. Неизвестно также, почему они оказались под водой. Ведь уровень Средиземного моря со времени последнего ледникового периода поднялся не более чем на 2 *см*. Не сохранилось и следов какого-либо стихийного бедствия, например землетрясения. Если это города этрусков, которые до римлян создали богатейшую культуру на Апеннинском полуострове, то открытие руин особенно важно для истории и археологии. Ведь сведения об этрусках еще весьма скудны.

К большим заслугам подводной археологии следует отнести определение границ иллирийского города Аполлония, в котором незадолго до убийства Цезаря жил будущий император Август. Этот чрезвычайно интересный для науки город почти полностью погрузился в море.

Все эти открытия были сделаны организованным Джарджалло «Средиземноморским институтом подводной археологии». Сотрудники института обнаружили также вблизи Санта Панаджиа затонувший торговый корабль VII или VI в. до н. э. В его остове среди огромного количества разбитых амфор были найдены неповрежденные большие сосуды для вина. Этот корабль вез греческим колонистам на Сицилии вино их родины; потерпев крушение во время бури или по какой-то другой причине, корабль пошел ко дну.

Неподалеку от города Огнино на морском дне лежат рядом остовы римского и греческого кораблей — немые свидетели разыгравшейся здесь некогда трагедии.

Не менее интересен корабль, обнаруженный у берегов Капо Пасеро. Его груз составляли мраморные колонны с каннелюрами. В те времена, когда греки возводили на Сицилии города и величественные храмы, руины которых и сегодня можно увидеть здесь, в Италии еще не были открыты залежи каррарского мрамора и этот ценнейший строительный материал приходилось ввозить из Греции.

В восточной части Черного моря в сухумском заливе советские археологи открыли руины греческого города Диоскура, заложенного в VI в. до н. э. переселенцами из Милета. Удалось составить карту, на которой указаны улицы, площади и важнейшие общественные сооружения города. В центре его возвышалась мощная крепость, вокруг которой располагались улицы с мастерскими ремесленников, магазинами и складами для хранения товаров. Диоскура была важнейшим центром международной торговли, на здешние ярмарки съезжались купцы из Греции, Рима и Малой Азии. Греческий географ Страбон пишет, что в Диоскуру стекались представители трехсот народностей. В руинах найдены керамическая посуда, каменные ручные жернова, изделия из бронзы. Это позволило установить, что город был залит водой в конце IV в. до н. э. Что явилось причиной катастрофы? Ученые по-разному отвечают на этот вопрос. Скорее всего, Диоскура оказалась на дне моря из-за мощных тектонических движений земной коры, нередких у подножия Кавказских гор.

Несколько лет назад американский аквалангист П. Трокмортон, готовивший репортаж о работе искателей губок у мыса Гилидония в Турции, обнаружил обломки затонувшего корабля, который оказался самым древним из всех, открытых до сих пор. Правда, перед разрушительной силой моря устояли лишь несколько досок и часть киля, сохранившиеся на глубине тридцати метров в слое отвердевших известковых отложений. Зато уцелел груз: медные плиты весом более тонны, различные инструменты и бронзовое оружие. Найдены и другие предметы: цилиндрические печати, еги-

петские скарабеи, амфоры, наполненные стеклянными бусами, палицы из отшлифованного камня.

На основании этих находок американский археолог Д. Ф. Бэс убедительно доказал, что корабль затонул в XIII в. до н. э., то есть за сто лет до начала Троянской войны. Судя по положению корпуса, корабль двигался с востока на запад, когда его настиг шторм.

Одно из важнейших подводных открытий было сделано в 1955 г. Чтобы понять, насколько велико его значение, следует вспомнить несколько исторических фактов.

В конце V в. до н. э. в опустошительной Пелопонесской войне наступила кратковременная передышка. В эти годы в Афинах все большее влияние приобретал юноша из богатой семьи, многократный победитель Олимпийских игр, блистательный оратор, остроумный Алкивиад. Молодой политик всячески убеждал афинян послать флот для завоевания Сицилии и в конце концов, преодолев сопротивление оппозиции, сумел провести свой план. Вместе с двумя другими афинянами Алкивиад был назначен командовать флотом, состоявшим из сотни боевых кораблей и множества вспомогательных судов. В мае 415 г. до н. э. афинский флот вышел в море. И тут город содрогнулся от страшной вести: какой-то человек ночью сокрушил все статуи Гермеса, расставленные на улицах. Противники сицилийского похода обвиняли в этом Алкивиада.

Флот подошел к Сицилии. Началась осада Сиракуз. Афинянам сопутствовала удача. Но в один прекрасный день из Афин прибыл корабль, посланный специально для того, чтобы арестовать Алкивиада, повинного якобы в святотатстве — сокрушении статуй бога. Алкивиад не оказал сопротивления, он спокойно поднялся на корабль, но, не доплыв до родного города, бежал в Спарту.

Лишившись талантливого предводителя, афинский флот потерпел поражение. Пытавшиеся найти спасение на острове Сицилия матросы были схвачены защитниками Сиракуз. Семь тысяч воинов — цвет афинской молодежи — отправили в сицилийские каменоломни как рабов.

С тех пор прошло почти 2400 лет. Никто не мог предположить, что сохранились реальные, ощутимые свидетельства этого достопамятного события. И вот в 1955 г. были обнаружены полуистлевшие остатки погибшего афинского флота, обломки 119 греческих кораблей; они глубоко ушли в ил, и, для того чтобы их поднять, потребуются годы трудоемкой работы. Но ценность этой находки так велика, что никакие усилия не покажутся напрасными.

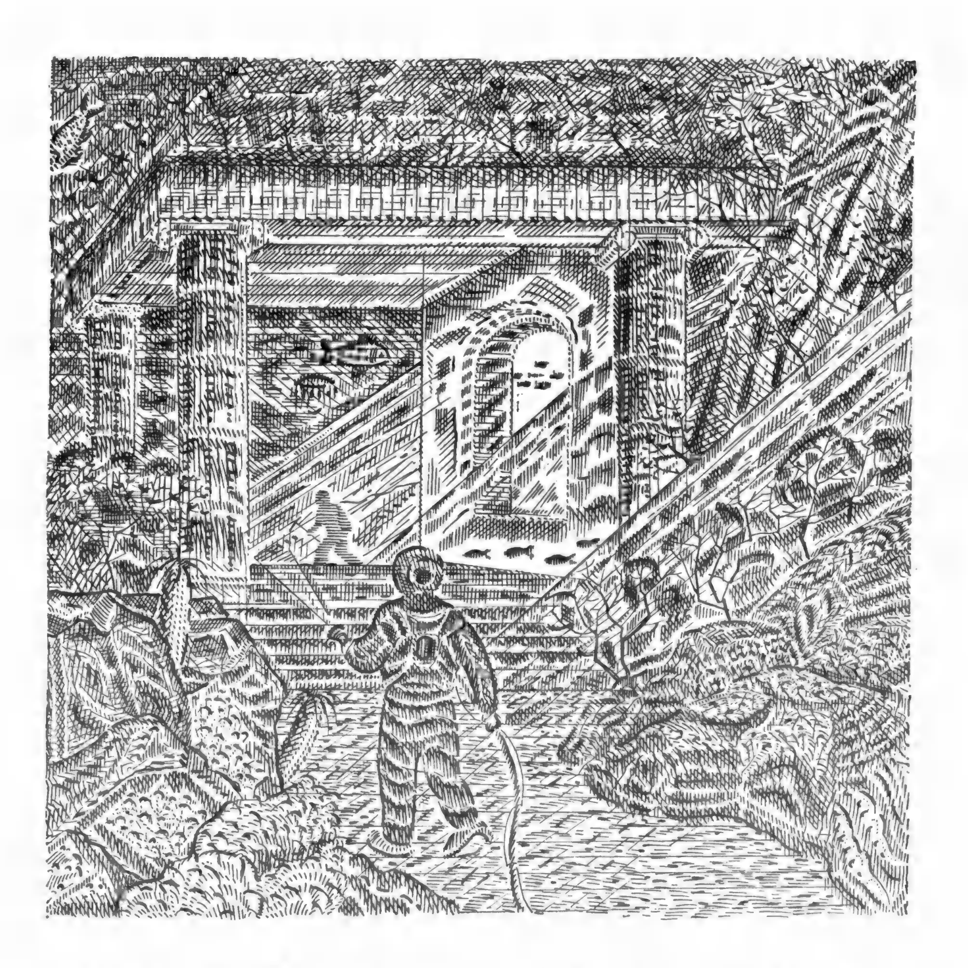
ЗЕРКАЛО ДИАНЫ

Не менее важно и другое открытие, сделанное подводной археологией. В 25 *км* от Рима есть озеро Неми, отражающее синеву небес спокойной как зеркало поверхностью в раме кипарисовых деревьев. Римляне называли его Зеркалом Дианы. Во время непродолжительного царствования императора Калигулы (37—44 гг. н. э.) на этом озере разыгрались необычайные события. Император проводил дни в бесконечных увеселениях и разнузданных оргиях. Он приказал, например, построить на озере Неми две огромные галеры — настоящие плавучие дворцы, украшенные с необыкновенным великолепием золотом, бронзой, мрамором, узорчатой парчой и мягкими коврами. На палубе этих галер при свете сотен пылающих факелов и лампад происходили игры. Далеко разносились смех и крики пирующих.

Неизвестно, какая судьба постигла галеры после убийства императора. Устное предание гласит, что сам Калигула незадолго до своей гибели приказал затопить галеры вместе с находившимися на них членами своей семьи.

Скорее всего, это легенда. Видимо, галеры сами в конце концов затонули от ветхости. У местных рыбаков было с ними немало хлопот, потому что сети часто цеплялись за выступающие части корпусов.

В первые века христианства никто не решался прикоснуться к этим «нечистым» кораблям. К ним относились с суеверным страхом, как к творению отягощенных проклятием язычников. Только в эпоху Возрож-

дения, в период всеобщего увлечения античной культурой снова пробудился интерес к затонувшим галерам Калигулы.

В 1556 г. кардинал Просперо Колонна поручил поднять галеры знаменитому архитектору и ученому Леоне Баттиста Альберти. Из Генуи прибыло несколько опытных ныряльщиков, которые измерили остовы затонувших кораблей и детально описали их положение на дне озера. При помощи специально построенных подъемных кранов делались попытки поднять корабли на поверхность, но эта задача оказалась непосильной при тогдашнем уровне техники. Удалось вытащить из воды лишь несколько оторвавшихся от корпусов брусьев и досок.

Аналогичные попытки предпринимались в 1560, 1827 и 1895 гг. Все они не увенчались успехом, хотя в 1895 г., например, использовали водолазные колоколы и паровые двигатели.

В 1925 г. была создана располагавшая значительными средствами археологическая комиссия, которая разработала новый, на первый взгляд совершенно фантастический, метод подъема памятников старины. В октябре 1927 г. заработали мощные паровые помпы. Через год уровень воды в озере снизился на 15 *м* и появился корпус первого корабля. При помощи железных станин его втащили на берег. Второй корабль был поднят в 1929 г.

Подтвердилось, что галеры Ка-

лигулы, действительно, были плавучими дворцами. Их корпуса из дуба, ели и сосны на редкость хорошо сохранились. Паркетные полы из дорогих сортов дерева образовывали искуснейший орнамент. Стены внутренних помещений были выложены позолоченным изразцом. На галерах имелись отопительные системы, ванны, роскошные залы и каюты, спальни и столовые. Бронзовая резная балюстрада огораживала палубу, а носы кораблей заканчивались бронзовыми изображениями голов животных, державших в пасти кольца для швартовки *.

РЕЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

В 1959 г. проводились чрезвычайно интересные подводные работы в пойме Рейна. Углубившись в дно, археологи извлекли из ила римскую статуэтку, изображающую льва, глиняные черепки и бронзовые пластины с латинскими надписями. Оказалось, что на дне реки находятся руины лагеря X римского легиона II-III в. н. э. Очевидно, это место покрыли воды западного рукава Рейна. Но как это произошло, трудно сказать.

Открытие взбудоражило историков. Ведь место стоянки знаменитого X легиона, сражавшегося с германцами и потерпевшего поражение под нынешним Фюрстенбергом, до сих пор было окутано тайной.

Так подводная археология помогла прояснить одну из интереснейших загадок и заполнить пробел в исторических знаниях.

На дне озер и рек, несомненно, множество до сих пор неоткрытых археологических памятников. Это относится, например, к топкому руслу Тибра на отрезке между Римом и портом Остия. В течение 70 лет порт был одним из самых оживленных в мире. Историки подсчитали, что на дне Тибра в этом районе покоится около 200 остовов затонувших торговых кораблей, груженных богатейшей добычей, захваченной римскими легионами в Африке, Азии и Греции.

Кроме того, у римлян существовал обычай бросать в Тибр жертвы богам — драгоценные украшения, вазы, статуэтки. Эта традиция сохранялась в течение довольно продолжительного времени. Рыбаки то и дело вылавливают сетями различные произведения римского искусства. А во время недавнего ремонта Палатинского моста из речного ила было извлечено такое количество памятников старины, что их стоимость во много раз превысила расходы по реконструкции моста.

Зенон Косидовский

Сокращенный перевод с польского
Д. Гальпериной

---

* Как пишет в своей книге «Мой Рим» (1970) знаток античной культуры писатель Ян Парандовский, остатки этих галер были сожжены немецко-фашистскими войсками при отступлении из района Рима в 1944 г.—*Прим. перев.*

Один французский дрессировщик заметил большие различия в характере рычания тигров. Эти звуки, записанные на магнитофонную пленку проанализировали ученые, сравнив их с записью рычания диких тигров в Индии. Это помогло прояснить своеобразные отношения между животным и человеком. Оказалось, что хищник, встречаясь в джунглях на пограничной тропе с другим тигром одного с ним возраста и равной силы, издает звук, означающий «приветствие соседу». В цирке звери встречают так ночного сторожа. А своего дрессировщика они приветствуют другим звуком, смысл которого можно перевести так: «Ты — тигр, и я — тигр, но признаю тебя сильнее и уступаю тебе свою тропу».

ДОБРОДУШНЫЕ ГОЛИАФЫ И КОВАРНЫЕ КАРЛИКИ КОКОА

Удивительные иногда бывают сопоставления. Они просто поражают и надолго остаются в памяти. Осматривая экспонаты огромного музея Естественной истории в Нью-Йорке, я невольно задержался возле скелета огромной птицы моа из отряда динорнитиформес, достигавшей в высоту трех метров. Моа — обитатели Новой Зеландии — исчезли в XIX в. Их погубили лавовые потоки вулканов острова, а уцелевших не пощадили охотники за перьями этих великанов. За стеклом витрины на бедреной кости гиганта я увидел совсем крошечный скелет колибри, распространенной в Центральной и Южной Америке. Такие контрастные размеры существ из мира пернатых не могут не поразить воображение.

Но, пожалуй, еще более необычной показалась мне пара экспонатов, расположенных рядом. Это были тоже скелеты. Первый из них, похожий на останки чудовища, принадлежал лягушке голиафу из рода конрауа, ширококостной и приземистой. Размеры ее достигали метра. А возле голиафа примостился ювелирно хрупкий, совсем крошечный скелет лягушки кокоа, величиной с наперсток. Но эта крошка, как гласила надпись на этикетке, надежно защитила себя едва ли не сильнейшим в мире по токсичности ядом. В природных условиях врагов у нее практически не существует.

Оба скелета лягушек, выставленные в музее, долго не давали мне покоя. Я везде искал сведения об этих удивительных земноводных. И вот рассказ о них передо мной.

Лягушка голиаф (*Conraua goliath*) — самый крупный представитель из 250 видов настоящих лягушек. Эти земноводные обитают и поныне в дебрях Западной Африки — в Рио-Муни и соседнем Камеруне. Местные племена африканцев называют их ласково «ниа-моа», что означает «сыночки». Величают их так потому, что лягушки достигают размеров годовалого ребенка.

Живет голиаф под сенью ниспадающих потоков шумного водопада реки Мбия-ривер. Тут он прячется на обомшелых серых камнях, принимая обильный душ: на него ниспадают мириады брызг водопада. Серые, как камни, лягушки прижимаются к камням и становятся совершенно не отличимыми от них даже на близком расстоянии. А водяные брызги приносят лягушкам массу кислорода. Он так нужен земноводным для кожного дыхания. При малейшей опасности лягушка, сидевшая до этого неподвижно, словно изваяние, вдруг исчезает, совершив молниеносный прыжок

в воду. Отыскать ее в пене водопада невозможно.

Питается голиаф насекомыми, небольшими зазевавшимися птичками, грызунами и скорпионами. Охотится лягушка обычно ночью. Она выходит на берег возле водопада и приступает не торопясь к поискам ночных животных. Гигант прыгает в длину на три метра, накрывая жертву своим телом. Но энергия, необходимая для таких прыжков, обычно быстро иссякает, и гигант долго отдыхает. Среди местных жителей голиафы слывут молчальниками: у них нет голосовых связок, да и звуки, издаваемые ими, вряд ли можно было бы услышать в неумолчном шуме водопада.

Настоящим чудом можно считать удивительное приспособление, которое удерживает лягушку на скользких камнях, омываемых стремительными потоками. Это присасывающиеся подушечки, расположенные на концах пальцев передних лап. Но и задние ноги с их эластичными перепонками помогают лягушке прочно сидеть на камне. Водопад на Мбия-ривер становится особенно грозным после обильных ливней. Каскады воды с грохотом устремляются вниз, стараясь оторвать крепко прижавшихся к камням лягушек. А там, где вода уж не бурлит, самки мечут икру. Каждая икринка величиной с горошину. Головастики на первых порах питаются растениями, они проходят все стадии развития, оставаясь по размерам такими же, как и у других видов лягушек. Но вот исчезают жабры, хвост, лягушка начинает расти как в сказке, не по дням, а по часам, и вскоре размер ее достигает метра, а вес трех килограммов.

Для уединенно живущего дикого животного самое трагическое — стать предметом пристального внимания человека. Узнав вкус его мяса, люди быстро уменьшают стадо, ловят и в конце концов истребляют вид нацело. Так произошло со Стеллеровой коровой, птицей моа, додо и некоторыми другими исчезнувшими с лица земли видами животных. К счастью, местные племена фанга, живущие в районе водопада Мбия-ривер, не заинтересовались лягушкой как предметом охоты. То же относится и к племенам пигмеев байел, узнавших о существовании гигантской лягушки. Но голиаф привлек внимание туристов, коллекционеров и просто гурманов, отведавших его мяса. Спиннингами и переметами они ловят редких животных, заметно уменьшая численность лягушек.

А как обстоит дело со вторым представителем амфибий —крошечным кокоа? О, эти карлики преспокойно здравствуют в джунглях и девственных лесах Колумбии. Они сумели постоять за себя.

Марте Латам изучал их удивительный яд, находящийся в слизи, выделяемый кожей лягушек. Вот что рассказывает ученый о кокоа: «Сильный ливень барабанил по железной крыше небольшого домика, в котором я расположился за рабочим столом и радовался, что мне никто не будет мешать. Я намеревался собрать ядовитое вещество, выделяемое кожей лягушек кокоа, только что добытых для меня ловцами.

Не обладая шестым чувством, предупреждающим об опасности, я и не думал о том, что через несколько минут надо мной нависнет угроза погибнуть в ужасных муках.

Но прежде кратко о том, что собой представляет кокоа. Итак, проливной дождь — явление весьма обычное для мест, расположенных на побережье Тихого океана. Я обосновался в небольшом селении Чако и никак не мог привыкнуть к ливням, не перестававшим со дня моего приезда сюда. То, что казалось мне невыносимым, было желанным для кокоа, облюбовавшим для своего обитания высокие травы.

Кокоа (*Phyllobates latinasus*) — красные существа с яркими желтыми полосами, расположенными по бокам тела. По яркости раскраски эти твари похожи на драгоценные камни. Размер кокоа—2—3 *см*, и пара взрослых лягушек вполне может разместиться в чайной ложке.

Яркое одеяние как бы предупреждает: «Вот и я. Но не вздумайте меня тронуть — поплатитесь жизнью!» И звери и птицы отлично знают, что иметь дело с красно-желтыми лягушками чрезвычайно опасно.

Местные индейцы, пользующиеся духовыми ружьями, не без риска для своей жизни отыскивают кокоа, собирают их яд, выделяемый кожными покровами, и смачивают наконечники стрел для охоты на диких животных.

Итак, надев на руку резиновую перчатку, я взял живую лягушку, нажал расставленными браншами глазных ножниц на железы и стал выдавливать из них ядовитую слизь. Дело шло отлично, и вдруг острие одной из бранш ножниц, соскользнув с лягушки, прорезало перчатку и поранило до крови палец. Машинально беру палец в рот, энергично отсасываю кровь из ранки и, сейчас же сплюнув, отсасываю снова попавший в палец яд. Во рту ощущаю неприятный привкус как бы металла — несомненно, яда кокоа. Чувствую приступ удушья, дышать становится все труднее. Я в панике. Что предпринять? Ведь действенного средства, нейтрализующего яд кокоа, не существует! Беру себя в руки, приказываю себе: «Дыши как можно глубже, дыши, глотай и дыши. Иначе умрешь!» Но спазмы в горле не прекращаются. Решаю глотать единственную имеющуюся под рукой жидкость — консервированный томатный сок. Проходит час. Мне удается избежать смертельной опасности. Я глубоко дышу, глотаю сок и постепенно прихожу в себя.

О кокоа и ее яде европейским ученым стало известно в середине XIX в., но изучать яд стали лишь в 1961 г.

Местные индейцы — сборщики крупных земляных червей — согласились доставлять мне пойманных кокоа. Ловцы показали, как их ловить, и я убедился в том, что дело это весьма непростое. Надо уметь подражать звуку, издаваемому лягушками. Чтобы установить, где находятся кокоа, индеец набирает в рот воздух, прикладывает к губам пальцы и свистит, прерывая звук ударами по губам одним пальцем. Получается негромкое «чи-чи-чи». Не подозревая коварства человека, лягушка издает довольно слабый ответный крик и этим выдает себя. Охотник подскакивает к крупному листу, напоминающему наш лопух,— излюбленное убежище кокоа, бросает в лягушку горсть липкой грязи и быстрым движением пальцев завертывает ядовитое земноводное в лист. Обвязав добычу гибкой лозой, охотник прячет ее в заплечную сумку и принимается снова прерывисто свистеть.

Выделить яд из кожных желез кокоа можно не совсем гуманным способом: индейцы привязывают живую лягушку к проволоке и вращают ее над пламенем костра. Тогда вдоль спины начинает скапливаться вязкий секрет, содержащий яд. Если его высушить, затвердевшая масса не теряет своих ядовитых свойств до 15 лет».

Интересно отметить, что яд зеленой жабы, пойманной мной в 1935 г. в Киргизской ССР, сохранил свои токсические свойства до 1949 г.

Кристаллический яд, полученный из спиртового раствора желез лягушки кокоа, оказался в десять раз токсичнее самого смертоносного яда в животном мире — рыбы фугу, обитающей в Японском море.

Вот какие я добыл сведения о двух земноводных, скелеты которых так поразили меня в нью-йоркском музее Естественной истории.

Несомненно, вымершая птица моа и удивительное пернатое колибри, плечевая кость которого совершает до 50 движений в секунду, заслуживают того, чтобы рассказать о них особо.

Федор Талызин

Вулканы Гавайского архипелага — наиболее ядовитые в мире. Это установлено недавно в специальной лаборатории. Приборы обнаружили пары ртути, выделяемые вместе с вулканическими газами. Ветер подчас прижимает ядовитый дым к воде, и огромное число мальков морских рыб погибает.

ТРИГОНАЛЬНЫЕ ПЛАНЕТЫ

Недавние исследования Марса с помощью советских и американских межпланетных автоматических станций показали, что в недалеком прошлом Марс обладал обильной гидросферой. Овраги и русла рек, которые хорошо различимы на снимках поверхности соседней планеты, могли образоваться лишь в результате водной эрозии. Но марсианские реки и моря могли существовать в обычном для нас жидком виде, лишь прикрытые более плотной атмосферой, чем та, которая окружает Марс сегодня. Что же произошло с Марсом? Почему он, сохранив прежнюю массу, «растерял» почти полностью свою атмосферу? Для объяснения этих непонятных фактов можно предложить следующую гипотезу.

Когда-то в том месте Солнечной системы, где ныне находится пояс астероидов, на расстоянии 2,7 астрономической единицы от Солнца двигались по одной орбите три планеты — Фаэтон, Марс и Луна. Вместе с Солнцем они постоянно образовывали вершины двух равносторонних треугольников. Иначе говоря, Луна и Марс размещались в двух тригональных точках либрации (по отношению к системе Солнце — Фаэтон). Такое расположение Луны и Марса, как доказывается небесной механикой, было устойчивым. Подобные устойчивые движения есть и в современной Солнечной системе (астероиды Троянцы в системе Солнце — Юпитер и «облака Кордылевского» в системе Земля — Луна).

По каким-то причинам в результате ядерных реакций или взрыва Фаэтона из-за внутреннего вулканизма * планета Фаэтон распалась на рой астероидов. Это нарушило устойчивость всей системы. Марс перешел на современную орбиту с радиусом 1,6 астрономической единицы. Он нагрелся Солнцем, легкие газы (водород, кислород и др.) покинули его атмосферу, где остался лишь тяжелый углекислый газ — продукт вулканизма. Разреженная атмосфера не смогла удержать жидкую воду, она испарилась, а на марсианской поверхности остались следы водной эрозии.

Судьба Луны была несколько иной. Обладающая меньшей массой, чем Марс, а значит, и подверженная бóльшим воздействиям со стороны других планет, Луна была захвачена Землей и водворена постепенно на современную орбиту. Это вызвало, возможно, приливы огромной силы в гидросфере и твердом теле Земли, что послужило причиной разнообразных катаклизмов (грандиозных

* Подробнее см. *Ф. Ю. Зигель*. «Малые планеты». М., 1969.

наводнений, опусканий в океан больших территорий суши и т. п.). Не исключено, что все это происходило около 13 000 лет назад — дата, которой отмечена возможная гибель Атлантиды и многие другие катастрофические события на нашей планете. Может быть, не лишены оснований дошедшие до нас древние легенды о том, что в «допотопные» времена Луны на земном небе не было. С другой стороны, на Луне мы видим «бороздки», напоминающие русла бывших рек. Нет ничего невозможного в том, что, будучи тригональной планетой, Луна имела атмосферу, потерянную ею с приближением к Солнцу,— ведь четыре галилеевских спутника Юпитера, по размерам сравнимые с Луной, имеют атмосферу.

Все сказанное может быть, конечно, обосновано и более подробно. Нам представляется, что гипотеза о тригональных планетах, объясняющая ряд непонятных фактов, заслуживает внимания и обсуждения.

Феликс Зигель

---

*

Во время строительных работ на территории Лейпцигской ярмарки было найдено редчайшее произведение искусства древних египтян — священный жук-скарабей, сделанный из драгоценного камня. Незадолго до этого близ Веймара нашли голову бога Озириса. Этот амулет также изготовлен в Древнем Египте. В музее египетского искусства при Лейпцигском университете насчитывается уже шесть подобных находок. Одна из них по художественной и исторической ценности может соперничать с экспонатами Каирского музея. Речь идет о бронзовой статуэтке Изиды — богини плодородия и материнства. В ряде музеев ГДР имеются изображения других египетских богов и божков из бронзы и глины, покрытой синей и золотистой глазурью. Все они в разное время найдены на территории Германии. Первая из подобных находок сделана еще в 1598 г. близ Кёльна. Позже египетские амулеты находили на территории Голландии, Швейцарии, Австрии и Чехословакии. Всего известно около 200 таких находок. Как и когда попали они в Центральную Европу? Ученые ГДР считают, что все эти замечательные произведения древнего искусства когда-то принадлежали египетским солдатам, которых примерно 2000 лет назад римские завоеватели заставляли служить в своих северных гарнизонах.

*

Не так давно со дна моря между Ямайкой и Гаити водолазы подняли 21 испанскую пушку. Одна из них, по определению специалистов, уникальна. Только 0,12% ее массы стоят свыше 20 тысяч долларов. Почему? Дело в том, что таково процентное содержание платины — одной из добавок к меди, из которой отлито это корабельное орудие, общим весом в 3000 *кг*. Более трех килограммов благородного металла в одной пушке!

Подобный факт поразил ученых. Анализ показал, что пушка изготовлена в 1631 году в одном из городов Мексики. Платина была естественной примесью к медной руде. Известно, однако, что ныне ни в одном из рудников Центральной и Южной Америки нет руд со столь высоким содержанием платины. Где же находилось богатое рудное месторождение, которым пользовались древние мастера? Кроме того, в XVII веке еще не умели выделять платину из руд для добавления к бронзе.

Еще более загадочно, что на пушке — стилизованное изображение ацтекского бога Солнца. Несомненно, оно сделано руками индейцев. Мастерство гравировки — бесподобное. Антиквары оценили это изображение на значительно большую сумму, чем стоимость всех металлов, из которых изготовлено орудие. Все эти загадки ждут своего решения.

КРАТКИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ВЕСТИ

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

В 1973 г. жесточайшая засуха охватила центральные районы Африки от Мавритании на ее западном побережье до Судана на восточном, а также ряд районов Индии. Обильные муссонные дожди, обычно выпадающие здесь между октябрем и маем, на этот раз полностью отсутствовали.

Анализируя многолетние данные об осадках в этом регионе, английский метеоролог Дерек Уинстенли сделал вывод об общих тенденциях здешнего климата. Он указал, что за последние годы пояс муссонов сдвинулся к югу, ближе к экватору. Это, очевидно, и вызвало засуху. Во многих странах Европы, по его сведениям, количество годовых осадков в последние годы также снижается.

С другой стороны, данные 10 метеостанций, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, показывают, что в субтропической зоне, лежащей южнее, в том числе в Северной Африке и на Ближнем Востоке, количество осадков возрастает.

Почти повсеместно от Мавритании до Индии количество осадков в 1970 г. едва достигло 50% по отношению к 1957 г. Муссонные дожди не выпадали в этом районе около четырех лет подряд. Есть сведения, что южная граница Сахары продвигается к югу со скоростью, которая в отдельных местах достигает 50 *км* в год.

По мнению директора Климатологического исследовательского центра при Университете Восточной Англии Х. Х. Лэма, эти засухи — часть крупнейших изменений в климате планеты за последние 300 лет.

Возможно, по мнению Лэма, что общее количество осадков на Земле остается неизменным, но растет их удельный вес, приходящийся на южное полушарие, где поверхность суши сравнительно мала и население немногочисленно.

ПРЕДВЕСТНИКИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Исследования, выполненные рядом советских, американских и японских сейсмологических учреждений, позволили подтвердить тот факт, что уменьшение скорости, с которой распространяются в земной коре продольные сейсмические волны, может во многих случаях служить предупреждением о приближающейся катастрофе.

Проверяя эту гипотезу, научные сотрудники университета штата Колорадо проанализировали сейсмограммы, на которых зарегистрированы все подземные толчки, имевшие место в Японии за истекшее десятилетие. При этом оказалось, что, если бы ученые восемь лет назад обладали сегодняшними знаниями, землетрясение с магнитудой 6 возле японского города Мацусиро (о. Хонсю) в 1965 г. могло быть заблаговременно предсказано.

На ленте сейсмографов содержится запись, показывающая, что еще года за три до этого землетрясения скорость прохождения продольных волн в земной коре вблизи Мацусиро начала снижаться и вскоре умень-

шилась на 20% от первоначальной. Все это, согласно ныне разработанной сейсмологами теории, могло бы служить достаточно надежным предвестником подземной бури и даже указать на ее вероятный эпицентр и магнитуду. Теперь в СССР, США и Японии ведутся поиски и других обнадеживающих предвестников землетрясений.

ПРОГНОЗ ЦУНАМИ

Выступая на годичной конференции Американского геофизического союза в Вашингтоне в апреле 1973 г., сотрудники Гавайского университета Казутоси Надзита и Пол Юэн сообщили о работах, открывающих, по их мнению, путь к прогнозированию цунами.

Они обнаружили, что подводные толчки, генерирующие цунами, вызывают также в теле Земли вертикально поляризованные волны, именуемые волнами Релея. Такая вибрация передается от поверхности Земли ее атмосфере вплоть до верхнего, несущего электрический заряд слоя — ионосферы. Условия прохождения радиоволн, как известно, находятся в прямой зависимости от состояния ионосферы. Все это в принципе, как считают К. Надзита и П. Юэн, должно позволить прогнозировать цунами способами, близкими к тем, что применяются для изучения ионосферы и распространения радиоволн.

ПОПУГАЙ-МОНАХ РАСПРОСТРАНИЛСЯ В США

Во многих районах Южной Америки встречается попугай-монах *Mycopsitta monachus*, который считается сельскохозяйственным вредителем: он наносит большой ущерб посевам подсолнечника, кукурузы, сорго, проса и другим зерновым, а также цитрусовым растениям. С 1947 г. в Аргентине, особенно страдающей от этого вредителя, ведется с ним широкая борьба, но ни один из примененных методов пока себя не оправдал.

Попугай-монах обладает яркой расцветкой, и за последние 4—5 лет в США стало модным содержать его в домашних условиях, в клетках. В страну ввезено около 50 тыс. этих птиц. Некоторые из них случайно разлетелись, другие были выпущены на волю хозяевами.

В результате в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут образовались небольшие популяции попугая-монаха. Так, в районе города Нью-Йорк на свободе живет примерно 200—300 птиц. Их видели также в штатах Алабама, Аризона, Арканзас, Флорида, Кентукки, Северная Каролина и даже на севере страны — в штатах Мэн, Мичиган, Миннесота, Вермонт, Пенсильвания и других. По мнению орнитолога Р. Робинса, попугаи распространились не в результате «взрыва численности», а из-за массового выпуска их на волю.

Несмотря на то что эта порода принадлежит к числу тропических птиц, попугаи хорошо приспособились к холодной зиме штата Нью-Йорк и более северных районов, где температура может падать до минус 15°. Попугаи строят себе крупное «общественное» гнездо и зимуют в нем целой стаей.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОЗЕРА

За последние годы озеро Онондога в штате Нью-Йорк подверглось интенсивному загрязнению в результате сброса отходов промышленности и сточных вод из близлежащих густонаселенных районов. В озере бурно развивались сине-зеленые водоросли, поглощающие кислород, необходимый другим обитателям водоема, резко сократилась численность рыбы.

В 1972 г. решением местных властей был запрещен сброс в этот бассейн фосфатов, содержащихся в детергентах (моющих и очищающих средствах). Согласно исследованиям химика Корнелиуса Б. Мэрфи, за полтора года с момента вступления в силу запрета озеро Онондога в значительной мере «вернулось к жизни». Содержание фосфатов в его водах упало на 57,4%. Сине-зеленые водоросли, находившие в фосфатах основной источник питания, почти полностью исчезли. Восстановилась численность многих видов полезных обитателей бассейна.

К. Б. Мэрфи делает вывод, что подобные простые законодательные меры могут оказаться весьма эффективными в борьбе за сохранение экологических ценностей.

ИГУАНА РАССКАЗЫВАЕТ...

Игуана — одна из самых крупных ящериц: ее сплюснутое с боков тело иной раз достигает двух метров в длину. Внешность этих пресмыкающихся вопреки их безобидности довольно страшная: на голове гребень, а на шее — раздувающийся в минуту гнева мешок; недаром среди игуан есть вид, названный василиском, по имени сказочного дракона.

Встречается игуана в тропических областях Южной Америки, на Антильских и Галапагосских островах (здесь их наблюдал и подробно описал Чарлз Дарвин, посетивший эти места во время кругосветного плавания на паруснике «Бигль»). Как ни странно, игуана водится и на противоположной точке земного шара — на Мадагаскаре, а также на островах Фиджи. Это-то и вызывало среди ученых немало споров.

Недавно завершила свою работу в глубине бразильских дебрей палеонтологическая экспедиция, организованная известным специалистом по ископаемым пресмыкающимся Ричардом Эстесом из Бостонского университета и научным сотрудником министерства минеральных ресурсов Бразилии Левеллином И. Прайсом. Здесь, вблизи городка Пирополиса им посчастливилось найти скелет игуаны. Когда слой земли, в котором была сделана находка, осмотрели геологи, они твердо заявили: это животное существовало в меловой период, то есть по крайней мере 65 млн. лет назад.

Таких древнейших — восходящих к мезозою — и примитивно организованных игуан еще не находили. Ни их род, ни вид до сих пор науке не был известен, так что пришлось «конструировать» совсем новое название: пристигуана бразилиенсис.

Интерес к пристигуане проявляют не только палеонтологи; для них «новое», хотя и давно вымершее зверье — не такая редкость. Куда большее оживление древняя ящерица вызвала среди геологов, геофизиков, геотектонистов — тех, кто изучает историю и причины больших движений земной коры. Дело в том, что находка опровергает до сих пор распространенное среди специалистов мнение, будто игуана впервые появилась где-то на севере, а затем постепенно двигалась к югу. Находка остатков примитивной ящерицы в Бразилии говорит, что эти животные, распространялись с юга на север.

А значит, они «вторглись» из Южной Америки в Южную Африку. Сейчас собственно в Африке игуан нет, но зато они встречаются на Мадагаскаре. Тем самым еще раз подтверждена гипотеза, согласно которой 65 млн. лет назад Южная Америка и Африка с Мадагаскаром составляли единый массив суши — гигантский праконтинент Гондвану.

ДРЕВНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В НОВОМ СВЕТЕ

До начала 70-х годов общепринятым было мнение, что человек на Американском континенте появился около 10 тыс. лет назад. Только в последние годы в результате работ ученицы известного антрополога Луиса Лики — Рут Ди Симпсон эта дата начала отодвигаться в глубь времен. Однако свидетельства, представляемые Л. Лики и Р. Ди Симпсон, многим специалистам казались недостаточно убедительными.

Летом 1970 г. один археолог-любитель случайно обнаружил в районе Коблскилл (штат Нью-Йорк) обломки камня, которые, как он полагал, носили следы обработки. Здесь провели раскопки, организованные археологом Б. Э. Рэмшем. Ученый с полной уверенностью определил, что находки — искусственно созданные орудия труда, принадлежавшие человеку каменного века.

Здесь обнаружено несколько сот каменных наконечников для метательных снарядов, много топоров, ножей, скребков и других орудий и приспособлений, изготовленных из окремненного известняка, кварцита и формованной глины. Возраст этих предметов составляет не менее 70 тыс. лет.

Информация подобрана
Борисом Силкиным

КОРОТКО О РАЗНОМ

Близ города Варна в Болгарии началось строительство комбината по переработке черноморских водорослей.

Первая очередь его начнет выпускать йод, бром, различное сырье для химических производств, кормовые белки для животноводства, желатин.

После завершения всего комплекса будет освоено производство высококачественных белковых диетических продуктов, превосходящих по калорийности мясные. Будут также вырабатываться аминокислоты, витамины, ферменты, новые виды лекарств, по действию подобные антибиотикам.

Болгарские ученые установили, что в черноморских водорослях больше лекарственных веществ, чем в некоторых видах полевых трав. Строящийся комбинат будет крупнейшим в Европе.

*

Проект специализированного спутника предложен профессором Сиракузского университета Генри Томсоном (США). Оснащенный комплексом фотокамер, ядерных, инфракрасных и других анализаторов, такой спутник способен будет с высоты 500 *км* искать древние города, русла оросительных каналов, укрепления и даже отдельные дворцы. По мнению создателя проекта, подобный спутник может произвести революцию в открытиях памятников древности. Профессор Томсон после консультаций с историками составил список районов, где следует в первую очередь использовать археологический спутник. Это касается поисков следов древних культур этрусков, друидов, пеласгов, шумеров, инков.

Однако плодотворная идея повисла в воздухе — автору не оказали поддержки на родине. Очевидно, такой проект возможно осуществить только на международной основе.

*

В Польше большое значение придается охране парков и лесопарков. Оригинальный метод, разработанный в Варшавском институте проблем охраны природы, внедряется ныне во многих лесничествах. Сперва дупло очищается от слоя гнилой древесины. Затем оно обрабатывается противогрибковыми препаратами и покрывается защитным лаком. После этой операции, напоминающей лечение зуба, ставится пломба. Ее делают из пенополиуретана. Поверхность пломбы покрывают специальным лечебным составом: излеченное место быстро затягивается новой корой.

*

Виновниками человеческих жертв в Атлантике, у берегов Мексики, Гондураса, Венесуэлы и Бразилии, долгое время считали акул. Чаще всего погибали купающиеся, отплывшие далеко от берега. Но участились случаи, когда в море бесследно исчезали рыбаки, спускавшиеся за борт, чтобы починить или поправить сети. При этом акул близко не было. Главную причину столь печальных происшествий удалось выяснить научному центру по исследованиям тропиков в городе Бальбоа (Панама).

Тщательные исследования привели ученых к неожиданному открытию: из Тихого океана в Атлантику по шлюзам Панамского канала проникают морские змеи, укус которых чрезвычайно опасен. Яд быстро парализует мышцы человека. Миграция этих змей началась лет 30 назад. В новых условиях они быстро размножились и заняли обширный ареал. Препятствием их распространению мог бы явиться электробарьер в шлюзах, проект которого предложен панамскими биологами. Однако его осуществление затянулось из-за того, что канал принадлежит одному из ведомств США, которое не очень спешит отреагировать на рекомендации ученых.

*

Интересный проект разработан швейцарскими инженерами, которые полагают, что гренландские ледники могут стать гигантскими источниками дешевой электроэнергии для стран Центральной и Северной Европы.

В зоне ледников предполагается создать большие водоемы с естественными берегами из льда и скал. Наполнение их в зимнее время можно обеспечить за счет тепловых отходов атомной электростанции, а в летнее — путем искусственного таяния верхушек ледников, для чего поверхность льда необходимо покрыть с самолетов слоем угольной пыли или черной краски. Такие водохранилища будут находиться на высоте 2 *км* над уровнем моря, поэтому здесь рационально создать каскад ГЭС, которые в комплексе смогут вырабатывать большое количество энергии.

*

... Статистики, занимающиеся проблемами гражданской авиации, утверждают, что реактивные лайнеры, как это ни парадоксально, перевозят в наше время больше животных, чем людей. В подтверждение приводятся такие факты. Из Африки и Индии по воздуху доставляются в Европу и Америку ежегодно по 60—70 тысяч обезьян. Зоопарки получают теперь с аэродромов не только попугайчиков и мелких змей, но и удавов, слонов, тигров, носорогов, кенгуру. Авиакомпании Голландии и ГДР отправляют каждую весну на экспорт в десятки стран мира по нескольку миллионов канареек. Не отстают от них и японцы, экспортирующие экзотических птиц. Бельгийское общество охраны животных нанимает каждую осень самолеты, чтобы перевезти на юг почитаемых в этой стране аистов, запоздавших с самостоятельным перелетом по разным причинам. Однажды таким образом было перевезено в Африку 2000 птиц. Напомним еще, что всякие цыплята и утята, а также цесарки и индейки, только что вылупившиеся в инкубаторах, перелетают из страны в страну десятками миллионов в сезон. В Италии на самолетах перевозят стада телят, а в Австралии — овец.

Если же сюда приплюсовать мальков рыб, маленьких крабов и креветок, которых перевозят из одного моря в другое, то придется называть уже миллиарды подобных «пассажиров». Вот и получается в абсолютных цифрах, что люди пользуются авиалиниями значительно меньше, чем животные.

*

Французские геологи, работавшие несколько лет в Центральной Африке, предполагают, что примерно 3500 лет тому назад озеро Чад было огромным внутренним морем, площадь которого могла достигать 280 тысяч квадратных километров. Это подтверждают находки ископаемой фауны. В слоях окаменевших глинистых осадков геологи нашли большое число скелетов рыб, панцирей черепах, зубов бегемотов, челюстей крокодилов.

*

Климат Узбекистана весьма благоприятен для произрастания плодовых деревьев: много тепла, продолжительный вегетационный период. Нельзя ли получать два урожая фруктов в год? На этот вопрос практическими делами ответили мичуринцы — ими создан сорт яблони «Дважды плодоносящая». Первый урожай собирают в июне, второй —

в октябре. Правда, выведение нового сорта далось нелегко: работа над ним длилась свыше 30 лет.

*

Самые большие волны в юго-восточной части Тихого океана были зафиксированы весной 1972 года. Их высота достигала 25,4 метра. Они следовали друг за другом через каждые 20 секунд со средней скоростью 138 *км/час*.

*

Одна из достопримечательностей Новой Зеландии — огромные леса на месте бывших безлесных равнин. Сейчас ими занята пятая часть территории Северного острова. Ежегодно высаживают более 15 миллионов деревьев. Семена рассеивают главным образом с самолетов.

Леса в Новой Зеландии растут в три раза быстрее, чем, например, в Швеции. Этому способствует не только благоприятный климат, но и азотные удобрения с примесью микроэлемента молибдена, которые распыляют с воздуха над молодыми лесами.

*

Английский ученый Роберт Глэнн для стран Западной Африки изобрел и испытал радарную установку, которая предупреждает о приближении саранчи. Антенна установки, представляющая собой параболическое зеркало, монтируется на крыше передвижного вагончика. Взлет отдельных групп насекомых фиксируется на расстоянии трех километров от радара. Большая стая может быть обнаружена и за 90 километров. На пульт поступает сигнал не только о размерах стаи, но и о направлении ее полета. По мнению ученого, сеть подобных установок способна при любой погоде предупреждать о появлении опасных насекомых.

*

По склонам знаменитой горы Килиманджаро в Кении проложены трубы. По ним стекают в долины талые воды, которые разбираются на орошение плантаций. Это первый случай использования в Африке снеговой шапки вулкана для нужд сельского хозяйства.

*

Сколько островов в Ленинграде? На этот вопрос часто отвечают — около ста. Эта цифра вошла в энциклопедии, выпущенные в прошлом веке. Однако невская дельта меняется как под действием природных факторов, так и в результате вмешательства человека. Многие острова исчезают, а некоторые превращаются в полуострова, когда их перемычками соединяют друг с другом или с берегом. Можно считать, что сейчас в дельте Невы всего 50 островов.

Факты подобраны
Г. Малиничевым

ОБ АВТОРАХ

Солоненко Виктор Прокопьевич. Родился в 1916 году в гор. Иркутске. Окончил географический факультет Иркутского университета. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. Работает заведующим лабораторией сейсмогеологии Института земной коры Сибирского отделения АН СССР. Автор 12 монографий, свыше 100 других научных работ и многих научно-популярных статей в газетах, журналах и сборниках («Природа», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь» и других). В нашем ежегоднике публикуется впервые. Сейчас работает над книгой по инженерной сейсмогеологии трассы Байкало-Амурской магистрали.

Голованов Леонид Витальевич. Родился в 1932 году в Москве. Окончил Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат философских наук, член Союза журналистов СССР, член Московского общества испытателей природы. Работает старшим преподавателем кафедры философии МВТУ имени Баумана. Автор трех монографий и многих научных и научно-популярных статей. В нашем ежегоднике выступает впервые. Сейчас работает над научно-популярной книгой «Созвучье полное в природе», посвященной связям Земли с космосом.

Жорж Блон, французский писатель, родился в 1906 году в Марселе. Образование получил в Версальском лицее и Мореходном училище в Гавре. До второй мировой войны работал в редакции еженедельника «Кандид», в военное время — лейтенант французского флота. После войны Жорж Блон занимается литературным творчеством. Он автор многих романов, документальных повестей из истории последней войны и научно-художественных произведений. Особенно большую популярность принесли автору книги о жизни животных — китах, тюленях, слонах, бизонах. В своих произведениях писатель как бы прослеживает «судьбу» этих животных на нашей планете. Жорж Блон уже дважды публиковался на страницах нашего ежегодника — в выпусках 1965 и 1973 годов. Публикуемая здесь глава взята из книги «Повествование о нашем хлебе насущном», написанной Жоржем Блоном в соавторстве с женой Жерменой Блон.

Кольченко Игорь Алексеевич. Родился в 1935 году в Москве. Окончил физико-математический факультет Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Кандидат философских наук. Работает старшим научным сотрудником Московской экономической научно-исследовательской лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института охраны вод. Автор 27 научных работ и ряда статей в периодической печати. В нашем ежегоднике выступает второй раз. Сейчас работает над темами по истории науки и взаимодействия общества и окружающей среды.

Малиничев Герман Дмитриевич. Родился в 1926 году в Москве. Окончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического инсти-

тута. Член Союза журналистов СССР. Работает в редакции журнала «Техника и наука». Автор множества статей и очерков, опубликованных в различных газетах и научно-популярных журналах. Ряд его материалов переведен на иностранные языки. В нашем ежегоднике публиковался неоднократно. Сейчас работает над сборником научно-популярных статей, посвященных новейшим открытиям в археологии.

Куза Андрей Васильевич. Родился в Москве в 1939 году. Окончил исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук. Работает научным сотрудником в Институте археологии АН СССР. Автор свыше 25 научных статей по вопросам древнерусской истории и археологии и ряда научно-популярных статей в журналах («Наука и жизнь», «Наука и религия», «Агитатор», «Турист») и газетах («Труд» и «Комсомольская правда»). Участвовал во многих археологических экспедициях в Советском Союзе и за рубежом (Ирак, Болгария). В нашем ежегоднике выступает впервые. В настоящее время работает над книгой, посвященной древнерусским городам.

Геевская Евгения Александровна. Родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Член Союза журналистов СССР. Работает в области научной журналистики и научно-художественного перевода. Старший редактор журнала «Природа». Автор многих статей в периодической печати. В нашем ежегоднике публиковалась неоднократно. Е. А. Геевской переведены на русский язык все вышедшие в издательстве «Мысль» книги известного западногерманского натуралиста Бернгарда Гржимека: «Они принадлежат всем», «Серенгети не должен умереть», «Австралийские этюды», «Среди животных Африки».

Зенон Косидовский. Родился в 1898 году. Известный польский писатель, эссеист и популяризатор новейших достижений археологической науки, автор переведенных на русский язык книг «Библейские сказания» (1966 и 1968) и «Когда Солнце было богом» (1968 и 1970). Эссе «Подводная археология» взято из книги Косидовского «Кони Лисиппа», впервые опубликованной в Польше в 1965 году и многократно переиздававшейся в последующие годы. Большое достоинство научной эссеистики Косидовского заключается в том, что автор в своих книгах опирается на труды наиболее авторитетных специалистов — историков, археологов, палеонтологов, использует последние достижения этих наук. В нашем ежегоднике автор публикуется впервые.

Талызин Федор Федорович. Родился в 1903 году в городе Нерчинске. Окончил медицинский факультет Иркутского государственного университета. Специалист по ядовитым животным и паразитолог. Доктор медицинских наук, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. До недавнего времени работал заведующим кафедрой биологии с общей генетикой 1-го Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени медицинского института имени И. М. Сеченова. Автор свыше ста научных работ, монографий и учебников. Им опубликовано более 20 научно-популярных и научно-художественных книг о своих исследованиях и путешествиях по многим странам мира. В нашем ежегоднике выступает четвертый раз.

Зигель Феликс Юрьевич. Родился в 1920 году в Москве. Окончил механико-математический факультет МГУ. Доцент, кандидат педагогических наук. Работает преподавателем в Московском авиационном институте. Член литфонда Союза писателей СССР и член Союза журналистов СССР. Автор многих

научных трудов, 28 научно-художественных и научно-популярных книг, 14 брошюр и свыше 180 статей по астрофизике, астрономии и космонавтике. В нашем ежегоднике публиковался дважды (выпуски 1961 и 1966 годов). В настоящее время работает над книгой «Вам, земляне» о сокровищах земных недр.

Силкин Борис Исаакович. Родился в 1926 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза журналистов СССР, научный сотрудник Геофизического комитета Академии наук СССР. Автор многих научно-популярных статей в периодической печати и ряда научно-популярных книг по геофизической тематике: «Континент загадок», «Внимание, Солнце спокойно!», «Цунами не будет неожиданным», «Год, посвященный планете». В нашем ежегоднике выступает второй раз. Сейчас работает над научно-популярной книгой о верхней мантии Земли.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

Н 12 **На суше и на море.** Повести. Рассказы. Очерки. Статьи. Ред. коллегия: В. И. Бардин и др. М., «Мысль», 1975.

444 с. с ил. и карт.; 24 л. ил.

Пятнадцатый выпуск художественно-географической книги «На суше и на море» открывается очерком Ю. Скворцова «Будни Саянской стройки».

В сборник включены приключенческие повести, рассказы и очерки о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых, фантастические рассказы. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи и краткие сообщения по различным отраслям науки о Земле. В книге помещены цветные фоточерки о Югославии и Сванети.

Н $\frac{20901\text{-}038}{004(01)\text{-}75}$ 179-75

Р 2+И

На суше и на море

Художественно-географическая книга

Редактор Н. Н. Пронин
Редактор карт Г. Н. Мальчевский
Младший редактор Ю. С. Макаревич
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор В. Н. Корнилова
Корректор Т. С. Пастухова

Сдано в набор 10 сентября 1974 г.
Подписано в печать 10 марта 1975 г.
Формат 60×90[1]/[16]. Бумага типографская,
№ 1. Условных печатных листов 31 с вкл.
Учетно-издательских листов 34,52 с вкл.
Тираж 100000 экз. А01645.
Заказ № 1714. Цена 1 р. 75 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вышел из печати пятнадцатый выпуск художественно-географического сборника «На суше и на море». Редколлегия ежегодника хотела бы узнать Ваше мнение о книге, Ваши пожелания и замечания, которые помогли бы нам улучшить содержание и оформление ежегодника.

Просим Вас ответить на несколько вопросов:

1. Какие выпуски сборника «На суше и на море» (1960—1975 годы) Вам знакомы и какие из них Вы считаете лучшими?

2. Какие повести, рассказы, очерки, статьи Вас особенно заинтересовали?

3. О чем бы Вы хотели узнать в разделе «Факты. Догадки. Случаи...»?

4. Какие новые темы и материалы Вы хотели бы найти в ежегоднике?

5. Нравятся ли Вам оформление сборника, карты, рисунки и фотографии?

6. Можно ли купить наш сборник в магазине, или Вам приходится пользоваться услугами библиотеки?

7. Укажите Ваш возраст и род занятий.

Ваши ответы присылайте по адресу:

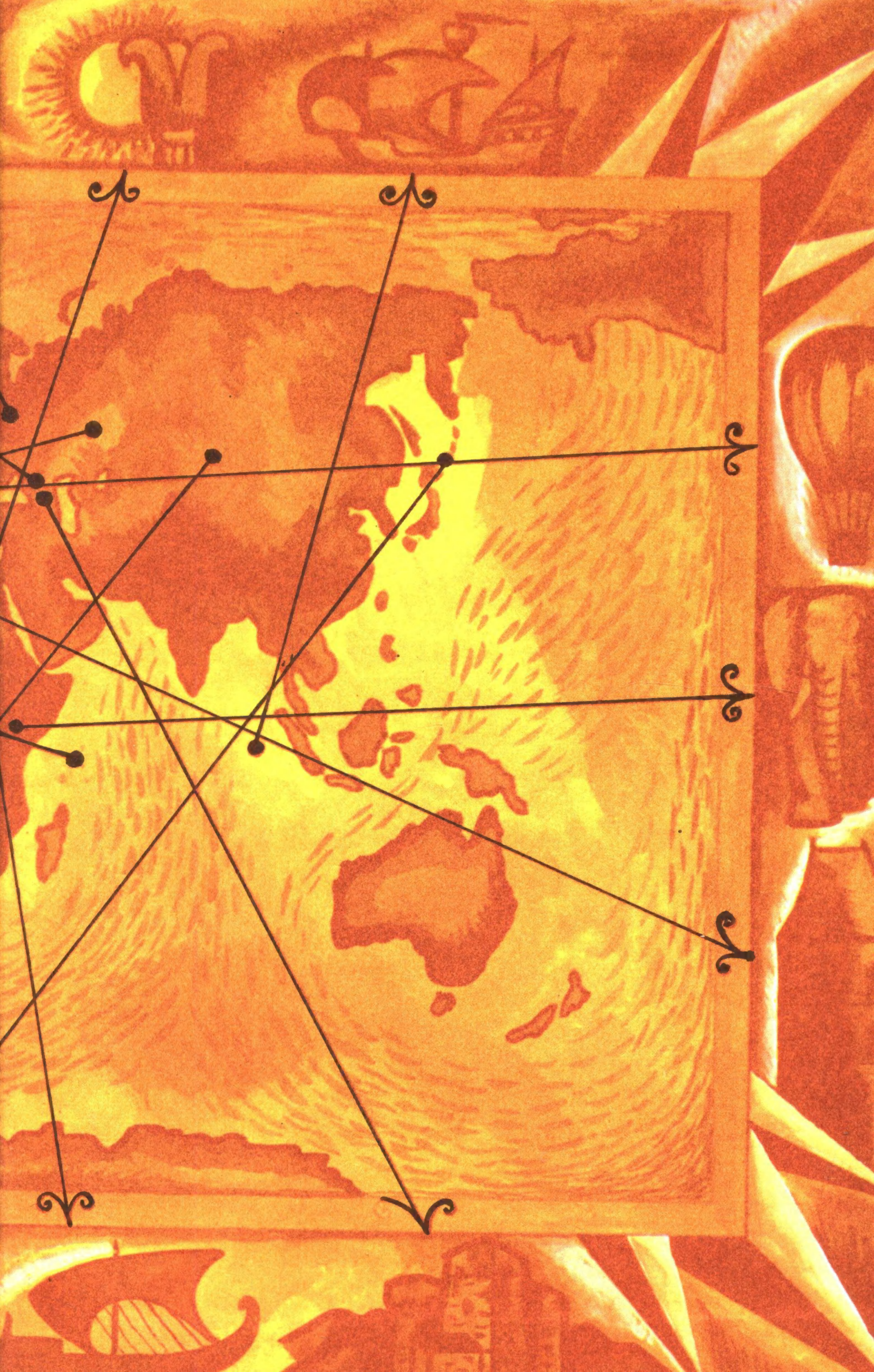
117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Главная редакция географической литературы издательства «Мысль», «На суше и на море».

унки

Вам

ва

1 р. 75 к.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ *ФАНТАСТИКА

НА
СУШЕ
И
НА
МОРЕ
1975